This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Slav 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.) № д. 11.

8546 ч 11
PSlav

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ XIII. МАЙ. 1894 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
I.	Желѣзомъ и кровью. (Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа при Ермоловѣ). **Д. Л. Мордовцева**	7
II.	Сонеты. Стихотворенія **М. М. Гербановскаго**	57
III.	Апостолъ всепрощенія. (Идеи публицистическихъ и беллетристическихъ работъ *Ѳ. М. Достоевскаго*). **К. Медвѣдскаго.**	58
IV.	Свѣтъ клиномъ сошелся. Повѣсть **В. А. Рышкова**	85
V.	«Когда, житейскими невзгодами волнуемъ»... Стихотвореніе **А. В. Круглова**	133
VI.	Министерство земледѣлія. **В. Г. Швецова**	134
VII.	Рабъ свѣта. Политическій романъ изъ англо-французской жизни, **Генри Сетона Мерримена.**	154
VIII.	Наша драматическая сцена подъ новымъ управленіемъ. **В. Свѣтлова.**	183
IX.	Вѣнокъ. Стихотвореніе **А. Мейснера.**	194
X.	Путь къ Берлинскому трактату. **Б. К. П.** *(Окончаніе)*	195
XI.	Наша журналистика. **К—скаго**	229
XII.	Море. Стихотвореніе **А. Когена**	242
XIII.	Парижскія письма. **Т—ра.**	243
XIV.	Юліанъ Отступникъ. Историческій романъ **Феликса Дана**	252
XV.	Два стихотворенія. (Изъ Шопенгауэра). **И. Лялечкина.**	318
XVI.	Реформа предварительнаго слѣдствія. **В. В. Птицына**	320

(См. на оборотѣ).

№ 5 «Наблюдателя» вышелъ 1-го мая 1894 года.

Контора редакціи проситъ гг. подписчиковъ, пользующихся разсрочк платы, поспѣшить присылкою втораго взноса, во избѣжаніе задерж въ полученіи журнала.

Digitized by Google

СТРАН.

— XVII. Очерки иностранной литературы **В. Р. Зотова** 1
Значеніе романа въ современномъ обществѣ.—Новое моральное направленіе беллетристики во Франціи.—Борьба философіи со стремленіями вѣка.—Поль Маргеритъ.—Швейцарскій моралистъ и офранцуженный полякъ.—Вліяніе «Крейцеровой сонаты» на модные сюжеты.—Моріо и Марсель.—Дамскій романъ.—Какъ прививается къ французамъ ученіе Шопенгауера и Спенсера?—Французскіе моралисты: Секретанъ, Гюйо, Фулье.—Историческіе романы.—Новые и старые академики.—Значеніе Брюнетьера.—Шальмель-Лакуръ, Тюро д'Анженъ и ихъ предмѣстники.—Леметръ и Фагэ—представители критики.—Выдающіеся покойники.

— XVIII. Политическая хроника. 10
Смерть Кошута.—Его значеніе въ политической исторіи.—Подвиги анархистовъ.—Когда же наконецъ европейскія правительства примутъ мѣры противъ динамитчиковъ?—Взрывъ въ ресторанѣ Файо.—Толки о разоруженіи.—Бесѣды репортеровъ съ королями.—Англійскій бюджетъ на 1894-ый годъ.—Побѣда министерства Розбери надъ консерваторами и радикалами.—Конецъ революціи въ Бразиліи.—Помолвка Наслѣдника Цесаревича.

— XIX. Новыя книги. 1) **Осенніе листы.** Новые разсказы *І. Ясинскаго.* 1893 г. 2) **Сочиненія Шелли.** Переводъ съ англійскаго *К. Д. Бальмонта.* Выпускъ 2-ой. 1893 г. 3) **Исторія эллинизма.** *І. Дройзена.* Переводъ Ѳ. Циммермана. Томъ третій. Исторія эпигоновъ. Изданіе К. Солдатенкова. Москва, 1893 г. 4) *Всеволодъ Чешихинъ.* **Стихи** (1887—1893). Рига. 1894 г. 5) **Наука гражданскаго права въ Россіи,** проф. казанскаго университета *Г. Ф. Шершеневича.* Казань. 1893 г. 6) **Цѣлебныя свойства органовъ животныхъ.** Д-ра мед. *Д. М. Успенскаго.* С.-Петербургъ, 1894 г. 19

— XX. Наши внутреннія дѣла 30
Назначеніе А. С. Ермолова первымъ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ.—Недостаточность правительственно-бюрократическихъ силъ и средствъ для правильнаго завѣдыванія сельскимъ хозяйствомъ и необходимость содѣйствія общества.—Разнообразіе естественныхъ условій Россіи и неоднородность самихъ хозяйствъ, не дозволяющія принятія однообразныхъ мѣръ.—Необходимость взаимодѣйствія министерства земледѣлія и хозяевъ.—Попытки орловскаго земства создать мѣстный органъ, призванный заботиться о положеніи земледѣлія въ губерніи.—Можетъ ли сельско-хозяйственный комитетъ орловскаго земства послужить образцомъ для организаціи провинціальныхъ учрежденій нашего министерства земледѣлія?—Трудность и сложность задачи, предстоящей молодому министерству.—Народное образованіе, какъ одно изъ главныхъ средствъ къ поднятію нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа.—Скромность кредитовъ на дѣло просвѣщенія сельской массы.—Грубость и невѣжество народа, какъ непреодолимая преграда для осуществленія различныхъ правительственныхъ мѣропріятій.—Народныя чтенія и читальни, какъ образовательныя средства.—Неопредѣленность вопроса объ открытіи народныхъ чтеній въ уѣздныхъ городахъ.—Отсутствіе народныхъ читаленъ и воззваніе с.-петербургскаго комитета грамотности.—Пересмотръ пассажирскаго тарифа.—Сѣверная желѣзная дорога и ея значеніе.

— XXI. Фонографъ. (Фельетонъ **«Наблюдателя»**). 1) **«И смѣхъ, и горе».** (Литературныя и общественныя замѣтки). Торжественныя похороны «литературной конвенціи» съ Франціею.—Ораторскія и литературныя потуги г. Гальперина-Каминскаго.—Грубое искаженіе фактовъ и полное безграмотство, какъ отличительныя черты литературныхъ упражненій этого комисіонера.—Поздній опросъ нашихъ «свѣдущихъ людей».—Мнѣнія о конвенціи гг. Чехова, Потапенка и гр. Л. Толстаго.—Толки объ улучшеніи условій нашего книжнаго и журнальнаго дѣла.—Юридическія гарантіи для «права литературной собственности».—Необходимость правильнаго кредита.—Стѣснительность почтовой таксы для ежемѣсячныхъ журналовъ и книгъ, и привилегированное положеніе «иллюстрировщиковъ-издателей».—Г. Марксъ, заваливающій почту своими «преміями» и «приложеніями» чуть не на даровщинку. **Ефима Простосердова** 43

2) Стихотворенія: **Случайнаго Поэта, Хмураго Барда, Стараго Капрала, Фланера, Аспида и А. Линева** 57

XXII. Объявленія: 1) Отъ Главной Конторы «Наблюдателя» (въ началѣ книги); 2) о выходѣ «Сочиненій Ф. Д. Нефедова» 1

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

№ 5. МАЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.) № д. 11.
1894.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, Д. № 40.

57-36

Digitized by Google

PSlav 475.65 (1894/5)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1894 ГОДУ (ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же направленіи, **безъ предварительной цензуры.**

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода:	За три мѣсяца:
Безъ доставки	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересылкою иногороднымъ . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
Съ пересылкою за границу . . .	17 »	9 » — »	5 » — »

Подписчики **«Наблюдателя»** (годовые, полугодовые и разсроченные), желающіе получить **второе, дополненное**, изданіе монографій редактора: **«Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія»**, приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причемъ вносится:

	При подпискѣ.	Къ 15 апрѣля.	Къ 15 августа.
Безъ доставки. . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою . . .	5 »	5 »	3 »
Съ пересылкою . .	5 »	5 »	4 »
Съ перес. за границу.	8 »	5 »	4 »

Библіотеки для чтенія *пользуются разсрочкою платы наравнѣ съ прочими подписчиками;* выписывающія же не менѣе 10-ти годовыхъ экземпляровъ и вносящія полностью подписную плату пользуются 50 к. скидки съ каждаго экземпляра.

Гг. служащимъ—разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи, Пушкинская ул. (близъ Невскаго пр.) д. № 11.* Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 1971

Digitized by Google

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ „НАБЛЮДАТЕЛЯ".

Въ Главной Конторѣ, изъ всѣхъ прежнихъ годовъ изданія «Наблюдателя», полные экземпляры журнала имѣются въ небольшомъ количествѣ только за 1893 и 1892 г.г.

Содержаніе журнала за 1893 г.

1) **Совѣсть заарила**, романъ *А. Михайлова*; 2) **Лицемѣры**, романъ *І. І. Ясинскаго*; 3) **Ночь**, романъ *Н. Ѳ. Бажина*; 4) **Волчья яма**, романъ *П. Дѣтнева*; 5) **Надорванныя силы**, романъ *К. В. Назарьевой*; 6) **Къ чему?** романъ *И. Д. Ахшарумова*; 7) **Призраки минувшаго**, романъ *В. Свѣтлова*; 8) **Изъ любопытства**, разсказъ *А. А. Витмицкой*; 9) **Что дѣлается въ деревнѣ?** разсказы *В. А. Рогинова*; 10) **Изъ воспоминаній**, *В. Р. Зотова*; 11) **Очерки иностранной литературы**, *Его же*; 12) **Борьба съ холерою**, *Н. П. Дружинина*, 13) **Эрнестъ Ренанъ** (по поводу его смерти) *В. В. Чуйко*; 14) **Неурожаи прошлаго вѣка** (по архивнымъ матеріаламъ) *П. В. Безобразова*; 15) **Артемій Петровичъ Волынскій**, историческая характеристика, *К. В. Ярошa*; 16) **Къ вопросу о преобразованіи государственнаго банка**, *Л. Н. Нисселовича*; 17) **О задачахъ искусства**, *К. Говорова*; 18) **Послѣдній могиканъ идейной поэзіи** (по поводу «Стихотвореній А. М. Жемчужникова») *Его же*; 19) **А. Н. Энгельгардтъ и его значеніе для русской культуры и науки**, *С. Ѳ. Шарапова*; 20) **Глинка и его Русланъ**, *В. С. Баскина*; 21) **Гуно и Чайковскій**, *Его же*; 22) **Иллинойсъ и Чикаго**, *М. И. Венюкова*; 23) **Ирландія въ 1893 г.** *Его же*; 24) **Народъ по еврейскому законодательству, древнему и новому**, *Н. Тембе*; 25) **Галаха и Агада** (къ еврейскому вопросу) *Его же*; 26) **Уѣздныя письма**, *Ѳ. Э. Ромера*; 27) **Изъ жизни французскаго резервиста**, *Ж. де-Кервильи*; 28) **Парижскія письма**, *Его же*; 29) **Условія правильнаго классическаго воспитанія и его нынѣшняя постановка**, *Одного изъ родителей*; 30) **Панамскій каналъ и его исторія**, *И. П.*; 31) **Философія права, какъ самостоятельный предметъ юридическаго факультета**, *А. Н. Котельникова*; 32) **Тяжелый годъ** (по поводу голодовки) *В. Бирюковича*; 33) **Тамбовскій оригиналъ и полемистъ** (по архивнымъ источникамъ) *И. И. Дубасова*; 34) **Школа жизни**, *М. Слобожанина*; 35) **Наша драматическая сцена подъ новымъ управленіемъ**, *В. Свѣтлова*; 36) **Михайловскій театръ**, *В. И.*; 37) **Бетховенъ, какъ человѣкъ и музыкантъ**, *В. Е. Чешихина*; 38) **Судъ и жизнь**, *А. О. Дукмасова*; 39) **Земельная неурядица въ Уфимской губерніи**, *А. Якимова*; 40) **По дорогѣ въ Корсику и на островъ**, *М. В.*; 41) **Наташа** (былъ изъ станичной жизни) *Н. Затонскаго*;

Digitized by Google

42) **Наша журналистика**, *К-скаго;* 43) **Изнанка сцены** (театральный очеркъ) *В. Свѣтлова;* 44) **Студенческіе годы**, *Бывшаго студента;* 45) **Общественные идеалы Фридриха Нитцше**, *В. В. Чуйко;* 46) **Нужды нашего сельскаго хозяйства**, *В. Бирюковича;* 47) **Изъ жизни въ деревнѣ**, *И. Васина;* 48) **По цѣлебному предгорью Кавказа**, *М. Слобожанина;* 49) **Гимнъ торжествующей толпы** (произведенія гр. Л. Н. Толстаго) *К. П. Медвѣдскаго;* 50) **Докторъ Паскаль**, романъ *Эмиля Золя;* 51) **Партизаны**, романъ *Ганса Гофмана;* 52) **Американскій претендентъ**, романъ *Марка Твена* (съ англ.); 53) **Призракъ**, повѣсть *Перѣса Галъддса* (съ испанскаго); 54) **Бѣлое братство**, романъ *А. Конанъ-Дойля* (съ англ.); 55) **Новая система**, комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, *Бьёрнстерна-Бьёрнсона* (съ норвежск.); 56) **Разсказы Матильды Серао** (съ итальянск.) переводъ *П. Лѣтнева;* 57) **Мой пріятель Мюссаръ**, разсказъ *Л. Галеви* и пр., и пр.

Фельетоны *Ефима Простосердова*: «**И смѣхъ, и горе**» помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра **10** р. съ перес.; за полгода—**5** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

Содержаніе журнала за 1892 г.

1) **Изъ трясины на дорогу**, романъ *А. Михайлова (А. К. Шеллера);* 2) **Петербургскіе туманы**, романъ *І. І. Ясинскаго;* 3) **Итоги**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 4) **Священный огонь**, романъ *Г. Таранскаго;* 5) **Вмѣсто хлѣба—камень**, романъ *П. Лѣтнева;* 6) **Ораторы**, романъ *К. В. Назарьевой;* 7) **По призванію**, романъ *В. Свѣтлова;* 8) **Лукавый попуталъ**, разсказъ *Ф. Д. Нефедова;* 9) **Карьера**, разсказъ *І. І. Ясинскаго;* 10) **Событіе** (картины изъ обыденной жизни) *А. А. Виницкой;* 11) **За что погибъ человѣкъ?** разсказъ *П. Добротворскаго;* 12) **Безъ цѣли**, повѣсть *кн. Б. А. Щетинина;* 13) **Желѣзнодорожный царекъ**, разсказъ *А. Молотова;* 14) **Что дѣлается въ деревнѣ?** *В. Рышкова;* 15) **Голодовки и способы ихъ предупрежденія**, *М. И. Венюкова;* 16) **Эволюція въ исторіи уголовнаго права**, проф. *Бѣлогриць-Котляревскаго;* 17) **Послѣднія произведенія гр. Толстаго**, *В. В. Чуйко;* 18) **Крестьянскій судъ въ его послѣднемъ фазисѣ**, *Н. П. Дружинина;* 19) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова;* 20) **Тамбовскіе дипломаты XVIII вѣка**, *И. И. Дубасова;* 21) **Художественныя выставки Рѣпина и Шишкина**, *В. В. Чуйко;* 22) **Любовь въ мірѣ животныхъ**, *П. В. Безобразова;* 23) **Религіозное движеніе въ Англіи**, *В. Флурансова;* 24) **Евреи въ Одессѣ**, *Л. М.;* 25) **Евреи вокругъ Одессы**, *В. Трушко;* 26) **Четырехсотлѣтіе открытія Америки**, *М. И. Венюкова;* 27) **Первая выставка народныхъ картинъ въ Петербургѣ**, *В. П. Воленса;* 28) **Можно ли поднять нашу земледѣльческую промышленность?** *А. К. Гриневскаго;* 29) **Очеркъ этическихъ ученій въ современномъ обществѣ**, *В. В. Чуйко;* 30) **Колумбовская всемірная выставка**, *М. И. Венюкова;* 31) **Научныя новости**, *Его же;* 32) **Наши театры**, *В. В. Чуйко;* 33) **Альфредъ Теннисонъ** (литер.-біографич. очеркъ) *Его же;* 34) **Шелли** (опытъ литературной характеристики) *Его же;* 35) **Оклеветанный геній** (А. С. Пушкинъ) *К. Го-*

Digitized by Google

ворова; 36) **Торжествующій разночинецъ**, *Его же*; 37) **Англійскій публицистъ XVII в.** (Даніэль Дефоэ) *А. С. Залшупина*; 38) **Генрихъ Гейне**, *В. В. Чуйко*; 39) **Опытъ литературной фальсификаціи** (по поводу книги г. Песковскаго: «Роковое недоразумѣніе») *А. П. Пятковскаго;* 40) **Какою должна быть крестьянская школа?** *Г. Яковлева;* 41) **Современное русское міросозерцаніе и его отраженіе въ литературѣ**, *К. П. Медвѣдскаго*; 42) **Профессіональные союзы во Франціи**, *Г.;* 43) **Позитивизмъ передъ судомъ научной критики**, *В. В. Чуйко*; 44) **О международномъ правительствѣ**, *В. А. Бѣлинскаго;* 45) **Курьезы талмудической мудрости**, *Н. Тембе;* 46) **Музыкально-театральная выставка въ Вѣнѣ**, *В. С. Баскина;* 47) **Наши театры**, *В. В. Чуйко;* 48) **Парижскія письма**, *Ж. де-Кервильи;* 49) **Разгромъ**, романъ *Эмиля Золя*; 50) **По тернистой дорогѣ**, романъ *Георга Эберса;* 51) **Ксантиппа**, историческій романъ *Франца Маутнера*; 52) **Народный учитель**, повѣсть *Эдмонда де-Амичиса;* 53) **Отверженный**, разсказъ *Матильды Серао*; 54) **Наша журналистика**, *К—скаго* и пр.

Фельетоны **Ефима Простосердова: «И смѣхъ, и горе»** помѣщались въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Цѣна годоваго экземпляра съ пересылкою: **8** р.; за полгода—**4** р. Библіотеки, выписывающія сразу не менѣе 5-ти экземпляровъ, пользуются уступкою 20%.

КРОМѢ ТОГО, ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

I.

„Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія",

монографіи и критическія статьи **А. П. Пятковскаго**, въ 2-хъ частяхъ, *второе* дополненное изданіе. СПб., 1888 г. (около 40 печатн. листовъ).

Содержаніе 1-ой части: 1) О жизни и сочиненіяхъ Фонъ-Визина; 2) Осьмнадцатый вѣкъ въ русской исторіи; 3) Наши классики въ характеристикахъ г. Галахова; 4) О новѣйшемъ преподаваніи русской литературы и другихъ предметовъ; 5) Новая передѣлка карамзинской теоріи; 6) Опытъ философской разработки русской исторіи; 7) Идея гражданскаго брака въ русскомъ расколѣ; 8) Цензурный проэктъ Магницкаго; 9) Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ.

Содержаніе 2-й части: 1) Очерки изъ исторіи русской журналистики (отъ Петра I до Александра I-го); 2) Журнальный тріумвиратъ (изъ исторіи русской журналистики 30-хъ годовъ: Сенковскій, Гречъ и Булгаринъ); 3) Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ, въ связи съ личными воспоминаніями; 4) О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова.

Отзывы объ обоихъ изданіяхъ: въ «Голосѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Дѣлѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Недѣлѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ», «Правительственномъ Вѣстникѣ», «Живописномъ Обозрѣніи», «Всемірной Иллюстраціи» и пр.

Digitized by Google

Къ оставшимся *тридцати* экземплярамъ втораго изданія приложенъ портретъ автора. **Цѣна 3 р. съ перес.** *Подписчики «Наблюдателя» (годовые, полугодовые и разсроченные) приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 р.*

II.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

изданіе (3-е) подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.** Съ приложеніемъ портрета автора, факсимиле и статьи о его жизни и сочиненіяхъ.

С.-Петербургъ. 1862 г.

(Всего имѣется 10 экземпляровъ).

Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкою.

Изданіе одобрено ученымъ комитетомъ Министерства народнаго просвѣщенія, Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній и бывшимъ IV-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

III.

ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ.

Сборникъ современныхъ стихотвореній, изданный подъ редакціею **А. П. Пятковскаго.**

(Сюда вошли стихотворенія: *И. Аксакова*, *Добролюбова*, *Жемчужникова*, *Плещеева*, *Некрасова*, *Никитина*, *Хомякова* и др.).

С.-Петербургъ. 1863 г.

(Осталось 6 экземпляровъ).

Цѣна **50** к. съ пересылкою.

Во избѣжаніе излишней переписки и возвращенія денегъ, Главная Контора считаетъ необходимымъ предупредить, что изданные редакціею въ разное время: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**; 2) **Сераписъ**, историческій романъ *Георга Эберса*; 3) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Шпильгагена*; 4) **Князь В. Ѳ. Одоевскій.** Литературно-біографическій очеркъ. *А. П. Пятковскаго*, и 5) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Золя*—уже не имѣются въ продажѣ.

Digitized by Google

ЖЕЛѢЗОМЪ И КРОВЬЮ.

(Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа при Ермоловѣ).

XIV.

Грибоѣдовъ—«Чацкій», Варя—«Софья».

Грибоѣдовъ, воротившись отъ Чавчавадзе, также не могъ долго заснуть. Онъ думалъ о предстоящемъ отъѣздѣ въ Тавризъ, въ Персію, гдѣ онъ состоялъ секретаремъ нашей миссіи, а въ Тифлисъ пріѣзжалъ по дѣламъ службы, по вызову Ермолова, съ которымъ онъ познакомился въ 1818 году и горячо полюбилъ его.

— Что за славный человѣкъ!—говорилъ онъ о Ермоловѣ.— Мало того, что уменъ — нынче всѣ умны—но совершенно по русски: на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на однѣ мелочи. Притомъ—тьма краснорѣчія!

Ермоловъ съ своей стороны очень любилъ и уважалъ Грибоѣдова, необыкновенныя способности котораго, громадная начитанность и превосходное знаніе иностранныхъ языковъ,—въ томъ числѣ и персидскаго,—просто изумляли Алексѣя Петровича. Кромѣ того, онъ глубоко цѣнилъ въ немъ его неподкупную честность, непоколебимую твердость воли, при всей его видимой мягкости, и отсутствіе всякой податливости передъ сильными міра въ защиту праваго дѣла,—качества, которыми въ равной мѣрѣ отличался и самъ Ермоловъ.

Эти симпатичныя черты характера Грибоѣдова признавалъ въ немъ и Бестужевъ-Марлинскій.

«Кровь сердца всегда говорила у него на лицѣ, — вспоминалъ онъ объ Александрѣ Сергѣевичѣ въ пріятельскомъ кругу.—Никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, что слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обма-

Digitized by Google

нываться, но обманывать другихъ—никогда! Твердость, съ которой онъ обличалъ порочныя привычки лица, не смотря на знатность особы, показалась бы инымъ катоновской суровостью, даже дерзостью».

Придя въ свою комнату (Грибоѣдовъ въ Тифлисѣ останавливался во дворцѣ, въ которомъ жилъ Ермоловъ), Александръ Сергѣевичъ, облачившись въ персидскій халатъ и усѣвшись у письменнаго стола, долго сидѣлъ въ глубокой задумчивости. Нюся своими дѣтскими выходками—этимъ отчаяннымъ протестомъ противъ Ермолова и противъ своихъ собственныхъ рѣсницъ—наконецъ, своимъ собственнымъ милымъ личикомъ вызвала передъ нимъ другой милый образъ, который—увы!—такъ много далъ ему страданій, но все еще несовсѣмъ потускнѣлъ въ его оскорбленномъ сердцѣ, въ его «оскорбленномъ чувствѣ»... Этотъ милый образъ, обманувшій самыя дорогія, самыя чистыя его иллюзіи,—заставилъ его, въ лицѣ Чацкаго, воскликнуть:

Вонъ изъ Москвы!—сюда я больше не ѣздокъ.
Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!

И онъ ищетъ этотъ «уголокъ» въ горахъ и дебряхъ Кавказа, среди чеченскихъ пуль, въ дикой Персіи, въ глухомъ и варварскомъ Тавризѣ.

— А я такъ любилъ эту фальшивую Варю, эту куклу... Слѣпецъ!—я думалъ въ ней найти награду всѣхъ моихъ трудовъ, моей тоски, моихъ страданій... Изъ подъ вражескихъ пуль я къ ней спѣшилъ въ Москву, я не ѣхалъ — я летѣлъ, весь дрожа отъ ожиданія встрѣчи... «Такъ близко счастье»,—думалъ я... И вдругъ! тотъ, на кого она меня промѣняла, въ объятіяхъ—у горничной!.. Такъ вотъ кого она избрала, кому предпочла меня! И зачѣмъ меня надеждой завлекала, зачѣмъ прямо не сказала, что все прошедшее она обратила въ смѣхъ, что даже память обо мнѣ для нея постыла? Вѣдь ни время, ни пространство, ни развлеченія, ни даже смерть, глядѣвшая мнѣ въ глаза,—ничто не охладило моихъ чувствъ. Я ими жилъ, я ими дышалъ и, какъ святыню, лелѣялъ образъ Вари... фальшивое, низкое существо! Ну, разлюбила—въ чувствахъ человѣкъ неволенъ:—такъ скажи тотчасъ же, какъ только я пріѣхалъ, что чувства ея измѣнились, что я сталъ ей противенъ...

Digitized by Google

Я покорился бъ моему несчастью, я снова похоронилъ бы себя здѣсь или гдѣ нибудь далеко на чужбинѣ—я уѣхалъ бы странствовать, чтобъ размыкать мое горе по горамъ, по степному ковылю Азіи, по бурнымъ волнамъ океана. Нѣтъ, она только фальшивила, и ради кого же? — ради этого лакея-чиновника!

Онъ ближе придвинулся къ столу и изъ одного ящика вынулъ тетрадь синей бумаги. На тетради было крупно написано: «*Горе отъ ума*». Онъ раскрылъ тетрадь и сталъ просматривать ее своими близорукими глазами.

— Въ этой тетради я переложу драму моего сердца въ злую, безпощадную комедію... Первыя два дѣйствія почти уже готовы и Пушкину они очень понравились.

Онъ далѣе перелистывалъ тетрадь. Изъ средины ея выпалъ листокъ почтовой бумаги.

— Да, это то, что̀ я еще въ Москвѣ набросалъ подъ первымъ впечатлѣніемъ... Назову ее вмѣсто Вари—Софьей... Да, премудрая дѣвица... А его окрещу Молчалинымъ... Я говорю ей, указывая на него тотчасъ послѣ того, какъ горничная вырвалась изъ его чиновничьихъ объятій:

Вы помиритесь съ нимъ по размышленьѣ зрѣломъ:
Себя крушить—и для чего?
Подумайте, всегда мы можете его
Беречь и нелепать, и посылать за дѣломъ.
Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ женинныхъ пажей—
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.

— Да, высокій, благородный идеалъ!.. Хороша моя идеальная Варя... Тамъ, бывало, въ темномъ уголкѣ, на балконѣ... А эти звѣзды, что̀ изучали вмѣстѣ... Капелла, Андромеда... Она же и была Андромедой, а я—Персеемъ,—я спасалъ ее отъ Медузы, отъ этой московской свахи и сплетницы... Ахъ, только, кажется, у такихъ невинныхъ ангелочковъ, какъ Ниночка, и нѣтъ пока фальши, двуличія; а чуть выросла изъ коротенькаго платьица, и пошла охота за дичью—за поклонниками.

Онъ придвинулъ ближе тетрадь, снялъ очки и сталъ писать. Перо быстро заходило по бумагѣ. Вотъ онъ откинулся на спинку кресла — грустные глаза его улыбаются. Онъ доволенъ своимъ творчествомъ: конецъ втораго дѣйствія комедіи

Digitized by Google

вполнѣ удался. Горничная Вари, за которою ухаживаетъ варинъ возлюбленный,—говоритъ:

Ну, люди въ здѣшней сторонѣ!
Она къ нему, а онъ ко мнѣ.
А я... одна лишь я любви до смерти трушу!
А какъ не полюбить буфетчика Петрушу?

— Да, горничная честнѣе своей барышни — она любитъ только своего буфетчика: — она чище той, которая когда-то была моимъ идеаломъ... Ну, за третье дѣйствіе.

И онъ снова склоняется къ тетради, и снова перо его съ чуть замѣтнымъ скрипомъ скользитъ по бумагѣ, а вѣтеръ все шумитъ за окномъ. Онъ прислушивается.

— Люблю писать подъ шумъ вѣтра:—кажется, я къ нему прислушиваюсь, а въ сущности—къ процессу моихъ мыслей.

Кто-то постучался въ дверь.

— Entrez,—машинально откликнулся Грибоѣдовъ, зная впередъ, что это Ермоловъ.

Вошелъ, дѣйствительно, Алексѣй Петровичъ.

— Вы что жь это по французски, батенька?—спросилъ онъ.

— Да такъ—по привычкѣ: — въ Тавризѣ отвыкнешь отъ русскаго языка—то по персидски приходится болтать, то по французски. А вы, вѣроятно, все работали?

— Нѣтъ, бредилъ: — не спится что-то. Вы пишете? А—вижу: «Горе отъ ума».

— Да, извожу понемногу бумагу,—только не казенную.

Ермоловъ взялъ отдѣльно лежавшій листокъ, потомъ, присѣвъ къ столу, быстро пробѣжалъ его глазами.

— Какая прелесть, что за сила! — воскликнулъ онъ.—И это тоже пойдетъ въ «Горе отъ ума»?

— Да,—и, вѣроятно, въ заключеніе комедіи.

— Великолѣпно! и особенно обращеніе Чацкаго къ Фамусову:

А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньѣ счастливомъ.
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ.
Другой найдется, благонравный,
Низкопоклонникъ и дѣлецъ,
Достоинствами, наконецъ,
Онъ будущему тестю равный.
Такъ! отрезвился я сполна,

Digitized by Google

Мечтанья съ глазъ долой и спала пелена!
. . . . . .
Гдѣ былъ? Куда меня забросила судьба?
Всѣ гонятъ, всѣ клянутъ! мучителей толпа,
Въ любви предателей, въ враждѣ неутомимыхъ,
Разсказчиковъ неукротимыхъ,
Нескладныхъ умниковъ, лукавыхъ простяковъ,
Старухъ зловѣщихъ, старцовъ,
Дряхлѣющихъ надъ выдумками, вздоромъ!..
Безумнымъ вы меня прославили всѣмъ хоромъ—
Вы правы: изъ огня тотъ выдетъ невреднимъ,
Кто съ вами день пробыть успѣетъ,
Подышетъ воздухомъ однимъ,
И въ комъ разсудокъ уцѣлѣетъ.

— Восхитительно!

— А я все недоволенъ,—раздумчиво сказалъ Грибоѣдовъ.— Много разъ порывался бросить въ огонь, а потомъ жаль станетъ:—все же удовлетворяешься, тѣшишь свое одиночество, шурша бумагою—не казенною.

— Помилуйте, голубчикъ!—воскликнулъ Ермоловъ. — Что вы—Нюся, что ли?—хотите себѣ рѣсницы остричь?

Грибоѣдовъ любовно улыбнулся, вспомнивъ Ниночку.

А та, о которой говорили, спала себѣ сномъ невинности, въ то время, когда бабушка, княгиня Орбеліани, въ спальнѣ у которой находилась кроватка Нины, усердно молилась на сонъ грядущій.

Помолившись, княгиня подошла къ кроваткѣ, чтобъ перекрестить внучку. Дѣвочка спала, разметавшись въ своей кроваткѣ, и видимо спала безпокойно. Одѣяльце ея было сбито къ ножкамъ. Бабушка осторожно поправила его. Вдругъ дѣвочка открыла глаза и испуганно поднялась.

— Ахъ, баба!.. какъ я рада!

— Чему рада, птичка моя?

— Что это сонъ?

— Какой сонъ, мое солнышко?

— Я, баба, видѣла во снѣ, что иволги вьютъ гнѣзда у меня въ рѣсницахъ.

— Ахъ, это все Ермоловъ! И какъ не стыдно человѣку, облеченному довѣріемъ государя, дразнить ребенка? Вотъ я ему ужо! А ты спи, мое солнышко. Господь съ тобой.

Digitized by Google

XV.

Нюся сердится на Ермолова.

На утро у Ермолова былъ докладъ и совѣщаніе по дѣламъ Имеретіи.

Докладывалъ правитель канцеляріи Могилевскій, лучшій знатокъ положенія дѣлъ въ тогдашнихъ кавказскихъ и закавказскихъ областяхъ, работавшій со всѣми предмѣстниками Ермолова, начиная отъ князя Циціанова и графа Гудовича, и кончая Тормасовымъ и Ртищевымъ. При докладѣ находились также Грибоѣдовъ и князь Чавчавадзе.

Передъ Ермоловымъ раскрыта была складная карта Имеретіи, къ которой онъ часто нагибался, отыскивая тѣ или другія мѣстности, упоминавшіяся при докладѣ. Передъ Грибоѣдовымъ лежалъ бѣлый листъ бумаги, по которому онъ, слушая докладъ, машинально водилъ карандашемъ. Князь Чавчавадзе тоже внимательно слушалъ, поглаживая рукою эфесъ своей сабли.

— Все возстаніе группируется главнымъ образомъ около князя Ивана Абашидзе,—говорилъ Могилевскій.—Вообще фамилія князей Абашидзе играла боевую роль и во время возстанія Имеретіи при ея послѣднемъ царѣ Соломонѣ II; но когда бо́льшая часть этихъ бунтовщиковъ, въ томъ числѣ и знаменитый коноводъ ихъ, красавецъ и исполинъ Димитрій Абашидзе, пали въ послѣднихъ стычкахъ съ нашими войсками, а царь Соломонъ, скитаясь на чужбинѣ, въ предѣлахъ Турціи, скончался въ самой крайней бѣдности,—то теперь душою возстанія является Иванъ Абашидзе.

— Царь Соломонъ II умеръ, помнится, въ 1815 году?—замѣтилъ Ермоловъ.

— Да, 7-го января 1815 года, въ городѣ Трапезундѣ,—отвѣчалъ докладчикъ.—Изъ семьи же самого Соломона въ Имеретіи теперь осталась царевна Дареджана, вдова царевича Давида, да ея десятилѣтній внучекъ, сынъ Ивана Абашидзе, да еще царевичъ Вахтангъ, незаконный сынъ царевича Давида. Осталась еще одна прямая отрасль царя Соломона:—это другая царевна Дареджана, дѣвушка; но она, послѣ несчастія, постигшаго ея отца, добровольно удалилась въ монастырь. Я зналъ ее:—это было дивное созданіе.

Digitized by Google

— Красавица?—спросилъ Ермоловъ.

— Да, ничего подобнаго я въ жизни не видалъ,—вздохнулъ Могилевскій. — Это была, дѣйствительно, жемчужина востока—первая его красавица.

— А княжна Геоухеръ?—замѣтилъ Чавчавадзе.

— Это дочь бывшаго карабагскаго хана Ибрагима? Да... но куда же ей до царевны Дареджаны! Геоухеръ и прежде охотно дарила свои прелести своимъ поклонникамъ, и теперь продолжаетъ дарить ихъ всякому. Вспомните, какъ старый мужъ ея, Джафаръ-Кули-ханъ, засталъ ее въ своемъ гаремномъ саду съ своимъ секретаремъ, мирзою-Али. Вѣдь изъ-за нея застрѣлилъ онъ его, какъ собаку. А Дареджана — это чистое созданіе.

И Могилевскій съ грустью вспомнилъ, какъ, во время переговоровъ съ Соломономъ въ замкѣ Вардъ-цихе, Дареджана, какъ свѣтлое видѣніе, явилась къ нему, чтобъ просить за отца,— и съ тѣхъ поръ ея милый образъ не выходилъ изъ его памяти, всецѣло поглощенной канцелярскими бумагами.

И Грибоѣдовъ съ болью въ сердцѣ вспомнилъ свою Варю... «Свою»!—она теперь не его:—она, можетъ быть, теперь въ объятіяхъ у Молчалина... И рука его машинально чертила на бѣломъ листѣ: «Варя-Софья», «холопъ Молчалинъ»...

— Объ этой красавицѣ Геоухеръ мнѣ и князь Мадатовъ говорилъ,—сказалъ Ермоловъ.—Она чуть не послужила источникомъ нашего столкновенія съ Персіей. Когда еще былъ живъ ея отецъ, Ибраимъ-ханъ,—Баба-ханъ, нынѣ Фетхъ-Али-шахъ, желая пріобрѣсти въ Ибрагимъ-ханѣ могущественнаго союзника, просилъ у него дочерей, Геоухеръ и юную Лейлу, въ замужство за своихъ сыновей, и только благодаря энергіи Лисаневича этотъ casus belli былъ устраненъ.

— Да,—подтвердилъ Могилевскій.—Лисаневичъ напалъ на лѣтній станъ Ибрагимъ-хана, желая арестовать его; но завязалось дѣло, и пули нашихъ егерей положили на мѣстѣ самого хана и его юную дочку Лейлу съ сыномъ Искандеромъ.

— А этой красавицѣ Геоухеръ, оставшейся богатѣйшею вдовой послѣ Джафаръ-Кули-хана, всѣ персидскіе владѣтели предлагаютъ руку и сердце, и всѣ карабагскіе поэты посвящаютъ ей восторженныя оды,—проговорилъ Чавчавадзе.—Вотъ что значитъ красота!

Digitized by Google

— И деньги,—улыбнулся Могилевскій. — Такъ теперь, ваше высокопревосходительство,—продолжалъ онъ свой докладъ,—кромѣ князя Ивана Абашидзе и царевича Вахтанга—этотъ, впрочемъ, ничтожество!—самыми вредными для насъ людьми въ Имеретіи, какъ вамъ извѣстно, остаются два митрополита: Досиѳей Кутатели и Евѳимій Генатели; а кромѣ этихъ—еще князь Сехнія Цулукидзе, мдиванъ-бекъ князь Давидъ Микеладзе, князь Николай Пинези Абашидзе и князь Бежанъ Церетели.

Ермоловъ всталъ и порывисто началъ ходить по кабинету. Густые волосы его, лежавшіе въ безпорядкѣ, представляли теперь подобіе львиной гривы, а изъ-подъ насупившихся бровей глаза смотрѣли сердито.

— Люди въ массѣ,—вездѣ овцы, панургово стадо,—заговорилъ онъ, отчеканивая каждое слово.—Куда ведетъ ихъ передовой баранъ или ковелъ, туда они и идутъ—въ воду ли, въ огонь ли. Мы знаемъ, что панурговы овцы всѣ бросились въ море за передовымъ козломъ. Такимъ козломъ и мнѣ не разъ приходилось бывать. Такъ, подъ Бородинымъ, когда самый нашъ стойкій пунктъ, редутъ Раевскаго, уже окончательно погибалъ, Кутузовъ послалъ меня, самъ, повидимому, не вѣря въ успѣхъ, и только говорилъ мнѣ: «голубчикъ!—посмотри — нельзя ли тамъ что сдѣлать»?—Я увидѣлъ отчаянное бѣгство нашихъ...—и сталъ передъ ними козломъ... «Братцы,—говорю—за мной»! И редутъ былъ спасенъ. Вотъ что значитъ козелъ у стада.

Онъ подошелъ къ столу и оперся рукой о карту.

— Мы приберемъ къ рукамъ этихъ имеретинскихъ козловъ во что бы то ни стало,—сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Возьмемъ живыми или мертвыми!

— Только не митрополитовъ,—замѣтилъ Грибоѣдовъ.

— Почему?—удивился Ермоловъ.

— Высокія духовныя особы... Народъ за нихъ больше горой стоитъ, чѣмъ за князей.

— Что жь! когда ихъ не станетъ, то не за кого будетъ и народу стоять.

— Оно такъ; но только умерщвлять ихъ я не совѣтую:—къ нимъ и наши солдатики подходятъ подъ благословеніе... А поколебать у солдата вѣру въ святость церкви...

Digitized by Google

— Правда, правда, Александръ Сергѣевичъ,—согласился Ермоловъ.—Спасибо за совѣтъ—я погорячился.

— Не стоитъ,—скромно сказалъ Грибоѣдовъ.—А если, паче чаянія, и будетъ убитъ кто изъ митрополитовъ, то тѣла ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя будетъ оставлять не только въ Имеретіи, но даже и въ Грузіи... Тогда народъ канонизируетъ ихъ въ мученики.

— И съ этимъ я вполнѣ согласенъ,—сказалъ Ермоловъ.

— Тѣла ихъ мы отправимъ въ Моздокъ,—замѣтилъ съ своей стороны Могилевскій.

— Но тамъ еще остаются два старыхъ козла, которые очень опытны въ интригахъ—два Церетели: князь Зурабъ и князь Кайхосро,—продолжалъ ходить по кабинету Ермоловъ.—Изъ прежнихъ обстоятельствъ Имеретіи, съ которыми я познакомился по дѣламъ, я вынесъ убѣжденіе, что стараго Зураба справедливо называли «Мефистофелемъ Имеретіи», да и князь Кайхосро подъ пару будетъ «Зибелю».

— А чинъ «Фауста» я бы пожаловалъ Ванькѣ Абашидзе,—продолжалъ сравненіе Грибоѣдовъ.—Это сущій мудрецъ, судя по тому, что говорилъ мнѣ о немъ полковникъ Пузыревскій.

— А кто же у нихъ «Гретхенъ»?—улыбнулся Ермоловъ.

— «Гретхенъ» у нихъ—самъ Мингреліи владыка, свѣтлѣйшій князь Леванъ Дадіанъ, который женатъ на дочери князя Зураба или, скорѣе, дочка князя Зураба жената на Дадіанѣ, который находится подъ башмакомъ у жены и пуще розги боится своего тестя,—говорилъ Могилевскій.—Я ихъ всѣхъ знаю, какъ свою канцелярію, и Левана Дадіана по праву назову плаксивою «Гретхенъ»:—онъ всего боится, а въ то же время блудливъ, какъ кошка.

— Но я увѣренъ, что вслѣдъ за Имеретіей мятежъ вспыхнетъ и въ Мингреліи, и въ Гуріи, и въ Абхазіи,—сказалъ Ермоловъ, подходя къ картѣ и разсматривая ее.

— Не мудрено, хотя сами владѣльцы этихъ странъ и не отважились бы на такую дерзость,—отвѣчалъ Могилевскій,—но они безсильны передъ своими полуазіатами-подданными и князьями. Да вотъ примѣръ.

Могилевскій досталъ изъ портфеля бумагу и сталъ пробѣгать ее глазами.

Digitized by Google

— Вотъ,—сказалъ онъ.—Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при Ртищевѣ, въ Абхазіи возникли волненія и трапезундскій сераскиръ заявилъ претензіи Турціи на Мингрелію и Гурію, Леванъ Дадіанъ прислалъ такую слезницу Ртищеву: «скорѣе подставлю обнаженную выю мою обнаженному мечу— читалъ докладчикъ—но уже не выду изъ рабства обожаемаго и августѣйшаго государя императора. Нѣсколько разъ присягалъ я ангелоподобному россійскому императору,—и какъ нарушу обѣщаніе и клятву мою? Лучше бы было мнѣ не родиться, нежели слышать объ этомъ. Еслибы даже султанъ наполнилъ домъ мой множествомъ разнообразной славы, возложилъ на меня вѣнецъ и облекъ въ порфиру, то и тогда немыслимо, чтобъ я вышелъ изъ подданства счастливѣйшему и непорочному россійскому престолу»... А, между тѣмъ, намъ очень много было тогда хлопотъ съ этой самой Мингреліей. То же самое будетъ и теперь, какъ съ нею, такъ и съ Гуріей, а въ особенности съ Абхазіей.

— Посмотримъ,—сказалъ Ермоловъ. — Мы поторопимся принять энергическія мѣры; а прежде всего выловимъ коноводовъ.

— Пока снѣга лежатъ въ горахъ,—подсказалъ Чавчавадзе.

— Да, да —подтвердилъ и Могилевскій:—мятежники очень любятъ цвѣты и зелень.

— Я на себѣ это испыталъ, когда еще мальчишкой скрывался въ горахъ съ царевичемъ Парнаозомъ,—улыбнулся Чавчавадзе.

— Какіе цвѣты и какую зелень?—удивился Ермоловъ.

— Да изволите видѣть, ваше высокопревосходительство, когда лежатъ снѣга и деревья обнажены отъ листьевъ, тогда очень трудно укрываться въ горахъ; а когда растаютъ снѣга, выростетъ трава въ ростъ человѣка и деревья покроются густымъ листомъ,—тогда и самому есть гдѣ прятаться, и семью свою можно хоронить отъ преслѣдованія въ любомъ ущельѣ.

И Чавчавадзе вспомнилъ, какъ они съ царевичемъ Парнаозомъ и его свитой дрогли, бывало, въ горахъ, перебѣгая отъ аула къ аулу, лишь бы убѣжать отъ русскихъ.

— Понимаю,—сказалъ Алексѣй Петровичъ.—Такъ мы лишимъ ихъ удовольствія видѣть цвѣты и зелень, по крайней мѣрѣ, въ Имеретіи; а въ Сибири пусть любуются.

Digitized by Google

— И я думаю,—замѣтилъ съ своей стороны Грибоѣдовъ,—что намъ надо особенно поспѣшить этимъ дѣломъ, пока у насъ руки свободны. Я серьезно опасаюсь, что намъ скоро придется имѣть дѣло съ Персіей. Мнѣ это изъ Тавриза виднѣй. Этотъ каналья Аббасъ-мирза видимо желаетъ опять забрать Карабагъ и другія ханства, завоеванныя нашимъ оружіемъ, въ чемъ ему помогаетъ и сестрица красавицы Геоухеръ.

— Какъ!—удивился Ермоловъ: — какая сестрица? Вѣдь Лейла была убита вмѣстѣ съ отцомъ, Ибрагимъ-ханомъ.

— Да, но, кромѣ Геоухеръ и Лейлы, у Ибрагимъ-хана была еще одна дочь, старше этихъ,—и она замужемъ за самимъ шахомъ. Она—старшая супруга повелителя Ирана.

— Я положительно этого не зналъ,—сказалъ Ермоловъ, останавливаясь передъ Грибоѣдовымъ. — Впрочемъ, у него столько женъ, что онъ самъ ихъ не всѣхъ въ лицо знаетъ:—разберись-ка въ стадѣ изъ 300—500 коровъ,—а у него въ гаремѣ цѣлый табунъ этихъ карабагскихъ и иныхъ кобылицъ.

— Но вѣдь сестра Геоухеръ—старшая кобылица — виноватъ!—старшая супруга шаха,—улыбнулся Грибоѣдовъ.

— Значитъ, онъ самъ женатъ на старшей дочери покойнаго Ибрагимъ-хана карабагскаго, а на младшихъ его дочеряхъ—на Геоухеръ и на Лейлѣ — собирался женить своихъ сыновей. Вотъ родство!—свою старшую родную сестру онѣ должны были бы называть «мамашей».

— Да, но вѣдь и нашъ общій другъ, шахъ-задэ Аббасъ-мирза, женатъ на сестрицѣ извѣстнаго вамъ Аллахъ-Яръ-хана, а самъ Аллахъ-Яръ-ханъ женатъ на сестрѣ Аббасъ-мирзы.

— Чортъ знаетъ что такое!—невольно разсмѣялся Ермоловъ.—И самъ чортъ ногу сломитъ въ персидскихъ родословныхъ.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ Грибоѣдовъ.—Такъ вотъ эта старшая кобылица изъ табуна его величества шаха, какъ вы изволили выразиться, и присылала въ прошломъ году въ Карабагъ, въ Шушу, къ братцу своему и братцу красавицы Геоухеръ, къ Мехти-Кули-хану, свою статсъ-даму съ большими подарками.

— Помню, помню!—сказалъ Ермоловъ:—теперь вспомнилъ. Такъ это я ей привозилъ отъ государя императора и отъ императрицы, а равно отъ императрицы-матери, такую

Digitized by Google

массу драгоцѣннѣйшихъ подарковъ:—отъ государя—парчей, бархатовъ, соболей, горностаевъ; а отъ императрицъ — брилліанты, алмазы, сафиры, рубины, брилліантовыя перья—да всего и не припомню... Это все ей!

— Ей,—кивнулъ головою Грибоѣдовъ.

Ермоловъ, что-то вспомнивъ, быстро открылъ одинъ изъ ящиковъ своего письменнаго стола и досталъ оттуда какую-то бумагу.

— Боже! да вѣдь это *ея* литературное произведеніе!—со смѣхомъ говорилъ онъ, ударяя пальцемъ по бумагѣ.—Это шедѣвръ восточнаго краснорѣчія—роскошь! Это ея отвѣтное письмо на любезную къ ней грамоту государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны. Слушайте!—И Ермоловъ началъ читать:

«Пока цѣна (замѣтьте—«цѣна»—это восхитительно!) пока цѣна и свѣжесть госпожъ, скрывающихся въ разныхъ мѣстахъ цвѣтника розъ (это, конечно, «скрывающихся» въ гаремѣ), усугубляется благоуханіемъ весны, а почки розъ — запахомъ животворящаго вѣтерка Мессіи склоняются къ поламъ Маріи, кустарникъ розъ, край завѣсы веселія и почка кустарника розъ счастія благополучной госпожи, уединенной палаты великой державы, финиковаго дерева величія, плода сада высоты, полной луны совершенства и сіянія неба благополучія, счастливой коробки перла государства, благополучнаго созвѣздія звѣзды знанія, Маріи, колыбели величія, высокосановной сестрицы—да будутъ предохранены отъ всякой нечистоты горестей и вреда знойнаго вихря печалей».

— Что за чепуха!—невольно вырвалось у Грибоѣдова.—И отъ такихъ идіотовъ зависитъ жизнь милліоновъ.

— А вы слушайте дальше,—остановилъ его Ермоловъ:—я нарочно снялъ копію съ этой прелести... Воображаю, какъ хохотали государь и обѣ императрицы! И эдакое чучело смѣетъ называть государыню «сестрицей». Но слушайте дальше:

«При сплетеніи пучка розъ, да откроется пріязненному уму, что дышащій амброзіею запахъ виноградника постоянства и мускусное благоуханіе сада дружбы, т. е. счастливое дружеское посланіе, означающее соединеніе, счастливымъ полученіемъ распространило благоуханіе въ бесѣдѣ сердца и пріятнымъ содержаніемъ вящше возрадовало душу. Оно дышало дружбою

Digitized by Google

и отъ начала до конца было преисполнено остроумія; цвѣтникъ его выраженій былъ украшенъ розами единодушія и согласія, а розы содержанія очищены отъ пыли непріязни. Залоги твердой пріязни отражаются въ немъ, какъ въ зеркалѣ, и зеркало сердца постоянныхъ друзей рукою дружбы очистилось отъ всякой вражды; вложенныя въ него мысли доставили славу, благополучіе и веселіе, и изреченія дружбы, которою оно дышало, возродили неописанную радость. Мы обязаны благодарить Аллаха, покровителя дружбы, за то, что онъ связалъ обѣ высокія державы тою пріязнью, что мы можемъ развлекаться дружескою перепискою, и соединилъ оба знаменитыя государства тѣмъ согласіемъ, котораго нить всегда въ рукахъ нашихъ. Хотя любимое лицо свиданія, повидимому, и скрыто за занавѣсью, но она не препятствуетъ проявленію искренности сердецъ; дальность же разстоянія хотя устраняетъ возможность взаимнаго соединенія» (еще этого недоставало!—да такую бабу, какъ ты, и на порогъ во дворецъ стыдно было бы пустить,—проговорилъ Ермоловъ).

— А теперь слушайте конецъ:

«Но, стремясь по пути дружбы, мы не знаемъ препонъ. Есть надежда, что основаніе этого соединенія прочно и что способы къ нашему сближенію будутъ постоянно увеличиваться. Такъ какъ высокостепенный...

— Точно комерціи совѣтникъ — «высокостепенный», — пробурчалъ про себя Грибоѣдовъ.

...Высокостепенный—продолжалъ Ермоловъ—основаніе князей и избранный между вельможами христіанства, могущественный главнокомандующій и чрезвычайный посолъ той вѣчной державы, храбрый генералъ-лейтенантъ Ермоловъ, по врученіи императорской грамоты, возвращался отъ благополучнаго двора великаго государя, то оказалось нужнымъ начертать это дружеское посланіе. Правила дружбы требуютъ, чтобы единодушіе вящше украшалось разноцвѣтными розами переписки, а радость пріязненнаго сердца усугублялась пріятельскими порученіями. Впрочемъ, да будутъ дни искренности вѣчны» [1])!

— Уфъ!—всею грудью вздохнулъ Ермоловъ.

— Да отъ этого «билье-ду» можно задохнуться,—подтвердилъ Грибоѣдовъ.—И воображаю, какъ шахъ и сама бегюмъ-

[1]) Письмо это—историческій документъ.

Digitized by Google

ханумъ гордились этимъ посланіемъ. Перлъ краснорѣчія! сочиненіе какого нибудь придворнаго писаки изъ армяшекъ-духанщиковъ или какого нибудь брадобрѣя.

— Однако, господа,—сказалъ Ермоловъ, пряча бумагу въ столъ:—мы увлеклись литературнымъ шедѣвромъ сестрицы Геоухеръ, а надо кончать дѣла.

— Конецъ уже нами намѣченъ, — хладнокровно проговорилъ Могилевскій:—переловить козловъ и выслать въ Моздокъ... до цвѣтовъ и до зелени...

— Такъ!—согласился Ермоловъ.—А я составлю горяченькую прокламацію къ имеретинскому народу. Благодарю васъ, господа. А что ваша Нюся? — съ улыбкой обратился онъ къ Чавчавадзе.

— Сердится на васъ,—улыбнулся тотъ,—теперь, говоритъ, я къ нему больше не буду выходить: буду играть только съ Грибоѣдовымъ: онъ добрый.

— Ха-ха-ха! расцѣлуйте же отъ меня плутовку. Что за прелесть-дѣвочка!

XVI.

Бабушка и внучекъ.

— Милая баба, ты давно обѣщала мнѣ разсказать исторію про моего покойнаго дѣдушку, про царя Соломона II, послѣдняго царя Имеретіи, и про его наслѣдника престола, про царевича Константина, и про мою тетю, твою тёзку — царевну Дареджану. Разскажи теперь, милая баба, какъ ты прежде разсказывала мнѣ сказки про «Барсову шкуру», про царицу Тамару. Теперь я сказокъ ужь не хочу, баба, теперь я большой.

— Что жь мнѣ разсказать тебѣ, мой золотой? Это такая печальная исторія.

— Милая баба, я хочу знать ее: вѣдь и я царскаго рода. А когда выросту совсѣмъ, тогда добуду себѣ престолъ Имеретіи.

— Ахъ, золотой мой! прошло то время, когда мы владѣли царствомъ: налетѣли черные вороны изъ-за горъ, изъ снѣжнаго царства, и унесли нашу царскую корону.

— Такъ вотъ объ этомъ, баба, и разскажи. Мнѣ играть не хочется, я ужь большой.

Digitized by Google

— Хорошо, золотой мой, слушай. Въ тотъ годъ, когда ты родился, ровно десять лѣтъ назадъ, несчастная Имеретія въ послѣдній разъ видѣла своего царя.

— Это былъ дѣдушка, царь Соломонъ?

— Да, золотой мой. Онъ спокойно и мирно правилъ своимъ царствомъ, народъ боготворилъ его, и Имеретія была самою счастливою страною подъ солнцемъ. Счастлива тогда была и я, всѣми любимая и почитаемая, какъ родная сестра царя. Ахъ, что это было за время! Я тогда была еще молоденькою дѣвушкой, а міръ божій былъ такъ прекрасенъ. Счастливо мы жили въ своемъ кутаисскомъ дворцѣ, окруженные преданными князьями и родственниками: Абашидзе, Леонидзе, Церетели—всѣхъ и не перечесть. Лѣтомъ, когда въ Кутаисѣ было жарко, мы переѣзжали въ горы и въ лѣса или въ замокъ Вардъ-цихе, или въ Сазано. Тамъ всѣ охотились на фазановъ, на дикихъ кабановъ, на медвѣдей, а по вечерамъ играла зурна, плясали лезгинку. Потомъ я вышла замужъ.

— За кого, баба?

— За твоего дѣдушку, что давно убитъ въ сраженіи съ русскими, убитъ какъ разъ въ годъ твоего рожденія... Это былъ первый красавецъ и первый герой Имеретіи—князь Дмитрій Абашидзе. Ты его, мой золотой, не помнишь:—отъѣзжая въ битву, онъ благословилъ тебя соннаго въ твоей колыбелькѣ. Съ той поры и я его не видала.

— Я это знаю, баба: ты мнѣ объ этомъ часто разсказывала. А что же дѣдушка, царь Соломонъ, и дядя, царевичъ Константинъ, и тетя, царевна Дареджана?

— Въ тотъ годъ, мой дружокъ, когда для Имеретіи наступили несчастныя времена, Дареджана съ матерью, царицею Маріей, и съ младшими братьями: Давидомъ и Иракліемъ, да съ дочерью карабагскаго хана Ибрагима—съ Геоухеръ—прожили весну за горами, въ Кабардѣ, гдѣ царица Марія лѣчилась въ Пятигорскѣ и въ Кисловодскѣ. Тогда тебя не было еще на свѣтѣ. Это было въ 1806 году. Въ этомъ году русскій сардаръ, князь Циціани, былъ убитъ при осадѣ крѣпости Баку, и голову его бакинскій ханъ, Гуссейнъ-Кули, отправилъ въ подарокъ персидскому шаху. Съ тѣхъ поръ и начались наши несчастія. Русскіе заняли Кутаисъ и мы всѣ должны были бѣжать въ горы: братъ мой, царь Соломонъ, съ наслѣдникомъ и

Digitized by Google

ближайшими князьями, заперся въ замкѣ Вардъ-цихе, куда изъ Кисловодска проѣхала и царица Марія съ Дареджаною; меня же мужъ мой, а твой дѣдушка, перевезъ въ свое имѣніе, въ Сазано, а потомъ въ Дирби. Помнишь Дирби?

— Какъ же, баба: еще мы тамъ со старымъ Маміею достали въ скалахъ молодыхъ орлятъ и орлица выдрала когтями одинъ глазъ у нашего нукера Пинедзе, который по веревкѣ спускался къ орлиному гнѣзду.

— Тамъ-то, въ Дирби, русскіе и схватили обманомъ царя Соломона.

— Ну? и онъ не бѣжалъ.

— Бѣжалъ, только послѣ.

— А отчего же онъ, баба, не защищался въ Вардъ-цихе?

— Его обманомъ выманили оттуда русскіе.

— Ахъ, дѣдушка, дѣдушка! какой же онъ простакъ. Ну, меня они не выманятъ, я ихъ перехитрю... Ну, какъ же бѣжалъ дѣдушка?

— Онъ бѣжалъ ужь изъ Тифлиса. Изъ Дирби его подъ крѣпкимъ карауломъ перевезли въ Тифлисъ и тамъ заключили въ одинъ домъ, а вокругъ дома поставили стражу. А нашъ вѣрный Маміа...

— Тотъ самый, что мнѣ въ Дирби досталъ молодыхъ орлятъ?

— Онъ самый, мой мальчикъ. Онъ-то и помогъ дѣдушкѣ бѣжать.

— Ай да Маміа, ай да старикашка! молодецъ! я его за это расцѣлую. Ну, баба, какъ же онъ это сдѣлалъ?

— Онъ притворился передъ русскими, что онъ ихъ любитъ, и просилъ взять его въ полицейскіе, въ Тифлисѣ. Его и взяли...

— Вотъ дураки русскіе! ахъ, какіе дураки! Ну?

— Маміа и подговорилъ нукера-водоноса,—изъ имеретинъ же, который носилъ воду въ домъ, гдѣ заключенъ былъ дѣдушка, — подговорилъ пронести дѣдушкѣ простое нукерское платье. Онъ и пронесъ его въ большомъ водоносномъ кувшинѣ. Дѣдушка переодѣлся нукеромъ и, когда стемнѣло, вышелъ съ кувшиномъ будто бы за водой. Часовые пропустили его, а на улицѣ уже ждалъ Маміа, который и провелъ его къ тому мѣсту за городомъ, гдѣ дѣдушку ожидали князья съ лошадьми.

Digitized by Google

— Молодецъ-дѣдушка, да и Маміа молодчина! Ну, баба?

— Дѣдушка съ князьями и ускакалъ къ туркамъ, въ Ахалцихъ. Въ это время твой родной дѣдушка, а мой мужъ, князь Дмитрій Абашидзе, и всѣ другіе братья Абашидзе, а также князья Церетели, собрали вновь ополченіе, а царь Соломонъ явился въ Имеретію съ турками. Тогда завязалась послѣдняя отчаянная борьба съ русскими. Первая схватка была около аула Сакира: много тамъ наши положили русскихъ, но пали тамъ же и сыновья князя Кайхосро Абашидзе, пали героями. Болѣе мѣсяца держался потомъ въ горахъ мой мужъ со своимъ ополченіемъ; но и онъ погибъ около крѣпости Ухери—да вселится его душа въ обители праведныхъ! Съ того дня я уже не знала радости въ жизни, закатилось мое солнышко ясное, и стало темно въ душѣ моей...

— А дѣдушка-царь?

— Дѣдушка-царь былъ разбитъ русскими въ Ханійскомъ ущельѣ, и съ той поры Имеретія не видала болѣе своего царя: онъ кончилъ печальную жизнь въ Турціи, когда тебѣ было уже пять лѣтъ.

— Я это помню, баба. А бабушка-царица?

— Ее и дѣтей тогда же увезли въ Россію, и гдѣ они теперь—одинъ Богъ знаетъ.

— А тетя Дареджана, баба?

— Тетю Дареджану тоже взяли; но такъ какъ она дала обѣщаніе Богородицѣ и св. Нинѣ,—когда еще дѣдушка, царь Соломонъ, находился въ Тифлисѣ, въ заточеніи,—дала обѣщаніе посвятить себя Богу, если отецъ ея спасется отъ Россіи и отъ Сибири, то вотъ, когда дѣдушка ушелъ изъ Тифлиса, она и поступила въ монастырь св. Нины. Тамъ она и оплакиваетъ теперь погибель нашего царства и несчастную судьбу нашего царскаго рода.

— Ну, баба, она не будетъ оплакивать, когда я выросту: я тогда задамъ русскимъ.

— О, мой милый, золотой мальчикъ!

Бесѣда эта велась между бабушкою, сестрою царя Соломона, царевною Дареджаной, вдовою убитаго въ 1810 году князя Дмитрія Абашидзе и матерью князя Ивана Абашидзе, и между ея внучкомъ, десятилѣтнимъ Кайхосро, сыномъ этого князя Ивана. Они сидѣли въ угловой комнатѣ стариннаго дома

Digitized by Google

князей Абашидзе, въ Кутаисѣ: царевна Дареджана за работой—вышивала золотомъ головной уборъ,—а маленькій Кайхосро на скамеечкѣ, у ея ногъ, игралъ крошечнымъ кинжаломъ. Бабушка была сильная брюнетка съ черными, задумчивыми глазами и съ сильной просѣдью въ черныхъ волосахъ. Рѣзкія морщины не могли лишить меланхолической миловидности ея все еще красиваго лица. Внучекъ же ея былъ весь красота, яркая, огненная и подвижная, какъ живое серебро. Это было вечеромъ 4 марта 1820 года. И бабушка, и внучекъ поджидали: она—своего сына, онъ—своего отца. Кругомъ было такъ тихо, что слышно было даже журчаніе воды въ Ріонѣ, который протекалъ почти подъ окнами дома Абашидзе. Прислуги въ домѣ не было: она вся находилась въ нукерской за ужиномъ.

— Какъ долго не ѣдетъ отецъ,—сказалъ мальчикъ, вкладывая кинжалъ въ ножны.

— У него теперь много дѣла, золотой мой, — отозвалась бабушка:—у него теперь на плечахъ вся Имеретія, онъ одинъ за нее долженъ думать.

Въ это время, подъ окномъ что-то хруснуло. Маленькій Кайхосро подошелъ къ окну. Свѣтъ отъ канделябръ, падавшій за окно, отражался на чемъ-то блестящемъ, трехгранномъ. То былъ штыкъ.

— Баба, за окномъ штыкъ,—испуганно сказалъ мальчикъ.

Онъ подбѣжалъ къ другому окну.

— И здѣсь штыкъ, баба!

Въ это мгновеніе, звякая шпорами и оружіемъ, въ комнату вошелъ офицеръ. Въ дверяхъ виднѣлись солдаты съ ружьями.

— Ваше сіятельство, княгиня Абашидзе! — торжественно, но почтительно проговорилъ офицеръ:—по указу его императорскаго величества, прошу васъ тотчасъ же слѣдовать за мною.

Княгиня выпрямилась.

— Куда, господинъ офицеръ, я должна слѣдовать за вами?—гордо спросила она.

— Куда законъ въ моемъ лицѣ укажетъ вамъ,—былъ отвѣтъ офицера.

— Но если я не пойду?

— Извините, княгиня: вы должны.

— Но это насиліе, господинъ русскій офицеръ.

Digitized by Google

— Законъ—не насиліе, княгиня: мы всѣ должны ему повиноваться.

— Но я въ своемъ домѣ. Развѣ я преступница? что я сдѣлала?

— Это не мое дѣло, княгиня; я исполняю только приказаніе свыше.

— Кто же это у васъ «свыше»? Ермоловъ? Но есть выше его—государь и Богъ.

— Повторяю вамъ, княгиня, это не мое дѣло:—государь и разсудитъ насъ.

Маленькій Кайхосро все это время стоялъ, сверкающими глазами поглядывая то на бабушку, то на офицера. Рука его дрожала, держась за рукоятку кинжала.

— О, Боже!—простонала княгиня.

Вдругъ кинжалъ блеснулъ въ рукахъ мальчика, и онъ бросился на офицера.

— Вотъ тебѣ!—Кинжалъ скользнулъ по перевязи сабли, но тѣла не задѣлъ.

— Ахъ ты, волчонокъ!—бросились на него солдаты, и выбили кинжалъ изъ дѣтскихъ ручекъ.—Змѣенышъ!

— Не смѣйте его трогать,—крикнула княгиня, отстраняя солдатъ:—онъ царскаго рода!

— Пустите его, ребята,—сказалъ офицеръ, скорѣе любуясь ребенкомъ, чѣмъ сердясь на него.—Весь въ папашу и въ бабушку—каковъ!

Юный защитникъ Имеретіи дрожалъ отъ злости, глаза его горѣли. Это былъ прехорошенькій звѣренокъ.

— Отдайте мой кинжалъ! — приступалъ онъ къ солдатамъ.

— Нѣтъ, барчукъ, нельзя,—улыбался солдатъ съ сѣдыми бакенбардами:—это тебѣ не игрушка.

Digitized by Google

— Княгиня! медлить нельзя — предупреждаю,—а иначе я употреблю насиліе, — сказалъ офицеръ, подавая Дареджанѣ башлыкъ и бурку, взятые имъ у одного изъ солдатъ.—Укройтесь этимъ и идите со мной. А княжича возьмите на руки,— обратился онъ къ солдатамъ:—закутайте и его буркой.

— Не хочу! я самъ пойду съ бабушкой, — сердито проворчалъ маленькій Кайхосро.

Дареджана перекрестилась, взяла со стула дѣтскую бурку и папаху, надѣла ихъ на внучка, перекрестила и поцѣловала его. Потомъ сама задрапировалась буркой и папахой.

— Идемъ, мой золотой, — сказала она и, кинувъ въ послѣдній разъ взглядъ на комнату и на образа, послѣдовала за офицеромъ, держа за руку своего внучка.

XVII.

Царевна-монашенка.

Въ тотъ вечеръ, когда въ Кутаисѣ происходили аресты лицъ, опредѣленныхъ Ермоловымъ для высылки изъ Имеретіи въ Россію,—въ томъ числѣ двухъ митрополитовъ, Кутатели и Генатели, и царевны Дареджаны, матери князя Ивана Абашидзе,— въ эти самые часы другая царевна Дареджана, дочь покойнаго царя Соломона II, въ своей одинокой кельѣ, въ монастырѣ святой Нины, читала «Житія святыхъ». Молодая черничка— царевнѣ Дареджанѣ было 27 лѣтъ—остановилась на житіи преподобнаго Пафнутія египетскаго, котораго по ночамъ искушалъ образъ прекрасной грѣшницы, вырванной имъ изъ бездны порока и помѣщенной въ обитель благочестивой Альбины. Пафнутія приводило въ отчаяніе то обстоятельство, что, когда онъ спасалъ отъ порока прелестную грѣшницу и уводилъ ее изъ Александріи въ пустыню, въ монастырь Альбины, чары ея красоты не дѣйствовали на него — онъ былъ къ нимъ равнодушенъ;

Digitized by Google

мало того—красота ея казалась ему чѣмъ-то отвратительнымъ, гнуснымъ. Но теперь, когда онъ уже не видѣлъ ея, плѣнительный образъ красавицы, этотъ призракъ каждую ночь являлся къ нему въ самыхъ обольстительныхъ видѣніяхъ и неотразимо искушалъ его. Пафнутій молился горячо, страстно, чтобъ отогнать чары красавицы—отогнать мучившее его прелестное видѣніе; но молитва была безсильна.

Дареджану поразило слѣдующее мѣсто молитвы Пафнутія:—«Боже мой! если я и пошелъ за нею такъ далеко въ среду язычниковъ, такъ это только тебя ради, а не для себя. Справедливо ли отвѣчать мнѣ и страдать за то, что̀ я сдѣлалъ Тебя ради! Защити же меня, о, Іисусе сладчайшій! Спаситель мой, спаси меня! Не допусти, чтобы призракъ совершилъ то, чего не могла совершить плоть. Я восторжествовалъ тогда надъ плотью; не попусти же, чтобы меня сразила тѣнь. Знаю, что въ настоящее время я подвергаюсь бо̀льшимъ опасностямъ, чѣмъ тѣ, которыя когда либо угрожали мнѣ. Чувствую и сознаю, что *мечта сильнѣе дѣйствительности.* Да и какъ бы это могло быть иначе, когда мечта сама по себѣ есть наивысшая дѣйствительность? Она—душа вещей»...

Не *мечта ли* погубила и ее, Дареджану? Не мечта ли водила всей ея жизнью, отняла у нея личное счастье и взамѣнъ всего дала эту молчаливую могилу съ одиноко-теплящеюся лампадой? Ее, четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, посѣтили эти мечты и увели съ собою. Тамъ далеко, въ Кисловодскѣ, подъ сѣнію Крестовой горы, тринадцать лѣтъ тому назадъ, явилась ей во снѣ эта всемогущая мечта, сначала въ образѣ ангела, обнимавшаго ее и навѣвавшаго на душу райскія видѣнія, когда сама она видѣла себя Тамарою; потомъ — въ образѣ демона, въ образѣ такомъ обольстительномъ, неотразимомъ, что она сама упала въ его объятія... И это были объятія не демона, а князя Симеона Церетели, который съ дѣтства носилъ ее на рукахъ и котораго она, до этого роковаго сна, называла своею «бородатою няней». А теперь развѣ не эта же всесильная мечта развертываетъ передъ нею скорбный свитокъ ея жизни? Она, беззаботная четырнадцатилѣтняя дѣвочка, вмѣстѣ съ матерью, братьями-мальчиками и милою Геоухеръ, наслаждается привольною жизнью въ окрестностяхъ Нарзана... И вдругъ—эта мечта, этотъ сонъ, этотъ ангелъ-демонъ,—и мечта побѣдила

Digitized by Google

дѣйствительность: тотъ, кто съ этой минуты замѣнилъ ей все на свѣтѣ—мать, отца, братьевъ, Имеретію—когда онъ носилъ ее на рукахъ, обнималъ, прижималъ къ себѣ,—былъ для нея только доброю, ласковою, «бородатою няней». А едва онъ обнялъ ее въ мечтаніи, во снѣ,—онъ сталъ ей дороже жизни. Между сотнями людей ея глаза искали только его, среди сотенъ голосовъ она различала только его голосъ, какъ чарующую мелодію. При возвращеніи изъ Кисловодска въ Имеретію, онъ сопровождалъ ихъ, онъ—воплощеніе ея мечты, ея сна. Его вниманіе къ хорошенькой Геоухеръ, ея пріятельницѣ, дочери карабагскаго хана, съ той поры стало терзать ревностью ея душу. Этотъ переѣздъ черезъ горы, эти красные цвѣты, съ опасностью жизни сорванные русскимъ офицеромъ на неприступной скалѣ и поднесенные ей и Геоухеръ,—и тутъ же, и вездѣ *онъ*—воплощеніе ея мечты. А тамъ, на охотѣ, въ окрестностяхъ ихъ замка Вардъ-цихе, когда онъ спасъ ей жизнь отъ ужаснаго медвѣдя и когда она своею чадрой вытирала его окровавленный лобъ и шептала: «мой спаситель, мой милый»!..

Потомъ тамъ же, въ замкѣ Вардъ-цихе, когда Могилевскій именемъ Тормасова требовалъ, чтобы несчастный отецъ ея, царь Соломонъ, возвратился въ Кутаисъ и отдалъ себя въ руки русскихъ властей, и когда тотъ, кто сталъ ей дороже жизни, вызвался тайно пробраться въ Россію, въ Петербургъ, къ самому государю, и у него испросить милость ея бѣдному отцу; когда, наконецъ, Соломонъ за эту услугу обѣщалъ ему величайшую награду,—о! тогда *онъ* глянулъ на нее, на Дареджану, и она поняла, какой награды онъ ждетъ.

Но ея отца скоро обманомъ взяли и увезли къ Тифлисъ. Тогда только, пораженная ужасомъ и отчаяніемъ, она поклялась Богородицѣ и св. Нинѣ посвятить себя Богу, если отецъ ея будетъ спасенъ... И онъ былъ спасенъ—онъ ушелъ изъ Тифлиса, а она, Дареджана, похоронила себя въ этой кельѣ. Десять лѣтъ она молится въ своей живой могилѣ, молится дни и ночи. А кого спасла ея молитва?—Отца?—Но онъ давно окончилъ печальную жизнь скитальцемъ на чужбинѣ, лишенный престола, царства, родины, потерявшій жену, дѣтей и доброе имя... Спасла ли ея молитва мать, братьевъ?—Нѣтъ!—они томятся гдѣ-то въ невѣдомой неволѣ, а, быть можетъ, ихъ уже нѣтъ и на свѣтѣ. А тотъ, котораго она любила больше жизни и

Digitized by Google

котораго принесла въ жертву своей родинѣ,—что она дала ему, отнявъ у него все? Она дала ему смерть—«геройскую», говорятъ. О, какія обидныя слова: «геройская» и — «смерть!» Геройское уничтоженіе—пища хищнымъ звѣрямъ и птицамъ въ глубинѣ Ханійскаго ущелья...

И вотъ изъ глубины этого ущелья онъ приходитъ къ ней каждую ночь, какъ къ Пафнутію приходила вырванная имъ изъ бездны порока грѣшница. Мало ночей! милый образъ является ей и днемъ—въ первыхъ лучахъ восходящаго и въ послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца, въ легкихъ облачкахъ, проносящихся по лазурному небу, въ дымѣ кадильницъ, когда она стоитъ на молитвѣ въ храмѣ божьемъ. Милое имя его шепчутъ за окномъ ея кельи листья чинары, колеблемые вѣтеркомъ, и нѣжные ирисы и азаліи, цвѣтущіе подъ монастырскою стѣной. Дорогое имя шепчутъ ея собственныя уста вмѣсто молитвы. Въ поминовеніи усопшихъ его имя первымъ вылетаетъ изъ ея сердца.

Мечта могущественнѣе дѣйствительности, мертвецъ—сильнѣе живаго! Живаго—она отослала его отъ себя въ тотъ памятный вечеръ, когда онъ привезъ извѣстіе о бѣгствѣ ея отца изъ Тифлиса и когда она дала ему свой первый и послѣдній поцѣлуй; а мертвеца, его образъ, его тѣнь — свою мечту—она не въ силахъ отослать, прогнать отъ себя. Напротивъ! Она зоветъ его, она живетъ этой мечтой, она страдаетъ ею—горитъ на медленномъ огнѣ. Въ этой кельѣ, за молитвой, на колѣняхъ—она забываетъ, гдѣ она, что съ нею. Она не въ кельѣ, не въ монастырѣ—нѣтъ! она въ кутаисскомъ саду своего отца, подъ чинарой, а рядомъ съ нею онъ, ея мечта—нѣкогда счастье, теперь—пытка всей ея жизни. Она открываетъ передъ нимъ свое сердце, повѣряетъ ему повѣсть своей любви и... отсылаетъ его на смерть, цѣлуя въ первый и въ послѣдній разъ. А зачѣмъ отсылаетъ на смерть?—Затѣмъ, что она дала обѣтъ посвятить себя Богу, чтобъ спасти отца и Имеретію. А спасла ли?—кого спасла?—Богъ не принялъ ея жертвы. Да и нужна ли она Богу? Нѣтъ, ея жертва никого не спасла. Напротивъ, она погубила того, кто для нея былъ дороже всего на свѣтѣ. Отъ нея, послѣ ея признанія, онъ, съ растерзанной душой, прямо изъ кутаисскаго сада ея отца, пошелъ искать смерти и нашелъ ее въ Ханійскомъ ущельѣ. И съ той поры

Digitized by Google

его тѣнь не отходитъ отъ нея. Какъ часто она молилась объ успокоеніи его души, сколько панихидъ отслужилъ монастырь по въ Богѣ почивающемъ благочестивомъ царѣ Соломонѣ и на брани убіенномъ князѣ Симеонѣ,—а все душа его не успокоилась, все прилетаетъ она безплотными крыльями къ ней въ келью, къ ея изголовью...

Нѣтъ, никого не спасла она своей жертвой. И кто остался въ живыхъ изо всего ея царскаго рода? Только она, царевна-инокиня Дареджана, да другая царевна Дареджана, мать князя Ивана Абашидзе и бабушка маленькаго Кайхосро. Что-то они? Вспоминаютъ ли они о ней, объ инокинѣ Дареджанѣ? А гдѣ теперь Геоухеръ? — помнитъ ли ее въ своемъ Карабагѣ? Вдругъ послышался легкій стукъ въ дверь кельи. Дареджана вздрогнула и перекрестилась. Кому бы быть въ такую позднюю пору?—Не выходецъ ли изъ могилы, о которомъ она постоянно думала?

— Господь Іисусъ Христосъ и св. Нина да помилуютъ насъ!—произнесъ за дверью незнакомый мужской голосъ.

— Аминь!—отвѣчала Дареджана, отодвигая отъ себя книгу «житій».

Въ келью вошелъ старикъ.

— Маміа! вѣрный Маміа!—и радостно, и испуганно проговорила Дареджана.

— Я, царевна,—вашъ вѣрный нукеръ,—отвѣчалъ старикъ, цѣлуя край монашеской рясы царевны.

— Что тебѣ, добрый Маміа? что привело тебя сюда въ такой поздній часъ?

— Мое сердце, царевна... У насъ въ Кутаисѣ новыя бѣды.

— Что такое? не всѣ ли наши бѣды уже исчерпаны?

— Не всѣ, царевна:—врагъ изобрѣтателенъ. Сейчасъ, въ этотъ вечеръ, по приказанію Ермолова, арестованы царевна Дареджана, ея внучекъ княжичъ Кайхосро, митрополиты Кутатели и Генатели, князь Сехнія Цулукидзе и мдиванъ-бекъ Микеладзе.

— За что же!—всплеснула руками Дареджана.

— Ни за что, царевна... Митрополитъ Кутатели едва ли живъ теперь:—онъ защищался, и его солдаты изувѣчили на смерть... Князь Сехнія тоже весь израненъ. Всѣ они на гаупт-

Digitized by Google

вахтѣ... Вотъ я и поспѣшилъ къ тебѣ, царевна. Спасайся, надежда Имеретіи! спасайся, пока тебя не арестовали.

— Но какъ?—растерялась Дареджана.

— Я отведу тебя къ князю Ивану.

— Но гдѣ онъ?

— Это мой секретъ, царевна. А тебѣ я привезъ бурку, башлыкъ и хорошее оружіе... Ты сейчасъ же поѣдешь со мной на молодой Змѣйкѣ—отъ твоего любимаго Барса. Не забыла?

— Не забыла,—грустно отвѣчала Дареджана.

— Собирайся же тотчасъ, а не то шакалы могутъ того и гляди нагрянуть сюда. Змѣйка ждетъ тебя у воротъ монастыря.

Въ Дареджанѣ, не смотря на десятилѣтнее добровольное монастырское заточеніе, проснулась «дѣва горъ». Ея пылкую душу разомъ охватила жажда свободы, горныхъ высей, горнаго воздуха. Къ чему послужила ей и Имеретіи ея безполезная жертва? Зачѣмъ томилась она въ мрачной кельѣ? А тамъ, за стѣнами этой кельи, ее ожидала жизнь, почти прежняя жизнь—воля, движеніе, просторъ. Тамъ ожидала ее борьба! Она посѣтитъ Ханійское ущелье... Можетъ быть, тамъ она найдетъ *его* кости:—тамъ онъ отдалъ ей свой послѣдній вздохъ... Какъ горная орлица, она не можетъ дольше оставаться въ своей клѣткѣ. Мало того—въ этой клѣткѣ ее ждетъ неволя:—ее отсюда увезутъ въ ненавистную страну вѣчныхъ снѣговъ, далеко отъ ея роднаго солнца.

«Надежда Имеретіи!»—такъ ее назвалъ Маміа. И она эту надежду похоронила въ стѣнахъ монастыря... Она еще молода. Но правда ли это?—правда ли?—Въ ней разомъ сказалась женщина...

— Я очень постарѣла, Маміа?—робко спросила она, не смотря на рѣшительный моментъ ея жизни.

— О, нѣтъ, царевна! ты такая же молоденькая, какъ была и въ Кисловодскѣ—помнишь?

Ей ли забыть Кисловодскъ и свой сонъ — сонъ Тамары! Черезъ нѣсколько минутъ, отъ монастырскихъ воротъ удалялись два всадника въ буркахъ, и старый привратникъ долго прислушивался къ гулкому топоту по камнямъ восьми конскихъ копытъ.

Digitized by Google

XVIII.

Монашенка—джигитъ.

Князь Иванъ Абашидзе и царевичъ Вахтангъ, на поимкѣ которыхъ особенно настаивалъ Ермоловъ, удачно ускользнули отъ ареста. Съ большою свитою изъ князей и дворянъ они засѣли въ знаменитомъ Ханійскомъ ущельѣ, по дорогѣ къ Ахалциху, въ ущельѣ, гдѣ, ровно десять лѣтъ тому назадъ, Соломонъ II, послѣдній царь Имеретіи, потерялъ послѣднюю битву, а вмѣстѣ съ нею престолъ и царство, и навсегда покинулъ наслѣдіе своихъ предковъ. Изъ этого грознаго ущелья Абашидзе и Вахтангъ разослали свои воззванія. Въ этомъ же ущельѣ, при троекратномъ залпѣ изъ винтовокъ и пистолетовъ, царевичъ Вахтангъ былъ провозглашенъ царемъ Имеретіи.

Сюда же вѣрный памяти Соломона и его дому старый нукеръ Маміа привезъ и монахиню-джигита, царевну Дареджану. Появленіе дѣвушки-монахини среди отчаянныхъ головорѣзовъ произвело необычайный эффектъ.

— О! она явилась ангеломъ-хранителемъ Имеретіи!—говорили нѣкоторые изъ нихъ.

— Это наша царица Тамара!—возглашали другіе.

Но Дареджану неотступно преслѣдовала одна мысль. Она увидѣла себя въ томъ роковомъ мѣстѣ, гдѣ изъ-за нея погибъ тотъ, кого она любила. Здѣсь онъ въ послѣднія минуты думалъ о ней. Здѣсь онъ,—какъ обѣщалъ въ кутаисскомъ саду ея отца,—«возвратилъ смерти поцѣлуй», данный ему Дареджаной. Гдѣ именно тотъ священный клочокъ земли, на которомъ онъ палъ? Тамъ, вблизи, должны быть его кости. Отдохнувъ немного съ дороги и подкрѣпившись пищей, она стала разспрашивать о послѣдней битвѣ, потерянной ея отцомъ. Кто изъ участвовавшихъ въ ней здѣсь на лицо? Кто былъ въ этотъ роковой день въ самомъ пылу битвы?

— Я,—отвѣчалъ князь Иванъ Абашидзе.—Вонъ тамъ, въ томъ самомъ узкомъ горлѣ ущелья, мы залегли, ожидая русскихъ. Вонъ за тѣмъ камнемъ, что̀ нависъ надъ тропою и надъ ущельемъ, первымъ залегъ, въ головѣ гигантской змѣи изъ имеретинъ, нашъ герой, князь Симеонъ Церетели...

Digitized by Google

Дареджана вздрогнула и поблѣднѣла.

— Князь Симеонъ?

— Онъ вмѣстѣ съ другими погибъ въ пропасти.

— И не найденъ?

— Гдѣ же было искать его, царевна!

Но она найдетъ его: — должны же остаться въ пропасти хоть кости... черепъ... хоть нѣсколько волосъ, тронутыхъ серебромъ сѣдины... Она узнаетъ ихъ... Сердце подскажетъ ей, что это его кости.

Когда, вслѣдъ затѣмъ, свѣже-испеченный царь Вахтангъ и горсть его подданныхъ стали совѣщаться о томъ, куда имъ направиться изъ ущелья, чтобъ пополнить свое жалкое ополченіе и идти потомъ на Кутаисъ,—Дареджана незамѣтно удалилась отъ нихъ и пошла вдоль ущелья. Она надѣялась найти гдѣ нибудь возможно - удобный спускъ въ пропасть. Долго она шла, припоминая, когда была здѣсь въ послѣдній разъ. Это было десять лѣтъ тому назадъ. Какая она была тогда молоденькая! — всего семнадцати - восемнадцати лѣтъ. Тогда была здѣсь вся ея семья — отецъ, мать, братья Константинъ, Давидъ и Ираклій. Были въ сборѣ митрополиты, князья — все имеретинское войско. Тогда-то Симоновичъ и Могилевскій поклялись на крестѣ и евангеліи, что не арестуютъ ея отца — и нарушили клятву... Но вотъ она нашла и спускъ въ пропасть. Въ глубинѣ прыгалъ по камнямъ горный ручей. Кой-гдѣ въ углубленіяхъ бѣлѣли клочки снѣга. Въ вершинахъ оголенныхъ деревьевъ шумѣлъ вѣтеръ...

— Десять лѣтъ спитъ онъ подъ шумъ этого вѣтра... Какъ здѣсь уныло—унылѣе, чѣмъ на кладбищѣ.

Digitized by Google

Она — на днѣ пропасти. Надъ нею мрачныя скалы. Она двинулась ложбиною пропасти, вдоль ручья, къ тому мѣсту, куда могъ свалиться со стремнины убитый князь Симеонъ. Кое-гдѣ попадались клочки перегнившаго платья, бѣлыя кости, обмытыя и отполированныя весенними водами. — Чьи эти кости? — защитниковъ ея отца — все имеретинскія кости. А его кости гдѣ? — Онѣ должны быть дальше... Все чаще и чаще попадаются эти жалкіе останки имеретинъ. Попадаются и черепа... Какіе страшные! — съ оскаленными зубами...

Дареджана идетъ дальше. Вотъ то мѣсто, гдѣ *онъ* долженъ былъ упасть... А вотъ и черепъ — бѣлый, гладкій... Черныя глазныя орбиты—точно пещеры... Громадный лобъ... А зубы—какіе ужасные зубы!.. И здѣсь былъ его ротъ, его уста, которыя она цѣловала... Она содрогнулась... отъ отвращенія, отъ ужаса... Зачѣмъ она искала этотъ отвратительный костякъ? Зачѣмъ не оставила въ душѣ тотъ свѣтлый образъ, который она лелѣяла десять лѣтъ?.. Теперь его вытѣснитъ этотъ ужасный костякъ со страшными ямами вмѣсто глазъ, съ отвратительными зубами.

— Ахъ, зачѣмъ я это сдѣлала? зачѣмъ.

Дареджана съ ужасомъ отвернулась и торопливо пошла назадъ, стараясь не глядѣть на страшныя кости. Когда она по прежней тропѣ поднялась наверхъ, ее встрѣтилъ Маміа.

— А я искалъ тебя, царевна,—сказалъ онъ. — Я боялся, какъ бы ты не сорвалась съ кручи.

— Нѣтъ, Маміа, я осторожно спускалась по тропѣ, — отвѣчала смущенная дѣвушка.

— Туда, въ пропасть?

— Да, Маміа.

Digitized by Google

— Зачѣмъ, милая царевна?

— Я хотѣла видѣть кости тѣхъ, которые защищали моего отца и погибли здѣсь.

— Но ихъ костей тамъ нѣтъ, царевна:—мы тогда же, какъ только русскіе похоронили своихъ убитыхъ и ушли отсюда,—мы тотчасъ же подобрали тѣла нашихъ витязей, и я самъ вынесъ отсюда, изъ пропасти, тѣло героя Имеретіи—князя Симеона Церетели.

Дѣвушка вздохнула свободно. Такъ это не его отвратительный черепъ она видѣла тамъ? Слава богу!

— Гдѣ же похоронили князя Симеона?—спросила она.

— Въ Табакинскомъ монастырѣ, царевна.

— Чьи же черепа, Маміа, я видѣла въ пропасти?

— Это мы бросили туда убитыхъ турецкихъ сарбазовъ, которые первыми бросились бѣжать при появленіи русскихъ: мы ихъ и побросали тамъ, какъ собакъ:—это, должно быть, ихъ кости ты и видѣла.

— Какъ же мнѣ князь Иванъ сказалъ сегодня, что тѣло князя Симеона не было найдено?

— Это онъ сказалъ потому, царевна, что когда былъ убитъ князь Симеонъ, то самъ князь Иванъ, раненый въ плечо штыкомъ, находился безъ памяти и висѣлъ на утесѣ. Мы его сняли съ утеса, отвезли въ аулъ Хини и тамъ спрятали его въ саклѣ одного преданнаго имеретина. А тѣло князя Симеона мы тайно отъ русскихъ перевезли въ Табакинскій монастырь и тамъ похоронили у лѣваго придѣла. Объ этомъ знали очень немногіе—не зналъ и князь Абашидзе; да, ему за дѣлами и не до того было, царевна.

Digitized by Google

Когда они подошли къ группѣ расположившихся въ ущельѣ князей, совѣщаніе ихъ, повидимому, приходило къ концу. Князь Иванъ Абашидзе стоялъ въ кругу совѣта и говорилъ, размахивая руками. Царевичъ же Вахтангъ, уже съ часъ бывшій царемъ Имеретіи, сидѣлъ въ кругу, поджавъ ноги, и что-то диктовалъ одному князю, который, положивъ бумагу къ себѣ на колѣни, писалъ подъ диктовку царя.

Всѣ примолкли. По щекамъ Дареджаны текли слезы. Вахтангъ читалъ:

— Я, Вахтангъ первый, Божіею милостію царь Имеретіи, Лечгума, Рачи, Шаропани и иныхъ,—посылаю по братски поклонъ вамъ, всѣ лечгумскіе, рачинскіе, шаропанскіе, мухурлинскіе и другіе. О нашемъ же обстоятельствѣ скажу вамъ, что побѣда—наша. Повѣрьте, что ниже Кутаиса ни одного русскаго не оставили—всѣхъ истребили.

«Какъ же это такъ?—подумала про себя Дареджана.—Что онъ пишетъ? развѣ это правда?»

Но въ это время со стороны тропы, ведущей къ Кутаису, прискакалъ гонецъ-лазутчикъ съ вѣстями.

— Что, Георгій?—спросилъ Абашидзе запыхавшагося гонца.

— Я отъ князей Зураба и Кайхосро Церетели,—отвѣчалъ послѣдній. — Они велѣли мнѣ тайно извѣстить васъ, что изъ Кутаиса скоро выступятъ донскіе казаки со своимъ атаманомъ, генераломъ Власовымъ,—и чтобы вы остерегались нечаяннаго нападенія.

Digitized by Google

XIX.

«Прижималъ къ сердцу».

Не дожидаясь прибытія атамана Власова съ донскими казаками, имеретины оставили Ханійское ущелье и поспѣшно удалились въ Гурію. Князь Иванъ Абашидзе давно былъ друженъ съ дядею владѣтеля Гуріи,—ничтожнаго Маміи Гуріели,—княземъ Кайхосро Гуріели, который презиралъ своего владѣтельнаго племянника и называлъ его «русскою шваброю» за то, что, при своемъ умственномъ и нравственномъ ничтожествѣ, онъ постоянно трепеталъ за себя, и русскіе пользовались имъ, какъ «метлою»: — брали отъ его подданныхъ ополченія, провіантъ и фуражъ, и держали его въ обозѣ, какъ «владѣтеля-чучело». Такъ отзывался о своемъ владѣтельномъ племянничкѣ князь Кайхосро Гуріели—джигитъ и головорѣзъ стараго типа.

— Но этою «шваброю» мы очищаемъ Гурію отъ разбойниковъ, подобныхъ дядѣ этой «швабры» — князю Кайхосро Гуріели,—возражалъ на это полковникъ Пузыревскій, «правитель» Имеретіи.

Digitized by Google

Князь Кайхосро Гуріели находился на охотѣ въ своихъ лѣсахъ, когда сопутствовавшіе ему нукеры доложили, что по дорогѣ къ ихъ замку Шемокмети они замѣтили приближающійся имеретинскій отрядъ, а во главѣ его они узнали фигуру князя Ивана Абашидзе рядомъ съ какою-то дѣвочкою...

— Съ дѣвочкою!—удивился Гуріели.—Князь Иванъ—мой кунакъ, а кто же эта дѣвочка?

И онъ, окруженный своею свитой, двинулся навстрѣчу гостямъ. Впереди имеретинскаго отряда онъ, дѣйствительно, узналъ своего кунака, князя Ивана Абашидзе, а рядомъ съ нимъ—царевича Вахтанга. Но кто же эта дѣвочка верхомъ на такомъ прекрасномъ конѣ?..

Отрядъ приближался. Горя нетерпѣніемъ узнать, кто эта таинственная дѣвочка, старый джигитъ поскакалъ впередъ, посылая воздушный поцѣлуй своимъ гостямъ.

— А! кунакъ, князь Иванъ, здравствуй! Добро пожаловать, царевичъ!—кричалъ онъ издали.

Друзья обнялись, не слѣзая съ лошадей, хотя кони ихъ тотчасъ же стали грызться:—какъ кавалеры, и притомъ военные, жеребцы ихъ разомъ повздорили изъ-за прекрасной дамы—Змѣйки, бывшей подъ Дареджаной. Но расходившихся кавалеровъ тотчасъ же усмирили нагайками.

— Святая Нина, кого я вижу? Царевна Дареджана! — въ изумленіи воскликнулъ старый джигитъ. — Какими судьбами? А монастырь?

Digitized by Google

— Я его покинула, князь,—отвѣчала дѣвушка.

— Она ушла отъ ермоловскаго капкана,—пояснилъ князь Абашидзе.—А въ этотъ проклятый капканъ попала моя бѣдная мать, мой сынокъ Кайхосро, митрополиты Кутатели и Генатели...

— Какъ! это все Ермоловъ неистовствуетъ?

Ему объяснили все, что̀ дѣлается въ Имеретіи,—и онъ пришелъ въ страшное негодованіе.

— Бѣдная царевна!—обратился Гуріели къ Дареджанѣ.—Я помню тебя еще дѣвочкой, когда вы съ царицей Маріей и съ хорошенькой дочерью Ибрагимъ-хана карабагскаго отправлялись за горы, въ Пятигорскъ и къ Нарзану... Но ты мало измѣнилась, милая царевна:—тѣ же прелестные глазки... Прости меня, старика,—но я говорю правду... Помню еще тебя на охотѣ, близь замка Вардъ-цихе, съ твоимъ покойнымъ отцомъ, съ царемъ Соломономъ—да будетъ имя его вовѣки славно!—Еще тогда медвѣдь чуть не растерзалъ князя Симеона Церетели.

Дареджанѣ припомнился страшный черепъ въ Ханійскомъ ущельѣ.—«Нѣтъ, это не онъ».

— Какъ же теперь?—обратился Гуріели къ Абашидзе и къ царевичу Вахтангу.

— Вотъ, видишь наше ополченіе?—отвѣчалъ Абашидзе, указывая на свой отрядъ.—Ожидаемъ еще, да ты намъ поможешь...

— Конечно—я твой кунакъ.

— И мы тогда выбросимъ русскую «швабру» за порогъ Гуріи:—пусть подметаетъ соръ въ солдатскихъ казармахъ.

— Пусть подметаетъ—ха-ха-ха!—А теперь ко мнѣ въ замокъ, дорогіе гости. А для тебя, красавица, есть у меня и женихъ,—подмигнулъ Гуріели Дареджанѣ.

Дѣвушка потупилась и тихо гладила шею своей Змѣйки.

— Кто же такой?—спросилъ Абашидзе, любуясь смущеніемъ Дареджаны.

— Князь Георгій Дадіанъ, братъ владѣтеля Мингреліи, Левана Дадіана.

— Да вѣдь онъ измѣнникъ:—онъ служитъ въ Петербургѣ поручикомъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка.

— Былъ тамъ, а теперь здѣсь, въ отпуску, и хочетъ ссадить съ престола своего братца-бабу.

Digitized by Google

— Вотъ какъ!—обрадовался Абашидзе.

— Да вы его сейчасъ увидите,—добавилъ Гуріели.

— Какъ! развѣ онъ у тебя?

— Да, онъ пріѣхалъ ко мнѣ на охоту... Слышите за рѣчкой рожки? Это у него трубятъ... Я его позову.

И Гуріели сталъ трубить въ рогъ, подавая сигналъ своему гостю. Изъ-за рѣчки Шемокмети затрубилъ отвѣтный рожокъ. Звукъ этого рожка страннымъ образомъ проникъ въ сердце Дареджаны, и она почувствовала, что покраснѣла до корней волосъ.—«Что со мной»?—волновалась она,—и ей снова припомнился страшный черепъ въ Ханійскомъ ущельѣ. Но она отогнала это тяжелое воспоминаніе, и мысль ея перенеслась въ монастырскую келью, гдѣ въ безсонныя ночи, мечась въ жару по постели, она призывала къ себѣ невидимый призракъ и изнывала въ сладкой и мучительной истомѣ. Нѣчто подобное, смѣшанное съ тревогой, она ощутила и теперь. Она не догадывалась, что созрѣвавшее въ ней въ теченіе болѣе десяти лѣтъ желаніе отвѣтной любви, при одномъ словѣ «женихъ»—разомъ и всесильно заговорило, и подобно каплѣ, переполнившей чашу, переполнило разомъ ея сердце.

«Господи!—да вѣдь я его даже не видѣла»!—колотилось у нея на душѣ. Она не слышала, о чемъ вокругъ нея говорили, и машинально слѣдовала съ отрядомъ къ берегу рѣчки, за которой на высокой, почти неприступной горѣ стоялъ замокъ Шемокмети, разбойничье гнѣздо князя Кайхосро Гуріели. Вдругъ плескъ воды и фырканье лошади заставили ее очнуться. Она взглянула впередъ—и чуть не вскрикнула отъ изумленія. Черезъ рѣчку переѣзжалъ всадникъ, до чрезвычайности поразившій ее своимъ страннымъ костюмомъ:—Дареджанѣ показалась, что онъ, начиная отъ пояса до самыхъ колѣнъ—голый! Ей бросилось въ глаза это голое тѣло—и она не могла опомниться:—какъ!—на головѣ бѣлая русская офицерская фуражка, дальше—какая-то куртка съ свѣтлыми пуговицами, а ниже—голое тѣло, голыя ноги, голыя ляжки вплоть до самыхъ сапогъ. Что жь это такое?—мужчина, на половину голый... Длинополые чекмени имеретинъ, грузинъ и другихъ горцевъ совсѣмъ закрываютъ ноги, а тутъ...

Дареджана совсѣмъ смутилась... Переѣзжавшій черезъ рѣчку на прекрасномъ конѣ всадникъ былъ самъ князь Геор-

Digitized by Google

сій Дадіанъ,—и вдругъ—полуголый! Но царевнѣ только такъ показалось:—поручикъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, князь Дадіанъ, былъ просто въ бѣлыхъ лосиновыхъ штанахъ, плотно обхватывавшихъ его ноги, которыя и казались голыми. Онъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на представившуюся ему картину. Проведя дѣтство въ Петербургѣ, въ пажескомъ корпусѣ, а потомъ поступивъ въ преображенскій полкъ, онъ много лѣтъ не былъ въ своей родной Гуріи, и теперь только знакомился съ нею. Общество, которое онъ теперь увидѣлъ, было совсѣмъ ему незнакомо. И, въ довершеніе всего, среди этого вооруженнаго общества горскихъ князей—дѣвушка-амазонка, да не такая амазонка, какихъ онъ привыкъ видѣть въ Петербургѣ, на Каменномъ, Крестовскомъ и Елагиномъ островахъ во время катаній — въ черныхъ цилиндрахъ, въ черныхъ платьяхъ съ длинными шлейфами, сидящихъ чопорно на дамскихъ сѣдлахъ: тутъ барышня — верхомъ, словно джигитъ, съ бѣлой папахой на головѣ, въ черкескѣ, вооруженная кинжаломъ и пистолетами. При видѣ такой барышни, и онъ смутился. Князь Кайхосро Гуріели, видя его смущеніе, поспѣшилъ на выручку.

— Поручикъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, а теперь князь Георгій Дадіанъ, мой молодой кунакъ... А это—мои же кунаки: — царевичъ Вахтангъ имеретинскій, князь Иванъ Абашидзе, царевна Имеретіи Дареджана, — говорилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ поочередно. — Князья и дворяне Имеретіи.

Тутъ только Дареджана разсмотрѣла вновь прибывшаго. Это былъ красивый мужчина лѣтъ за тридцать, съ черными курчавыми волосами и съ бритымъ подбородкомъ. Отъ висковъ у него спускались полукругами впередъ, вдоль розовыхъ смуглыхъ щокъ, небольшія бакенбарды. Чорные глаза смотрѣли мягко изъ-подъ тонкихъ бровей. Съ свойственной женщинамъ проницательностью, Дареджана не могла не уловить, что бросаемые на нее голоногимъ, какъ ей казалось, красавцемъ взгляды были очень выразительны и нѣжны,—и ея сердце забило тревогу... Давно она ничего подобнаго не испытывала... И она украдкой глядѣла на полное жизни лицо голоногаго красавца. Подъѣхали и нукеры этого красавца.

— Теперь ко мнѣ въ замокъ, дорогіе гости,—сказалъ князь Гуріели:—а охоту отложимъ до другаго разу.

Digitized by Google

Всѣ стали переправляться черезъ Шемокмети. Какъ и всѣ горныя рѣчки, Шемокмети, хотя и не была глубока, но очень быстра. Въ бродъ ее могли переходить, да и то не вездѣ, только лошади и буйволы; но человѣка она могла свалить съ ногъ и увлечь. Какъ свѣтскій кавалеръ, привыкшій въ Петербургѣ къ обхожденію съ дамами, князь Дадіанъ предложилъ свои услуги Дареджанѣ. Они рядомъ стали спускаться въ рѣчку. Но на серединѣ брода Змѣйка заупрямилась подъ Дареджаной и не хотѣла идти. Дѣвушка дала ей шпоры. Молодое животное заупрямилось еще болѣе и намѣревалось повернуть назадъ. Дадіанъ хотѣлъ схватить подъ устцы капризнаго конька, какъ Дареджана, второпяхъ, сильно затянула мундштукъ. Нѣжное животное не выдержало и взвилось на дыбы. Одинъ моментъ, и Змѣйка могла опрокинуться навзничъ и раздавить собой или изуродовать свою всадницу; но ловкій кавалеристъ, Дадіанъ, въ одно мгновенье обхватилъ правой рукой дѣвушку за талію и, словно перышко, перенесъ ее на холку своего вымуштрованнаго коня.

Дареджана вскрикнула, очутившись въ объятіяхъ своего спасителя, а Змѣйка бросилась назадъ. Ее скоро, впрочемъ, поймали нукеры со старымъ Маміа во главѣ, которому она легко далась въ руки, какъ своему воспитателю. Дареджана же была уже на томъ берегу Шемокмети и стояла рядомъ съ Дадіаномъ, смущенная и еще болѣе прекрасная въ смущеніи.

— Простите меня, ваше высочество! — говорилъ между тѣмъ Дадіанъ. — Я слишкомъ грубо, слишкомъ деспотически перенесъ васъ на своего коня; но вы были въ такой опасности—ваша лошадь могла опрокинуться... А это такъ опасно... У насъ въ полку, подъ Краснымъ селомъ, въ лагеряхъ, былъ подобный случай съ офицеромъ, кончившійся роковымъ образомъ.

— Нѣтъ, князь, я вамъ очень благодарна, — смущенно говорила Дареджана.—Я сама виновата—я слишкомъ затянула мундштукъ. Я не знаю, что это со мною сдѣлалось... я съ дѣтства привыкла обращаться съ лошадьми—и вдругъ...

— Ваше высочество устали въ дорогѣ, были взволнованы, а лошадь нервная, невыхоженная, молодая.

— Нѣтъ, князь, я отвыкла... я засидѣлась въ монастырѣ, въ четырехъ стѣнахъ...

Digitized by Google

— Ваше высочество въ монастырѣ! какимъ это образомъ?

— О, это грустная исторія—исторія моей дорогой Имеретіи... Я было заживо похоронила себя...

И она только теперь почувствовала весь ужасъ того, что съ нею было... «Заживо похороненная»... А жизнь такъ хороша... Вотъ и теперь — ея сердце бьется, какъ никогда не билось.

Всѣ окружили ихъ, поздравляли, Абашидзе благодарилъ Дадіана за свою родственницу. Привели и преступницу—Змѣйку. Она все еще храпѣла; но Дареджана стала ее нѣжно гладить... Такъ странно сердце человѣческое!—не заупрямься Змѣйка, Дареджанѣ не быть бы въ объятіяхъ мужчины...

— Моя милая трусишка!—ласкала Дареджана свою Змѣйку.—Воды глупенькая испугалась... Хорошо, я тебѣ дамъ сахару.

— Нѣтъ, царевна,—ворчалъ старый Маміа:—я ее, негодную, заставлю сто разъ перейти черезъ эту рѣчку... Она осрамила мою сѣдую голову, негодница.

— Ну, полно, полно, добрый Маміа, прости ее,—ласково говорила царевна, трепля «негодницу».

Между тѣмъ, въ душѣ она мучилась неразрѣшимымъ вопросомъ:—когда князь Дадіанъ выхватилъ ее изъ сѣдла и перенесъ на холку своей лошади—просто онъ держалъ ее за талію, или же прижималъ къ себѣ? Ей казалось, что прижималъ... да, прижималъ, прижималъ!.. А когда спускалъ на землю, то совсѣмъ сжалъ... Сердце ея затрепетало отъ счастья.

XX.

Веретено и шерсть.

Фиктивный царь Имеретіи, царевичъ Вахтангъ, его первый министръ, князь Иванъ Абашидзе, царевна Дареджана, князь Георгій Дадіанъ и ихъ приверженцы уже нѣсколько недѣль находились въ гостяхъ у князя Кайхосро Гуріели, въ его замкѣ Шемокмети, разсылая зажигательныя прокламаціи и эмисаровъ по Гуріи, Имеретіи и Мингреліи, и призывая населеніе этихъ странъ къ возстанію и изгнанію русскихъ.

Digitized by Google

Дареджана чувствовала, что въ душѣ ея совершился переломъ. Все прошлое ея какъ-то потускнѣло, задернулось, словно дымкой. Она сразу поняла, что вновь полюбила. Она не могла уже скрыть это отъ себя. Она была уже не та четырнадцатилѣтняя дѣвочка, которая, въ Кисловодскѣ, видѣла себя во снѣ Тамарой въ объятіяхъ то ангела, то демона, а въ сущности—въ объятіяхъ князя Церетели. Тогда она даже не сознавала, что любитъ, и—глупая дѣвочка—плакала отъ стыда и счастья. Потомъ она окончательно поняла, что любитъ, и много лѣтъ жила этимъ чувствомъ. Кромѣ того, кого она полюбила дѣвочкой, для нея не существовало другаго мужчины. Даже тогда, когда тотъ, кого она любила, былъ убитъ, она продолжала любить его въ уединеніи монастырской кельи. Только памятью о немъ она и жила. И вдругъ—эта встрѣча, этотъ переѣздъ черезъ рѣчку въ объятіяхъ незнакомаго мужчины, нѣсколько ласковыхъ словъ, нѣсколько нѣжныхъ взглядовъ—и все прежнее потускнѣло, полиняло. Бурнымъ потокомъ ее охватило настоящее—и унесло, поглотило ее всю. Развѣ тогда она истинно любила свою «бородатую няню»? Не продолжала ли она тогда любить по дѣтской привычкѣ, какъ любятъ няню, мать, отца, братьевъ? Нѣтъ, она любила его истинной любовью. Его близость заставляла ее трепетать и горѣть въ огнѣ, чего она не испытывала отъ близости отца, братьевъ. Но теперь она любитъ иначе—не такъ, совсѣмъ не такъ. Она полюбила вторично,—нѣтъ и нѣтъ!—только теперь она полюбила въ первый разъ. Теперь она отъ *него* не пошла бы въ монастырь, ни за что не пошла бы, никогда! Теперь она постоянно хочетъ его видѣть, жаждетъ его ласкъ, объятій, поцѣлуевъ... А Имеретія?... Она стояла на верху замковой стѣны и смотрѣла на разстилавшіяся внизу и вдали чудныя картины—на темную зелень лѣса, на далекія горы, на голубое небо. Весна уже вступила въ свои права. Слышалось журчанье горныхъ ручьевъ, пѣніе птицъ; въ воздухѣ разливался ароматъ свѣжей зелени, цвѣтовъ, согрѣтой солнцемъ влажной земли.

Дареджана прислушалась. Кто-то по внутреннимъ ступенямъ замковой стѣны поднимался на верхъ. Сердце у дѣвушки, казалось, остановилось. Неужели это онъ? Да, это былъ онъ. На стѣну входилъ князь Георгій Дадіанъ.

— Ваше высочество! простите, если я помѣшалъ вамъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, князь.

— Вы любуетесь видомъ?

— Да... Здѣсь такъ хорошо... А въ Петербургѣ лучше?— спросила она неожиданно.

— Еслибы было лучше, я бы тамъ остался,—былъ отвѣтъ.

— И вы не скучаете здѣсь, въ горахъ?

— Я здѣсь родился.... Ваше высочество! — голосъ его дрогнулъ.

— Къ чему высочество!

— Царевна... Дареджана!—Онъ взялъ ея руку. Руку не отняли.—«Дареджана!»...

Послышались снова шаги на ступеняхъ. Дареджана отняла руку. Показался князь Кайхосро Гуріели.

— А! голубки... простите—помѣшалъ.

Дареджана вспыхнула.

— Ба!—это посолъ отъ «русской швабры»,—сказалъ пришедшій, указывая внизъ.—Вонъ подъѣзжаетъ къ замку. Надо идти.

И князь Кайхосро направился внизъ. За нимъ послѣдовала и Дареджана, у которой сердце било тревогу... «Какъ не вовремя!»..

Во дворъ замка въѣхалъ всадникъ, привязалъ къ столбу лошадь и пошелъ къ крыльцу, на которомъ появился владѣлецъ замка.

— Ты что, Таріель? — спросилъ онъ прибывшаго. — Изъ Озургетъ.

— Изъ Озургетъ, ваше сіятельство,—отвѣчалъ прибывшій.— Отъ его свѣтлости владѣтеля Гуріи съ письмомъ.—И посолъ подалъ письмо князю Кайхосро.

На крыльцо вышли Дареджана, князь Иванъ Абашидзе, царевичъ Вахтангъ и князь Георгій Дадіанъ.

— А! каково! — воскликнулъ князь Кайхосро, пробѣжавъ письмо.—Ермоловъ черезъ «швабру» требуетъ, чтобъ я явился въ Кутаисъ. Какова дерзость! Это чтобъ и меня засадить въ клѣтку вмѣстѣ съ другими. Нѣтъ, пускай онъ самъ явится комнѣ въ Шемокмети. Я ему не нукеръ дался, не «швабра». Онъ думаетъ, что вольнаго орла можно также прикликать, какъ глупую курицу: «цыпъ-цыпъ-цыпъ!» Нѣтъ, ты приди и возьми орла въ его гнѣздѣ.

Digitized by Google

Онъ метался по крыльцу въ страшномъ негодованіи и снова перечитывалъ возмутившее его письмо.

— Явиться! хоть бы сказалъ — пріѣхать, а то явиться! Пусть является къ нему «швабра», за которую я не дамъ и горсти кишмишу:—ему горсть желудей цѣна! Вѣрно, этотъ Ермошка не бывалъ въ нашихъ горахъ:—пусть побываетъ, тогда узнаетъ, что̀ значитъ ловить орловъ, когда они выше горъ летаютъ.

Онъ остановился и передалъ письмо Абашидзе: — На — прочти.

Посолъ князя Маміи Гуріеля стоялъ у крыльца и улыбался. Онъ хорошо зналъ горячій характеръ князя Кайхосро. Ему извѣстно было также, кого онъ называлъ «русской шваброй»,— и самъ оправдывалъ это названіе. По его мнѣнію, князь Маміа не князь, а курица. Развѣ прежде такъ жили въ Гуріи? Теперь даже набѣговъ нельзя дѣлать:—всѣ гурійцы, какъ и имеретины, въ бабъ выродились. Только въ Абхазіи еще и остались настоящіе джигиты.

— Будетъ отвѣтъ отъ вашего сіятельства?—спросилъ Таріель, лукаво улыбаясь.

— Будетъ! Эй, Марико!—крикнулъ князь одной женщинѣ, проходившей черезъ дворъ замка: — принеси сюда поскорѣй старое негодное веретено да клочокъ грязной кудели.

— Да отъ паршивой бы овцы, — лукаво добавилъ князь Абашидзе.

И Вахтангъ, и князь Дадіанъ разсмѣялись.

— И отъ моего братца Левана клочокъ бы шерстки,—сказалъ послѣдній:—онъ опаршивилъ собою всю Мингрелію хуже вашей «швабры».

Дареджана съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Она не знала, что между братьями Дадіанами существовала еще болѣе непримиримая вражда, чѣмъ между Кайхосро и Маміей Гуріели. Князь Георгій Дадіанъ, воспитывавшійся въ Петербургѣ и получившій образованіе въ пажескомъ корпусѣ (въ какой мѣрѣ ничтожно было образованіе въ корпусѣ — онъ этого не понималъ), а потомъ прослужившій нѣсколько лѣтъ въ гвардіи,— считалъ себя выше своего вѣка и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на своего брата Левана, владѣтеля Гуріи, не постигшаго даже пажеской премудрости. Еще будучи въ корпусѣ и кичась

Digitized by Google

тѣмъ, что онъ владѣтельная особа, князь Георгій терпѣлъ жесточайшія насмѣшки отъ товарищей-аристократиковъ, которые сравнивали его права на владѣтельный титулъ съ правами татаръ, выкрикивающихъ на улицахъ Петербурга: «халаты! халаты»!—и имѣющихъ такія же права на престолъ царства казанскаго, какія имѣлъ онъ на престолъ Гуріи. Въ гвардіи же эти насмѣшки, только въ болѣе замаскированной степени, пошли еще дальше и не разъ кончались дуэлью. Положеніе его въ полку стало, наконецъ, до того невыносимымъ, что онъ возненавидѣлъ все русское и рѣшился во что бы то ни было доказать своимъ противникамъ, что онъ, дѣйствительно, владѣтельная особа и можетъ объявить войну Россіи. Онъ усиленно сталъ добиваться отпуска для поправленія будто бы здоровья, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобы столкнуть съ дороги брата Левана, человѣка ничтожнаго и раболѣпствовавшаго передъ русскими, и объявить себя царемъ Мингреліи. Явившись на родину, онъ хотѣлъ устранить брата съ своего пути убійствомъ; но это ему не удалось,—и онъ вступилъ въ союзъ съ княземъ Кайхосро Гуріели, такимъ же, какъ и самъ онъ, честолюбцемъ и отчаяннымъ джигитомъ. Они надѣялись, что, въ союзѣ со всѣми недовольными элементами Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи, и заручившись покровительствомъ Турціи, они возвратятъ прежнюю независимость этимъ странамъ.

— И тогда я покажу петербургскимъ хлыщамъ, что такое «халаты! халаты»!—мечталъ князь Георгій, надѣвая для охоты лосинные штаны—принадлежность русской гвардіи—въ знакъ презрѣнія къ этой части русскаго туалета, въ сущности же—ко всему русскому.—«Tu l'as voulu, George Dandin»!—повторялъ онъ про себя фразу, которою его иногда преслѣдовали въ полку, замѣняя его фамилію Gouriely—фамиліею Dandin.

Веретено и клокъ черной овечьей шерсти были принесены.

— На, Таріель,—сказалъ князь Кайхосро посланцу владѣтеля Гуріи:—отвези это веретено и эту шерсть твоему господину, бабѣ Маміи, и скажи, что я велю ему этимъ веретеномъ выпрясти изъ этой шерсти веревку для Ермолова, чтобъ было его на чемъ повѣсить, когда онъ явится въ Гурію.

— Но этой шерсти мало для Ермолова — онъ оборветъ такую веревку,—ехидно замѣтилъ князь Абашидзе.

— Эй, Бусквадзе!—крикнулъ князь Кайхосро стоявшему

Digitized by Google

недалеко джигиту съ огненной бородой: — привяжи Таріелю въ торокъ куль грязной шерсти, да побольше.

Огненная борода пошла исполнять приказаніе, а Таріель стоялъ и лукаво улыбался, вертя въ рукахъ веретено.

— А теперь ступай въ нукерскую,—сказалъ ему владѣлецъ замка:—тамъ тебя накормятъ и напоятъ. Эй вы!—крикнулъ онъ нукерамъ:—накормите и напоите хорошенько Таріеля.

Веретено и шерсть возымѣли свое дѣйствіе.

Рано утромъ 13-го апрѣля, лазутчики князя Кайхосро Гуріели донесли ему, что къ замку приближаются русскіе подъ предводительствомъ самого «правителя» Имеретіи, полковника Пузыревскаго. Князь созвалъ военный совѣтъ. Кромѣ царевича Вахтанга, князя Ивана Абашидзе, князя Георгія Дадіана и царевны Дареджаны, на совѣтъ были призваны нѣкоторые почетные князья и джигиты, въ томъ числѣ краснобородый Бусквадзе.

— Я уже обдумалъ, какъ намъ дѣйствовать, дорогіе союзники,—сказалъ владѣлецъ замка.—Мы должны лишить враговъ ихъ головы. Мы побѣдимъ ихъ хитростью. Мы покажемъ видъ, что отдаемся имъ безъ сопротивленія. Я оставлю ворота замка открытыми, а на башню поставлю храбраго Бусквадзе съ бѣлымъ флагомъ въ рукѣ и съ саблею на шеѣ—въ знакъ полной покорности: «пусть рубятъ саблей покорную голову». Мы всѣ—всѣ до единой души—оставимъ замокъ и укроемся въ окрестностяхъ. А храбрый Бусквадзе пусть одинъ встрѣтитъ «правителя» Имеретіи:—и пусть онъ притворится нѣмымъ. Слышишь, Бусквадзе?

— Слышу, князь,—отвѣчала огненная борода.

— Когда тебя будутъ спрашивать—гдѣ же мы?—отчего пустъ замокъ?—ты мычи, какъ корова, и показывай на свою шею: рѣжь-де, но я ничего не знаю; а замокъ-де — вашъ. Онъ плюнетъ и уйдетъ; а вы втроемъ забѣгите впередъ, перехватите его въ лѣсу, на тропинкѣ, и застрѣлите, какъ собаку. Я его знаю:—онъ гордый, и ужь разъ являлся такъ ко мнѣ въ замокъ самъ-пятъ, а отрядъ свой оставлялъ за рѣчкой.

Коварный азіатъ слишкомъ хорошо зналъ рыцарскій характеръ полковника Пузыревскаго, и на этомъ основалъ планъ

Digitized by Google

его погибели. Приблизившись съ своимъ отрядомъ къ замку и наведя на него зрительную трубу, Пузыревскій къ удивленію замѣтилъ, что на башнѣ развивается бѣлый флагъ, а ворота замка раскрыты настежъ.

— Что̀ за оказія!—воскликнулъ онъ:—замокъ открытъ и выставленъ знакъ покорности.

— Да, господинъ полковникъ, но азіаты, быть можетъ, хитрятъ,—замѣтилъ адьютантъ Пузыревскаго.—Не скрыта ли у нихъ гдѣ нибудь засада? Позвольте мнѣ лучше произвести рекогносцировку.

— Извольте—съ азіатами осторожность вещь не лишняя. Произведите рекогносцировку вмѣстѣ съ майоромъ Михинымъ.

Взявъ съ собой по нѣскольку нижнихъ чиновъ, адьютантъ Сурковъ и майоръ Михинъ отправились на поиски. Раздѣлившись на двѣ партіи, они тщательно изслѣдовали весь окрестный лѣсъ и гору; но ничего подозрительнаго не нашли. Сойдясь потомъ около воротъ замка, они увидѣли, что на башнѣ продолжаетъ стоять какой-то рыжій субъектъ съ бѣлымъ флагомъ въ рукѣ и саблею на шеѣ.

— Что за чортъ? вотъ исторія!

— Войдемъ въ ворота—что тамъ?

Вошли на дворъ. Дворъ пустой—точно все вымерло въ немъ. Они начали звать—никто не откликается. Тихо, какъ въ могилѣ. Они снова кричатъ. На этотъ разъ съ башни послышалось какое-то мычанье.

— Да это заколдованный замокъ, чортъ возьми!

Солдаты стали вездѣ шарить—ничего нѣтъ.—«Хошь шарѝмъ, братцы, покати». А съ башни продолжалось мычанье.

— Посмотримъ, какой это дьяволъ тамъ мычитъ,—сказалъ Михинъ.

Изслѣдовали лѣстницу—никого нѣтъ. Поднялись выше, на верхъ башни. Тамъ торчитъ все тотъ же человѣкъ съ огненной бородой и саблею на шеѣ. Рожа смиренная, а глаза разбойничьи.

— Ты что, шайтанъ, тутъ торчишь?—спрашиваютъ.

Мычитъ и на горло рукой показываетъ: «рѣжь-де... кесѝмъ башкà».

— Гдѣ князь Кайхосро, чучело?

Мычитъ и руками куда-то вдаль показываетъ.

Digitized by Google

Такъ ничего и не добились. Плюнули и ушли. Пузыревскій продолжалъ наблюдать въ зрительную трубу и видѣлъ, какъ Михинъ и Сурковъ показались на башнѣ, какъ они размахивали руками и какъ непостижимая фигура съ бѣлымъ флагомъ показывала себѣ на горло. Воротились наконецъ и Михинъ, и Сурковъ. Докладъ ихъ, однако, ничего не выяснилъ.

— Что за комедія? поѣду самъ,—рѣшилъ Пузыревскій:— тутъ что нибудь да кроется; а между тѣмъ надо здѣсь принять предосторожности, и я надѣюсь на вашу распорядительность,— сказалъ онъ Михину.

Взявъ съ собой только Суркова да двухъ казаковъ, Пузыревскій поѣхалъ въ замокъ. Опять кругомъ тишина, ничего подозрительнаго. Въ замкѣ тоже пустота.

Пузыревскій взошелъ на башню. Рыжее чучело стояло уже на колѣняхъ и ладонью рѣзало себѣ горло.

— Говори, негодяй, что это значитъ?—прикрикнулъ Пузыревскій,—и въ отвѣтъ получилъ то же мычаніе.

Онъ плюнулъ и спустился съ башни. За нимъ послѣдовалъ и Сурковъ. Но едва они сошли на дворъ замка, какъ мнимый нѣмой съ огненною бородой, коварный исполнитель замысловъ своего господина, Бусквадзе, бросивъ бѣлый флагъ, тайнымъ ходомъ выбрался изъ замка и присоединился къ двумъ другимъ джигитамъ-гуріельцамъ, поджидавшимъ его въ лѣсу, недалеко отъ дорожки, спускавшейся отъ замка. По этой дорожкѣ долженъ былъ проѣзжать Пузыревскій. Едва онъ показался, какъ два прятавшихся въ лѣсу негодяя выступили впередъ, а Бусквадзе спрятался за камень.

— Гдѣ Кайхосро Гуріель?—спросилъ Пузыревскій, увидавъ джигитовъ.—Зачѣмъ онъ держитъ у себя измѣнника — Ивана Абашидзе?

Не успѣлъ онъ это сказать, какъ раздались разомъ три выстрѣла, и Пузыревскій свалился съ лошади. Какъ звѣри, бросились убійцы на остальныхъ: одного казака тутъ же зарѣзали кинжалами, а Суркова и другаго казака, вмѣстѣ съ тѣломъ Пузыревскаго, при помощи откуда-то выскочившихъ гуріельцевъ, моментально увлекли въ лѣсъ.

Digitized by Google

XXI.

Жестокое возмездіе.

Гнусное убійство Пузыревскаго поразило Ермолова. Смерть такого опытнаго и беззавѣтно-храбраго офицера была большою потерею для Кавказа. По этому поводу Ермоловъ писалъ 44-му егерскому полку, начальникомъ котораго былъ Пузыревскій: «Вы лишились, храбрые товарищи, начальника, усердіемъ къ службѣ великаго государя отличнаго, попеченіемъ о васъ примѣрнаго. Жалѣю вмѣстѣ съ вами, что погибъ онъ отъ руки подлыхъ измѣнниковъ; вмѣстѣ съ вами не забуду, какъ надлежитъ мстить за гнусное убійство достойнаго начальника. Я покажу вамъ мѣсто, гдѣ жилъ подлѣйшій разбойникъ Кайхосро Гуріель,—не оставьте камня на камнѣ въ семъ убѣжищѣ злодѣевъ, ни одного живаго не оставьте изъ гнусныхъ его сообщниковъ. Требую, храбрые товарищи, дружественнаго поведенія съ жителями мирными, кроткими, вѣрноподданными императора,—приказываю наказывать безъ сожалѣнія злобныхъ измѣнниковъ».

Чтобы наказать примѣрно виновныхъ и подавить въ самомъ основаніи мятежъ, охватившій разомъ Имеретію, Гурію и Мингрелію, Ермоловъ отправилъ туда своего начальника штаба, генерала Вельяминова, который во главѣ трехтысячнаго отряда и подступилъ къ замку Шемокмети, 25 апрѣля.

Царевна Дареджана первая замѣтила признаки приближенія непріятеля. Она въ это время находилась на замковой башнѣ, ожидая прибытія изъ аула Гведиса князя Георгія Дадіана, откуда онъ долженъ былъ привести свой отрядъ вмѣстѣ съ отрядомъ князя Давида Гуріели. Дареджана давно мучилась ожиданіемъ своего возлюбленнаго, которому обѣщала дать рѣшительное слово по его возвращеніи. Къ этому времени она вышила богатое знамя ярко-кроваваго цвѣта, съ серебрянымъ крестомъ въ терновомъ вѣнкѣ — эмблема страданій Имеретіи, Гуріи и Мингреліи—и съ этимъ знаменемъ ожидала на башнѣ появленія своего героя. Увидѣвъ издали движеніе русскихъ отрядовъ, она приняла ихъ за ополченіе князя Дадіана. Но ее смутило то, что ожидаемое ополченіе показалось совсѣмъ съ противоположной стороны. Скоро она поняла, въ чемъ дѣло, и ее охватилъ ужасъ. Взволнованная и блѣдная, она сбѣжала съ башни и встрѣтилась съ княземъ Абашидзе.

Digitized by Google

— Ты куда летишь, газель?—весело спросилъ онъ свою кузину.—Развѣ приближается ужь?

— Кто приближается?—недоумѣвала испуганная дѣвушка.

— А тотъ, за которымъ ты всѣ глаза просмотрѣла: лосинные штаны; мы ихъ сегодня ждемъ.

— Ахъ, Боже! русскіе идутъ!—сказала Дареджана, съ силой хватая за руку своего кузена.

— Что ты? гдѣ?

— Съ башни видно... Я тамъ была... Поди посмотри самъ.

Они взбѣжали на башню. Не оставалось никакого сомнѣнія, что то были русскіе. Но зато, съ противоположной стороны, подходило къ замку ополченіе князя Георгія Дадіана. Дареджана ожила духомъ: при *немъ* она и смерти не испугается. Въ замкѣ забили тревогу. Со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться имеретины, гуріельцы, мингрельцы. Князь Кайхосро Гуріели, князь Абашидзе и мнимый царь Вахтангъ торопливо отдавали приказанія, указывали мѣста по горѣ и по лѣсу: гдѣ должны залечь защитники замка, гдѣ дѣлать завалы, откуда поражать непріятеля. Замокъ и гора, на которой онъ высился, закишили народомъ, словно исполинскій муравейникъ. Дареджана стояла на башнѣ и восторженно махала кровавымъ знаменемъ молодцоватому красавцу, въѣзжавшему въ боковыя ворота замка. То былъ ея Георгій...

— О, мой Георгій, мой побѣдоносецъ!—шептала она, прижимая рукою бушевавшее сердце.

Она ждала его на башнѣ, но онъ не шелъ,—онъ отдавалъ приказанія своему отряду. Дареджана не вынесла ожиданія и побѣжала внизъ. На лѣстницѣ она столкнулась съ тѣмъ, кого ожидала. Дѣвушка забыла все, всю женскую лицемѣрную чопорность, и упала въ объятія своего героя, помня только одно, что сейчасъ можетъ разлучить ихъ смерть.

— Я твоя, твоя, мой милый, — шептала она, холодными руками обхватывая его воловью шею.

— Дареджана, ангелъ мой, правда ли?

— Правда, правда! и смерть не разлучитъ насъ...

— Князь Георгій!—раздался вдругъ голосъ князя Кайхосро.—Гдѣ ты?

— Проклятіе! — прошипѣлъ князь Георгій и бросился внизъ.

Digitized by Google

Дареджана, шатаясь точно пьяная, опять поднялась на башню. Она вся горѣла; сердце, казалось, готово было разорваться отъ счастья. Долго клокотавшая въ душѣ и насильно сдерживаемая страсть женщины знойнаго юга вырвалась наружу и, казалось, помутила ея разсудокъ. Она ничего не видѣла, она только чувствовала его поцѣлуй и его сильныя руки, которыя точно тисками сжимали ее.... сейчасъ, сію минуту. Она опомнилась только тогда, когда услыхала внизу, подъ стѣнами замка, голосъ Дадіана.

— Они втаскиваютъ орудія на Плѣшивую скалу!—кричалъ онъ.—Помѣшаемъ шайтанамъ! безъ орудій они ничего съ нами не сдѣлаютъ.

Дѣйствительно, Дареджана увидѣла, что къ верхушкѣ плоской скалы, отстоявшей на пушечный выстрѣлъ отъ замка влѣво и прозванной Плѣшивою, русскіе силились поднять одно за другимъ два орудія. Видно было, что солдаты употребляли неимовѣрныя усилія, чтобы втащить на себѣ на гору такія страшныя тяжести. Вельяминовъ понялъ, что замокъ, стоявшій на отвѣсной почти горѣ, сплошь покрытой густымъ и высокимъ лѣсомъ, не можетъ быть обстрѣливаемъ артиллеріею; но, изучивъ хорошо характеръ горцевъ, онъ зналъ, что звуки орудійныхъ выстрѣловъ для нихъ страшнѣе небеснаго грома, и потому рѣшилъ во что бы то ни стало поставить хоть двѣ пушки на небольшую, свободную отъ лѣса, площадку на Плѣшивой скалѣ, и оттуда громить стѣны замка. Голосъ Дадіана гремѣлъ, какъ пистолетные залпы.

— Впередъ! сбить шайтановъ, опрокинуть пушки!

Отчаянные джигиты, прыгая, какъ дикія козы, карабкались на опасную скалу, сцѣплялись съ солдатами, тащившими орудія, хватались за нихъ голыми руками... Имъ рубили руки, прокалывали штыками, сбрасывали со скалы...

— О-о-о! го-го!—слышались отчаянные крики.

— Разъ первòй! разъ другòй!—у-ўхнемъ—ўхнемъ!—доносились звуки русской «Дубинушки».

Дареджана, держась за высокое древко своего кроваваго знамени, казалось, окаменѣла на мѣстѣ. Ея сверкающіе глаза, вся ея душа была тамъ, гдѣ *онъ*... А онъ, сверкая обнаженной саблей, перебѣгалъ отъ одной группы къ другой, крича и проклиная кого-то.

Digitized by Google

— Проклятіе! не доглядѣли, прозѣвали!

Холодъ начиналъ проникать въ душу Дареджаны. Она видѣла, какъ князь Георгій побѣжалъ къ скалистой площадкѣ, изъ-за которой такъ отчаянно дрались гурійцы. За нимъ стремительно бросились туда же князь Гуріель и князь Абашидзе. Но къ ужасу своему она замѣчала, что площадка переходитъ въ руки русскихъ, а гурійцы, поражаемые пулями и штыками, срывались съ нея и падали въ пропасть. И вдругъ она увидѣла, какъ вылетѣлъ оттуда бѣлый дымокъ, другой, и воздухъ дрогнулъ отъ первыхъ орудійныхъ выстрѣловъ. Солнце выглянуло изъ-за тучи и освѣтило другую картину. Внизу, подъ горою, засверкали штыки и, словно колосья ржи, колеблемые вѣтромъ, задвигались между деревьями. Русскіе поднимались къ замку тремя колоннами. Ясно—они шли на штурмъ. Гурійцы и имеретины сплошною массою усѣяли вершину горы и открыли жаркій огонь по колоннамъ.

Ужасъ! — многіе русскіе падали отъ меткихъ выстрѣловъ, но другіе, какъ бы не замѣчая упавшихъ, переступая черезъ нихъ, поднимались все выше и выше. А скалистая площадка продолжала гремѣть и осыпать картечью защитниковъ замка.

«Боже! что будетъ»?—холодѣла Дареджана.

А штурмующіе поднимались все выше и выше и, что всего ужаснѣе, безъ выстрѣла, безъ криковъ «ура», а молча, какъ-то сосредоточенно и озлобленно. Вдругъ, по знаку какого-то плотнаго офицера (то былъ майоръ Михинъ, ведшій колонны на штурмъ), разомъ грянуло «ура», да такое рѣшительное, что защитники замка какъ-то дрогнули и испуганно заметались; всѣ они знали, что нѣтъ ничего ужаснѣе русскаго штыка. Паника разомъ овладѣла всѣми, и толпы гурійцевъ и имеретинъ точно таяли на глазахъ у Дареджаны.

— Бѣгутъ, въ лѣсъ бѣгутъ!

Штурмующіе—уже на горѣ, подъ самыми стѣнами замка.

— Молодцы, ребята! спасибо! — слышитъ Дареджана возгласъ плотнаго офицера.

— Рады стараться, вашескородіе!—гремятъ радостные, возбужденные отклики.

— Сейчасъ орудія подадутъ; отдохните, братцы.

Дареджана больше не слушаетъ. Она хватаетъ свое крова-

Digitized by Google

вое знамя и спускается въ замокъ. Что съ ней—она не знаетъ; она чувствуетъ только какую-то боль не то въ сердцѣ, не то въ головѣ.

— Все потеряно, все!

На дворѣ замка къ ней подбѣгаютъ князь Дадіанъ и старый Маміа. Послѣдній торопливо ведетъ осѣдланную Змѣйку.

— Садись, царевна, надо уѣзжать,—угрюмо говоритъ вѣрный нукеръ.

— Куда?—подавленно спрашиваетъ Дареджана.

— Ко мнѣ въ Мингрелію,—нервно объясняетъ князь Георгій:—подлые гурійцы струсили, разбѣжались.

— А гдѣ князь Кайхосро и князь Иванъ?

— И они уѣхали, и Вахтангъ съ ними.

— Скорѣй, скорѣе царевна,—торопилъ Маміа.

За стѣнами замка послышался грохотъ орудій. Это поднятая на гору пушка громила стѣны укрѣпленія князя Кайхосро. И Дареджана, и князь Дадіанъ, и вѣрный Маміа быстро выѣхали изъ замка задними воротами. Не ожидала несчастная царевна Имеретіи, что все такъ скоро кончится—въ тотъ самый день, когда она... ну, да что объ этомъ?.. Когда солдаты ворвались, наконецъ, въ замокъ, онъ былъ пустъ. Не успѣли убѣжать только пять гурійцевъ, которыхъ тутъ же и прикололи штыками. Въ это время, къ майору Михину подвели связаннаго гурійца съ огненной бородой.

— А, нѣмой знаменосецъ!—воскликнулъ Михинъ: — такъ это ты застрѣлилъ полковника Пузыревскаго?

— Я!—дерзко отвѣчалъ Бусквадзе.

— А, ты? Хорошо, теперь заговорилъ... Заговоришь у меня еще не такъ.

И Михинъ приказалъ собрать на дворѣ замка всѣхъ егерей 44-го полка, командира котораго, полковника Пузыревскаго, застрѣлилъ вотъ этотъ самый краснобородый Бусквадзе. Всѣмъ егерямъ Михинъ велѣлъ вырѣзать въ лѣсу по хорошему пруту. Собрались егеря на дворъ и выстроились въ два ряда—рядъ противъ ряда. У каждаго въ рукахъ былъ прутъ, у кого изъ лозняка, у кого изъ таволги. Солдаты знали, что имъ предстоитъ страшное дѣло—прогнать убійцу сквозь строй. Но они помнили приказъ Ермолова...

Бусквадзе, съ завязанными назадъ руками, поставили у на-

Digitized by Google

чала двухъ рядовъ егерей, лицомъ къ образовавшемуся между рядами проходу. По знаку Михина, забилъ барабанъ.

— Подлый убійца, впередъ!—скомандовалъ Михинъ:—тихимъ шагомъ маршъ!

Бусквадзе пошелъ по рядамъ гордо, презрительно поглядывая на солдатъ. Съ каждымъ шагомъ, съ лѣвой шеренги его поражалъ ударъ по спинѣ. Чья-то гибкая таволга сильно доняла его. Онъ оглянулся и злобно плюнулъ въ лицо тому, кто особенно больно ударилъ его. Тогда всѣ солдаты обозлились и удары посыпались жестокіе. Но Бусквадзе продолжалъ идти гордо, ровно, словно на смотру. Такъ онъ прошелъ весь рядъ, принявъ двѣсти ударовъ. Онъ повернулъ назадъ. Теперь его били стоявшіе въ другомъ ряду. И эти двѣсти ударовъ онъ вынесъ стойко, хотя бешметъ его отъ ударовъ превратился на плечахъ въ клочья и оголенная спина представляла кровавую массу. Но уже на третьемъ своемъ смертномъ рейсѣ онъ сталъ спотыкаться. Голова его упала на грудь, папаха свалилась... Ноги его двигались машинально... Не кончивъ третьяго рейса, онъ упалъ.

— Поднять на тачку!—скомандовалъ Михинъ.

Подкатили тачку и положили на него умирающаго. Тачку повезли по рядамъ. Удары наносятся уже окровавленными розгами. Въ предсмертныхъ корчахъ истязуемый свалился съ тачки...

— Добить лежачаго!—махнулъ рукою Михинъ.

Его добили и на обезображенный трупъ его побросали кровавыя орудія истязанія—прутья.

— Вы помните, братцы, приказъ Ермолова? — спросилъ Михинъ, когда кончилась ужасная экзекуція.

— Такъ точно, вашескородіе!—послышались голоса.

— Помните: не «оставьте камня на камнѣ въ семъ убѣжищѣ злодѣевъ»... Поняли?

— Точно такъ, вашескородіе!

— Только церковь не трогайте.

— Рады стараться!

И началось отвратительное разрушеніе и истребленіе всего: замка, домовъ, самыхъ стѣнъ ихъ, виноградниковъ, посѣвовъ...

Д. Мордовцевъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Сонеты.

I.

О, защити, любовь!.. Меня страшатъ угрозы
Мучительной тоски, что̀ кровь изъ сердца пьетъ...
Какъ ночь, печальна жизнь и тихъ ея полетъ—
Считаю я часы и лью безъ счета слезы!

Напрасно я ряжу печаль въ одежду грёзы:
Тоскующимъ мечтамъ оковы страхъ куетъ...
Горитъ въ тревогѣ грудь, а сердце—точно ледъ,
Застыло-замерло подъ пепломъ пошлой прозы.

Томителенъ мой путь и нѣтъ конца пути...
Темно... Любовь, любовь! хоть искоркой участья
Неясный мракъ тоски и горя освѣти...

Я не прошу тебя, чтобъ полной чашей счастья
Ты скрасила мнѣ жизнь—я не боюсь ненастья!
Но лучъ, но искорку... О, сжалься, защити!

II.

Подъ тихій лепетъ грёзъ проснулся рой созвучій,
И радостный напѣвъ встревожилъ дрёму струнъ.
Онъ былъ, какъ юность, смѣлъ, какъ май цвѣтущій, юнъ
И трели соловья влюбленнаго пѣвучѣй.

Слагалась мѣрно пѣснь чѣмъ дальше, тѣмъ могучѣй...
Лукъ уронивъ, на мигъ притихъ Амуръ-шалунъ,
И хмурая печаль, тоскливыхъ думъ пѣстунъ,
Покинувъ грудь мою, разсѣялася тучей.

Еще мгновеніе—и радость на крылахъ
Слетѣла въ тишинѣ, неся мнѣ примиренье...
Вздохнула легче грудь, забыло сердце страхъ.

И я благословилъ наставшее мгновенье,
А дѣтство свѣтлое въ задумчивыхъ мечтахъ
Вставало блѣдное, какъ грёза, какъ видѣнье...

Мих. Гербановскій.

Digitized by Google

АПОСТОЛЪ ВСЕПРОЩЕНІЯ.

(Идеи публицистическихъ и беллетристическихъ работъ *Ѳ. М. Достоевскаго*).

I.

Каждый, сколько нибудь внимательный, изслѣдователь русской жизни долженъ отмѣтить успѣхи, сдѣланные нами за послѣдніе года въ области «національнаго самосознанія». Фразы о «Россіи для русскихъ», о «спеціально-русскихъ интересахъ», «объ особенностяхъ нашей народности» повторяются чаще и чаще. Чувствуя себя окончательно пріобщенными къ европейской культурѣ, мы начинаемъ требовать себѣ если не первой скрипки, то соотвѣтственнаго инструмента для участія въ европейскомъ концертѣ. Мы не желаемъ таскать изъ огня каштановъ pour les beaux yeux du roi de Prusse; не обнаруживаемъ болѣе склонности, — по выраженію Щедрина,—цѣловать въ плечико заграничныхъ кондукторовъ и именовать консьержей «превосходительствами». Мы поняли сущность отношеній къ намъ европейцевъ и сами стремимся относиться къ нимъ подобнымъ же образомъ. Съ какой стати намъ «унижаться» передъ Европой, заискивать у нея, служить ей? Съ какой стати осыпать преимуществами и привилегіями всякаго, забредшаго къ намъ, нѣмца или француза? Если Америка—для американцевъ, Франція для французовъ, Англія для англичанъ, то и Россія—для русскихъ. Это совершенно логично и естественно. Иначе и быть не можетъ.

Я не противопоставляю нынѣшняго нашего «поведенія» прежнему, не говорю, что прежнее было дурно, а нынѣшнее хорошо или наоборотъ. Я только отмѣчаю явленіе, всѣми сознанное, подтвержденное и, стало быть, безспорное.

Этого достаточно для моихъ дальнѣйшихъ плановъ.

Популярность, которою до сихъ поръ пользуется Ѳ. М. Достоевскій, заставляетъ съ большою осторожностью высказывать сужденія о немъ, несогласныя съ ходячими. Рѣзкая постановка вопроса, ко-

Digitized by Google

нечно, желательна, но она не всегда достигаетъ цѣли. Пораженный еретическими взглядами автора, читатель обыкновенно съ первыхъ же шаговъ вооружается противъ него. А тутъ еще масса второстепенныхъ спорныхъ посылокъ, не всѣми одинаково понимаемыхъ явленій и т. п. Если авторъ преслѣдуетъ цѣли не исключительно фрондёрскія (странныя цѣли, замѣчу въ скобкахъ), то ему очень важно отношеніе читателя, очень важно дразнить читателя какъ можно менѣе. Въ концѣ концовъ, вѣдь мы пишемъ не для себя. Я не вѣрю тѣмъ поэтамъ и публицистамъ, которые, будто бы, презираютъ мнѣніе толпы.

Зачѣмъ же тогда и разговаривать съ толпою? Не лучше ли, подобно Стефану Малармэ, оставлять всѣ художественные замыслы и публицистическія идеи въ собственной головѣ?..

Писателю, желающему не безплодно бесѣдовать «съ толпою», необходимо начинать съ пунктовъ наименѣе существенныхъ или наиболѣе безспорныхъ. Затѣмъ, не нужно путешествовать по всѣмъ изгибамъ встрѣчающихся на пути второстепенныхъ вопросовъ. Тогда пріязненныя отношенія читателя къ писателю сохраняются долѣе, а, можетъ быть,—и до конца бесѣды.

Я намѣренъ примѣнить эти непопулярныя въ нашъ нескромный вѣкъ правила и, начиная рѣчь о Достоевскомъ, начну ее съ самаго безобиднаго положенія. Оно касается однообразія *типовъ* въ романахъ Достоевскаго.

Такъ какъ главная сила автора «Преступленія и наказанія»—не въ художественности, а въ «идеѣ» (это мы увидимъ далѣе) то ничего особенно уничижительнаго въ нашемъ положеніи для Достоевскаго нѣтъ, и любой поклонникъ знаменитаго романиста, прочитавъ эти строки, будетъ имѣть право воскликнуть: «Да не въ однообразіи типовъ тутъ дѣло, а въ *идеяхъ*, которыя они воплощаютъ».

Однообразіе типовъ, привлекавшихъ вниманіе Достоевскаго, замѣтилъ еще Добролюбовъ. Въ статьѣ по поводу романа «Униженные и оскорбленные» онъ, между прочимъ, говоритъ: «Достоевскій любитъ возвращаться къ однимъ и тѣмъ же лицамъ по нѣскольку разъ и пробовать съ разныхъ сторонъ тѣ же характеры и положенія. У него есть нѣсколько любимыхъ типовъ, напримѣръ, типъ рано развившагося, болѣзненнаго, самолюбиваго ребенка,—и вотъ онъ возвращается къ нему и въ Неточкѣ, и въ Маленькомъ героѣ, и въ Нелли... Характеръ Нелли—тотъ же, что̀ характеръ Кати въ Неточкѣ, только обстановка ихъ различна. Есть типъ человѣка, отъ болѣзненнаго развитія, самолюбія и подозрительности доходящаго до чрезвычайныхъ уродствъ и даже до помѣшательства,—и онъ даетъ намъ г. Голядкина, музыканта Ефимова (въ «Неточкѣ»), Ѳому

Digitized by Google

Фомича (въ «Селѣ Степанчиковѣ»). Есть типъ циника, бездушнаго человѣка, лишь съ энергіей эгоизма и чувственности,—онъ его намѣчаетъ въ Быковѣ (въ «Бѣдныхъ людяхъ»), неудачно принимается за него въ «Хозяйкѣ», не оканчиваетъ въ Петрѣ Александровичѣ (въ «Неточкѣ») и, наконецъ, раскрываетъ вполнѣ въ князѣ Волковскомъ (котораго, кстати, и зовутъ тоже Петромъ Александровичемъ). Къ этому, есть еще у Достоевскаго идеалъ какой-то дѣвушки, который ему никакъ не удается представить: Варенька Доброселова въ «Бѣдныхъ людяхъ», Настенька въ «Селѣ Степанчиковѣ», Наташа въ «Униженныхъ и оскорбленныхъ»—все это очень умныя и добрыя дѣвицы, очень похожія на автора по своимъ понятіямъ и по манерѣ говорить, но въ сущности очень безцвѣтныя»... «Эта бѣдность и неопредѣленность образовъ,—продолжаетъ Добролюбовъ,—эта необходимость повторять самого себя, это неумѣніе обработать каждый характеръ даже настолько, чтобы хоть сообщить ему соотвѣтственный способъ внѣшняго выраженія,—все это, обнаруживая съ одной стороны недостатокъ разнообразія въ запасѣ наблюденій автора, съ другой стороны прямо говоритъ противъ художественной полноты и цѣльности его созданій».

Оставляя пока въ сторонѣ «Записки изъ Мертваго дома», припомнимъ, что за «Униженными и оскорбленными», въ хронологическомъ порядкѣ, слѣдовали: «Преступленіе и, наказаніе», (1866 г.), «Идіотъ» (1868 г.), «Бѣсы» (1871—1872 г.г.) и, наконецъ, «Братья Карамазовы» (1880 г.). Перечислять все, написанное Достоевскимъ, а тѣмъ болѣе останавливаться на каждой его беллетристической или публицистической работѣ нѣтъ надобности. Добролюбовъ, не дождавшійся ни «Бѣсовъ», ни «Идіота», ни «Братьевъ Карамазовыхъ», очень вѣрно опредѣлилъ сущность художественнаго творчества Достоевскаго, указавъ на блѣдность и неопредѣленность образовъ въ произведеніяхъ нашего романиста и на «необходимость повторять самого себя».

Впрочемъ, не всѣ критики смотрятъ на однообразіе выводимыхъ Достоевскимъ типовъ, какъ на крупный художественный недостатокъ и результатъ скуднаго запаса наблюденій. Г. Аверкіевъ, напримѣръ, думаетъ иначе. «Начало дѣйствія у Достоевскаго,—пишетъ онъ,—всегда сложно, запутано, намотано въ большой клубокъ. Такое же богатство и въ числѣ дѣйствующихъ лицъ. *Эти лица часто бываютъ однородны;* думается, что они могли бы быть сконцентрированы въ одно лицо, въ одинъ типъ. Авторъ, однако, избѣгаетъ этого и вовсе не по нежеланію концентрировать, а потому, что извѣстная разбросанность типа, его, такъ сказать, многовидность, по мысли автора необходима. Онъ рисуетъ извѣстное явленіе дѣйстви-

Digitized by Google

тельности и хочетъ нарисовать его во всей ширинѣ, съ тѣмъ же богатствомъ оттѣнковъ, какимъ щеголяетъ жизнь. Общество охвачено извѣстными увлеченіями, страстями; не одинъ человѣкъ, а многое множество людей. Это увлеченіе, эта страсть стали не только замѣтными, но чуть ли не господствующими, если не всевластными; кажется, отъ нихъ ускользнули только немногіе, да и тѣ не на время ли? Достоевскаго интересуютъ данныя увлеченія или страсти—почти всегда общества, рѣдко отдѣльныхъ лицъ,—не сами по себѣ, а именно по своей всеобщности, по ихъ распространенности, по ихъ значенію, какъ *общественнаго* явленія. При концентраціи въ одинъ типъ, утратилось бы изображеніе общественности явленія, то есть именно то, на что онъ хочетъ обратить вниманіе и что хочетъ представить въ наглядной картинѣ. И вотъ основной типъ является расчлененнымъ въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ лицъ; они имѣютъ между собою много общаго, но каждое снабжено своимъ оттѣнкомъ, каждое представляетъ извѣстную степень развитія общаго явленія, ту или иную его фазу, его зачатокъ или крайность».

Мысль г. Аверкіева вообще не вѣрна, но я коснусь ее лишь постольку, поскольку это нужно для уясненія «несконцентрированныхъ» типовъ Достоевскаго. «Несконцентрированные» типы являются таковыми не «по мысли автора», но помимо всякаго его желанія. Г. Аверкіевъ и съ нимъ вмѣстѣ очень многіе поклонники Достоевскаго ошибочно превозносятъ *богатство типовъ*, изображенныхъ авторомъ «Карамазовыхъ». Типы Достоевскаго, напротивъ, крайне однообразны; онъ варьируетъ ихъ неуклонно и старательно, снабжая каждый частицею своей излюбленной идеи—одинъ разъ въ ея отрицательныхъ особенностяхъ, другой—въ положительныхъ.

Идея у Достоевскаго—на первомъ планѣ, хотя онъ выражаетъ ее нерѣдко и сбивчиво, и неопредѣленно. Самъ Достоевскій, по свидѣтельству г. Аверкіева, утверждалъ, что «при созданіи художественнаго произведенія важнѣе всего напасть предварительно *на удачную идею*. Въ этомъ главная трудность; сюда должны быть обращены всѣ усилія. Мы подчеркнули,—продолжаетъ г. Аверкіевъ,—слово «идея», потому что значеніе его весьма растяжимо, и необходимо всякій разъ основательно узнать, въ какомъ именно смыслѣ оно употребляется собесѣдникомъ. Для Ѳедора Михайловича слово «идея» не означало вымысла, или миѳа, какъ говорили древніе, то есть подлежащаго изображенію «дѣйствія», имѣющаго свое начало, середину и конецъ. Для него «идея» произведенія обозначала нѣкоторое *отвлеченіе* [1]), нѣкоторое представленіе, выведенное изъ наблюденія цѣлаго ряда однородныхъ фактовъ, изъ изу-

[1]) *Курсивъ мой.*

Digitized by Google

ченія даннаго явленія общественной жизни. Напасть на удачную идею—для него значило уловить явленіе важное въ общественномъ смыслѣ, и притомъ именно такое, на которое въ настоящую минуту слѣдовало обратить общее наивящее вниманіе. Выводъ изъ наблюденій долженъ быть логически обоснованъ, обсужденъ со всѣхъ сторонъ; значеніе явленія должно быть тщательно опредѣлено и взвѣшено. Только послѣ такой предварительной и не легкой работы добытая *идея* можетъ стать годной темой для романа».

Съ «идейной» стороны, главнымъ образомъ, показались Бѣлинскому привлекательными «Бѣдные люди»; идейная же сторона заставила его ополчиться противъ «Хозяйки». «Идейную» сторону отмѣчаетъ и Добролюбовъ. «Въ произведеніяхъ Достоевскаго—говоритъ онъ—мы находимъ одну общую черту, болѣе или менѣе замѣтную во всемъ, что̀ онъ писалъ: это боль о человѣкѣ, который признаётъ себя не въ силахъ или, наконецъ, даже не въ правѣ быть человѣкомъ настоящимъ, полнымъ, самостоятельнымъ человѣкомъ, самимъ по себѣ. «Каждый человѣкъ долженъ быть человѣкомъ, и относиться къ другимъ, какъ человѣкъ къ человѣку»,—вотъ идеалъ, сложившійся въ душѣ автора помимо всякихъ условныхъ и партійныхъ воззрѣній, повидимому, даже помимо его воли и сознанія, какъ-то a priori, какъ что-то составляющее часть его собственной натуры». Позднѣйшіе критики въ равной степени отмѣчаютъ идейность Достоевскаго и особенно высоко цѣнятъ въ его произведеніяхъ—«идею».

Все это опредѣляетъ путь, которымъ долженъ идти изслѣдователь, желающій провѣрить хотя бы часть установившихся воззрѣній на Достоевскаго. Громадная популярность автора «Преступленія и наказанія», начавшаяся непосредственно вслѣдъ за его рѣчью на пушкинскомъ праздникѣ, объясняется тѣмъ же идейнымъ значеніемъ его романовъ и публицистическихъ работъ, и опять таки свидѣтельствуетъ о необходимости прежде всего разобраться въ *идеяхъ* Достоевскаго.

Я начну именно съ рѣчи на пушкинскомъ праздникѣ. Въ ней Достоевскому посчастливилось не только особенно удачно формулировать свою идею въ смыслѣ полноты и опредѣленности, но и приподнести ее подъ такимъ соусомъ, что даже люди противоположныхъ политическихъ идеаловъ кинулись пожимать руки оратору; русское же общество того времени сразу признало Достоевскаго «властителемъ думъ».

Я полагаю, въ наши дни рѣчь Достоевскаго не произвела бы такого впечатлѣнія, какое произвела четырнадцать лѣтъ тому назадъ. Тогда внѣшнія обстоятельства очень благопріятствовали ора-

Digitized by Google

тору. Во-первыхъ, дѣйствіе происходило, такъ сказать, у подножія только что открытаго памятника великому писателю, незадолго передъ тѣмъ подвергшемуся жестокому гоненію. Вмѣстѣ съ пеленою, спавшею съ бронзовой фигуры поэта, спадалъ запретъ съ его имени, забрызганнаго радикальною грязью, покрытаго мальчишески-задорной хулой. Во-вторыхъ, обществу, къ тому времени, уже надоѣло притворяться, что оно «не дома» и не хочетъ «домой». Патріотизмъ,—не менѣе естественный, какъ и любовь къ матери, отцу, сыну, мѣсту, гдѣ мы родились,—не могъ вѣки-вѣченскіе таиться подъ спудомъ, стыдливо прятаться отъ свѣта, краснѣть за свое шутовское одѣяніе. Онъ долженъ былъ прорваться. Открытіе памятника національному генію являлось лучшимъ поводомъ къ торжественному, громогласному и даже громоносному проявленію долго сдерживаемаго чувства. Нуженъ былъ баянъ, который взялъ бы высшую ноту общаго настроенія и съ этой ноты запѣлъ хвалебный гимнъ не только чествуемому поэту, но и чествующему его народу.

Такимъ баяномъ выступилъ Достоевскій. По собственнымъ комментаріямъ автора къ его знаменитой рѣчи, онъ имѣлъ въ виду «обозначить четыре пункта въ значеніи Пушкина для Россіи: 1) то, что Пушкинъ первый, своимъ глубоко-прозорливымъ и геніальнымъ умомъ и чисто-русскимъ сердцемъ своимъ, отыскалъ и отмѣтилъ главнѣйшее и болѣзненное явленіе нашего интеллигентнаго, исторически-оторваннаго отъ почвы, общества, возвысившагося надъ народомъ. Онъ отмѣтилъ и выпукло поставилъ передъ нами отрицательный типъ нашъ, человѣка безпокоющагося и не примиряющагося, въ родную почву и въ родныя силы ея не вѣрующаго, Россію и себя самого (то есть свое же общество, свой же интеллигентный слой, возникшій надъ родной почвой нашей) въ концѣ концовъ отрицающаго, дѣланія съ другими не желающаго и искренно страдающаго—Алеко и Онѣгинъ породили потомъ множество подобныхъ себѣ въ нашей художественной литературѣ... 2) Онъ первый (именно первый, а до него никто) далъ намъ художественные типы красоты русской, вышедшіе прямо изъ духа русскаго, обрѣтавшіеся въ народной почвѣ, въ почвѣ нашей, и имъ въ ней отысканные. Свидѣтельствуютъ о томъ типы Татьяны, женщины совершенно русской, уберегшей себя отъ наносной лжи; типы историческіе, какъ напр., инокъ и др. въ «Борисѣ Годуновѣ»; типы бытовые, какъ въ «Капитанской дочкѣ» и во множествѣ другихъ образовъ, мелькающихъ въ его стихотвореніяхъ, въ разсказахъ, въ запискахъ, даже въ «Исторіи Пугачевскаго бунта». Главное же, что надо особенно подчеркнуть,—это то, что всѣ эти типы положительной красоты человѣка русскаго и души его всецѣло взяты изъ на-

Digitized by Google

роднаго духа. Тутъ уже надобно говорить всю правду: не въ нынѣшней нашей цивилизаціи, не въ «европейскомъ», такъ называемомъ, образованіи (котораго у насъ, къ слову сказать, никогда и не было) не въ уродливостяхъ внѣшне-усвоенныхъ европейскихъ идей и формъ указалъ Пушкинъ эту красоту, а единственно въ нар одномъ духѣ нашелъ ее, *и только въ немъ*. Такимъ образомъ, повторяю, обозначивъ болѣзнь, далъ и великую надежду. Увѣруйте въ духъ народный и отъ него единаго ждите спасенія и будете спасены. Вникнувъ въ Пушкина, не сдѣлать такого вывода невозможно. *Третій пунктъ*, который я хотѣлъ отмѣтить въ значеніи Пушкина, есть та особая, характернѣйшая и не встрѣчаемая, кромѣ него, нигдѣ и ни у кого черта художественнаго генія—способность всемірной отзывчивости и полнѣйшаго перевоплощенія въ геніи чужихъ націй, перевоплощенія почти совершеннаго. Я сказалъ въ моей рѣчи, что въ Европѣ были величайшіе художественные міровые геніи: Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры, но что ни у кого изъ нихъ не видимъ этой способности, а видимъ ее только у Пушкина. Не въ отзывчивости одной тутъ дѣло, а именно въ изумляющей полнотѣ перевоплощенія. Эту способность, понятно, я не могъ не отмѣтить въ оцѣнкѣ Пушкина, именно, какъ характернѣйшую особенность его генія, принадлежащую изъ всѣхъ всемірныхъ художниковъ только ему одному, чѣмъ и отличается онъ отъ нихъ отъ всѣхъ. Но не для умаленія такой величины европейскихъ геніевъ, какъ Шекспиръ и Шиллеръ, сказалъ я это; такой глупенькій выводъ изъ моихъ словъ могъ бы сдѣлать только дуракъ. Всемірность, *всепонятность* и неизслѣдимая глубина міровыхъ типовъ человѣка арійскаго племени, данныхъ Шекспиромъ на вѣки вѣковъ, не подвергается мною ни малѣйшему сомнѣнію. И еслибы Шекспиръ создалъ Отелло дѣйствительно *венеціанскимъ* мавромъ, а не англичаниномъ, то только придалъ бы ему ореолъ мѣстной, національной характеристики; міровое же значеніе этого типа осталось бы по прежнему то же самое, ибо и у итальянца онъ выразилъ бы то же самое, что̀ хотѣлъ сказать, съ такою же силою. Повторяю, не на міровое значеніе Шекспировъ и Шиллеровъ хотѣлъ я посягнуть, обозначая геніальнѣйшую способность Пушкина перевоплощаться въ геніи чужихъ націй, а желая лишь въ самой этой способности и въ полнотѣ ея отмѣтить великое и пророческое для насъ указаніе, ибо — въ 4-хъ — способность эта есть всецѣло способность русская, національная, и Пушкинъ только дѣлитъ ее со всѣмъ народомъ нашимъ и, какъ совершеннѣйшій художникъ, онъ есть и совершеннѣйшій выразитель этой способности, по крайней мѣрѣ, въ своей дѣятельности, въ дѣятельности художника. Народъ же нашъ именно заключаетъ въ

Digitized by Google

душѣ своей эту склонность ко всемірной отзывчивости и къ всепримиренію и уже проявлялъ ее во все двухсотлѣтіе съ петровской реформы не разъ».

О назначеніи русскаго человѣка я цитирую далѣе уже изъ «рѣчи»: «Да, назначеніе русскаго человѣка есть, безспорно, всеевропейское и всемірное. Стать настоящимъ русскимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ быть, и значитъ только (въ концѣ концовъ, это подчеркните) стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у насъ недоразумѣніе, хотя исторически и необходимое. Для настоящаго русскаго, Европа и удѣлъ всего великаго арійскаго племени также дороги, какъ и сама Россія, какъ и удѣлъ своей родной земли, потому что нашъ удѣлъ и есть всемірность, и не мечемъ пріобрѣтенная, а силой братства и братскаго стремленія нашего къ возсоединенію людей. Если захотите вникнуть въ нашу исторію послѣ петровской реформы, вы найдете уже слѣды указанія этой мысли,—этого мечтанія моего, если хотите,—въ характерѣ общенія нашего съ европейскими племенами, даже въ государственной политикѣ нашей. Ибо что дѣлала Россія во всѣ эти два вѣка въ своей политикѣ, какъ не служила Европѣ, можетъ быть, гораздо болѣе, чѣмъ себѣ самой? Не думаю, чтобы отъ неумѣнія лишь нашихъ политиковъ это происходило. О, народы Европы и не знаютъ, какъ они намъ дороги, и впослѣдствіи,—я вѣрю въ это,—мы, т. е., конечно, не мы, а будущіе, грядущіе русскіе люди поймутъ уже всѣ до единаго, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить: стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ быть, изречь окончательное слово великой, общей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по христову евангельскому закону».

Взглядъ Достоевскаго на историческую миссію русскаго народа, такимъ образомъ, совершенно ясенъ: русскій народъ призванъ «внести примиреніе въ европейскія противорѣчія» и объединить всѣ другіе народы братскою любовью. Эта миссія—по силамъ русскому народу: во-первыхъ, на томъ основаніи, что онъ вѣрный носитель правды христовой; во-вторыхъ потому, что его духовныя особенности возвышаются надъ духовными особенностями остальныхъ народовъ...

Оспаривать точку зрѣнія, на которой зиждется «ученіе» Достоевскаго, можно, только обратившись къ аргументамъ знаменитой

Digitized by Google

«рѣчи», касающимся великаго міроваго значенія Пушкина, ибо «изъ Пушкина» нашъ проповѣдникъ все и выводитъ.

Отмѣчая способность Пушкина «перевоплощаться въ геніи чужихъ націй», авторъ «рѣчи» отмѣчаетъ дѣйствительно существующую въ великомъ русскомъ поэтѣ особенность, но придаетъ ей, во-первыхъ, чудовищно-громадные размѣры, во-вторыхъ, несовсѣмъ вѣрно понимаетъ ее.

Особенность Пушкина «перевоплощаться» происходитъ оттуда же, откуда происходитъ «всепонятливость» русскаго человѣка. Мы лучше и совершеннѣе понимаемъ бытъ и отличительныя черты, напримѣръ, англичанъ, чѣмъ они—нашъ бытъ и наши отличительныя черты. Нужно ли объяснять происхожденіе этой «понятливости»? Выглянувъ на свѣтъ божій изъ своего медвѣжьяго угла, мы съ любопытствомъ начали озираться кругомъ. Все привлекало наше вниманіе. Отдѣленные, до Петра I, китайскою стѣной отъ Европы, мы естественно не могли не заинтересоваться обитателями открывшагося за этой стѣной огромнаго міра и съ жадностью стали собирать о нихъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія. По мѣрѣ того какъ мы пріобщались къ европейскому просвѣщенію, росли и наши свѣдѣнія. Тутъ надо отмѣтить чрезвычайно важное обстоятельство: свѣдѣнія почерпались почти всегда изъ первыхъ рукъ: то есть, по сочиненіямъ французскихъ писателей мы знакомились съ Франціей; англійскіе авторы сообщали намъ данныя о своихъ соотечественникахъ; нѣмцы разсказывали о нѣмцахъ.

Такъ ли знакомилась *съ нами* Европа? Ея любознательность не могла получить удовлетворенія хотя бы приблизительно настолько полнаго, насколько получала наша. Русскія сочиненія о Россіи стали появляться сравнительно недавно и мы сами жалуемся (далеко не безосновательно) на крайнюю скудость матеріаловъ для изученія нашего отечества. Появлявшіяся до начала царствованія Александра II изслѣдованія тѣхъ или другихъ особенностей русскаго быта, экономическаго положенія страны и т. п. проходили чрезъ строжайшую цензуру и даже большимъ оптимистамъ не внушали достаточнаго довѣрія. Я ужь не упоминаю о судьбѣ книги Радищева и его самого, виновнаго, какъ извѣстно, лишь въ скромной попыткѣ изобразить дѣйствительность безъ прикрасъ и лести.

Очевидно, иностранцамъ предоставлялось, для удовлетворенія любознательности, непосредственно «открывать Россію» и непосредственно же знакомиться съ нею по личнымъ наблюденіямъ. О Россіи иностранцы написали много вздора, но я удивляюсь, что они не написали еще больше. Когда имъ приходилось останавливаться на придворномъ бытѣ, на положеніи высшихъ классовъ имперіи—они

Digitized by Google

дѣлали уже несравненно менѣе промаховъ, иногда же давали поразительно-меткія и правдивыя характеристики. Но суть вопроса не въ томъ. Суть вопроса въ томъ, что относительно изученія Европы мы находились въ неизмѣримо выгоднѣйшихъ условіяхъ, чѣмъ Европа—относительно изученія насъ.

Разница между нашимъ бытомъ, нашей исторіей и многими особенностями нашего духовнаго склада и между бытомъ, исторіей и духовнымъ складомъ западно-европейцевъ—опять таки неизмѣримо бо̀льшая, чѣмъ между бытомъ, исторіей etc. отдѣльныхъ западно-европейскихъ народовъ. Чтобы понять нѣмца, французу нѣтъ надобности перевоплощаться въ него. Въ свою очередь, чтобы быть понятнымъ для нѣмца, тоже нѣтъ надобности въ перевоплощеніи. До тѣхъ поръ, пока мы не «объевропеились», Шекспиръ былъ намъ чуждъ; не при насъ были писаны Иліады и Божественныя комедіи; не для насъ трудились Ньютоны и Гарвеи. Не нужна была и Европѣ наша скиеская поэзія, начиная былинами объ Ильѣ Муромцѣ и кончая державинскою «Фелицею».

Пушкинъ—первый истинный плодъ европейской культуры на русской почвѣ—уже *интересенъ* иностранцу, хоть я бы не сказалъ: нуженъ. Для Европы Пушкинъ—геніальный репетиторъ давно затверженныхъ задовъ, геніальный коментаторъ мыслей и чувствъ, своевременно передуманныхъ и переиспытанныхъ. Конечно, въ міровой экономіи геніальнаго человѣческаго труда ничто не лишнее, ничто не пропадаетъ; не лишней была и не пропадетъ работа Пушкина, которому нельзя отказать въ міровомъ значеніи; но ставить его выше Шекспира или хотя бы выше Сервантеса, Байрона и Шиллера могутъ только крайніе «патріоты своего отечества», знакомые, вдобавокъ, и съ Байрономъ, и съ Шекспиромъ, и съ Сервантесомъ лишь по наслышкѣ.

Умиляясь передъ нашею «всепонятливостью» и забывая ея происхожденіе, Достоевскій забываетъ еще и другое ничтожное обстоятельство: вѣдь это *мы*, русскіе, умиляемся, а не иностранцы, которые здѣсь были бы лучшими судьями. Пусть испанецъ засвидѣтельствуетъ, что въ «Каменномъ гостѣ» изумительно переданъ «испанскій духъ», національныя особенности доннъ и дона, колоритъ обстановки, etc. Пусть потомки «Скупаго рыцаря» подѣлятся съ нами восторгомъ, который они испытываютъ, перечитывая сцены съ оруженосцемъ, съ герцогомъ, въ подземельѣ. Пусть итальянцы выскажутся относительно «Анджело» — вдобавокъ заимствованнаго Пушкинымъ у итальянскаго же автора.

Пушкинъ никогда не задавался и не могъ задаваться курьезнымъ намѣреніемъ перевоплощать себя въ испанца, нѣмца, италь-

Digitized by Google

янца. Его занимало развитіе извѣстной страсти; обстановку же онъ бралъ уже готовую, и если чему надо удивляться, такъ это превосходной эрудиціи нашего поэта, замѣчательнаго знатока иностранныхъ литературъ. Пушкинъ разсмѣялся бы, услышавъ, что для созданія «Скупаго рыцаря» нужно «перевоплотиться» въ тевтонскаго барона. Онъ съ негодованіемъ встрѣтилъ бы «нутряную» попытку изобразить нѣмца или англичанина, потому что такая «нутряная попытка» свидѣтельствуетъ лишь о невѣжествѣ и совсѣмъ не почтенной самоувѣренности пытающагося. Работая надъ «Каменнымъ гостемъ», нашъ великій поэтъ еще менѣе имѣлъ надобности въ «нутрѣ», потому что о Донъ Жуанѣ существуетъ цѣлая огромная литература и Пушкину она была хорошо извѣстна, что̀ доказывается соотвѣтственными замѣтками въ его дневникѣ.

Разумѣется, бездарный человѣкъ съ одною эрудиціей немного сдѣлаетъ, но у Пушкина эрудиція оплодотворялась не просто дарованіемъ, а блестящимъ геніемъ. Къ чему же ходить за фантастическими объясненіями его «всепонятливости», когда точныя и ясныя объясненія налицо, когда даже бѣглое воспроизведеніе ихъ сразу же даетъ полную, отчетливую картину?

Такимъ образомъ, «всечеловѣчность» Пушкина, въ смыслѣ, придаваемомъ ей Достоевскимъ, оказывается призракомъ,—даже не мыльнымъ пузыремъ, ибо мыльный пузырь все таки есть нѣчто реальное, хотя и не долго существующее. Посмотримъ теперь, насколько вѣрно понимаетъ Достоевскій Пушкина, какъ *русскаго* поэта. Мы уже знаемъ, что̀ вмѣнилъ ему нашъ авторъ въ величайшую заслугу: изображеніе отрицательнаго типа человѣка, «безпокоющагося и не примиряющагося, въ родную почву и въ родныя силы ея не вѣрующаго, Россію и себя въ концѣ концовъ отрицающаго, дѣланія съ другими не желающаго и искренно страдающаго» (Алеко, Онѣгинъ). Далѣе, въ заслугу Пушкину вмѣняется изображеніе положительнаго типа красоты русской, «вышедшей прямо изъ духа русскаго, обрѣтавшейся въ народной правдѣ, въ почвѣ нашей, и имъ (Пушкинымъ) описанной». (Прежде всего—Татьяна; затѣмъ инокъ изъ «Бориса Годунова», типы бытовые въ «Капитанской дочкѣ» и т. д.). Третья заслуга нами уже разсмотрѣна: это «всечеловѣческая» заслуга.

Я не буду отмѣчать фальши каждой характеристики, каждаго опредѣленія Достоевскаго. Достаточно остановиться на важнѣйшихъ. Самъ авторъ рѣчи наибольшее, исключительное значеніе придаетъ: изъ отрицательныхъ типовъ — Онѣгину, изъ положительныхъ— Татьянѣ.

Ими мы и займемся.

Digitized by Google

Татьяна, по мнѣнію Достоевскаго, подлинная героиня поэмы. Пушкинъ сдѣлалъ промахъ, не назвавъ своего произведенія ея именемъ. Онѣгинъ, какъ мы знаемъ, типъ положительный, Татьяна—отрицательный. Онѣгинъ — «нравственный эмбріонъ», человѣкъ, оторвавшійся отъ почвы, «вѣрящій въ полную невозможность какой бы то ни былс работы на родной нивѣ, смотрящій съ презрѣніемъ на тѣхъ немногихъ, которые вѣрятъ въ эту возможность». Татьяна полна правды, «правды безспорной и осязательной». Она стоитъ на твердой почвѣ. Она глубже и умнѣе Онѣгина. «Она уже однимъ благороднымъ инстинктомъ предчувствуетъ, гдѣ правда, что̀ и выразилось въ финалѣ поэмы». Относительно финала поэмы и знаменитыхъ словъ Татьяны:

Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна—

Достоевскій пускается въ пространныя разсужденія, пройти мимо которыхъ рѣшительно нельзя. «Развѣ можетъ человѣкъ основать свое счастье на несчастіи другаго?—спрашиваетъ онъ.—Счастье не въ однихъ только наслажденіяхъ любви, а въ высшей гармоніи духа. Чѣмъ успокоить духъ, если назади стоитъ нечестный, безжалостный, безчеловѣчный поступокъ? Ей бѣжать изъ за-того только, что тутъ мое счастье? Но какое же можетъ быть счастье, если оно основано на чужомъ несчастьѣ»? Достоевскій не скоро кончаетъ варіаціи этого весьма нравственнаго мотива и едва-едва не подходитъ къ вѣрному рѣшенію вопроса. Онъ доказываетъ, что Татьяна, любя Онѣгина, не придавала цѣны *его* любви, что для нея было ясно: «онъ любитъ въ сущности только свою новую фантазію». «Если она за нимъ пойдетъ—онъ завтра же разочаруется и взглянетъ на свое увлеченіе насмѣшливо». Просто удивительно, какъ мало значенія придалъ Достоевскій этому послѣднему обстоятельству; онъ заключаетъ свои разсужденія о Татьянѣ тѣмъ же, чѣмъ и началъ: «нѣтъ, есть глубокія и твердыя души, которыя не могутъ сознательно отдать святыню свою на позоръ, хотя бы и изъ безконечнаго состраданія. Нѣтъ, Татьяна не могла пойти за Онѣгинымъ»!

Здѣсь тотъ же,—переиначенный сообразно новымъ, введеннымъ авторомъ, элементамъ,—высоко-нравственный мотивъ о счастьѣ одного человѣка, основанномъ на несчастіи другаго. Между тѣмъ, дѣло обстоитъ гораздо проще и менѣе «идеально». Татьяна, конечно, сознаётъ всю важность такого шага, какъ разрывъ съ мужемъ. Во имя чего же она рѣшится на этотъ шагъ? Во имя любви Онѣгина? Но эта любовь—«фантазія; Онѣгинъ завтра же взглянетъ на нее съ усмѣшкою» и предастся другимъ фантазіямъ. Главный стимулъ,

Digitized by Google

стало быть, отсутствуетъ: нѣ для кого и не для чего переворачивать вверхъ дномъ жизнь, успѣвшую войти въ колею. Татьяна недаромъ «почвенница». Стоящій на твердой почвѣ человѣкъ непремѣнно болѣе или менѣе практиченъ. Татьяна практична. Признавая святость семейныхъ узъ и необходимость бороться до послѣдней крайности, она очень ловко и вѣрно взвѣшиваетъ шансы. Вопросъ о нравственномъ побужденіи—пощадить счастье и честь мужа—самъ собою отпадаетъ, разъ неизмѣримо важнѣйшій личный вопросъ: любитъ ли Онѣгинъ, или «фантазируетъ», рѣшенъ отрицательно. Я не понимаю, какъ могъ запутаться Достоевскій въ этихъ немудреныхъ вопросахъ. Еслибы онъ изображалъ Татьяну вѣрящей въ любовь Онѣгина—тогда другое дѣло; но, изображая ее не вѣрящей въ эту любовь, авторъ знаменитой «рѣчи» долженъ былъ совершенно откинуть всѣ побочныя соображенія и ужь никоимъ образомъ не придавать имъ первостепеннаго значенія. Смѣшно, право, говорить о нравственномъ *подвигѣ* женщины, которая не вѣритъ любви зовущаго ее невѣдомо куда человѣка и нейдетъ за нимъ. Называйте такую женщину умницей, восхищайтесь ея проницательностью, сдержанностью и серьезнымъ отношеніемъ къ чувству—но подвигъ оставьте въ покоѣ: подвига тутъ нѣтъ никакого, и не можетъ быть. Разъ Татьяна была убѣждена, что Онѣгинъ ее не любитъ — перспектива «ухода» къ нему не могла ее прельщать. Ужь лучше со спокойною совѣстью доживать вѣкъ около нелюбимаго стараго мужа, чѣмъ влачить его въ позорномъ одиночествѣ, потерявъ право на уваженіе даже въ собственныхъ глазахъ и превратившись изъ «героини» въ бѣглую жену, брошенную затѣмъ легкомысленнымъ любовникомъ.

Прежде чѣмъ говорить объ «окончательномъ» значеніи типа Татьяны, перейдемъ къ Онѣгину. Тогда «окончательное» значеніе выяснится уже само собою.

Онѣгинъ—оторвавшійся отъ почвы интеллигентъ, въ Россію не вѣрующій и ничего дѣлать не желающій. Кромѣ того, онъ «полуфатъ» и свѣтскій шаркунъ. Онѣгина Достоевскій очень не любитъ, презрительно называетъ «скитальцемъ» и не вѣритъ, что его скитальчество *вынужденное*. Въ полемикѣ съ А. Д. Градовскимъ, вступившимся за Онѣгина, Достоевскій обнаружилъ столько апломба (очевидно, подъ неостывшимъ еще тогда впечатлѣніемъ своего московскаго тріумфа) и столько—да простится мнѣ откровенное слово—невѣжества, что секретъ дальнѣйшаго успѣха «рѣчи» для меня является совершенно непонятнымъ. А. Д. Градовскій сдѣлалъ апостолу «всечеловѣчности» и «всепонятливости» чрезвычайно вѣскія возраженія. «Пушкинъ, — писалъ критикъ-профессоръ, — выводя

Digitized by Google

Алеко и Онѣгина съ ихъ отрицаніемъ, не показалъ, что̀ именно «отрицали» они, и было бы въ высшей степени рискованно утверждать, что они отрицали именно «народную правду». коренныя начала русскаго міросозерцанія. Этого не видно нигдѣ». Далѣе Градовскій пояснялъ, что «міръ тогдашнихъ скитальцевъ былъ міромъ, отрицавшимъ другой міръ. Для объясненія этихъ типовъ необходимы другіе типы, которыхъ Пушкинъ не воспроизвелъ, хотя и обращался къ нимъ по временамъ со жгучимъ негодованіемъ. Природа его таланта мѣшала ему спуститься въ этотъ мракъ и возвести въ «перлъ созданія» совъ, сычей и летучихъ мышей, наполнявшихъ подвальные этажи русскаго жилища. Это сдѣлалъ Гоголь—великая оборотная сторона Пушкина. Онъ повѣдалъ міру, отчего бѣжалъ къ цыганамъ Алеко, отчего скучалъ Онѣгинъ, отчего народились на свѣтъ «лишніе люди», увѣковѣченные Тургеневымъ. Коробочки, Собакевичи, Сквозники-Дмухановскіе, Держиморды, Тяпкины-Ляпкины—вотъ тѣневая сторона Алеко, Бельтова, Рудина и многихъ иныхъ. Это фонъ, безъ котораго непонятны фигуры послѣднихъ. А вѣдь эти гоголевскіе герои были русскими,—ухъ, какими русскими людьми! У Коробочки не было міровой скорби, Сквозникъ-Дмухановскій превосходно умѣлъ объясняться съ купцами, Собакевичъ насквозь видѣлъ своихъ крестьянъ и они насквозь видѣли его. Конечно, Алеко и Рудины всего этого вполнѣ не видали и не понимали; они просто бѣжали куда кто могъ: Алеко къ цыганамъ, Рудинъ въ Парижъ, умирать за дѣло, для него совершенно постороннее».

Что же отвѣтилъ на это Достоевскій? Онъ отвѣтилъ, что... «всѣ эти Сквозники-Дмухановскіе и Собакевичи хоть и русскіе люди, но русскіе люди испорченные, отъ почвы оторвавшіеся». Такимъ образомъ, и Дмухановскіе—оторвавшіеся отъ почвы люди, и Онѣгины—оторвавшіеся отъ почвы люди. Очевидно, здѣсь что-то неладно. Неладно—или съ какими бы то ни было русскими людьми, исключая мужичковъ-сѣрячковъ, или неладно съ «почвой». О мужичкахъ-сѣрячкахъ рѣчь впереди, теперь же послушаемъ дальнѣйшія страницы обвинительнаго акта противъ «оторвавшихся».

Я уже сказалъ, что, кромѣ апломба, Достоевскій обнаружилъ въ отвѣтѣ А. Д. Градовскому и замѣчательное невѣжество. Въ самомъ дѣлѣ, взявшись уяснять «правду народную», прикрѣпленность къ почвѣ и отторженность отъ нея, проповѣдникъ оказывается лишеннымъ чувства всякой исторической перспективы и незнакомымъ съ чѣмъ же—съ русской исторіей послѣдняго столѣтія!! Онъ совершенно не понимаетъ и не знаетъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ жили Онѣгины, и Сквозника-Дмухановскаго принимаетъ въ серьезъ, въ

Digitized by Google

качествѣ начальника города, отъ котораго хоть три года скачи—ни до какого государства не доскачешь. Между тѣмъ, А. Д. Градовскій, очевидно, придавалъ Сквознику широкое аллегорическое значеніе. Сквозникъ, подобно Лѣшему передъ Мизгиремъ въ «Снѣгурочкѣ», выросталъ передъ Онѣгиными на каждой тропинкѣ, ведшей къ «осуществленію практической цѣли». И теперь, въ наше время, Россія даетъ очень мало выгодныхъ условій для развитія частной иниціативы; въ то же время она ихъ не давала вовсе. Что могъ предпринять Онѣгинъ? Начать писать, пойти на службу? Но и для писательства, и для службы требуются особенныя дарованія, которыхъ въ Онѣгинѣ не было, и винить Онѣгина въ отсутствіи этихъ дарованій—на худой конецъ наивно. Нынѣ Онѣгинъ могъ бы сдѣлаться хотя предсѣдателемъ губернской земской управы, а тогда ему представлялось одно изъ двухъ: или занять «безвредное», но и совершенно безполезное «мѣсто», или же идти въ Сквозники-Дмухановскіе. Представляете вы себѣ Онѣгина на «безвредномъ» «мѣстѣ» или въ шкурѣ Дмухановскаго? Онѣгинъ—натура талантливая, не бѣдная. Онѣгинъ—человѣкъ образованный и по своимъ взглядамъ передовой. Приспособлять его къ улиточному дѣлу значитъ цѣликомъ не понимать ни улиточнаго дѣла, ни Онѣгина. И Достоевскій дѣйствительно не понимаетъ ни того, ни другаго. Онъ доходитъ до геркулесовыхъ столповъ ослѣпленной ненависти къ «скитальцу» и невѣжества въ отношеніи нашей исторіи за послѣднее столѣтіе, съ негодованіемъ вопрошая, почему Онѣгинъ... *не освободилъ своихъ крестьянъ*?!!

Можно ли серьезно опровергать подобный «аргументъ?» Я уже не спрашиваю: что же дальше-то сталъ бы дѣлать Онѣгинъ, потому что не успѣло бы произойти «освобожденіе», какъ нашего героя уже не существовало бы среди людей, обрѣтающихся на свободѣ. Подумалъ ли Достоевскій объ этихъ пустякахъ? Развѣ можно было *въ то время*, по собственному усмотрѣнію, отпустить на волю крестьянъ цѣлыми деревнями? Конечно, офиціально помѣщику не воспрещалось давать своимъ людямъ вольныя, но обычное право ограничивало въ этомъ направленіи свободу дѣйствій помѣщика. Еще будь Онѣгинъ вельможей «въ случаѣ»—онъ имѣлъ бы возможность исполнить гуманный капризъ (по тогдашнимъ понятіямъ) и разсчитывать на безнаказанность. Но вельможей Онѣгинъ не былъ и съ нимъ, конечно, не поцеремонились бы, еслибы онъ вздумалъ *волновать умы*, освобождая своихъ крѣпостныхъ. Какъ зорко слѣдили въ то время за каждымъ «волненіемъ умовъ», развивавшимся на почвѣ освобожденія, извѣстно изъ многочисленныхъ документовъ частнаго и офиціальнаго происхожденія. Просто смѣшно

Digitized by Google

предъявлять къ Онѣгину требованія, которыя предъявляетъ Достоевскій. Пушкинъ не хуже разныхъ «скитальцевъ» понималъ зло крѣпостнаго права, однако ему и не мерещилось освобожденіе своихъ крестьянъ. Онѣгина Пушкинъ заставляетъ сдѣлать maximum возможнаго: тяжелую барщину «оброкомъ легкимъ замѣнить».

Убѣдившись въ неосновательности нападокъ на Онѣгина, какъ на человѣка, *умышленно* оторвавшагося отъ почвы и не желавшаго трудиться при удовлетворительныхъ условіяхъ труда, мы должны отвергнуть самую сущность опредѣленія Достоевскимъ «скитальческихъ типовъ». «Скитальцы» рѣшительно не виноваты въ своемъ скитальчествѣ, а виноватъ именно Сквозникъ-Дмухановскій, «все наполнявшій, обнимавшій и сохранявшій собою».

Татьяна находилась въ иныхъ обстоятельствахъ. Ей не было надобности подыскивать задачи по себѣ въ сферѣ общественной дѣятельности. Она сама опредѣляетъ свою подлинную задачу: быть вѣрною супругой и добродѣтельною матерью. Задача прекрасная, благородная,—святая задача, но выполнять ее можно во всѣ времена и при всякихъ порядкахъ, потому что, при всей важности, это задача интимная и санкціи Сквозника-Дмухановскаго не требующая, разумѣется, если Сквозникъ внезапно не надумаетъ отрицать семью.

Такимъ образомъ, трагедія Татьяны—*трагедія интимная*, въ противоположность трагедіи Онѣгина, имѣющей общественное значеніе. Можно ли сравнивать эти двѣ трагедіи, дѣлая выводы изъ нихъ, какъ изъ однородныхъ?—предоставляемъ судить читателю. На нашъ взглядъ, фальшь заключеній Достоевскаго въ томъ и заключается, что онъ упустилъ изъ виду различіе внѣшнихъ условій существованія Татьяны и существованія Онѣгина. Я очень хорошо понимаю причины азарта, съ которымъ отстаивалъ авторъ «рѣчи» свою ложную посылку. Признай онъ ее ложной — вся хитросплетенная теорія «всечеловѣчности», съ Татьяной-«всечеловѣкомъ» во главѣ, разлетѣлась бы прахомъ.

II.

Мы видѣли, изъ какихъ источниковъ, по убѣжденію Достоевскаго, должна излиться благодать «міровой правды»: она должна излиться изъ источника *русской* народной правды, ибо русскій народъ—ея истинный носитель и обладаетъ такими нравственными качествами, которыми не обладаетъ ни одинъ народъ въ мірѣ. Добролюбовъ, разбирая «Униженныхъ и оскорбленныхъ», припоми-

Digitized by Google

ная «Бѣдныхъ людей», «Неточку Незванову» и т. д., видитъ въ Достоевскомъ проповѣдника гуманной идеи: «каждый человѣкъ долженъ быть человѣкомъ и относиться къ другимъ, какъ человѣкъ къ человѣку».

Достоевскій не остановился на первомъ фазисѣ этой идеи. Дальнѣйшія его произведенія—дальнѣйшее развитіе ея. Я избавлю читателя отъ длинныхъ и скучныхъ выписокъ, документально доказывающихъ, къ какому конечному заключенію пришелъ авторъ «Карамазовыхъ». Кажется, здѣсь споровъ уже нѣтъ и почти всѣ критики Достоевскаго согласны, что «конечное заключеніе» есть тезисъ: русскій человѣкъ падаетъ, чтобы возродиться; русскій человѣкъ и въ паденіи своемъ сохраняетъ запасы душевной чистоты и красоты, которыми начинаетъ пользоваться непосредственно послѣ паденія, часто оставляя ихъ до онаго втунѣ.

Мысль Достоевскаго такова, и *не можетъ быть иною.* Въ «рѣчи» онъ съ полною опредѣленностью высказалъ взглядъ на грядущую судьбу русскаго народа. Аргументація его взгляда въ «рѣчи» сводилась къ разсмотрѣнію Пушкина съ точки зрѣнія «всечеловѣчности». Какъ мы уже знаемъ, эта аргументація не выдерживаетъ критики. Но у Достоевскаго имѣются еще важные документы, гораздо глубже и серьезнѣе затрогивающіе интересующій насъ вопросъ.

Эти документы—его романы. Однако, къ нимъ мы приступимъ не сейчасъ. Предварительно необходимо разсмотрѣть кое-какія особенности тѣхъ интеллигентныхъ людей, которые, по мысли Достоевскаго, отъ почвы окончательно не отрывались.

Въ «Преступленіи и наказаніи», и въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» мы находимъ этихъ интеллигентныхъ людей. Раскольниковъ и Дмитрій Карамазовъ—одинъ опредѣленнымъ преступнымъ дѣяніемъ, другой—всѣмъ складомъ преступной жизни—достигаютъ возрожденія. Не забудьте, что наказаніе, выпавшее на долю Дмитрія Карамазова, карало не его вину, что онъ принялъ его съ геройскимъ самопожертвованіемъ, оттого и возрожденіе Дмитрія Карамазова нѣсколько иное, чѣмъ Раскольникова. Карамазовъ хочетъ бѣжать. Даже Алеша находитъ, что крестъ, выпавшій на долю брата, слишкомъ тяжелъ и что братъ не готовъ къ его несенію. «Еслибы ты убилъ отца, я бы сожалѣлъ,—говоритъ онъ,—что ты отвергаешь свой крестъ. Но ты невиновенъ и такого креста для тебя слишкомъ много. Ты хотѣлъ мукой возродить въ себѣ другаго человѣка; по моему, помни только всегда, во всю жизнь и куда бы ты ни убѣжалъ, объ этомъ другомъ человѣкѣ—и вотъ съ тебя довольно. То, что ты не принялъ большой крестной муки, послу-

Digitized by Google

житъ только къ тому, что ты ощутишь въ себѣ еще бо̀льшій долгъ и этимъ безпрерывнымъ ощущеніемъ, впредь, во всю жизнь, поможешь своему возрожденію, можетъ быть, болѣе, чѣмъ еслибы пошелъ *туда*. Потому что тамъ ты не перенесешь и возропщешь и, можетъ быть, впрямь наконецъ скажешь: «я сквитался».

О своемъ бѣгствѣ въ Америку Дмитрій Карамазовъ говоритъ слѣдующее: «Вотъ что̀ я выдумалъ и рѣшилъ: если я и убѣгу, даже съ деньгами и паспортомъ въ Америку, то меня еще ободряетъ та мысль, что̀ не на радость убѣгу, не на счастье, а воистину на другую каторгу, не хуже, можетъ быть, этой. Не хуже, Алексѣй, во истину говорю, что не хуже! Я эту Америку, чортъ ее дери, ужь теперь ненавижу. Пусть Груша будетъ со мной, но посмотри на нее: ну, американка ли она? Она русская, она по матери родной землѣ затоскуетъ и я буду видѣть каждый часъ, что это она для меня тоскуетъ, для меня такой крестъ взяла, а чѣмъ она виновата? А я-то развѣ вынесу тамошнихъ смердовъ, хоть они, можетъ быть, всѣ до одного лучше меня? Ненавижу я эту Америку ужь теперь! и хотя будь они тамъ всѣ до единаго машинисты необъятные какіе-то, али что̀—чортъ съ ними, не мои они люди, не моей души! Россію люблю, Алексѣй, русскаго Бога люблю, хоть самъ я и подлецъ. Да я тамъ издохну»,—воскликнулъ онъ, вдругъ засверкавъ глазами. Голосъ его задрожалъ отъ слезъ. «Ну, такъ вотъ какъ я рѣшилъ, Алексѣй, слушай!—началъ онъ опять, подавляя волненіе:—съ Грушей туда пріѣдемъ—а тамъ тотчасъ пахать, работать, съ дикими медвѣдями, въ уединеніи, гдѣ нибудь подальше. Вѣдь и тамъ же найдется какое нибудь мѣсто подальше! Тамъ, говорятъ, есть еще краснокожіе, гдѣ-то тамъ у нихъ на краю горизонта, ну, такъ вотъ въ тотъ край, къ послѣднимъ могиканамъ. Ну, и тотчасъ за грамматику, я и Груша. Работа и грамматика, и такъ чтобы года три. Въ эти три года англицкому языку научимся, какъ самые, что ни на есть, англичане. И только что выучимся—конецъ Америкѣ. Бѣжимъ сюда въ Россію американскими гражданами. Не безпокойся, сюда въ городишко не явимся. Спрячемся куда нибудь подальше, на сѣверъ или на югъ. Я къ тому времени измѣнюсь, она тоже; тамъ, въ Америкѣ, мнѣ докторъ какую нибудь бородавку поддѣлаетъ, недаромъ же они механики. А нѣтъ, такъ я себѣ одинъ глазъ проколю, бороду отпущу въ аршинъ, сѣдую (по Россіи-то посѣдѣю)—авось не узнаютъ. А узна̀ютъ—пусть ссылаютъ, все равно, значитъ, не судьба. Здѣсь тоже будемъ гдѣ нибудь въ глуши землю пахать, а я всю жизнь американца изъ себя представлять. Зато помремъ на родной землѣ». Нѣсколько странно, конечно, что человѣкъ, такъ глубоко привязан-

Digitized by Google

ный къ Россіи, то есть стоящій на твердой почвѣ, шлетъ за свою же вину проклятія Америкѣ. Дмитрію Карамазову, при констатированной Достоевскимъ нашей «всепонятливости» и нашей «міровой миссіи», гораздо приличнѣе было собираться въ Америку съ цѣлями просвѣтительными, съ цѣлями разлитія «русской народной правды осязательной» среди янки, погибающихъ въ безднѣ лжи и оторванныхъ отъ всякой почвы.

Но Дмитрій Карамазовъ слишкомъ Россію и русскаго Бога любитъ, «хотя и подлецъ». Тутъ положительно какое-то недоразумѣніе. Выходитъ, что чѣмъ глубже сознаётъ себя человѣкъ русскимъ, тѣмъ невыносимѣе для него иностранщина, тѣмъ рѣшительнѣе онъ посылаетъ ее къ чорту. Простиранія объятій всему, существующему въ подлунной, уже не происходитъ.

Да, метаморфоза странная, и авторъ «рѣчи» не далъ ни одного намека на объясненіе ея.

Оставимъ, впрочемъ, въ сторонѣ «всечеловѣчность». Съ русской точки зрѣнія, и Раскольниковъ, и Карамазовъ, и безчисленное множество какихъ бы то ни было возродившихся путемъ паденія должны выслушать другой приговоръ, а не вынесенный имъ Достоевскимъ. Заканчивая «Преступленіе и наказаніе» возрожденіемъ Раскольникова, Достоевскій заключаетъ романъ слѣдующими строками: «Въ началѣ своего счастья, въ иныя мгновенія, они оба (Раскольниковъ и Соня) готовы были смотрѣть на эти семь лѣтъ (каторги), какъ на семь дней. Онъ даже и не зналъ того, что новая жизнь недаромъ же ему достается, что ее надо еще дорого купить, заплатить за нее великимъ, будущимъ подвигомъ... *Но тутъ ужь начинается новая исторія*, исторія постепеннаго обновленія человѣка, исторія постепеннаго перерожденія его, постепеннаго перехода изъ одного міра въ другой, знакомства съ новою, доселѣ совершенно невѣдомою дѣйствительностью. Это могло бы составить тему новаго разсказа, — но теперешній разсказъ нашъ оконченъ».

Къ сожалѣнію, ни для одного изъ своихъ разсказовъ Достоевскій не избралъ подобной темы. Между тѣмъ, для окончательнаго развитія и обоснованія его идеи было крайне необходимо показать жизнь и дѣятельность возродившагося человѣка. Допустимъ, что Раскольниковъ и даже Дмитрій Карамазовъ къ чему-то приготовляются. Карамазовъ, какъ характеризуетъ его Алеша, «еще не готовъ», но Раскольниковъ «уже готовъ» безспорно. Какъ ни поучительна, съ точки зрѣнія Достоевскаго, судьба Раскольникова до каторги,—послѣ каторги она еще интереснѣе и поучительнѣе. Въ моментъ просвѣтленія, «въ иныя мгновенія новаго счастья», Расколь-

Digitized by Google

никову и Сонѣ семь лѣтъ предстоящей каторги кажутся семью днями. «Въ иныя мгновенія» — это понятно, но сколько такихъ мгновеній насчитается въ семи долгихъ каторжныхъ годахъ? Энтузіазмъ, исключительное настроеніе, не можетъ тянуться семь лѣтъ. При любыхъ благопріятнѣйшихъ условіяхъ, семилѣтнее ожиданіе должно расхолодить. Предвидитъ ли Достоевскій реакцію въ Раскольниковѣ? Если предвидитъ, то на что надѣется?

Раскольниковъ будетъ искушать себя терпѣніемъ. Семь лѣтъ терпѣнія, семь лѣтъ очищающей каторги, семь лѣтъ мучительнаго расходованія силъ, необходимыхъ для начала новой, просвѣтленной жизни! Здѣсь что̀ ни предположеніе, то фантазія. Достоевскому слѣдовало наглядно показать и просвѣтленную жизнь Раскольникова, и путь къ ней на протяженіи семи каторжныхъ лѣтъ. Если авторъ этого не сдѣлалъ, мы вправѣ заключить, что онъ и не могъ этого сдѣлать. Задача стояла передъ нимъ слишкомъ опредѣленная, слишкомъ важная и необходимая съ его точки зрѣнія. Неужели онъ ее не видѣлъ, не сознавалъ?..

Заключивъ, что Достоевскій ее видѣлъ и сознавалъ, мы должны заключить одновременно, что она для него самого представлялась неразрѣшимою. Но коли такъ, то зачѣмъ намъ знать исторію Раскольникова и Карамазовыхъ? Зачѣмъ изъ этой исторіи намъ обѣщаютъ какіе-то лучезарные выводы и поученія?

Русскій человѣкъ возвышается путемъ паденія. Въ этомъ его отличіе отъ западно-европейскаго человѣка, который падаетъ разъ навсегда и уже по одному тому не можетъ надѣяться на исправленіе, что за убійства, напримѣръ, въ западной Европѣ полагается смертная казнь и тамошнимъ Раскольниковымъ, стало быть, не остается времени на возрожденіе и просвѣтленіе. Подчеркивая изумительную особенность русскаго человѣка—падая, подниматься, Достоевскій дѣлаетъ выводы, чрезвычайно лестные для русскаго человѣка, но здѣсь, какъ и всегда при сравненіи насъ съ иностранцами, онъ впадаетъ въ громадную, роковую ошибку.

Еслибы Достоевскій придавалъ бо̀льшее значеніе Сквознику-Дмухановскому и понималъ его роль такъ, какъ понялъ ее А. Д. Градовскій, онъ пришелъ бы къ иному заключенію относительно очаровавшей его нашей національной особенности.

Когда мы создадимъ свою культуру, когда мы скажемъ всему міру наше собственное, россійское, великое новое слово, тогда положеніе вещей, конечно, радикально измѣнится. Теперь же оно сводится къ тому, что мы, русскіе люди, очень не культурные люди, что вслѣдствіе этой некультурности все у насъ туманно, неопредѣленно, а оттого и спорно. Фактъ общеизвѣстный, что нигдѣ не

Digitized by Google

гибло зря столько талантливыхъ людей, сколько ихъ гибло въ Россіи. Западно-европейская культура, при массѣ недостатковъ, особенно вредно отражающихся на экономической сторонѣ быта, создала, однако, такія условія, при которыхъ человѣку неизмѣримо легче найти *свое мѣсто*, чѣмъ при нашихъ русскихъ условіяхъ. По мѣрѣ того какъ мы дѣлались болѣе культурными, начали обозначаться и «мѣста». Правда, скитальцы еще не перевелись на русской почвѣ; еще и теперь бродятъ по святой Руси тоскующіе и алчущіе интеллигенты, не находя примѣненія своимъ силамъ. Но это уже не общее явленіе. Онѣгины, Рудины, Алеко и Бельтовы до извѣстной степени угомонились, успокоились, отыскали хоть частицу нравственнаго удовлетворенія. Дальше будетъ, конечно, еще лучше. «Мѣста» еще рѣзче обозначатся и скитальцы станутъ попадаться еще рѣже. Неопредѣленность—результатъ некультурности—смѣнится опредѣленностью. Тогда люди не только талантливые, не только добрые, но и злые, и всякіе займутъ «свои мѣста». Самое преступленіе даже точнѣе обозначится въ своемъ характерѣ. Во-первыхъ, русскій человѣкъ перестанетъ доходить до преступленія, какъ доходилъ прежде и доходитъ иногда теперь, совершенно неожиданно, невзначай. Переставъ доходить до преступленія невзначай, онъ, конечно, сознаетъ съ должною ясностью, въ чемъ именно заключается преступленіе и какая дорога къ нему приводитъ. Западно-европейскій преступникъ, дойдя до преступленія не невзначай, а совершенно логически, умираетъ обыкновенне преступникомъ. Его воля развращена и самъ онъ весь развращенъ, — оттого онъ и преступникъ. Возврата къ прошлому для него не существуетъ, а что лучше, естественнѣе быть честнымъ человѣкомъ, чѣмъ преступникомъ, это онъ зналъ еще тогда, когда первый разъ вооружался ножемъ или отмычкой.

Посмотрите на русскаго некультурнаго преступника даже ближайшаго прошлаго. Совершивъ бездну звѣрскихъ убійствъ и отчаянныхъ грабежей, онъ вдругъ валится на землю (или на платформу эшафота) и вопіетъ: «прости меня, народъ православный»! Вы скажете: вотъ оно, движеніе великой русской души, способной воспарить къ небесамъ изъ самой зловонной пучины разврата. Такъ ли? Не вѣрнѣе ли объяснить движеніе души русскаго некультурнаго преступника тѣмъ, что онъ лишь подъ топоромъ вдругъ узрѣлъ всю бездну своего заблужденія и понялъ, что грабежъ и разбой—не молодечество и подвигъ, а гнусное преступленіе? Недаромъ сложилась пословица: «русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ». Онъ же имѣетъ обыкновеніе, снявши голову, по волосамъ плакать.

Digitized by Google

Время узаконенныхъ обычаемъ грабежей и разбоевъ на западѣ давно прошло. Народные грабежи и разбои на Руси носили, надо сознаться, значительно иной характеръ, чѣмъ на западѣ. Стенька Разинъ, напримѣръ, и Емелька Пугачевъ не просто разбойники, но и своего рода «политическіе дѣятели». Нельзя не признать, что на ихъ сторонѣ лежало сочувствіе массы и что это сочувствіе возбуждалось «политическими идеалами» разбойниковъ. Еслибы Стенька и Пугачевъ приглашали народъ только къ «безъидейному грабительству», народъ не ринулся бы за ними массой.

Конечно, и Стенька, и Емелька, и ихъ приверженцы понимали, что съ точки зрѣнія существующихъ узаконеній они преступники, но эти-то именно узаконенія и не приходились имъ по нраву, противъ нихъ-то они и учиняли свои разбойничьи походы.

Громадное большинство разбойниковъ прошлаго времени являлось Стеньками и Емельками въ миньятюрѣ. Изслѣдованія русскихъ писателей о разбоѣ [1]) доказываютъ, что на разбой чаще всего подвигало нашу чернь невыносимо-тяжелое положеніе, въ которомъ находились и крестьяне, благодаря неограниченной помѣщичьей власти, и мелкіе горожане, благодаря такой же неограниченной власти воеводъ. Чувству законности тутъ негдѣ было развиваться. Наоборотъ, всѣми чувствовалось, что завладѣвшій палкою непремѣнно станетъ капраломъ и что весь вопросъ къ завладѣнію палкой и сводится.

Такимъ образомъ, врядъ ли можно утверждать, что прежній дореформенный разбой не содержалъ въ себѣ элементовъ протеста. А разъ мы признаемъ элементъ протеста, то характеръ русскаго дореформеннаго протеста сдѣлается совершенно понятнымъ. Совершенно понятнымъ станетъ и отношеніе народа къ «несчастненькимъ», которые не только воровали и убивали, но еще и протестовали.

Опять таки, по мѣрѣ развитія нашей культурности, начали измѣняться отношенія народа и къ «несчастненькимъ». Участвовавшіе на судебныхъ сессіяхъ, въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, передаютъ на этотъ счетъ чрезвычайно важныя наблюденія [2]). Крестьяне-присяжные необыкновенно строго относятся къ преступленіямъ противъ собственности и судятъ своихъ братьевъ гораздо суровѣе,

---

[1]) Не лишнее вспомнить здѣсь и повѣсть Пушкина: «Дубровскій».

[2]) Назову хотя бы замѣтки К. К. Арсеньева объ его участіи на сессіи петербургскаго окружнаго суда, происходившей въ лужскомъ уѣздѣ («Вѣстникъ Европы»). Любопытны также: отдѣльно изданная брошюра «Впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя», статьи въ спеціальныхъ юридическихъ органахъ и пр.
Авторъ.

Digitized by Google

чѣмъ склонны судить присяжные изъ «интеллигентовъ». Я не вижу въ этомъ ничего удивительнаго. Мало по малу взглядъ народа на преступленія *вообще* измѣняется, и измѣняется потому, что элементъ протеста, въ прежнемъ смыслѣ, въ нихъ уже отсутствуетъ. Правда, нѣкоторые ученые люди разсматриваютъ преступленія, какъ протестъ противъ отрицательныхъ сторонъ нашего экономическаго быта, но до подобнаго взгляда народу тѣмъ болѣе далеко, что даже не всѣ «интеллигенты» съ нимъ согласны. Очень близко время, когда нашъ народъ утратитъ специфическое сочувствіе къ «несчастненькимъ» и станетъ сочувствовать ихъ тяжелому положенію не больше, чѣмъ мы, интеллигенція.

Что касается вопроса объ интеллигентныхъ преступникахъ, то примѣръ Раскольникова, по своей исключительности, врядъ ли долженъ останавливать на себѣ пристальное вниманіе. Если онъ и имѣетъ значеніе, то инаго рода. Раскольниковъ—человѣкъ явно ненормальный, и исторія его преступленія, совершоннаго подъ вліяніемъ опредѣленной идеи, слишкомъ знакома психіатрамъ. Что касается Карамазова (преступника, такъ сказать, не настоящаго, а по складу характера и образа жизни) и цѣлой фаланги преступныхъ личностей въ родѣ Свидригайлова, князя Волковскаго, молодаго Верховенскаго и т. д. то сформированіе подобныхъ типовъ объясняется тѣми же условіями нашего некультурнаго быта, что́ и сформированіе преступниковъ изъ простаго народа. Беззаконіе порождало беззаконіе. Отсутствіе опредѣленности, возможность каждую минуту «потушить» непріятное дѣло создавали атмосферу, очень пригодную для процвѣтанія всякихъ безобразниковъ—до явныхъ преступниковъ включительно. Мы еще будемъ говорить и объ этой атмосферѣ, и относительно обилія преступниковъ въ романахъ Достоевскаго; теперь же замѣтимъ, что беззаконіе офиціальное и неофиціальное имѣло оборотную сторону. Беззаконники отягчали существованіе мирнаго обывателя. Что̀ могъ подѣлать мирный обыватель хотя бы противъ офиціальныхъ беззаконниковъ? Терпѣливо переносить утѣсненія, смиряться, подставлять лѣвую щеку, когда заушаютъ правую—вотъ и все. Не желавшіе покоряться дѣлались неофиціальными беззаконниками, своеобразными «протестантами», о которыхъ шла рѣчь.

Такимъ образомъ, кряхтя и претерпѣвая, вынося на своихъ плечахъ безконечную вереницу большихъ и малыхъ Сквозниковъ-Дмухановскихъ, болѣе или менѣе свирѣпыхъ, русскій народъ утѣшалъ себя мудрыми сентенціями въ родѣ: «стерпится—слюбится» и культивировалъ безотвѣтность, такъ жестоко обманувшую Достоевскаго.

Послѣ реформы 19 февраля, народная безотвѣтность начала сдаваться. Народъ почувствовалъ себя надѣленнымъ извѣстными

Digitized by Google

правами, и чѣмъ тверже сознаётъ онъ эти права, тѣмъ быстрѣе смѣняется его кротость и покорность нѣсколько иными качествами. Я не вдамся ни въ какія подробности по данному, щекотливому вопросу — не вдамся не изъ боязни огорчить народолюбцевъ, но во избѣжаніе долгихъ разговоровъ. Для моей цѣли совершенно достаточно того *безспорнаго* факта, что освобожденный народъ все дальше и дальше отходитъ отъ своего рабскаго первообраза.

Очевидно, на этомъ пунктѣ теорія Достоевскаго трещитъ по всѣмъ швамъ.

Если читатель припомнитъ теперь начальныя строки настоящаго этюда, то «всечеловѣческая» проповѣдь Достоевскаго окончательно обнаружитъ передъ нимъ свои слабыя стороны. Россія идетъ къ тому *обособленію* культурной страны отъ культурныхъ же, которое ранѣе было замѣтно на западѣ и которое имѣетъ своимъ источникомъ вполнѣ здоровый, разумный, естественный національный эгоизмъ. Достоевскій не одобрялъ оторвавшихся отъ почвы «скитальцевъ», но самъ онъ,—ужь если договаривать до конца,—пророчилъ русскому народу удѣлъ какого-то нравственнаго скитальца, какой-то Маремьяны-странницы—за весь міръ печальницы. Печалиться за весь міръ—значитъ, въ сущности, не печалиться ни за кого. И еслибы русскій народъ очутился въ подобномъ «идеальномъ» положеніи, то ему не только не удалось бы оказать Европѣ великое благодѣяніе, но и самого себя онъ не уберегъ бы ни въ реальной, ни въ духовной цѣлости.

Отсюда слѣдуетъ заключить, что ни прошлое русскаго народа, ни тотъ путь, которымъ онъ идетъ теперь, рѣшительно не даютъ доказательствъ въ пользу «всечеловѣческой» теоріи Достоевскаго.

Съ нею мы можемъ благополучно покончить.

Остается «русская дѣйствительность», воспроизведенная въ романахъ нашего автора. Здѣсь, строго говоря, критику легко было бы ограничиться выводами доктора Чижа, разобравшаго произведенія Достоевскаго съ психіатрической точки зрѣнія. Всѣхъ типовъ *несомнѣнно* душевно-больныхъ людей г. Чижъ насчиталъ въ этихъ произведеніяхъ до тридцати трехъ, «болѣе четверти наличнаго числа дѣйствующихъ лицъ». Съ педантичностью ученаго, психіатръ-критикъ замѣчаетъ, что *въ жизни* на тысячу душевно-здоровыхъ приходится *четверо* душевно-больныхъ, стало быть 0,4%. У Достоевскаго же 25%, т. е. *въ шестьдесятъ два съ половиною раза* больше противъ «положеннаго».

Теперь я предлагаю читателю слѣдующую дилемму: если Достоевскій описывалъ *жизнь, какъ она есть*, то какой процентъ у него долженъ былъ получиться душевно-больныхъ? Если же онъ

Digitized by Google

описывалъ жизнь не какъ она есть, а какой могла бы быть, если-бы въ ней на четверть наличнаго числа дѣйствующихъ лицъ участвовали помѣшанные—то можно ли придавать романамъ Достоевскаго значеніе, которое имъ придаютъ его безусловные сторонники?

Вопросъ стоитъ ясно: въ жизни на 1000 душевно-здоровыхъ приходится 4 душевно-больныхъ. Очевидно, тонъ жизни задаютъ душевно-здоровые. Но если вы увеличите компанію этихъ послѣднихъ въ шестьдесятъ два съ половиною раза, то картина уже радикально измѣнится и сумашедшіе, особенно такіе *яркіе* сумашедшіе, какъ герои Достоевскаго, получатъ преобладающее значеніе.

Въ романахъ Достоевскаго они и получаютъ преобладающее значеніе. Вы недоумѣваете, какимъ образомъ люди могутъ жить въ той нездоровой атмосферѣ, въ которой они живутъ? Жизнь сталкиваетъ другъ съ другомъ и добрыхъ людей, и злыхъ, и здоровыхъ, и ненормальныхъ, но она заботится о равновѣсіи, заботится о томъ, чтобы атмосфера не была отравлена одними ядовитыми испареніями, чтобы оставался и ароматъ полей, и живительный воздухъ моря. У Достоевскаго ни ароматнаго воздуха полей, ни живительнаго воздуха моря нѣтъ, а есть только одинъ спертый воздухъ петербургскихъ вертеповъ да провинціальныхъ трущобъ.

При такихъ условіяхъ, вѣрная и свободная идея не можетъ вытекать изъ произведеній нашего автора. Вѣрная и свободная идея можетъ вытекать только изъ столкновенія здоровыхъ человѣческихъ страстей со здоровыми. Если же, попутно, происходятъ еще столкновенія здоровыхъ страстей съ нездоровыми и нездоровыхъ съ нездоровыми же, то необходимо, чтобы они были урегулированы такъ, какъ регулируетъ ихъ жизнь. Вотъ въ чемъ художественная и идейная правда, а не въ искусственномъ спариваніи идіотокъ съ алкоголиками и буйныхъ сумашедшихъ—съ страдающими тихимъ помѣшательствомъ. Авторъ, набирающій героевъ изъ сумашедшихъ домовъ, создаетъ иллюзію сумашедшаго дома. Если разсматривать ее въ качествѣ таковой, то результаты могутъ получиться не безъинтересные, но я предпочелъ бы подобнымъ «художественнымъ произведеніямъ» психіатрическій архивъ, издающійся подъ редакціей и при участіи спеціалистовъ.

Говорятъ: Достоевскій *великій психологъ*. Это напоминаетъ мнѣ отвѣтъ простодушнаго зрителя, которому хвалили игру знаменитаго актера въ сценѣ «съ тѣнью отца Гамлета». «Можетъ быть, онъ тутъ и хорошъ—резонно возразилъ простодушный зритель—но я право не могу судить: я не знаю, *какъ нужно разговаривать съ тѣнью*». Дѣйствительно, какъ нужно разговаривать съ тѣнью? Вамъ кажется,

Digitized by Google

что именно такимъ образомъ, какъ разговаривалъ знаменитый артистъ въ «Гамлетѣ», а мнѣ—совершенно иначе.

«Великая психологія» Достоевскаго въ его сумашедшихъ романахъ напрашивается на приведенное сравненіе. Психологія сумашедшаго человѣка можетъ быть правильно оцѣнена только психіатромъ. Только психіатръ рѣшитъ болѣе или менѣе безспорно, такъ ли бесѣдовалъ и велъ себя старикъ Карамазовъ въ кельѣ о. Зосимы, какъ это полагается для нравственно-помѣшанныхъ, или хватилъ черезъ край.

Допустимъ даже, что Достоевскій понималъ психологію больной человѣческой души, но что же отсюда слѣдуетъ? Во-первыхъ, цѣнность его пониманія умаляется искусственнымъ распложеніемъ сумашедшихъ въ каждомъ романѣ; во-вторыхъ, тѣмъ, что этихъ сумашедшихъ онъ выдавалъ за людей нормальныхъ, а ихъ сумашедшую жизнь за настоящую.

Разбираться въ произведеніяхъ автора, смѣшавшаго три четверти *не явно*-сумашедшихъ (что вовсе не значитъ: безусловно нормальныхъ) трудъ—напрасный и неблагодарный. При помощи публицистическихъ работъ Достоевскаго, вѣря ему въ массѣ случаевъ на слово и слабо возражая на спорные пункты, мы еще можемъ добраться до сколько нибудь опредѣленныхъ (*въ смыслѣ Достоевскаго же*) выводовъ. Но безъ этой руководящей нити, съ одними его романами въ рукахъ, читатель долженъ изобразить собою олицетворенное недоумѣніе.

Такъ оно раньше и было. Пока Достоевскій выступалъ передъ русской публикой только въ роли романиста (я не беру непродолжительнаго періода изданія «Времени» и «Эпохи») онъ вовсе не пользовался тѣмъ огромнымъ значеніемъ, которое пріобрѣлъ впослѣдствіи и особенно послѣ рѣчи на пушкинскомъ праздникѣ. Рѣчь эта была истиннымъ откровеніемъ для публики: «вотъ куда насъ зоветъ авторъ «Преступленія и наказанія», вотъ какія лучезарныя перспективы открываетъ угрюмый творецъ Карамазовыхъ и Верховенскихъ. За нимъ! онъ истинный «властитель думъ»!

Проповѣдь «всечеловѣчности», основанная на «всепрощеніи», пришлась по сердцу русскому обществу, ибо слишкомъ сильно ему льстила. Но сдѣлались ли оттого яснѣе романы Достоевскаго, такіе романы, какъ «Идіотъ», «Бѣсы», «Братья Карамазовы»? Поняла ли читающая публика связь между изображенною въ нихъ сумашедшею «дѣйствительностью» и великимъ грядущимъ, ожидающимъ народъ, изъ котораго 25% душевно-больныхъ?!

Думаю, что не поняла, потому что данной связи не существуетъ, не существовало и не могло существовать, но повѣрила—навѣрно.

Digitized by Google

Мнѣ кажется, что весь секретъ обаянія Достоевскаго, какъ «властителя» думъ, какъ писателя «съ великими идеями», именно зиждется на этой слѣпой вѣрѣ. Отнимите ее — и вновь наступитъ «эпоха равнодушія» къ Достоевскому, вновь читатель изобразитъ изъ себя статую недоумѣнія.

Исходя изъ указанной точки зрѣнія, я и счелъ особенно полезнымъ прослѣдить именно *идеи* Достоевскаго въ ихъ наиболѣе яркомъ выраженіи. Если вы найдете логическое соотношеніе этихъ идей съ типами, разбросанными въ романахъ Достоевскаго, вамъ, конечно, и книги въ руки. Но до тѣхъ поръ лучше воздержаться отъ странныхъ совѣтовъ—перелагать «Преступленіе и наказаніе», «Бѣсовъ» и «Карамазовыхъ» *въ проповѣди*, рекомендовать Достоевскаго молодому поколѣнію въ качествѣ «великаго учителя» и вышвыривать его сочиненія десятками тысячъ въ полуинтеллигентную публику.

Право, надо воздержаться! Авторитетъ иностранныхъ критиковъ, въ данномъ случаѣ, намъ не указъ. Иностранные критики еще настолько мало знаютъ Россію, что и впрямь могутъ повѣрить, будто на тысячу русскихъ гражданъ приходится 25% сумашедшихъ.

Намъ вѣрить этому не только не слѣдуетъ, но стыдно и грѣшно.

К. Медвѣдскій.

Digitized by Google

СВѢТЪ КЛИНОМЪ СОШЕЛСЯ.

повѣсть.

I.

Май мѣсяцъ 188* года подходилъ къ концу.

Лѣтній театральный сезонъ начался уже въ губернскомъ городѣ Хмыровѣ; открытіе состоялось недѣли двѣ тому назадъ, и съ тѣхъ поръ спектакли давались ежедневно. Антрепренеръ, Петръ Осиповичъ Сестричкинъ, снявшій на это лѣто театръ, садикъ при немъ и ресторанъ, жаловался уже на плохія дѣла; актеры играли уже не разъ въ полупустомъ театрѣ и были озлоблены противъ публики; они бранили уже хмыровское общество за равнодушіе; а хмыровское общество, въ свою очередь, бранило ихъ за плохую игру... Словомъ, происходило нѣчто совершенно обыкновенное въ театральной жизни небольшаго губернскаго города. Кто былъ правъ, кто былъ виноватъ: общество ли актеровъ, или губернское общество—сказать трудно. Правда, Сестричкинъ собралъ и привезъ въ Хмыровъ далеко не первоклассную драматическую труппу, и своей игрой она не могла особенно увлечь публику; но, съ другой стороны, апатичные хмыровцы, и вообще весьма равнодушные къ тому, что̀ не служба, не сплетни, не водка и не карты, приняли бы одинаково холодно и оперу съ выдающимися пѣвцами, и прославившагося на весь міръ трагика, и ученыхъ обезьянъ, и укротителя дикихъ звѣрей, и канатнаго плясуна, и отважнаго воздухоплавателя... Весело квакающія лягушки встрѣчаютъ также равнодушно какого нибудь звѣрка, будто съ того свѣта свалившагося въ ихъ грязноватое, заснувшее и подернутое тиной болотце...

Какъ-то, въ началѣ третьей недѣли сезона, во время репетиціи, Сестричкину подали письмо. Онъ оживленно прочелъ его, спряталъ въ карманъ, взглянулъ на часы—они не были еще заложены—и, по окончаніи репетиціи, подозвалъ выходнаго актера Сеню Легіонова. Легіоновъ былъ очень худой и очень длинный юноша двадцати двухъ лѣтъ, съ некрасивымъ, продолговатымъ и совер-

Digitized by Google

шенно безцвѣтнымъ лицомъ; глаза у него были свѣтлые, маленькіе; носъ тоже не представлялъ ничего особеннаго; безкровныя губы почти сливались съ общей окраской блѣднаго лица, а довольно большія прозрачныя уши торчали въ стороны, какъ уши летучей мыши. На лицѣ Сени не было не только какой либо растительности, но не было даже и юношескаго пуха, почему издали его физіономію можно было принять и за дѣвичье некрасивое лицо. Къ тому же, на узкой и маленькой головѣ своей онъ отпустилъ довольно длинные, но рѣдкіе волосы, съ желтоватымъ «чухонскимъ» оттѣнкомъ, и прямые, какъ солома, — они тоже вовсе не красили актерика Легіонова...

— Сеня,—сказалъ Сестричкинъ: — пройдись-ка ты, миленькій, на вокзалъ, къ пассажирскому пятичасовому поѣзду. Актрисочка нѣкая пишетъ мнѣ, что ѣдетъ къ намъ, а гдѣ остановиться не знаетъ; никогда не бывала она въ Хмыровѣ... Такъ свези ты ее, голубчикъ, въ крыловскіе нумера. Знаешь, гдѣ кое-кто изъ нашихъ перебивается. Пусть тоже тамъ устроится. По крайней мѣрѣ, какъ прогоримъ совсѣмъ, да погонятъ насъ съ квартиръ за неплатежъ, такъ въ компаніи-то и ей веселѣе будетъ выбираться... Нѣтъ, не шутя, надо будетъ ее тамъ пристроить,—продолжалъ Петръ Осиповичъ, вообще любившій поговорить,—а то, не зная города, остановится она гдѣ нибудь: или дорого слупятъ, или у чорта на рогахъ очутится, въ трехъ верстахъ отъ театра!.. А ей, сердечной, раскошеливаться-то не изъ чего: — несчастная она, обобранная... брошенная!.. И я ее только изъ жалости взялъ; не служила она никогда, ну, а «на выходѣ» пригодится:—хоть и мало, а все таки—грамотная...

— Такъ встрѣтить ее и помѣстить?—переспросилъ Сеня, улыбнувшись.

— То-то, кормилецъ, встрѣть и помѣсти... Знаешь, по товарищески, окажи услугу! Кстати, ты же ей самый подходящій товарищъ: ты выходной, и она будетъ выходная...

— Хорошо, Петръ Осиповичъ,—началъ было Сеня:—только...

— Пожалуйста, голубчикъ,—опять перебилъ его тотъ.—Я думалъ попросить Налетова, да, боюсь, откажетъ, — какъ бы шутя, но возвысивъ голосъ, добавилъ онъ, очевидно, для того чтобы Налетовъ слышалъ его слова.

Молодой, красивый, надменный и фатоватый Налетовъ—герой и «первый любовникъ» труппы — небрежно и лѣниво повернулся на каблукахъ и взглянулъ на антрепренера презрительно и свысока.

— О чемъ хотѣли попхосить? — картавя, задалъ онъ вопросъ;

Digitized by Google

кстати сказать, онъ картавилъ только «въ жизни», со сцены же говорилъ чисто.

— Хотѣлъ васъ попросить встрѣтить на вокзалѣ актрисочку одну выходную. Служить ѣдетъ и не знаетъ, гдѣ остановиться,— отвѣтилъ Сестричкинъ съ шутливой робостью.

— Идите къ дьяволу!—бросилъ ему Налетовъ:—самимъ скоро жхать нечего, а вы еще чохтъ знаетъ кѣмъ тхуппу наполняете!.. Для сбоховъ, что ли, еще одну выходную шушеху выписали?!— добавилъ онъ и отвернулся.

Сестричкинъ покачалъ укоризненно головой.

— А?!.. Слышишь ты, Сеня?! — воскликнулъ онъ:—вѣдь это тебѣ, какъ квартальному: «не въ бровь, а въ самый глазъ»!.. Ну кто жь этому «гхафу» подастъ все, что̀ требуется, и о «кахетѣ» доложитъ на сценѣ, коли не эта выходная «шушеха»?!.. О, «гхафъ», «гохдыней обуянный»! Сообразите хоть то, чтобы еслибы не было мелкой «шушехы»—пало бы и ваше величіе!.. Ну, передъ кѣмъ бы вы тогда хорохорились?!..—приступилъ онъ уже къ Налетову.

— Убихайтесь вы съ вашей духацкой философіей!—опять также презрительно кинулъ Налетовъ и, уже не оборачиваясь, продолжалъ разговаривать съ премьершей труппы, съ актрисой Раисой Солиной.

А Сестричкинъ снова обернулся къ Легіонову.

— Ну, иди, иди, миленькій! Я ужь говорилъ — тебѣ придется,—сказалъ онъ.

— Да пойти-то я пойду, Петръ Осиповичъ, только вотъ въ чемъ дѣло: какъ же я узнаю вашу актрисочку? Вѣдь я ее никогда не видалъ,—замѣтилъ наконецъ Сеня.

— Да, это дѣло не послѣднее!—согласился и Сестричкинъ.— Ну, постой! Я тебѣ опишу ее поподробнѣй, а ты запомни... Зовутъ ее Ольгой, а по батюшкѣ... А по батюшкѣ-то какъ, вотъ я и забылъ!.. Ну, да и не надо по батюшкѣ!.. Фамилія ея — Ольгина. Такъ ты ей и скажи, что она будетъ Ольгина, я ее и въ афишахъ такъ пропечаталъ... Ну, изъ себя она дѣвушка, эдакъ, лѣтъ двадцати двухъ-трехъ, видная да красивая, румяная, съ большими карими глазами. Носъ—чуть-чуть вздернутый, задорный, плутовской... понимаешь—чисто русскій; а губы такія соблазнительныя-соблазнительныя!.. Такъ вотъ и хочется чмокнуть въ эти губы, особенно же человѣку молодому... Только ты, голубчикъ, сразу-то не чмокай, а то, знаешь, можетъ неловкость какая выйти... Вѣдь богъ ихъ знаетъ, этихъ дѣвицъ,—бываетъ, за одну и ту же игривость съ нашей мужчинской стороны, которая дѣвица разсердится, а которая такъ и не чихнетъ!..

Digitized by Google

— Да ну васъ, Петръ Осиповичъ! Говорите же дѣло. Эдакъ и поѣздъ придетъ, и актриса ваша пріѣдетъ, а вы всего не перескажете,—остановилъ, наконецъ, Легіоновъ болтливаго антрепренера.

— Ахъ ты, красная дѣвушка! Только намекнулъ насчетъ «этого-того», а ужь онъ и сконфузился!—воскликнулъ тотъ.—Ну, ладно, ладно!.. Что жь бы тебѣ еще дѣльнаго сказать?—спросилъ онъ въ раздумьѣ.—Да, женщина она нисколько не хуже другихъ и для выходовъ—прямо роскошь, а не актрисочка. Вотъ и все! Увидишь, что полицмейстеру и господамъ офицерамъ понравится... Иди же, миленькій, иди, а то и впрямь опоздаешь,—добавилъ Петръ Осиповичъ, взглянувъ опять на часы.

— Значитъ, такъ и искать мнѣ по платформѣ женщину, которая нисколько не хуже другихъ женщинъ?.. Шутникъ вы, Петръ Осиповичъ!—проговорилъ, улыбаясь, Легіоновъ.

— А неужли трудно эдакъ-то отыскать?! Эхъ, какой же ты, Сеня!—воскликнулъ снова Сестричкинъ.—Да я, въ твои годы, могъ отыскать и безъ всякихъ примѣтъ какую угодно женщину... Ну, одну опросишь, другую, третью,—которая нибудь да отвѣтитъ, что она Ольга Ольгина!.. А то еще проще поступи: какъ увидишь, что стоитъ дѣвица, ротъ разиня, кого-то ищетъ и не знаетъ, куда себя дѣвать, ты ее сейчасъ на извощика и въ крыловскіе нумера!.. Только, братъ, на ея счетъ, пожалуйста! На мой счетъ не вози, сдѣлай милость. Не заплачу, предупреждаю... Ну, валяй, братецъ, валяй! Сдѣлай ты Сестричкину одолженіе, а себѣ доставь удовольствіе,—заключилъ Петръ Осиповичъ своей излюбленной фразой.

Онъ дружески потрепалъ Сеню по плечу и пошелъ обѣдать, а Легіоновъ отправился исполнять порученіе.

Всюду въ провинціи вы встрѣтите такихъ совсѣмъ незначительныхъ осѣдлыхъ актеровъ, которые, во избѣжаніе недоступныхъ имъ путевыхъ расходовъ, не переѣзжаютъ, подобно своимъ кочевымъ товарищамъ, съ мѣста на мѣсто, а, избравъ себѣ постояннымъ мѣстомъ жительства какой нибудь одинъ губернскій городъ, поселяются въ немъ навсегда, такъ сказать, присасываются къ мѣсту. Тутъ они выжидаютъ пріѣзда труппы или товарищества, пристраиваются къ ней или къ нему, отслуживаютъ сезонъ, затѣмъ прощаются съ временными товарищами, поджидаютъ наступленія слѣдующаго театральнаго сезона и пріѣзда новой труппы, новаго товарищества; опять пристраиваются, опять прощаются и такъ существуютъ изъ года въ годъ, зачастую всю жизнь, до старости. Антрепренеры и распорядители артистическихъ товариществъ, зная, конечно, о существованіи въ любомъ губернскомъ городѣ такихъ актериковъ, привозятъ съ собою выходныхъ-кочующихъ — только въ рѣдкихъ

Digitized by Google

случаяхъ. Со своей стороны, они предпочитаютъ пополнять свои труппы «мѣстными», потому что для нихъ не только удобно, но и важно имѣть подъ рукой человѣка, знакомаго съ городомъ, съ его населеніемъ, съ нравами и обычаями, какъ это важно и необходимо всякому, пріѣзжающему на новое мѣсто съ какимъ нибудь предпріятіемъ.

Сеня Легіоновъ принадлежалъ именно къ числу этихъ осѣдлыхъ актеровъ, а по свойствамъ своего характера являлся къ тому же особенно дорогимъ человѣкомъ для антрепреіеровъ и распорядителей. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, добровольными услугами которыхъ пользуется встрѣчный и поперечный:—каждый, кому вздумается или кому понадобится. Всякій навязывалъ ему свое дѣло—то дѣло, которое стѣснялся, лѣнился или почему либо не хотѣлъ исполнить самъ. Пользуясь его добротой, услужливостью, а, главное, совершеннымъ безкорыстіемъ, всякій, что называется, возилъ на немъ воду и загребалъ горячіе уголья его руками... Не только актрисы превратили его въ чиновника своихъ особыхъ порученій, но и актеры по товарищески пользовались имъ, какъ комисіонеромъ, а проще— какъ посыльнымъ. Сеня закладывалъ, перезакладывалъ; выкупалъ и продавалъ вещи актеровъ и актрисъ, ходилъ на почту отправлять ихъ письма, носилъ для передѣлокъ и починокъ ихъ платья къ портнымъ и портнихамъ, бѣгалъ даже въ лавочки за мелкими покупками для товарищей и ночью, по окончаніи спектакля, провожалъ по домамъ тѣхъ актрисъ, которыя боялись идти однѣ, но не запасались постоянными провожатыми... Въ продолженіе шести лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ пріѣхалъ въ Хмыровъ, онъ снималъ квартиру, то есть вѣрнѣе полутемный уголокъ чулана, у нѣкой пожилой вдовы, Дарьи Андреевны, содержавшей колбасную лавку; и для нея Сеня былъ пріятный и полезный человѣкъ. Зачастую, рано утромъ, когда она отправлялась для хозяйственныхъ закупокъ на рынокъ и, задержавшись тамъ, долго не возвращалась, онъ отпиралъ колбасную и, замѣняя ее у прилавка, отпускалъ до ея прихода покупателямъ ветчину, колбасу и сосиски. Но этого мало. Каждый вечеръ, во время спектакля, Легіоновъ принималъ у товарищей заказъ на колбасу, а на утро разносилъ имъ издѣлія Дарьи Андреевны по домамъ; такимъ образомъ, прочимъ колбасникамъ было невозможно конкурировать съ его квартирной хозяйкой, а такъ какъ его товарищи, сидя сплошь да рядомъ на сухоѣденіи, потребляли изрядное количество продуктовъ колбасной лавочки, то Дарья Андреевна была въ восторгѣ отъ услужливости и сообразительности своего пріятнаго жильца и, сосчитывая предоставленные имъ барыши, цѣнила Сеню по заслугамъ... Надо ли говорить, что за

Digitized by Google

это участіе въ дѣлахъ колбасной пріятели прозвали Сеню «колбасникомъ» и что это прозвище укрѣпилось за нимъ навсегда... Словомъ, актерикъ Легіоновъ исполнялъ всякую просьбу ближняго съ готовностью, безъ всякой мысли о какомъ либо вознагражденіи, а просто такъ—за спасибо; впрочемъ, если вслѣдъ за услугой онъ не слыхалъ и благодарности—это его нисколько не печалило... Но зато сколько же и друзей было у него!... Цѣлая масса товарищей—актеровъ и актрисъ, съ которыми за шесть лѣтъ службы на сценѣ онъ успѣлъ перезнакомиться и изъ которыхъ каждому и каждой сдѣлалъ хоть какое нибудь одолженіе;—гимназисты, реалисты, семинаристы и вольноопредѣляющіеся, которымъ онъ оказывалъ всегда протекцію попасть за кулисы или на даровое мѣстечко въ театръ, «на верхи»; два сына Дарьи Андреевны, ученики городскаго училища и тоже страстные любители театра, которымъ, по ихъ настоятельной просьбѣ, онъ преподавалъ даже сценическое искусство; евреи и нѣмцы, музыканты театральнаго оркестра; театральные рабочіе; парикмахерскіе подмастерья; наборщики той типографіи, гдѣ печатались афиши и билеты; приказчики магазиновъ, расположенныхъ по сосѣдству съ зданіемъ театра; театральный кассиръ и, наконецъ, дѣвица иностраннаго происхожденія, продававшая на бульварѣ шипучій лимонадъ, для которой Сеня писалъ пять лѣтъ подъ рядъ страстныя посланія къ жениху, русскому мастеровому, взятому въ солдаты:—все это были его друзья, его пріятели. Даже съ городовымъ, стоявшимъ на посту противъ театра, и съ тѣмъ Сеня Легіоновъ былъ въ дружбѣ и даже—на «ты»!... И всѣ эти люди считали Сеню симпатичнымъ юношей и, дѣйствительно, любили его, но любили такъ, какъ всегда любятъ маленькихъ, совсѣмъ незначительныхъ людей, какъ любятъ безличное и безвредное ничтожество, по добротѣ своей неспособное на зло, но пригодное для мелкихъ услугъ. А ему самому не приходило и въ голову допытываться, какъ его любятъ друзья-пріятели. Онъ видѣлъ, что пока никто изъ нихъ не сдѣлалъ ему явнаго зла; видѣлъ, что всѣ съ нимъ ласковы и привѣтливы, вѣрилъ въ дружбу своихъ многочисленныхъ пріятелей, самъ любилъ ихъ честно и безкорыстно, словомъ, не зналъ своихъ ближнихъ, жилъ младенцемъ среди взрослыхъ и былъ счастливъ, какъ счастливъ всякій обманутый и еще не познавшій обмана человѣкъ!...

Только въ тѣ часы, когда Легіоновъ былъ занятъ въ театрѣ спектаклемъ или репетиціей, его не видно было на улицѣ; все остальное время, исполняя самыя разнообразныя порученія, онъ проводилъ въ безконечныхъ прогулкахъ по хорошо знакомому городу, и въ Хмыровѣ большинство признало уже его длинную и худую фигуру на тоненькихъ журавлиныхъ ногахъ; зимой его ви-

Digitized by Google

дѣли всегда въ коричневой войлочной шапкѣ и въ длинномъ потертомъ пальто на ватѣ, съ шерстянымъ воротникомъ, совсѣмъ неискусно поддѣланнымъ подъ барашковый мѣхъ; а лѣтомъ онъ расхаживалъ въ сѣрой парусинной фуражкѣ и въ коротенькомъ пальто темно-табачнаго цвѣта... Такъ и сегодня онъ совершилъ, по порученію Сестричкина, изрядное путешествіе изъ театра на вокзалъ. Онъ пришелъ туда, когда поѣздъ подходилъ уже къ станціи, и пассажиры, обремененные ручнымъ багажемъ, выходили изъ вагоновъ на тормазныя площадки и толпились на узенькихъ ступеняхъ. Затѣмъ, по обыкновенію, длинная вереница вагоновъ сразу пріостановилась и будто застыла; раздался свистокъ оберъ-кондуктора и, какъ бы только дожидаясь этого сигнала, всѣ пассажиры поскакали одинъ за другимъ со ступенекъ, поскакали кто грузно, кто легко, кто прямо въ объятія родственниковъ, кто опираясь на плечо не безкорыстно услужливаго артельщика, а кто и такъ, самъ по себѣ. Сеня поспѣшилъ на тотъ конецъ платформы, гдѣ остановились не роскошные зеленые вагоны третьяго класса. Остановившись въ такомъ мѣстѣ и съ такимъ разсчетомъ, чтобы видѣть всѣхъ проходящихъ пассажировъ, онъ сталъ слѣдить за пріѣхавшими и, припоминая примѣты, данныя ему Сестричкинымъ, всматривался особенно внимательно въ молодыхъ, видныхъ женщинъ. «Не вы ли Ольга, которая будетъ носить фамилію Ольгиной»?—этотъ шутливый вопросъ все время вертѣлся у него въ головѣ; онъ улыбался, но вслухъ, конечно, не рѣшился бы задать его кому бы то ни было. Однако, добрая половина пріѣхавшихъ прошла уже мимо него. Онъ запримѣтилъ было одну полную молодую барыню и сталъ къ ней приглядываться; но вскорѣ къ ней подбѣжалъ какой-то господинъ и, называя ее ласкательными именами, сталъ душить въ своихъ объятіяхъ. Разочарованный Сеня отвернулся. Вдругъ, позади себя, онъ услыхалъ знакомый женскій голосъ; къ тому же этотъ голосъ и удивленно, и радостно произносилъ уже его уменьшительное имя. Сердце юноши замерло; онъ встрепенулся, и некрасивое лицо его, озаренное счастливой улыбкой, приняло замѣчательно симпатичное, дѣтски-милое выраженіе. Онъ быстро оглянулся.

— Сеня!.. Это вы? Сеня?!.—повторяя его имя, спрашивала стоявшая передъ нимъ женщина.

— Я... я... А вы?.. Вѣдь вы—Оля?... Да?.. Оля?!.—бормоталъ счастливый, но замѣтно смутившійся Легіоновъ.

Только развѣ смутившись, можно было задавать этотъ вопросъ... Конечно, это была она, Оля,—та самая швея Оля, которую онъ когда-то любилъ... Правда, она настолько возмужала, измѣнилась, и даже выросла, что ее трудно было узнать; только по голосу Сеня

Digitized by Google

и узналъ ее сразу. Еслибы онъ не былъ такъ пораженъ и радостью, и неожиданностью, онъ принялъ бы ее скорѣе за ту актрису, которую вышелъ встрѣчать. Внѣшность ея подходила какъ нельзя болѣе къ описанію Сестричкина, и одѣта она была именно такъ, какъ одѣваются выходныя провинціальныя актрисы: пестро, но не богато... На ней была хорошенькая, но въ дорогѣ нѣсколько измятая соломенная шляпка, съ цѣлымъ букетомъ разнообразныхъ цвѣтовъ, и ватеръ-пруфъ песочнаго цвѣта, опоясанный въ таліи коричневой шолковой лентой, длинные концы которой были сбоку завязаны бантомъ и спускались почти до̀ полу. Въ рукахъ она держала довольно большой чемоданъ, бумажную картонку изъ-подъ шляпы, маленькую корзиночку съ провизіей или съ работой и зонтикъ; шолковая клѣтчатая покрышка этого зонтика, окрашенная въ шотландскіе цвѣта, бросалась издали въ глаза... Легіоновъ вспомнилъ невольно простенькій и бѣдный нарядъ прежней Оли, той Оли, которую зналъ въ родномъ городѣ, въ Ипатьевскѣ. Въ шляпкѣ онъ видѣлъ ее впервые теперь; тогда она ходила въ платочкѣ... «Ишь ты, какая стала нарядная»! подумалъ онъ.—Какими судьбами?.. Откуда?.. Куда?—здороваясь съ нею, торопливо спрашивалъ онъ въ то же время.

Они крѣпко жали другъ другу руки, и Ольга не успѣла еще отвѣтить Легіонову на предложенные вопросы, когда онъ вспомнилъ уже, зачѣмъ пришелъ на вокзалъ, и торопливо заговорилъ самъ:

— Голубушка, станьте здѣсь, подождите одну минуточку!—попросилъ онъ, отвелъ ее въ сторону, къ рѣшеткѣ, и нагромоздилъ около нея и чемоданъ, и прочія вещи.—Я сейчасъ!.. А то пропущу!.. Мнѣ тутъ встрѣтить надо... Подождите чуточку,—добавилъ онъ, пробираясь опять въ толпу.

Но съ каждой минутой толпа рѣдѣла... Пассажиры проходили мимо Сени, выходили на улицу, нанимали извощиковъ, и кто на нихъ, а кто и пѣшкомъ, разсыпа̀лись по городу. Однако, женщины, похожей на описанную Сестричкинымъ, все таки не было среди пріѣхавшихъ. Наконецъ, прошли и послѣднія:—какія-то двѣ хромоногія и убогія древнія старушки...

«Чортъ возьми! вѣдь, пожалуй, прозѣвалъ!.. Должно быть, здороваясь съ Ольгой, проворонилъ»!—подумалъ не безъ досады Легіоновъ. Но дѣлать было нечего: платформа опустѣла, и онъ вернулся къ Ольгѣ.

— Ну, что жь, не встрѣтили?—еще издали улыбаясь ему, спрашивала она.

— Нѣтъ:—или я проморгалъ, или она не пріѣхала...

— Кто она?—живо спросила Ольга.

Digitized by Google

— Да я не знаю!.. Актриса какая-то выходная... Антрепренеръ нашъ, Сестричкинъ, просилъ ее встрѣтить, а я и не видалъ ея никогда,— отвѣтилъ Легіоновъ.

— Сеня! Такъ это жь я и есть!—радостно воскликнула Ольга.— Вотъ случай... Вотъ пріятно... Вѣдь это жь я ѣду къ Сестричкину на выходà... Я писала ему. А я и не предполагала, что вы до сихъ поръ въ Хмыровѣ служите!—добавила она, еще разъ пожимая ему руку.

Сеня былъ ошеломленъ... Все это вышло черезчуръ неожиданно. «Несчастная... брошенная... обобранная»:—эти слова Сестричкина вспомнились ему прежде всего. «Она... Оля?!. Она несчастна, брошена, обобрана? Почему она несчастна, кѣмъ обобрана и брошена? Что у нея отобрали, когда у нея ничего не было?!. Она была бѣдна и трудомъ швеи добывала гроши... Она... да что же это значитъ»?!. спрашивалъ онъ себя, ничего не понимая. И онъ ничего не могъ сообразить... Ему страшно хотѣлось получить тотчасъ отвѣты на эти загадочные вопросы, но едва ли онъ рѣшился бы разспросить обо всемъ Ольгу и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ; тутъ же, среди платформы, и другой, болѣе смѣлый и нетерпѣливый человѣкъ воздержался бы, пожалуй, отъ подобныхъ разспросовъ; тѣмъ болѣе воздержался отъ нихъ Сеня. Онъ только сразу какъ-то съёжился; радость и счастье, которыми сіяло его лицо въ первыя минуты встрѣчи съ любимой дѣвушкой, разомъ исчезли, и на лицѣ появилось какое-то оторопѣлое, испуганное выраженіе... Однако онъ вспомнилъ, что ему надо везти Ольгу въ крыловскіе нумера. «Несчастная, брошенная, обобранная»! твердилъ онъ про себя, нанимая извощика и усаживаясь съ Ольгою въ экипажъ.

— Сеня, что съ вами?.. Что вы стали вдругъ какой-то грустный?—спросила его Ольга. Она замѣтила, конечно, внезапную и рѣзкую перемѣну въ его настроеніи и не понимала причины ея.— Посмотрите на меня,—добавила она.

— Ничего... Ничего, Ольга Степановна,—отвѣтилъ Сеня и взглянулъ на нее. Онъ говорилъ: «ничего, ничего», а въ глазахъ его стояли слезы и вотъ-вотъ онъ готовъ былъ зарыдать, какъ ребенокъ.

— Какъ вы назвали меня, Сеня?—спросила, между тѣмъ, удивленная Ольга:—Почему Ольга Степановна, а не Оля,—по прежнему?!.

Сеня только теперь замѣтилъ и самъ, что назвалъ ее такъ, но— почему это случилось, онъ не могъ объяснить и самому себѣ... Такъ сказалось...

— Это я ошибся,—пробормоталъ онъ, отвѣчая Ольгѣ.

Digitized by Google

Всю дорогу они перекидывались совсѣмъ незначительными фразами. Ольга разспрашивала Легіонова о попадавшихся дорогою церквяхъ и строеніяхъ, спрашивала о Сестричкинѣ, о дѣлахъ труппы, о томъ, каковъ театръ, велика ли сцена... Онъ отвѣчалъ то впопадъ, то невпопадъ. Онъ желалъ теперь только одного: скорѣе доѣхать до крыловскихъ нумеровъ, выполнить до конца порученіе антрепренера—водворить тамъ Ольгу и остаться наединѣ съ самимъ собою. Ему было необходимо собраться съ мыслями, успокоиться, пережить это внезапное волненіе, эту неожиданную встрѣчу, уяснить себѣ хоть немного, хоть кое-какъ это непонятное превращеніе швеи Оли въ выходную актрису Ольгу Степановну Ольгину и, притомъ, въ обобранную и брошенную женщину... Спросить ее обо всемъ онъ не могъ и теперь. Онъ чувствовалъ, что не можетъ. Ему казалось это неловкимъ, неудобнымъ, а, главное, онъ боялся услыхать что нибудь черезчуръ грустное, черезчуръ печальное... Какъ и всякому слабому человѣку, ему было необходимо раньше приготовиться къ удару, а потомъ принять его...

— Колбаснику наше нижайшее! — крикнулъ, здороваясь съ Сеней, господинъ въ помятомъ цилиндрѣ, когда они ѣхали по главной улицѣ.

Сеня отвѣтилъ на его поклонъ.

— Кто это?—спросила Ольга.

— Нашъ «простакъ»—Гамовъ...

— Почему жь онъ васъ называетъ колбасникомъ?

Сеня объяснилъ, почему всѣ зовутъ его колбасникомъ. Ольга незамѣтно улыбнулась; ей показалось, что названіе это и въ самомъ дѣлѣ подходитъ къ Сенѣ.

— А вотъ и нумера!—почти радостно воскликнулъ онъ, немного погодя. Дѣйствительно, невдалекѣ виднѣлся уже длинный двухъэтажный, съ мезониномъ, деревянный домъ съ синей вывѣской, на которой бѣлыми буквами было написано: «Нумера для пріѣзжающихъ. Крылова».

— Сеня, заплатите ему... У меня одинъ пятиалтынный остался,— сказала шопотомъ Ольга, кивая на возницу и, видимо, стѣсняясь. «Несчастная... обобранная!» мелькнуло въ головѣ Сени.—Я отдамъ, отдамъ, Ольга...—Онъ хотѣлъ опять назвать ее Ольгой Степановной, но, вспомнивъ, оборвалъ и не назвалъ по отчеству.—У меня есть деньги,—добавилъ онъ, хотя въ его карманѣ не было не только пятиалтыннаго, но уже больше недѣли не было ни гроша.—Ты подожди меня, голубчикъ: я сейчасъ дальше поѣду,—сказалъ онъ извощику...

Онъ забралъ ольгины вещи, и по неопрятной крутой лѣстницѣ

Digitized by Google

они поднялись на верхъ. Вскорѣ хозяинъ нумеровъ отвелъ новой квартиранткѣ самый дешевенькій, маленькій и невзрачный нумерокъ въ мезонинѣ дома, объявилъ ему цѣну—пять рублей въ мѣсяцъ—и не уступилъ ни копѣйки. Сеня торопливо развязалъ ольгинъ чемоданъ и сталъ прощаться.

— Куда жь вы, Сеня?—ласково спросила его Ольга.

— А я къ Петру Осипычу... Сказать надо, что встрѣтилъ васъ и помѣстилъ... Онъ просилъ меня объ этомъ,—солгалъ Легіоновъ.

— Ну, ну.... Идите, коли такъ!... Правда, вѣдь и извощикъ васъ дожидается... А когда жь вы придете ко мнѣ?

Сеня смутился. Онъ вспомнилъ, что никогда въ жизни не бывалъ у Ольги, не смотря на то, что въ Ипатьевскѣ нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ видѣлся съ нею изо дня въ день.

— Когда хотите... Если вамъ что нибудь понадобится, я могу всегда...

— Ну, что это, Сеня!—воскликнула нетерпѣливо Ольга.—Ничего мнѣ не понадобится! Я думала, вы такъ будете приходить, по дружбѣ... Да что это съ вами, Сеня?—повторила она.—Ну, когда вы придете?... Говорите! Вечеромъ сегодня придете?

— Нѣтъ, сегодня нельзя:—я играю вечеромъ...

— А что идетъ? Кого вы играете?—спросила она съ оживленіемъ.

— «Женитьба Бѣлугина» идетъ,—Соловьева и Островскаго... Я Прохора играю...

— Это лакея?!..

— Лакея,—отвѣтилъ смущенно Легіоновъ.

— И чрезъ шесть лѣтъ—все таки лакеевъ!—воскликнула Ольга, не то съ сожалѣніемъ, не то съ упрекомъ.

Сенѣ стало невѣроятно стыдно, будто онъ далъ Ольгѣ честное слово, что черезъ шесть лѣтъ уже не будетъ играть лакеевъ и теперь долженъ былъ повиниться въ томъ, что не сдержалъ этого слова. Онъ покраснѣлъ и, потупивъ глаза, ничего не отвѣтилъ...

— А помните, Сеня, наши мечты надъ обрывомъ въ Ипатьевскѣ?—продолжала, между тѣмъ, Ольга.—Помните?... Эхъ, все это не такъ легко, какъ кажется... Да, многое, многое измѣнилось,—добавила она съ глубокимъ вздохомъ, но тотчасъ спохватилась, вспомнивъ, что ему надо идти.—Такъ до свиданья!—сказала она:—я сама приду вечеромъ въ театръ. Устроюсь тутъ и приду; а то я не люблю, когда у меня все такъ разбросано и неуютно... Сеня сбѣжалъ съ лѣстницы, сѣлъ въ пролетку и, доѣхавъ до своей квартиры, спустился въ подвалъ. Дарья Андреевна сидѣла, по обыкновенію, съ чулкомъ въ рукахъ у прилавка. Она частенько ссужала Сеню ме-

Digitized by Google

лочью, такъ какъ всегда, при первой получкѣ, онъ возвращалъ ей занятое. И теперь онъ занялъ у нея восемьдесятъ копѣекъ, вынесъ деньги извощику и, вернувшись снова въ подвалъ, молча прошелъ мимо Дарьи Андреевны въ сосѣднее помѣщеніе, служившее ей и спальней, и пріемной, и столовой, а оттуда перешелъ въ смежный чуланчикъ; тутъ жили два сына его квартирной хозяйки—ученики городскаго училища—и помѣщался онъ самъ...

II.

Въ жизни каждаго человѣка, какъ бы онъ ни былъ ничтоженъ и незначителенъ по мнѣнію другихъ людей, есть отрадныя минуты, которыя онъ пережилъ; онѣ для него святы, и даже въ воспоминаніяхъ безконечно дороги и милы... Такой маленькій человѣкъ не пишетъ, конечно, своихъ воспоминаній, не разскажетъ ни другу, ни даже матери того, что̀ перечувствовалъ въ тѣ мгновенія, но, не пресыщенный счастьемъ и не избалованный имъ, онъ чувствовалъ его про себя тѣмъ сильнѣе, и уже весь остатокъ сѣренькой, а подчасъ и горестной жизни не забудетъ яснаго просвѣта, хотя бы давно, въ молодости, озарившаго его незамѣтное существованіе... Кто, какой человѣкъ не пережилъ первой любви и ея захватывающаго восторга,—первой любви, также не похожей на вторую, на третью, какъ первая вешняя гроза не похожа на послѣдующія грозы, быть можетъ, и болѣе пышныя, но все же съ нею несравнимыя!?... И кто не запомнилъ навсегда свою первую любовь?

Пережилъ ее и Сеня Легіоновъ. Зналъ и онъ ея сладостный трепетъ; помнилъ ее и онъ,—и помнилъ тѣмъ болѣе, что для него она была не только первою, но и единственною... Сеня жилъ тогда въ родномъ городѣ, въ Ипатьевскѣ, и учился въ шестомъ классѣ гимназіи. Ему только что минуло шестнадцать лѣтъ, но, благодаря своему высокому росту, онъ имѣлъ видъ юноши подъ двадцать лѣтъ. Наступила весна. Погода стояла ясная, сухая и теплая. И стараго, и малаго такъ и тянуло на воздухъ,—къ воскресшей рѣкѣ, къ деревьямъ, подъ ихъ оживающія вѣтви... Все утро и весь день до обѣда просидѣвъ въ гимназіи, а послѣ обѣда приготовивъ на завтра уроки, вечеромъ Сеня уходилъ на бульваръ. Тамъ по вечерамъ играла полковая музыка и, обыкновенно, весь городъ выходилъ туда на прогулку. Входъ былъ безплатный и общедоступный, а потому тутъ наблюдалось полное сліяніе сословій: модныя и франтовскія шляпки губернскихъ щеголихъ перемѣшивались съ шолковыми повязками купчихъ и даже съ шерстяными платочками швеекъ и горничныхъ, а вылощенные цилиндры и благородныя

Digitized by Google

фуражки съ кантами двигались рядомъ съ фуражками рабочихъ людей, никакими кантами не отличенными...

Какъ-то въ лунную и теплую ночь, Сеня Легіоновъ слонялся, по обыкновенію, на этомъ бульварѣ. Публика прогуливалась компаніями или парами; всѣ смѣялись, шутили, острили, разговаривали, и всѣмъ было весело; Сеня же прохаживался одинъ, и ему было скучно... Онъ обошелъ по нѣскольку разъ всѣ аллеи и дорожки, и сѣлъ противъ ресторана, на открытой террасѣ котораго, за уютными столиками, кутили подъ музыку богатые и сытые люди. Глядя на нихъ, онъ пожалѣлъ немного о томъ, что бѣденъ; помечталъ о томъ, какъ было бы хорошо со временемъ разбогатѣть, а затѣмъ всталъ со скамейки и пошелъ на ту площадку, гдѣ играла музыка; тутъ онъ постоялъ въ толпѣ простаго народа, поглазѣлъ вмѣстѣ съ другими зѣваками, какъ солдаты-музыканты выдуваютъ звуки изъ своихъ разнообразныхъ мѣдныхъ трубъ, прослушалъ вблизи двѣ-три пьесы и безъ цѣли пошелъ дальше... Задумавшись и тихо шагая, онъ пошелъ туда, гдѣ бульваръ кончался крутымъ обрывомъ, висѣвшимъ надъ судоходной рѣкой, огибавшей Ипатьевскъ. Площадка надъ обрывомъ была обнесена выкрашенной въ зеленую краску деревянной рѣшеткой; отсюда открывался роскошный видъ на противоположный берегъ и, любуясь этимъ видомъ, кто нибудь изъ прогуливавшейся публики сидѣлъ почти всегда на уютной скамеечкѣ, подъ старой высокой березой, возвышавшейся въ этомъ мѣстѣ...

Вообще, съ наступленіемъ семнадцатой весны, Сеня сталъ частенько хандрить; но сегодня ему было какъ-то особенно грустно и тоскливо, хотя самъ онъ затруднился бы отвѣтить: чего ему хотѣлось или чего ему не доставало?... Теплый душистый воздухъ весенней ночи, самая ночь—свѣтлая, лунная и прекрасная—живительный запахъ распускающихся древесныхъ почекъ и эти отдаленные, дразнящіе звуки оркестра—звуки какого-то «упоительнаго» моднаго вальса—все поддразнивало шестнадцатилѣтняго юношу, все нашептывало ему что-то еще неизвѣданное, непонятное, незнакомое... Ему будто хотѣлось и горячей ласки, и дружескаго участія, и утѣшенія, и сочувствія, хотя въ данную минуту онъ не переживалъ собственно никакого горя и даже не терпѣлъ какихъ либо непріятностей. Ему будто хотѣлось откровенно, по душѣ поговорить съ кѣмъ нибудь, признаться въ чемъ-то; но въ то же время онъ чувствовалъ, что, еслибы какой нибудь закадычный другъ выросъ теперь передъ нимъ, онъ не зналъ бы о чемъ съ нимъ заговорить; онъ видѣлъ сейчасъ на бульварѣ своего друга и товарища, гимназиста Свиридова, но, еще издали замѣтивъ его, свернулъ нарочно

Digitized by Google

въ сторону и самъ ушелъ отъ него. Стало быть, не дружеское участіе было ему нужно!... И не этой ласки, не доброй материнской ласки хотѣлось ему, потому что тогда, въ эту ночь, онъ не бродилъ бы безъ цѣли по бульвару, не дразнился бы здѣсь, среди чужихъ людей, а шелъ бы домой, въ свою маленькую бѣдную квартирку, къ горячо любившей его старушкѣ-матери... Конечно, она не отказала бы ему въ ласкѣ... Но не того, не того ему хотѣлось на семнадцатой веснѣ!... По дорогѣ къ обрыву, онъ встрѣтилъ сіяющую пару: совсѣмъ молоденькій и безконечно-счастливый армейскій офицерикъ велъ подъ руку юную гимназистку; вблизи никого не было, офицерикъ низко наклонился къ плечу своей дамы и весело шепталъ ей что-то на ухо; и у него, и у нея взоры горѣли первой любовью, глаза блестѣли и щоки рдѣлись румянцемъ... «Счастливецъ»! прошепталъ завистливо Сеня, какъ только парочка прошла мимо него. Ему хотѣлось любить, хотѣлось женской ласки и счастья, хотѣлось того, чего въ его годы не хочется лишь физическому или нравственному уроду...

Подходя къ обрыву, при лунномъ свѣтѣ, Сеня разсмотрѣлъ еще издали маленькую женскую фигурку, одиноко сидѣвшую на скамеечкѣ подъ старой высокой березой. Дѣвочка сидѣла къ нему спиной и смотрѣла вдаль, — на рѣку и на тотъ берегъ. Подойдя ближе, онъ увидѣлъ, что это подростокъ лѣтъ пятнадцати; по костюму это была не то швея, не то прикащица изъ магазина средней руки; простенькое, безъ всякихъ модныхъ отдѣлокъ, дешевенькое пальто, изъ подъ котораго виднѣлась оборка ситцевой юбки, да голубой шолковый платочекъ на головѣ:—въ этомъ состоялъ ея нарядъ, а на рукахъ ея—особаго франтовства ради—были надѣты неуклюжія фильдекосовыя перчатки.

Сеня подошелъ, наконецъ, къ обрыву и остановился у рѣшетки, въ десяти шагахъ отъ скамейки. Но тотчасъ онъ почувствовалъ себя очень неловко:—уйти сейчасъ же обратно ему не хотѣлось; сѣсть на скамейку, рядомъ съ незнакомой дѣвочкой, ему показалось неудобнымъ; къ тому же, скамеечка была очень коротенькая, и на свободномъ мѣстечкѣ лежалъ старенькій зонтикъ дѣвочки. Стоять подъ ея взглядомъ и къ ней спиною—ему было тоже неловко, какъ неловкимъ казалось обернуться и глядѣть ей въ лицо... Онъ былъ еще очень молодъ, застѣнчивъ, боялся показаться дѣвочкѣ нахальнымъ, а больше всего опасался, что она не захочетъ остаться съ нимъ глазъ на глазъ въ этомъ отдаленномъ уголку бульвара, что она встанетъ и уйдетъ... Онъ поглядѣлъ въ освѣщенную лунным сіяніемъ даль, но искушеніе было близко и велико—и онъ повернулъ, наконецъ, голову въ сторону скамейки... Красивые, большіе

Digitized by Google

и веселые глаза дѣвочки смотрѣли на него... Сильно, но сладостно сжалось его молодое сердце, и чувство, томившее его весь вечеръ—чувство одиночества и щемящей тоски—сразу покинуло Сеню. Въ этотъ мигъ онъ забылъ о томъ, что ему чего-то хотѣлось и недоставало; ему показалось, что онъ нашелъ то, что̀ искалъ.

— Простите, пожалуйста... Я вамъ помѣшалъ,—невольно проговорилъ онъ. Онъ положительно не зналъ, въ чемъ именно просилъ извиненія; ему просто надо было заговорить; онъ не могъ отказать себѣ въ этомъ, какъ голодный не можетъ отказаться отъ протянутаго хлѣба.

— Ничего,—отвѣтила дѣвочка, сняла зонтикъ со скамейки и подвинулась къ другому краю ея. Въ чемъ она извиняла его—она тоже хорошенько не знала: она должна была что нибудь отвѣтить и отвѣтила...

Сеня быстро подошелъ къ скамеечкѣ и сѣлъ; онъ будто боялся, что съ другой стороны кто нибудь подбѣжитъ къ ней, прежде чѣмъ онъ успѣетъ занять свободное мѣстечко.

— Чего жь вы ушли оттуда?... Тамъ весело, музыка играетъ,—сказала дѣвочка, какъ только онъ сѣлъ рядомъ съ нею; она сказала это такъ просто, будто давнымъ давно была уже знакома съ Сеней.

— А мнѣ тамъ стало скучно,—отвѣтилъ онъ, но отвѣтилъ, напротивъ, конфузясь, церемонно, какъ и всегда отвѣчаетъ юноша, разговаривая съ дѣвицей, съ которой только что познакомился. Однако, желая поддержать начатый разговоръ, онъ спросилъ въ свою очередь: — а зачѣмъ же вы ушли оттуда, если вамъ было весело?

— Потому что тамъ всѣ такіе противные, озорные!—воскликнула она.

— Кто противные?...

— Да мужчины эти! — съ досадой пояснила дѣвочка:—все въ лицо заглядываютъ, пристаютъ... Рѣдко-рѣдко который мимо пройдетъ, не задирая. А то всякій или глазомъ подмигнетъ, проходя, или локтемъ задѣтъ наровитъ, а то еще и шепнетъ на ходу какую нибудь глупость... Этакіе окаянные озорники!.. Ужь совсѣмъ нельзя и гулять по вечерамъ! — добавила она и, будто жалуясь, продолжала:—а когда жь гулять?! День цѣлый сидишь за работой, а тутъ ужь и вечеромъ не выходи. Да и обидно тоже:—я совсѣмъ не таковская. Этакіе противные!..

Сенѣ стало неловко и обидно за эту дѣвушку; незнакомое доселѣ чувство,—не то ревности къ тѣмъ неизвѣстнымъ мужчинамъ, которые, проходя, задѣвали ее локтями и шептали «глупости», не

Digitized by Google

то досады на нихъ,—шевельнулось уже въ его душѣ. Онъ не зналъ, чѣмъ ее утѣшить, но постарался опять поддержать разговоръ.—А вы что жь работаете?—спросилъ онъ.

— А я швея. У Абрамовой въ модномъ магазинѣ... Можетъ, знаете, на Одесской улицѣ—такая большая модная мастерская съ французскимъ и русскимъ вывѣскамъ?—спросила она, отвѣчая.

— Знаю. Такъ вы тамъ?

— Тамъ...

— Что жь вы сирота, что васъ туда отдали?—спросилъ Сеня.

— И вовсе не сирота:—у меня и папенька есть, и маменька... Папенька у меня поваромъ служитъ въ Европейской гостинницѣ—знаете: большая гостинница на набережной,—а маменька тамъ же прачкой... Крахмальное бѣлье на пріѣзжихъ господъ стираетъ. И отлично стираетъ; она вѣдь во всемъ городѣ одна только и умѣетъ хорошо стирать крахмальное, — разсказывала словоохотливая дѣвочка.—Ну, а я работаю,—продолжала она:—какъ же не работать? Вѣкъ-то жить надо, а мы люди бѣдные!.. Замужъ выйти? Такъ тоже не больно выдешь безъ приданаго... Наши мастерицы говорятъ: «теперь такіе дураки повывелись, чтобъ брать за себя дѣвушку безъ приданаго»...

— Ну, вамъ бояться нечего:—вы и безъ приданаго замужъ выдете,—сказалъ Сеня, глядя съ юношескимъ восторгомъ въ ея хорошенькое личико.

— Что жь, вы мнѣ жениха найдете, что ли? — спросила она, улыбнувшись.

— Нѣтъ, не потому, а ужь я знаю почему!—проговорилъ загадочно Сеня.

— А почему, почему?—допытывалась дѣвочка.

— Потому что такія хорошенькія, какъ вы...—началъ было онъ избитую фразу.

Но дѣвочка не дала ему договорить; она надула губки и сдѣлала грустное лицо.

— Эхъ, и вы такой же, какъ тѣ, на бульварѣ!.. Такія же глупости говорите, — съ сожалѣніемъ промолвила она и отвернулась отъ него.

Сеня испугался; онъ боялся, что она уйдетъ, пожалуй, и совсѣмъ. Въ сущности онъ не понималъ и самъ, зачѣмъ сказалъ эту пошлую фразу:—онъ собирался говорить совсѣмъ не «такъ» съ этой милой дѣвочкой...

— Нѣтъ, нѣтъ! Простите, пожалуйста! Я больше не буду,—просилъ онъ ее теперь, какъ школьникъ.

Не ломаясь, безъ жеманства, она тотчасъ повернулась къ нему опять.

Digitized by Google

— Ну, на первый разъ прощу, а если еще будете глупости говорить—уйду и не буду вашей знакомой... И повстрѣчаю гдѣ нибудь, не поклонюсь,—пообѣщала она, однако, въ видѣ предупрежденія.

— Нѣтъ, нѣтъ: не буду больше!—твердилъ Сеня.

— Ну, хорошо, хорошо!—согласилась дѣвочка. — Скажите жь, какъ васъ зовутъ? А то неловко такъ разговаривать,—сказала она немного погодя:—«вы» да «вы», будто какъ незнакомые...

— Семенъ Васильевичъ Легіоновъ, — объявилъ ей Сеня свое полное имя.—А васъ?

— А меня—Олей.

— А по батюшкѣ?

— Ну, вотъ еще и по батюшкѣ!—воскликнула она, засмѣявшись.

— Чего жь вы смѣетесь?—спросилъ удивленный Сеня.

— Да что жь вы спрашиваете: — по батюшкѣ? Что жь, такъ вы и будете меня звать Ольгой Степановной?..—И она опять засмѣялась.—Это, значитъ, во всемъ свѣтѣ только вы одинъ и будете меня эдакъ величать. Право! Меня до сихъ поръ, кромѣ какъ Олей, никто никакъ не называлъ... Нѣтъ, ужь зовите и вы меня просто Олей, какъ всѣ,—не то разрѣшила, не то попросила она.

— Мерси! Только ужь, въ такомъ случаѣ, и вы зовите меня попросту—Сеней...

— Ну, и вамъ—мерси. Хорошо! Вотъ эдакъ я люблю! Сразу подружились.

— А фамилія ваша какъ?—спросилъ опять Сеня.

— А у меня нѣтъ фамиліи...

— Какъ нѣтъ? — удивился Легіоновъ. Онъ выросъ въ городѣ, въ чиновничьей средѣ, и не зналъ очевидно, что у многихъ крестьянъ совсѣмъ не бываетъ фамиліи. — Какъ же такъ нѣтъ?—спросилъ онъ.

— А нѣтъ... Я ужь не знаю, какъ это, только нѣтъ!—Ее, напротивъ, этотъ вопросъ, видимо, совсѣмъ не интересовалъ.

— Какая тамъ фамилія? Оля себѣ, да Оля! Всѣ знакомые меня и такъ знаютъ... Ну, Оля, швея, что у Абрамовой служитъ,—сказала она, наконецъ, и свое полное званіе.—А у васъ есть родители?—спросила она тутъ же.

— Мамаша есть, а папаша давно померъ...

— Онъ изъ какихъ же былъ? Купецъ?

Сеня нѣсколько обидѣлся. Въ гимназіи у нихъ дѣти чиновниковъ и офицеровъ считались выше дѣтей священниковъ и вообще—духовныхъ; дѣти духовныхъ, въ свою очередь, выше дѣтей купцовъ, а эти послѣдніе—выше дѣтей мастеровыхъ, рабочихъ людей...

Digitized by Google

— Нѣтъ, мой папаша былъ чиновникъ,—коллежскій секретарь, и даже орденъ у него былъ... Онъ служилъ въ казенной палатѣ,— отвѣтилъ онъ не безъ гордости.

— Это что на площади казенная палата?—спросила Ольга.

— Да.

— Знаю! Тамъ одной нашей мастерицы женихъ служитъ, и тоже чиновникъ. Только еще мало жалованья получаетъ, такъ все ждутъ пока—не вѣнчаются... А вы когда кончите ученье, то тоже пойдете въ чиновники?—спросила она.

— Не знаю еще,—отвѣтилъ Сеня. — Да нѣтъ, это мнѣ что-то не особенно нравится: всю-то жизнь пиши да пиши! Я думаю, это скучно!..

— Да,—согласилась въ раздумьѣ и Ольга. Но тотчасъ же она оживилась и, съ сіяющими глазками, заговорила восторженно и увлекаясь. — А вы знаете что?! Поступайте-ка въ офицера! Вотъ хорошо-то!.. Ужь еслибъ я была мужчиной, да не мужикомъ—вотъ непремѣнно пошла бы въ офицера! Нарядъ-то, нарядъ одинъ чего стоитъ... Такіе все душки промежь нихъ. Еще далеко, далеко по улицѣ идетъ, а ужь видно, что офицеръ. То есть, вотъ—мы часто съ мастерицами говоримъ объ этомъ—хоть первая въ свѣтѣ будь франтиха и модница, а все таки ни одна барышня, ни одна барыня не можетъ такъ вырядиться, какъ они вырядимшись!

Сеня вспомнилъ того офицерика, котораго, идя сюда, встрѣтилъ съ барышней подъ руку, и еще разъ позавидовалъ ему...

— А еще лучше—это актеромъ быть!—почти безъ передышки перескочила, между тѣмъ, Ольга къ своему слѣдующему идеалу.— Это ужь самое что ни на есть лучшее. Даже лучше офицеровъ!— восхищалась она.—Ужь это такой, такой расчудесный народъ, эти актеры, что лучше и сыскать нельзя!.. И франты тоже, а—главное— ужь очень насмѣшить умѣютъ. И какія все умныя вещи говорятъ... Просто заслушаешься!..

— Да гдѣ жь вы съ ними встрѣчались?—спросилъ удивленный Сеня, и ревнивое чувство, уже къ актерамъ, опять шевельнулось въ его груди.—Гдѣ вы ихъ видѣли, актеровъ-то?—повторилъ онъ.

— Какъ, гдѣ?! А въ театрѣ! Я за свою жизнь ужь три раза была въ театрѣ, — хвастливо объявила она, и тутъ же стала подробно разсказывать своему собесѣднику о томъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ она бывала въ мѣстномъ театрѣ, что видѣла тамъ, и кто изъ актеровъ и чѣмъ, на ея взглядъ, особенно отличался. Она говорила и о театрѣ восторженно; несомнѣнно, эти три вечера были памятными и счастливыми вечерами ея жизни, были яркими праздниками среди рабочихъ, трудовыхъ дней ея молодаго

Digitized by Google

существованія.—Вотъ, идите въ актеры:—молодецъ будете, — сказала она въ заключеніе.

— А что жь, можетъ, и въ актеры пойду,—отвѣтилъ Сеня. Ему очевидно хотѣлось, чтобы Ольга начала считать его молодцомъ какъ можно скорѣе.—А вы, Оля, идите въ актрисы,—добавилъ онъ.

Дѣвочка фыркнула и залилась веселымъ смѣхомъ.

— Какая жь я актриса, коли я швея? — воскликнула она.— Куда жь это? На балаганъ, русскую пляску танцовать, что ли? Такъ ужь нѣтъ! За это мерси. Тамошнія актерки всѣ такія противныя. Намазанныя, пьяныя... Я видѣла въ прошломъ годѣ, на масляницѣ, на площади, былъ такой балаганъ, гдѣ онѣ представляли... Только ужь это мнѣ совсѣмъ не такъ понравилось, какъ настоящій театръ...

— Такъ вотъ, въ настоящій театръ и поступайте! Зачѣмъ же въ балаганъ?—замѣтилъ Сеня.

— Ишь вы!—замѣтила Ольга. — Мнѣ тамъ прикажутъ какую нибудь королевну представлять или хоть бы просто барышню, а я швея и поварова дочка! Какъ же я буду ихъ представлять?!

— А какъ же другія представляютъ?—спросилъ Сеня.—Какъ же актрисы-то горничныхъ и швеекъ представляютъ?

— Здравствуйте! — воскликнула Оля и, не задумываясь, рѣшила этотъ вопросъ:—Такъ онѣ жь и горничныхъ, и швеекъ всегда передъ собой видятъ; знаютъ, каковы онѣ изъ себя. Ну, и передразниваютъ... А я, гдѣ жь я королевну увижу? Умру, а никогда не увижу!..

— Ну, королевну положимъ себѣ,—уступилъ Сеня:—а барышень вы же видите: — и въ мастерскую онѣ къ вамъ приходятъ, и заказы вы имъ носите, да и на улицѣ видите...

— Ну, что жь?—подхватила Ольга. — Ну, я знаю, какъ онѣ платья заказываютъ, какъ сердятся, когда что не такъ, какъ передъ зеркаломъ вертятся, какъ по бульвару прогуливаются. Это я и могу представить. Вотъ, смотрите—такъ?—И она быстро соскочила со скамейки, прижала руки до локтя къ туловищу, кисти рукъ сложила вмѣстѣ, пониже груди, и раза два-три прошлась «куропаточкой», мелкими, но частыми шажками, около рѣшетки, огораживавшей оврагъ.—Что, похоже?—спросила она, громко смѣясь и возвращаясь опять подъ березу.

— Похоже, очень похоже! — воскликнулъ въ восторгѣ Сеня и тоже захохоталъ.

— Ну, а больше вѣдь я ничего не умѣю представлять, — сказала она.

— Научитесь!

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, Сеня! Я буду швея, а вотъ вы будьте, пожалуйста, актеромъ! Вотъ ужь я буду рада тогда.

— Чему же вы будете рады?—спросилъ Сеня.

— Ишь вы!—воскликнула она опять.—Вѣдь у меня тогда будетъ актеръ—хорошій знакомый! Небось—шутка! Всѣ наши мастерицы спятъ и видятъ, какъ бы съ какимъ нибудь актеромъ познакомиться... хоть съ плохенькимъ... все равно!.. Да вотъ, ни одной еще не удалось до сихъ поръ, а у меня былъ бы...

Теперь, уже не изъ-за одного лишь желанія быть поскорѣе молодцомъ въ глазахъ Ольги, Сеня Легіоновъ задумался о томъ, что, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ, пойдетъ со временемъ въ актеры. До сихъ поръ онъ не думалъ еще серьезно о томъ, что сдѣлаетъ съ собой по окончаніи гимназіи: пойдетъ ли въ университетъ, или въ военную службу, или же ограничится гимназическимъ образованіемъ и, получивъ аттестатъ зрѣлости, вообразитъ себя и на самомъ дѣлѣ зрѣлымъ человѣкомъ и поступитъ сразу на гражданскую службу, хотя бы въ ту же казенную палату, гдѣ свѣковалъ свой вѣкъ его покойный отецъ. Пока его никуда особенно не тянуло. «Тамъ видно будетъ», — равнодушно отвѣчалъ онъ товарищамъ, когда тѣ, мечтая о своей будущности, справлялись и у него о томъ, куда онъ пойдетъ по окончаніи гимназіи. «И въ университетъ ладно, и въ доктора хорошо, и въ офицеры прекрасно; да и въ казенной палатѣ, поди, не дурно:—покойно», думалось ему. «А чѣмъ же въ актерахъ-то плохо?»—соображалъ онъ теперь. «Очень хорошо!» отвѣчалъ онъ тотчасъ, легко заражаясь восторженностью симпатичной уже и милой ему дѣвочки, и заговорилъ съ нею о своемъ вѣроятномъ поступленіи на сцену съ такимъ оживленіемъ, съ какимъ никогда не разговаривалъ о своей будущности ни съ товарищами, ни даже съ матерью.

А черезъ часъ новые друзья почти рѣшили уже, что, по окончаніи гимназіи, Сеня поступитъ на сцену; но говорили объ этомъ еще долго-долго и такъ увлеклись другъ другомъ и этимъ разговоромъ, что и не замѣтили, какъ, смолкнувъ послѣ обыкновеннаго короткаго перерыва между двумя пьесами, музыка, доносившаяся съ бульвара, не заиграла больше... Между тѣмъ, въ воздухѣ уже свѣтало и чувствовалась свѣжесть наступающаго утра; гдѣ-то вдали прокричалъ пѣтухъ, и его товарищи-крикуны, будто здороваясь другъ съ другомъ, отвѣтили ему съ разныхъ сторонъ; на рѣкѣ, на высокихъ мачтахъ судовъ, люди загасили уже ночные сигнальные фонарики; отдаленный шумъ, глухо доносившійся на бульваръ съ мощеныхъ и людныхъ улицъ, давно замолкъ... Наконецъ, башенные часы на соборной колокольнѣ пробили два раза, и только тогда Ольга опомнилась и соскочила со скамейки...

Digitized by Google

— Батюшки!.. Сумашедшіе!—воскликнула она.—Эка заболтались... До утра досидѣли. Хорошо, если хозяйки самой дома нѣтъ, а то задастъ же она мнѣ звону!.. Никогда со мной этого не случалось. Пойдемте скорѣе, пойдемте по домамъ. Ахъ, Боже ты мой—всполошилась она, уходя торопливыми шагами.

Сеня тоже вышелъ изъ-подъ березы, и они пошли вмѣстѣ по бульвару, прошли двѣ-три улицы и вышли на Одесскую. Но когда они подходили къ тому дому, гдѣ помѣщалась модная мастерская Абрамовой, юноша пріостановился.

— А это ничего, что я провожаю васъ до дому? — спросилъ онъ Ольгу.

Она сразу даже не поняла его вопроса.

— Что «ничего»?—переспросила она.

— Ничего не заподозрятъ, если кто увидитъ?—пояснилъ Сеня.

Густая краска мгновенно покрыла хорошенькое личико швеи. Она была еще настолько выше этихъ подозрѣній, настолько невинна во всемъ, что̀ можетъ возбуждать ихъ, что ей и въ голову не приходилъ вопросъ, предложенный теперь этимъ мальчикомъ, съ которымъ она провела цѣлый вечеръ въ веселой бесѣдѣ—и только... Она была такъ чиста, какъ чистъ бываетъ всякій подростокъ, пока грязныя руки взрослыхъ людей не ласкаютъ его, пока старшіе не загрязнятъ и душу, и умъ его высказанными подозрѣніями и намеками, или обмолвками и недомолвками.

— Да, да. Не надо... Уходите. Прощайте!—говорила она въ замѣшательствѣ.

— До свиданія, Оля! А завтра вы придете туда, подъ березу?.. Приходите, пожалуйста. Опять поболтаемъ.

— Приду, Сеня... Непремѣнно приду, — отвѣтила она опять прежнимъ веселымъ и беззаботнымъ голоскомъ.—Только ненадолго приду. А то вѣдь это страсть:—до пѣтуховъ досидѣли!.. Покойной ночи,—добавила она, заторопилась, наскоро кивнула ему головкой и вскорѣ скрылась въ воротахъ дома.

III.

И юноша вернулся домой.

— Это ты, Сенюшка?—ласково спросила его мать. Она давно лежала уже въ постели за перегородкой, но не спала, поджидая сына. Онъ никогда еще не возвращался такъ поздно, и она нѣсколько безпокоилась.

— Я, мамаша, — отвѣтилъ онъ, отыскивая ощупью свою кровать.

Digitized by Google

— Что жь это ты такъ поздно, Сенюшка? Завтра будни: въ гимназію надо идти...

Сеня вернулся къ дѣйствительности только теперь; за все время прогулки ему не пришло и въ голову, что мать можетъ задать ему этотъ вопросъ. Однако онъ сообразилъ въ одинъ мигъ, что ей нельзя сказать правду, не слѣдуетъ даже и вообще разсказывать о знакомствѣ съ Ольгой. «Какъ я скажу ей, что познакомился на улицѣ съ дѣвочкой и просидѣлъ съ нею на бульварѣ до двухъ часовъ ночи»?!—подумалъ онъ. «А почему не сказать»? — спросилъ онъ себя. Но тутъ же, вспомнивъ, какъ товарищи-гимназисты разсказываютъ обыкновенно о своихъ уличныхъ знакомствахъ съ разными швеями и горничными, онъ побоялся, что мать не повѣритъ его исключительному знакомству и, отвѣчая, обманулъ ее. Такъ незамѣтно портится человѣкъ: — сегодня Сеня солгалъ матери *впервые*.

— Я былъ у Свиридова, мамаша; такъ заболтался съ товарищами,—сказалъ онъ.

И счастливый, ликующій, онъ наскоро раздѣлся, закутался въ одѣяло и легъ спать въ блаженномъ розовомъ настроеніи; никогда еще не видалъ онъ такихъ райскихъ сновъ, какіе навѣяла на него эта ночь... Въ эту ночь онъ нашелъ то, чего ему недоставало на семнадцатой веснѣ:—онъ былъ влюбленъ...

Съ этого дня рѣдкій вечеръ Сеня и Оля не сходились надъ обрывомъ, подъ березой, и только въ очень ненастные дни или въ тѣ вечера, когда въ мастерской Абрамовой шла какая нибудь спѣшная, срочная работа, и Оля не могла вырваться погулять, или, наконецъ, во время переходныхъ экзаменовъ Сени, они не встрѣчались на бульварѣ. Но въ эти дни, возвращаясь изъ гимназіи домой, Сеня дѣлалъ умышленно большой крюкъ и шелъ по Одесской улицѣ; онъ зналъ впередъ, что Оля, работая, сидитъ у окна, поджидаетъ его и, пока онъ пройдетъ мимо оконъ мастерской, привѣтливо кивнетъ ему нѣсколько разъ головкою и улыбнется украдкою, чтобы не видѣли подруги.

Зачастую Сеня возвращался съ бульвара также поздно, какъ вернулся въ день знакомства съ Ольгой; его старушка-мать обязательно каждый разъ задавала ему вопросы о томъ, почему и гдѣ онъ задержался, но теперь онъ обманывалъ ее, уже не краснѣя и не смущаясь. Стыдно, трудно и неловко солгать въ первый разъ въ жизни, а затѣмъ лживыя слова летятъ уже легко и свободно, летятъ, что называется, «мелкими пташечками». Сеня отвѣчалъ постоянно матери, что засидѣлся у Свиридова, и когда однажды старушка замѣтила, что онъ сталъ особенно часто бывать у этого то-

Digitized by Google

варища, онъ, не задумываясь, какъ-то экспромтомъ, солгалъ ей, что это происходитъ потому, что тамъ онъ встрѣчается съ актерами. За послѣднее время, мечта о поступленіи на сцену сдѣлалась его излюбленной и единственной мечтой; давно уже ему хотѣлось подѣлиться ею съ матерью, но онъ не зналъ, какъ приступить къ разговору на эту тему и, вѣроятно, только для того, чтобы облегчить себѣ начало разговора, солгалъ теперь.

— Да тебѣ-то что же до нихъ, до этихъ актеровъ?—дѣйствительно спросила его старушка.

Увлекаясь, Сеня тотчасъ сталъ ей разсказывать о томъ, насколько эти актеры—занимательные, интересные и развитые люди; увѣрялъ, что бывать въ ихъ обществѣ не только пріятно, но и полезно ему—молодому человѣку;—заговорилъ и о томъ, что карьера и дѣятельность артиста ему очень по душѣ, и кончилъ тѣмъ, что тутъ же объявилъ матери о своемъ намѣреніи поступить на сцену, по окончаніи гимназіи.

Но старушка, очевидно, не придала серьезнаго значенія послѣднему заявленію сына.

— Только кончи, а тамъ видно будетъ,—сказала она.—Въ актеры, такъ въ актеры!.. А, можетъ, еще и передумаешь. Вѣдь если теперь, дастъ Богъ, перейдешь благополучно—тебѣ еще два года останется до выпуска. А два года—времени много. Еще не разъ надумаешь и передумаешь и тако, и всяко!

Но вскорѣ обстоятельства неожиданно измѣнились, и измѣнились такъ, что Сеня не передумалъ... Въ концѣ мая онъ сдалъ переходные экзамены и былъ переведенъ изъ шестаго класса въ седьмой. Это было послѣднею радостью для его старушки-матери, такъ какъ недѣли черезъ двѣ, проболѣвъ нѣсколько дней крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, она умерла. Сеня остался сиротой. Но мало этого. У него не было близкаго человѣка, который безкорыстно, изъ одного лишь человѣколюбія, позаботился бы о немъ, похлопоталъ бы о томъ, чтобы ничтожную пенсію, которую старушка получала за службу мужа—мелкаго чиновника—передали теперь сиротѣ-сыну, хотя бы до окончанія имъ образованія; не было у него человѣка, который принялъ бы его въ свою семью до тѣхъ поръ, пока онъ хоть нѣсколько окрѣпнетъ, поумнѣетъ и возмужаетъ; не было, наконецъ, человѣка, который убѣдилъ бы его не кидаться, зажмуривъ глаза, въ тотъ омутъ, въ которомъ сотнями гибли и гибнутъ даже и взрослые крѣпкіе люди!

Не зная, въ сущности, что̀ такое сцена, что̀ такое актеры, не имѣя представленія о томъ, есть ли у него талантъ или хотя бы маленькое дарованьице, или хотя бы любовь къ тому искусству, ко-

Digitized by Google

тому онъ намѣревался посвятить свою жизнь и свои силы, никогда въ жизни не ступивъ на подмостки даже въ качествѣ любителя,—этотъ юноша принялъ однако безповоротное рѣшеніе работать не иначе, какъ на сценѣ, и быть ничѣмъ инымъ, какъ актеромъ. По смерти матери, онъ забылъ и свое первоначальное рѣшеніе кончить раньше гимназію и, оправдываясь передъ самимъ собою тѣмъ, что ему нечѣмъ платить за ученье, что онъ голъ, какъ соколъ, рѣшилъ теперь же распроститься съ гимназіей и поступить на сцену сейчасъ же, теперь. Можно было подумать, что и въ самомъ дѣлѣ одно лишь ребяческое желаніе быть какъ можно скорѣе молодцомъ въ глазахъ Ольги заставляло его такъ торопиться съ этимъ рѣшеніемъ. Впрочемъ, дѣйствительно, съ каждымъ днемъ онъ влюблялся въ нее все сильнѣе и сильнѣе, а въ мечтахъ унесся уже далеко впередъ. Онъ разсчиталъ, что, опредѣлившись теперь на сцену, лѣтъ черезъ пять, черезъ шесть добьется, конечно, славы и хорошаго содержанія, и тогда женится на Ольгѣ. Однако, ей онъ не говорилъ ничего объ этой, рѣшенной въ будущемъ, женитьбѣ, ни даже о любви своей, такъ какъ не видѣлъ съ ея стороны никакихъ намековъ на взаимную страсть. Тѣмъ болѣе онъ не заговаривалъ о женитьбѣ, зная къ тому же, что, подобно Олиной подругѣ и ея жениху—чиновнику казенной палаты—и имъ придется подождать съ этимъ дѣломъ пять-шесть лѣтъ.

И опять таки, не было у Сени Легіонова такого человѣка, который доказалъ бы ему, что, если онъ намѣренъ работать и трудомъ заработать себѣ счастье хорошей, нормальной семейной жизни, то долженъ идти скорѣе въ чиновники, въ тюремные смотрители, въ какіе нибудь экономы, а еще лучше въ торговцы, въ прикащики, но ужь никакъ не въ актеры:—объяснилъ бы ему, что вездѣ онъ скорѣе выдетъ въ люди, нежели на сценѣ, гдѣ, прежде всего, нуженъ талантъ, даръ Божій,—словомъ что-то такое, чего нѣтъ и не можетъ быть поголовно у всѣхъ людей.

Впрочемъ, еслибы и нашелся такой человѣкъ, еслибы онъ объяснилъ и даже доказалъ все это Сенѣ,—послушался ли бы его тотъ?! Врядъ ли! Какой даже благоразумный юноша повѣритъ вамъ, что эту стѣну, которую *онъ* рѣшилъ пробить лбомъ—пробить невозможно! Если вы, въ свое время пытавшійся пробить ее, покажете ему сохранившіеся на лбу шрамы, дадите ему даже ощупать изуродованный лобъ,—онъ вамъ не повѣритъ! «Ты билъ не такъ, ты не съумѣлъ, а я съумѣю», подумаетъ онъ или скажетъ съ чисто юношеской самонадѣянностью и повѣритъ только себѣ, и лишь тогда, когда, ударившись самъ, почувствуетъ боль. «Ты бралъ не такъ, а я изловчусь»,—скажетъ онъ или подумаетъ, если вы по-

Digitized by Google

кажете ему обгорѣлыя руки, которыми, въ своей юности, и вы пытались схватить раскаленное желѣзо, и непремѣнно схватитъ его самъ, самъ обожжетъ себѣ руки, и только тогда вспомнитъ ваше предостереженіе и станетъ даже самъ предостерегать другихъ. Но тщетно:—какъ онъ не послушалъ васъ, такъ и его не послушаетъ слѣдующее поколѣніе.

Недѣли черезъ двѣ послѣ смерти матери, Сеня Легіоновъ явился къ гимназическому начальству и подалъ прошеніе объ увольненіи его, за неимѣніемъ средствъ, изъ гимназіи; начальство выполнило свою прямую обязанность и уволило его. А на слѣдующій день онъ пришелъ уже къ антрепренеру, снимавшему въ тотъ сезонъ для оперетки мѣстный театръ, и выразилъ желаніе поступить въ хористы; антрепренеръ, вмѣстѣ съ режиссеромъ и капельмейстеромъ оркестра, испробовали его голосъ, проэкзаменовали его въ знаніи нотъ и, такъ какъ онъ выдержалъ этотъ экзаменъ и владѣлъ небольшимъ, но вполнѣ достаточнымъ для опереточнаго хориста голосомъ, то въ тотъ же день былъ принятъ въ труппу на десять рублей жалованія въ мѣсяцъ. Онъ «запѣлъ» въ тотъ же день вечеромъ, а черезъ мѣсяцъ «работалъ» уже настолько порядочно, что антрепренеръ набавилъ ему пять рублей жалованья.

Прошло три лѣтнихъ мѣсяца. За это время Сеня и Оля встрѣчались на обрывѣ подъ березой лишь въ тѣ дни, когда въ театрѣ не бывало спектаклей, но все таки видѣлись часто. Раза два въ недѣлю Сеня обязательно доставлялъ своей Олѣ билетикъ въ театръ, и она блаженно сидѣла «на верхахъ», и съ гордостью смотрѣла оттуда на сцену, на своего «хорошаго знакомаго — актера». Немудреная мечта ея осуществилась: среди своихъ товарокъ она одна была знакома съ актеромъ, хотя, правда, съ плохенькимъ. По окончаніи спектаклей, Ольга поджидала Сеню у «актерскаго» подъѣзда; они возвращались вмѣстѣ, и Сеня доводилъ Ольгу до мастерской Абрамовой. Наконецъ, лѣтній сезонъ кончился; по обыкновенію, члены ипатьевской труппы собрались къ переѣзду въ другіе города—куда кто былъ приглашенъ на слѣдующій зимній сезонъ. Самъ антрепренеръ уѣзжалъ кое съ кѣмъ изъ своихъ актеровъ въ городъ Хмыровъ. Спектакли уже прекратились. Осень стояла сухая и ясная. Сеня и Оля встрѣчались на бульварѣ опять каждый день. Наканунѣ отъѣзда изъ Ипатьевска, Сеня сидѣлъ надъ обрывомъ подъ березой и поджидалъ Ольгу. Это былъ вечеръ, въ который имъ предстояло рѣшить важный вопросъ, и она обѣщала прійти непремѣнно.

И, дѣйствительно, вскорѣ юноша услыхалъ за собою ея веселый голосокъ.

— Ну, здравствуйте, Сеня. Вотъ и я.

Digitized by Google

Они поздоровались, поболтали о томъ, о другомъ...

— Что жь, Оля, надо рѣшать:—ѣхать или не ѣхать?—промолвилъ наконецъ Сеня, грустно глядя на Ольгу. Онъ зналъ впередъ ея отвѣтъ, потому что не въ первый разъ они вели этотъ разговоръ. Еще недѣлю тому назадъ, антрепренеръ предложилъ Сенѣ ѣхать съ нимъ въ Хмыровъ въ качествѣ хориста, уже на двадцатирублевое жалованье, и притомъ, бралъ на себя путевые расходы. Сеня сказалъ тогда же объ этомъ предложеніи Ольгѣ, и она убѣждала его ѣхать непремѣнно.

— Какъ же не ѣхать, Сеня? Конечно ѣхать!—воскликнула она и теперь.—Гдѣ жь вы такое жалованіе получите? На улицѣ не валяется! Подумайте-ка:—съ десяти рублей начали, а вотъ за три мѣсяца ужь до двадцати дошли. А тамъ пожалуй, прибавятъ, и еще. Такъ, помаленьку, и добьетесь своего, и сдѣлаетесь знаменитымъ актеромъ!..

— Конечно, сразу нельзя,—замѣтилъ задумчиво Сеня.

— Еще бы не ѣхать!—повторила она.

Юноша взглянулъ на нее еще тоскливѣе.

— А какъ же вы-то, Оля?—вырвался у него вопросъ.

— Что жь я? Я какъ была себѣ, такъ и останусь!—отвѣтила она.

— Что жь, вамъ такъ-таки совсѣмъ и не жалко, что мы разстаемся?

— Ну, вотъ, глупости какія!—воскликнула Ольга.—И очень жалко, да что жь подѣлаешь? Увидимся опять когда нибудь. Будете служить, денегъ наберете, большимъ актеромъ сдѣлаетесь, тогда и пріѣзжайте сюда. Вотъ-то я буду рада, вотъ будетъ весело!—размечталась было она, но вдругъ оборвала рѣчь и добавила грустнымъ тономъ:—Только нѣтъ! Тогда вы и знаться со мной не захотите. Забудете... И не поклонитесь, пожалуй... Да и то:—была неволя такому большому, настоящему актеру со всякой швейкой знакомство водить.—Что вы?.. Что вы, Оля? Какъ вамъ не стыдно!—воскликнулъ Сеня горячо и съ укоризной.—Я васъ забуду?!.. Я?!.. Только бы вы меня не забыли, только бъ вы полюбили меня такъ, какъ я васъ...—Онъ не договорилъ послѣдняго слова: «люблю». Въ первый разъ, когда оно чувствуется, а не только говорится, когда оно еще ново, свято и не опошлено частымъ повтореніемъ, даже смѣлый юноша произноситъ его робко, боязливо, выговариваетъ не сразу. А Сеня былъ и вообще не изъ храбрыхъ: отъ волненія у него захватило духъ, и онъ умолкъ.

— Я и теперь люблю васъ, Сеня!—воскликнула вдругъ Ольга, и мало того, что сама выговорила просто и естественно это слово,

Digitized by Google

но была, очевидно, удивлена тѣмъ, что это надо сказать, что Сеня самъ не знаетъ до сихъ поръ...

— Любите?!.. Любишь?!.. Оля?.. Любишь?—переспрашивалъ въ восторгѣ Сеня, и она не успѣла опомниться, какъ онъ обнялъ ее и крѣпко-крѣпко поцѣловалъ.

Но черезъ секунду она была уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ скамейки... Она отпрыгнула отъ него легкимъ и быстрымъ прыжкомъ—словно кошечка—и, смущенная, обиженная, стояла теперь, прижавшись къ рѣшеткѣ, надъ обрывомъ. Молодая грудь ея дышала взволнованно, густая краска стыда разлилась по хорошенькому, испуганному и возмущенному личику; голосъ ея дрожалъ, когда она заговорила.

— Ишь вы какой!.. Такой же, какъ всѣ... Такой же дрянной! Нѣтъ, нѣтъ, а вдругъ—озорничать!.. Зачѣмъ вы это?! Развѣ нельзя *такъ* любить?

Сеня совсѣмъ растерялся и не зналъ, что̀ ему дѣлать. Онъ хотѣлъ подойти къ ней, успокоить ее, попросить прощенья, но теперь эта смѣшная швея, искавшая человѣка, который не былъ бы такой же «дрянной», какъ всѣ, очевидно, не понимала ужь больше своего юнаго друга. Лишь только онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы подняться со скамейки, она отбѣжала еще дальше.

— Не смѣйте!—говорила она.—Только троньте... Убѣгу, и никогда вы меня больше не увидите. Не смѣйте!..

— Оля, простите вы меня!—заговорилъ тогда Сеня, уже со своего мѣста.—Простите, пожалуйста. Подите сюда, сядьте. Честное слово, я больше не посмѣю. Я не хотѣлъ... Я забылся... Это потому, что я люблю васъ, Оля!..

— Ну, ужь—любите!—проговорила укоризненно дѣвочка, понемногу успокоиваясь и медленно возвращаясь подъ березу.—Развѣ кто любитъ—обижаетъ такъ? Что вы, жениться собрались на мнѣ, что ли?!

— Да, да, жениться!—подхватилъ Сеня.—Если только вы за меня пойдете—женюсь. Непремѣнно женюсь! Сейчасъ нельзя:—мнѣ еще только шестнадцать лѣтъ, и пока намъ нечѣмъ будетъ жить... А вотъ поѣду служить, сдѣлаюсь извѣстнымъ актеромъ, буду получать большое жалованіе и тогда — лѣтъ черезъ пять—пріѣду и женюсь. Вотъ, ей-богу, женюсь!..

— Такъ что жь вы за пять лѣтъ впередъ цѣловаться начали?—перебила его Оля.—Развѣ можно?! Тогда и цѣловаться будемъ—черезъ пять лѣтъ... А это я тоже знаю,—продолжала она:—у насъ и такія мастерицы были, что̀ до свадьбы съ женихами цѣловались. Такъ что жь вы думаете:—всѣ до одной пропали! Ни

Digitized by Google

одна свадьбы не справила. И женихи во всѣ стороны! Свое взяли и ушли. Ну, а я не таковская... И не смѣйте вы, никогда не смѣйте. Развѣ можно?—повторяла она...

— Я боюсь только, Оля, что вы не станете ждать меня пять лѣтъ. За другаго выдете!—говорилъ Сеня черезъ нѣсколько минутъ.

— Вотъ, ей-богу, подожду!—поклялась Ольга.—Пять лѣтъ ни за кого не выду. Ей-богу!—Въ сущности, мысль выйти замужъ за актера, а тѣмъ болѣе за извѣстнаго, какимъ Сеня собирался сдѣлаться черезъ пять лѣтъ, улыбалась ей самой.—Ну, а ужь больше пяти лѣтъ не стану ждать,—оговорилась она тутъ же:—потомъ выду, если кто посватается; тоже цѣлый вѣкъ не очень-то весело слоняться по чужимъ людямъ, безъ своего угла да безъ своего хозяйства.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я прошу подождать только пять лѣтъ... Больше ждать не придется,—увѣренно твердилъ Легіоновъ.

И вскорѣ, сидя снова рядомъ на скамеечкѣ подъ березой, они говорили опять съ большимъ оживленіемъ о будущемъ, дѣлали предположенія, гадали, мечтали и занеслись въ мечтахъ такъ далеко, какъ могутъ заноситься только шестнадцатилѣтніе подростки, мало развитые, довольные жизнью, которую они еще не знаютъ, ждущіе великихъ и богатыхъ милостей отъ будущаго, счастливые своей первой любовью и, кромѣ себя и своего личнаго счастья, ни о чемъ не способные ни говорить, ни думать.

Опять, какъ въ первый разъ, когда въ весеннюю ночь судьба свела ихъ надъ этимъ обрывомъ, они вернулись къ дѣйствительности только тогда, когда часы на соборной колокольнѣ проиграли и пробили два раза. Опять, какъ и тогда, Ольга вскочила съ испуганнымъ лицомъ. Но теперь соображеніе, что она поздно вернется домой въ мастерскую, не могло испугать ее; это было уже не впервбй; она привыкла поздно возвращаться и пріучила смотрѣть на это сквозь пальцы и хозяйку. Теперь другое всполошило ее.

— Ахъ, Боже мой! Сеня, вѣдь вамъ завтра рано-рано ѣхать. Пароходъ-то идетъ чуть свѣтъ!—воскликнула она, вскакивая со скамейки.—Ну, прощайте! Пріѣзжайте же черезъ пять лѣтъ. Буду ожидать. Ахъ, какъ я буду ждать! А, можетъ быть, и раньше пріѣдете? А?

— Какъ только можно будетъ—пріѣду. Прощайте, Оля!—отвѣтилъ Сеня дрожащимъ голосомъ и протянулъ ей руку.

— Прощайте, голубчикъ! Дай вамъ Богъ счастья!—сказала она, и на этотъ разъ уже Сеня не успѣлъ опомниться, какъ она сама быстро и крѣпко три раза, одинъ за другимъ, поцѣловала его въ губы...

Digitized by Google

Послѣ того, что́ произошло между ними, что́ она высказала ему—Сеня совсѣмъ не понималъ этой ласки, не понималъ ея поцѣлуевъ... А она, напротивъ, понимала ихъ такъ хорошо, цѣловала его такъ сознательно, просто, естественно:—прощаясь надолго со своимъ хорошимъ пріятелемъ, съ товарищемъ, дѣлившимъ съ нею свободные часы ея трудовой юности, она дружески поцѣловала его, какъ поцѣловала бы на прощанье роднаго любимаго брата. Да, эта швея и этотъ отставной гимназистъ, оба юные, оба неиспорченные еще жизнью и людьми, не понимали уже, однако, другъ друга!..

И вотъ, въ сущности, все, что́ произошло въ ранней юности между Сеней и Олей; а между тѣмъ, до чего томительно-сладко бывало на душѣ у Сени, когда даже теперь—черезъ шесть лѣтъ—онъ припоминалъ со всѣми мельчайшими подробностями Ольгу и эти встрѣчи съ нею,—вспоминалъ свою первую и единственную любовь!

Но человѣку также рѣдко удается выполнить въ жизни все то, что́ онъ намѣтилъ къ исполненію въ юности, какъ рѣдко удается ему прожить жизнь, не покрививъ ни разу душой!.. Еслибы все, что́ молодые люди рѣшаютъ относительно себя, исполнялось въ будущемъ; еслибы все, о чемъ они горячо мечтаютъ на зарѣ жизни, свершалось, — то, конечно, всѣ кузены были бы женаты на своихъ кузинахъ, а тѣ, кого судьба вовсе обошла кузинами, женились бы непремѣнно на тѣхъ подругахъ ранней юности, которыя первыя взглянули на нихъ дѣтски-кокетливымъ взглядомъ и подарили ихъ первымъ мимолетнымъ, легкимъ, какъ вѣтерокъ, и прекраснымъ, какъ мечта, поцѣлуемъ. Мало этого! Тогда у насъ было бы столько же фельдмаршаловъ, сколько теперь простыхъ офицеровъ, было бы безчисленное множество министровъ, и военныхъ, и статскихъ, были бы исключительно только знаменитые доктора и профессора, только великіе и славные художники, писатели, музыканты, пѣвцы и актеры!.. И, кажется, особенно много было бы послѣднихъ, потому что среди актеровъ рѣдкій, очень рѣдкій рядовой, мелкій служитель сцены способенъ здраво смотрѣть на себя, при началѣ своей артистической дѣятельности; рѣдкій не разсчитываетъ сдѣлаться со временемъ генераломъ на сценѣ—великимъ актеромъ...

Теперь прошло уже не пять, а цѣлыхъ шесть лѣтъ, и ничего не сбылось изъ того, о чемъ такъ горячо мечталъ Сеня Легіоновъ, сидя съ Ольгой надъ обрывомъ подъ березой въ Ипатьевскѣ...

На утро послѣ ихъ свиданья онъ уѣхалъ съ антрепренеромъ и другими актерами въ Хмыровъ. Дѣла въ Хмыровѣ шли, какъ и

Digitized by Google

всегда въ этомъ городѣ, не важно, и, вмѣсто обѣщанныхъ двадцати рублей, антрепренеръ платилъ Сенѣ лишь десять, да и тѣ платилъ неаккуратно. Кромѣ того, уѣзжая по окончаніи сезона опять въ новый городъ, онъ не предложилъ уже Сенѣ ѣхать съ собой. Ѣхать же на свой счетъ съ нимъ ли, или куда бы то ни было, Сеня не могъ, потому что у него не было денегъ. Изъ десятирублеваго жалованья, за шесть мѣсяцевъ сезона, скопить что либо Легіонову, конечно, не удалось; и волей-неволей онъ остался въ Хмыровѣ... На слѣдующій сезонъ сюда пріѣхала уже не опереточная, а драматическая трупа; хористы не требовались,—требовались выходные актерики на легкія и малорѣчивыя роли. Сеня согласился исполнять эти роли и, такимъ образомъ, превратился въ выходнаго драматическаго актера. Но мечталъ онъ по прежнему, даже больше прежняго. Въ этомъ превращеніи изъ хориста въ драматическаго актера онъ видѣлъ вообще шагъ впередъ, но, кромѣ того, видѣлъ тотъ первый шагъ, которымъ, собственно, слѣдовало начать путь къ славѣ, такъ какъ, въ сущности, онъ и мечталъ сдѣлаться собственно драматической, а не опереточной знаменитостью. И теперь онъ рѣшилъ уже не сворачивать съ дороги, а шагать все дальше, дальше, и все таки черезъ пять лѣтъ прійти къ намѣченной цѣли... Но время промелькнуло, года прошли за годами, сезоны смѣнялись сезонами, и съ каждымъ годомъ и съ каждымъ сезономъ, ничуть не двигаясь впередъ, не ступивъ въ сущности даже втораго шага, оставаясь все тѣмъ же «выходнымъ драматическимъ» и исполняя все тѣ же лакейскія роли, Сеня все меньше и меньше мечталъ о славѣ и генеральствѣ на сценѣ, а теперь, черезъ шесть лѣтъ, будучи все тѣмъ же маленькимъ, совсѣмъ незначительнымъ актеромъ, не мечталъ ужь и вовсе, и сталъ жить, наконецъ, дѣйствительною жизнью. Онъ смирился. Теперь онъ пережилъ уже и это отвратительное время, когда человѣкъ видитъ, что надежда на все давно взлелѣянное уплываетъ, какъ уплываетъ отъ берега отвязавшаяся лодка, на которой предстояло плыть. Нѣтъ подъ рукой ни багра, ни весла, ни даже палки какой нибудь:—все уплыло въ лодкѣ, вмѣстѣ съ нею, и остановить ее нечѣмъ! И стоишь на берегу безпомощный, унылый и грустный, и видишь, что лодка плыветъ себѣ по теченію, плыветъ отъ тебя, плыветъ къ чужому берегу, и знаешь, что теперь она уплыветъ совсѣмъ, уплыветъ непремѣнно!.. Досадный, отвратительный моментъ въ жизни человѣка, а всякій его пережилъ, кто мечталъ о чемъ либо, кто стремился къ чему нибудь, силился чего нибудь достигнуть и не достигъ... И какъ въ мечтахъ только Сеня побывалъ настоящимъ извѣстнымъ актеромъ, такъ тоже лишь въ мечтахъ, какъ въ сладкомъ снѣ, онъ достигъ и желаннаго союза

Digitized by Google

съ любимой дѣвушкой. Одно должно было быть слѣдствіемъ другаго, а потому и тутъ обманула дѣйствительность, и тутъ все прошло, промелькнуло и ото всего остались лишь одни воспоминанія! Сеня даже не зналъ ничего объ Ольгѣ, съ тѣхъ поръ какъ видѣлся съ нею въ Ипатьевскѣ, наканунѣ отъѣзда. О перепискѣ между ними вообще не могло быть и рѣчи. Ольга была малограмотна, едва умѣла читать и писать, и на вопросъ Сени о томъ, напишетъ ли она ему когда нибудь о себѣ, рѣшительно и откровенно отвѣчала такъ:

— Вотъ глупости! Что жь я буду писать? Нынче шила бѣлое платье, завтра голубое, черезъ недѣлю—розовое... Очень интересно для васъ! Нѣтъ, я не буду писать. Да и вы не пишите. А то—срамъ! Получишь отъ васъ письмо, и сейчасъ пойдутъ подруги пересмѣивать: «отъ жениха, да отъ жениха»! Знаю я это. Тутъ сгоришь со стыда... Нѣтъ, нѣтъ, не надо.

И Сеня не писалъ ей цѣлый годъ послѣ своего отъѣзда. Но черезъ годъ онъ не выдержалъ. Тоскливо было ему не знать ничего о любимой дѣвушкѣ, и онъ написалъ ей письмо, описывалъ свое житье-бытье, свои надежды—тогда онъ жилъ еще ими,—спрашивалъ объ ея жизни, спрашивалъ: ждетъ ли она его и будетъ ли ждать еще четыре года? и, не утерпѣлъ, написалъ даже, что онъ любитъ ее по прежнему... Но отвѣта на это письмо онъ не получилъ. Черезъ полгода онъ написалъ опять, но опять его письмо осталось безъ отвѣта. И, наконецъ, въ послѣдній разъ онъ написалъ ей два года тому назадъ, послалъ это письмо нарочно заказнымъ, адресовалъ его по прежнему: въ мастерскую Абрамовой—швеѣ Ольгѣ Степановой, но почта вернула ему это письмо съ надписью, что Ольга Степанова въ городѣ Ипатьевскѣ не проживаетъ. И вотъ все, что Сеня зналъ объ Олѣ до сегодняшней неожиданной встрѣчи съ нею на вокзалѣ въ Хмыровѣ...

IV.

Поселяясь шесть лѣтъ назадъ у колбасницы Дарьи Андреевны, Сеня Легіоновъ нанялъ собственно половину того чулана, въ который онъ прошелъ теперь, вернувшись отъ Ольги. Но, такъ какъ онъ былъ вообще очень не притязательный и спокойный жилецъ, и притомъ границы его владѣній не были обозначены ни ширмами, ни драпировкой, ни какой либо иной перегородкой, то со временемъ случилось какъ-то такъ, что, хотя онъ и продолжалъ платить очень акуратно за полкомнаты, однако пользовался въ сущности только тѣмъ угломъ, гдѣ стояла его убогая кровать, снабженная невзрачною

Digitized by Google

постелью. Остальная, бо́льшая часть комнаты была занята кроватями его молодыхъ сожителей,—сыновей квартирной хозяйки,—и столомъ, на которомъ были навалены ихъ учебники и прочее имущество. Впрочемъ, Сеня и не нуждался ни въ чемъ, кромѣ кровати. Онъ являлся домой только въ полдень пообѣдать, да на ночь—спать. Стекла маленькаго подвальнаго оконца его чуланчика приходились въ уровень съ тротуаромъ и были всегда настолько залѣплены грязью и покрыты пылью, что въ этомъ чуланчикѣ—и безъ того мрачномъ—было темно во всякое время года, и безъ искусственнаго освѣщенія не представлялось возможнымъ заниматься даже по утрамъ; на освѣщеніе же своего жилища Сеня не имѣлъ свободныхъ средствъ. Въ началѣ, въ первый годъ своей жизни у Дарьи Андреевны, Легіоновъ пристроился было со своими занятіями—съ пьесами и ролями—въ самой колбасной лавкѣ, подъ большимъ окномъ, на которомъ была выставка; но, послѣ того какъ Дарья Андреевна,—не нарочно, конечно, а по невѣдѣнію,—завернула однажды какому-то покупателю колбасу въ листокъ, на которомъ была переписана его роль,—выходная роль ростовщика Бека изъ комедіи «Свадьба Кречинскаго»,—онъ пересталъ уже вовсе носить роли въ колбасную, пересталъ заниматься дома. Зимой онъ училъ обыкновенно роли и читалъ пьесы въ самомъ зданіи театра, въ какомъ нибудь коридорѣ или въ другомъ полутемномъ помѣщеніи, гдѣ казенная лампа горѣла обязательно весь день, а лѣтомъ занимался прямо на открытомъ воздухѣ, въ садикѣ, окружавшемъ театръ... Вещей,—ну, вообще вещей, какія бываютъ у другихъ людей,—у Сени Легіонова не было, а, стало быть, ему и въ самомъ дѣлѣ не требовалось ни стола, ни комода, ни шкафа; у него было совсѣмъ немного бѣлья, но онъ держалъ его въ небольшомъ сундукѣ, подъ кроватью, а носильный и театральный гардеробъ его состоялъ изъ той пиджачной пары, что́ была всегда на немъ, да изъ очень подержанной фрачной пары (для ролей трактирныхъ лакеевъ, слугъ въ хорошихъ домахъ и гостей на балахъ) пары, хранившейся тоже не дома, не въ колбасной, а въ театрѣ, въ каморкѣ театральнаго рабочаго Соколова. Этотъ Соколовъ былъ одинъ изъ многочисленныхъ пріятелей Сени, и Легіоновъ довѣрялъ ему храненіе фрачной пары; онъ былъ увѣренъ, что Соколовъ не заложитъ ея,—по крайней мѣрѣ, безъ предварительнаго оповѣщенія о томъ владѣльца.

Сеня ушелъ теперь въ свой уголъ, потому что хотѣлъ скрыться отъ людей, хотѣлъ остаться наединѣ съ самимъ собою. Онъ зналъ, что сюда, въ эту конуру, не заглянетъ никто изъ тѣхъ людей, что́ ежедневно пользуются его услугами; всѣ знали, что, занятый цѣлый

Digitized by Google

день исполненіемъ разнообразныхъ порученій, Сеня никогда не бываетъ дома; притомъ, въ это время дня, и школьники, его сожители, «гоняли» обыкновенно гдѣ нибудь на улицѣ, ловили рыбу, дрались съ товарищами, но, во всякомъ случаѣ, пребывали на чистомъ воздухѣ и не торчали дома...

— Да что жь это съ ней? Что съ ней?—спрашивалъ онъ себя, вытянувшись на постели и устремивъ глаза въ низкій, закоптѣлый, грязный потолокъ своей клѣтушки. Какъ только онъ вошелъ въ нее, онъ повалился на кровать, хотя обыкновенно у него не было привычки днемъ валяться на постели.—Замужемъ она или не замужемъ? Кто ее обобралъ, когда? И что *онъ* взялъ? Вѣдь у нея ничего не было, вѣдь она была бѣдная!—вспомнилъ онъ опять давешнее соображеніе.—И зачѣмъ я не разспросилъ ея обо всемъ, зачѣмъ ушелъ? Зачѣмъ не заставилъ ея сейчасъ же разсказать мнѣ все, что̀ съ нею случилось!—упрекнулъ онъ себя, но тотчасъ въ раздумьѣ добавилъ:—И не спрошу!.. Ничего не спрошу, пока сама не разскажетъ. Развѣ можно?!. Это нахаломъ надо быть. Мало ли что̀ могло съ ней случиться? Да, можетъ быть, она вовсе и не желаетъ разсказывать? Зачѣмъ не заставилъ?!. Дуракъ! По какому праву я могъ бы ее заставить? А было... было... что нибудь страшное, ужасное было!—добавилъ онъ и опять сталъ задавать себѣ мучительные, но безотвѣтные вопросы; думалъ, соображалъ, догадывался, строилъ различныя предположенія, но тотчасъ мысленно опровергалъ опять все пришедшее въ голову и терзался снова полнымъ невѣдѣніемъ... Все казалось и вѣрнымъ, и невѣрнымъ; все могло быть такъ, а могло быть и иначе; все казалось возможнымъ и невозможнымъ, а между тѣмъ у Сени явилась теперь болѣзненная потребность знать навѣрное, знать правду, быть можетъ, и горькую, но только правду... Онъ «приготовился» уже теперь, онъ былъ готовъ принять ударъ...

Но какъ ее узнать, эту правду?!. Терзаясь и гадая, онъ пролежалъ около часа и почувствовалъ, наконецъ, утомленіе и головную боль; онъ былъ вообще слабый, малокровный человѣкъ, и голова болѣла у него часто... Онъ зажмурилъ глаза и тотчасъ, будто портретъ въ круглой рамкѣ, ему явился образъ Ольги, обрамленный тѣмъ оранжевымъ кругомъ, въ которомъ всѣ предметы видятся человѣку, лишь только, при головной боли, онъ закроетъ глаза. Сеня обрадовался видѣнію и уже умышленно зажмурилъ глаза еще крѣпче. Но Ольга видѣлась ему не тою Ольгой, которую онъ зналъ раньше, которая до сегодняшней встрѣчи постоянно, шесть лѣтъ подъ рядъ, представлялась ему. Теперь, не смотря даже на усилія вызвать именно тотъ—прежній, милый и до сихъ поръ лю-

Digitized by Google

бимый—образъ ея, Сеня не могъ этого достигнуть. *Та* Оля не являлась! Онъ видѣлъ Ольгу,—Ольгу Степановну, какъ называлъ онъ ее мысленно, про себя... Передъ нимъ была видная, красивая дѣвушка съ высокой грудью, широкими, по женски округленными плечами, на которыя падали подстриженные темнорусые, волнистые волосы; большіе, красивые, каріе глаза ея смотрѣли грустно, безучастно, будто видѣли уже въ жизни все и ничѣмъ больше не интересовались; и Сеня не узналъ теперь этихъ прежде знакомыхъ глазъ именно потому, что не видѣлъ ихъ прежняго выраженія:—бойкаго, дѣтски-веселаго, оживленнаго, любопытнаго... Прежде маленькій, нѣсколько вздернутый, носикъ ея расплылся теперь, огрубѣлъ и даже подурнѣлъ, а сочныя, толстыя, но красивыя губы... Ему вспомнились слова Сестричкина: «Такія, знаешь, соблазнительныя, соблазнительныя:—такъ вотъ и хочется чмокнуть, особенно человѣку молодому!.. Только ты, голубчикъ, сразу-то не чмокай»...—Да ну васъ, Петръ Осипычъ!—прошепталъ Сеня и теперь, будто отвѣчая Сестричкину... Онъ продолжалъ лежать съ закрытыми глазами и, по выраженію его лица, было замѣтно, что онъ не заснулъ еще, но вотъ-вотъ, черезъ минуту, черезъ двѣ—заснетъ. Такое лицо—нѣсколько строгое и нѣсколько удивленное—бываетъ зачастую у тихо, спокойно умирающаго человѣка и всегда—у засыпающаго.—Подите вы!—продолжалъ шептать Сеня:—съ чего вы это взяли, что я буду ее чмокать?!. Развѣ можно такъ обижать? Зачѣмъ же непремѣнно цѣловаться? Развѣ нельзя *такъ* любить?—повторилъ онъ фразу, которую сама Ольга сказала ему шесть лѣтъ назадъ, когда онъ поцѣловалъ ее надъ обрывомъ, въ ночь ихъ послѣдней встрѣчи. И продолжалъ опять:—Любилъ, любилъ я ее!.. И тогда любилъ... дѣвочкой. Но до свадьбы нельзя цѣловаться. Столько мастерицъ погибло отъ этого. «Ни одна свадьбы не справила». Я знаю, знаю! И я хотѣлъ жениться. Да вотъ:—не дождалась!.. Да и чего ждать? Надо жить своимъ хозяйствомъ,—не все же у чужихъ людей. Ждала, пять лѣтъ ждала... шесть лѣтъ, а я все лакей и лакей!.. Не знаменитость, а неизвѣстный актерикъ,—лакеишка!.. Она и вышла... Не дождалась и вышла за знаменитаго, за извѣстнаго... А?.. Что?.. Несчастная, обобранная, брошенная!—повторилъ онъ вдругъ уже громко, но тутъ мысли его сразу оборвались...

На мгновеніе онъ широко открылъ сонные глаза, испуганно посмотрѣлъ по сторонамъ, повернулся стремительно на бокъ, легъ, отвернувшись лицомъ къ стѣнѣ, и въ ту же минуту заснулъ крѣпкимъ, тяжелымъ сномъ... Онъ очнулся часа черезъ два, потому что пріятель его, театральный рабочій Соколовъ, безцеремонно толкалъ его въ бокъ и кричалъ надъ самымъ ухомъ: «Сеня, Сеня». Легіо-

Digitized by Google

новъ открылъ глаза. Въ комнатѣ было совершенно темно, и чрезъ грязныя стекла маленькаго окошечка было видно, что и на улицѣ уже окончательно стемнѣло.

— Кто тутъ?—спросилъ Сеня; съ просонья онъ не узналъ голоса пріятеля.

— Кто?!. Да я:—Соколовъ!—отвѣтилъ тотъ,—Что съ тобой?.. Боленъ ты, что ли?!. Второе дѣйствіе начали, а ты въ четвертомъ выходишь. Теперь ужь десять часовъ.

Сеня быстро вскочилъ на ноги; съ нимъ никогда не случалось, чтобы онъ опоздалъ къ спектаклю, а тѣмъ болѣе—къ своему выходу.

— Боленъ ты, что ли?—повторилъ Соколовъ.

— Нѣтъ, какое боленъ? Заснулъ нечаянно,—объяснилъ Сеня. Дѣйствительно, теперь онъ чувствовалъ себя совсѣмъ здоровымъ; къ тому же, крѣпкій сонъ значительно подкрѣпилъ его и успокоилъ.

— Такъ пойдемъ же! Меня и то Петръ Осипычъ прислалъ. «Сбѣгай, говоритъ, за Сеней, а то онъ вѣрно пьянъ»!—сказалъ, улыбаясь, Соколовъ.

— Ну, вотъ! Когда жь онъ меня видѣлъ пьянымъ?—замѣтилъ обидчиво Сеня:—я въ жизни своей ни одной рюмки не выпилъ.

— Да вѣдь онъ шутя! Онъ же знаетъ. Пойдемъ.

— Пойдемъ, пойдемъ,—заторопился и Легіоновъ.—А тебѣ спасибо, что прибѣжалъ,—не забылъ онъ поблагодарить пріятеля.

— А то проспалъ бы, пожалуй. Спасибо. Когда нибудь и я заслужу,—добавилъ онъ, накидывая свое пальто и надѣвая фуражку. Второе дѣйствіе комедіи «Женитьба Бѣлугина» только что кончилось, когда они пришли въ театръ. Сеня долженъ былъ выходить лишь въ четвертомъ и затѣмъ въ пятомъ актѣ; въ его распоряженіи оставалось порядочно времени и, воспользовавшись имъ, онъ пошелъ искать Ольгу. Онъ искалъ ее и въ коридорахъ, и въ зрительной залѣ, и въ уборныхъ, и за кулисами, даже въ театральномъ садикѣ, но не нашелъ нигдѣ и вернулся опять за кулисы. Тутъ онъ столкнулся съ Сестричкинымъ.

— Ну, что, колбасникъ, встрѣтилъ актрисочку мою?—спросилъ его тотъ.

— Встрѣтилъ, Петръ Осипычъ, — отвѣтилъ Сеня:—и въ нумера Крылова свезъ, какъ вы поручали.

— Что жь, безъ труда узналъ?—освѣдомился Сестричкинъ, улыбаясь.

— Узналъ,—отвѣтилъ Сеня, немного смутившись:—Мы съ ней земляками оказались. Дѣтьми знали другъ друга.

— Вотъ какъ?! Такъ поэтому ты и пропалъ!—воскликнулъ антрепренеръ.—Охъ, Сеня, Сеня! Ужасный ты ферлакуръ.

Digitized by Google

— Да нѣтъ, Петръ Осипычъ, я...

— Ладно, ладно, не оправдывайся. Ты скажи-ка лучше, куда ты ее теперь-то дѣвалъ? Гдѣ она?—спросилъ Сестричкинъ.

— Не знаю, Петръ Осипычъ. Обѣщала вечеромъ прійти сюда,—отвѣтилъ Легіоновъ.

— Ну, вотъ и расчудесное дѣло! Тутъ и познакомимъ ее со всѣми,—проговорилъ Сестричкинъ, потирая руки и загадочно улыбаясь.

— Что жь вы смѣетесь? — спросилъ Сеня, не понимая его улыбки.

— Петръ Осипычъ! Петръ Осипычъ!—позвалъ въ это время помощникъ режиссера.

— Нѣтъ, ничего. Радъ, что она пріѣхала!—отвѣтилъ Сестричкинъ Легіонову, убѣгая на зовъ своего помощника. Режиссеромъ былъ онъ самъ.

Прошло и третье дѣйствіе, а Ольги все не было. Въ слѣдующемъ антрактѣ Сеня не могъ уже искать ее:—онъ долженъ былъ гримироваться и одѣваться въ свою фрачную пару. Лакея Прохора, котораго онъ игралъ сегодня, надо было изображать человѣкомъ среднихъ лѣтъ—лакеемъ-резонеромъ,—съ баками, морщинами, съ просѣдью; а потому этотъ антрактъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ выходу. Въ четвертомъ дѣйствіи, при поднятіи занавѣса, съ перваго явленія, онъ долженъ былъ находиться на сценѣ, а затѣмъ то и дѣло уходить за кулисы и являться снова, и опять таки ему было не до поисковъ. Въ послѣднемъ антрактѣ, одѣтый и загримированный, онъ могъ поискать Ольгу только за кулисами; и онъ искалъ, но ея все еще не было. Вотъ и пятое дѣйствіе подходило уже къ концу. Въ одномъ изъ послѣднихъ явленій на сценѣ были: Муруевъ—актеръ, исполнявшій роль Агишина, и Сеня Легіоновъ—Прохоръ. Они вели сцену; все шло прекрасно; всѣ играли безъ сучка и задоринки, какъ выражался Сестричкинъ. На вопросъ Муруева-Агишина о томъ, дома ли Бѣлугинъ, Сеня-Прохоръ только что отвѣтилъ словами своей роли: «Дома, да и родители его здѣсь» и, согласно замѣткѣ, долженъ былъ остаться на сценѣ, ждать прихода Налетова, игравшаго героя пьесы Андрея Бѣлугина, и уйти въ правую дверь только послѣ его прихода и послѣ его словъ: «Прохоръ, доложи Еленѣ Васильевнѣ, что господинъ Агишинъ желаетъ ихъ видѣть». И Сеня держался уже около правой двери; Налетовъ-Бѣлугинъ пришелъ уже и, кончая сцену съ Агишинымъ, вотъ-вотъ долженъ былъ обернуться къ Легіонову.

Наконецъ, онъ обернулся.

— «Прохоръ»...—началъ было онъ, но тотчасъ запнулся и умолкъ.

Digitized by Google

Испуганные, перетрусившіе глаза его были неподвижно устремлены не то на Сеню, не то на ту дверь, въ которую Легіоновъ долженъ былъ уйти черезъ нѣсколько секундъ; казалось, будто вмѣсто Сени онъ видитъ передъ собою страшнаго тигра, либо тамъ, въ дверяхъ, позади Легіонова, увидѣлъ вдругъ ядовитую змѣю. Словомъ, лицо Налетова имѣло такое выраженіе, что даже Сеня испугался за него. Но обернуться, чтобы посмотрѣть, что̀ было за его спиной, что̀ взволновало такъ и напугало Налетова, Сеня не посмѣлъ. Актеръ на сценѣ—тоже, что̀ солдатъ на часахъ:—есть вещи, которыя, при исполненіи своихъ обязанностей, первый никогда не позволитъ себѣ также точно, какъ и второй. Легіоновъ игралъ лакея, стоялъ теперь передъ бариномъ, ждалъ его приказанія, которое тотъ уже началъ было отдавать, и, еслибы въ этотъ моментъ Сеня обернулся къ Налетову спиною, публика неминуемо замѣтила бы смущеніе актеровъ. «Смять сцену», то есть уйти за кулисы раньше, чѣмъ Налетовъ договоритъ свое приказаніе, Легіоновъ-Прохоръ тоже не могъ, такъ какъ реплика Бѣлугина была къ тому же не малозначущая и не пустая:—слѣдующій выходъ—выходъ героини пьесы, жены Андрея Бѣлугина, Елены Васильевны—былъ слѣдствіемъ этой реплики, и Прохоръ долженъ былъ выслушать ее.

— Валеріанъ Васильевичъ, вы нездоровы? Говорите же!—шепталъ Налетову Сеня.

Но Налетовъ молчалъ и смотрѣлъ по прежнему широко-открытыми глазами, черезъ плечо Легіонова, за кулисы. Публика уже замѣтила паузу. Бѣлугинъ дѣлалъ ее тамъ, гдѣ по смыслу, напротивъ, сцена должна быть ведена быстро. И съ каждой секундой онъ еще удиннялъ и затягивалъ ее. Суфлеръ надрывался, подавая ему фразу все громче и громче.—Говорите же!—шепталъ ему Сеня и твердилъ ту же фразу за суфлеромъ; Муруевъ-Агишинъ шопотомъ подсказывалъ ее Налетову, съ третьей стороны. Наконецъ, послѣдній овладѣлъ собою, и лицо его сразу измѣнилось: оно приняло вдругъ нахальное, злое, но рѣшительное выраженіе.

«Прохоръ! доложи Еленѣ Васильевнѣ, что господинъ Агишинъ желаетъ ихъ видѣть»,—произнесъ онъ, наконецъ, свои слова. Въ голосѣ его слышалось нѣкоторое волненіе—явное послѣдствіе только что пережитаго,—но и по смыслу сцены онъ долженъ былъ волноваться, такъ что это могло не броситься въ глаза зрителямъ, тѣмъ болѣе, что дальше актеры играли опять безъ запинки.

Сеня дослушалъ приказаніе Бѣлугина, повернулся и пошелъ въ правую дверь. Въ дверяхъ стояла Ольга. Она была блѣдна и тоже страшно взволнована, а большіе глаза ея блестѣли гнѣвомъ, котораго она и не старалась скрыть. Но лишь только Сеня очутился за кулисами, она, будто испугавшись его, бросилась къ выходу.

Digitized by Google

— Ольга... Ольга Степановна! Куда жь вы?—спрашивалъ онъ, нагоняя ее.—Я сейчасъ... Я больше не выхожу... Только краски смою.

— Приходите, приходите. Я буду ждать васъ въ саду... тамъ... на воздухѣ. Я не могу тутъ!.. Тутъ жарко, душно!—торопливо, и дѣйствительно будто задыхаясь, проговорила она и убѣжала.

Сеня вбѣжалъ въ уборную и сталъ наскоро переодѣваться и снимать гримъ. Черезъ нѣсколько минутъ спектакль кончился, и въ уборную вошелъ Налетовъ. Но дверь едва затворилась за нимъ, какъ пріотворилась снова, и раскрашенное лицо премьерши-актрисы Солиной заглянуло въ нее.

— Валеріанъ, что̀ это было съ тобой? Ты нездоровъ?—тревожно спросила она.

— Да ничего, Господи! Ну, гогова закхужилась! — съ досадой отвѣтилъ Налетовъ, нервнымъ движеніемъ срывая со своей головы бѣлокурый парикъ.

— Когда будешь готовъ, зайди въ мою уборную. Пойдемъ ко мнѣ чай пить,—сказала Солина.

— Хохошо, пхиду.

«Налетова! Солину!.. Браво!.. Солину!.. Солину!.. Налетова»!—доносились въ уборную крики изъ зрительной залы.

— Господа, господа! Выходите же, не ломайтесь... Такъ нельзя, У публики голосовыя связки лопнутъ. Да не ломайтесь же!—кричалъ около уборной и Сестричкинъ.

Налетовъ и Солина пошли на сцену.

Сеня раздѣлся уже и смывалъ гримъ. «Что съ ней? Что это значитъ? Несчастная... обобранная... брошенная»!.. затвердилъ онъ опять. «Кто ее обобралъ, кто бросилъ? Господи, да кто же сдѣлалъ ее несчастной»?!

Налетовъ, кривляясь, безпомощно прикрывая вѣками будто утомленные глаза и дѣлая вообще измученную физіономію, вошелъ опять въ уборную и тяжело, въ изнеможеніи, опустился на стулъ.

— Скажите тамъ, что я больше не выду. Довольно съ нихъ!—крикнулъ онъ кому-то изъ уборной, черезъ открытую дверь, въ коридоръ.—Мало того, что игхаешь въ пустомъ театхѣ, такъ еще и выходи на кхики какихъ-то тхехъ боувановъ! Жихно будетъ!—добавилъ онъ, сорвалъ съ лица свѣтлую бороду, взялъ на палецъ изъ баночки кольдъ-кремъ и вымазалъ имъ загримированное лицо.

Сеня невольно взглянулъ на него. Онъ вспомнилъ и его испугъ, который только что видѣлъ на сценѣ; вспомнилъ одновременно и выраженіе лица Ольги, видѣнное за кулисами, и ея бѣгство, — и внезапная догадка пришла ему въ голову.

Digitized by Google

«Ужь не ты ли обобралъ ее и бросилъ?» мелькнуло въ его головѣ. И только одно лишь предположеніе, что Налетовъ—виновникъ Ольгина несчастья, переполнило все существо Сени такимъ отвращеніемъ къ этому красивому, фатоватому «извѣстному» актеру, что ужь теперь онъ глядѣлъ на него съ презрѣніемъ и злобою, въ сущности, совсѣмъ не свойственной его доброй душѣ. А Налетовъ, какъ разъ въ эту минуту, обернулся къ нему.

— Сеня, какъ пехеодѣнешься, занеси мои вещи и платье ко мнѣ на квахтиху. Я пойду къ Солиной чай пить,—по обыкновенію попросилъ онъ услужливаго Легіонова.

— Мнѣ некогда,—отвѣтилъ Сеня:—сами снесете!..

Налетовъ взглянулъ на него съ удивленіемъ; да и всѣ актеры, бывшіе въ это время въ уборной, удивленно посмотрѣли на Сеню. До сихъ поръ никто, никогда и ни въ чемъ не слыхалъ отъ него отказа; но главное—никто не слыхалъ такого рѣзкаго отвѣта, сказаннаго, къ тому же, такимъ грубымъ голосомъ. Всѣ обернулись, будто желая убѣдиться, что дѣйствительно Сеня сказалъ эти слова.

— Что ты пьянъ, что ли, колбасникъ? — спросилъ Налетовъ, даже улыбаясь.

— Васъ я видѣлъ пьянымъ, и не разъ, а вы меня, слава Богу еще не видали,—отвѣтилъ ему Сеня, и опять рѣзко и грубо.

— Чохтъ его знаетъ, что̀ съ нимъ стряслось!—воскликнулъ Налетовъ, обращаясь уже ко всѣмъ вообще и ни къ кому особенно.—Былъ себѣ лакей, какъ лакей:—и на сценѣ слуга, и въ жизни всеобщій лакей, а тутъ вдругъ, смотхите, въ какого бахона пхевхатился!—колко добавилъ онъ, тоже раздражаясь и забывая въ азартѣ, что чаще другихъ товарищей именно онъ самъ пользовался услугами этого лакея.—Пхямо пхынцъ, а не коубасникъ! Ты кого же это изобхажаешь?... Кобухгскаго? Баттенбехга?!—насмѣхался онъ.

И прочіе товарищи Сени—его вчерашніе друзья-пріятели—злорадно улыбались теперь... Сеня пересталъ на мгновеніе быть безвреднымъ ничтожествомъ, и всѣ, кто любилъ его именно за это, теперь, когда онъ проявилъ нѣкоторую самостоятельность, были готовы возненавидѣть его, смѣялись надъ нимъ... Смѣхъ товарищей очень оскорбилъ Сеню. Обидѣло его, что никто изъ нихъ не поддержалъ его, не заступился, не поспорилъ съ Налетовымъ, не доказалъ ему, что Сеня вовсе не лакей, а добрый, услужливый человѣкъ; не пояснилъ ему, что лакей—это наемный слуга, а Сеня добровольно и безкорыстно приносилъ всегда посильную помощь ближнему, исполнялъ всякую просьбу... Самому ему казалось неловкимъ высказать все это Налетову и другимъ товарищамъ... Къ тому же онъ такъ обидѣлся и смутился, такъ разочаровался

Digitized by Google

сразу во всѣхъ присутствовавшихъ, что совсѣмъ ничего не отвѣтилъ ни Налетову, ни другимъ смѣявшимся. Онъ покраснѣлъ лишь, какъ только можетъ покраснѣть смущенный до послѣдней степени человѣкъ, и такъ какъ, къ счастію, былъ уже разгримированъ и переодѣтъ—вышелъ поспѣшно изъ уборной, забросилъ свою фрачную пару въ каморку Соколова и пошелъ въ садикъ искать Ольгу.

V.

Ольга, дѣйствительно, пришла въ театръ только къ концу пятаго дѣйствія. Она замѣшкалась нѣсколько, раскладывая свои вещи и прибирая свое новое помѣщеніе. Никого не зная, ни съ кѣмъ не знакомая, она пришла за кулисы въ то самое время, когда Сеня-Прохоръ былъ на сценѣ съ Муруевымъ-Агишинымъ и, услыхавъ его знакомый голосъ, догадавшись, что Сеня играетъ въ данную минуту, она вознамѣрилась стать въ кулисахъ и выждать здѣсь, пока онъ кончитъ играть, а затѣмъ хотѣла отыскать, при его содѣйствіи, Сестричкина и перезнакомиться съ товарищами. Но она не успѣла еще дойти до первой правой кулисы, не успѣла взглянуть на сцену, не видала еще, кто играетъ на сценѣ, кромѣ Легіонова, какъ вдругъ услыхала оттуда другой, еще болѣе знакомый голосъ. Это было для нее такою неожиданностью, что нѣсколько мгновеній она старалась увѣрить себя, будто слышитъ этотъ голосъ во снѣ, а не наяву. Тамъ, на сценѣ, говорилъ тотъ человѣкъ, которому она такъ вѣрила и который, играя ея любовью, ея чувствами, ея жизнью, обманывалъ ее, пока ему было это выгодно, а затѣмъ бросилъ, какъ истасканную тряпицу; говорилъ тотъ, кто исковеркалъ ея жизнь, тотъ, благодаря кому она превратилась теперь въ голодную нищую—въ выходную провинціальную актрису!.. *Онъ*—Валеріанъ Налетовъ! «Да нѣтъ, неужели это, въ самомъ дѣлѣ, онъ»?! стараясь разувѣрить себя, думала Ольга и, будто не довѣряя своему слуху и желая провѣрить его глазами, дошла торопливо до правой кулисы и остановилась въ декораціонныхъ дверяхъ, предъ которыми на сценѣ, обернувшись къ ней спиною, стоялъ въ это время Легіоновъ... Налетовъ увѣдѣлъ ее именно въ тотъ моментъ, когда словомъ: «Прохоръ!» онъ началъ свое обращеніе къ Сенѣ, и сразу умолкъ. Ольга остолбенѣла... Она судорожно схватилась рукою за брусъ деревянной рамы, на которой было натянуто полотно боковой декораціи, и, черезъ открытую настежъ дверь, смотрѣла въ упоръ на актера... Она тотчасъ узнала его. Теперь она чувствовала, что все это не сонъ. Гримировка Андрея Бѣлугина не помѣшала ей узнать

Digitized by Google

въ немъ Налетова. Три года подъ рядъ бывая въ театрѣ, всякій разъ, когда игралъ Налетовъ, она изучила его лицо и умѣла узнавать его при всякой гримировкѣ; къ тому же, столько разъ она видѣла его и въ этой самой роли Андрея Бѣлугина. Наклеенная свѣтлорусая бородка и бѣлокурый парикъ, правда, измѣняли его лицо, но, глядя на него, Ольга такъ легко вообразила его себѣ и безъ бородки, и безъ этого парика, представила себѣ такъ ясно бритый подбородокъ и подвитые темно-каштановые собственные волосы Валеріана... А этотъ красивый носъ съ маленькой горбинкой, эти алыя будто нарисованныя губы, эти чудные, темносѣрые большіе глаза:— какъ было ей не узнать, когда все это еще такъ недавно она считала своею собственностью, все это цѣловала безъ конца, съ такой страстью, съ такой любовью?! Да, она узнала сразу напудренное, набѣленное и нарумяненное лицо Налетова, узнала и подведенные глаза его; она не узнавала только ихъ теперешняго выраженія. За три года ихъ совмѣстной жизни, эти глаза никогда не смотрѣли на нее такъ, какъ смотрѣли въ настоящую минуту... Прежде, въ первый годъ знакомства, Ольга видѣла только ласковое, любовное и страстное выраженіе этихъ темносѣрыхъ глазъ; потомъ, со временемъ, она стала замѣчать въ нихъ изрѣдка и злое, и гнѣвное, и хитрое выраженіе, видѣла и нахальное, пьяное, и наконецъ, когда два мѣсяца тому назадъ Налетовъ уѣзжалъ отъ нея изъ В—а въ Москву,—уѣзжалъ, какъ говорилъ, на время, искать ангажемента,— она видѣла и нѣсколько смущенное выраженіе, но теперешняго, *этого* выраженія она никогда еще не видала!.. Это было выраженіе попавшагося волка, растерянно озирающагося на свору окружившихъ его борзыхъ и на охотника, готоваго вонзить въ него ножъ; это было выраженіе вора, пойманнаго съ поличнымъ на мѣстѣ преступленія и чувствующаго, что спастись теперь уже немыслимо, что сыщики и стража уже схватили его за руки. Это было выраженіе негоднаго человѣка, обманувшаго женщину и уличеннаго ею, знающаго, что теперь уже никакая ложь, никакое притворство, никакая хитрость не обманутъ ее вторично!.. Никогда, никогда Ольга не видала въ глазахъ Налетова такого сквернаго выраженія, никогда она и не думала, что эти глаза, которые она такъ любила, могутъ смотрѣть такъ, какъ смотрѣли теперь. Въ жизни ей никогда не доводилось видѣть Налетова струсившимъ; со сцены, выражая страхъ, испугъ, онъ совсѣмъ иначе игралъ глазами, игралъ красиво, эффектно, изучивъ предварительно выраженіе ужаса передъ зеркаломъ; и тогда въ его глазахъ не бывало *этого* выраженія, которое, дѣйствительно, могло быть только во взглядахъ человѣка, не на сценѣ, а въ самой жизни переживающаго такой моментъ.

Digitized by Google

Этимъ взглядомъ Налетовъ высказалъ ей все, невысказанное имъ до сихъ поръ словами; все, въ чемъ она могла еще сомнѣваться, чему не хотѣла вѣрить... Да, въ сущности, только въ этотъ мигъ несчастная женщина возненавидѣла человѣка, котораго еще такъ недавно горячо и беззавѣтно любила!..

На этотъ разъ, Сеня искалъ Ольгу не долго. Она сидѣла въ театральномъ садикѣ на скамейкѣ, невдалекѣ отъ подъѣзда актеровъ. Лицо ея было заплакано, и совершенно подавленный, убитый видъ ея свидѣтельствовалъ о томъ, какія страшныя минуты нравственнаго потрясенія, разочарованія и отчаянія пережила она сейчасъ... Человѣкъ переживаетъ такія минуты, вѣроятно, только потому, что переживать ихъ приходится все таки не часто, даже самому несчастному смертному: иначе, ни силъ, ни выносливости не достало бы у него на эти короткія, но мучительныя мгновенія...

— Ольга!.. Ольга Степановна, что съ вами случилось, дорогая!.. Да не томите вы меня... скажите! Быть можетъ, я могу вамъ помочь... сдѣлать что нибудь? — спрашивалъ Сеня, глубоко сожалѣя любимую дѣвушку.

— Онъ здѣсь пройдетъ изъ театра?—спросила она вмѣсто отвѣта.

— Кто?—переспросилъ Сеня. «Налетовъ»,—въ то же время мысленно отвѣтилъ онъ самъ на свой вопросъ.

— Налетовъ,—будто эхо, повторила и Ольга.

— Здѣсь,—коротко отвѣтилъ Легіоновъ.

Все показалось ему яснымъ и очевиднымъ въ эту минуту. Да, сердцемъ, чутьемъ онъ угадалъ истину въ уборной:—Ольга несчастна, благодаря Налетову. Онъ бросилъ ее, онъ обобралъ. Но что же взялъ онъ у нея, однако? вѣдь у нея ничего не было?—вспомнилъ онъ опять, и опять передъ нимъ стояло нѣчто неясное и загадочное.

— Сеня, уйдите, пожалуйста, отсюда... Уйдите куда нибудь... Я хочу переговорить съ нимъ глазъ на глазъ... Подождите меня тамъ, у выхода. Я приду... А теперь уйдите, голубчикъ,—просила между тѣмъ Ольга.—Тамъ ужь кончено? Онъ скоро выдетъ?—спросила она, кивая на зданіе театра.

— Кончено, скоро... Только, Ольга Степановна!.. Вѣдь онъ выдетъ не одинъ. Вамъ все равно не удастся... Онъ пойдетъ *съ нею*,—предупредилъ ее Сеня. Онъ говорилъ это, желая избавить ее отъ новыхъ непріятностей, но въ волненіи забылъ о томъ, что Ольга пріѣхала въ Хмыровъ лишь сегодня, еще ни съ кѣмъ не познакомилась, а потому не знала еще закулисныхъ тайнъ, не знала, кто такая эта налетовская *она*...

— Съ кѣмъ это *съ ней*?! — дѣйствительно воскликнула Ольга.

Digitized by Google

Глаза ея гнѣвно блеснули и ревнивый огонекъ мелькнулъ на мгновеніе; но тотчасъ вслѣдъ затѣмъ она презрительно улыбнулась и переспросила съ одной лишь безпощадной гадливостью, — съ кѣмъ это, съ ней?

— Съ Солиной, съ Раисой Петровной. Онъ всегда съ ней... Это наша премьерша...

— У нея есть средства?—спросила Ольга.

— Да, она богата,—отвѣтилъ Сеня, опуская глаза.

Ольга засмѣялась желчнымъ, презрительнымъ смѣхомъ.

— Ну, тѣмъ болѣе, если онъ *всегда* съ ней, то одну минуту можетъ остаться со мною. Я должна ему высказать кое-что!—проговорила она твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ.—Идите же, Сеня... Идите и ждите меня у выхода. Только, пожалуйста, не уходите безъ меня. Я приду,—добавила она.

Сеня ушелъ. Она осталась сидѣть все на той же скамеечкѣ, глядя пристально на освѣщенную площадку актерскаго подъѣзда и внимательно слѣдя за выходящими изъ театра актерами. Наконецъ, оттуда вышелъ и Налетовъ, и дѣйствительно вышелъ подъ руку съ Солиной. Ольга быстро поднялась со скамейки и пошла къ нимъ; но, благодаря ночному сумраку, они не видали ея и, предполагая, что ихъ и не слышитъ никто, говорили довольно громко.

— Валеріанъ, ты не обманываешь меня? Правда,—у тебя закружилась голова? Больше ничего не случилось?—нѣжнымъ, но нѣсколько театральнымъ, дѣланнымъ голосомъ спрашивала у Налетова Раиса Петровна.

— Ахъ, Боже мой! Это скучно, наконецъ! Голова закхужилась, и даже въ этомъ подозхѣвать какой-то обманъ!—раздраженно перебилъ ее Налетовъ, по обыкновенію картавя и ломаясь.—Зиай, пожалуйста, хазъ навсегда — продолжалъ онъ—что даже въ пустякахъ я никогда не лгу!..

— Ты никогда не лжешь?!. Ты?!.—воскликнула вдругъ Ольга, неожиданно выступая изъ темноты и останавливаясь передъ Налетовымъ.

И онъ, и его спутница одновременно вздрогнули и невольно, но торопливо отступили назадъ. Солина инстинктивно прижалась къ Налетову:—въ первую минуту она заподозрила въ Ольгѣ сумашедшую; а въ глазахъ Налетова Ольга увидѣла опять то жалкое выраженіе струсившаго человѣка, которое только что видѣла со сцены.

— Ты не лжешь?—повторила она, не очищая имъ дороги.—Да кто же еще способенъ лгать, какъ ты?!.

— Милостивая государыня!—началъ было Налетовъ, забывая въ эту минуту даже то, что въ жизни онъ имѣлъ обыкновеніе картавить.

Digitized by Google

— Вотъ какъ!—перебила его Ольга.—За эти два мѣсяца изъ Ольги, изъ твоей Ольги, я уже успѣла превратиться въ «милостивую государыню»?!.

Но Налетовъ набрался уже и храбрости, и обычнаго нахальства и, снова картавя, перебилъ ее въ свою очередь.

— Милостивая государыня,—повторилъ онъ:—тутъ не мѣсто объясняться... Пхошу васъ пхекхатить этотъ скандалъ!.. Пхитомъ, вы видите,, я съ дамой,—внушительно и съ достоинствомъ добавилъ онъ и, обойдя стоявшую передъ ними Ольгу, быстрыми шагами пошелъ отъ нея съ Солиной.

Ольга очутилась въ глупомъ положеніи.

— Валеріанъ Васильевичъ, я желаю съ вами объясниться!—сказала она, слѣдуя уже за ними.

— Мнѣ нечего вамъ объяснять, а вашихъ объясненій я выслушивать не желаю. Между нами давно все кончено, и вы потхудитесь оставить меня въ покоѣ!—отчеканилъ Налетовъ, на ходу обернувшись къ ней на одно мгновеніе, и пошелъ впередъ быстрѣе прежняго.

Ольга остановилась.

— Да, вотъ какъ!.. Ну, хорошо!—прошептала она, глотая слезы и задерживая рыданія.

И подавленная сильнѣе прежняго, оскорбленная тѣмъ, что онъ уклонился даже отъ всякаго объясненія, будто она же въ чемъ-то провинилась передъ нимъ, разочарованная въ немъ окончательно и окончательно увѣренная въ томъ, что человѣкъ, котораго она любила, — подлецъ, она, тупо глядя вслѣдъ этому человѣку, стояла среди дорожки безъ движенія и безъ мысли, пока и онъ, и его «новая» дама скрылись въ темнотѣ, и только тогда пошла слѣдомъ за ними, къ выходу. Сеня шелъ ей навстрѣчу; поровнявшись съ нимъ, она молча оперлась на его руку; она едва стояла...

— Сеня!.. Не оставляйте меня теперь. Я не ручаюсь за себя. Мнѣ надо пережить и это. Звѣри... звѣри!.. Господи, какіе хитрые, злые, отвратительные звѣри!.. Нѣтъ, нѣтъ, и звѣри лучше!.. Звѣри хоть подлостей не дѣлаютъ, а люди только ими и живутъ,—говорила она, выходя съ Легіоновымъ изъ театральнаго садика на улицу.

Отъ театра до крыловскихъ нумеровъ было не болѣе десяти минутъ ходьбы. Сеня и Ольга прошли это разстояніе молча. Такъ упорно и тупо люди молчатъ всегда, когда на цѣлыя сутки имъ хватило бы непрерывныхъ разговоровъ, но когда имъ трудно и больно говорить.

— Ольга Степановна, вы не сейчасъ ляжете спать?—спросилъ наконецъ Сеня, когда они подходили къ нумерамъ.

Digitized by Google

— Какой тутъ сонъ!—отвѣтила она.

— Позвольте мнѣ посидѣть съ вами... у васъ... Я не могу оставаться теперь одинъ, не могу и оставить васъ. Позвольте, пожалуйста!—Онъ высказалъ эту просьбу робко и нерѣшительно. Ему, котораго, не стѣсняясь, всякій безпокоилъ своими просьбами, было всегда какъ-то неловко и совѣстно просить о чемъ либо другихъ для себя.

— Напротивъ, Сеня... Я сама рада. Пойдемте. Какой тутъ сонъ!—повторила она.

— Я вамъ не буду мѣшать... Мы будемъ сидѣть молча, если хотите. Я только посижу съ вами... около васъ,—твердилъ Сеня, когда, подымаясь по крутой и темной лѣстницѣ, они взбирались уже въ мезонинъ дома, въ Ольгину комнату.

Пока Ольга вышла въ коридоръ распорядиться, чтобы прислуга подала самоваръ, Сеня окинулъ эту комнату бѣглымъ взглядомъ и не узналъ ея. Очевидно, Ольга принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которымъ дана способность, при наличности хоть какихъ либо, далеко не роскошныхъ предметовъ меблировки, устроить въ теченіе нѣсколькихъ часовъ уютную комнатку изъ совершенно непривѣтливаго, мрачнаго и грязнаго помѣщенія.

Дѣйствительно, этотъ закоптѣлый, самый дешевый нумерокъ скверной третьестепенной гостинницы принялъ теперь насколько возможно чистый, приличный и даже уютный видъ. Правда, грязный потолокъ его, соприкасавшійся съ изогнутой крышей мезонина, имѣлъ ту же некрасивую дугообразную форму, и голубенькіе обои, наклеенные прямо на досчатыя стѣны, сплошь полиняли, а во многихъ мѣстахъ дали трещены и кое-гдѣ висѣли даже кусками; но съ этимъ Ольга не могла ничего подѣлать:—тутъ требовался уже капитальный ремонтъ. Зато все остальное было такъ или иначе скрашено и прифранчено. Единственное маленькое и то же дугообразное окошечко было завѣшено клочкомъ продырявленнаго кое-гдѣ, но начисто вымытаго грубаго тюля; задняя и передняя стѣнки старой деревянной кровати были задрапированы бѣлыми коленкоровыми чехлами, съ завязками изъ голубыхъ шолковыхъ лентъ; по стѣнѣ около кровати былъ прибитъ недорогой, но хорошенькій гарусный коврикъ, вышитый по канвѣ, вѣроятно, руками самой Ольги; другой коврикъ—достаточно, впрочемъ, истрепанный и полинявшій—былъ постланъ около кровати на полу. Маленькій образокъ богоматери висѣлъ въ головахъ надъ кроватью; вся постель была акуратно накрыта чистымъ пикейнымъ одѣяломъ—розовымъ, съ бѣлыми тиснеными выпуклостями,—а въ головахъ, прикрытыя кисейной накидкой, возвышались пирамидкой три подушки, одна меньше другой, и чет-

Digitized by Google

вертая, совсѣмъ маленькая подушечка—«думка». Около самой постели стоялъ буковый стулъ; рядомъ съ нимъ, подъ окномъ, помѣщался столъ, накрытый бѣлой бумажной скатертью съ красной широкой каймой и красной бахромкой по краямъ; еще два-три буковыхъ стула были разставлены тутъ и тамъ по четырехъаршинной въ квадратѣ комнатѣ; а вдоль стѣны, напротивъ кровати, помѣщались рядомъ: желѣзный умывальникъ, чемоданъ Ольги и дешевенькій комодъ. Верхъ комода былъ тоже застланъ вязаной сквозной салфеткой, и тутъ Ольга устроила свой «туалетъ»:—посрединѣ стола небольшое зеркало, по бокамъ его—два деревянныхъ подсвѣчника, а кругомъ были симметрично разставлены разныя коробочки; не имѣющія никакой цѣны стеклянныя и фарфоровыя бездѣлушки, статуэтки и вазочки со шпильками, булавками и пуговками. Печки не было въ этой комнатѣ, такъ какъ «номеръ» гостинницы сдавался желающимъ только на лѣтнее время. Но, главное, утромъ вся эта скудная мебель была кое-какъ разставлена, теперь же все было у мѣста; утромъ все было оголено, въ пыли и въ грязи, теперь все было чисто, убрано, накрыто и задрапировано.

Конечно, Сеня не разсматривалъ убранства комнаты такъ подробно; ему было не до того: душевная мука за Ольгу терзала его; ея страданія не подлежали больше сомнѣнію и больно отзывались въ его добромъ и къ тому же любящемъ сердцѣ. Сердце щемило, голова горѣла и слезы душили его. Ему хотѣлось плакать о быломъ, хотѣлось оплакать себя, Ольгу,—свою первую любовь, свое отлетѣвшее счастье, свои уплывшія мечты. Ему было невыразимо горько. Когда Ольга вернулась въ нумеръ, онъ стоялъ грустный и задумчивый около комода, прислонившись къ стѣнѣ, заложивъ руки назадъ и закинувъ къ верху голову.

— Вы простите меня, Сеня... Я прилягу,—сказала она.—Мягкой мебели у меня нѣтъ, такъ я прилягу на постель. У меня ноги дрожатъ; я страшно устала... Акулинушка принесетъ сейчасъ самоваръ—продолжала она—и я прошу васъ быть хозяиномъ: налить чаю и себѣ, и мнѣ... Мнѣ хочется и согрѣться, и пить... Въ горлѣ пересохло, а въ то же время холодно какъ-то... знобитъ!..—И съ этими словами она сняла съ подушекъ кисейную накидку, оправила ихъ и, подбирая подъ себя ноги и прикрывая ихъ подоломъ своего ситцеваго платья, прилегла на кровать. Вскорѣ вошла нумерная прислуга—Акулинушка—толстая баба большаго роста. Она притащила снизу большой, давно не чищенный самоваръ и, пыхтя съ нимъ за компанію, поставила его на столъ; затѣмъ, отдуваясь и усердно вытирая невѣроятно засаленнымъ передникомъ обильный потъ, крупными каплями покрывавшій ея блинообразное, рябое и

Digitized by Google

будто масломъ смазанное лицо, она отошла къ сторонкѣ, взглянула искоса на Сеню и спросила Ольгу ласковымъ, визгливымъ и тоненькимъ голоскомъ:

— А ищо ничаво не потребуетца?—Въ сущности, глядя на ея могучую грудь, можно было ждать изъ нея звуковъ зычнаго баритона.

— Нѣтъ, Акулинушка! Идите себѣ. Больше ничего не надо: у меня все есть,—отвѣтила Ольга.

Акулинушка повернулась къ выходу и поплыла изъ комнаты тяжело, какъ нагруженная барка.

— Тамъ, на окнѣ, вы найдете все, Сеня:—и чай, и сахаръ, и чайникъ, и посуду,—сказала Ольга:—только хлѣба нѣтъ, да и купить теперь нельзя:—поздно. Все заперто. Ужь простите!—извинилась она.

— Да я и не хочу ѣсть, Ольга Степановна,—отвѣтилъ Сеня, отдѣляясь отъ стѣны и подходя къ столу, чтобы приняться за порученное ему хозяйство.

Ольга какъ-то странно взглянула на него, и Сеня уловилъ этотъ взглядъ. Онъ прочелъ въ ея задумчивыхъ и заплаканныхъ глазахъ не то грусть, не то обиду.

— Сеня,—сказала она въ ту же минуту:—правда, я теперь не такая, какою вы знали меня прежде... Я теперь скверная... падшая... Но, вѣдь, вы добрый, Сеня! Зачѣмъ же и вы, мой единственный другъ и единственный человѣкъ, въ которомъ я еще не разочаровалась,—тоже обижаете меня?.. Зачѣмъ?!.

— Я обижаю?!. Чѣмъ же, чѣмъ?—воскликнулъ изумленный Легіоновъ.

— Зачѣмъ же это офиціальное «Степановна»?—объяснила она.—Вы никогда не величали меня такъ! Зачѣмъ же не зовете меня какъ прежде:—просто Олей?.. Неужели и вы осудили меня?—Не было въ словахъ Ольги прежней беззаботной веселости. Но мало этого: въ нихъ не было теперь и прежней простоты, а въ голосѣ звучала плачущая нотка человѣка много страдавшаго и много разъ безвинно оскорбленнаго.

— Я... я не судилъ васъ, Ольга. Это просто такъ... невольно. Я отвыкъ... Шесть лѣтъ, цѣлыхъ шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ послѣдній разъ!.. Я и не могъ судить васъ, Оля... Я ничего не знаю... Да еслибы и зналъ,—такъ не осудилъ бы,—отвѣтилъ, заминаясь, Сеня.

— Да, это правда... Вы ничего не знаете,—будто вслухъ соображая, проговорила Ольга.—Но вы узнаете все, все рѣшительно,—добавила она тутъ же.—Я разскажу вамъ теперь же отъ начала до конца все, что случилось со мною за это время.

Digitized by Google

— Зачѣмъ, Оля?.. Вамъ это будетъ тяжело... особенно сегодня,— замѣтилъ Сеня, не смотря на то, что, кажется, жизнь свою онъ отдалъ бы теперь, чтобъ только узнать ея повѣсть.

— Нѣтъ, нѣтъ,—возразила Ольга. — Именно сегодня, только сегодня, я могу разсказывать все это... и только вамъ. Все разскажу. Садитесь тутъ около меня и слушайте!.. Да поставьте свѣчу за самоваръ, что ли... Свѣтъ прямо въ глаза, а они заплаканы:— мнѣ больно,—добавила она.

Сеня исполнилъ ея просьбу, налилъ и ей, и себѣ чаю, и сѣлъ на стулъ возлѣ ея изголовья. Она умѣстилась поудобнѣе на кровати и тотчасъ начала разсказывать.

Она говорила долго, говорила горячо, торопясь, волнуясь, будто снова переживая все то, что уже разъ перечувствовала, страдая вторично тѣми страданіями, которыя были посланы ей судьбой. Да и мудрено ли?!. Она разсказывала повѣсть своей жизни,—ту повѣсть, что Сестричкинъ, говоря объ Ольгѣ, озаглавилъ тремя словами: «несчастная, обобранная, брошенная», ту повѣсть, эпиграфомъ которой можетъ служить лишь тяжелый безпомощный вздохъ,— вздохъ о минувшемъ, вздохъ о погубленной жизни.

В. Рышковъ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

„Когда, житейскими невзгодами волнуемъ“...

Когда, житейскими невзгодами волнуемъ,
Я умолкаю вдругъ и становлюсь угрюмъ,—
Не подходи ко мнѣ съ горячимъ поцѣлуемъ,
Пытаясь ласкою смягчить всю горечь думъ.

Что̀ можешь сдѣлать ты, когда я сердцемъ боленъ,
И, чувствуя свое безсилье предъ судьбой,
Я ненавижу все, и всѣмъ я недоволенъ:
Работой, жизнью и тобой!

Ты не поможешь мнѣ, и дружеской рукою
Не пробуй старыхъ ранъ безцѣльно бередить...
Я справлюсь самъ съ моей мучительной тоскою,
Дай только одному ее мнѣ пережить!

А. Кругловъ.

Digitized by Google

МИНИСТЕРСТВО ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

I.

Едва ли какая нибудь другая мысль повторялась за послѣдніе годы съ такой единодушной настойчивостью, какъ мысль о необходимости спеціальныхъ правительственныхъ заботъ о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ. Мало по малу, мысль эта вылилась въ форму болѣе опредѣленную не только въ газетныхъ статьяхъ, но и въ многочисленныхъ общественныхъ заявленіяхъ; заговорили о желательности учрежденія «министерства земледѣлія». Это министерство in spe сдѣлалось своего рода панацеей, къ которой обращались мысли при всякихъ бѣдахъ и напастяхъ, угрожавшихъ той или иной отрасли сельскаго хозяйства. Послѣдніе неурожайные годы въ свою очередь немало содѣйствовали тому, что пламенныя мечты о министерствѣ земледѣлія постепенно стали приближаться къ дѣйствительности, и было бы, конечно, весьма утѣшительно, еслибъ эти прожитые тяжелые годы, въ концѣ концовъ, оказались тѣмъ же для нашего сельскаго хозяйства, чѣмъ въ свое время послужилъ пожаръ для Москвы. Дѣло въ томъ, что уже не разъ неурожайные годы служили толчкомъ для оживленной работы правительства «въ интересахъ сельскаго хозяйства», а толку отъ этого выходило немного. Припомнимъ, напр., что еще въ первые годы царствованія императора Николая I (въ 1833 году) былъ образованъ «Комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи» и что это учрежденіе было вызвано неурожаемъ въ 29 губерніяхъ, потребовавшимъ чрезвычайнаго расхода въ 34 милліона рублей на продовольствіе населенія. На нынѣшній разъ, впрочемъ, дѣло обстояло нѣсколько иначе и еще до неурожайныхъ годовъ начала работать, подъ предсѣдательствомъ сенатора фонъ-Плеве, особая комисія, учрежденіе которой было вызвано рѣзкимъ паденіемъ цѣнъ въ пятилѣтіе 1883—1887 гг. Ходатайствуя объ учрежденіи этой комисіи, гр. Д. А. Толстой, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, писалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, отъ 6 января 1888 г., объ ослабленіи «самой устойчивости сельско-хозяйственной производительности, не смотря на сравнительную удовлетворительность урожаевъ». «Терпѣливо и безропотно перенося тягостныя для земледѣлія и землевладѣнія условія—писалъ гр. Толстой—населеніе не можетъ, однако, не сознавать, что *оставаться въ этихъ условіяхъ государству, по преимуществу земледѣльческому, невозможно* и что единичныя усилія частныхъ лицъ и

Digitized by Google

общественныхъ учрежденій сами по себѣ безъ правительственнаго содѣйствія не въ состояніи достигнуть сколько нибудь успѣшныхъ результатовъ на поприщѣ сельско-хозяйственныхъ улучшеній». Такимъ образомъ, и урожаи, и неурожаи одинаково приводили къ мысли о реформѣ въ области правительственнаго содѣйствія сельскохозяйственной промышленности. Тѣмъ не менѣе, въ окончательномъ докладѣ сенатора Плеве, комисія котораго работала почти пять лѣтъ и, стало быть, въ теченіе годовъ неурожайныхъ, слова: «министерство земледѣлія» произносились съ большою осторожностью. «Въ дополненіе къ заключеніямъ комисіи», указывалось только, что «въ многочисленныхъ общественныхъ заявленіяхъ, вызванныхъ пережитыми сельско-хозяйственными затрудненіями, съ особеннымъ постоянствомъ повторялось предположеніе объ учрежденіи особаго министерства земледѣлія, въ которомъ могло бы сосредоточиваться все попеченіе о хозяйственныхъ нуждахъ различныхъ классовъ имперіи». Но и отъ своего имени комисія говорила, что сознаніе необходимости болѣе дѣятельнаго вмѣшательства государства въ сельско-хозяйственныя отношенія приводитъ къ убѣжденію въ своевременности устройства у насъ спеціальнаго учрежденія, призваннаго къ направленію, развитію и огражденію важнѣйшей отрасли народнаго хозяйства. Рекомендуя далѣе учрежденіе сельско-хозяйственнаго совѣта при министерствѣ государственныхъ имуществъ, комисія называла такое учрежденіе «подготовительной и переходной мѣрой къ устройству центральнаго управленія сельскаго хозяйства».

Такимъ образомъ, уже къ 1892 году даже въ высшихъ правительственныхъ сферахъ снова назрѣло утвердительное рѣшеніе вопроса о министерствѣ земледѣлія. Мы говоримъ «снова назрѣло», потому что проэкты въ этомъ родѣ появлялись уже не разъ, какъ мы увидимъ сейчасъ изъ маленькой исторической справки, предпосылаемой дальнѣйшимъ страницамъ, посвященнымъ состоявшемуся уже преобразованію министерства государственныхъ имуществъ въ «министерство *земледѣлія* и государственныхъ имуществъ».

Есть указанія, что еще Петръ Великій хотѣлъ учредить особую комисію государственнаго хозяйства, но и безъ этой комисіи его геній умѣлъ предпринять рядъ мѣръ, направленныхъ къ развитію сельскаго хозяйства, въ родѣ распространенія воздѣлыванія льна и пеньки, разведенія лучшихъ сортовъ табаку, выписки стадъ молочнаго скота изъ Голландіи и тонкорунныхъ овецъ, разведенія винограда и пр. Царствованіе императрицы Екатерины II, считавшей сельское хозяйство «источникомъ всѣхъ сокровищъ и богатствъ государственныхъ», также не прошло безъ цѣлаго ряда мѣръ въ интересахъ сельскаго хозяйства, но организаціи центральнаго управленія не произошло, такъ какъ императрица обращала преимущественное вниманіе на мѣстныя учрежденія. Тѣмъ не менѣе необходимость центральнаго органа для завѣдыванія сельскимъ хозяйствомъ несомнѣнно сознавалась и тогда лучшими умами. Одинъ изъ современниковъ Екатерины II, князь М. М. Щербатовъ даже составилъ въ 1787 году,—въ теченіе котораго былъ почти повсемѣстный голодъ въ Россіи,—подробный проэктъ учрежденія особой «государ-

Digitized by Google

ственной коллегіи, или «*приказа земледѣлія* и домоводства» при сенатѣ «для обновленія упадшаго у насъ земледѣлія». Коллегія эта, по проэкту кн. Щербатова, изложенному въ 39 пунктахъ, должна была сообщать статистическія,—выражаясь нынѣшнимъ терминомъ—данныя, вѣдать переселеніе крестьянъ, заботиться объ усовершенствованіи земледѣлія путемъ употребленія въ посѣвъ лучшихъ сѣмянъ, введеніемъ новыхъ растеній и орудій, устройствомъ опытовъ, выпискою сѣмянъ; разводить лѣса и сады, осушать болота, заботиться о скотоводствѣ и коневодствѣ, и пр. На эту же коллегію, по проэкту, возлагалось: «стараться о коммуникаціяхъ (путяхъ сообщенія) легчайшихъ внутри государства и къ портамъ»; въ виду этого и проэктировалось предоставить коллегіи «право предлагать сенату для доклада монарху, дабы устроить новыя гдѣ водяныя коммуникаціи». Въ управленіе императора Павла I, при сенатѣ была учреждена «экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства», на которую, между прочимъ, было возложено «изысканіе надежныхъ и полезныхъ средствъ для приведенія въ лучшее состояніе земледѣлія». Мыслей кн. Щербатова эта экспедиція, конечно, нисколько не осуществляла. Но онъ былъ правъ, начиная свой проэктъ словами: «Должность каждаго гражданина есть, поелику сила его доставать можетъ, печися о пользѣ отечества своего, а посему и мысли, которыя по разнымъ обстоятельствамъ къ пользѣ онаго родятся, не должны быть погребены въ вѣчное забвеніе, но, за недостаткомъ другихъ способовъ, да предадутся онѣ бумагѣ; можетъ быть, и чрезъ нѣсколько вѣковъ могутъ сіи сѣмяна желаемую жатву принести». Потребовался, однако, цѣлый вѣкъ, чтобъ голосу русскаго публициста и государственнаго человѣка вняли какъ слѣдуетъ.

Черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ проэкта кн. Щербатова, въ 1802 году, учреждались министерства, но и тогда управленіе государственными имуществами и сельскимъ хозяйствомъ было распредѣлено между нѣсколькими вѣдомствами, которыя и принимали рядъ мѣръ: положено было болѣе прочное начало сельско-хозяйственному образованію, «сельское домоводство» было допущено въ университеты, учреждены школы винодѣлія и садоводства, устраивались выставки, дѣлались попытки организовать образцовыя казенныя фермы и пр. Въ 1836 году состоялся указъ о преобразованіи управленія государственными имуществами, а еще раньше этого времени, какъ уже указано выше, былъ учрежденъ «Комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія». Поводомъ къ послѣднему послужила записка президента императорскаго вольнаго экономическаго общества (основаннаго еще при императрицѣ Екатеринѣ II) гр. Н. С. Мордвинова, доказывавшаго ту же мысль, которой держалась и императрица Екатерина II,—что земледѣліе составляетъ первый и вѣрнѣйшій источникъ богатства всѣхъ классовъ населенія и государственныхъ доходовъ, и добавлявшаго, что поэтому затраты на сельское хозяйство поведутъ лишь ко благу государства.

«Комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія», состоявшій, подъ предсѣдательствомъ гр. Мордвинова, изъ министра финансовъ гр. Канкрина, министра внутреннихъ дѣлъ Д. Н Блудова, князя В. П. Кочубея,

Digitized by Google

предсѣдателя государственнаго совѣта и комитета министровъ, и пр.—т. е. изъ высшихъ сановниковъ государства—пришелъ, между прочимъ, къ заключенію, что завѣдываніе сельскимъ хозяйствомъ не можетъ быть возложено ни на министра финансовъ, ни на министра внутреннихъ дѣлъ, за недостаткомъ у нихъ времени, чтобы входить въ подробности. «Вести же дѣло по обыкновенному порядку, посредствомъ бумажной очистки департаментовъ», комитетъ не находилъ полезнымъ, ибо тогда, по характерному выраженію комитетскаго доклада, «скорѣе наполнились бы архивы, нежели поспѣли школы». Въ виду этого, комитетъ и считалъ необходимымъ учредить должность «главнаго директора земледѣльческихъ заведеній» съ достаточною степенью власти. При этомъ директорѣ проэктировалось образовать центральное управленіе изъ 22 чиновниковъ и подчинить ему всѣ учрежденія по сельскому хозяйству въ имперіи. Кромѣ того, предположено было учредить особый «комитетъ изъ первыхъ сановниковъ имперіи», который былъ бы «верховнымъ блюстителемъ за ходомъ усовершенствованія въ отечествѣ нашемъ земледѣлія».

Государственный совѣтъ, обсуждавшій всѣ эти предположенія и не отвергавшій ихъ пользы, однако отсрочилъ ихъ осуществленіе до преобразованія управленія государственными имуществами, порученнаго графу П. Д. Киселеву.

Исполняя это порученіе, гр. Киселевъ въ свою очередь предположилъ учредить «министерство государственныхъ имуществъ и *сельскаго хозяйства*». Такимъ образомъ, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, было задумано учрежденіе вѣдомства, сходнаго по названію съ только что учрежденнымъ. Нельзя не замѣтить, что названіе, проэктированное гр. Киселевымъ, гораздо цѣлесообразнѣе принятаго теперь, такъ какъ земледѣліе есть лишь одна изъ отраслей «сельскаго хозяйства». Предположенія гр. Киселева получили высочайшее одобреніе, но новое министерство, учрежденное въ 1837 году, получило сокращенное названіе.

Въ наказѣ новому министерству было предписано, съ цѣлью улучшенія сельскаго хозяйства: покровительствовать существующимъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ, удовлетворяя ихъ потребности, а также стараться объ учрежденіи въ губерніяхъ новыхъ земледѣльческихъ обществъ, заботиться объ устраненіи препятствій къ развитію земледѣльческихъ промысловъ, покровительствовать распространенію болѣе интенсивныхъ отраслей хозяйства, разведенію улучшенныхъ породъ скота, пчеловодству, шелководству, облегчать выписку изъ-за границы сѣмянъ, растеній, лучшихъ породъ животныхъ, земледѣльческихъ машинъ; содѣйствовать успѣху періодическихъ изданій или отдѣльныхъ сочиненій по сельскому хозяйству, споспѣшествовать изслѣдованіямъ о состояніи хозяйства, назначать привилегіи за изобрѣтенія; наблюдать, чтобы въ сельскохозяйственныхъ училищахъ преподавались свѣдѣнія, сообразныя съ современнымъ состояніемъ наукъ, и чтобы было обращено вниманіе на соединеніе теоріи съ практикой; устраивать учебныя земледѣльческія фермы и практическія заведенія по винодѣлію, шелководству и лѣсоводству, и ежегодно печатать отчеты этихъ заведеній во всеобщее свѣдѣніе.

Digitized by Google

Графъ Киселевъ дѣйствительно и сдѣлалъ многое, въ теченіе 1838—1856 годовъ, сообразно съ этимъ наказомъ, полное выполненіе котораго въ сущности предоставляло министерству государственныхъ имуществъ, и безъ преобразованія его, возможность дѣятельно помогать сельскому хозяйству. Достаточно указать, что гр. Киселевымъ учрежденъ высшій земледѣльческій институтъ въ Горкахъ, изъ котораго вышли многіе дѣятели на поприщѣ сельскохозяйственной промышленности; открыты два среднихъ земледѣльческихъ училища и школы садоводства; учреждена особая инспекція сельскаго хозяйства южныхъ губерній, было устроено много губернскихъ сельско-хозяйственныхъ выставокъ; при немъ же началось изданіе журнала министерства и «Земледѣльческой газеты», произведены изслѣдованія сельскаго хозяйства, издавались сочиненія по этому предмету и пр. Кромѣ того, гр. Киселевъ не упускалъ изъ виду и общихъ вопросовъ; такъ, въ 1846 году, въ запискѣ, представленной государю, онъ указывалъ на необходимость постройки желѣзныхъ дорогъ къ портамъ, для облегченія сбыта русскаго хлѣба за границу. Въ своихъ сужденіяхъ въ особомъ комитетѣ для изученія причинъ пониженія хлѣбныхъ цѣнъ, гр. Киселевъ указывалъ, что прежде всего «необходимо разбудить помѣщиковъ, капиталистовъ и торговцевъ», что затѣмъ «желательно усовершенствовать пути сообщенія, устроить банки для воспособленія земледѣлію, заготовлять потребные казнѣ припасы изъ первыхъ рукъ» и пр.

Прежде чѣмъ министерство дожило до возвращенія къ названію, похожему на проэктированное гр. Киселевымъ, оно претерпѣло нѣсколько измѣненій въ своей организаціи, которыя оказались прежде всего необходимыми съ наступленіемъ эпохи реформъ. Но вліяніе министерства на сельское хозяйство постоянно было таково, что вызывало мысль о созданіи особаго органа. Такъ, комисія гр. П. А. Валуева, высочайше учрежденная въ 1872 г. для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства, получила нѣсколько заявленій о необходимости создать высшее правительственное учрежденіе, подъ наименованіемъ «министерства народнаго хозяйства», для завѣдыванія сельскимъ хозяйствомъ и объединенія дѣятельности земскихъ и другихъ учрежденій по части сельскаго хозяйства. Такія же заявленія сдѣланы были впослѣдствіи курскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ и императорскимъ московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства. Само министерство государственныхъ имуществъ сознавало, что «дѣятельность его на пользу русскаго сельскаго хозяйства была не столь обширна и плодотворна, какъ слѣдовало бы ожидать отъ учрежденія, призваннаго ограждать интересы важнѣйшей промышленности страны». Такое признаніе сдѣлано въ «Историческомъ обозрѣніи 50-ти-лѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ». Тамъ же мы находимъ и объясненіе «недостаточной плодотворности» дѣятельности министерства. «Необходимо помнить,—говорится въ этомъ объясненіи, — что министерство государственныхъ имуществъ не есть исключительно или даже преимущественно сельско-хозяйственное административное учрежденіе, что въ отношеніи сельскаго хозяйства его главную задачу составляло завѣдываніе спеціальными

Digitized by Google

техническими мѣрами развитія земледѣлія; что экономическая сторона этой промышленности была почти совсѣмъ изъята изъ его вѣдѣнія, и что потому голосъ министерства въ этихъ вопросахъ не имѣлъ надлежащаго вѣса и должной силы». Плодомъ такого сознанія явились за послѣдніе годы нѣкоторыя поправки къ дѣятельности министерства, въ родѣ учрежденія института правительственныхъ агрономовъ. Предполагалась и еще одна поправка, болѣе кореннаго характера,—это образованіе сельско-хозяйственнаго совѣта. Мысль объ этомъ совѣтѣ родилась еще у гр. М. Н. Муравьева, а затѣмъ была повторена гр. Валуевымъ. «Учрежденіе спеціальнаго органа представительства земледѣльческихъ интересовъ», въ формѣ сельско-хозяйственнаго совѣта, настойчиво рекомендовалось и комисіею сенатора Плеве, но окончательно мысль о немъ разработана лишь предшественникомъ А. С. Ермолова, статсъ-секретаремъ М. Н. Островскимъ. Кромѣ учрежденія сельско-хозяйственнаго совѣта, статсъ-секретарь Островскій предполагалъ преобразовать «ученый комитетъ», включивъ въ его составъ лучшія научныя силы по разнымъ отраслямъ естествознанія и сдѣлавъ его болѣе удовлетворяющимъ своему назначенію въ дѣлѣ разработки научныхъ и техническихъ вопросовъ по сельскому хозяйству. То и другое предположеніе бывшаго министра государственныхъ имуществъ,—какъ увидимъ ниже,—принято въ разсчетъ и въ полной мѣрѣ осуществлено при состоявшемся преобразованіи министерства государственныхъ имуществъ.

На преемника статсъ-секретаря Островскаго было уже возложено составленіе предположеній, какъ относительно задачъ, которыя должны быть ближайшимъ образомъ поставлены на очередь для развитія нашей сельско-хозяйственной промышленности и подъема производительности нашего земледѣлія, такъ и относительно преобразованія, соотвѣтственно съ этими задачами, министерства государственныхъ имуществъ. Когда предположенія эти были составлены и удостоились высочайшаго одобренія, послѣдовалъ именной высочайшій указъ, 31 мая 1893 года, управляющему министерствомъ государственныхъ имуществъ. Указъ этотъ возвѣщалъ, что окончательно рѣшено, «соотвѣтственно возрастающимъ нуждамъ отечественнаго сельскаго хозяйства, составляющаго основу народнаго благосостоянія, *преобразовать министерство государственныхъ имуществъ*, въ которомъ нынѣ сосредоточено управленіе сельско-хозяйственной частью, *въ министерство земледѣлія* и государственныхъ имуществъ,—съ надлежащимъ расширеніемъ круга его дѣятельности и усиленіемъ его полезнаго воздѣйствія на развитіе въ имперіи сельско-хозяйственной промышленности». Самый проэктъ преобразованія поручалось составить А. С. Ермолову сообразно указаніямъ, преподаннымъ государемъ императоромъ, и внести на обсужденіе государственнаго совѣта въ ближайшую его сессію. Это высокое порученіе было выполнено съ возможною точностью, и уже въ первыхъ числахъ января нынѣшняго года г. Ермоловъ могъ заявить въ Москвѣ, въ собраніи московскаго общества сельскаго хозяйства, что черезъ мѣсяцъ министерство земледѣлія, можетъ быть, перейдетъ въ область совершившихся фактовъ. Какъ извѣстно,

Digitized by Google

7 марта государственнымъ совѣтомъ былъ одобренъ внесенный г. Ермоловымъ законопроэктъ, къ ближайшему содержанію котораго мы и перейдемъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, а 22 марта опубликованъ именной высочайшій указъ о назначеніи т. с. Ермолова—министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Изъ сдѣланнаго нами краткаго историческаго очерка ясно, что мысль объ отдѣльномъ высшемъ органѣ, отвѣтственномъ за успѣхъ земледѣлія, всегда витала въ умахъ и что прошлое, поэтому, давало богатый матеріалъ для проэктовъ настоящаго времени. Изъ различныхъ составныхъ элементовъ можно было сложить стройное цѣлое, своевременному созданію котораго мѣшало лишь невниманіе къ мыслямъ людей, ратующихъ за истинные интересы народа.

II.

Само собой разумѣется, что при организаціи нашего министерства земледѣлія пришлось справляться и относительно практики другихъ странъ. На этой практикѣ, дѣйствительно, не безполезно остановиться, и прежде чѣмъ перейти къ тому, что̀ сдѣлано у насъ, мы займемся краткимъ очеркомъ организаціи управленія сельскимъ хозяйствомъ за границею. Оказывается прежде всего, что и въ другихъ странахъ защищать или представлять интересы сельскаго хозяйства, до недавняго еще времени, приходилось не какимъ нибудь спеціальнымъ вѣдомствамъ, а министерствамъ внутреннихъ дѣлъ или министерствамъ промышленности. Даже и до сихъ поръ такой порядокъ существуетъ въ нѣкоторыхъ государствахъ. Раньше другихъ Пруссія отдала сельско-хозяйственныя дѣла въ вѣдѣніе особаго министерства, но и тамъ министерство земледѣлія существуетъ лишь съ 1848 года. По настоящее же время, кромѣ Пруссіи, такія министерства успѣли не только организоваться, но и опредѣлить вполнѣ кругъ своей дѣятельности: въ Австріи (съ 1866 года), Венгріи (съ 1889 года), Франціи (съ 1881 года), Великобританіи (съ 1889 года)—изъ странъ европейскихъ—и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ (съ 1889 года). Подробное знакомство съ функціями министерствъ земледѣлія въ различныхъ странахъ обнаруживаетъ довольно значительное разнообразіе въ ихъ обязанностяхъ. Но при этомъ разнообразіи есть нѣчто общее: это одинаковыя средства содѣйствія къ развитію сельско-хозяйственной промышленности. Такими средствами являются: 1) распространеніе сельско-хозяйственнаго образованія путемъ учебныхъ заведеній по земледѣлію, молочному хозяйству, садоводству, винодѣлію, шелководству, ветеринарнымъ наукамъ; 2) организація сельско-хозяйственныхъ опытныхъ полей и станцій, и устройство образцовыхъ фермъ; 3) собираніе и обнародованіе статистическихъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства; 4) разведеніе и распространеніе новыхъ растеній, улучшенныхъ сѣмянъ, сѣянцевъ и саженцевъ; 5) устройство заводовъ для разведенія лучшихъ породъ лошадей и скота. Въ качествѣ органовъ административныхъ, министерства земледѣлія производятъ межеваніе земель и регулируютъ аграрныя отношенія; управляютъ

Digitized by Google

государственными лѣсами, землями и другими имуществами (кромѣ Соединенныхъ Штатовъ); издаютъ распоряженія, составляютъ и исполняютъ законы объ охранѣ и разведеніи лѣсовъ, борьбѣ съ вредными для сельскаго хозяйства животными и растеніями; съ эпизоотіями; заботятся о содержаніи водъ въ надлежащей чистотѣ, охраняютъ дичь и рыбу отъ неправильной охоты и ловли, производятъ различныя меліоративныя, обводнительныя и осушительныя работы, или же выдаютъ ссуды и субсидіи на такія работы, устраиваютъ сельско-хозяйственныя выставки и конкурсы.

Кромѣ этихъ — общихъ во всѣхъ странахъ — обязанностей, въ нѣкоторыхъ государствахъ на министерство земледѣлія возложены еще и другія заботы. Такъ напр., въ Пруссіи и Австріи министерства земледѣлія наблюдаютъ за дѣятельностью поземельныхъ кредитныхъ учрежденій и за сельско-хозяйственнымъ страхованіемъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, во Франціи и Англіи министерство земледѣлія слѣдитъ за привозомъ и вывозомъ скота и продуктовъ скотоводства. Во Франціи министерство земледѣлія завѣдуетъ таможенными тарифами на сельско-хозяйственные продукты и продовольственнымъ дѣломъ. Въ Венгріи, этому министерству поручено содержаніе въ порядкѣ крупныхъ водяныхъ путей. Въ Австріи министерство земледѣлія завѣдуетъ и горнымъ дѣломъ, во всѣхъ другихъ странахъ подчиненнымъ другимъ вѣдомствамъ.

Послѣ этихъ общихъ свѣдѣній, укажемъ, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ, какими учрежденіями обладаютъ министерства земледѣлія отдѣльныхъ странъ для выполненія перечисленныхъ разнообразныхъ функцій. Во Франціи, среди центральныхъ учрежденій министерства земледѣлія, главная роль принадлежитъ департаменту сельскаго хозяйства (direction d'agriculture), который состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ. Въ первомъ сосредоточено, главнымъ образомъ, дѣло сельско-хозяйственнаго образованія и сельско-хозяйственныхъ опытныхъ полей и станцій; во второмъ — ветеринарное дѣло; въ третьемъ—поощреніе сельскаго хозяйства, сельско-хозяйственное законодательство и борьба съ паразитами; въ четвертомъ — сельско-хозяйственная статистика и продовольственное дѣло. Другой департаментъ—земледѣльческой гидравлики—завѣдуетъ осушеніемъ и оздоровленіемъ мѣстностей, а также орошеніемъ. Кромѣ того, существуютъ департаменты лѣсной и коннозаводства. Въ качествѣ совѣщательныхъ учрежденій обращаетъ на себя особенное вниманіе высшій сельско-хозяйственный совѣтъ (conseil supérieur d'agriculture), въ составъ котораго входятъ *сто* членовъ изъ лицъ, извѣстныхъ на поприщѣ науки или сельскаго хозяйства. Совѣтъ этотъ засѣдаетъ довольно рѣдко, но онъ выдѣляетъ изъ себя настоящій совѣщательный органъ при министрѣ—комисію. Кромѣ высшаго сельско-хозяйственнаго совѣта, существуютъ: высшая комисія по филоксерѣ, совѣщательный комитетъ по эпизоотіямъ, совѣщательный комитетъ сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій и лабораторій; техническая комисія по изысканію средствъ къ уничтоженію насѣкомыхъ и растеній, вредящихъ земледѣлію; совѣтъ по лѣсному хозяйству, высшій совѣтъ коннозаводства и пр. Изъ приведеннаго перечня ясно, какое большое значеніе придается во Франціи возможности

Digitized by Google

слышать по каждому вопросу голосъ свѣдущихъ людей. Въ числѣ мѣстныхъ органовъ французскаго министерства земледѣлія, главную роль играютъ инспекторы сельскаго хозяйства, которые слѣдятъ за дѣятельностью сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ, синдикатовъ и обществъ, за расходованіемъ назначенныхъ имъ субсидій, руководятъ устройствомъ выставокъ и конкурсовъ, собираютъ точныя свѣдѣнія обо всемъ, что̀ касается сельскаго хозяйства, и пр.

Въ Пруссіи министерство сельско-хозяйственныхъ дѣлъ, съ 1878 года переименованное въ «министерство сельскаго хозяйства, государственныхъ имуществъ и лѣсовъ», состоитъ изъ тѣхъ департаментовъ, функціи которыхъ опредѣляются самымъ названіемъ министерства. Въ вѣдѣніи перваго департамента—сельскаго хозяйства и коннозаводства—находится и сельско-хозяйственное образованіе. Въ числѣ совѣщательныхъ учрежденій существуетъ сельско-хозяйственный совѣтъ, состоящій изъ членовъ, избираемыхъ на три года провинціальными сельско-хозяйственными союзами, и изъ членовъ, назначаемыхъ министромъ. Первыхъ вдвое больше, чѣмъ послѣднихъ (19 и 9). Въ противоположность французскому совѣту, прусскій состоитъ подъ предсѣдательствомъ не министра, а особаго предсѣдателя, избираемаго изъ своей среды самими членами совѣта. Спеціальные мѣстные органы имѣются лишь по меліоративнымъ предпріятіямъ и рыбоводству, а вообще министерство обращается къ содѣйствію общихъ правительственныхъ учрежденій въ провинціи. При собираніи статистическихъ свѣдѣній, производствѣ научныхъ изслѣдованій, разрѣшеніи экономическихъ вопросовъ, роль правительственныхъ органовъ играютъ провинціальные сельско-хозяйственные союзы и общества.

Австрійское Ackerbau-Ministerium состоитъ изъ президіальнаго бюро и девяти департаментовъ, изъ которыхъ шесть посвящены дѣламъ высшаго руководительства различными отраслями сельскаго хозяйства. Совѣщательныхъ учрежденій при центральномъ управленіи нѣтъ, но они существуютъ подъ названіемъ Landes-Kulturräthe при намѣстничествахъ въ нѣкоторыхъ областяхъ. Эти учрежденія вмѣстѣ съ сельско-хозяйственными союзами принимаютъ участіе въ разрѣшеніи вопросовъ сельско-хозяйственнаго законодательства и администраціи, а также играютъ роль органовъ исполнительныхъ при расходованіи суммъ, назначенныхъ на поощреніе сельскаго хозяйства.

Въ Венгріи, при министерствѣ земледѣлія, состоящемъ изъ шести департаментовъ, находится «національный экономическій совѣтъ», образованный изъ 33 членовъ, назначаемыхъ министромъ земледѣлія, и состоящій подъ его предсѣдательствомъ. Этотъ совѣтъ даетъ заключенія по наиболѣе важнымъ экономическимъ и административнымъ вопросамъ, въ особенности требующимъ разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ. Кромѣ этого совѣта, министерство руководствуется въ спеціальныхъ экономическихъ вопросахъ мнѣніемъ «національнаго сельско-хозяйственнаго общества». При министерствѣ же состоитъ особая филоксерная комисія. Въ комитатахъ (областяхъ) совѣщательными органами по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ являются сельско-хозяйственныя общества. На ихъ разсмо-

Digitized by Google

трѣніе поступаютъ экономическіе и административные вопросы, имѣющіе мѣстное значеніе. Въ тѣхъ комитатахъ, гдѣ сельско-хозяйственныхъ обществъ нѣтъ, учреждены временныя комиссіи изъ 20—30 членовъ, назначаемыхъ изъ лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ.

Въ Англіи, въ настоящее время, министерство земледѣлія имѣетъ совсѣмъ особенное устройство. Въ составъ его входятъ, кромѣ министра земледѣлія, и другіе члены кабинета, стоящіе во главѣ вѣдомствъ, соприкасающихся съ интересами сельскаго хозяйства, а также президентъ тайнаго совѣта королевы, главные статсъ-секретари ея величества, канцлеръ герцогства ланкастерскаго и пр. Особые отдѣлы завѣдуютъ статистикой, ветеринарной частью и пр. Въ портахъ, черезъ которые дозволенъ привозъ скота, существуютъ особые ветеринары; другіе ветеринары зорко слѣдятъ за соблюденіемъ правительственныхъ распоряженій относительно провоза скота внутри страны, относительно убоя и изолированія заболѣвшаго скота и пр. Состоящій при министерствѣ агрономъ собираетъ всѣ свѣдѣнія обо всѣхъ явленіяхъ въ сельско-хозяйственной жизни Англіи и другихъ странъ, и публикуетъ эти свѣдѣнія.

Дѣятельность министерства земледѣлія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ разработкѣ вопросовъ, касающихся сельскаго хозяйства, въ устройствѣ опытныхъ станцій, въ раздачѣ населенію улучшенныхъ сѣмянъ и новыхъ растеній, и въ сообщеніи статистическихъ свѣдѣній. Административныя права министерство имѣетъ лишь по отношенію къ скотоводству. Къ числу центральныхъ учрежденій министерства относятся: управленіе опытными станціями, отдѣлъ скотоводства и скотопромышленности, отдѣлъ статистики, отдѣлъ энтомологіи, отдѣлы химіи, ботаники, помологіи, растительной патологіи, орнитологіи, микроскопіи (изслѣдующей фальсифицированные продукты) и пр. Сельско-хозяйственнымъ опытнымъ станціямъ придается громадное значеніе. Особое, только что упомянутое, центральное управленіе ими согласуетъ работы отдѣльныхъ станцій, обобщаетъ полученные результаты, служитъ посредникомъ между станціями и центромъ всѣхъ свѣдѣній о прогрессѣ агрономической науки и сельско-хозяйственнаго образованія.

Сообщивъ всѣ эти краткія свѣдѣнія о современномъ положеніи заграничныхъ министерствъ земледѣлія, напомнимъ, что о недавнемъ прошломъ старѣйшихъ изъ нихъ мы имѣемъ образцовое изслѣдованіе, принадлежащее бывшему товарищу министра государственныхъ имуществъ, В. И. Вешнякову, и напечатанное еще въ 1866 году подъ названіемъ: «Очеркъ сельско-хозяйственныхъ учрежденій».

III.

Опытъ другихъ странъ, какъ увидимъ ниже, былъ принятъ въ разсчетъ, и заграничные образцы до извѣстной степени послужили для насъ предметомъ подражанія. Но главнымъ образомъ, конечно, было обращено вниманіе на весь постепенный ходъ развитія мысли

Digitized by Google

о министерствѣ земледѣлія на русской почвѣ, гдѣ давно уже могло бы существовать это министерство, еслибъ проэкты кн. Щербатова и гр. Мордвинова получили осуществленіе во-время. Сущность только что произведенной реформы, доставившей министерству государственныхъ имуществъ названіе «министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ», сводится къ слѣдующему: 1) къ преобразованію учрежденій для завѣдыванія всѣми мѣропріятіями по улучшенію техники земледѣлія, 2) къ учрежденію особаго органа для разработки и освѣщенія хозяйственно-экономическихъ вопросовъ, относящихся къ предметамъ вѣдомства преобразованнаго министерства, а также и другихъ министерствъ въ томъ случаѣ, если въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ министерство земледѣлія должно принять активное участіе, и 3) къ созданію новаго совѣщательнаго органа и преобразованію стараго для обсужденія какъ техническихъ, такъ и экономическихъ вопросовъ. Новый органъ—это «сельскохозяйственный совѣтъ», а старый—«ученый комитетъ», котораго реформа коснулась болѣе, чѣмъ какого либо другаго центральнаго учрежденія министерства государственныхъ имуществъ.

Сельско-хозяйственный совѣтъ безспорно можетъ содѣйствовать необходимому сближенію сельско-хозяйственной администраціи съ хозяевами-практиками, а такимъ образомъ можетъ въ значительной степени гарантировать то, что правительственныя мѣропріятія будутъ дѣйствительно отвѣчать нуждамъ сельскаго хозяйства. Изъ сдѣланнаго выше краткаго обзора иностранной организаціи сельско-хозяйственныхъ управленій видно, что сельско-хозяйственные совѣты существуютъ въ той или иной формѣ почти вездѣ. Въ данномъ случаѣ мы подражаемъ именно иностранной практикѣ. У насъ сельско-хозяйственный совѣтъ будетъ собираться, подъ предсѣдательствомъ министра земледѣлія, и будетъ состоять всего изъ 28 членовъ: товарища министра, директоровъ департаментовъ земледѣлія и лѣснаго, управляющихъ двумя спеціальными отдѣлами (о которыхъ рѣчь ниже), предсѣдателя ученаго комитета, двухъ членовъ по назначенію министерства, представителей министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и путей сообщенія, представителя главнаго управленія удѣловъ и 15 представителей сельско-хозяйственной промышленности, «избираемыхъ изъ числа лицъ, извѣстныхъ своими познаніями и опытностью въ вопросахъ сельскаго хозяйства» и служащихъ «представителями интересовъ разныхъ земледѣльческихъ районовъ». Кромѣ того, предсѣдателю совѣта, т. е. министру, предоставлено право приглашать въ засѣданія совѣта, въ качествѣ экспертовъ, лицъ, которыя «своими спеціальными познаніями могутъ содѣйствовать правильному разрѣшенію тѣхъ или другихъ вопросовъ». Не-чиновные члены совѣта будутъ назначаемы на годъ или, собственно говоря, на одну сессію совѣта, которая будетъ продолжаться не болѣе шести недѣль, причемъ этотъ краткій срокъ полномочій мотивируется желаніемъ «постоянно привлекать къ участію въ занятіяхъ новыя силы». Что касается до малочисленности членовъ совѣта—представителей сельско-хозяйственной промышленности, то она мотивируется болѣе успѣшнымъ ходомъ работъ въ менѣе людныхъ собраніяхъ. Самое опредѣленіе вопро-

Digitized by Google

совъ, подлежащихъ разсмотрѣнію совѣта, предоставлено министру земледѣлія, хотя за каждымъ членомъ совѣта и оставлено право заявлять о желательности включенія того или другаго вопроса въ число вносимыхъ въ совѣтъ. Такимъ образомъ, до извѣстной степени создается *представительство земледѣльческихъ интересовъ*, но едва ли можно спорить, что въ той формѣ, въ какой оно организовано, есть немало недостатковъ. Прежде всего, «право заявлять о желательности включенія того или другаго вопроса въ число вносимыхъ въ совѣтъ»—слишкомъ неопредѣленное право, чтобъ служить гарантіей, что всѣ возникающія нужды сельскаго хозяйства вѣ время получатъ свое удовлетвореніе; затѣмъ составъ совѣта едва ли гарантируетъ возможность узнать обо всѣхъ нуждахъ: 15 представителей со всей Россіи далеко не достаточно! Во Франціи, напр., какъ указано выше, число членовъ «высшаго сельско-хозяйственнаго совѣта» доходитъ до 100, причемъ они выдѣляютъ изъ себя *постоянный* совѣщательный органъ при министрѣ, въ видѣ комисіи. Правда, что детальная разработка сельско-хозяйственныхъ мѣропріятій съ научной и технической стороны возложена у насъ на преобразованный ученый комитетъ, но это нисколько не исключаетъ желательности бо̀льшаго числа голосовъ и въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ. Не считаемъ мы цѣлесообразнымъ и ограниченіе срока полномочій членовъ совѣта однимъ годомъ. Въ этомъ отношеніи слѣдовало бы принять въ разсчетъ хотя бы примѣръ Пруссіи, гдѣ члены сельско-хозяйственнаго совѣта обладаютъ полномочіями на три года. Нельзя не пожалѣть, что нѣмецкому примѣру не послѣдовали и въ другомъ случаѣ—въ самомъ порядкѣ составленія совѣта. Практикуемое въ Пруссіи избраніе членовъ провинціальными сельско-хозяйственными союзами могло бы съ большою пользою найти для себя подражаніе и у насъ. Можно бы предоставить главнѣйшимъ нашимъ сельско-хозяйственнымъ обществамъ посылать своихъ представителей въ совѣтъ. Такіе выборные, и притомъ въ числѣ гораздо бо̀льшемъ, чѣмъ теперешнее,—равное числу членовъ отъ министерствъ,—могли бы дѣйствительно представлять интересы сельскаго хозяйства, и правительство могло бы такимъ образомъ слышать настоящій голосъ земли.

Преобразованіе ученаго комитета заключается въ усиленіи его личнаго состава спеціалистами по разнымъ отраслямъ естествознанія и агрономіи, и въ образованіи при комитетѣ особыхъ бюро по отдѣльнымъ спеціальностямъ. Вмѣсто прежнихъ 6 теперь будетъ 8 членовъ комитета, не считая обязательныхъ его членовъ: директоровъ департаментовъ и управляющихъ отдѣлами, директора императорскаго ботаническаго сада, директора сельско-хозяйственнаго музея, директора лѣснаго института, инспекторовъ по сельско-хозяйственной и лѣсной частямъ, представителя императорскаго института экспериментальной медицины, а также особо назначенныхъ или приглашенныхъ министромъ лицъ. На ученый комитетъ, по новому положенію о немъ, возложено обсужденіе основаній организаціи, программъ работъ, инструкцій и смѣтъ для учрежденій по производству метеорологическихъ, почвенныхъ, энтомологическихъ и другихъ изслѣдованій, а также опытныхъ станцій по зем-

Digitized by Google

ледѣлію и другимъ отраслямъ сельскаго хозяйства, лабораторій, опытныхъ полей и т. д. Ученый же комитетъ долженъ будетъ изыскивать мѣры противъ фальсификаціи питательныхъ и кормовыхъ средствъ, сѣмянъ и удобрительныхъ веществъ; разработывать положенія, уставы, учебные планы и программы для учебныхъ заведеній и временныхъ курсовъ по сельскому хозяйству, и проч. Само собою разумѣется, что, при этомъ преобразованіи, на комитетѣ лежатъ и прежнія обязанности по разсмотрѣнію отчетовъ, составленію конкурсовъ, рѣшенію вопроса о привилегіяхъ и пр. Девять членовъ комитета будутъ стоять во главѣ особыхъ бюро по отдѣльнымъ спеціальностямъ, образуемыхъ для предварительной и болѣе детальной разработки различныхъ задачъ по сельскому хозяйству и для рѣшенія многочисленныхъ вопросовъ спеціальнаго характера, съ которыми могутъ обращаться сельскіе хозяева. Такіе бюро будутъ составлены: по почвовѣдѣнію, агрономіи, ботаникѣ (прикладной), зоологіи съ зоотехніей, бактеріологіи, энтомологіи, метеорологіи, сельско-хозяйственной механикѣ и лѣсоводству. При ученомъ комитетѣ будутъ особый ученый секретарь и находящаяся въ его завѣдываніи канцелярія.

Весьма значительно преобразованнымъ явился одинъ изъ трехъ старыхъ департаментовъ министерства государственныхъ имуществъ—«департаментъ земледѣлія и сельской промышленности». Онъ называется теперь просто «департаментъ земледѣлія», а обязанности его въ общемъ увеличатся, хотя изъ него и выдѣляются дѣла по завѣдыванію казенными оброчными статьями, по орошенію и торфодобыванію, а также статистическая часть. Измѣняя кличку департамента, было бы гораздо цѣлесообразнѣе назвать его «департаментомъ сельскаго хозяйства», какъ и самое министерство слѣдовало бы назвать «министерствомъ сельскаго хозяйства». Въ предметы вѣдѣнія преобразованнаго департамента входитъ не одно земледѣліе, а и животноводство, и рыболовство. Составъ департамента увеличенъ. Онъ имѣетъ теперь двухъ вице-директоровъ, а вмѣсто прежнихъ двухъ сельско-хозяйственныхъ отдѣленій, вѣдавшихъ дѣла техническія, экономическія и учебныя, теперь будутъ два: отдѣленія по техническимъ вопросамъ (по растеніеводству и по животноводству) отдѣленіе для завѣдыванія всякаго рода опытными и учебно-практическими учрежденіями, отдѣленіе по завѣдыванію сельско-хозяйственными учебными заведеніями и курсами и, наконецъ, отдѣленіе административно-хозяйственное, въ задачи котораго входитъ завѣдываніе мѣстными органами министерства.

При прежней организаціи, въ число обязанностей департамента земледѣлія и сельской промышленности входило собираніе статистическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству. Теперь эти обязанности возложены на вновь созданный (на правахъ департамента) «отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики», который, кромѣ того, будетъ заниматься разработкой и освѣщеніемъ, съ точки зрѣнія интересовъ сельскаго хозяйства, всѣхъ тѣхъ *экономическихъ* вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ будетъ всецѣло зависѣть отъ министерства земледѣлія или будетъ происходить при его участіи. При этомъ же новомъ отдѣлѣ будетъ состоять особый совѣща-

Digitized by Google

тельный органъ—«кустарный комитетъ» изъ представителей департаментовъ земледѣлія, лѣснаго и горнаго, и изъ спеціалистовъ по кустарнымъ дѣламъ. Статистическія работы отдѣла будутъ дѣлиться на два дѣлопроизводства: текущей и основной статистики. Административно-экономическія дѣлопроизводства будутъ носить слѣдующія названія, отчасти выясняющія ихъ обязанности: 1) торговое, экономическое и кредитное; 2) по крестьянскому хозяйству и кустарнымъ промысламъ. Первое будетъ, между прочемъ, разсматривать ходатайства объ измѣненіи существующихъ и установленіи новыхъ желѣзнодорожныхъ и таможенныхъ тарифовъ на сельско-хозяйственныя произведенія и сноситься по этимъ вопросамъ съ другими вѣдомствами, разсматривать съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія проэкты постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ и другихъ путей сообщенія, завѣдывать возможными операціями по выдачѣ ссудъ на сельско-хозяйственныя потребности, а также сноситься съ подлежащими вѣдомствами по всѣмъ вопросамъ, касающимся кредита поземельнаго, мелiоративнаго, подъ сельско-хозяйственныя произведенія и т. д. Во второмъ дѣлопроизводствѣ, между прочимъ, будутъ разсматриваться вопросы: о разселеніи крестьянъ, объ урегулированіи отхожихъ промысловъ и передвиженіи сельскихъ рабочихъ.

Вновь создается и «отдѣлъ земельныхъ улучшеній», который будетъ завѣдывать оросительными и осушительными работами, и торфянымъ дѣломъ. При этомъ отдѣлѣ будетъ состоять особая геодезическая часть. Кромѣ новыхъ отдѣловъ, вновь создается новый «департаментъ государственныхъ земельныхъ имуществъ», который возьметъ на себя выдѣленныя изъ департаментовъ земледѣлія, лѣснаго и горнаго оброчныя статьи, имѣющія сельско-хозяйственный характеръ. Этотъ же департаментъ будетъ завѣдывать поземельнымъ устройствомъ и переселеніемъ крестьянъ.

Громадная работа предстоитъ этому департаменту по устройству переселенцевъ на казенныхъ земляхъ Сибири, въ особенности въ виду открытія сибирской желѣзной дороги, а также въ дѣлѣ поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ Кавказа. Кромѣ того, и одно управленіе обширными государственными имуществами само по себѣ представляетъ достаточно сложную задачу, въ особенности при условіи удовлетворенія въ земельномъ хозяйствѣ современныхъ научныхъ требованій. Одно отдѣленіе департамента (всѣхъ отдѣленій 5) будетъ завѣдывать инородцами. Лѣсной и горный департаменты остаются организованными по прежнему, и произведенныя въ нихъ реформы не имѣютъ существеннаго значенія. Изъ вѣдѣнія перваго выдѣлены,—какъ видно изъ предыдущаго,—дѣла по осушенію болотъ и завѣдываніе оброчными статьями, но тѣмъ не менѣе дѣятельность его должна расшириться по разнымъ частямъ управленія, въ особенности же по сбереженію и устройству лѣсовъ. Въ виду этого, окончательно устанавливается въ этомъ департаментѣ фактически существовавшая до сихъ поръ должность втораго вице-директора. Рядомъ съ этимъ, совсѣмъ упраздняется департаментъ общихъ дѣлъ и замѣняется, въ нѣкоторыхъ своихъ функціяхъ, уничтоженною за послѣднія десятилѣтія, но дѣйствовавшей въ первый періодъ министерства, канцеляріей министра. Часть обязанностей

Digitized by Google

департамента общихъ дѣлъ передана новому департаменту государственныхъ земельныхъ имуществъ. Если мы прибавимъ еще, что реформированъ нѣсколько горный совѣтъ и что при министрѣ будутъ состоять упомянутые уже выше, въ числѣ членовъ ученаго комитета, инспекторы по сельско-хозяйственной, лѣсной и горной частямъ, то можемъ считать выполненнымъ наше намѣреніе—представить краткій очеркъ произведенной реформы.

IV.

Итакъ, реформа произведена; настойчивое желаніе сельскихъ хозяевъ, всего русскаго общества и служившей его отголоскомъ печати удовлетворено:—министерство земледѣлія существуетъ. Отчего же и въ обществѣ, и въ печати чувствуется какъ будто нѣкоторое разочарованіе? Дѣло объясняется прежде всего тѣмъ, что пока произведена лишь часть реформы и, притомъ, едва ли главная. Одни центральныя учрежденія, безъ надлежаще организованныхъ мѣстныхъ, выясняющихъ нужды и приводящихъ въ исполненіе задуманныя мѣропріятія, окажутся безсильными, а между тѣмъ пока еще не выяснилось, въ какую форму выльются эти мѣстныя учрежденія. Вторая причина разочарованія заключается въ томъ, что реформа и въ первой своей части произведена не въ той полнотѣ, не на тѣхъ широкихъ началахъ, которыя могли бы вполнѣ удовлетворять предъявляемыя къ ней требованія. При составленіи одобреннаго теперь законопроэкта, имѣлось въ виду главнымъ образомъ установить бо́льшее единство между дѣйствіями центральныхъ правительственныхъ учрежденій, которыя могутъ прямо или косвенно вліять на преуспѣяніе сельско-хозяйственной промышленности. Но и при такомъ единствѣ и содѣйствіи различныхъ вѣдомствъ министерству земледѣлія все же нѣтъ полной гарантіи, что всѣ интересы сельскаго хозяйства будутъ соблюдены, если собственно сельско-хозяйственное управленіе не будетъ завѣдывать всѣми мѣропріятіями, непосредственно касающимися сельскаго хозяйства. Министерство земледѣлія должно бы имѣть въ своихъ рукахъ управленіе сельско-хозяйственнымъ кредитомъ, въ томъ числѣ и земельнымъ, желѣзно-дорожными тарифами, условіями сухопутной и водяной перевозки сельско-хозяйственныхъ произведеній и скота, торговлей сельско-хозяйственными продуктами, хлѣбной инспекціей, регулированіемъ передвиженія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и отношеній ихъ къ хозяевамъ, продовольственною частью, сельско-хозяйственнымъ страхованіемъ, ветеринарнымъ дѣломъ, переселеніемъ, борьбою съ вредными насѣкомыми, коннозаводствомъ. Такъ оно и существуетъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ,—какъ видно изъ приведеннаго выше краткаго очерка организаціи заграничныхъ министерствъ земледѣлія,—но у насъ мысль о сосредоточеніи всѣхъ указанныхъ отраслей управленія въ одномъ министерствѣ была признана «по меньшей мѣрѣ, преждевременной»,

Digitized by Google

хотя этому же министерству поручены нѣкоторыя обязанности, не имѣющія даже отдаленнаго соприкосновенія съ сельскимъ хозяйствомъ. Во многихъ случаяхъ министерству земледѣлія пришлось ограничиться «болѣе активнымъ» участіемъ въ разрѣшеніи вопросовъ другими вѣдомствами. Правда, по отношенію къ ветеринарному дѣлу министру земледѣлія предоставлено войти въ соглашеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и въ результатѣ этого соглашенія можетъ состояться передача въ министерство земледѣлія ветеринарной части, но рядомъ съ этимъ коннозаводство, не разъ попадавшее подъ управленіе министерства государственныхъ имуществъ (съ 1848 по 1856 и съ 1874—1881 г.), оставлено въ завѣдываніи особаго, не зависящаго отъ министерства земледѣлія, центральнаго органа, имѣющаго одного главу съ министерствомъ императорскаго двора. Кому неизвѣстно далѣе, что желѣзныя дороги оказывали не разъ неблагопріятное вліяніе на сельское хозяйство неподходящими тарифами на сельско-хозяйственныя произведенія, являясь тормозомъ для естественнаго развитія земледѣлія въ однихъ мѣстахъ и вызывая искусственное и ненормальное развитіе его въ другихъ, а между тѣмъ желѣзнодорожные тарифы на сельско-хозяйственныя произведенія по прежнему изъяты изъ непосредственнаго распоряженія министерства земледѣлія. Не въ состояніи будетъ это министерство само приходить на помощь и по части кредита, необходимаго особенно крестьянскому населенію, для котораго ближайшія «улучшенія» въ хозяйствѣ должны заключаться прежде всего въ возможности обзавестись рабочимъ инвентаремъ: крестьянинъ и самъ понимаетъ отлично, чѣмъ и какъ поправить свое хозяйство, да не хватаетъ у него средствъ на это. Надо ли напоминать, что послѣдніе годы увеличили и безъ того поражавшее количество безлошадныхъ крестьянъ и что условія того кредита, который до сихъ поръ только и доступенъ нашему крестьянству, слишкомъ тяжелы, чтобы можно было оставлять крестьянина лишь съ этимъ кредитомъ и впредь? При отсутствіи же правильно организованнаго кредита, едва ли можно думать о развитіи разныхъ второстепенныхъ отраслей хозяйства, о переходѣ отъ однообразія къ разнообразію культуръ. А между тѣмъ однообразіе является одною изъ нашихъ бѣдъ, такъ какъ именно оно и дѣлаетъ нашего сельскаго хозяина настоящею жертвою стихій. Еще недавно изъ устъ самого теперешняго министра земледѣлія, на открытіи международной выставки орудій для очистки, сортировки и сушки сѣмянъ, многимъ пришлось выслушать подтвержденіе печальнаго факта, что «въ наше время репутація русскаго зерна поколебалась». Но торговля этимъ зерномъ, внутренняя и внѣшняя, останется внѣ сферы прямаго вліянія министерства земледѣлія.

Ограниченіе круга вѣдомства преобразованнаго министерства обусловило образованіе того органа для разработки и освѣщенія хозяйственно-экономическихъ вопросовъ, который описанъ выше подъ названіемъ «отдѣла сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики». Но, не имѣя въ своемъ распоряженіи мѣстныхъ статистическихъ органовъ, министерство не будетъ въ состояніи собирать самостоятельно всѣхъ данныхъ по болѣе широкой программѣ и будетъ по прежнему ограничиваться свѣдѣніями, доставляемыми

Digitized by Google

нѣкоторыми хозяевами, добровольными корреспондентами. Даже въ вопросѣ о сельско-хозяйственномъ образованіи министерство земледѣлія является не единственнымъ хозяиномъ, такъ какъ новоалександрійскій институтъ сельскаго хозяйства, а также нѣсколько школъ другихъ ранговъ съ сельско-хозяйственной программой остаются въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія.

Съ ограниченностью задачъ министерства земледѣлія гармонируютъ и не особенно щедрыя средства, ассигнованныя въ дополненіе къ тѣмъ, которыя имѣлись въ распоряженіи министерства государственныхъ имуществъ. Изъ сравнительной стоимости содержанія центральныхъ учрежденій мы видимъ, что преобразованное министерство получитъ лишь немного болѣе стараго, а именно: 793,750 р. Но само собой разумѣется, что главное значеніе должны имѣть не эти цифры, а общій бюджетъ министерства, и такимъ образомъ лишь по смѣтѣ будущаго года можно будетъ увидѣть, насколько щедры расходы «могущественнаго покровителя, заступника и объединителя разрозненныхъ дѣйствій отдѣльныхъ учрежденій и лицъ», какимъ желаетъ быть реформированное министерство по отношенію къ сельскому хозяйству. Теперь же можно лишь напомнить, что по смѣтѣ на нынѣшній 1894 годъ расходы министерства государственныхъ имуществъ должны были составить 28.864,096 р. (изъ нихъ 7.654,910 р. на мѣстную администрацію). Траты другихъ странъ по охранѣ интересовъ сельско-хозяйственной промышленности опредѣляются слѣдующими данными. Во Франціи расходы министерства земледѣлія по послѣдней смѣтѣ опредѣлены въ 42 милл. франковъ (на центральное управленіе 703 тыс. фр.); въ Пруссіи (не считая расходовъ по эксплуатаціи государственныхъ имуществъ и лѣсовъ и по взиманію съ нихъ доходовъ)—въ 16 милл. марокъ; въ Австріи (съ тою же оговоркою, что и для Пруссіи)—въ 16 милл. флориновъ; въ Венгріи—около 18 милл. гульденовъ; въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ въ 3.823,500 долларовъ. Отчасти можно судить о предстоящихъ тратахъ по тѣмъ ассигновкамъ, которыя испрашивались стоявшимъ наканунѣ реформы министерствомъ. Такъ, «на воспособленіе сельско-хозяйственнымъ обществамъ, число которыхъ у насъ достигаетъ 180-ти съ 56 отдѣлами, испрашивалось 25 тыс. р., да и изъ этой суммы предполагалось выдавать субсидіи земствамъ и частнымъ лицамъ на полезныя, въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, предпріятія. Далѣе, на заграничныя командировки испрашивалась сумма, достигавшая, вмѣстѣ съ ассигнованной прежде, 12 т. р.,—и это въ то время, какъ не хватало и негдѣ было обучить дома спеціалистовъ для замѣщенія пустующихъ вакансій въ учебныхъ заведеніяхъ, для командировокъ съ цѣлью спеціальныхъ изслѣдованій и пр. На метеорологическія наблюденія испрашивался кредитъ въ 1,000 р., въ дополненіе къ прежнимъ 2,000 р., а на содержаніе опытныхъ полей и станцій въ казенныхъ и частныхъ имѣніяхъ—кредитъ въ 25 т. р. Относительно послѣдняго кредита не мѣшаетъ сдѣлать слѣдующее указаніе. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ на содержаніе сельско-хозяйственныхъ опытныхъ станцій тратится ежегодно 745 т. долл., не считая еще 427 т. долл. на содержаніе центральнаго бюро и на хозяй-

Digitized by Google

ственные расходы, а на содержаніе личнаго состава центральнаго метеорологическаго бюро и 30 мѣстныхъ станцій—523½ т. долл. Можно думать, что излишняя скромность, которую проявляло въ данномъ случаѣ министерство государственныхъ имуществъ, не будетъ служить предметомъ подражанія для министерства земледѣлія и что въ частности расходы «на учебныя и образцовыя заведенія по лѣсной, сельско-хозяйственной и горной частямъ», достигающія въ общей сложности по смѣтѣ на текущій годъ лишь 1.148,198 р., не замедлятъ увеличиться. Еще 70 лѣтъ тому назадъ, гр. Мордвиновъ писалъ, что «для усовершенствованія земледѣлія въ Россіи,—сего великаго и благотворнаго подвига,—еслибы назначаемо было изъ государственнаго казначейства и по десяти милліоновъ рублей въ годъ, никогда не было бы излишнимъ, а, напротивъ, симъ средствомъ, ускоряя успѣхъ къ раскрытію богатѣйшаго источника доходовъ, съ вящею лихвою возвращался бы употребляемый капиталъ, а доходы казначейства постепенно возрастали бы въ количествахъ своихъ и по всѣмъ другимъ итогамъ». Въ томъ же смыслѣ высказывается и нынѣ здравствующій знатокъ вопроса о сельско-хозяйственномъ управленіи, авторъ упомянутаго выше «Обзора» В. И. Вешняковъ. «Для того чтобы сельско-хозяйственная администрація могла достигать своей цѣли,—пишетъ онъ, между прочимъ, — она должна располагать достаточными денежными средствами, какъ на вознагражденіе лицъ, входящихъ въ составъ ея, такъ и на поддержаніе тѣхъ учрежденій, и на принятіе тѣхъ мѣръ, которыя, по мѣстнымъ условіямъ страны, считаются необходимыми для содѣйствія успѣшному развитію въ ней сельскаго хозяйства».

Не выходя изъ области расходовъ преобразованнаго министерства, укажемъ, какъ распредѣляется сумма, ассигнованная на центральныя учрежденія. Ученый комитетъ будетъ стоить 34,300 р., департаментъ земледѣлія—77,300 р., отдѣлъ сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики съ кустарнымъ комитетомъ — 36,200 р., отдѣлъ земельныхъ улучшеній—47,150 р., департаментъ государственныхъ земельныхъ имуществъ — 79,500 р. и т. д. На сельско-хозяйственный совѣтъ будетъ тратиться около 20 т., такъ какъ пріѣзжіе члены этого совѣта будутъ получать, помимо прогонныхъ, по 15 р. суточныхъ. Упомянувъ о сельско-хозяйственномъ совѣтѣ, не можемъ еще разъ не указать на отмѣченную уже выше неудовлетворительность способа комплектованія этого совѣта, хотя и слѣдуетъ оговориться, что эта неудовлетворительность, по всей вѣроятности, не будетъ чувствоваться въ ближайшее время: рядъ заявленій г. Ермолова и опубликованныхъ до сихъ поръ писемъ его въ разныя сельско-хозяйственныя общества свидѣтельствуетъ о готовности перваго русскаго министра земледѣлія чутко прислушиваться къ голосу мѣстныхъ дѣятелей по сельскому хозяйству. Такимъ образомъ, можно не сомнѣваться въ осуществленіи слѣдующихъ словъ адреса, поднесеннаго А. С. Ермолову императорскимъ московскимъ обществомъ сельскаго хозяйства: «Высочайшія указанія будутъ осуществляться министерствомъ подъ вашимъ ближайшимъ надзоромъ и руководствомъ, при участіи, совмѣстно съ учрежденіями правительственными и земскими, сельско-хозяйственныхъ

Digitized by Google

обществъ и представителей сельско-хозяйственной науки съ правильнымъ распредѣленіемъ между ними, соотвѣтственно ихъ значенію, участія въ обсужденіи сельско-хозяйственныхъ нуждъ и вопросовъ, и въ выполненіи выработанной министерствомъ программы дѣятельности».

Возвращаясь къ указанному выше нѣкоторому разочарованію, замѣтимъ еще, что въ значительной степени оно объясняется и самимъ переживаемымъ моментомъ. Наступило время приняться за работу, для которой даны новые орудія и матеріалы, и всѣ, кто отдаетъ себѣ полный отчетъ въ колоссальности этой работы, прекрасно сознаютъ ея трудность, увеличивающуюся еще отъ того, что и по части средствъ министерству земледѣлія придется многое *создавать* вновь. Признавая, напр., что одною изъ причинъ неудовлетворительнаго состоянія русскаго сельскаго хозяйства является сравнительно малое приложеніе къ нему научныхъ знаній, очень слабо распространенныхъ среди хозяевъ, министерство земледѣлія начинаетъ свою дѣятельность, почти не имѣя въ своемъ распоряженіи высшихъ сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній; сознавая недостатокъ научныхъ изслѣдованій въ области сельскаго хозяйства примѣнительно къ естественнымъ условіямъ его въ Россіи, министерство терпитъ самый обидный недостатокъ въ спеціалистахъ, которымъ эти изслѣдованія могли бы быть поручены. Ему нужно одновременно и подготовлять разныхъ спеціалистовъ, и создавать рядъ учрежденій для изслѣдованія научныхъ вопросовъ, находящихся въ непосредственной связи съ сельскимъ хозяйствомъ, т. е. учрежденій по метеорологіи, почвовѣдѣнію, борьбѣ съ вредными насѣкомыми, а также опытныхъ станцій для провѣрки, въ бо̀льшихъ размѣрахъ, результатовъ, полученныхъ научными учрежденіями; затѣмъ учебныхъ заведеній разныхъ типовъ, контрольныхъ лабораторій и пр. Само собой разумѣется, что когда все это нужно еще создавать,—польза непосредственная, практическая, стремленіе къ которой и воодушевляла главнымъ образомъ при учрежденіи министерства земледѣлія, окажется не столь близкой. Достаточно напомнить, что у насъ въ настоящій моментъ существуетъ немного болѣе 60 низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ министерства государственныхъ имуществъ, изъ которыхъ до сихъ поръ выпущено всего еще 1,921 человѣкъ, а вся армія получившихъ сельско-хозяйственное образованіе въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства за время его существованія—стыдно сказать!—исчисляется лишь въ 6,696 человѣкъ, изъ которыхъ въ живыхъ, конечно, гораздо меньше. «Намъ нужны, стало быть,—скажемъ мы словами А. С. Ермолова, произнесенными во время его прошлогодней поѣздки,—сельско-хозяйственныя школы, и высшія, и среднія, и низшія... Каждый рубль, затраченный государствомъ на развитіе сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи, несомнѣнно окупится сторицею».

И въ выполненіи этой части задачи, и въ созданіи мѣстныхъ учрежденій министерства на началахъ, обезпечивающихъ дѣйствительную пользу для сельскаго хозяйства,—первому русскому министру земледѣлія сопутствуютъ лучшія пожеланія русскихъ людей.

Digitized by Google

Будущее, быть можетъ, создастъ возможность включить въ кругъ вѣдѣнія министерства земледѣлія и то, что теперь признано необходимымъ оставить на заботахъ другихъ вѣдомствъ; но пока будемъ ждать плодотворной работы въ тѣхъ предѣлахъ, которые опредѣлены совершившейся реформой. Не будемъ ни оптимистами, ни пессимистами, а предоставимъ самой практикѣ отвѣтить на вопросъ о цѣлесообразности того, что сдѣлано.

В. Швецовъ.

Digitized by Google

РАБЪ СВѢТА[1].

Политическій романъ изъ англо-французской жизни,
Генри Сетона Мерримена.

I.

Въ улицѣ св. Жэнгольфа.

Еще не такъ давно она называлась «Улицей имперіи», но всѣмъ извѣстна щепетильность республиканцевъ. Тамъ, гдѣ водворяются республиканскіе принципы, не можетъ быть терпимо никакихъ традицій прошлаго. Поэтому улица сегодня называется по имени св. Жэнгольфа. Какъ она будетъ называться завтра? Кто знаетъ!

Необходимо предположить, что вы находитесь близъ Лувра, на сѣверномъ берегу рѣки, которая играетъ такую незначительную роль въ общественной жизни Парижа. Передъ вами лежитъ мостъ Св. отцовъ. Такъ называется онъ теперь. Когда-то онъ назывался... впрочемъ, не все ли равно, какъ назывался онъ прежде? Въ тревожныя времена мосты особенно часто измѣняютъ свои названія. Улица св. Жэнгольфа расположена между бульваромъ Сенъ-Жерменъ и Вольтеровской набережной. Съ рѣки слышенъ шумъ пароходовъ и свистки, съ бульвара—громкое щелканье бичей. Перейдя мостъ, надо повернуть направо и идти по набережной, обсаженной липами и застроенной книжными лавчонками. При видѣ книжныхъ ларей, вы, конечно, замедлите шагъ: трудно устоять при подобномъ искушеніи. Потомъ повернете налѣво, и черезъ нѣсколько шаговъ увидите направо улицу св. Жэнгольфа.

Если ваша прелестная практическая супруга вздумаетъ посѣтить магазинъ Bon-Marché, чтобы пріобрѣсти восхитительныя бѣлоснѣжныя наволочки съ вензелемъ, вышитымъ какъ разъ

---

[1]) Слово «свѣтъ» употреблено здѣсь въ смыслѣ правды, истины. «Рабъ свѣта»—поборникъ истины.

Digitized by Google

посрединѣ,—такъ что слѣды этого рельефнаго шитья остаются въ видѣ клейма на щекѣ спящаго,—то ей непремѣнно придется пересѣчь улицу св. Жэнгольфа. Такъ! Теперь вы безъ труда найдете дорогу.

Эта типичная парижская улица имѣетъ сто сорокъ пять метровъ длины. Здѣсь есть и булочная, и кафе, и табачная лавочка, плохо торгующая марками. Парижане не любятъ писать писемъ. Они говорятъ, что имъ нѣтъ времени заниматься такими пустяками. Но табачный торговецъ искусно умѣетъ покрывать убытки въ одной отрасли своей торговли — прибылью въ другой. Если худо идетъ торговля марками, зато расходятся во множествѣ сигары и сигаретки очень сомнительнаго качества. Улица св. Жэнгольфа почти примыкаетъ къ «Академіи изящныхъ искусствъ» и находится въ центрѣ самаго дешеваго и въ то же время совершенно приличнаго квартала. Поэтому околодокъ населенъ исключительно молодыми людьми, а молодые люди не обращаютъ вниманія на то, хорошая или плохая сигара дымится у нихъ во рту, особенно молодые провинціалы, населяющіе Парижъ. Они только считаютъ необходимымъ постоянно курить что нибудь, въ доказательство того, что они— настоящіе парижане, истыя дѣти парижскаго бульвара, умѣющія прожигать жизнь.

Табачная лавочка имѣетъ чрезвычайно удобное расположеніе. Кромѣ парадnаго хода съ улицы св. Жэнгольфа, она имѣетъ еще задній ходъ черезъ маленькій дворъ, который служитъ въ одно время и конюшней, и каретнымъ сараемъ. Здѣсь мадамъ Перинеръ,—на парадной двери которой начертано магическое слово «Modes»,—держитъ пони и маленькую телѣжку, въ которой развозитъ свои шляпки по всѣмъ концамъ Парижа. Табачный торговецъ, Жакетъ, высокій и дородный, страдаетъ отъ испарины съ начала апрѣля до конца октября. Вслѣдствіе этого, у него явилась похвальная привычка не носить галстука, а человѣкъ безъ галстука, конечно, не можетъ пользоваться большимъ успѣхомъ въ обществѣ. Но было бы справедливѣе не предавать его анаѳемѣ за отсутствіе галстука, не выслушавъ предварительно его оправданій. Такая небрежность туалета, вѣроятно, объясняется очень серьезными причинами, и не всякій судья доискивается этихъ причинъ. Таковы французы. Не задумываясь, рѣшаютъ они такіе вопросы, къ

Digitized by Google

которымъ мы, живущіе по сю сторону пролива, относимся съ большимъ недовѣріемъ.

Жакетò не носитъ галстука даже по воскресеньямъ, ибо воскресные дни не составляютъ никакой разницы для его комплекціи. Онъ не посѣщаетъ церкви, потому что, какъ большинство французовъ, онъ знаетъ только одного Бога—свою утробу. Его наслажденіе заключается въ гастрономіи, его скорби и страданія—въ желудкѣ. Маленькая лавка открыта ежедневно съ утра до вечера, не исключая праздничныхъ дней, и табачный торговецъ неизмѣнно появляется на своемъ посту, за конторкой у окна, откуда онъ можетъ видѣть всю улицу. Эта усидчивость и трудолюбіе Жакетò почти феноменальны, если вспомнить, что французы, поклоняющіеся одному съ нимъ Богу, любятъ приносить жертвы своему идолу по праздничнымъ днямъ въ маленькихъ ресторанахъ на Версальской площади или въ Пале-Роялѣ. Жакетò съ наслажденіемъ отправился бы паломничать въ эти святыя мѣста; но ему нельзя оставить лавку... Не по комерческимъ соображеніямъ—о, нѣтъ! Когда сосѣди начинали трунить надъ нимъ по поводу такой необычайной любви къ семейному очагу, онъ только пожималъ жирными плечами.—Что дѣлать?—говорилъ онъ.—У каждаго есть свои дѣла.

Въ тѣ дни, о которыхъ мы повѣствуемъ, дѣла Жакетò,—какъ большинство всякихъ дѣлъ на землѣ,—казались вовсе не тѣмъ, чѣмъ они были въ дѣйствительности. По причинамъ, которыя близко касаются табачнаго торговца въ улицѣ св. Жэнгольфа, также какъ и другихъ почтенныхъ джентльменовъ, мы не будемъ слишкомъ точно обозначать числа. Достаточно сказать, что нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, Жакетò сидѣлъ, по обыкновенію, въ своей лавочкѣ. Къ счастью, это былъ субботній вечеръ. По вторникамъ и субботамъ, маленькій парикмахеръ, живущій на углу улицы, акуратно выбривалъ мясистыя щоки табачнаго торговца. Поэтому Жакетò былъ сегодня очень респектабеленъ—вдвойнѣ респектабеленъ, ибо еще не истекъ мартъ мѣсяцъ и еще не наступилъ тропическій сезонъ для Жакетò. Улица была очень тиха. Здѣсь не существовало сообщенія съ городомъ по желѣзной дорогѣ, и люди, жившіе въ этомъ кварталѣ, ходили пѣшкомъ. Поэтому не трудно было замѣтить появленіе какого нибудь человѣка

Digitized by Google

изъ-за угла улицы. Въ настоящую минуту, къ лавкѣ приближался незнакомецъ, и Жакето бросилъ окурокъ дешевой сигары. Можно было съ увѣренностью сказать, что онъ даже узналъ походку. Молодежь привыкла думать, что люди, старѣясь и толстѣя, становятся менѣе сообразительными. Это не всегда вѣрно. Отъ пожилаго толстяка обыкновенно не ждутъ ничего интереснаго; но это мнѣніе часто бываетъ ошибочнымъ. Жакето вѣсилъ *238* англ. фунтовъ, и тѣмъ не менѣе былъ въ высокой степени интеллигентенъ. Онъ узналъ шаги еще за семьдесятъ метровъ. Черезъ нѣсколько минутъ, передъ лавочкой остановился господинъ средняго роста, посмотрѣлъ на вывѣску, и затѣмъ вошелъ, держа въ рукѣ письмо, съ нѣсколько тщеславнымъ видомъ. Движенія незнакомца носили характерный отпечатокъ какой-то беззаботности—словно онъ исполнялъ лишь пустую формальность, и вовсе не считалъ ея для себя обязательной. Онъ поклонился Жакето и по лицу его скользнула пріятная улыбка. Онъ былъ замѣчательно хорошо сложенъ, средняго роста, съ прямыми, широкими плечами, небольшими руками и ногами. Носилъ онъ очки, и когда смотрѣлъ прямо въ лицо собесѣднику, его зрачки съуживались. Это былъ взоръ ястреба, внезапно увидѣвшаго дневной свѣтъ. Сходство еще усиливалось тѣмъ, что у него былъ и профиль хищной птицы.

Лицо—миньятюрное, подобное греческому бюсту, но своей экспрессіей оно напоминало другой, болѣе старый народъ. Въ немъ была мистическая глубина выраженія древнихъ египтянъ. Ни одна черта не выдавалась; всѣ были изваяны съ одинаковой мягкостью; и тѣмъ не менѣе въ этомъ лицѣ была только одна безспорно красивая черта: это ротъ. Но существуетъ мнѣніе, что человѣка съ прекраснымъ ртомъ надо всего болѣе избѣгать.

Улыбка, которою привѣтствовалъ незнакомецъ Жакето, вѣроятно, получила свою пріятность отъ особаго склада его губъ, а не отъ выраженія бархатисто-мягкихъ глазъ, которые никогда не улыбались. Это были печальные глаза, напоминавшіе глаза женщинъ, которыхъ можно встрѣтить на берегахъ Верхняго Нила,—глаза, выраженіе которыхъ никогда не измѣняется, которые не замѣчаютъ дѣйствительности, но смотрятъ въ иной міръ, лежащій далѣе завтрашняго дня и за предѣлами вчерашняго.

Digitized by Google

— Еще не пришли?—спросилъ незнакомецъ. Голосъ былъ полный, богатый, и французскій языкъ звучалъ у него совсѣмъ иначе, чѣмъ у Жакетò и обитателей улицы св. Жэнгольфа. Такой языкъ можно слышать иногда лишь въ старинныхъ châteaux, затерянныхъ въ глуши провинціи, гдѣ представители опасныхъ историческихъ фамилій терпѣливо и скромно доживаютъ свой вѣкъ. Они или ждутъ своей очереди, или довольствуются прошлымъ, когда ихъ предки играли большую роль.

— Нѣтъ, еще не пришли, мосьѣ,—отвѣтилъ лавочникъ.

Незнакомецъ вынулъ часы, маленькіе, прекрасной работы дамскіе часы, и взглянулъ на нихъ. Его движенія были сильны и быстры. Онъ могъ бы сдѣлаться замѣчательнымъ боксёромъ.

— Въ этомъ причина ихъ неуспѣха,—коротко сказалъ онъ.—Они не понимаютъ, какъ необходима точность. Народъ, мосье Жакетò, видите ли, народъ терпитъ неудачи, благодаря собственной небрежности.

Жакетò, пыхтя, повернулся на стулѣ.

— Но я самъ изъ народа.

— Несомнѣнно. Я знаю это, мой другъ. Но я могу васъ кое-чему научить.

— Правда. Но не опасно ли стоять вамъ здѣсь, на виду у всѣхъ. Не лучше ли войти въ комнату? Тамъ все готово; зажжена лампа. Теперь на углу улицы всегда стоитъ полицейскій агентъ.

— Ба!—произнесъ незнакомецъ, презрительно пожавъ плечами.—Я не боюсь ихъ. Только одной вещи надо бояться, гражданинъ Жакетò—прессы. Пресса и народъ *bien entendu.*

— Если вы презираете народъ, зачѣмъ же вы имъ пользуетесь?—внезапно спросилъ Жакетò.

— За неимѣніемъ лучшаго, мой другъ. Если нѣтъ парового котла, пусть рѣка приводитъ въ движеніе мельницу. Рѣка—ненадежный союзникъ; иногда она слишкомъ тиха, иногда слишкомъ бурлива. Никто не можетъ ее контролировать, но все же она вертитъ мельничное колесо.

— И случайно можетъ раздавить мельника, — небрежно замѣтилъ Жакетò. Не слѣдуетъ забывать, что, не смотря на тучность, онъ былъ очень уменъ. Не будь онъ уменъ, этой знаменательной бесѣды, вѣроятно, не произошло бы вовсе.

Digitized by Google

Темноглазый незнакомецъ не былъ настолько терпѣливъ, чтобы вступать въ какіе нибудь заговоры съ тупоумными людьми.

Опять на его лицѣ мелькнула пріятная улыбка, подобно отблеску пламени въ темнотѣ. Онъ отвѣтилъ:

— На то онъ и мельникъ...

Послѣ этого онъ прошелъ въ маленькую комнатку, находившуюся позади лавки, въ которую никогда не проникалъ дневной свѣтъ, потому что она не имѣла оконъ. Она заимствовала освѣщеніе изъ лавки, отъ которой отдѣлялась стеклянной дверью. Но стекла были плотно завѣшены толстой, красной турецкой матеріей.

И табачный торговецъ, оставшись одинъ, продолжалъ курить сигару съ важнымъ видомъ. Есть люди, которые, подобно устрицамъ, оставляютъ послѣ себя особый вкусъ. Человѣкъ, который только что вошелъ въ маленькую каморку позади табачной лавки, въ улицѣ св. Жэнгольфа, былъ однимъ изъ этихъ людей. Являлось странное ощущеніе, что человѣчество совершило какую-то ошибку, и онъ палъ ея жертвой.

Черезъ нѣсколько секундъ, два человѣка торопливо прошли черезъ лавочку и скрылись въ той же каморкѣ, едва кивнувъ головой Жакетъ.

II.

Союзники.

Первый изъ двухъ новоприбывшихъ былъ одѣтъ въ блузу изъ грубаго сѣраго холста, доходившую ему до колѣнъ. На головѣ у него былъ черный шолковый картузъ, сильно измятый и до крайности засаленный съ правой стороны. Это объяснялось тѣмъ, что при своей работѣ почтенный гражданинъ упражнялъ правое плечо гораздо чаще лѣваго. Для насъ, непривычныхъ къ виду крови, его должность показалась бы не очень пріятной: онъ былъ рѣзникомъ на скотобойнѣ.

Это, можетъ быть, къ лучшему, что Антуанъ Лера ничѣмъ особеннымъ не выдавался въ сферѣ своей дѣятельности. Тѣмъ не менѣе онъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, какъ типичный представитель девятнадцатаго столѣтія, какъ продуктъ конца вѣка, имѣющаго для насъ наибольшій интересъ. Это былъ человѣкъ, который гордится своей блузой и тщеславно

Digitized by Google

выставляетъ на видъ засаленный картузъ, надменно заявляя, что онъ не промѣняетъ ихъ на горностаевую мантію и царственный вѣнецъ. Онъ нарочно покупаетъ самую грубую и широчайшую блузу, какую только можно найти, а его картузъ черевчуръ пропитанъ саломъ. Это былъ рыцарь индустріи самаго низшаго сорта—тщеславный, болтливый, пустоголовый. Проповѣдуя или, скорѣе, выкрикивая доктрину равенства, онъ думалъ только о томъ, чтобы самому стать рядомъ съ высшими, оставивъ низшихъ прозябать въ прежнемъ порабощеніи.

Однажды, когда онъ только что столкнулся съ темноглазымъ незнакомцемъ, который сидѣлъ теперь у стола, съ любопытствомъ наблюдая за нимъ, между ними произошла борьба за первенство.

— Я нисколько не хуже васъ,—заявилъ онъ довольно горячо.—Вотъ все, что я хочу сказать.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ другой съ тѣмъ же спокойствіемъ и невозмутимостью превосходства, которое тщетно пытался народъ сокрушить гильотиной.—Нѣтъ, вы не то хотите сказать. Вы хотите доказать мнѣ, что вы *лучше*, но не умѣете этого сдѣлать. Вы говорите, что имѣете право также свободно идти по улицѣ, какъ и я. Согласенъ съ этимъ. Но въ глубинѣ души вы думаете, что у васъ болѣе правъ на это, чѣмъ у меня. Я могу съ удобствомъ носить вашу блузу, а если вы надѣнете мою шляпу или перчатки, вы будете смѣшны. Но—не въ этомъ дѣло. Приступимъ къ занятіямъ.

И мясникъ принужденъ былъ уступить человѣку, котораго подозрѣвалъ въ аристократическомъ происхожденіи.

Его спутникъ былъ совершенно другаго типа. И манера входить была другая. Первый ворвался въ комнату съ видомъ нервнаго возбужденія, словно боялся, что кто нибудь посягнетъ на его права; второй неслышно проскользнулъ въ дверь и старательно прикрылъ ее за собой. Онъ былъ воплощенное благодушіе—премилый старикъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Можетъ быть, въ молодости контуры его лица были немного рѣзки; но время, этотъ лучшій полировщикъ, сгладило кое-какіе острые углы, и теперь лицо старика выражало только добросердечіе и любовь. Онъ церемонно поклонился незнакомцу, и въ его манерѣ выражалось скорѣе братство, чѣмъ равенство. Кланяясь, онъ назвалъ незнакомца по имени, и такимъ любовнымъ то-

Digitized by Google

номъ, что нельзя было представить себѣ встрѣчи болѣе трогательной.

— Гражданинъ Моро,—произнесъ онъ.

Мясникъ, скорѣе поспѣшно, чѣмъ важно, занялъ мѣсто за столомъ, напротивъ гражданина Моро. Онъ торопился первымъ занять это мѣсто. Изъ кармана блузы онъ вынулъ бумагу довольно грязнаго вида и съ преувеличенной небрежностью бросилъ ее черезъ столъ.

— Что мы имѣемъ здѣсь?—спросилъ гражданинъ Моро, до сихъ поръ не открывавшій рта, и спросилъ съ такимъ глубокимъ интересомъ, что можно было подозрѣвать иронію. Онъ былъ именно такого сорта человѣкъ, чтобы иронизировать ради собственнаго удовольствія. Развернувъ бумагу, онъ поднялъ брови и сталъ читать.

— А!—произнесъ онъ, — расписка въ полученіи пятисотъ ружей. «Пятьсотъ ружей отъ гражданина Моро получилъ сполна. Антуанъ Лера».

Онъ опять сложилъ бумагу и тщательно изорвалъ ее на самыя мелкія части.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ съ важностью.

Потомъ, повернувшись на стулѣ, бросилъ клочки въ печь.

— Я думалъ, что въ этомъ дѣлѣ необходима официальная точность,—проговорилъ мясникъ, съ хорошо разыгранной небрежностью.

Гражданинъ Моро пожалъ плечами.

— Ну, конечно, мосье Лера! Мы, республиканцы, такъ недовѣрчивы.

Старый господинъ поглядывалъ то на того, то на другаго съ ласковой улыбкой.

— Этотъ храбрый Лера—человѣкъ дѣла,—сказалъ онъ.

Гражданинъ Моро игнорировалъ это замѣчаніе.

— И вы сложили ихъ въ безопасномъ мѣстѣ?—спросилъ онъ, обращаясь къ Лера.—Нѣтъ абсолютно никакой опасности?

— Абсолютно никакой.

— Прекрасно.

— Они подъ моимъ наблюденіемъ.

— Очень хорошо. Вѣдь это не на короткій срокъ, а на нѣсколько мѣсяцевъ. Народъ нельзя гнать въ шею. Кромѣ того, мы сами не готовы. Ружья мы купили, аммуницію должны украсть.

Digitized by Google

— Ружья хорошія—англійскія,—проговорилъ мясникъ.

— Да, англійское правительство чрезвычайно предупредительно. Англичане всегда готовы дать оружіе въ руки своихъ враговъ.

Старый господинъ засмѣялся пріятнымъ воркующимъ смѣхомъ. Онъ всегда восхищался юморомъ.

— Въ пятницу, во время послѣдняго засѣданія, мы приняли сорокъ новыхъ членовъ,—отрывисто проговорилъ Лера.—Теперь у насъ четыреста два члена.

— Хорошо,—промолвилъ невозмутимо гражданинъ Моро.

— И всѣ четыреста—храбрые молодцы.

— Я былъ въ этомъ увѣренъ.

— Четыре сотни отважныхъ людей!—вмѣшался немного поспѣшно старый господинъ.—Но вѣдь это уже сила!

— Сила—это одинъ сильный *человѣкъ*, а не *люди*,—сентенціозно провозгласилъ Лера.—Богатство—ничто. Происхожденіе тоже. Теперь наступаетъ царство силы. Сила есть все!

— Все!—съ жаромъ подтвердилъ Моро. Онъ просматривалъ въ это время записную книжку и что-то въ ней отмѣчалъ.

— Четыреста два члена,—бормоталъ онъ, записывая,—находятся въ распоряженіи гражданина — добраго гражданина Антуана Лера.

Мясникъ поднялъ голову и на его грубомъ лицѣ мелькнуло недовѣріе. Толстыя животныя губы его искривились, и онъ готовъ былъ заговорить, когда бархатные глаза гражданина Моро встрѣтили его взглядъ съ покойной улыбкой, представлявшей смѣсь надменности и простодушія.

— А теперь,—началъ этотъ послѣдній, привѣтливо обращаясь къ старому господину,—позвольте намъ выслушать достопочтеннаго отца.

— А!—усмѣхнулся Лера, не скрывая своего пренебреженія.—Церковь!

Старикъ протянулъ руки съ нѣжной мольбой.

— Да,—согласился онъ,—мы теперь въ тѣни. Я даже не осмѣливаюсь носить рясу.

— Вы въ темномъ ущельѣ, мой достопочтенный другъ,—возразилъ мясникъ съ нескрываемымъ злорадствомъ,—и къ вамъ никогда не проникнетъ лучъ солнца.

Digitized by Google

Гражданинъ Моро пріятно усмѣхнулся, а старикъ, противъ котораго были направлены эти слова, покорно склонилъ голову.

— И тѣмъ не менѣе,—продолжалъ Лера съ покровительственнымъ видомъ,—церковь еще можетъ принести нѣкоторую пользу. Она купила ружья и купитъ аммуницію—не такъ ли, мой отецъ?

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія!

— Не говоря о многочисленныхъ пожертвованіяхъ въ пользу нашего фонда,—прибавилъ Моро.—Мало одной народной силы, необходима и матеріальная помощь. Эту помощь приноситъ намъ церковь.

— Но съ какою цѣлью она это дѣлаетъ!—вскричалъ мясникъ, съ силой ударивъ по столу кулакомъ.—Вотъ что я хочу знать!

Старый пріестъ украдкой бросилъ взглядъ на Моро, и лицо его приняло видъ младенческаго смущенія.

— Ахъ!—простодушно воскликнулъ онъ,—кто можетъ это знать?

— Никто, конечно,—подтвердилъ Моро.

Мясникъ былъ очень доволенъ собой. Онъ выпрямился, и, еще разъ ударивъ по столу кулакомъ, посмотрѣлъ вокругъ съ торжествующимъ видомъ.

— Но,—продолжалъ Моро тѣмъ безразличнымъ тономъ, который былъ его характерной чертой,—я не вижу, чтобы этотъ вопросъ имѣлъ для насъ какое нибудь особое значеніе. Деньги все равно остаются деньгами. На нихъ покупаютъ ружья, они поступаютъ въ распоряженіе гражданина Лера и его бравыхъ товарищей. И когда все сказано и сдѣлано, когда фитиль зажженъ, и создалась новая коммуна, тогда не все ли равно, на чьи деньги куплены ружья и съ какой цѣлью предложены эти деньги?

Старый господинъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Онъ былъ, повидимому, кроткаго и миролюбиваго нрава, и при нѣкоторомъ давленіи, готовъ былъ даже, ради примирительныхъ цѣлей, обратиться противъ церкви, представителемъ которой служила его скромная особа.

Мясникъ отхаркался, совершенно по мужицки—отчего Моро замѣтно вздрогнулъ—и согласился съ ними.

Digitized by Google

— Но,—прибавилъ онъ лукаво,—церковь, видите ли... Ахъ! она такъ вѣроломна. Никогда не довѣряйте ей!

Гражданинъ Моро, къ которому были обращены эти замѣчанія, странно улыбнулся и ничего не отвѣтилъ. Затѣмъ, обратившись къ старику, онъ спросилъ:

— Вы не имѣете ничего сообщить намъ, отецъ мой?

— Ничего особенно важнаго,—отвѣчалъ тотъ смиренно.— Все идетъ хорошо. Мы заключили условіе съ правительствомъ Монтенегро по доставкѣ двухсотъ ружей и, конечно, это условіе будетъ выполнено. На слѣдующей недѣлѣ я отправляюсь въ Англію, чтобы—какъ это выразить правильнѣе?—сдѣлать заемъ аммуниціи.

— Ха! ха!—захохоталъ мясникъ.

Моро тоже улыбнулся, отмѣчая что-то въ записной книжкѣ.

— На слѣдующей недѣлѣ?—переспросилъ онъ.

— Да—во вторникъ.

— Благодарю васъ.

Мясникъ поднялся съ мѣста и съ хвастливымъ видомъ вытащилъ часы изъ нѣдръ своей блузы.

— Я долженъ идти,—произнесъ онъ.—У меня засѣданіе въ комитетѣ, въ семь часовъ. А надо еще пообѣдать.

— Да,—сказалъ Моро серьезнымъ тономъ.—Сначала пообѣдайте. Не забывайте и себя, гражданинъ.

— Не сомнѣвайтесь во мнѣ.

— Я не сомнѣваюсь.

И Моро сдѣлалъ легкій поклонъ въ отвѣтъ на прощаніе Лера.

Лера съ шумомъ прошелъ черезъ лавку, какъ бы давая понять тяжестью своей неуклюжей походки, насколько важное значеніе имѣетъ онъ для всего міра вообще и для Франціи въ особенности. Еслибы онъ вышелъ не такъ шумно, онъ могъ бы уловить нѣжный смѣхъ стараго пріеста. Гражданинъ Моро не смѣялся. Онъ былъ не смѣшливый человѣкъ. Но тонкая презрительная улыбка скользнула по его лицу, даже не освѣтивъ его.

— Какъ невозможно глупъ этотъ человѣкъ!—замѣтилъ онъ нетерпѣливо.

— Да,—отозвался старикъ,—но, еслибы онъ не былъ глупъ, имъ трудно было бы управлять.

— Не знаю. Я всегда предпочту имѣть дѣло съ подлецами, а не съ дураками.

Digitized by Google

— Это потому, что ваше высочество знаете, какъ перехитрить ихъ.

— Безъ титуловъ, отецъ мой!—спокойно замѣтилъ гражданинъ Моро.—Съ вашего позволенія, здѣсь титуловъ не существуетъ. Скажите, вы совершенно увѣрены въ этой дряни—этомъ Лерà?

— Увѣренъ настолько, насколько можно быть увѣреннымъ въ человѣкѣ съ улицы. Онъ горячій, тщеславный, неуживчивый человѣкъ, но онъ имѣетъ извѣстное вліяніе на своихъ приверженцевъ.

— Ба! вы правы! Республика — это соціальная навозная куча: то, что̀ наверху—глядитъ не особенно красиво; то, что̀ внизу—брр!!!

Манеры обоихъ собесѣдниковъ совершенно измѣнились. Тотъ, кто назывался гражданиномъ Моро, откинулся на спинку кресла и съ утомленнымъ видомъ вытянулъ руки. Ничто такъ не измѣняетъ человѣка, какъ временное воодушевленіе. Проходитъ возбужденіе, и человѣкъ опять становится самимъ собой. Въ минуты бездѣйствія этотъ французъ представлялъ зрѣлище не особенно веселое. Онъ былъ не сангвиникъ, а вѣдь извѣстно, что нѣтъ въ мірѣ существа хуже француза-пессимиста..

Когда захлопнулась дверь послѣ ухода Лерà, старый пріестъ какъ будто вдругъ сбросилъ съ своихъ плечъ нѣсколько лѣтъ. Его голосъ, когда онъ заговорилъ, былъ менѣе старческій, движенія стали быстрѣе. Однимъ словомъ, онъ уже не казался, какъ прежде, невиннымъ и безобиднымъ.

Жакетò уже окончилъ свой обѣдъ, принесенный изъ сосѣдняго ресторана, и лѣниво наслаждался душистой сигарой, когда дверь маленькой комнаты, наконецъ, открылась и двое людей вышли вмѣстѣ на тускло освѣщенную улицу.

III.

Въ Лондонѣ.

Въ улицѣ Флитъ-Стритъ, на лѣвой сторонѣ, возвышается церковь св. Маріи. Почти у самаго подножія церкви стоитъ мрачное зданіе, гдѣ цѣлое поколѣніе людей суетится, волнуется и трудится, съ утра дò ночи и съ ночи до утра, никогда не

Digitized by Google

зная отдыха. Подъ звонъ церковныхъ колоколовъ стучатъ непрерывно сотни типографскихъ прессовъ, выбивая печать на большихъ бумажныхъ листахъ, которые затѣмъ разносятся по всему свѣту. День и ночь, безъ перерыва, живыя пишущія машины, и другія, неодушевленныя машины, которыя не пишутъ, но только печатаютъ (и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоятъ выше своихъ одушевленныхъ собратій) день и ночь спѣшатъ покончить свою однообразную тяжелую работу, не замѣчая священной тѣни, которую бросаетъ на нихъ церковь. Безъ сомнѣнія, это центръ всего мыслящаго міра. Отъ этого пункта разносятся всевозможныя извѣстія по телеграфнымъ проволокамъ, желѣзнымъ дорогамъ, почтовымъ трактамъ и пароходнымъ путямъ. Новости, новости, новости! Новости, переведенныя со всѣхъ языковъ, уложенныя въ форму газетной статьи, между тѣмъ какъ часы на церковной колокольнѣ, торжественнымъ и глубокимъ звономъ, считаютъ бѣгущее время, заглушая суету и шумъ жизни.

Эта работа вѣчно кипитъ у подножія церкви св. Маріи. Сотрудники смѣняются сотрудниками. Наборщики становятся за свою работу молодыми и полными надеждъ, а уходятъ согбенными, отравленными, но работа идетъ по прежнему. Съ каждымъ днемъ она движется быстрѣе и быстрѣе, съ каждымъ днемъ открываются новыя средства для быстрѣйшаго распространенія идей, и съ каждымъ днемъ становится все труднѣе борьба за существованіе. Въ одно прекрасное утро, сотрудника нѣтъ на его обычномъ мѣстѣ: «Воспаленіе мозга; необходимъ абсолютный покой; мало надежды на выздоровленіе». Въ теченіе многихъ лѣтъ, тысячи людей читали его статьи ежедневно. На его мѣсто садится другой, давно ожидавшій своей очереди—и все идетъ по старому. Когда нибудь старшій наборщикъ схватится почернѣвшей рукой за свою впалую грудь и, шатаясь, побредетъ домой. «Да и пора уже, довольно съ него», проворчитъ младшій наборщикъ, раздумывая о томъ, что теперь онъ можетъ заработать лишнихъ пять шиллинговъ въ недѣлю. И, безъ сомнѣнія, онъ правъ. Каждый ждетъ своей очереди.

Почти напротивъ церкви стоитъ высокій узкій домъ изъ грязно-краснаго кирпича. Съ этимъ домомъ имѣетъ непосредственную связь наше повѣствованіе.

Digitized by Google

Въ семь часовъ вечера, нѣсколько лѣтъ назадъ, когда головы, теперь уже сѣдыя, были еще темными, а глаза, теперь потухшіе, сіяли огнемъ молодости—Стрэндъ былъ, по обыкновенію, шуменъ и суетливъ. Карета слѣдовала здѣсь за каретой. И пѣшеходы, и кареты, всѣ двигались въ одномъ направленіи—къ западу. Всѣ покидали за собой суетливый день и суетливый городъ: одни—соскучившись послѣ долгаго чтенія «Таймса»; другіе—измученные сидѣньемъ надъ пыльными конторскими книгами. Нѣкоторые изъ публики, проходя по узкому тротуару, взглядывали на дверь высокаго кирпичнаго дома и читали надпись на мѣдной доскѣ. Тамъ стояло только одно таинственное слово: «Маякъ». Въ дѣйствительности, оно не имѣло ничего таинственнаго. «Маякъ» былъ еженедѣльной газетой и часы на башнѣ св. Маріи, пробившіе семь, напоминали, что прошелъ послѣдній день недѣли. Нумеръ газеты выпущенъ; теперь надо готовить слѣдующій. Съ ранняго утра и до шести часовъ вечера, узкій входъ и коридоръ этого дома осаждала вздыхающая, сквернословящая и смѣющаяся толпа жалкаго народа, такъ или иначе причастнаго къ газетному дѣлу. Въ шесть часовъ, Ефраимъ Бёндеръ, отставной констебль, офиціальный стражъ «Маяка», помѣщался на порогѣ входной двери и привѣтствовалъ каждаго покупателя лаконическимъ: «Всѣ нумера проданы»!

Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, эксъ-констебль Бёндеръ повторялъ эту стереотипную фразу каждый вторникъ вечеромъ. Въ семь часовъ появлялась изъ своей канурки почтенная м-рисъ Бёндеръ и шла въ четвертый этажъ, гдѣ при помощи половой щетки дѣятельно принималась выметать пыль, занесенную сапогами журнальной братіи. Потомъ она чистила мѣдную доску на двери. И въ узкомъ домѣ воцарялась тишина.

Во второмъ этажѣ была небольшая комната, выходившая окнами на узкій дворъ позади дома. Это была замѣчательно тихая комната; дверь отворялась и затворялась безо всякаго звука или сотрясенія; двойныя рамы не позволяли проникать въ комнату надоѣдливымъ крикамъ предпріимчивыхъ разносчиковъ, которые упражняли свои легкія въ глубинѣ узкаго двора. Каждый, при входѣ въ это уютное помѣщеніе, невольно испытывалъ какое-то чувство легкости и комфорта. Тамъ была какая-то особенная атмосфера; многія комнаты, гораздо роскош-

Digitized by Google

нѣе убранныя, не производятъ такого пріятнаго впечатлѣнія. Конечно, не въ убранствѣ таится это неуловимое ощущеніе радушія и не прячется въ складкахъ занавѣсей. Такое же впечатлѣніе производятъ нѣкоторые помѣщичьи дома, коттэджи и хорошенькія каюты береговаго судна. Эта маленькая комнатка была восхитительна, не смотря на недостатокъ солнечнаго свѣта. Посреди ея стоялъ широкій низкій столъ, озаренный мягкимъ свѣтомъ лампы съ абажуромъ. За столомъ, другъ противъ друга, сидѣли два человѣка. Одинъ писалъ неторопливымъ легкимъ почеркомъ; другой ничего не дѣлалъ и разсѣянно катилъ карандашъ по столу. Это былъ признакъ, что м-ръ Бодри о чемъ нибудь задумался. М-ръ Бодри былъ издателемъ и собственникомъ «Маяка». Шутливыя и нѣсколько сатирическія статьи, появлявшіяся еженедѣльно въ этой газетѣ подъ рубрикой «Свѣтъ», были написаны дюжей рукой, которая въ данную минуту играла карандашемъ.

М-ръ Морганъ, второй издатель, былъ еще здоровѣе и веселѣе своего патрона. Смѣхъ былъ его характерной чертой. Морганъ смѣялся надъ отдѣломъ «Свѣтъ», когда онъ былъ еще въ зачаточномъ состояніи; онъ смѣялся, когда «Маякъ» расходился весь до послѣдняго нумера по вторникамъ, въ шесть часовъ вечера, и—что̀ всего удивительнѣе—смѣялся своимъ собственнымъ остротамъ, которымъ никто, кромѣ него, не смѣялся. Его остроты были не замысловаты. М-ръ Морганъ былъ авторомъ довольно безцвѣтныхъ и тяжеловѣсныхъ передовыхъ статей о парламентскихъ дѣлахъ. Въ своихъ статьяхъ онъ никогда не острилъ.

Оба достопочтенные джентльмена не отличались блестящимъ умомъ. Они были здравомыслящіе практическіе люди, и этого было довольно. Фортуна обратила на нихъ благосклонный взглядъ, повидимому, безъ всякой причины, какъ часто обращала его на тысячи другихъ людей. М-ръ Бодри внесъ капиталъ, а м-ръ Морганъ—шумную, безтолковую энергію. Словомъ, «Маякъ» былъ зажженъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ горѣлъ тусклымъ мерцающимъ пламенемъ. Потомъ новая рука усилила пламя и свѣтъ его брызнулъ далеко во всѣ стороны.

Только изъ чистаго добродушія, м-ръ Бодри протянулъ руку помощи сыну своего стараго друга, Уальтера Веллакота, когда этотъ юноша появился однажды въ конторѣ «Маяка» и

Digitized by Google

вскользь объявилъ, что ищетъ занятій. Какъ многіе неумышленно добрые поступки, такъ и участіе м-ра Бодри къ юному Веллакоту было вознаграждено сторицей. Христіанъ Веллакотъ оказался чрезвычайно талантливымъ журналистомъ и, благодаря счастливой случайности, юноша, всего двадцати двухъ лѣтъ, открылъ свое настоящее призваніе. Постепенно, годъ за годомъ, сильный умъ молодаго человѣка вліялъ на окружающихъ. Изъ положенія сверхштатнаго сотрудника, онъ подымался все выше и выше, принималъ на свои плечи все новыя обязанности, спокойно и довѣрчиво вынося тяжесть умственнаго труда и отвѣтственности. Это было очень удобно для м-ра Бодри и его компаньона. Они оба испытывали отвращеніе къ тяжелому черному труду. Они хотѣли трудиться лишь настолько, чтобы испытывать пріятное чувство самоудовлетворенія и наслаждаться спокойной жизнью обезпеченныхъ людей. Это было удобно и для Веллакота. Онъ нашелъ подходящую среду и сталъ быстро подыматься по ступенямъ общественной лѣстницы.

Онъ былъ единственный сынъ, единственное дитя блестящаго отца, который былъ извѣстенъ каждому европейскому двору, какъ безразсудный дипломатъ, который могъ бы, еслибъ захотѣлъ, сдѣлать великія дѣла въ теченіе своей недолгой жизни. Судьба дѣлаетъ своими любимцами всегда единственныхъ сыновей. Мужчины, не имѣющіе братьевъ, съ которыми можно раздѣлять забавы, рано становятся серьезны. Христіанъ Веллакотъ скоро понялъ, что въ редакціи «Маяка» недостаетъ руководителя, главы, который могъ бы развить элементы успѣха, несомнѣнно таящіеся въ газетѣ, и что такой глава могъ бы съ легкостью подчинить себѣ добродушнаго издателя. Беззавѣтно посвящалъ онъ всѣ свои силы, всю свою энергію, лежащему передъ нимъ дѣлу. Онъ жилъ только въ работѣ и для работы. Каждую ночь онъ уходилъ домой усталый, измученный. И каждое утро возвращался къ своей работѣ съ неукротимой энергіей.

Человѣческая природа, однако, нуждается въ отдыхѣ. Велико вліяніе сильнаго духа на сильное тѣло, но оно все же имѣетъ свои предѣлы. «Маякъ» достигъ огромнаго успѣха, но его рабъ былъ истомленъ. Два года безъ отдыха, два года кипучей, тяжелой мозговой работы, оставили свой слѣдъ. Это всегда такъ бываетъ, когда человѣкъ слишкомъ рано находитъ

Digitized by Google

свое призваніе. Онъ торопится, слишкомъ много работаетъ и разомъ ослабѣваетъ или становится самодовольнымъ, самоувѣреннымъ и несноснымъ. Къ счастью для Веллакота, онъ не былъ такъ безумно тщеславенъ, чтобы первому лѣзть на шпицъ колокольни и первому же разбиться. Кромѣ того, на его работу вліяла «семейная» обстановка. Когда Христіанъ вечеромъ выходилъ на улицу и поворачивалъ къ западу, направляясь домой, его дневной трудъ еще далеко не былъ оконченъ, какъ мы увидимъ ниже.

М-ръ Бодри продолжалъ задумчиво катать по столу свой карандашъ и медленно приходилъ къ заключенію, что необходимо принять какія нибудь рѣшительныя мѣры. Въ ту же минуту онъ поднялъ глаза и его мягкій взглядъ обратился на склоненную голову м-ра Моргана.

— Морганъ,—заговорилъ онъ,—я размышлялъ сейчасъ... Мнѣ кажется, что Веллакоту необходимъ отдыхъ.

М-ръ Морганъ энергически вытеръ перо объ рукавъ своего сюртука и откинулся на спинку стула.

— Да,—отозвался онъ.—Но вамъ трудно будетъ заставить его отдохнуть. Онъ чертовски любитъ работу—ха-ха!

Этотъ смѣхъ не имѣлъ особаго значенія. Въ немъ не было веселости. Ему предназначалось служить признакомъ, что м-ръ Морганъ окончилъ свою тираду.

— Я позвоню и попрошу его сюда, чтобы переговорить съ нимъ объ этомъ.

М-ръ Бодри простеръ увѣсистую бѣлую руку и позвонилъ. Почти въ ту же секунду безшумная дверь открылась и послышался голосъ: «Здѣсь, сэръ»! На порогѣ комнаты остановился мальчикъ съ большимъ некрасивымъ ртомъ.

— М-ръ Веллакотъ ушелъ?

— Нѣтъ, сэръ!—отвѣтилъ мальчикъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Развѣ вы этого не знаете»?

— Гдѣ онъ?

— Въ типографіи, сэръ.

— Пожалуйста, попросите его сюда.

— Слушаю, сэръ.

Мальчуганъ закрылъ дверь. Очутившись за дверями, онъ приложилъ руку къ сердцу, отвѣсилъ низкій поклонъ дверной скобкѣ, и сталъ задомъ взбираться на лѣстницу. Достигнувъ

Digitized by Google

верхней ступеньки, онъ сѣлъ верхомъ на перила и сталъ скользить внизъ, нанося этимъ несомнѣнный ущербъ своей курткѣ и панталонамъ. Когда онъ достигъ конца своего опаснаго путешествія, внизу лѣстницы открылась дверь, и можно было различить при свѣтѣ сумерекъ фигуру мужчины.

— Вы всегда спускаетесь такимъ образомъ съ лѣстницы, Уильсонъ?—спросилъ мужской голосъ.

— Это быстрѣйшій способъ, сэръ!

— Несовсѣмъ; есть еще быстрѣйшій, и вы испытаете его въ одинъ прекрасный день, когда перекувырнетесь черезъ перила.

— М-ръ Бодри желаетъ видѣть васъ, сэръ!

Манеры мальчугана внизу лѣстницы были совсѣмъ не такія, какъ наверху, передъ дверью м-ра Бодри.

— Ладно,—отвѣчалъ Веллакотъ, надѣвая пальто, которое было у него перекинуто черезъ руку. Всѣ его движенія отличались какой-то особенной быстротой и мягкостью.

Мальчикъ, смышленый не по лѣтамъ, какъ всѣ лондонскія уличныя дѣти, слѣдилъ за гибкой фигурой, пока она не исчезла на верху лѣстницы. Потомъ онъ глубокомысленно покрутилъ головой и сказалъ про себя покровительственнымъ тономъ:

— Вотъ это настоящій человѣкъ! Не то, что прочая шваль!

Въ видѣ заключенія, онъ опять вскочилъ верхомъ на перила, и миньятюрная дѣтская фигурка, балансируя на балюстрадѣ и передвигая руки, стала медленно взбираться наверхъ.

Между тѣмъ Христіанъ Веллакотъ уже вошелъ въ комнату издателя. Свѣтъ лампы, благодаря абажуру, падалъ на столъ, но его отраженіе освѣщало лицо вошедшаго. Это было очень красивое лицо, съ большими глазами, проницательными и быстрыми. Тонкіе красивые усы не скрывали его рта, который былъ изященъ и замѣчательно неподвиженъ. При входѣ, онъ взглянулъ на м-ра Бодри быстро и выразительно, и затѣмъ глаза его обратились на м-ра Моргана. Его лицо было очень тихо и спокойно, но блѣдно, и глаза глубоко впали. Проницательный наблюдатель, сравнивъ этихъ трехъ людей, замѣтилъ бы, что младшій имѣлъ въ себѣ что-то особенное, чего не было у двухъ остальныхъ. Это нѣчто таилось въ твердомъ взглядѣ его глазъ, въ посадкѣ головы, въ линіяхъ неподвижнаго благороднаго рта. Это нѣчто называется «силой».

Digitized by Google

— Садитесь, Веллакотъ,—произнесъ м-ръ Бодри.—Намъ надо переговорить.—Послѣ краткой паузы онъ продолжалъ:—Вы, конечно, знаете, что теперь наступаетъ мертвый сезонъ. Публика не читаетъ въ августѣ газетъ. Мы желаемъ дать вамъ отдыхъ. Морганъ ѣздилъ въ отпускъ. Я поѣду, когда вы возвратитесь. Отдохните, ну хоть три недѣли или мѣсяцъ. Вы переутомились. Эхъ! ну, къ чему жечь свѣчу съ обоихъ концовъ?

— Едва ли съ обоихъ концовъ,—возразилъ Веллакотъ съ быстрой улыбкой, которая совершенно измѣнила его лицо.—Едва ли съ обоихъ концовъ—съ одного конца однимъ духомъ, быть можетъ.

— Ха, ха! Очень хорошо,—вмѣшался неисправимый м-ръ Морганъ.—Съ одного конца однимъ духомъ—это похоже на меня, но только когда духъ попадаетъ ко мнѣ въ ротъ, онъ раздуваетъ мои щоки, а не втягиваетъ ихъ внутрь, какъ ваши, не такъ ли?—И онъ любовно погладилъ свои щоки.

— Благодарю васъ; я не думаю, чтобы мнѣ необходимъ былъ отдыхъ въ настоящую минуту,—медленно проговорилъ Веллакотъ, забывъ отвѣтить улыбкой на остроту м-ра Моргана. Машинально онъ приложилъ руку ко лбу, влажному отъ жаркой атмосферы типографіи, гдѣ онъ только что былъ.

— Дорогой мой товарищъ,—съ важностью заговорилъ м-ръ Бодри, въ тактъ словамъ ударяя карандашемъ,—вы еще не знаете одной вещи, т. е. вы не знаете, безъ сомнѣнія, многихъ вещей, но то, о чемъ я говорю, необходимо знать прежде всего. Мы созданы не для одной только работы—мы не должны жить только ради труда. Трудъ есть неизбѣжное зло, вотъ и все. Когда вы доживете до моихъ лѣтъ, вы будете смотрѣть на вещи съ той же точки зрѣнія. Небольшое развлеченіе каждому приноситъ пользу. Есть много способовъ украсить жизнь. Природа, путешествіе, верховая ѣзда, рыбная ловля.

— И любовь,—прибавилъ м-ръ Морганъ, театрально прижавъ руку, по ошибкѣ, къ правой сторонѣ своего обширнаго жилета, вмѣсто лѣвой. Онъ могъ теперь подшучивать надъ любовью, когда уже давно заросло высокой травой маленькое деревенское кладбище, гдѣ пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ схоронилъ свою жену. Въ тѣ дни онъ былъ серьезный, сдержанный человѣкъ, но горестная утрата совершенно извратила его на-

Digitized by Google

туру. Настоящій Вильямъ Морганъ проявлялся только въ его статьяхъ.

М-ръ Бодри былъ правъ. Христіану предстояло еще узнать многое, и онъ самъ безсознательно чувствовалъ это. Его умъ былъ весь поглощенъ работой, но изъ этихъ пламенныхъ сѣрыхъ глазъ душа его смотрѣла благодарно на человѣка, можетъ быть, спасавшаго ему жизнь.

— Мы легко можемъ все устроить,—продолжалъ редакторъ.—Я возьму на себя отдѣлъ иностранной политики. Рецензіи могутъ остаться за вами; мы будемъ присылать вамъ книги, да и нѣтъ надобности спѣшить съ ними. Остальную работу мы тоже съумѣемъ выполнить—правда, Морганъ?

— Конечно, съумѣемъ также хорошо, а, можетъ быть, и лучше, чѣмъ онъ самъ! Ха, ха!

— Но безъ шутокъ, Веллакотъ,—продолжалъ м-ръ Бодри,—все будетъ идти отлично въ ваше отсутствіе. Когда я былъ молодъ, я также заблуждался. Я воображалъ, что, кромѣ меня, никто не можетъ вести моихъ дѣлъ, но потомъ увидѣлъ (какъ и вы увидите когда нибудь) что все идетъ отлично и безъ меня. Поэтому-то, мой мальчикъ, когда человѣкъ остается за штатомъ, измученный, безполезный, на его мѣсто тотчасъ же находится другой. Но вы еще слишкомъ молоды, чтобы остаться за штатомъ. Сдѣлайте милость, Веллакотъ, уѣзжайте на три недѣли.

— Вы очень добры, сэръ,—началъ молодой человѣкъ, но м-ръ Бодри перебилъ его:

— Такъ значитъ—это рѣшено. Черезъ недѣлю отъ сегодняшняго числа? За это время вы можете обдумать планъ своей поѣздки.

Выразивъ благодарность въ немногихъ словахъ, Веллакотъ покинулъ комнату. Разсѣянно и машинально поднялся онъ на верхъ, въ свое спеціальное помѣщеніе. Эта маленькая комната не оправдывала своего назначенія. Здѣсь не было того хаоса, какой всегда ожидаютъ найти въ кабинетѣ литератора. На столѣ не валялись бумаги въ поэтическомъ безпорядкѣ. Въ комнатѣ царствовалъ методъ, практическій методъ чистаго разума. Стѣны были покрыты книжными полками, гдѣ было собрано все, начиная отъ послѣдняго романа какой нибудь полу-истерической свѣтской дамы и кончая одинокимъ томомъ какого ни-

Digitized by Google

будь писателя—итогомъ его жизненнаго опыта. Сосѣдство этихъ молчаливыхъ друзей приносило покой и довольство молодому человѣку. Онъ съ утомленнымъ видомъ сѣлъ къ столу и, опустивъ подбородокъ на сложенныя руки, задумался. Постепенно въ его воображеніи воскресали картины его прекрасной родины, волнистые холмы, тихія долины, живописныя ущелья, быстрыя рѣки. Внезапное желаніе подышать чистымъ деревенскимъ воздухомъ охватило все его существо. М-ръ Бодри побѣдилъ.

Въ комнатѣ втораго этажа м-ръ Морганъ продолжалъ писать съ легкимъ, непринужденнымъ видомъ. Издатель-собственникъ все еще задумчиво игралъ карандашемъ. А на площадкѣ маленькій шустрый мальчуганъ, стоя на головѣ, выдѣлывалъ акробатическіе фокусы. Наконецъ, м-ръ Бодри поднялся съ мѣста, собираясь уходить. Разглаживая шляпу, онъ бросилъ взглядъ на компаньона и проговорилъ:

— Этотъ юноша стоитъ насъ двоихъ, взятыхъ вмѣстѣ.

— Я призналъ этотъ фактъ нѣсколько лѣтъ назадъ,—отвѣчалъ м-ръ Морганъ, вытирая перо объ сюртукъ.—Справедливо, хотя несовсѣмъ для насъ лестно. Ха, ха!

IV.

Каждому свой крестъ.

Христіанъ Веллакотъ быстро спустился по грязной лѣстницѣ и присоединился къ толпѣ, двигавшейся по Стрэнду на западъ. Безпрерывное мельканіе лицъ, гулъ человѣческихъ голосовъ, грохотъ экипажей, тысячи разнообразныхъ звуковъ нимало не нарушали теченія его мыслей. Его умъ былъ занятъ размышленіями, которыя двигались, переплетались, исчезали, смѣнялись новыми соображеніями, вполнѣ чуждыя окружающей суеты уличной жизни. Одинъ изъ новѣйшихъ поэтовъ сознался, что его муза любитъ улицу—признаніе смѣлое, но совершенно правдивое. Почему талантъ всегда тяготѣетъ къ городу? Потому что тамъ его силы находятъ себѣ почву, потому что общеніе съ толпой придаетъ блескъ уму, какъ треніе сообщаетъ блескъ металлу. Природа—великій обманщикъ; она привлекаетъ насъ всѣми чарами своихъ прелестей, но, совершая ихъ, мы теряемъ производительную силу.

Digitized by Google

Христіанъ былъ рожденъ и воспитанъ въ городѣ. Шумъ и суета жизни были для него то же, что̀ голосъ моря для моряка. Среди людской толпы онъ былъ въ своей стихіи, съ большимъ искусствомъ пробираясь впередъ, даже не замѣчая тѣсноты. Не смотря на глубокую задумчивость, онъ не былъ разсѣянъ. Его умственная жизнь шла объ руку съ настоящимъ, ничего не удѣляя мечтаніямъ. Его быстрый и ясный умъ былъ готовъ въ каждую данную минуту приняться за работу и никогда не забывалъ дѣйствительности.

Хотя домъ, куда онъ теперь направлялся, былъ самымъ тяжелымъ изъ всѣхъ мельничныхъ камней, когда либо висѣвшихъ на юной шеѣ, Христіанъ не терялъ времени. Западный небосклонъ горѣлъ пурпуромъ, отражаясь въ водѣ, когда Христіанъ повернулъ изъ глухихъ улицъ Чельси и вышелъ на набережную. Онъ тотчасъ же остановился передъ дверью маленькаго кирпичнаго дома съ террасой, помѣщавшагося на углу улицы. Приподнявъ щеколду, онъ вошелъ безшумно, почти крадучись, и, осторожно притворивъ за собой дверь, нѣсколько времени стоялъ въ маленькой темной передней, повидимому, прислушиваясь. Тотчасъ же чей-то голосъ нарушилъ безмолвіе дома,— ворчливый, тонкій, дребезжащій старушечій голосъ. Этотъ голосъ былъ хорошо знакомъ Христіану Веллакоту. Сегодня губы его искривились отъ боли при этихъ дребезжащихъ звукахъ. Дверь изъ комнаты перваго этажа была открыта, и онъ могъ довольно ясно разобрать слова.

— Знаете, м-риссъ Стродъ, у насъ есть племянникъ, но онъ всегда старается улизнуть, я въ этомъ увѣрена. Онъ былъ для насъ чистымъ наказаніемъ. Пустой, легкомысленный мальчикъ—вотъ каковъ онъ. Мы не видимъ его по цѣлымъ мѣсяцамъ, даже болѣе. Право! Я почти забыла его имя.

— Христіанъ—его имя,—задребезжалъ другой голосъ, почти одного тембра съ первымъ,—самое неподходящее къ нему имя, по моему мнѣнію. Не могу понять, къ чему Вальтеръ назвалъ его этимъ именемъ. Ахъ, сестра Юдифь, какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ какъ мы были молоды!

Легкомысленный племянникъ, стоявшій за дверью, казалось, не былъ особенно пораженъ безпристрастнымъ мнѣніемъ, высказаннымъ на его счетъ, но болѣзненная судорога еще дрожала на его губахъ, когда онъ обернулся, чтобы повѣсить свою шляпу на гвоздь.

Digitized by Google

— Ну, сегодня онъ придетъ домой,—заговорилъ третій голосъ, тѣмъ ласковымъ тономъ, какимъ ублажаютъ капризныхъ дѣтей.—Онъ придетъ сегодня домой, вотъ увидите!—Голосъ былъ пріятный, звонкій. Невольно чувствовалось, что онъ принадлежалъ женщинѣ, на которую можно положиться въ трудную минуту.

— Онъ придетъ сегодня—придетъ?—въ раздумьѣ продребезжалъ первый старушечій голосъ.—Отлично, пора ему, наконецъ, прійти. Мы дадимъ ему маленькій урокъ; правда, сестра Эсфирь?—надо его немного проучить, не такъ ли?

Въ этотъ моментъ, дверь въ прихожую отворилась и на порогѣ показалась маленькая тихая женщина. Она не удивилась при видѣ Христіана, стоявшаго въ слабо освѣщенномъ коридорѣ, и привѣтствовала его.

— Какъ онѣ провели нынѣшній день? — спросилъ Христіанъ.

— О, довольно хорошо, мастеръ Христіанъ,—послышался въ отвѣтъ веселый полушопотъ.—Тетка Юдифь куталась, все время стараясь согрѣться. Но онѣ были несносны, сэръ—словно малыя дѣти; капризны до крайности—одинъ и тотъ же вопросъ повторяютъ безъ конца, я просто готова была плакать. Теперь онѣ спокойнѣе, но... но онѣ принялись бранить васъ, мастеръ Христіанъ!

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ внизъ, на маленькую женщину, обратившую къ нему лицо. Въ его глазахъ мелькнуло состраданіе, но онъ не сказалъ ничего. Съ легкимъ поклономъ и съ подавленнымъ вздохомъ онъ отвернулся отъ нея. Уже взявшись за ручку двери, онъ опять остановился.

— Какъ только вы принесете чай, — сказалъ онъ, глядя черезъ плечо,—я возьму ихъ на свое попеченіе, а вы можете отдохнуть, какъ всегда. Я знаю, какъ тяжела ваша обязанность.

Изъ комнаты доносился по временамъ звонъ серебра, какъ будто кто нибудь собиралъ со стола ложки и вилки. Христіанъ подождалъ, пока замолкли эти звуки, и тогда только вошелъ.

— Добрый вечеръ, тетушка Юдифь! Добрый вечеръ, тетушка Эсфирь!—весело сказалъ онъ.

Обѣ старыя леди были похожи другъ на дружку, какъ двѣ

Digitized by Google

капли воды: тѣ же изборожденныя морщинами черты и серебристые волосы; огромные чепцы и бѣлыя шерстяныя шали были совершенно одинаковы. Съ видомъ преувеличеннаго почтенія онъ поцѣловалъ каждую тетушку въ сморщенную щоку.

— Могу я сѣсть, тетушка Юдифь? — спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, придвинулъ стулъ къ камину, гдѣ горѣлъ небольшой огонь, не смотря на то, что былъ августъ.

— Да, племянникъ Веллакотъ, вы можете сѣсть, — отвѣчала тетушка Юдифь ледянымъ тономъ,—и можете также разсказать намъ, гдѣ вы пропадали цѣлый мѣсяцъ.

Бѣдное дряхлое существо! Всего десять часовъ назадъ, племянникъ пожелалъ ей добраго утра, уходя въ редакцію. Христіанъ началъ объясненіе усталымъ, машинальнымъ тономъ, какъ актеръ, утомленный тяжелой ролью, но старухи ничего не хотѣли слышать. Тетушка Эсфирь сейчасъ же перебила его:

— Ваши пустыя извиненія пропадаютъ даромъ, племянникъ Веллакотъ. Вы, конечно, забавлялись все это время и бросили насъ—насъ, которыя лишили себя послѣдняго, лишь бы только вы были сыты и одѣты — бросили на добычу всѣмъ лондонскимъ грабителямъ. Скажите, что̀ мы будемъ дѣлать сегодня безъ ложекъ и вилокъ?

— Какъ! — вскричалъ Христіанъ съ притворнымъ любопытствомъ,—ложки украдены?—Онъ чуть не сказалъ: «*опять* украдены», но во̀ время удержался. Посмотрѣвъ на столъ, онъ увидѣлъ, что все серебро тщательно припрятано.

— Видите!—продребезжала тетка Юдифь съ торжествомъ. И обѣ старыя леди начали потирать руки, кивать одна другой старыми трясущимися головами, и смѣяться дряхлымъ смѣхомъ, при видѣ огорченія племянника, пока тетка Юдифь не почувствовала жестокій приступъ кашля, готоваго, казалось, разорвать ее на части. Христіанъ тревожно слѣдилъ за ней, какъ опытная сидѣлка.

— Какъ это случилось?—спросилъ онъ, когда старая леди успокоилась.

Но старухи сперва хотѣли помучить Христіана и, лишь выслушавъ его сожалѣнія, онѣ съ усиліемъ вытащили изъ-за кресла тетки Юдифи украденное серебро. Этотъ фарсъ повторялся каждый вечеръ, слово въ слово. Монотонность этихъ представленій разнообразилась тѣмъ, что иногда, при поискахъ,

Digitized by Google

дѣйствительно терялась какая нибудь ложка. Тогда подымалась невообразимая суматоха, и недостойный племянникъ долженъ былъ тѣмъ или инымъ способомъ отыскивать потерянное сокровище.

— Мы только желали показать вамъ, племянникъ Веллакотъ, что̀ могло произойти за время вашего безконечнаго отсутствія. Прислуга только о томъ и думаетъ, чтобы сплетничать на своихъ господъ и болтать пустяки насчетъ ихъ здоровья и денежныхъ средствъ. Они не имѣютъ ни о чемъ понятія,—ворчливо закончила тетка Юдифь. Обѣ старыя дамы любили хвастать своимъ здоровьемъ и средствами, но въ дѣйствительности онѣ давно попали бы въ богадѣльню, еслибъ ихъ не содержалъ племянникъ.

— Хорошо, тетушка Юдифь, — терпѣливо отвѣтилъ Христіанъ, — я постараюсь, на будущее время, побольше сидѣть дома. Но видите ли, мнѣ пора уже самому заботиться о своемъ существованіи. Не могу же я всю жизнь пользоваться вашей добротой!

Онъ умѣлъ ублажать этихъ слабоумныхъ старушекъ. За два года онъ успѣлъ привыкнуть къ мысли, насколько безплодны всѣ попытки разъяснить имъ настоящее положеніе вещей. Это были два отжившія существа, которыя не могли воспринимать новаго и жили только тѣмъ, что̀ давно засѣло въ ихъ слабоумныя головы. Для нихъ Наполеонъ I еще былъ живымъ человѣкомъ, и онѣ не знали никакой королевы Викторіи. Ихъ разумъ угасалъ медленно, и на долю Христіана Веллакота выпала мучительная обязанность слѣдить за этимъ угасаніемъ.

Когда Христіанъ прибылъ въ Англію сиротой съ небольшими средствами, онъ считалъ своей первой обязанностью посѣтить единственныхъ родственницъ, оставшихся у него на свѣтѣ. Старушки жили тогда въ Бодмэнѣ на нищенскую пенсію. Онъ явился вò время, чтобы спасти ихъ отъ голодной смерти. Видя, что въ Бодмэнѣ ему нельзя жить литературнымъ трудомъ, онъ перевезъ дряхлыхъ тетокъ въ Лондонъ. Ихъ доходъ былъ также скуденъ, какъ ихъ умъ. Теткѣ Юдифи было девяносто три года, теткѣ Эсфири—девяносто одинъ. Въ теченіе этого безграничнаго пространства времени, онѣ не разлучались другъ съ другомъ ни на одинъ день. Какъ два яблока,

Digitized by Google

онѣ росли бокъ о бокъ и, благодаря этому соприкосновенію, у нихъ разомъ началось умираніе: — медленный, смертельный, ползущій червь разрушенія свилъ себѣ гнѣздо въ томъ мѣстѣ, гдѣ соприкасались оба существа, и готовился проникнуть въ ихъ сердца. Онѣ *влачили* это существованіе съ ужасающей продолжительностью — вели чисто животную жизнь, ѣли и спали.

— Конечно, вы должны сами добывать себѣ пропитаніе, племянникъ Веллакотъ!—отвѣчала тетка Эсфирь.—Это желаніе дѣлаетъ вамъ честь. Но вы должны подумать, въ какомъ обществѣ вращаетесь безъ насъ. Дѣвицы такъ лукавы, и каждая, разумѣется, не прочь выйти замужъ за моего племянника—не правда ли, Юдифь?

— Еще бы!—отозвалась тетка Юдифь. — Эти кокетки отлично знаютъ, что недурно поймать въ сѣти племянника Юдифи и Эсфири Веллакотъ!

— Взгляните на насъ,—продолжала тетка Эсфирь, стараясь придать своему дряхлому тѣлу гордую осанку.—Взгляните на насъ: мы всегда избѣгали замужства, и очень счастливы, повѣрьте!

Она ожидала, что это смѣлое заявленіе встрѣтитъ сочувствіе, но Христіанъ не слушалъ ея. Наклонясь впередъ и сжавъ руки между колѣнъ, онъ смотрѣлъ въ огонь. Онъ вспоминалъ разговоръ, происшедшій въ маленькой комнатѣ на Стрэндѣ. Могъ ли онъ покинуть эти два безпомощныя существа? Могъ ли онъ избавиться хоть на короткое время отъ всего этого — отъ безсмысленной болтовни слабоумныхъ старухъ, отъ ужасной монотонности его безполезнаго сидѣнья возлѣ нихъ? Онъ зналъ, что теряетъ драгоцѣнное время, что умъ его остается праздным, что онъ губитъ свою карьеру. Но передъ нимъ стоялъ долгъ, ужасный и неизбѣжный. Онъ не замѣчалъ, какъ трогательно его самоотверженіе, сознаніе котораго могло бы служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ для женщины въ подобныхъ же условіяхъ. Но онъ не жаловался и никогда не приходило ему на умъ дѣлать сравненія между собою и другими юношами, которые, вмѣсто того чтобы быть рабами своихъ родственниковъ, еще сами же изъ нихъ извлекали пользу. Онъ просто исполнялъ свой долгъ и старался не желать слишкомъ горячо естественнаго и неизбѣжнаго освобожденія.

Digitized by Google

Къ счастью, въ скоромъ времени, м-съ Стродъ принесла незатѣйливый ужинъ и вниманіе престарѣлыхъ леди тотчасъ же обратилось къ таинственно закрытому блюду. Христіанъ очень ловко принялся разливать чай. Двѣ чашки очень слабаго чаю и третья—покрѣпче. Потомъ надо было намазать масломъ два ломтя хлѣба безъ корки. Эта операція требовала величайшей справедливости и безпристрастія.

— Прошу извиненія, племянникъ Веллакотъ!—начала тетка Юдифь съ угрожающей суровостью.—Этотъ первый ломоть предназначенъ для тетки Эсфири? Мнѣ кажется, что масла слишкомъ много, гораздо больше, чѣмъ на второмъ ломтѣ, который несомнѣнно предназначенъ для меня!

— Вы такъ думаете, тетушка Юдифь? — спросилъ Христіанъ, нарочно возвысивъ голосъ. — Такъ я сниму немного. Онъ для виду провелъ ножемъ по злосчастному ломтю и затѣмъ положилъ оба рядомъ на тарелку. Старыя леди быстро сравнили ихъ и тотъ, который показался гуще намазаннымъ, перешелъ, по старшинству, къ теткѣ Юдифи.

Ужинъ былъ оконченъ, и на сцену явились Дикъ и Микъ. Дикомъ называлась канарейка тетки Юдифи, отличавшаяся меланхолическимъ темпераментомъ. Микъ, канарейка тетки Эсфирь, была живаго и веселаго нрава. Тетка Эсфирь втайнѣ очень любила молчаливаго Дика, но такъ какъ эта птица принадлежала ея сестрѣ, то она всегда насмѣхалась надъ глупостью и безполезностью молчаливыхъ канареекъ. Тетка Юдифь, съ своей стороны, восхищалась веселой пѣвуньей сестры, и завидовала ей. Поэтому въ домѣ избѣгали всякихъ разговоровъ о птицахъ. Дикъ и Микъ помѣщались въ одинаковыхъ клѣткахъ. Каждый вечеръ Христіанъ снималъ клѣтки, и обѣ старухи заботливо пропихивали между проволокъ кусочки хлѣба съ масломъ, которые на другое утро м-съ Стродъ выбрасывала нетронутыми.

Отпустивши птичкамъ кормъ, Христіанъ долженъ былъ усадить поудобнѣе старушекъ въ ихъ креслахъ. Онъ исполнилъ это съ нѣжностью и ловкостью женщины, хотя этотъ сильный, даровитый юноша, глаза котораго даже въ спокойныя минуты глядѣли непреклонно-сурово и смѣло, не былъ созданъ для женственныхъ обязанностей. Обыкновенно, онъ каждый вечеръ занималъ своихъ тетушекъ разговорами. Сегодня онъ сразу сѣлъ

Digitized by Google

за рояль, намѣреваясь усыпить ихъ музыкой. Онѣ никогда не ложились въ постель ранѣе десяти часовъ, хотя бы ихъ клонило ко сну. Онъ былъ незаурядный музыкантъ, обладалъ тонкимъ слухомъ и мягкой нѣжностью игры, столь рѣдкой у мужчинъ. Игралъ онъ нѣсколько времени, тихо и лѣниво, почти забывъ, что онъ не одинъ въ комнатѣ. Вдругъ онъ обернулся, оставивъ руки на клавишахъ. Тетка Юдифь спала, а тетка Эсфирь сдѣлала ему знакъ продолжать игру. Звуки рояля постепенно замирали, какъ бы погружаясь въ сонъ, и черезъ пять минутъ тетка Эсфирь безмятежно заснула. Музыкантъ молча всталъ, перешелъ комнату и занялъ свое мѣсто за столомъ, еще накрытымъ бѣлой скатертью. Перо, чернила, бумага, были подъ рукой и черезъ нѣсколько минутъ онъ написалъ слѣдующее письмо:

«Дорогой Сидней,

«Могу я взять назадъ письмо, написанное вчера, и принять ваше приглашеніе? Меня просятъ взять отпускъ и я сдаюсь, чтобы не оскорбить отказомъ. Я не могу сдѣлать ничего лучшаго изъ своихъ каникулъ, какъ видѣть васъ всѣхъ опять, и вспомнить счастливые старые дни. Съ глубочайшимъ почтеніемъ всегда вашъ Христіанъ Веллакотъ».

Онъ сложилъ письмо, запечаталъ конвертъ и адресовалъ его: «Сиднею Керью, эсквайру, Сенъ-Мери Уэстернъ, Дорсетъ». Потомъ онъ безшумно вышелъ изъ комнаты и поднялся наверхъ, въ небольшую гостинную м-съ Стродъ. Маленькая женщина услыхала его шаги на скрипучей лѣстницѣ и заранѣе открыла дверь.

— Если я уѣду на три недѣли, — съумѣете вы обойтись безъ меня?—спросилъ онъ.

— Конечно, съумѣю, — съ готовностью отвѣчала маленькая женщина.—Вы должны уѣхать и отдохнуть, мастеръ Христіанъ. Вамъ необходимъ отдыхъ. Мы отлично обойдемся безъ васъ. Я только попрошу сестру пожить у меня это время.

— Видите ли, я за эти два года еще ни разу не бралъ отпуска!

— А для васъ это необходимо, вы—молодой человѣкъ, и должны цѣлый день быть на свѣжемъ воздухѣ.

— Хорошо, если ваша сестра будетъ вамъ помогать, она получитъ такую же плату, какъ и вы. Она должна исполнять тѣ же обязанности, какъ и вы—понимаете?

Digitized by Google

М-съ Стродъ засмѣялась.

— О, да, мастеръ Христіанъ, понимаю. Но вы напрасно безпокоитесь объ этомъ. Она будетъ помогать вовсе не ради жалованья, увѣряю васъ!

— Я знаю это,—отвѣчалъ онъ серьезно, — но лучше, я думаю, условиться заранѣе. Благодарность—хорошая вещь, и ради нея можно потрудиться, но есть такой трудъ, который требуетъ болѣе существенной награды. Если вы пойдете гулять, пожалуйста, опустите въ ящикъ это письмо.

Прежде чѣмъ лечь спать въ эту ночь, онъ поднесъ свѣчу къ зеркалу, долго и внимательно разглядывая свое отраженіе. Подъ глазами у него были темные круги, изящный ротъ стянутъ и сухъ, губы безкровны. Височныя кости замѣтно выдавались, бѣлизна кожи сверкала, отражая огонь свѣчи. Онъ ощущалъ трепетъ своего пульса. Одну минуту пульсъ бился поспѣшно и неправильно, потомъ сталъ едва замѣтенъ.

— Да,—прошепталъ онъ,—да, старый Бодри правъ. Эту свѣчу жгли съ обоихъ концовъ!

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

НАША ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА ПОДЪ НОВЫМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ [1].

Вторая половина истекшаго театральнаго сезона въ Петербургѣ не принесла ничего особенно замѣчательнаго и интереснаго, на чемъ стоило бы остановить вниманіе читателя—вотъ почему наша настоящая замѣтка будетъ, по необходимости, краткой. Нашу предыдущую статью мы закончили надеждами, которыя возлагали на новое управленіе, судя по началу его дѣятельности; теперь часть этихъ надеждъ мы принуждены отобрать назадъ. Репертуаръ Александринскаго и Михайловскаго театровъ, во второй половинѣ сезона, состоялъ изъ нѣсколькихъ возобновленныхъ старыхъ пьесъ (*Доходное мѣсто*, *Вечеръ въ Сорренто*, *Свадьба Кречинскаго*, *На бойкомъ мѣстѣ*, *Не въ свои сани*, *Въ чужомъ пиру — похмѣлье*), трехъ-четырехъ новинокъ (*Антонъ Горемыка*, *У своихъ*, *Венецейскій истуканъ*, *Смерть Пазухина*, *Дворянское гнѣздо*, *Жизнь*) и одного «скандала» (*Первая муха*), о которомъ скажемъ нѣсколько словъ ниже, а теперь перейдемъ къ систематическому обозрѣнію наиболѣе интересныхъ пьесъ.

Въ день похоронъ высокоталантливаго, незабвеннаго композитора нашего П. И. Чайковскаго, была въ первый разъ дана на александринской сценѣ пьеса его брата: *Предразсудки*. Дирекція театровъ любезно предлагала автору драмы отложить на нѣкоторое время представленіе пьесы, но г. М. Чайковскій, «не желая тормозить театральное дѣло, которое было такъ близко и дорого его покойному брату», не пожелалъ этого и настоялъ на постановкѣ. Съ живымъ интересомъ публика сошлась смотрѣть новую драму. Г. М. Чайковскій—не новичокъ на драматическомъ поприщѣ; у него есть уже нѣсколько произведеній, которыя шли на обѣихъ столичныхъ сценахъ, каковы напр., *Елизавета Николаевна*, *Симфонія*, *День въ Петербургѣ*, *Похмѣлье* и др. Всѣ эти пьесы, разнаго достоинства и неодинаковой цѣнности, шли съ различнымъ успѣхомъ: первыя двѣ нравились и собирали публику, и во всякомъ случаѣ были «пьесами сезона», вторыя двѣ провалились, послѣдняя даже была снята съ репертуара,—послѣ перваго представленія,—самимъ

[1] См. «*Наблюдатель*» 1893 г., № 12.

Digitized by Google

авторомъ; но у всѣхъ этихъ пьесъ есть одно достоинство: онѣ заставляютъ о себѣ говорить, вслѣдствіе ли животрепещущей темы, затронутой авторомъ (*Елизавета Николаевна*), или же вслѣдствіе фотографически-точныхъ лицъ, извѣстныхъ всему Петербургу и выведенныхъ авторомъ на сцену (*Симфонія* и *День въ Петербургѣ*).

Новая пьеса: *Предразсудки*—безспорно лучшая изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ пьесъ г. М. Чайковскаго. Появленію ея на нашей сценѣ предшествовали слухи о томъ, что она, будучи представлена въ Москвѣ,—провалилась. Но кому же изъ театральныхъ дѣятелей неизвѣстно, что все то, что̀ имѣетъ успѣхъ въ Петербургѣ, обязательно не нравится въ Москвѣ и vice versa? Долгое время это считалось какимъ-то необыкновеннымъ явленіемъ, чѣмъ-то въ родѣ недостаточно изслѣдованнаго закона природы или принципіальной вражды между старой и новой столицей, но въ послѣдніе дни вопросъ началъ мало по малу выясняться: мы говоримъ объ интересныхъ письмахъ «Московскаго драматурга», появившихся въ одной петербургской газетѣ и возбудившихъ сенсацію среди петербургскихъ драматурговъ. Эти письма были вызваны «скандаломъ съ «Первой мухой» и находятся съ нимъ въ непосредственной связи, а потому, говоря съ читателями о *Мухѣ*, мы попутно скажемъ нѣсколько словъ и объ этихъ письмахъ, хорошо характеризующихъ нравы нашихъ артистовъ, писателей и критиковъ. Теперь же перейдемъ къ *Предразсудкамъ*. Пьеса написана очень сценично, хотя и не на новую тему; все содержаніе ея исчерпывается въ двухъ словахъ. Захудалый въ денежномъ отношеніи аристократъ женится на дочери содержательницы чулочнаго заведенія. Изъ этого происходитъ конфликтъ. Аристократическая семья мужа никакъ не можетъ помириться съ этимъ заведеніемъ, которое однако даетъ молодымъ хорошія средства къ жизни—это съ одной стороны; съ другой—мать молодой, теща аристократическаго отпрыска, никакъ не можетъ полюбить своего зятя, не смотря на то, что поселилась вмѣстѣ съ новобрачными. Глухой антагонизмъ постепенно растетъ между тещей и зятемъ, и держится, какъ это всегда бываетъ, на всевозможныхъ пустякахъ и мелочахъ, не стоющихъ въ сущности вниманія; горячо любимая матерью дочь беретъ сторону мужа послѣ недолгаго колебанія между двумя враждующими сторонами, и, въ одну изъ минутъ нервнаго напряженія, выгоняетъ изъ дому свою мать, которой всѣмъ обязана. Эта сцена, составляющая «гвоздь» драмы, написана хорошо и производитъ сильное впечатлѣніе на зрителя; она искусно подготовлена и чрезвычайно жизненна; въ ней не чувствуется профессіонально-сценическаго за волосы притянутаго, эффекта и она является логически-послѣдовательнымъ, почти

Digitized by Google

неизбѣжнымъ актомъ драматической коллизіи. Въ пьесѣ много дѣйствующихъ лицъ, даже, можетъ быть, черезчуръ много, но всѣ они типичны и рельефны, хотя нѣкоторыя и довольно карикатурны (отецъ жениха). Эпизодическія лица очерчены немногими, но вполнѣ умѣлыми штрихами (сёстры и братъ молодаго Охрипинина) и вполнѣ умѣстны, какъ яркая иллюстрація данной семьи. Пьеса могла бы быть нѣсколько короче: нѣкоторыя ея сцены растянуты (большинство такихъ сценъ—въ первомъ и послѣднемъ актахъ), но въ общемъ, повторяемъ, пьеса безусловно сценична, литературна, интересна и главное—жизненна. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, она съ бо́льшимъ правомъ могла бы называться «Жизнью», чѣмъ другая новая пьеса текущаго сезона, носящая именно это названіе. Тенденція *Предразсудковъ* очень симпатична и разработана детально, будучи хорошо мотивирована. Остается пожелать, чтобы г. М. Чайковскій окончательно вступилъ на широкій и благотворный путь анализирующаго драматурга и прекратилъ писать такіе фельетонные à propos, какъ *День въ Петербургѣ*, не имѣющіе другой цѣли, какъ возбужденіе сенсаціонныхъ и, пожалуй, нѣсколько скандалезныхъ толковъ въ столицѣ. Исполнены были *Предразсудки* превосходно; г-жи Жулева и Васильева (двѣ матери) дали цѣльные, законченные типы, какъ и г-жа Потоцкая (дочь содержательницы чулочной). Г-жу Потоцкую, имѣвшую въ Москвѣ, въ театрѣ Корша, вполнѣ заслуженный успѣхъ, чуть было не затерли съ переходомъ ея на нашу казенную сцену, и выпускали въ мало-отвѣтственныхъ, почти выходныхъ роляхъ; и только теперь, въ третій годъ казенной службы, ей стали давать большія роли. Нельзя не поставить этого обстоятельства въ активъ новому администратору русскаго театра, г. Крылову, который выдвигаетъ молодыя дарованія и даетъ имъ ходъ; мы не сомнѣваемся, что г-жа Потоцкая пойдетъ впередъ въ своемъ артистическомъ развитіи, и въ концѣ концовъ отрѣшится отъ нѣкоторой жеманности, которая ей теперь очень вредитъ; ей можно пожелать больше простоты и меньше какой-то приторности и фальшивой слащавости, очень мѣшающимъ ея симпатичному и серьезному дарованію. Мужской персоналъ пьесы вполнѣ способствовалъ ея успѣху; г. Ленскій только чуть-чуть шаржировалъ и безъ того нѣсколько карикатурный типъ старика Охрипинина. Наклонность къ шаржу, вообще, въ послѣднее время начинаетъ завладѣвать нашимъ талантливымъ и симпатичнымъ артистомъ, и ему слѣдовало бы обратить на это вниманіе на первыхъ же порахъ, пока еще не поздно.

Пьеса *Жизнь*, о которой мы заговорили по поводу *Предразсудковъ*, принадлежитъ перу г. Потапенка, этого феноменально-плодо-

Digitized by Google

витаго беллетриста. Подражая французамъ и ихъ подражателю г. Боборыкину, онъ назвалъ свое произведеніе ничего не говорящимъ общимъ словомъ: *пьеса*; намъ кажется, что слѣдовало бы нашимъ драматургамъ придерживаться болѣе точной традиціонной классификаціи пьесъ и драму называть драмой, а комедію комедіей, хотя, конечно, это мелочь. «Куда дѣваться отъ Потапенка»?! восклицали газеты, по появленіи на афишѣ имени многопишущаго беллетриста. И дѣйствительно, нѣтъ журнала, въ которомъ бы изъ мѣсяца въ мѣсяцъ не появлялось имени г. Потапенка, и если онъ также наводнитъ и сцену своими драматическими произведеніями, то дѣйствительно читателю и зрителю негдѣ будетъ укрыться отъ его неустаннаго творчества. Новоявленный драматургъ любитъ широковѣщательныя, всеобъемлющія заглавія: *Любовь* (романъ, печатавшійся, кажется, въ «Русской Мысли»), *Жизнь*... Г. Буренинъ, съ свойственной ему рѣзкой прямотой, назвалъ такія заглавія *шарлатанскими*. Это, пожалуй, рѣзко, но тѣмъ не менѣе имѣетъ свое основаніе, потому что въ дѣйствительности ни содержаніе романа, ни содержаніе пьесы не удовлетворяютъ этимъ «безграничнымъ» и широкимъ заглавіямъ, а, слѣдовательно, даютъ меньше, чѣмъ обѣщаютъ, и несомнѣнно вводятъ въ обманъ и читателя, и зрителя.

При необыкновенной плодовитости г. Потапенка, нѣтъ ничего мудренаго, что его произведенія носятъ на себѣ слѣды поспѣшности и недостаточной продуманности, какъ и все, написанное наскоро, съ однимъ разсчетомъ на гонораръ. Этими недостатками отличается и названная пьеса; но, кромѣ того, она еще мало сценична и обнаруживаетъ неопытность драматурга и его малое знакомство съ условіями сцены. Чтобы не быть голословными, укажемъ на сцены перваго акта, изображающія консиліумъ докторовъ передъ операціей, о которой они много и долго толкуютъ. Профессоръ уходитъ въ слѣдующую комнату; черезъ двѣ-три секунды пробѣгаетъ черезъ сцену асистентъ и требуетъ для больнаго—воды, которую и подаютъ ему въ кувшинчикѣ; еще черезъ три секунды профессоръ возвращается на сцену и объявляетъ о блестящемъ исходѣ операціи. Бываютъ пьесы, въ которыхъ одинъ актъ захватываетъ утро, день и вечеръ, и тутъ-то обнаруживается умѣнье опытнаго драматурга заставить зрителя не замѣтить всего несоотвѣтствія между количествомъ времени, изображеннымъ въ дѣйствіи, и таковымъ же, протекшимъ въ дѣйствительности. Въ данномъ случаѣ такого впечатлѣнія не получается, да къ тому же является много побочныхъ вопросовъ: почему сложная операція происходитъ на квартирѣ доктора? Неужели у знаменитаго и славнаго хирурга, профессора и лектора, нѣтъ своей или казенной

Digitized by Google

лѣчебницы, гдѣ должны быть всѣ приспособленія, которыхъ не можетъ быть въ частной квартирѣ? Неужели, приготовляясь къ операціи, забыли приготовить воду? и т. д. Очевидно, что все, происходящее здѣсь, придумано для вящаго эффекта и разсчитано на то, чтобы произвести потрясающее впечатлѣніе на публику; но эффектъ получился плохой и никакого впечатлѣнія не производитъ. Такихъ промаховъ въ пьесѣ много, но не будемъ на нихъ останавливаться за недостаткомъ времени и мѣста. Фабула заимствована цѣликомъ изъ исторіи пушкинской дуэли, на тему которой могла бы быть написана очень интересная драма, еслибы сюжетъ ея не былъ предвосхищенъ г. Потапенкомъ. Обрисовка дѣйствующихъ лицъ слаба, какъ и мотивировка ихъ поступковъ; послѣдній актъ, въ которомъ профессоръ умираетъ отъ раны, полученной въ животъ, на диванѣ, выдвинутомъ къ самой рампѣ, не производитъ инаго впечатлѣнія, кромѣ скуки, и цѣликомъ можетъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ же фальшивыхъ, непродуманныхъ, ложныхъ эффектовъ, о которыхъ мы говорили выше. И еслибы не артистическая, въ высокой степени тонкая игра г. Давыдова (профессоръ)—то этотъ актъ былъ бы просто невозможенъ. Не смотря, однако, на талантливую игру гг. Давыдова, Ленскаго, Писарева и г-жъ Мичуриной и Потоцкой—пьеса не имѣла успѣха и ей можно предсказать въ самомъ непродолжительномъ времени скорое забвеніе. На московскихъ афишахъ она приписывается творчеству двухъ авторовъ: гг. Потапенка и Сергѣенка; у насъ на афишѣ фигурируетъ одинъ г. Потапенко, и мы не знаемъ: какая версія точнѣе?

Въ день литературнаго юбилея маститаго писателя Д. В. Григоровича была дана пьеса *Антонъ Горемыка*, передѣланная изъ его знаменитаго романа. Беллетристическія произведенія плохо поддаются сценической обработкѣ и объ этомъ ужь «сколько разъ твердили міру». Но наши передѣлыватели нисколько не хотятъ внимать этой истинѣ. Въ прошлой статьѣ мы высказали свой взглядъ на этотъ родъ литературной дѣятельности и выяснили разницу между *передѣлкой*, которую рѣшительно нельзя одобрить, и *приспособленіемъ*, которое слѣдуетъ допустить. *Антонъ Горемыка*—скорѣе передѣлка, хотя и сдѣланная довольно опытной рукой, но тѣмъ не менѣе очень снотворная; вся прелесть беллетристическаго повѣствованія выдохлась на сценѣ и остался остовъ, самаго неинтереснаго свойства.

Настоящій сезонъ былъ обиленъ передѣлками: въ прошлой половинѣ сезона намъ показывали передѣланнаго Гоголя (*Мертвыя души*) теперь показали передѣланныхъ гг. Григоровича и Тургенева. Итакъ, три нашихъ классика попали въ передѣлку! «Цѣ-

Digitized by Google

лая операціонная камера при Александринкѣ!» — какъ выразился одинъ изъ театральныхъ зоиловъ. О двухъ оперированныхъ писателяхъ мы уже говорили; теперь скажемъ нѣсколько словъ о третьемъ—о Тургеневѣ и его *Дворянскомъ гнѣздѣ*, передѣланномъ г. Петромъ Вейнбергомъ. Эта передѣлка сдѣлана довольна литературно; пьеса смотрится съ интересомъ и духъ подлинника не утраченъ; въ театральномъ смыслѣ, она нѣсколько длинна... но можетъ ли быть рѣчь о длинѣ тамъ, гдѣ вѣетъ духъ тургеневскаго таланта? Кульминаціонная сцена любовнаго объясненія Лизы съ Лаврецкимъ, ночью въ саду, строгая распеканція молодыхъ людей Пестовой (г-жа Жулева) и затѣмъ несущаяся изъ окна элегія Лемма (г. Нильскій), подъ которую мечтаетъ счастливый и огорченный Лаврецкій (г. Сазоновъ)—производитъ поэтическое впечатлѣніе, которымъ мы обязаны, конечно, генію Тургенева, а не мастерству г. Вейнберга. Артистическая и глубоко прочувствованная игра г-жи Савиной (Лиза), да и всѣхъ остальныхъ артистовъ, дѣлаетъ эту пьесу высоко-интереснымъ зрѣлищемъ.

Дворянское гнѣздо и шло въ бенефисъ М. Г. Савиной. Мы не будемъ здѣсь распространяться о той горячей встрѣчѣ, о тѣхъ вызовахъ, аплодисментахъ и подношеніяхъ, которыхъ были свидѣтелями на бенефисномъ торжествѣ; обо всемъ этомъ писалось достаточно въ ежедневной прессѣ, въ которой появились и воспоминанія о первыхъ шагахъ сценической дѣятельности г-жи Савиной. Изъ этого довольно подробнаго curriculum vitae мы усматриваемъ, какъ тернистъ и случаенъ путь русскаго артиста къ славѣ; г-жа Савина избрала себѣ девизомъ: «сцена—моя жизнь», а г. Давыдовъ: «великое счастье быть актеромъ... только не русскимъ». Этотъ нѣсколько непатріотическій афоризмъ, за который сильно напали на почтеннаго артиста, все таки имѣетъ свое основаніе. Г. Давыдовъ—«казенный» актеръ, но онъ былъ въ свое время и провинціальнымъ, какъ г-жа Савина, и оба они, конечно, знаютъ, какая сласть быть не только русскимъ провинціальнымъ, но и столичнымъ актеромъ, хотя бы и подъ ферулою «опытнаго драматурга». Случайность, необезпеченность, равнодушіе публики, театральныя интриги, антрепренерскіе крахи, несерьезное отношеніе къ дѣлу—вотъ обычный антуражъ провинціальнаго русскаго актера, и нужно много силы воли и вѣры въ свой талантъ, чтобы выплыть на поверхность и занять почетное мѣсто среди художниковъ сцены. Но г. Давыдовъ достигъ этого положенія и въ свой бенефисъ могъ убѣдиться въ томъ, что его высоко цѣнитъ и публика, и критика. Въ свой бенефисъ онъ выбралъ тяжеловѣсную комедію г. Салова: *Гусь лапчатый*—одну изъ неудачныхъ вещей даровитаго писателя. Тутъ фигурируетъ обыч-

Digitized by Google

ный персоналъ саловскаго творчества,—всѣ его излюбленные герои, неизмѣнно появляющіеся чуть не во всѣхъ его пьесахъ: кулакъ, разорившаяся аристократка, сельская учительница, идеальный молодой человѣкъ и пр. Всѣ они превратились давно уже въ штампы, въ клише и успѣли таки порядкомъ надоѣсть. Пьеса успѣха не имѣла, какъ не имѣла его и ни одна изъ новыхъ пьесъ второй половины сезона. Таковы, напр.: *У своихъ* (бенефисъ г-жи Дюжиковой) г. Боборыкина, *Рай земной*, г. Карпова, *Смерть Пазухина*, Салтыкова-Щедрина (бенефисъ г. Варламова) и *Венецейскій истуканъ*, г. Гнѣдича. Изъ перечисленныхъ пьесъ, болѣе всего понравилась публикѣ послѣдняя, дающая рядъ юмористическихъ сценъ и картинъ московской жизни XVII вѣка. Появленію *Истукана* на нашей сценѣ предшествовала маленькая газетная буря. Московскія газеты извѣстнаго лагеря, послѣ представленія пьесы въ Москвѣ, учинили цѣлый «скандалъ съ доносомъ», въ родѣ такого же скандала, произведеннаго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по поводу стихотворенія г. Фофанова въ «Наблюдателѣ». Онѣ вопіяли съ усердіемъ, достойнымъ болѣе серьезнаго дѣла, ни болѣе, ни менѣе, какъ *о потрясеніи основъ православной религіи!!*. И «потрясалъ» будто бы эти основы нѣкій Іеронимъ, странствующій человѣкъ изъ Іерусалима, выведенный въ *Истуканѣ* г. Гнѣдичемъ. Мы внимательно смотрѣли пьесу и, конечно, ничего разрушительнаго въ ней не нашли. Въ этомъ же смыслѣ высказались всѣ рецензенты и критики поголовно. Не нашлось ни одного, который остался бы при особомъ мнѣніи или присоединился къ воплямъ московскихъ ревнителей—зачастую, выкрестовъ изъ евреевъ.

Смерть Пазухина, единственное произведеніе въ драматической формѣ великаго нашего сатирика—тяжелая вещь во всѣхъ отношеніяхъ, и по сюжету, и по письму. Дѣло идетъ о разграбленіи многочисленными родственниками наслѣдства умирающаго Пазухина. Непроницаемый мракъ любостяжанія, двоедушія, коварства, человѣконенавистничества, лютой злобы и всевозможныхъ другихъ пороковъ неподвижно виситъ на сценѣ, и зритель задыхается, присутствуя среди этихъ призраковъ нашего не столь давняго прошлаго, которое хотятъ снова гальванизировать князья Мещерскіе. Въ пьесѣ мало движенія, дѣйствія, сценичности, разнообразія, и она производитъ гнетущее, удручающее впечатлѣніе.

Въ пьесѣ г. Боборыкина *У своихъ* тоже идетъ рѣчь о наслѣдствѣ и разбирается одинъ изъ юридическихъ вопросовъ, связанныхъ съ правами наслѣдованія. Пьеса написана довольно живо и сценично, но сама по себѣ она мало интересна и завлекательна; поэтому уже на третьемъ ея представленіи театръ пустовалъ...

Digitized by Google

И *Рай земной* г. Карпова прошелъ незамѣтно. Г. Карповъ обладаетъ удивительной способностью: всякая среда ему знакома, какъ свои пять пальцевъ, и въ каждой средѣ онъ чувствуетъ себя, какъ дома. *Жрица искусства*—изображала актерскій бытъ; *Рабочая слободка* — бытъ фабричныхъ и мастеровыхъ; *Ранняя осень* — бытъ среднихъ провинціальныхъ интеллигентовъ, и наконецъ *Рай земной*—желѣзнодорожный бытъ.

Нужно отдать справедливость г. Карпову—у него есть то, чего нѣтъ, напр., у г. Потапенко: техника сцены. Нѣкоторыя его пьесы написаны очень недурно съ технической стороны и это, конечно, важное условіе для успѣха пьесы; но тѣмъ не менѣе карповскія пьесы никогда особеннымъ успѣхомъ не пользовались, благодаря поверхностности его наблюденій, спѣшности работы и недостаточной продуманности сценическихъ коллизій, по большей части, или притянутыхъ за волосы, или недостаточно мотивированныхъ.

Послѣ *Предразсудковъ*, наибольшимъ успѣхомъ пользовалась пьеса московскаго драматурга г. Влад. Александрова — *Спорный вопросъ*. Заслуга г. Александрова состоитъ въ томъ, что онъ беретъ для разработки гуманныя и интересныя, глубоко жизненныя темы. Въ прошлой своей пьесѣ (*Въ неравной борьбѣ*) онъ трактовалъ вопросъ о судьбѣ незаконныхъ дѣтей; въ настоящей—вопросъ о судьбѣ дѣтей при разрывѣ родителей. Эти два, наболѣвшіе въ русской жизни, вопроса собирали всегда на его пьесы многочисленную публику и давали имъ успѣхъ, хотя самыя пьесы могли бы глубже захватить и всесторонніе разсмотрѣть эти давно назрѣвшіе вопросы о дѣтяхъ, неповинныхъ въ грѣхахъ и заблужденіяхъ своихъ родителей.

Теперь мы должны перейти къ пьесѣ, имѣвшей во второй половинѣ сезона самый *громкій*, если не самый почетный успѣхъ: это *Первая муха*. Признаемся, намъ вовсе не пріятно говорить объ этомъ succès de scandal. Было бы въ тысячу разъ лучше закулисныя литературныя дѣла оставлять за кулисами, не дѣлая ихъ достояніемъ общества и не вынося сора изъ избы. Суть въ томъ, что *Первую муху* написалъ г. Величко, а *передѣлалъ* или *приспособилъ* къ сценѣ г. Крыловъ. Такимъ образомъ, у *Мухи* оказалось два отца, которые и фигурируютъ на афишѣ рядомъ. Казалось бы, тутъ нѣтъ ничего особеннаго, и мы видимъ сплошь и рядомъ примѣры подобной кооперація у французскихъ драматурговъ. Но славянская рознь всегда возьметъ свое. Наши два автора поссорились, какъ Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ, и первымъ вынесъ соръ изъ избы г. Величко, въ письмѣ въ *Новомъ Времени*, «разоблачивъ» г. Крылова. Г. Величко далъ понять, что г. Крыловъ, безъ передѣлки пьесы своей рукой, *не допустилъ бы* «Муху» летать по

Digitized by Google

александринской сценѣ, и что онъ, г. Величко,—единственный и настоящій авторъ *Мухи*,—volens-nolens, долженъ былъ согласиться на эту передѣлку, если желалъ видѣть пьесу на сценѣ. Онъ апеллировалъ къ суду общества, помѣстивъ первоначальный текстъ *Мухи* въ журналѣ *Трудъ*. Конечно, такое насиліе «власть имущаго», т. е. въ данномъ случаѣ г. Крылова, не можетъ быть оправдано ни литературными традиціями, ни какими либо иными соображеніями. Началось печатаніе возраженій, подлинныхъ писемъ г.г. Величко и Крылова другъ къ другу, взаимныхъ обвиненій и оправданій, гонорарныхъ разсчетовъ и т. п. Полемика и скандалъ разгорѣлись. Между тѣмъ въ *Трудѣ* появился первоначальный текстъ *Мухи* и—увы!—какая разница оказалась между тѣмъ, что̀ исполнялось на сценѣ, и тѣмъ, что̀ напечатано! Даже и слѣдовъ той веселой, остроумной комедіи, которую мы видѣли на сценѣ, въ первоначальномъ текстѣ нѣтъ никакихъ! Текстъ *Мухи* г. Величко—это только канва, программа—и, слѣдовательно, весь успѣхъ пьесы *всецѣло* принадлежитъ г. Крылову. Тогда о чемъ же было кричать и для чего апеллировать обществу? Не лучше ли было благоразумно промолчать?.. Но мы не оправдываемъ и г. Крылова. Мы были бы, пожалуй, на его сторонѣ, еслибы онъ не занималъ отвѣтственнаго административнаго поста, но въ его положеніи *совсѣмъ не годится* ставить какія-то условія для пропуска пьесъ на сцену, впутываться въ чужія дѣла, перемывать чужое грязное бѣлье и, получая солидный окладъ, дѣлить еще гонораръ съ молодымъ авторомъ.

Скандалъ съ *Мухой* этимъ не кончился и разросся въ цѣлый пожаръ. Какой-то драматургъ (петербургскій) напечаталъ въ одной изъ газетъ письмо, въ которомъ съ завистью взираетъ на московскихъ драматурговъ, имѣющихъ возможность ставить свои пьесы въ Москвѣ, безъ поправокъ, передѣлокъ и приспособленій, а въ ихъ оригинальномъ, первоначальномъ видѣ. Какой-то московскій драматургъ отвѣтилъ ему письмомъ же, что онъ ошибается и что положеніе петербургскаго собрата гораздо лучше: его передѣлываетъ *одинъ г. Крыловъ*, а ихъ, московскихъ, передѣлываютъ *всѣ артисты* образцоваго Малаго театра. Одинъ требуетъ сдѣлать ему хорошій *уходъ*, другой—измѣнить характеръ роли по его индивидуальности, третья—требуетъ вставить «хорошую» истерику и пр. Въ концѣ концовъ, пьеса искажается до неузнаваемости, но иначе она и не можетъ попасть на сцену. «Настоящіе» московскіе драматурги, подписавъ полныя свои фамиліи, протествовали противъ этой инсинуаціи, но, скрытые подъ псевдонимами, два столичныхъ драматурга продолжаютъ препираться и до сихъ поръ, впутавъ въ свою распрю московскую театральную критику, и весьма некрасиво инсинуируя

Digitized by Google

на ея счетъ. Если только все это не газетная мистификація и письма московскаго и петербургскаго драматурга не произведенія одного и того же лица, то почему бы таинственнымъ незнакомцамъ не поднять забрала и не высказать своихъ обвиненій открыто?! Это было бы куда честнѣе и достойнѣе того дѣла, которое они якобы защищаютъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ остальныхъ пьесахъ репертуара. Въ числѣ одноактныхъ новинокъ прошли двѣ шутки г. Суворина: *Не пойманъ—не воръ*, имѣвшая, благодаря безподобной игрѣ г-жи Савиной и г. Сазонова, большой успѣхъ, и *Онъ въ отставкѣ*,—тоже очень миленькая вещица. По поводу первой изъ этихъ пьесокъ г. Суворинъ разсказалъ о томъ «комическомъ недоразумѣніи», какое произошло при «пропускѣ» пьесы черезъ театрально-литературный комитетъ. Въ сущности это «недоразумѣніе» нисколько не комично, а только печально. Шутка *Не пойманъ—не воръ* была представлена въ комитетъ, подписанная неизвѣстнымъ именемъ, и, *конечно*, немедленно забракована. Потомъ, когда комитету назвали настоящее имя автора, пьеса была вновь экстренно вытребована въ комитетъ—якобы *пересмотрѣна*, одобрена, занесена въ текущій репертуаръ и немедленно поставлена на сцену. «Коментаріи излишни», какъ любили выражаться прежніе публицисты. Эта картинка хорошо иллюстрируетъ наше мнѣніе о дѣятельности комитета, высказанное въ первой статьѣ о русскомъ драматическомъ театрѣ...

Островскій, почти совсѣмъ изгнанный за послѣдніе годы изъ среды русскихъ драматурговъ, украшающихъ своими произведеніями нашу образцовую сцену, вновь сталъ пріобрѣтать права гражданства, и это можно занести въ прямой активъ дѣятельности г. Крылова. Во второй половинѣ истекшаго сезона было дано четыре пьесы высоко талантливаго писателя (*Доходное мѣсто*, *На бойкомъ мѣстѣ*, *Не въ свои сани* и *Въ чужомъ пиру*). Немного маловато, но лучше что нибудь, чѣмъ ничего.

Изъ классическаго репертуара было поставлено три пьесы: *Вильгельмъ Тель*, долгое время находившійся подъ строжайшимъ запретомъ драматической цензуры и извлеченный изъ подъ спуда усиленными и неустанными хлопотами г. Крылова, за что нельзя не принести ему самой искренней благодарности; *Скупой* и *Гамлетъ*.

Заканчивая обозрѣніе театральнаго сезона, мы должны сдѣлать выводъ, что г. Крыловъ—способный администраторъ русскаго театра: онъ съумѣлъ все таки придать разнообразіе репертуару, поднять сборы и оживить нѣсколько интересъ публики къ театру; при этомъ, не надо забывать, что это всего лишь *первый сезонъ* его дѣятельности. Будемъ надѣяться, что въ слѣдующемъ сезонѣ г. Крыловъ избѣгнетъ прежнихъ

Digitized by Google

ошибокъ и съумѣетъ поставить на должную высоту нашу столичную сцену; конечно, много есть недовольныхъ его дѣятельностью и жестоко критикующихъ ее; но не надо забывать, что самъ г. Крыловъ въ своемъ profession de foi (*Очерки театральнаго дѣла въ Европѣ*) которое мы цитировали въ прошлой статьѣ, говорилъ, что первые два-три года новой дѣятельности при театрѣ даютъ администратору только враговъ, и лишь на четвертый или на пятый онъ начинаетъ пріобрѣтать друзей. Пожелаемъ же ему не смущаться передъ этими врагами и идти къ намѣченной цѣли, по возможности избѣгая ошибокъ и промаховъ, бросающихъ тѣнь на его администраторскую и писательскую дѣятельность. Еще одно пожеланіе. При предстоящихъ дебютахъ весной (если таковые будутъ) необходимо со стороны артистическаго директора проявить полное безпристрастіе и нелицепріятіе, и избѣгать такихъ крупныхъ ошибокъ, какъ г-жа Красовская и г. Юрьевъ.

В. Свѣтловъ.

Digitized by Google

Вѣнокъ.

Въ темной рощѣ, подъ ивой густой,
Пріютилась гнилая скамья;
Тамъ, въ мечтаньѣ, мы ночью нѣмой
Съ нимъ сидѣли одни... Соловья
Переливный, раскатистый звукъ
Заглушалъ сердца юнаго стукъ...

Изумрудные листья березъ
Возлѣ насъ шелестѣли во мглѣ;
Бѣлоснѣжныя маковки розъ
Наклонялись съ улыбкой къ землѣ...
Онъ—ласкалъ меня взглядомъ безъ словъ;
Я—сплетала вѣнокъ изъ цвѣтовъ.

Зрѣли въ сердцѣ счастливые сны,
Въ страстныхъ взорахъ сіяла мечта...
Мы молчали, думъ свѣтлыхъ полны...
Вдругъ слились въ поцѣлуѣ уста,—
И, исполнена жгучихъ тревогъ,
Я въ траву уронила вѣнокъ...

О, любовь! твой живительный свѣтъ
Чуть блеснулъ—и угасъ для меня!—
Я одна!.. Въ бѣдномъ сердцѣ ужь нѣтъ
Лучезарныхъ надеждъ и огня;
А подъ ивой еще не поблёкъ,
На травѣ позабытый, вѣнокъ...

А. Мейснеръ.

Digitized by Google

ПУТЬ КЪ БЕРЛИНСКОМУ ТРАКТАТУ.

XI.

Остается не разрѣшеннымъ вопросъ, почему великобританское министерство, будучи уже съ іюля 1878 г., до переправы черезъ Дунай, поставлено въ извѣстность о предполагаемыхъ условіяхъ мира, которыя будутъ потребованы Россіей, тогда же не приступило къ болѣе откровеннымъ разъясненіямъ? Этимъ, вѣроятно, было бы устранено то состояніе возбужденія и напряженности, которое едва не дошло до открытаго столкновенія. Оно тѣмъ болѣе непонятно, что Англія могла вполнѣ и безусловно положиться на обѣщанія Россіи и на ея вѣрность слову, данному императоромъ Александромъ Николаевичемъ. Руководило ли англійскими министрами убѣжденіе, что русское правительство не въ силахъ будетъ противостоять требованіямъ русскаго общественнаго мнѣнія; были ли это преднамѣренныя проволочки, чтобы усовершенствовать свое вооруженіе, подготовить новые или укрѣпить уже состоявшіеся союзы? Наконецъ, не было ли это просто стремленіемъ выгородить себѣ какой либо существенный барышъ? Это послѣднее соображеніе всего правдоподобнѣе; оно нѣкоторымъ образомъ подтверждается присвоеніемъ Кипра и установленіемъ англійскаго покровительства въ Малой Азіи. Есть, наконецъ, и еще одно предположеніе: это великобританскія опасенія насчетъ сопротивленія Турціи, а такія опасенія, какъ ни кажутся они странными, существовали въ дѣйствительности.

Какъ бы то ни было, но на Великобританію всею тяжестью своею ложится отвѣтственность за всю пролитую, съ обѣихъ сторонъ, кровь съ іюня 1877 г. до заключенія прелиминарнаго договора въ Санъ-Стефано.

Но не въ одну только нашу сторону была обращена бдительность великобританскаго правительства по отношенію «англійскихъ интересовъ». Болѣе удобнымъ и вѣрнымъ показалось ему достигнуть давно намѣченнаго барыша со стороны самой, опекаемой имъ, Турціи. Дѣло подготавливалось исподволь и рѣшено было уже въ мартѣ мѣсяцѣ, если не гораздо ранѣе. Это неопровержимо выясняется изъ рѣчи, произнесенной 18 іюля 1878 г., вышедшимъ изъ состава министерства, лордомъ Дерби:

«Когда я вышелъ изъ министерства въ концѣ марта,—обратился онъ къ лордамъ, — я это сдѣлалъ преимущественно потому, что было рѣшено тогда, что мы достигнемъ обладанія морской станціей въ восточной части

Digitized by Google

Средиземнаго моря, а для осуществленія этой цѣли необходимо было завладѣть островомъ Кипромъ, равно какъ и частью сирійскаго побережья. Это должно было быть исполнено посредствомъ экспедиціи, отправленной изъ Индіи, съ разрѣшенія или безъ разрѣшенія султана, хотя было условлено одновременно, что Порта вполнѣ будетъ вознаграждена за убытки, какіе она можетъ понести въ своихъ доходахъ».

Что переговоры были начаты ранѣе появленія меморандума гр. Шувалова отъ 30 мая, видно также изъ отвѣта г. Лейярда, помѣченнаго 29 мая, на сообщеніе относительно этого вопроса, сдѣланное англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Виды великобританскаго правительства изложены въ депешѣ отъ 30 мая, т. е. отъ того же самаго числа, которымъ помѣченъ и меморандумъ гр. Шувалова.

Маркизъ Салисбюри въ слѣдующихъ выраженіяхъ оправдываетъ заключеніе кипрской конвенціи 4 іюня:

«Ходъ конфиденціальныхъ переговоровъ, веденныхъ въ послѣднее время между правительствомъ ея величества и россійскимъ дворомъ, представляетъ вѣроятіе, что тѣ статьи Санъ-Стефанскаго договора, которыя относятся до европейской Турціи, будутъ измѣнены въ столь удовлетворительной степени, что будутъ согласоваться съ интересами другихъ державъ, а въ особенности съ англійскими; однако подобнаго не предвидится по отношенію къ той части договора, которая касается азіатской Турціи. Съ достаточною опредѣленностью явствуетъ, что относительно Батума и укрѣпленій, лежащихъ къ сѣверу отъ Аракса, русское правительство не намѣрено поступиться условіями, съ которыми Порта была вынуждена согласиться въ силу исхода военныхъ дѣйствій.

«Правительство ея величества было, поэтому, вынуждено обсудить дѣйствіе, которое могутъ оказать эти постановленія въ будущемъ на азіатскія области Турціи и на англійскіе интересы, если они не будутъ ни уничтожены, ни измѣнены, такъ какъ они тѣсно связаны съ положеніемъ этихъ областей. Правительство ея величества не можетъ смотрѣть равнодушно на эти измѣненія. Азіатская Турція вмѣщаетъ въ себѣ различныя по племени и религіи населенія, не обладающія способностями и влеченіями къ самостоятельности, но которыя своимъ спокойствіемъ и дальнѣйшимъ политическимъ благосостояніемъ всецѣло обязаны турецкому правительству. Но правительство оттоманской династіи, основавшееся на власти древняго завоевателя, является чуждымъ и потому опирающимся болѣе на свое дѣйствительное могущество, чѣмъ на сочувствіе мѣстной народности... Разгромъ, постигшій турецкія вооруженныя силы, и всѣмъ извѣстныя затрудненія правительства породятъ всеобщее убѣжденіе въ его упадкѣ и въ скоромъ политическомъ переворотѣ,—убѣжденіе, болѣе опасное на востокѣ для устойчивости правительственной власти, чѣмъ дѣйствительное неудовольствіе. Если населенія Сиріи, Малой Азіи и Месопотаміи увидятъ, что Порта не обладаетъ инымъ обезпеченіемъ для продолженія своего существованія, какъ одну свою собственную силу, тогда населенія эти, послѣ недавняго доказательства, даннаго послѣдними событіями въ шаткости этого обезпеченія, начнутъ разсчитывать на скорое паденіе оттоманской династіи и обращать свои взоры на будущаго ея преемника. Даже и въ томъ случаѣ, если Батумъ, Ардаганъ и Карсъ не сдѣлаются исходными точками разныхъ посланцовъ для коварныхъ козней, вслѣдъ за которыми могутъ своевременно появиться военныя силы,—простой уже фактъ, что Россія обладаетъ этими мѣстностями, окажетъ могущественное вліяніе на разложеніе азіатскихъ владѣній Порты. Сопоставляя слабость защиты, съ одной стороны, и увѣнчанное успѣхомъ нападеніе съ другой,—азіатскія населенія усмотрятъ въ этихъ завоеваніяхъ явленіе, предвѣщающее политическій ходъ исторіи въ ближайшемъ будущемъ, и выкажутъ, при совокупномъ дѣйствіи надеждъ и боязни, преданность возрастающему могуществу и измѣну власти, клонящейся къ полному упадку. Правительству ея величества не представляется возможнымъ подчиниться этимъ послѣдствіямъ, не употребивъ всѣхъ усилій для

Digitized by Google

ихъ устраненія,—послѣдствіямъ, которыя будутъ вызваны такими чувствами въ странахъ, политическое положеніе которыхъ столь тѣсно связано съ восточными интересами Великобританіи. Но правительство ея величества не намѣрено достичь этой цѣли посредствомъ военныхъ мѣръ, для возврата Турціи отвоеванныхъ отъ нея областей. Такого рода предпріятіе представило бы слишкомъ большія затрудненія и обошлось бы слишкомъ дорого. Оно могло бы повлечь за собой великія бѣдствія и не способствовало бы достиженію цѣли, намѣченной ея величествомъ. Цѣль эта можетъ быть достигнута при употребленіи такого рода мѣръ предосторожности, которыя могли бы быть приняты и не прибѣгая къ дѣйствіямъ войны.

«Единственная мѣра, могущая представить существенное обезпеченіе турецкому владычеству въ Малой Азіи, по возвратѣ нынѣшнихъ русскихъ захватовъ, заключалась бы въ обязательствѣ, принятомъ державою, настолько могущественною, чтобы исполнить его,—въ обязательствѣ сопротивляться вооруженною силою всякому дальнѣйшему захвату Россіей турецкой территоріи въ Азіи. Подобнаго рода обязательство, данное безъ оговорокъ и во всей полнотѣ, послужитъ преградою осуществленію подобнаго предположенія и укрѣпитъ одновременно въ населеніяхъ азіатскихъ владѣній необходимую вѣру въ то, что турецкому владычеству въ Азіи не угрожаетъ близкое паденіе. Однако, два необходимыхъ условія требуются отъ Порты, для того чтобы Великобританія была въ состояніи дать подобныя обязательства. Правительство ея величества поставило въ извѣстность Порту во время константинопольской конференціи, что оно не намѣрено поощрять дурное управленіе и притѣсненія. Необходимо, до заключенія конвенціи съ цѣлью огражденія азіатско-турецкихъ владѣній, въ виду нѣкоторыхъ случайностей, чтобы правительство королевы получило формальное увѣреніе въ намѣреніи султана ввести нужныя реформы въ управленіе христіанскими и другими подданными Порты въ тѣхъ мѣстностяхъ. Нѣтъ надобности требовать обязательствъ болѣе, чѣмъ въ общихъ выраженіяхъ, потому что окончательныя мѣры, которыя потребуются, могутъ быть опредѣлены впослѣдствіи и лишь при болѣе точномъ изученіи и зрѣломъ обсужденіи положенія. Весьма возможно, что тщательный выборъ и честная поддержка чиновъ, которымъ будетъ ввѣрена власть въ этихъ мѣстностяхъ, представятся для улучшенія участи народа болѣе важнымъ элементомъ, чѣмъ законодательныя измѣненія. Но требуемое Великобританіею право настаивать на удовлетворительныхъ измѣненіяхъ будетъ необходимымъ условіемъ всякой конвенціи, на которую можетъ согласиться правительство ея величества. Кромѣ того, необходимо для цѣлесообразнаго исполненія предлагаемыхъ здѣсь обязательствъ, чтобы правительство ея величества заняло мѣстность по сосѣдству съ Малой Азіей и Сиріей. Близость великобританскихъ чиновъ, а въ случаѣ нужды и вооруженныхъ силъ, послужитъ наиболѣе вѣрнымъ ручательствомъ, что цѣли, преслѣдуемыя настоящею конвенціею, будутъ достигнуты. Островъ Кипръ, казалось бы, во всѣхъ отношеніяхъ, болѣе соотвѣтствуетъ намѣченной цѣли. Правительство ея величества не желаетъ ни требовать отъ султана отчужденія подвластной ему территоріи, ни уменьшить доходы, получаемые нынѣ турецкимъ казначействомъ. Правительство, слѣдовательно, предложитъ, что, не смотря на занятіе острова и на управленіе имъ Великобританіею, территорія его тѣмъ не менѣе останется составною частью оттоманской имперіи и излишекъ доходовъ надъ расходами будетъ ежегодно уплачиваться Англіею въ турецкое казначейство.

«Такъ какъ это предложеніе вызвано пріобрѣтеніями Россіи въ азіатской Турціи и послѣдствіями, которыхъ отъ нихъ опасаются, то ясно должно быть условлено, что въ случаѣ прекращенія таковой опасности и условія предосторожности равномѣрно потеряютъ свою силу. Если русское правительство въ какое либо время возвратитъ Портѣ отвоеванныя отъ нея въ послѣднюю войну территоріи въ Азіи, то и постановленія предполагаемой конвенціи прекратятъ свое дѣйствіе, и островъ будетъ немедленно очищенъ. Прошу ваше превосходительство предложить Портѣ дать свое согласіе на конвенцію, постановляющую вышеизложенное, и даю вамъ полномочіе заключить ее во имя королевы и правительства ея величества».

Къ этой депешѣ приложена слѣдующая дословная конвенція, подъ названіемъ «оборонительнаго союза»:

Digitized by Google

«Ея величество королева Соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, императрица Индіи, и его величество султанъ, обоюдно одушевленные искреннимъ желаніемъ расширить и подкрѣпить дружелюбныя отношенія, благополучно существующія между обѣими имперіями, рѣшили заключить оборонительный союзъ съ цѣлью обезпечить въ будущемъ азіатскія владѣнія е. и. в. султана.

Ст. I. Въ томъ случаѣ, если Батумъ, Ардаганъ, Карсъ, или какой либо изъ этихъ городовъ, будутъ удержаны Россіей, и если въ какое либо время Россіей будетъ сдѣлана попытка завладѣть какою либо частью владѣній его величества султана, опредѣленныхъ окончательнымъ мирнымъ договоромъ, то Великобританія обязывается для защиты сказанныхъ владѣній присоединиться къ е. и. в. султану со своими вооруженными силами.

«Взамѣнъ этого, е. и. в. султанъ обѣщаетъ Великобританіи необходимыя реформы, (впослѣдствіи подлежащія установленію между обѣими державами), относящіяся къ хорошему управленію и покровительству какъ христіанскихъ, такъ и другихъ подданныхъ Блистательной Порты въ названныхъ ея владѣніяхъ; и чтобы поставить Великобританію въ возможность обезпечить необходимыя средства для исполненія своего обязательства, его императорское величество султанъ соглашается, кромѣ того, назначить островъ Кипръ для занятія и управленія имъ Англіею.

«*Ст. II.* Настоящая конвенція будетъ ратифицована и обмѣнъ ратификацій послѣдуетъ въ мѣсячный срокъ, а если возможно и ранѣе. Учинено въ Константинополѣ 4 іюня 1878 г.» (Подписано) Лейярдъ. Савфетъ.

Перваго іюня того же года, тѣми же уполномоченными, былъ подписанъ добавочный актъ, долженствующій опредѣлить условія англійскаго занятія, подъ названіемъ: «Приложеніе къ оборонительному союзу между Великобританіею и Турціею, подписанному 4 іюня 1878 г.»:

«Да будетъ установлено между обѣими высокими договаривающимися сторонами, что Великобританія согласна на занятіе и управленіе островомъ Кипромъ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Что духовный мусульманскій судъ (мехкемей-шери) будетъ продолжать свою дѣятельность на островѣ, въ области исключительно духовныхъ дѣлъ, не касаясь никакихъ иныхъ дѣлъ мусульманскаго населенія острова. II. Что совмѣстно съ делегатомъ, назначаемымъ британскими властями, будетъ назначенъ департаментомъ турецкихъ духовныхъ учрежденій мусульманскій житель острова (Евкафъ) для управленія фондами, имуществомъ и землями, принадлежащими мечетямъ, кладбищамъ, мусульманскимъ школамъ и инымъ духовнымъ учрежденіямъ, существующимъ на островѣ Кипрѣ. III. Что Англія будетъ уплачивать Блистательной Портѣ весь излишекъ доходовъ за покрытіемъ расходовъ по управленію островомъ; излишекъ этотъ будетъ разсчитанъ и опредѣленъ на основаніи средняго числа за послѣднія пять лѣтъ въ размѣрѣ двадцати двухъ тысячъ девятисотъ тридцати шести кошельковъ (22,936). Эта средняя цифра должна быть впослѣдствіи тщательно провѣрена и не должна касаться до суммъ, вырученныхъ отъ продажи и откупа имуществъ недвижимой собственности, принадлежавшихъ государству или оттоманской коронѣ во время названнаго срока. IV. Что Блистательная Порта можетъ свободно продавать или отдавать на откупъ земли, мѣстности и другія владѣнія на островѣ Кипрѣ, принадлежащія государству и оттоманской коронѣ (Аарази Мирія вэ Эмакли Хумаюнъ) прибыль отъ продажи или откупа которыхъ не составляетъ части доходовъ, упомянутыхъ въ ст. III.—V. Что великобританскому правительству предоставляется право отчужденія имуществъ своими подлежащими властями для пріобрѣтенія по удовлетворительной цѣнѣ необработанныхъ земель и необходимыхъ участковъ, долженствующихъ служить общественнымъ улучшеніямъ, равно какъ и другимъ цѣлямъ общественной пользы. VI. Что въ случаѣ, если Россія возвратитъ Турціи Карсъ и другія завоеванія, сдѣланныя ею въ Арменіи въ послѣднюю войну, то островъ Кипръ будетъ очищенъ Великобританіею и конвенція отъ 4 іюня 1878 г. прекратитъ дѣйствіе. Учинено въ Константинополѣ 1 іюля 1878 г.»

Переговоры, о которыхъ только что было изложено, завершили-

Digitized by Google

лись до сбора конгресса. Объ островѣ Кипрѣ не было упомянуто въ его совѣщаніяхъ.

Хотя уступка Кипра и была сдѣлана условно, но самый возвратъ острова Портѣ поставленъ въ прямую зависимость отъ возврата Россіею Батума, Ардагана и Карса, а потому VI ст. приложенія къ оборонительной конвенціи отъ 4 іюня есть ничто иное, какъ горькая насмѣшка, къ которой долженъ былъ прибѣгнуть великобританскій министръ, чтобы хоть небылицею загладить беззастѣнчивость гнуснаго захвата. Одно только англійское перо способно начертать такія умозрѣнія, какими лордъ Салисбюри руководился, составляя свою объяснительную депешу отъ 30 мая 1878 г., по поводу необходимости заключенія конвенціи отъ 4 іюня, натяжки которой принимаютъ уже грандіозные размѣры.

Если великобританское правительство удовлетворилось Кипромъ и англійскій леопардъ не наложилъ своихъ когтей на сирійское побережье, какъ о томъ мечталось ему въ мартѣ 1878 г., то это должно быть приписано отчасти французскому правительству. Припомнимъ по этому поводу, что, получивъ приглашеніе на берлинскій конгрессъ, французскій кабинетъ поставилъ, въ ясныхъ выраженіяхъ, свое соучастіе въ зависимость отъ условія, что на конгрессѣ вопросы о святыхъ мѣстахъ, Сиріи и Египтѣ не будутъ предметомъ совѣщаній. Послѣ столь категорическаго заявленія, слишкомъ затруднительнымъ показалось англійскому министерству затрогивать такого рода щекотливые вопросы. Но все таки Великобританія въ накладѣ не осталась, потому что пріобрѣла стратегическое положеніе, дающее возможность господствовать одновременно надъ Сиріей, Палестиною и Египтомъ.

Нельзя также умолчать объ естественномъ раздраженіи умовъ во Франціи, Италіи и Греціи, произведенномъ хищническимъ захватомъ Кипра. Англичане добыли себѣ барышъ: миръ сдѣлался возможнымъ!

XII.

Для полноты повѣствованія остается представить читателю самый текстъ Берлинскаго трактата [1]) и перечень того, что и кѣмъ было пріобрѣтено въ окончательномъ итогѣ, подведенномъ на Берлинскомъ конгрессѣ.

Начнемъ съ христіанскихъ населеній въ европейской Турціи, которыя не были присоединены ни къ Австріи, ни къ Черногоріи, Сербіи и Румыніи, и не вошли въ автономныя учрежденія Болгаріи или Восточной Румеліи и острова Крита, ни нѣкоторыхъ полунезависимыхъ племенъ горной Албаніи.

Эти христіанскія населенія принадлежатъ къ пяти различнымъ народностямъ: греческой, болгарской, албанской, румынской и сербской, и къ послѣдователямъ: православія, католичества и ислама.

Какъ въ Санъ-Стефанскомъ, такъ и въ Берлинскомъ договорахъ принято во вниманіе улучшенное устройство, подобное тому, кото-

[1]) См. въ «Приложеніи» къ этой статьѣ.

Digitized by Google

рое было установлено для острова Крита. Въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ добавлено, что новый уставъ долженъ примѣняться къ мѣстнымъ нуждамъ. Объ этомъ обстоятельствѣ не говорится въ Берлинскомъ договорѣ, который, въ свою очередь, упоминаетъ о томъ, что европейскіе подданные султана не будутъ изъяты отъ налоговъ, отъ которыхъ освобождены жители Крита.

Берлинскій договоръ какъ бы улучшилъ постановленіе Санъ-Стефанскаго въ томъ смыслѣ, что постановилъ учрежденіе не одного общаго для всѣхъ мѣстностей устава, но новые уставы для каждой области отдѣльно, имѣющіе послѣдствіемъ то, что каждая область получитъ свой собственный уставъ, примѣненный къ ея мѣстнымъ нуждамъ. Эта оговорка весьма полезна, въ виду наклонности турецкаго правительства, въ особенности сторонниковъ «молодой Турціи», избѣгать разнородности учрежденій, которой они страшатся, преслѣдуя постоянно мысль однообразныхъ учрежденій для всѣхъ столь разноплеменныхъ населеній государства.

Армяне.

XVI-я статья Санъ-Стефанскаго договора относительно Арменіи была принята конгрессомъ съ прибавленіемъ къ ней слѣдующихъ словъ:

«Блистательная Порта будетъ періодически извѣщать державы о принимаемыхъ ею съ этою цѣлью мѣрахъ, чтобы онѣ могли слѣдить за ихъ примѣненіемъ».

Но англичане уже предупредили постановленіе конгресса, истребовавъ, какъ мы видѣли выше, въ оборонительной конвенціи отъ 4 іюня, введеніе реформъ не только въ одной Арменіи, а во всей азіатской Турціи (ст. I, § второй). Объ этомъ обстоятельствѣ конгрессъ, однако, умолчалъ.

Армянскій вопросъ до сихъ поръ не выясненъ: онъ, по всей вѣроятности, сдѣлается въ недалекомъ будущемъ также вопросомъ англійскихъ интересовъ. Къ тому уже проявляются нѣкоторые признаки.

Критяне.

Надѣленные въ 1868 г. органическимъ уставомъ, ставящимъ ихъ въ исключительное, хотя и не автономное положеніе, жители острова Крита остались неудовлетворенными. Не только не сбылась ихъ завѣтная мечта присоединиться къ Греціи, но даже улучшенія, выговоренныя для нихъ въ уставѣ 1868 г., были плохо или вовсе не осуществлены. Волненія и духъ сопротивленія остались хроническими на островѣ. Относящіяся до острова Крита статьи Берлинскаго и Санъ-Стефанскаго договоровъ тожественны:

«Блистательная Порта обязывается примѣнить добросовѣстно на островѣ Критѣ органическій уставъ 1868 года». Русскіе уполномоченные предлагали добавить еще и слова: «принимая во вниманіе уже выраженныя туземнымъ населеніемъ желанія». Конгрессъ же удовлетворился добавкою: «*вводя измѣненія, которыя будутъ найдены справедливыми*». Но на кого возлагается судить о справед-

Digitized by Google

ливости этихъ измѣненій, объ этомъ умалчиваютъ вершители судебъ: на критянъ ли, на турокъ, или на великія державы?

Недомолвка конгресса относительно Крита уже проявила свои плоды. Населеніе опять возстало въ 1889 г. и взялось за оружіе: кровь проливалась.

Боснія и Герцеговина.

Участь Босніи и Герцеговины имѣлась въ виду XIV-ю статьею Санъ-Стефанскаго договора. Предполагалось ввести въ этихъ областяхъ улучшенія, постановленныя константинопольскою конференціею. Но конгрессъ разсудилъ иначе. По предложенію, сдѣланному маркизомъ Салисбюри, которое было оспариваемо лишь однимъ турецкимъ уполномоченнымъ, конгрессъ постановилъ статью XXV: «Герцеговина и Боснія будутъ заняты и управляемы Австро-Венгріею. Австро-венгерское правительство не пожелало принять на себя управленіе ново-базарскимъ санджакомъ, простирающимся между Сербіею и Черногоріею въ юго-восточномъ направленіи за Митровицу; и потому управленіе названнымъ санджакомъ осталось въ рукахъ Порты. Тѣмъ не менѣе, для обезпеченія вновь установленнаго политическаго положенія, равно какъ свободы и безопасности путей сообщенія, Австро-Венгрія предоставляетъ себѣ право имѣть свои гарнизоны, свои военные и торговые пути на всемъ пространствѣ этой части прежняго боснійскаго вилайета. По этому поводу Австро-Венгрія и Турція войдутъ въ соглашеніе между собой».

Смыслъ этой статьи не требуетъ никакого разъясненія. Великобританское правительство сочло нужнымъ отблагодарить Австро-Венгрію, отдавъ въ ея руки митровицкій ключъ отъ великаго европейскаго торговаго пути, оканчивающагося Салониками.

Объ участіи занятыхъ Австро-Венгріею областей въ долговыхъ обязательствахъ Порты—не упоминается. Устанавливая какъ бы новую преграду русскому вліянію на Балканскомъ полуостровѣ, не посѣялъ ли конгрессъ сѣмена будущихъ недоразумѣній и столкновеній?

Сербія.

На долю Сербіи выпало, кромѣ признанія ея независимости, территоріальное приращеніе, заканчивающее долголѣтній спорный вопросъ о Маломъ Зворникѣ и Сахарѣ. Новая южная граница Сербіи однако не доходитъ до Митровицы, но включаетъ въ себѣ верхнее теченіе Моравы до Вранья и нѣкоторые болгарскіе округа. Сокровенная мечта сербовъ была—присоединить къ княжеству Боснію; поэтому фактическій переходъ ея въ руки австрійцевъ вызвалъ въ умахъ сербовъ немалое раздраженіе. Впослѣдствіи Сербія была признана «королевствомъ» [1]).

Болгарія.

Болгары, послѣ вѣковыхъ притѣсненій и невыносимаго гнета подъ мусульманскимъ владычествомъ, достигли мощью русскаго оружія

[1]) Прокламація Милана объ 22 февраля 1882 г.

Digitized by Google

благодѣяній свободы. Однако, не суждено было осуществиться всему тому, что̀ русское правительство предполагало установить для Болгаріи, какъ на константинопольской конференціи, такъ и въ постановленіяхъ Санъ-Стефанскаго договора.

Санъ-Стефанскій договоръ учреждалъ княжество, платящее дань Турціи, съ христіанскимъ правительствомъ и народною милиціею; въ территоріальномъ же отношеніи для Болгаріи было выговорено то же самое, что̀ ей предназначалось и на константинопольской конференціи, съ прирѣзкой по направленію къ югу, съ выходомъ на Эгейское море, отъ Колхидскаго полуострова до устьевъ Марицы,— слѣдовательно съ довольно значительною береговою линіею, какъ на Черномъ морѣ, такъ и на Эгейскомъ.

Берлинскій конгрессъ, по настоянію великобританскихъ уполномоченныхъ, постановилъ учрежденіе двухъ Болгарій:

Первая, простирающаяся между Сербіею, Дунаемъ, Добруджею, Чернымъ моремъ и Балканами, учреждалась въ видѣ полунезависимаго княжества—данника Турціи и въ вассальномъ къ Портѣ отношеніи. Другая Болгарія, создавалась къ югу отъ Балканъ до адріанопольскаго и серескаго пашалыковъ, подъ названіемъ Восточной Румеліи, «оставаясь въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ подъ непосредственнымъ владычествомъ Порты, при условіи административной автономіи съ генералъ-губернаторомъ изъ христіанъ. Султану предоставляется право защиты сухопутныхъ и приморскихъ границъ этой области, равно какъ и постройки укрѣпленій на этихъ границахъ съ содержаніемъ въ нихъ гарнизоновъ, т. е. съ правомъ вооруженнаго занятія балканскихъ проходовъ между Болгарскимъ княжествомъ и Восточною Румеліею. Остальныя же мѣстности, заселенныя болгарами, равно какъ Македонія и Ѳракія, остались просто во власти Турціи съ неопредѣленною надеждою на введеніе улучшеній, упоминаемыхъ вообще въ XXIII ст. договора.

Наиболѣе счастливая участь христіанъ полуострова, конечно, пала на долю княжества Болгарскаго и привилегированной области «Восточной Румеліи», наконецъ, вышедшихъ изъ невыносимаго состоянія, въ которомъ они столѣтіями томились подъ ярмомъ турецкой расправы. Настоящее положеніе болгаръ упрочено — и поле дальнѣйшаго ихъ процвѣтанія въ будущемъ широко открыто. Отъ нихъ самихъ будетъ зависѣть ихъ будущность!

17/29 сентября 1885 г. произошелъ извѣстный филиппопольскій (пловдивскій) политическій переворотъ. Восточная Румелія была провозглашена княземъ Александромъ I присоединенною къ Болгарскому княжеству. 18/30 сентября князь Александръ Баттенбергскій объяснялъ державамъ свое поведеніе, прося ихъ признать соединеніе обѣихъ Болгарій.

Но не входило, однако, въ виды императорскаго русскаго правительства одобрить такой насильственный образъ дѣйствій, и не такимъ путемъ должна была быть достигнута цѣль, преслѣдуемая и на константинопольскихъ конференціяхъ, и въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ,—цѣль, которой сочувствовала вся Россія. С.-Петербургскій кабинетъ настойчиво требовалъ возврата къ положенію, установленному Берлинскимъ договоромъ. Нарушеніе одной изъ его

Digitized by Google

статей могло повлечь за собой самыя непредѣнныя послѣдствія, не входящія въ соображенія, которыми руководилось императорское правительство, желавшее оставаться на законной почвѣ.

Какъ только узнали въ Лондонѣ, какимъ образомъ отнеслись въ Петербургѣ къ филиппопольскому перевороту, великобританское министерство выказало самое сердечное сочувствіе къ событію, имѣющему, по его взглядамъ, враждебный Россіи характеръ. Такимъ образомъ, въ 1885 г. тотъ же маркизъ Салисбюри поддержалъ и поощрилъ то, чему онъ самъ такъ усердно, такъ страстно противодѣйствовалъ на Берлинскомъ конгрессѣ.

Въ Сербіи, объединеніе Болгаріи произвело сильное раздраженіе умовъ. Сербское правительство, руководясь совѣтами извнѣ, утверждало, что это событіе нарушило равновѣсіе на Балканскомъ полуостровѣ, въ ущербъ Сербіи. Не долго думая, король Миланъ ополчился, перешелъ съ своими войсками болгарскую границу и былъ разбитъ на голову. Онъ долженъ былъ обратиться вспять, преслѣдуемый побѣдителемъ, вторгнувшимся въ предѣлы Сербіи и остановленнымъ ея покровительницею Австріею у воротъ Бѣлграда.

Явно державы высказались въ смыслѣ возстановленія существовавшаго порядка вещей. Ихъ переговоры и совѣщанія умалили англійское пристрастіе къ князю Александру. Дѣло развязалось прямымъ соглашеніемъ между болгарскимъ правительствомъ и Портою, которымъ установлялось временное объединеніе на пятилѣтній срокъ. Что произойдетъ тогда?

Черногорія.

Черногорцы принимали дѣятельное участіе въ войнѣ. Они уже сражались до открытія русскими войсками военныхъ дѣйствій; они сражались еще, когда были подписаны адріанопольскія предварительныя условія мира.

Хотя независимость Черной горы уже издавна фактически существовала, не смотря на непризнаніе ея Портою, — съ окончаніемъ войны полная независимость княжества была признана не только турецкимъ правительствомъ, но и тѣми договаривающимися державами, которыя до этой поры формально еще не допускали ея.

Не смотря на то, что Берлинскій трактатъ значительно сократилъ выговоренныя Санъ-Стефанскимъ договоромъ условія въ пользу Черногоріи, тѣмъ не менѣе къ княжеству были присоединены довольно значительныя мѣстности, открывающія ему широкій доступъ къ Адріатическому морю, а именно: Антиварійскій округъ до рѣки Бояны, оставляя къ сѣверу Спицу—Австріи, а къ югу Дульциньо—Турціи (Албаніи). По направленію къ Албаніи, Черногоріи присуждена была завоеванная мѣстность съ Подгорицею включительно. По направленію же къ ново-базарскому округу конгрессъ убавилъ предназначавшуюся Черногоріи прирѣзку территоріи, находя полосу, предоставленную Австріи для ея доступа къ Салоникамъ, слишкомъ узкою. Эта прирѣзка была убавлена на половину противъ опредѣленій Санъ-Стефанскаго договора.

Однако выгоды, выговоренныя для Черногоріи, были въ значительной мѣрѣ умалены XXIX-ю статьею Берлинскаго трактата, по-

Digitized by Google

становившею: Антивари съ его прибрежьемъ присоединено къ Черногоріи подъ нижеслѣдующими условіями:

«Мѣстности, находящіяся къ югу отъ этого округа, вслѣдствіе вышеописаннаго разграниченія до р. Бояны съ Дульциньо включительно, будутъ возвращены Турціи. Община Спицы до сѣвернаго предѣла, означеннаго въ подробномъ описаніи границъ, войдетъ въ составъ Далмаціи. Полная свобода судоходства по р. Боянѣ устанавливается для Черногоріи. Не будетъ возведено никакихъ укрѣпленій по теченію этой рѣки, кромѣ тѣхъ, которыя необходимы для мѣстной защиты крѣпости Скутари и не далѣе разстоянія шести километровъ отъ нея.

«Черногорія не будетъ имѣть ни военныхъ судовъ, ни военнаго флага. Антиварійская гавань, равно какъ и воды, омывающія черногорское побережье, не доступны военнымъ судамъ какой либо державы. Укрѣпленія, построенныя между Скутарійскимъ озеромъ и черногорскимъ побережьемъ, будутъ снесены. Новыя же укрѣпленія въ названной мѣстности не могутъ быть воздвигаемы. Морская и санитарная полиція, какъ въ Антивари, такъ и вдоль черногорскаго побережья будетъ находиться въ вѣдѣніи Австро-Венгріи посредствомъ легкихъ прибрежныхъ сторожевыхъ судовъ. Черногорія будетъ руководиться нынѣ существующимъ въ Далмаціи морскимъ законодательствомъ. Съ своей стороны, Австро-Венгрія обязывается къ консульскому покровительству относительно черногорскаго торговаго флага. Черногорія должна будетъ войти въ соглашеніе съ Австро-Венгріею по отношенію права постройки и содержанія путей сообщенія и желѣзной дороги во вновь пріобрѣтенной Черногоріею мѣстности. Полная свобода сообщеній будетъ установлена на сказанныхъ путяхъ» [1]).

Во всѣхъ этихъ постановленіяхъ, принятыхъ подъ давленіемъ Англіи, ясно проглядываетъ едва скрытая враждебность конгресса къ Россіи и къ ея балканскимъ единовѣрцамъ, ради наибольшей пользы Австро-Венгріи.

Румынія.

Признаніе независимости Румыніи состоялось подъ двумя условіями: *равноправность всѣхъ исповѣданій* (*въ томъ числѣ и еврейскаго*) *и возвратъ Россіи отнятой у нея, въ 1856 г., части Бессарабіи* (стат. 43—45 Берл. тр.) взамѣнъ Добруджи. По поводу послѣдняго изъ этихъ условій, на конгрессѣ, въ девятомъ его засѣданіи, произошли весьма бурныя пренія. Не смотря на сопротивленіе русскихъ уполномоченныхъ, представители отъ Румыніи: Б. Братіано и Когальничано были допущены въ помѣщеніе засѣданія и имъ было предоставлено право слова. Румынскій министръ иностранныхъ дѣлъ сталъ развивать вопросъ о правѣ. Графъ Шуваловъ заявилъ, что согласіе его правительства на признаніе самостоятельности Румыніи поставлено въ зависимость отъ согласія ея на переуступку, требуемую Россіей. Чтобы уладить дѣло, французскій уполномоченный, г. Ваддингтонъ, обратился къ русскимъ представителямъ, взывая къ чувству справедливости и доброжелательства ихъ правительства, съ предложеніемъ: не будетъ ли возможнымъ найти какое либо вознагражденіе румынамъ, считающимъ себя обиженными, и этимъ успокоить совѣсть нѣкоторыхъ изъ его товарищей по конгрессу, находящихъ, что вознагражденіе, предназначаемое Румыніи, слишкомъ незначительно. Г. Ваддингтонъ предложилъ, чтобы княжеству была прирѣзана мѣстность къ югу отъ Добруджи,

[1]) Авторъ статьи не держится *буквально* напечатаннаго у насъ русскаго текста Берлинскаго трактата, но дѣлаетъ свой переводъ съ французскаго подлинника.

Digitized by Google

съ Силистріею на Дунаѣ и Мангаліею на Черномъ морѣ. Его предложеніе было поддержано представителями Австро-Венгріи и Италіи. Князь Горчаковъ возразилъ, что территоріальное увеличеніе къ югу отъ Добруджи въ пользу Румыніи не могло бы осуществиться безъ ущерба для Болгаріи, и безъ того уже обиженной. Румынія же получала все гирло Дуная. Съ своей стороны, графъ Шуваловъ добавилъ, что Россія уже достаточно щедро отнеслась къ Румыніи, предоставивъ ей область, превышающую болѣе, чѣмъ на 3,500 кв. верстъ переуступаемую ею Россіи часть Бессарабіи и, кромѣ того, еще 150 верстъ дунайскаго берега и значительное пространство черноморскаго побережья. Онъ полагаетъ однако, что его правительство можетъ согласиться на нѣкоторую прирѣзку къ востоку отъ Силистріи, предложивъ слѣдующую редакцію: «въ виду присутствія румынскихъ элементовъ въ той мѣстности, россійскіе уполномоченные согласны продолжить румынскую границу вдоль Дуная, отъ Рассова по направленію къ Силистріи, оставшейся за Болгаріей. Пограничная черта на Черномъ морѣ не должна простираться за Мангалію». Редакція графа Шувалова была принята конгрессомъ.

Не лишнимъ кажется упомянуть, что при этомъ случаѣ впервые зашла рѣчь о постройкѣ въ той мѣстности постояннаго моста черезъ Дунай.

44-ю статьею Берлинскаго трактата о свободѣ исповѣданій (второе условіе признанія независимости Румыніи) *воспользовались въ сущности лишь одни израильтяне*, такъ какъ всѣ христіанскія исповѣданія искони пользовались въ Дунайскихъ княжествахъ полною свободою, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ.

Заботу свою о евреяхъ конгрессъ выразилъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ Румыніи различіе религіозныхъ вѣрованій и исповѣданій не можетъ служить поводомъ къ исключенію кого либо или непризнанію за нимъ права пользованія гражданскими и политическими правами, допуска къ общественнымъ должностямъ, обязанностямъ и почестямъ, равно какъ и къ отправленію различныхъ промысловъ и ремеслъ въ какой бы то ни было мѣстности. Свобода и внѣшніе обряды всѣхъ исповѣданій будутъ обезпечены всѣмъ подданнымъ Румынскаго государства, равно какъ и всѣмъ иноземцамъ, и никакого препятствія не будетъ поставлено ни іерархическому устройству различныхъ исповѣданій, ни ихъ отношеніямъ къ своимъ духовнымъ властямъ. Подданные всѣхъ державъ, торговцы или другіе, будутъ имѣть, *безъ различія вѣры*, право на совершеніе одинаковое съ ними обращеніе въ Румыніи».

Маркизъ Салисбюри, по поводу 44-й статьи, сдѣлалъ конгрессу весьма своеобразное предложеніе. Онъ изъявилъ желаніе, чтобы *означенная статья была включена и въ румынскую конституцію* (какая нѣжная заботливость о «гонимомъ племени», которое съ тѣхъ поръ надѣлало уже немало вреда, въ особенности крестьянскому населенію Румыніи). Но въ Бухарестѣ весьма ловко обошли эту опасность, предложивъ измѣнить въ извѣстной мѣрѣ статью этой конституціи, относящуюся до принятія румынскаго подданства.

Digitized by Google

Не ожидая приведенія въ исполненіе условій признанія, Россія, Австро-Венгрія и Турція немедленно признали независимость княжества, отправивъ въ Бухарестъ своихъ посланниковъ. Франція же, Великобританія, Германія и Италія изъ-за принципа настаивали на предварительномъ исполненіи условій 44-ой статьи. Несговорчивѣе всѣхъ оказалась сначала Италія; но внезапно она отдѣлилась отъ другихъ и также отправила представителя своего правительства въ столицу Румыніи.

Статья VIII-ая Санъ-Стефанскаго договора гласила, что занимающія Болгарію русскія войска сохранятъ свои сообщенія съ Россіею не только чрезъ Румынію, но также и чрезъ гавани на Черномъ морѣ.

Крайне обидною показалась эта статья для румынъ. Какъ же это Россія сочла нужнымъ заключить съ ними 4/16 апрѣля 1877 г. конвенцію для прохода русскихъ армій чрезъ ихъ владѣнія; а послѣ побѣды, въ которой они принимали участіе, Россія, помимо ихъ, сговаривается прямо съ Турціей, налагая на страну всю тягость прохода войскъ, не заикнувшись даже о томъ въ Бухарестѣ, гдѣ поднялась страшная буря негодованій, впрочемъ весьма быстро утихшая, какъ мы увидимъ, вслѣдствіе слѣдующаго сообщенія, сдѣланнаго по телеграфу 3 апрѣля 1878 г. румынскимъ агентомъ въ Петербургѣ своему товарищу въ Вѣнѣ. Онъ ему сообщаетъ, что князь Горчаковъ, пригласивъ его къ себѣ, сказалъ: «Правда ли, что ваше правительство намѣрено протестовать противъ VIII-ой ст. договора, опредѣляющей сообщеніе русскихъ войскъ въ Болгаріи съ Россіей чрезъ Румынію? Государь, уже не благорасположенный къ вамъ изъ-за принятаго вами положенія по поводу Бессарабіи, утратитъ всякое терпѣніе, если подобное заявленіе будетъ вами сдѣлано. Его величество приказалъ мнѣ сказать вамъ для свѣдѣнія вашего правительства, что если вы намѣрены протестовать противъ означенной статьи или противиться ей, государь прикажетъ занять Румынію и обезоружить ея армію» [1]).

Тѣмъ не менѣе скромная попытка была сдѣлана румынскими представителями въ поданной ими конгрессу памятной запискѣ, отъ 24 іюня, и повторенной въ засѣданіи 1 іюля. Уполномоченные европейскаго ареопага, однако, не обратили ни малѣйшаго вниманія на румынскую выходку. Одинъ лишь французскій уполномоченный, обращаясь къ своимъ русскимъ сотоварищамъ по конгрессу, намекнулъ на то, нельзя ли будетъ направить возвращающіяся войска преимущественно по Дунаю и чрезъ Варну, на что онъ получилъ въ отвѣтъ, что это было бы возможно при удостовѣреніи въ быстромъ очищеніи Варны турками,—удостовѣреніи, которое не былъ въ состояніи дать турецкій уполномоченный Каратеодори.

Такъ какъ нѣкоторыми изъ державъ были уже заключены съ княжествомъ торговыя конвенціи, то конгрессу не пришлось дѣлать постановленія по этому вопросу, какъ то было сдѣлано относительно Сербіи. Въ статьѣ 48-ой лишь говорится о томъ, что никакія транзитныя пошлины не будутъ взимаемы въ Румыніи. Что касается

[1]) Négociations etc., стр. 392—393.

Digitized by Google

капитуляцій, то онѣ уже утратили всякое значеніе со временъ князя Кузы.

Ст. V Санъ-Стефанскаго договора содержитъ слѣдующее относительно военной контрибуціи въ пользу княжествъ: «Блистательная Порта признаётъ независимость Румыніи, которая предъявитъ свои права на вознагражденіе, имѣющее быть опредѣленнымъ обѣими сторонами» . . . Берлинскій конгрессъ ничего не постановилъ по этому вопросу. Что же касается до дани, прежде платимой Портѣ, то турецкій уполномоченный предъявилъ слѣдующее требованіе: «Дань, платимая въ настоящее время Румыніей, будетъ капитализирована, и реализованная сумма будетъ внесена въ турецкое казначейство въ . . . срокъ».

Лишь одинъ великобританскій уполномоченный поддержалъ это заявленіе, ссылаясь именно на интересы кредиторовъ Турціи (*преимущественно англичанъ*, конечно). Но сильно опровергнутое русскими уполномоченными, къ которымъ присоединились представители Франціи и Австро-Венгріи, турецкое заявленіе было отклонено. Вопросъ о румынскихъ монастыряхъ, посвященныхъ святымъ мѣстамъ, также былъ затронутъ конгрессомъ, но не рѣшенъ, вслѣдствіе затрудненій, которыя встрѣтилъ бы уже не разъ предложенный способъ окончить его третейскимъ судомъ.

Вопросъ о *положеніи Дуная* подвергся тремъ измѣненіямъ: въ военномъ, техническомъ и административномъ. 52-я статья рѣшила, что всѣ крѣпости и укрѣпленія, воздвигнутыя по теченію Дуная отъ Желѣзныхъ воротъ до его устьевъ, будутъ снесены, и новыхъ не будетъ выстроено. Никакое военное судно не будетъ допущено къ плаванію по Дунаю, кромѣ легкихъ судовъ, назначенныхъ для полицейскихъ цѣлей или таможенной службы. Вахтенныя же суда державъ у Дунайскихъ гирлъ имѣютъ право подыматься до Галаца. Это постановленіе выгодно какъ для Румыніи, такъ и для Сербіи и Болгаріи.

Совершенно иными представляются измѣненія въ техническомъ смыслѣ. Благоразумныя лондонскія постановленія 1871 года смѣнились положеніемъ вещей, установленнымъ 57-ою статьею. Вмѣсто всѣхъ прилегающихъ къ рѣкѣ державъ, которыя должны были участвовать въ улучшеніяхъ теченія и зато получать вознагражденіе съ судоходства, какъ то было прежде, *Австро-Венгріи одной поручается это дѣло*, хотя ея владѣнія болѣе не омываются Дунаемъ, начиная отъ Желѣзныхъ воротъ,—съ правомъ ей одной пользоваться прибылями отъ плаванія судовъ. Кромѣ того, на Румынію и на Сербію налагается тягость — оказывать, по требованію Австро-Венгріи, всевозможную помощь въ работахъ, производимыхъ въ предѣлахъ этихъ двухъ государствъ.

Въ административномъ отношеніи, конгрессомъ былъ оставленъ пробѣлъ. Вмѣсто того чтобы опредѣлить прямо срокъ существованія европейской комисіи, онъ постановилъ: предоставить рѣшеніе вопроса послѣдующему между державами соглашенію.

Европейская комисія, состоявшая первоначально изъ комисаровъ семи державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ 1856 г., увеличилась еще однимъ членомъ,—Румыніею,—и это увеличеніе личнаго состава не лишено справедливости, вслѣдствіе мѣстопребы-

Digitized by Google

ванія комисіи въ Румыніи; тѣмъ не менѣе оно свидѣтельствуетъ о томъ возрастающемъ значеніи, которое западная Европа желаетъ придать молодому государству на низовьяхъ Дуная. Работы же, которыя будутъ предприниматься между Галацомъ и Желѣзными воротами, будутъ производиться при участіи делегатовъ отъ Румыніи, Сербіи и Болгаріи. Хлопоты румынъ о признаніи нейтралитета княжества, о которомъ первая попытка была уже ими сдѣлана: на константинопольской конференціи въ 1876 г., вторично, послѣ заключенія военной конвенціи съ Россіею, въ апрѣлѣ 1877 г. и, наконецъ, въ памятной запискѣ отъ 1 іюля 1878 г., поданной конгрессу г. Когальничано,—остались тщетными. Но зато осуществилось событіе болѣе важное: румынскій народъ провозгласилъ самъ въ 1881 г. свое преобразованіе въ королевство, что было тотчасъ же признано всею Европою.

Мы слишкомъ вдались въ подробности по отношенію къ Румыніи, вслѣдствіе ея сосѣдняго съ Россіею положенія и той роли, которую ей суждено сыграть въ грядущія времена относительно освободившей ее сначала, а потомъ и выростившей великой сосѣдки... Цѣль, преслѣдуемая западною Европою при поощреніи новаго королевства, довольно очевидна. Послужитъ ли оно когда либо *оплотомъ противъ вѣчно ей грозящаго, не дающаго ей сна, возможнаго движенія Россіи къ югу*, т. е. исполненія легендарнаго завѣщанія Петра Великаго, никогда авторитетно не подтвержденнаго? Но есть ли надобность величайшей державѣ—еще болѣе раскинуться и оттодвинуть далѣе свои, и то уже безпредѣльныя, границы? Историческую же свою задачу она сможетъ выполнить и безъ поглощенія малосильныхъ сосѣдей, безъ кровопролитныхъ войнъ, безъ громадныхъ денежныхъ и человѣческихъ жертвъ. Враждебная предосторожность, принимаемая противъ Россіи, является безполезною и едва ли устойчивою, тѣмъ болѣе, если будутъ упущены изъ виду тѣ неразрывныя узы, которыя все же связываютъ единовѣрные народы, не смотря на всевозможныя политическія хитросплетенія и комбинаціи. Въ политикѣ, конечно, нѣтъ ни благодарности, ни признательности, — это почти «общее мѣсто», установившееся послѣ многократныхъ горькихъ и тяжкихъ опытовъ. Но также несомнѣнно существуетъ извѣстная высшая логика, извѣстные непреложные законы исторіи, въ которой и нравственныя требованія играютъ свою значительную роль. Пройдутъ года, столѣтія, и эти законы возьмутъ свое, и непонятное въ данную минуту положеніе оправдаетъ свою временную необходимость, даже неизбѣжность, въ общемъ сцѣпленіи міровыхъ явленій.

Въ концѣ XIX столѣтія, едва ли возможна «политика чувствъ»: она, вѣроятно, канула въ бездну навсегда. Всѣми международными вопросами руководятъ нынѣ, болѣе чѣмъ прежде, народные интересы. Ихъ попраніе одною державою въ ущербъ другой, конечно, должно нарушать общее равновѣсіе и порождать стремленіе къ его возстановленію. *Справедливая оцѣнка чужихъ интересовъ*, взаимное вниманіе къ нимъ, *справедливость въ требованіяхъ относительно своихъ собственныхъ интересовъ* представляютъ наиболѣе вѣрный путь для мирныхъ сношеній государствъ. Задача эта со дня на день облег-

Digitized by Google

чается все болѣе увеличивающимся развитіемъ рельсовыхъ путей, телеграфныхъ, а, можетъ быть, вскорѣ и телефонныхъ сѣтей, принесшихъ огромную пользу для умноженія торговыхъ и промышленныхъ сношеній между народами. Эти-то сношенія должны лечь и, безъ сомнѣнія, лягутъ всецѣло въ основаніе будущихъ международныхъ сношеній. При такихъ-то условіяхъ или, лучше, при осуществленіи ихъ, есть ли нужда, съ одной стороны, въ поглощеніи слабыхъ сосѣдей, съ другой—въ установленіи мнимыхъ и ненужныхъ преградъ и оплотовъ, которые притомъ, силою вещей, окажутся тщетными?

Персія.

Персія не была обойдена на Берлинскомъ конгрессѣ. По Санъ-Стефанскому договору, Порта обязалась принять въ серьезное вниманіе мнѣніе, еще прежде высказанное комисарами державъ-посредницъ (Россіи и Англіи) относительно обладанія городомъ Хотуромъ и объ окончательномъ разграниченіи между Персіею и Турціею. На конгрессѣ персидскій представитель, явившійся по приглашенію, заявилъ, что шахъ съ благодарностью принимаетъ возвратъ города Хотура. Переуступка этого города Персіи обусловливалась возвратомъ Россіей Турціи Баязида и Алашкерта, отошедшихъ къ Россіи по XIX-ой статьѣ Санъ-Стефанскаго договора въ уплату части военной контрибуціи.

Греція.

Что̀ касается Греціи, то и на ея долю выпало нѣкоторое, хотя и мало соотвѣтствовавшее ея вожделѣніямъ, удовлетвореніе. Конгрессъ выслушалъ заявленіе призваннаго на совѣщаніе греческаго представителя г. Деліаниса,—ходатайствовавшаго о присоединеніи острова Крита къ королевству,—хотя заявленіе это осталось тщетнымъ. Но французскій уполномоченный, сообща съ итальянскимъ, предложилъ обсужденію конгресса слѣдующее: конгрессъ приглашаетъ Порту условиться съ Греціею насчетъ исправленія границъ по направленію Эпира и Ѳессаліи, и держится того мнѣнія, что означенное исправленіе должно было бы принять направленіе вдоль долины рѣки Саламиріаса, по склону къ Эгейскому морю, и долины Каламаса со стороны Іонійскаго моря. Конгрессъ надѣется, что заинтересованныя стороны придутъ къ соглашенію. Тѣмъ не менѣе, для успѣха переговоровъ державы готовы предложить свои услуги для прямаго посредничества между обѣими сторонами. Графъ Андраши далъ полное свое согласіе на предложеніе, сдѣланное гг. Ваддингтономъ и Корти. По поводу этого предложенія, лордъ Биконсфильдъ, дѣлая неумѣстную выходку *противъ славянъ вообще* и заявляя о сочувствіи Англіи относительно Греціи,—сказалъ, что усилія его правительства всегда были направлены къ сохраненію добрыхъ отношеній между Турціей и Греціей для противовѣса вліянію третьей народности (славянъ); но никакъ не въ виду расчлененія Турціи присоединяется онъ къ сказанному предложенію, а вслѣдствіе сознанія въ необходимости исправленія греческой границы.

Digitized by Google

Князь Горчаковъ присоединился къ французскому предложенію, а графъ Шуваловъ далъ рѣзкій, хотя и поздній отпоръ увлекшемуся первому уполномоченному Великобританіи. «Не славяне,—сказалъ графъ Шуваловъ,—сдѣлаются нарушителями мира съ той поры, какъ Европа одаритъ ихъ установленіями, охраняющими ихъ жизнь и имущество, обезпечивающими ихъ благосостояніе: такое новое положеніе, а не какое-то соглашеніе турокъ съ греками, направленное противъ славянъ, можетъ послужить порукою для европейскаго спокойствія». На скромную попытку, сдѣланную турецкимъ уполномоченнымъ объ нѣкоторомъ измѣненіи въ редакціи статьи, предсѣдатель довольно рѣзко замѣтилъ ему, что дѣло это относится лишь до шести державъ, могущихъ всегда войти въ соглашеніе и безъ Турціи. Статья XXIV была постановлена.

«Въ случаѣ, если Блистательная Порта и Греція не сойдутся относительно исправленія границъ (указанныхъ въ XIII протоколѣ берлинскаго конгресса), то Греція, Австро-Венгрія, Франція, Великобританія, Италія и Россія оставляютъ за собой право предложить свое посредничество сторонамъ для облегченія переговоровъ».

Но Греція и Турція не пришли къ соглашенію относительно XIII протокола; вопросъ о разграниченіи былъ подвергнутъ переговорамъ представителей державъ въ Берлинѣ, постановившихъ, 25 іюня 1880 года, слѣдующую пограничную черту: отъ Адріатическаго моря вдоль теченія Каламаса до его источниковъ, оттуда—линія водораздѣла отъ Пинда до Олимпа и по склонамъ этой возвышенности до Эгейскаго моря. Порта рѣшительно отказалась принять это рѣшеніе; тогда послы въ Константинополѣ были вынуждены, 25 марта 1881 г., установить новое разграниченіе, менѣе выгодное для Греціи, въ особенности по отношенію Эпира, гдѣ рѣка Арта сдѣлалась пограничною чертою. Часть Ѳессаліи отошла къ Греціи, но только къ югу отъ Платоманы и Элапоны. Новая граница была принята Греціею 13/25 апрѣля, а Турціей—3 мая 1881 г. и приведена въ исполненіе [1]).

Но это приращеніе въ пользу Греціи вызвало немедленно въ Болгаріи притязанія относительно Македоніи, частью заселенной болгарами, частью греками, но считаемой греками своимъ достояніемъ. Греки стали требовать осуществленія границъ, постановленныхъ берлинскою конференціею 1880 г., по которымъ имъ представлялось возможнымъ болѣе успѣшно бороться съ болгарскимъ вліяніемъ.

Для сопротивленія болгарскимъ притязаніямъ, греческое правительство начало мобилизацію своихъ войскъ, призвало резервы, снарядило флотъ и заключило займы. Аѳинскій кабинетъ отказался покориться требованіямъ державъ о разоруженіи. Съ своей стороны, Турція стянула армію въ Ѳессалію. Открытый разрывъ казался неизбѣжнымъ. Но державы рѣшились совершить матеріальное давленіе на Грецію въ 1886 году, отправивъ въ критскія воды сводный флотъ, имѣвшій цѣлью удержать греческую эскадру отъ успѣшнаго нападенія на Турцію, предоставляя послѣдней державѣ свободное дѣйствіе на сушѣ. Франція вовсе не приняла участія въ этой демонстраціи, Россія же хотя и присоединилась къ ней, но болѣе въ ка-

[1]) Négociations etc, стр. 407.

Digitized by Google

чествѣ вооруженной зрительницы. Тогда французское правительство сочло нужнымъ вмѣшаться въ дѣло. Французскій представитель въ Аѳинахъ, г. Муи, вручилъ г. Деліанису, греческому министру иностранныхъ дѣлъ, торжественное предупрежденіе, составленное, впрочемъ, въ весьма дружелюбной формѣ, а именно:

...«Не желая преждевременно судить о рѣшеніяхъ Европы, мы увѣрены, что она поставитъ преграды къ исполненію тѣхъ намѣреній, которыя Греція можетъ питать противъ Турціи. Вскорѣ, безъ сомнѣнія, державы извѣстятъ эллинскій кабинетъ о своей волѣ и поставятъ его въ необходимость отказаться отъ своихъ вооруженій. Мы желали бы устранить отъ Греціи эту крайность. Поэтому-то мы и говоримъ его правительству: послушайтесь голоса доброжелательной вамъ державы. Послѣдуйте совѣтамъ, не имѣющимъ ничего унизительнаго для вашего самолюбія. Примите, пока еще время не миновало, починъ, находящійся въ вашей власти, честь котораго будетъ принадлежать вамъ. Къ этому мы прибавимъ, что если настанутъ болѣе благопріятные дни для Греціи, ея правительство подготовитъ ихъ своимъ предусмотрительнымъ поведеніемъ, за которое вся Европа ему будетъ признательна».

Греческое правительство поспѣшило принять этотъ благоразумный совѣтъ, о чемъ тотчасъ же увѣдомило представителей какъ Франціи, такъ и другихъ державъ. Шагъ, сдѣланный Франціею, былъ одобренъ другими правительствами. Но не такъ посмотрѣли на этотъ предметъ ихъ представители въ Аѳинахъ, не допускавшіе возможности возстановленія спокойствія дѣйствіемъ *одной лишь державы*, вдобавокъ еще не предупредившей ихъ. Какіе доводы уже при этомъ случаѣ не приводились! Они могли бы только быть сравнены съ тѣми, которыми лордъ Дерби едва не породилъ общаго европейскаго столкновенія въ 1878 году, обсуждая, какимъ образомъ долженъ быть представленъ Берлинскому конгрессу Санъ-Стефанскій договоръ. Въ этомъ случаѣ руководились преимущественно завистью и личною враждебностью. Общее мнѣніе приписываетъ все случившееся великобританскимъ и итальянскимъ агентамъ, вслѣдствіе отданныхъ имъ приказаній—во всемъ слѣдовать примѣру великобританскаго посланника.

Въ тотъ самый день, какъ французскій представитель въ Аѳинахъ вручилъ свою ноту г. Деліанису, а этотъ послѣдній сообщилъ ее одновременно со своимъ отвѣтомъ представителямъ прочихъ западныхъ державъ, представители эти препроводили эллинскому правительству угрожающій ультиматумъ. Не спрошенныя на этотъ предметъ правительства одобрили ультиматумъ, какъ одобрили они также и шагъ, сдѣланный Франціею. Даже самъ г. Гладстонъ, на котораго такъ крѣпко разсчитывали греки, не воздержался отъ порицанія. Тщетнымъ оказалось повиновеніе ультиматуму, выраженное греческимъ правительствомъ нотою г. Деліаниса отъ 26 апрѣля: великобританскій, германскій, австрійскій и итальянскій военные флаги появились у Фалѣры. Представители этихъ державъ покинули Аѳины. Остался въ Аѳинахъ лишь одинъ французскій посланникъ. Русскій же представитель, бывшій въ то время въ отсутствіи, вернулся нѣсколько дней спустя въ столицу Греціи. Была установлена строжайшая блокада всего греческаго побережья. Болѣе всѣхъ въ этомъ случаѣ выказала свое рвеніе Австро-Венгрія [1]). Порта поспѣшила при-

[1]) Négociations etc., стр. 410.

Digitized by Google

нести коалиціи живѣйшую признательность за ея заступничество,— только что поблагодаривъ Францію за ея посредничество, не состоявшееся вслѣдствіе того же заступничества!..

По окончательномъ сведеніи счетовъ, вѣроятно, окажется въ итогѣ нѣчто совершенно неожиданное: а именно перемѣщеніе, въ недалекомъ будущемъ, центра тяжести «восточнаго вопроса» изъ Константинополя въ Салоники,—въ ту Колхиду, куда устремляются австро-венгерскіе аргонавты, а съ ними и за ними и сыны Германіи, которые, безъ всякаго сомнѣнія, предпочтутъ болѣе краткій, прямой и никогда не замерзающій рельсовый путь прежнему извилистому дунайскому, для вывоза своихъ товаровъ на востокъ безъ перегрузки и задержекъ отъ льда и другихъ причинъ. Представитъ ли это большую пользу *англійскимъ интересамъ*, столь ревниво огражденнымъ на Берлинскомъ конгрессѣ и до него лордами Дерби, Биконсфильдомъ и Салисбюри—вопросъ не особенно сомнительный! «У страха глаза велики», гласитъ народная русская пословица. Страхъ до того обуялъ англійскихъ государственныхъ мужей при возможности видѣть Россію водружающею православный крестъ на Ая-Софіи, что для подкупа австро-германской помощи противъ подобнаго чудовищнаго для нихъ призрака, они, въ ослѣпленіи, поступились главнымъ своимъ интересомъ: сбытомъ своего товара, или, вѣрнѣе, вызвали ту безпощадную конкурренцію, которая въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ имъ со стороны Австро-Германіи. Въ силу вещей, правдоподобно, что бывшіе сердечные, заботливые союзники, быть можетъ, станутъ злѣйшими врагами въ погонѣ за барышами. Наврядъ ли окажутся въ будущемъ выгодными для Англіи и препятствія, постановленныя ею для допуска Болгаріи къ Эгейскому морю. Не понятны также и тѣ соображенія, которыми руководились Франція и Италія, поддержавшія въ этомъ случаѣ англійскіе доводы и мудрствованія. Для Россіи же подобный исходъ представляется скорѣе выгоднымъ съ разныхъ сторонъ, а главнымъ образомъ—съ точки зрѣнія пресловутаго вопроса о проливахъ, который, понятно, долженъ утратить многія изъ тѣхъ свойствъ, которыя ему издавна приписывались, и отойти на второй планъ. Рѣшеніе его будетъ, вѣроятнѣе всего, поставлено въ зависимость уже не отъ вооруженнаго вмѣшательства Великобританіи и ея западно-европейскихъ кліентовъ, а отъ постепеннаго правильнаго развитія и усиленія славянскихъ народностей Балканскаго полуострова. Когда плодъ созрѣлъ, онъ самъ падаетъ съ дерева.

Австро-Венгрія.

Загребая жаръ чужими руками, Австро-Венгрія, не обнаживъ меча и при ничтожныхъ матеріальныхъ расходахъ, доставила себѣ, своею умѣлою, но наврядъ ли правдивою политикою—почти львиную долю при разсчетахъ, а именно:

1) Едва замаскированное фикціей «оккупаціи», присоединеніе къ своимъ владѣніямъ Босніи и Герцеговины съ постановленіями относительно ново-базарскаго округа. 2) Нейтрализацію и административное присоединеніе уступленнаго Черногоріи побережья на

Digitized by Google

Адріатическомъ морѣ. Хотя уступленная Турціею Спица съ ея округомъ не простирается болѣе, чѣмъ на 37 кв. верстъ, но она господствуетъ надъ Антивари [1]). 3) Исполненіе работъ у Желѣзныхъ воротъ на Дунаѣ поручено Австро-Венгріи. Взиманіе временныхъ поборовъ, установленныхъ ст. VI-ю лондонскаго трактата 1871 г. для покрытія расходовъ по работамъ, утверждено въ пользу Австро-Венгріи. 4) Небольшая турецкая крѣпость Ада-Калэ на островкѣ того же названія, находящаяся недалеко отъ австрійскаго берега Дуная между Желѣзными воротами и порогами, должна была быть срыта, и гарнизонъ въ силу III ст. Санъ-Стефанскаго договора выведенъ. Берлинскій трактатъ обошелъ это обстоятельство молчаніемъ. 5) Рѣшено соединеніе австро-венгерскихъ желѣзныхъ дорогъ съ митровицъ-салоникской линіею, устанавливающее безпрерывное сношеніе между Гамбургомъ и Салониками.

Великобританія.

Англія, предварительно заручившись вынужденнымъ согласіемъ Блистательной Порты, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ отторгла у нея островъ Кипръ. Мы выше указали на тѣ невѣроятные доводы, которыми англичане желали оправдать, не дѣлающій имъ чести, коварный и гнусный захватъ, возбудившій возгласы негодованія во Франціи, Италіи и Греціи, равно какъ и въ самой Турціи.

Другое весьма существенное постановленіе Великобританія выговорила въ свою пользу въ трактатѣ, оставляя открытымъ для себя турецкій торговый путь чрезъ Трапезундъ въ Персію и къ источникамъ Евфрата. Съ англійской точки зрѣнія, немалымъ успѣхомъ было замѣщеніе русско-турецкихъ комисій европейскими для устройства Болгаріи и другихъ областей европейской Турціи.

Наконецъ, вопросъ о проливахъ остался незатронутымъ.

Франція.

Со времени страшнаго разгрома Франціи въ 1871 г., политическое значеніе ея въ сонмѣ европейскихъ государствъ въ значительной степени умалилось. Борьба партій, постоянно стремящихся къ низверженію другъ друга въ управленіи страною, ослабляя правительство, является главнѣйшею причиною медленности въ возстановленіи того положенія въ Европѣ, на которое Франція имѣетъ безусловно право въ силу европейскаго равновѣсія. Такое состояніе имѣло пагубное для нея послѣдствіе: на берлинскомъ конгрессѣ голосъ Франціи, почти впервые въ новѣйшія времена, не имѣлъ ни вѣса, ни значенія. Она ровно ничего не могла выговорить въ свою пользу въ общей наживѣ и должна была удовлетвориться скром-

[1]) Вотъ въ какихъ характеристическихъ выраженіяхъ высказывалась въ іюнѣ 1880 г. весьма распространенная въ Австро-Венгріи газета «Pester Llojd» по поводу новаго пограничнаго сосѣдства съ Албаніею: «Албанцы суть возможные въ будущемъ наши союзники, силу которыхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ ослаблять въ южно-славянской средѣ. Они—румыны юго запада». Не вѣрное ли это отраженіе зеркала»? Négociations, стр. 421.

Digitized by Google

нымъ заявленіемъ, что ея интересы въ Сиріи не будутъ затронуты и ея покровительство надъ латинскими монахами сохранено за ней.

Сближеніе Франціи съ Россіей, ознаменовавшееся въ послѣднія времена торжественными демонстраціями,—сначала въ Кронштадтѣ, Петербургѣ и Москвѣ, а, два года спустя, еще болѣе внушительными, принявшими стихійный характеръ, чествованіями русскихъ моряковъ въ Тулонѣ и Парижѣ,—совершенно измѣнили ея положеніе въ качествѣ члена европейской семьи: она снова заняла подобающее ей мѣсто въ сонмѣ великихъ державъ и, временно нарушенное пресловутою тройственною лигою мира, европейское равновѣсіе явно возстановилось чрезъ это сближеніе.

Россія.

Громадныя жертвы, принесенныя Россіей въ послѣднюю войну съ Турціей въ 1877—1878 г.г., съ матеріальной стороны далеко не вознаградились постановленіями Берлинскаго трактата, умалившаго, какъ извѣстно, весьма существеннымъ образомъ то, что было достигнуто Санъ-Стефанскимъ договоромъ, цѣною цѣлыхъ потоковъ русской крови. Воздаяніе было довольно скудное! Но съ нравственной точки зрѣнія война увѣнчалась полнымъ, безповоротнымъ успѣхомъ: многомилліонныя единовѣрныя населенія Балканскаго полуострова освободились отъ нестерпимаго гнета мусульманскаго владычества и отъ расправы дикихъ баши-бузуковъ. Здѣсь Россія осуществила свое завѣтное историческое призваніе и сдѣлала великій шагъ въ этомъ направленіи.

Въ заключеніе, слѣдуетъ указать на то впечатлѣніе, которое произвелъ на умы въ Россіи пресловутый трактатъ 1/13 іюня 1878 г. Оно было несомнѣнно удручающее и легло тяжкимъ гнетомъ на душу всей страны... Это было вполнѣ понятно: исходъ не соотвѣтствовалъ весьма естественнымъ ожиданіямъ,—достигнутое не было соразмѣрно съ жертвами. Это удручающее впечатлѣніе, въ свое время, всего ярче выразилось въ извѣстной рѣчи И. С. Аксакова.

Причину успѣха, одержаннаго европейскими державами на Берлинскомъ конгрессѣ, въ ущербъ Россіи, и не давшаго ей возможности воспользоваться плодами громадныхъ жертвъ, понесенныхъ ею въ послѣднюю войну, слѣдуетъ искать въ той политической стратегіи, которою руководилась Россія нѣсколько лѣтъ до начала этой войны, и преимущественно предъ самымъ началомъ франко-прусской распри.

Безкорыстная помощь и болѣе чѣмъ сочувственный образъ дѣйствій Россіи давали ей какъ бы нравственное право разсчитывать на взаимность со стороны тѣхъ, которымъ она, развязавъ руки, дала полную возможность достигнуть немыслимыхъ безъ этого результатовъ. Но надежды Россіи остались чисто платоническими, и даже наивными. При окончательномъ сведеніи счетовъ въ Берлинѣ въ 1878 году, выяснилось, какую цѣну слѣдуетъ придавать ожидаемой и заслуженной политической благодарности!

Трудно сказать, какой оборотъ принялъ бы ходъ событій, еслибы на конгрессѣ русскіе представители нашли опору и сочувствіе со

Digitized by Google

стороны тѣхъ, на которыхъ возлагалась весьма естественная, но обманутая надежда.

Такаго рода положеніе приводитъ, въ силу событій, къ единственному раціональному заключенію: что *безкорыстіе* въ политикѣ должно быть рѣшительно отодвинуто на самый отдаленный планъ, а при политическихъ сдѣлкахъ должно быть ясно и положительно опредѣлено то, на что условливающіеся вправѣ разсчитывать, руководясь при этомъ лишь собственными *національными интересами*.

Не повлекло ли несоблюденіе этого основнаго начала къ тому положенію, въ которомъ оказалась Россія на конгрессѣ, и къ той неудачѣ, которой она подверглась? Одно есть простое послѣдствіе другаго. Этотъ новый урокъ не долженъ пройти для насъ безслѣдно.

Б. К. П.

Конецъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Берлинскій мирный трактатъ 1878 г.

Статья I.

Болгарія образуетъ изъ себя княжество самоуправляющееся и платящее дань, подъ главенствомъ его императорскаго величества султана; она будетъ имѣть христіанское правительство и народную милицію.

Статья II.

Болгарское княжество будетъ заключать въ себѣ нижеслѣдующія территоріи:

Граница слѣдуетъ на сѣверѣ по правому берегу Дуная, начиная отъ старой границы Сербіи до пункта, который будетъ опредѣленъ европейскою комисіею къ востоку отъ Силистріи, и оттуда направляется къ Черному морю на югъ отъ Мангаліи, которая присоединяется къ румынской территоріи. Черное море образуетъ восточную границу Болгаріи. На югъ граница подымается по руслу ручья, начиная отъ устья его, близь котораго находятся деревни: Ходжакіей, Селамъ-Кіей, Айваджикъ, Кулибе, Суджулукъ; пересѣкаетъ косвенно долину Дели-Камчика, проходитъ къ югу отъ Белибе и Кемгаликa, и къ сѣверу отъ Хаджимагале, перейдя черезъ Дели-Камчикъ въ $2^1/_2$ километрахъ выше Ченгея; достигаетъ гребня въ пунктѣ, лежащемъ между Текенликомъ и Айдосъ-Бреджа, и слѣдуетъ по оному чрезъ Карнабадъ-Балканъ, Пришевицу-Балканъ, Казанъ-Балканъ, къ сѣверу отъ Котла до Демиръ-Капу. Граница эта продолжается по главной цѣпи Большаго Балкана и слѣдуетъ по всему ея протяженію до вершины Косица. Здѣсь она оставляетъ хребетъ Балкана, спускается къ югу между деревнями Пиртопъ и Дуванцы, изъ конхъ первая остается за Болгаріею, а вторая за Восточною Румеліею, до ручья Тузлу-Дере, слѣдуетъ по его теченію до сліянія съ Топольницею; потомъ по этой рѣкѣ до соединенія ея съ Смовскіо-Дере близь деревни Петричево, оставляя за Восточною Румеліею пространство съ радіусомъ въ два километра выше этого соединенія; подымается между ручьями Смовскіо-Дере и Каменица, слѣдуя по линіи водораздѣла, затѣмъ на высотѣ Войньяка поворачиваетъ къ юго-западу и достигаетъ, по прямому направленію, пункта 875, обозначеннаго на картѣ австрійскаго генеральнаго штаба.

Граничная линія пересѣкаетъ въ прямомъ направленіи верхній бассейнъ ручья Ихтиманъ-Дере, проходитъ между Богдиною и Караулою, достигаетъ линіи водораздѣла бассейновъ Искера и Марицы, между Чамурлы

Digitized by Google

и Хаджиларомъ, слѣдуетъ по этой линіи, по вершинамъ Велина Могилы, чрезъ перевалъ 531, Змайлицы-Врхъ, Сумнатицы и примыкаетъ къ административной границѣ софійскаго санджака между Сиври-Ташъ и Чадыръ-Тепе.

Отъ Чадыръ-Тепе граница, направляясь къ юго-западу, слѣдуетъ по линіи водораздѣла между бассейнами Места Карасу съ одной стороны и Струма Карасу съ другой, пролегаетъ по гребнямъ Родопскихъ горъ, называемыхъ Демиръ-Капу, Искофтепе, Кадимесаръ-Балканъ и Аджи-Гедюкъ до Капетникъ-Балкана и сливается такимъ образомъ съ прежнею административною границею софійскаго санджака. Отъ Капетникъ-Балкана граница обозначается линіею водораздѣла между долинами Рильска-рѣка и Бистрица-рѣка и слѣдуетъ по отрогу, называемому Воденица-Планина, спускается въ долину Струмы при сліяніи этой рѣки съ Вильска-рѣкою, оставляя деревню Баракли за Турціею. Она подымается засимъ къ югу отъ деревни Іелешница, достигаетъ по кратчайшей линіи цѣпи горъ Голема Планина у вершины Гитка и тутъ примыкаетъ къ прежней административной границѣ софійскаго санджака, оставляя, однако, за Турціею весь бассейнъ Сухой рѣки. Отъ горы Гитка западная граница направляется къ горѣ Црни-Врхъ, по горамъ Карвена Ябука, слѣдуя по старой административной границѣ софійскаго санджака, въ верхнихъ частяхъ бассейновъ Егрису и Лепницы, достигаетъ вмѣстѣ съ нею гребней Бабиной поляны и оттуда горы Црни-Врхъ. Отъ горы Црни-Врхъ граница слѣдуетъ по водораздѣлу между Струмою и Моравою, по вершинамъ Стрешера, Вилоголо и Мешидъ Планина; далѣе чрезъ Гачину, Црна-Трава, Дарковска и Драйница-Планина и чрезъ Дешчани Кладанецъ достигаетъ водораздѣла Верхняго Суково и Моравы, идетъ прямо на Столъ и, спускаясь оттуда, пересѣкаетъ дорогу изъ Софіи въ Пиротъ въ разстояніи 1000 метровъ къ сѣверо-западу отъ деревни Сегуша; она подымается потомъ по прямой линіи на Видичъ-Планину и оттуда на гору Радочина, въ цѣпи горъ Коджа-Балканъ, оставляя за Сербіею деревню Дойкинци, а за Болгаріею деревню Сенакосъ. Отъ вершины горы Радочина граница направляется къ западу по гребню Балканскихъ горъ чрезъ Чипровецъ-Балканъ и Стара-Планина до прежней восточной границы Сербскаго княжества возлѣ Кулы Смиліева-Чука и оттуда, этою же границею, до Дуная, къ которому она примыкаетъ у Раковицы.

Это разграниченіе будетъ установлено на мѣстѣ европейскою комиссіею, въ которой державы, подписавшія трактатъ, будутъ имѣть своихъ представителей. Само собою разумѣется: 1) что эта комиссія приметъ во вниманіе необходимость для его величества султана быть въ состояніи защитить границы Балканъ въ Восточной Румеліи; 2) что въ районѣ 10 километровъ вокругъ Самакова не могутъ быть воздвигаемы укрѣпленія.

Статья III.

Князь Болгаріи будетъ свободно избираемъ населеніемъ и утверждаемъ Блистательной Портою съ согласія державъ. Ни одинъ изъ членовъ династій, царствующихъ въ великихъ европейскихъ державахъ, не можетъ быть избираемъ княземъ Болгаріи.

Въ случаѣ, если званіе князя болгарскаго останется не замѣщеннымъ, избраніе новаго князя будетъ произведено при тѣхъ же условіяхъ и въ той же формѣ.

Статья IV.

Собраніе именитыхъ людей Болгаріи, созванное въ Тырновѣ, выработаетъ, до избранія князя, органическій уставъ княжества. Въ мѣстностяхъ, гдѣ болгары перемѣшаны съ населеніями турецкимъ, румынскимъ, греческимъ и другими, будутъ приняты во вниманіе права и интересы этихъ населеній по отношенію къ выборамъ и выработкѣ органическаго устава.

Статья V.

Въ основу государственнаго права Болгаріи будутъ приняты слѣдующія начала:

Различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо, или непризнанію за кѣмъ-либо

Digitized by Google

правоспособности во всемъ томъ, что̀ относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы то мѣстности ни было. Всѣмъ болгарскимъ уроженцамъ, а равно и иностранцамъ обезпечиваются свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія; не могутъ быть также дѣлаемы какія либо стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ ихъ съ ихъ духовными главами.

Статья VI.

Временное управленіе Болгаріи, до окончательнаго составленія органическаго устава Болгаріи, будетъ находиться подъ руководствомъ россійскаго императорскаго комисара. Для содѣйствія ему, съ цѣлью наблюденія за ходомъ временнаго управленія, будутъ призваны императорскій оттоманскій комисаръ и консулы, для сего назначенные прочими державами, подписавшими настоящій трактатъ. Въ случаѣ разногласія между консулами, оно будетъ разрѣшаться большинствомъ голосовъ, а, при несогласіи этого большинства съ императорскимъ россійскимъ комисаромъ или съ императорскимъ оттоманскимъ комисаромъ, представители въ Константинополѣ державъ, подписавшихъ трактатъ, собравшись на конференцію, постановляютъ рѣшеніе.

Статья VII.

Временное управленіе не можетъ быть продолжено болѣе срока девяти мѣсяцевъ отъ дня размѣна ратификаціи настоящаго трактата.

Когда органическій уставъ будетъ оконченъ, немедленно послѣ сего будетъ приступлено къ избранію князя Болгаріи. Какъ только князь будетъ водворенъ, новое управленіе будетъ введено въ дѣйствіе и княжество вступитъ въ полное пользованіе своею автономіею.

Статья VIII.

Трактаты о торговлѣ и судоходствѣ, а равно всѣ конвенціи и отдѣльныя соглашенія, заключенныя между иностранными державами и Портою и нынѣ дѣйствующія, сохраняютъ свою силу въ княжествѣ Болгаріи и въ нихъ не будетъ сдѣлано никакого измѣненія по отношенію къ какой бы то ни было державѣ до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ на то согласія съ ея стороны.

Никакихъ транзитныхъ пошлинъ не будетъ взиматься въ Болгаріи съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ княжество. Подданные и торговля всѣхъ державъ будутъ пользоваться въ ней совершенно одинаковыми правами. Льготы и привилегіи иностранныхъ подданныхъ, равно какъ права консульской юрисдикціи и покровительства, въ той мѣрѣ какъ онѣ были установлены капитуляціями и обычаями, останутся въ полной силѣ до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ измѣнены съ согласія заинтересованныхъ сторонъ.

Статья IX.

Размѣръ ежегодной дани, которую болгарское княжество будетъ платить верховному правительству, внося ее въ банкъ, имѣющій быть указаннымъ впослѣдствіи времени Блистательною Портою, будетъ опредѣленъ по соглашенію между державами, подписавшими настоящій трактатъ, къ концу перваго года дѣйствія новаго управленія. Эта дань будетъ исчислена по разсчету средней доходности княжества. Болгарія, будучи обязана нести на себѣ часть государственнаго долга имперіи; державы, при опредѣленіи дани, примутъ въ разсчетъ ту часть долга, которая должна будетъ пасть на долю княжества по справедливому распредѣленію.

Статья X.

Болгарія заступаетъ императорское оттоманское правительство въ его обязанностяхъ и обязательствахъ по отношенію къ обществу рущукско-варнской желѣзной дороги со времени обмѣна ратификаціи настоящаго трактата.

Digitized by Google

Сведеніе прежнихъ счетовъ предоставляется соглашенію между Блистательною Портою, правительствомъ княжества и управленіемъ этого общества. Равнымъ образомъ болгарское княжество заступаетъ, въ соотвѣтственной долѣ, Блистательную Порту въ обязательствахъ, принятыхъ ею какъ относительно Австро-Венгріи, такъ и общества эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ въ европейской Турціи по окончанію, соединенію и эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ линій, находящихся на его территоріи. Конвенціи, необходимыя для окончательнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ, будутъ заключены между Австро-Венгріею, Портою, Сербіею и Болгарскимъ княжествомъ немедленно послѣ заключенія мира.

Статья XI.

Оттоманская армія не будетъ болѣе пребывать въ Болгаріи; всѣ старыя крѣпости будутъ срыты на счетъ княжества по истеченіи года или раньше, если можно; мѣстное правительство приметъ немедленно мѣры къ ихъ уничтоженію и не можетъ сооружать новыхъ. Блистательная Порта будетъ имѣть право располагать по своему желанію военнымъ матеріаломъ и другими предметами, принадлежащими оттоманскому правительству, которые остались въ дунайскихъ крѣпостяхъ, уже очищенныхъ войсками въ силу перемирія 31 января, равно какъ и тѣми, которые найдутся въ крѣпостяхъ Шумлѣ и Варнѣ.

Статья XII.

Собственники мусульмане или другіе, которые поселятся внѣ княжества, могутъ сохранить въ немъ свои недвижимости, отдавая ихъ въ аренду или въ управленіе другимъ лицамъ. На турецко-болгарскую комисію будетъ возложено окончательное рѣшеніе, въ теченіе двухъ лѣтъ, всѣхъ дѣлъ, касающихся способа отчужденія, эксплуатаціи или пользованія, за счетъ Блистательной Порты, какъ государственными имуществами, такъ и принадлежащими духовнымъ учрежденіямъ (вакуфы), равно какъ и вопросовъ, касающихся до могущихъ быть замѣшанными въ нихъ интересовъ частныхъ лицъ. Уроженцы болгарскаго княжества, путешествующіе или проживающіе въ другихъ частяхъ оттоманской имперіи, будутъ подчинены властямъ и законамъ оттоманскимъ.

Статья XIII.

На югъ отъ Балканъ образуется провинція, которая получитъ наименованіе «Восточной Румеліи» и которая останется подъ непосредственною политическою и военною властью его императорскаго величества султана на условіяхъ административной автономіи. Она будетъ имѣть генералъ-губернаторомъ христіанина.

Статья XIV.

Восточная Румелія граничитъ къ сѣверу и сѣверо-западу съ Болгаріею и вмѣщаетъ въ себѣ территоріи, заключающіяся въ слѣдующемъ очертаніи:

Начиная съ Чернаго моря, пограничная линія подымается по руслу ручья, начиная отъ устья его, близъ котораго ручья находятся деревни: Ходжакіей, Селамъ-Кіей, Айваджикъ, Кулибе, Суджулукъ; косвенно пересѣкаетъ долину Дели-Камчика, проходитъ къ югу отъ Белибе и Кемгалика и къ сѣверу отъ Хаджимагале, перейдя черезъ Дели-Камчикъ въ $2^1/_2$ километрахъ выше Ченгея; достигаетъ гребня въ пунктѣ, лежащемъ между Текенликомъ и Айдосъ-Бреджа, и слѣдуетъ по оному чрезъ Карнабадъ-Балканъ, Пришевицу-Балканъ, Казанъ-Балканъ, къ сѣверу отъ Котла до Демиръ-Капу. Она продолжается по главной цѣпи Большаго Балкана и слѣдуетъ по всему ея протяженію до вершины Косица. Въ этомъ мѣстѣ западная граница Румеліи оставляетъ гребень Балкана, спускается къ югу между деревнями Пиртопъ и Дуванцы, изъ коихъ первая остается за Болгаріею, а вторая за Восточною Румеліею, до ручья Тузлу-Дере; слѣдуетъ по его теченію до сліянія его съ Топольницею, потомъ по этой рѣкѣ до сліянія ея съ Сиовскіо-Дере близъ деревни Петричево, оставляя за Восточною Румеліею про-

Digitized by Google

странство съ радіусомъ въ два километра выше этого соединенія; подымается между ручьями Смовскіо-Дере и Каменица, слѣдуя по водораздѣлу; затѣмъ на высотѣ Войньяка поворачиваетъ къ югу-западу и достигаетъ, въ прямомъ направленіи, пункта 875 карты австрійскаго генеральнаго штаба.

Граничная линія пересѣкаетъ въ прямомъ направленіи верхній бассейнъ ручья Ихтиранъ-Дере, проходитъ между Богдиною и Камаулою, достигаетъ водораздѣла бассейновъ Искера и Марицы, между Чамурлы и Хаджиларомъ; слѣдуетъ по этой линіи по вершинамъ Велина Могилы, чрезъ перевалъ 531, Змайлицы-Врхъ, Сумнатицы и примыкаетъ къ административной границѣ софійскаго санджака между Сиври-Ташъ и Чадыръ-Тепе. Граница Румеліи отдѣляется отъ границы Болгаріи у горы Чадыръ-Тепе, слѣдуя по водораздѣлу бассейновъ Марицы и ея притоковъ съ одной стороны и Места-Карасу и ея притоковъ съ другой, и беретъ направленія юго-восточное и южное по гребню горъ Деспото-Дагъ къ горѣ Крушова (исходной точкѣ граничной черты Санъ-Стефанскаго договора). Отъ горы Крушова, граница совпадаетъ съ границей, опредѣленной Санъ-Стефанскимъ договоромъ, т. е. идетъ по цѣпи Черныхъ Балканъ (Кара-Балканъ), по горамъ Кулаши-Дагъ, Эшекъ-Чепелію, Караколасъ и Ишикларъ, откуда она спускается прямо къ юго-востоку на соединеніе съ рѣкой Ардою, по руслу которой идетъ до пункта, лежащаго близъ деревни Ада-Чали, которая остается за Турціею. Отъ этого пункта граничная линія подымается до гребня Бештепе-Дагъ, по которому тянется, и спускается, пересѣкая Марицу въ пунктѣ, лежащемъ въ пяти километрахъ выше моста Мустафа-паши; засимъ она направляется къ сѣверу по водораздѣлу между Демирханли-Дере и мелкими притоками Марицы до Кюделеръ-Баира, откуда идетъ на востокъ къ Сакаръ-Баиру; потомъ пересѣкаетъ долину Тунджи, направляясь къ Буюкъ-Дербенту, оставляя его на сѣверѣ, также какъ и Суджакъ. Изъ Буюкъ-Дербента она идетъ снова по водораздѣлу между притоками Тунджи на сѣверѣ и Марицы на югѣ, на высотѣ Кайбилара, который остается за Восточною Румеліею: проходитъ къ югу отъ В. Алмалю, между бассейномъ Марицы на югѣ и разными рѣчками, впадающими прямо въ Черное море, между деревнями Белевринъ и Алатли; она слѣдуетъ къ сѣверу отъ Каранлика по гребнямъ Восны и Сувака, по линіи, отдѣляющей воды Дуки отъ водъ Карагачъ-Су, и примыкаетъ къ Черному морю между двумя рѣками, носящими тѣ же названія.

Статья XV.

Его величеству султану предоставляется право заботиться о защитѣ морскихъ и сухопутныхъ границъ области, воздвигая укрѣпленія на этихъ границахъ и содержа въ нихъ войско.

Внутренній порядокъ охраняется въ Восточной Румеліи туземною стражею, при содѣйствіи мѣстной милиціи. При формированіи какъ стражи, такъ и милиціи, коихъ офицеры назначаются султаномъ, будетъ принято во вниманіе, смотря по мѣстностямъ, вѣроисповѣданіе жителей. Его императорское величество султанъ обязуется не употреблять въ пограничныхъ гарнизонахъ иррегулярныхъ войскъ, какъ-то: башибузуковъ и черкесовъ. Регулярныя же войска, назначаемыя для этой службы, ни въ какомъ случаѣ не будутъ размѣщаться по обывательскимъ домамъ. При переходѣ чрезъ область, войска эти не будутъ дѣлать въ ней остановокъ.

Статья XVI.

Генералъ-губернатору предоставляется право призывать оттоманскія войска въ случаѣ, еслибы внутреннему или внѣшнему спокойствію области угрожала какая либо опасность. Въ данномъ случаѣ, Блистательная Порта обязана поставить въ извѣстность представителей державъ въ Константинополѣ о принятомъ ею рѣшеніи и о причинахъ, его вызвавшихъ.

Статья XVII.

Генералъ-губернаторъ Восточной Румеліи будетъ назначаемъ Блистательною Портою съ согласія державъ на пятигодичный срокъ.

Статья XVIII.

Немедленно послѣ обмѣна ратификацій настоящаго трактата, будетъ назначена европейская комисія для разработки, совмѣстно съ Портою отто-

Digitized by Google

манскою, устройства Восточной Румеліи. На комисіи этой будетъ лежать обязанность опредѣлить, въ трехъмѣсячный срокъ, кругъ власти и атрибуты генералъ-губернатора, а также образъ административнаго, судебнаго и финансоваго управленія области, принимая въ основу его различныя узаконенія о вилайетахъ и предложенія, внесенныя въ восьмое засѣданіе константинопольской конференціи. Собраніе постановленій относительно Восточной Румеліи послужитъ содержаніемъ для императорскаго фирмана, который будетъ обнародованъ Блистательною Портою и сообщенъ ею державамъ.

Статья XIX.

На европейскую комисію будетъ возложена обязанность завѣдывать, вмѣстѣ съ Блистательною Портою, финансами области впредь до окончательнаго устройства новой организаціи.

Статья XX.

Трактаты, конвенціи и международныя соглашенія какого бы они ни были свойства, заключенные или имѣющіе быть заключенными между Портою и иностранными державами, будутъ примѣняться въ Восточной Румеліи, какъ и во всей оттоманской имперіи. Льготы и привилегіи, предоставленныя иностранцамъ, къ какому бы состоянію они ни принадлежали, будутъ уважаемы въ этой провинціи. Блистательная Порта принимаетъ обязательство наблюдать въ этой области надъ исполненіемъ общихъ законовъ имперіи относительно религіозной свободы въ примѣненіи ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ.

Статья XXI.

Права и обязательства Блистательной Порты по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ въ Восточной Румеліи остаются неизмѣнными.

Статья XXII.

Русскій оккупаціонный корпусъ въ Болгаріи и Восточной Румеліи будетъ состоять изъ шести пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій и не превзойдетъ 50,000 человѣкъ. Онъ будетъ содержаться на счетъ занимаемой имъ страны. Оккупаціонныя войска сохранятъ сообщенія съ Россіею не только чрезъ Румынію, въ силу соглашенія, имѣющаго быть заключеннымъ между обоими государствами, но и чрезъ черноморскіе порты Варну и Бургасъ, въ которыхъ имъ предоставлено будетъ право устроить, на все продолженіе занятія, необходимые склады. Срокъ занятія Восточной Румеліи и Болгаріи императорскими россійскими войсками опредѣляется въ девять мѣсяцевъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата. Императорское россійское правительство обязуется окончить въ послѣдующій трехмѣсячный срокъ проведеніе своихъ войскъ чрезъ Румынію и совершенное очищеніе этого княжества.

Статья XXIII.

Блистательная Порта обязуется ввести добросовѣстно на островѣ Критѣ органическій уставъ 1868 г., съ измѣненіями, которыя будутъ признаны справедливыми. Подобные же уставы, примѣненные къ мѣстнымъ потребностямъ,—за исключеніемъ, однако, изъ нихъ льготъ въ податяхъ, предоставленныхъ Криту,—будутъ также введены и въ другихъ частяхъ европейской Турціи, для коихъ особое административное устройство не было предусмотрѣно настоящимъ трактатомъ.

Разработка подробностей этихъ новыхъ уставовъ будетъ поручена Блистательною Портою въ каждой области особымъ комисіямъ, въ коихъ туземное населеніе получитъ широкое участіе. Проэкты организацій, которыя будутъ результатомъ этихъ трудовъ, будутъ представлены на разсмотрѣніе Блистательной Порты. Прежде обнародованія распоряженій, которыми они будутъ введены въ дѣйствіе, Блистательная Порта посовѣтуется съ европейскою комисіею, назначенною для Восточной Румеліи.

Digitized by Google

Статья XXIV.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда между Блистательною Портою и Греціею не послѣдуетъ соглашенія относительно исправленія границъ, указаннаго въ тринадцатомъ протоколѣ берлинскаго конгресса, Германія, Австро-Венгрія, Франція, Великобританія, Италія и Россія предоставляютъ себѣ предложить обѣимъ сторонамъ свое посредничество, для облегченія переговоровъ.

Статья XXV.

Провинціи Боснія и Герцеговина будутъ заняты и управляемы Австро-Венгріею. Такъ какъ австро-венгерское правительство не желаетъ принять на себя управленіе ново-базарскимъ санджакомъ, простирающимся между Сербіею и Черногоріею, по направленію на юго-востокъ за Митровицу, то оттоманское управленіе останется въ немъ въ дѣйствіи по прежнему. Но, для того чтобы обезпечить существованіе новаго политическаго строя, а также свободу и безопасность путей сообщенія, Австро-Венгрія предоставляетъ себѣ право содержать гарнизоны, а также имѣть дороги военныя и торговыя на всемъ протяженіи этой части прежняго боснійскаго вилайета.

Съ этою цѣлью, правительства Австро-Венгріи и Турціи предоставляютъ себѣ условиться о подробностяхъ.

Статья XXVI.

Независимость Черногоріи признаётся Блистательною Портою и всѣми тѣми высокими договаривающимися сторонами, которыя еще ея не признавали.

Статья XXVII.

Высокія договаривающіяся стороны условились о слѣдующемъ:

Въ Черногоріи различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого либо или непризнанію за кѣмъ либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ, въ какой бы то мѣстности ни было. Всѣмъ черногорскимъ уроженцамъ, а равно и иностранцамъ, обезпечиваются свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія; не могутъ быть дѣлаемы также какія либо стѣсненія въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ обществъ и въ ихъ сношеніяхъ съ своими духовными главами.

Статья XXVIII.

Новыя границы Черногоріи опредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Граничная черта, начиная отъ Илинобрдо, къ сѣверу отъ Клобука, спускается по Требиньчицѣ къ Гранчареву, которое остается за Герцеговиною; потомъ поднимается вверхъ по теченію этой рѣки до пункта, находящагося въ разстояніи одного километра ниже сліянія Чепелицы, и оттуда достигаетъ, по кратчайшей линіи, высотъ, окаймляющихъ Требиньчицу. Далѣе она направляется къ Пилатову, оставляя эту деревню за Черногоріею, тянется по высотамъ въ сѣверномъ направленіи, по возможности не удаляясь больше чѣмъ на 6 километровъ отъ дороги Билекъ-Корито-Гацко, до перевала, находящагося между Сомина-Планиною и горою Чурило; оттуда она идетъ на востокъ чрезъ Вратковичи, оставляя эту деревню за Герцеговиною, до горы Орлинъ. Отъ этого мѣста граница, оставляя Равно Черногоріи, направляется прямо на сѣверо-востокъ, переходя чрезъ вершины Лебершника и Волуяка; потомъ спускается по кратчайшей линіи на Пиву, пересѣкаетъ ее и примыкаетъ къ р. Тарѣ, пройдя между Церквицею и Недвинною. Отъ этого пункта она поднимается вверхъ по Тарѣ до Мойковца, откуда тянется по гребню горнаго отрога до Шишко-езеро. Отъ этой мѣстности она сливается съ прежнею границею до дер. Шекуляре. Отсюда новая граница направляется по гребнямъ Мокрой Планины, оставляя за Черногоріею деревню Мокра, и достигаетъ пункта 2166-го карты австрій-

Digitized by Google

скаго генеральнаго штаба, слѣдуя по главной цѣпи и по водораздѣлу между Лимомъ съ одной стороны и Дриномъ, а также Ціевною (Земъ) съ другой.

Далѣе пограничная черта сливается съ существующею нынѣ границею между племенемъ Кучей-Дрекаловичей съ одной стороны, Кучкою-Крайною и племенами Клементи и Груди съ другой, до равнины Подгорицкой, откуда она направляется на Плавницу, оставляя за Албаніею племена Клементи, Груди и Хоти. Отсюда новая граница пересѣкаетъ озеро близъ островка Горица-Топалъ и отъ Горица-Топалъ достигаетъ по прямому направленію вершины гребня, откуда направляется по водораздѣлу между Мегуредъ и Калимедъ, оставляя Марковичъ за Черногоріею и примыкая къ Адріатическому морю въ В. Кручи. На сѣверо-западѣ границу образуетъ линія, идущая отъ берега между деревнями Шушаны и Зубцы, и примыкающая къ крайнему юго-восточному пункту нынѣшней границы Черногоріи на Вршута-Планинѣ.

Статья XXIX.

Антивари и его территорія присоединяются къ Черногоріи на слѣдующихъ условіяхъ:

Мѣстности, лежащія къ югу отъ этой территоріи, согласно вышеизложенному разграниченію, до р. Бояны, включая Дульциньо, будутъ возвращены Турціи. Община Спицы до сѣверной границы территоріи, обозначенной въ подробномъ описаніи границъ, будетъ включена въ составъ Далмаціи.

Черногоріи предоставляется полная свобода судоходства по р. Боянѣ. Никакія укрѣпленія не будутъ воздвигаемы на протяженіи этой рѣки, за исключеніемъ необходимыхъ для мѣстной защиты Скутарской крѣпости, каковыя не могутъ простираться далѣе шести километровъ разстоянія отъ этого города.

Черногорія не можетъ имѣть ни военныхъ судовъ, ни военнаго флага. Портъ Антивари и всѣ вообще воды Черногоріи останутся закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй. Укрѣпленія, находящіяся между озерами и прибрежьемъ, на черногорской территоріи, будутъ срыты, и никакія новыя не могутъ быть возводимы въ этой чертѣ. Полицейскій надзоръ, морской и санитарный, какъ въ Антивари, такъ и вдоль всего черногорскаго побережья, будетъ производить Австро-Венгрія, посредствомъ легкихъ сторожевыхъ судовъ. Черногорія введетъ у себя дѣйствующія нынѣ въ Далмаціи морскія узаконенія. Австро-Венгрія, съ своей стороны, обязуется оказывать, чрезъ своихъ консуловъ, покровительство черногорскому торговому флагу. Черногорія должна войти въ соглашеніе съ Австро-Венгріею касательно права постройки и содержанія дороги и рельсоваго пути чрезъ новую черногорскую территорію. Полная свобода сообщеній будетъ обезпечена на этихъ путяхъ.

Статья XXX.

Мусульмане и другія лица, владѣющія недвижимою собственностью въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Черногоріи, которые пожелали бы поселиться внѣ княжества, могутъ сохранить за собой свои недвижимости, отдавая ихъ въ аренду или управляя ими при посредствѣ другихъ лицъ.

Ни у кого не можетъ быть отчуждена недвижимая собственность иначе, какъ законнымъ порядкомъ, ради общественной пользы, и за предварительное вознагражденіе. На турецко-черногорскую комисію будетъ возложено окончательное устройство въ трехлѣтній срокъ всѣхъ дѣлъ, касающихся порядка отчужденія, эксплуатаціи и пользованія, за счетъ Блистательной Порты, имуществъ, принадлежащихъ государству, богоугоднымъ учрежденіямъ (вакуфъ), а также разрѣшеніе вопросовъ, касающихся интересовъ частныхъ лицъ, могущихъ быть затронутыми въ помянутыхъ дѣлахъ.

Статья XXXI.

Княжество Черногорія войдетъ въ прямое соглашеніе съ Блистательною Портою, касательно назначенія черногорскихъ агентовъ въ Константинополь и въ другія мѣстности оттоманской имперіи, гдѣ это будетъ признано необходимымъ. Черногорцы, путешествующіе или пребывающіе въ

Digitized by Google

Оттоманской имперіи, будутъ подчинены турецкимъ законамъ и властямъ, согласно общимъ принципамъ международнаго права и обычаямъ, установившимся относительно черногорцевъ.

Статья XXXII.

Черногорскія войска будутъ обязаны очистить въ двадцатидневный срокъ, со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата, или же прежде, буде возможно, территорію, занимаемую ими нынѣ внѣ новыхъ предѣловъ княжества.

Оттоманскія войска очистятъ уступленныя Черногоріи территоріи въ тотъ же двадцатидневный срокъ. Имъ, однако же, будетъ данъ дополнительный пятнадцатидневный срокъ, какъ для очищенія укрѣпленныхъ мѣстъ и вывоза оттуда продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, такъ и для составленія описи снарядовъ и предметовъ, не могущихъ быть немедленно вывезенными.

Статья XXXIII.

Такъ какъ Черногорія обязана нести на себѣ часть оттоманскаго государственнаго долга за новыя территоріи, присужденныя ей мирнымъ трактатомъ, то представители державъ въ Константинополѣ опредѣлятъ, вмѣстѣ съ оттоманскою Портою, размѣръ этой части на справедливомъ основаніи.

Статья XXXIV.

Высокія договаривающіяся стороны признаютъ независимость сербскаго княжества при условіяхъ, изложенныхъ въ нижеслѣдующей статьѣ.

Статья XXXV.

Въ Сербіи, различіе въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и исповѣданіяхъ не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого либо или непризнанію за кѣмъ либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы то ни было мѣстности. Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обезпечиваются какъ за всѣми сербскими уроженцами, такъ и за иностранцами, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ сношеніяхъ съ ихъ духовными главами.

Статья XXXVI.

Сербія получаетъ территоріи, заключающіяся въ нижеслѣдующихъ границахъ:

Новая граница слѣдуетъ по нынѣшней пограничной чертѣ, подымаясь вверхъ по руслу Дрины отъ сліянія ея съ Савой, и оставляя за княжествомъ Малый Зворникъ и Сахаръ, и продолжается вдоль прежней границы Сербіи до Капаоника, отъ котораго отдѣляется на вершинѣ Канилуга. Оттуда она идетъ сначала вдоль западной границы нишскаго санджака по южному отрогу Капаоника, по гребнямъ Марицы и Мрдаръ-Планины, образующимъ водораздѣлъ бассейновъ Ибара и Ситницы съ одной стороны и Топлицы съ другой, оставляя Преполакъ за Турціею. Затѣмъ, она поворачиваетъ къ югу по водораздѣлу Брвеницы и Медвѣджи, оставляя весь бассейнъ Медвѣджи за Сербіею; идетъ по хребту Гольякъ-Планины, образующему водораздѣлъ между Крива-Ріекою съ одной стороны и Польяницей, Ветерницей и Моравой съ другой, до вершины Польяницы. Потомъ она направляется по отрогу Карпина-Планины до сліянія Коинской съ Моравой, переходитъ эту рѣку, подымается по водораздѣлу между ручьемъ Коинска и ручьемъ, впадающимъ въ Мораву близъ Нерадовца, и достигаетъ Планины св. Ильи выше Трговишты. Отсюда она идетъ по гребню св. Ильи до горы Ключъ и, пройдя чрезъ означенные на картѣ пункты 1516 и 1547, и чрезъ Бабину гору, примыкаетъ къ горѣ Черный Врхъ.

Digitized by Google

Начиная отъ горы Черный Врхъ, новая пограничная черта сливается съ пограничною чертою Болгаріи, а именно: отъ горы Черный Врхъ граница слѣдуетъ по водораздѣлу между Струмой и Моравой, по вершинамъ Стрешера, Вилоголо и Мешидъ Планины чрезъ Гачину, Чрна Траву, Даркосвку, Драйницу Планъ и чрезъ Дешкани Кладанецъ, достигаетъ водораздѣла Верхней Суковы и Моравы, идетъ прямо на Столъ и, спускаясь оттуда, пересѣкаетъ дорогу изъ Софіи въ Пиротъ; въ разстояніи 1000 метровъ къ сѣверо-западу отъ деревни Сегуша, подымается потомъ по прямой линіи на Видличъ-Планину, и оттуда на гору Радочину въ цѣпи горъ Коджа-Балканъ, оставляя за Сербіею деревню Дойкинчи, а за Болгаріей—деревню Сенакосъ.

Отъ вершины горы Радочина, граница направляется къ сѣверо-западу по гребню Балканскихъ горъ чрезъ, Ципровецъ-Балканъ и Стару Планину до прежней восточной границы сербскаго княжества, возлѣ Кулы Смиліова Чука и оттуда этою же границею до Дуная, къ которому она примыкаетъ у Раковицы.

Статья XXXVII.

Впредь до заключенія новыхъ соглашеній, въ Сербіи никакихъ измѣненій не послѣдуетъ въ нынѣ существующихъ условіяхъ комерческихъ сношеній княжества съ иностранными государствами. Никакой транзитной пошлины не будетъ взиматься съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ Сербію. Льготы и привилегіи иностранныхъ подданныхъ, равно какъ и права консульской юрисдикціи и покровительства останутся, какъ онѣ нынѣ существуютъ, въ полной силѣ, пока не будутъ измѣнены съ общаго согласія княжества и заинтересованныхъ державъ.

Статья XXXVIII.

Княжество Сербія заступаетъ, въ соотвѣтственной долѣ, Блистательную Порту въ обязательствахъ, принятыхъ ею какъ относительно Австро-Венгріи, такъ и относительно общества эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ европейской Турціи по окончанію, соединенію, а также по эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ линій, имѣющихъ быть проведенными на вновь пріобрѣтенной княжествомъ территоріи.

Необходимыя для разрѣшенія этихъ вопросовъ конвенціи будутъ заключены, немедленно по подписаніи настоящаго трактата, между Австро-Венгріей, Сербіей и княжествомъ Болгаріи въ границахъ его компетентности.

Статья XXXIX.

Мусульмане, владѣющіе недвижимою собственностью въ присоединенныхъ къ Сербіи территоріяхъ и которые пожелали бы избрать мѣстожительство внѣ княжества, будутъ имѣть право сохранить въ княжествѣ свои недвижимыя имущества, отдавая ихъ въ аренду или же поручая управленіе ихъ другимъ лицамъ. На турецко-сербскую комисію будетъ возложено окончательное устройство, въ опредѣленный срокъ, всѣхъ дѣлъ, касающихся порядка отчужденія, эксплуатаціи или пользованія за счетъ Блистательной Порты имуществъ, принадлежащихъ государству и богоугоднымъ учрежденіямъ (вакуфъ), а также разрѣшеніе вопросовъ, касающихся интересовъ частныхъ лицъ, могущихъ быть затронутыми въ этихъ дѣлахъ.

Статья XL.

До заключенія трактата между Турціею и Сербіею, сербскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ турецкой имперіи, будутъ пользоваться правами согласно основнымъ началамъ международнаго права.

Статья XLI.

Сербскія войска будутъ обязаны очистить, въ пятнадцатидневный срокъ со дня обмѣна ратификацій настоящаго трактата, мѣстности, не включенныя въ новыя границы княжества. Оттоманскія войска очистятъ въ тотъ же пятнадцатидневный срокъ территоріи, уступленныя Сербіи. Имъ будетъ,

Digitized by Google

однако же, данъ дополнительный пятнадцатидневный срокъ, какъ для очищенія укрѣпленныхъ мѣстъ и вывоза оттуда продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, такъ и для составленія описи снарядовъ и предметовъ, не могущихъ быть немедленно вывезенными.

Статья XLII.

Такъ какъ Сербія обязана нести на себѣ часть оттоманскаго государственнаго долга за новыя территоріи, присужденныя ей настоящимъ трактатомъ, то представители державъ въ Константинополѣ, вмѣстѣ съ Блистательною Портою, опредѣлятъ размѣръ этой части на справедливыхъ основаніяхъ.

Статья XLIII.

Высокія договаривающіяся стороны признаютъ независимость Румыніи при условіяхъ, изложенныхъ въ двухъ нижеслѣдующихъ статьяхъ.

Статья XLIV.

Въ Румыніи различіе религіозныхъ вѣрованій и исповѣданій не можетъ послужить поводомъ къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія правами гражданскими и политическими, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ въ какой бы то ни было мѣстности. Свобода и внѣшнее отправленіе всякаго богослуженія обезпечиваются какъ за всѣми уроженцами румынскаго государства, такъ и за иностранцами, и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ ихъ сношеніяхъ съ ихъ духовными главами. Подданные всѣхъ державъ, торгующіе и другіе, будутъ пользоваться въ Румыніи, безъ различія вѣроисповѣданій, полнымъ равенствомъ.

Статья XLV.

Княжество Румынія уступаетъ обратно его величеству императору всероссійскому часть бессарабской территоріи, отошедшей отъ Россіи по Парижскому трактату 1856 г., ограниченную съ запада русломъ Прута, съ юга русломъ килійскаго рукава и устьемъ Стараго Стамбула.

Статья XLVI.

Острова, составляющіе дельту Дуная, а также островъ Змѣиный, тульчинскій санджакъ, вмѣщающій округа (казы) Килію, Сулину, Махмудіе, Исакчу, Тульчу, Мачинъ, Бабадагъ, Гирсово, Кюстенджe, Меджидіе присоединяются къ Румыніи. Княжество, кромѣ того, получаетъ территорію, лежащую на югъ отъ Добруджи до черты, начинающейся къ востоку отъ Силистріи и оканчивающейся у Чернаго моря къ югу отъ Мангалія. Очертаніе границы будетъ опредѣлено на мѣстѣ европейскою комисіею, установленною для разграниченія Болгаріи.

Статья XLVII.

Вопросъ о раздѣлѣ водъ и рыбныхъ ловляхъ будетъ предложенъ посредничеству европейской дунайской комисіи.

Статья XLVIII.

Никакая транзитная пошлина не будетъ взимаема въ Румыніи съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ княжество.

Статья XLIX.

Конвенціи могутъ быть заключаемы Румыніей для установленія привилегій и круга дѣйствій консуловъ въ дѣлѣ оказыванія ими покровительства въ княжествѣ. Пріобрѣтенныя права останутся въ силѣ, пока не будутъ измѣнены по общему согласію княжества съ заинтересованными сторонами.

Digitized by Google

Статья L.

До заключенія трактата между Турціею и Румыніею, установляющаго привилегіи и кругъ дѣйствій консуловъ, румынскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Оттоманской имперіи, и оттоманскіе подданные, путешествующіе или пребывающіе въ Румыніи, будутъ пользоваться правами, обезпеченными за подданными прочихъ державъ.

Статья LI.

Во всемъ, что̀ касается общественныхъ работъ и другихъ предпріятій того же рода, Румынія, на всей уступленной ей территоріи, заступитъ Блистательную Порту въ ея правахъ и обязанностяхъ.

Статья LII.

Для увеличенія гарантій, обезпечивающихъ свободу судоходства по Дунаю, за которою признаётся общеевропейскій интересъ, высокія договаривающіяся стороны постановляютъ, что всѣ крѣпости и укрѣпленія по теченію рѣки отъ Желѣзныхъ воротъ до ея устьевъ будутъ срыты и что новыхъ возводимо не будетъ. Никакое военное судно не можетъ впредь плавать по Дунаю внизъ отъ Желѣзныхъ воротъ, за исключеніемъ легкихъ судовъ, предназначаемыхъ для рѣчной полиціи и таможенной службы. Стасьонеры державъ въ устьяхъ Дуная могутъ, однако, подниматься до Галаца.

Статья LIII.

Европейская дунайская комисія, въ коей Румынія будетъ имѣть представителя, сохраняетъ свой кругъ дѣйствій, который отнынѣ распространяется до Галаца, при полной независимости отъ территоріальныхъ властей. Всѣ договоры, соглашенія, акты и постановленія, касательно ея правъ, привилегій, преимуществъ и обязательствъ, подтверждаются.

Статья LIV.

За годъ до истеченія срока, опредѣленнаго для дѣятельности европейской комисіи, державы войдутъ въ соглашеніе о продолженіи ея полномочій или объ измѣненіяхъ, которыя онѣ признаютъ необходимымъ сдѣлать.

Статья LV.

Правила о судоходствѣ, рѣчной полиціи и надзорѣ отъ Желѣзныхъ воротъ до Галаца будутъ выработаны европейскою комисіею, при содѣйствіи делегатовъ прибрежныхъ государствъ, и будутъ согласованы съ тѣми, которыя были или будутъ изданы для участка рѣки внизъ отъ Галаца.

Статья LVI.

Европейская дунайская комисія войдетъ, съ кѣмъ слѣдуетъ, въ соглашеніе, для обезпеченія содержанія маяка на Змѣиномъ островѣ.

Статья LVII.

Выполненіе работъ къ устраненію препятствій, которыя представляютъ судоходству Желѣзныя ворота и пороги, поручается Австро-Венгріи. Прибрежныя государства этой части рѣки окажутъ всѣ облегченія, которыя могутъ потребоваться для успѣха работъ.

Постановленія VI-й статьи лондонскаго договора 13-го марта 1871 г., касательно права взиманія временной таксы для покрытія расходовъ по выполненію вышеозначенныхъ работъ, остаются въ силѣ въ пользу Австро-Венгріи.

Статья LVIII.

Блистательная Порта уступаетъ Россійской имперіи въ Азіи территоріи Ардагана, Карса и Батума, съ портомъ послѣдняго, равно какъ и всѣ

Digitized by Google

территоріи, заключающіяся между прежнею русско-турецкою границею и слѣдующею пограничною чертою.

Новая граница, направляясь отъ Чернаго моря согласно пограничной линіи, опредѣленной Санъ-Стефанскимъ договоромъ, до пункта къ сѣверо-западу отъ Хорды и къ югу отъ Артвина, продолжается по прямой линіи до рѣки Чоруха, пересѣкаетъ эту рѣку и проходитъ къ востоку отъ Ашмишена, слѣдуя по прямой линіи къ югу, на соединеніе съ русскою границею, обозначенною въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ въ пунктѣ на югъ отъ Наримана, оставляя городъ Ольти за Россіею. Отъ пункта, обозначеннаго близъ Наримана, граница поворачиваетъ къ востоку, проходитъ чрезъ Тебренекъ, остающійся за Россіею, и доходитъ до Пенекъ-Чая.

Она идетъ по этой рѣкѣ до Бардуза, потомъ направляется къ югу, оставляя Бардузъ и Іоникіой за Россіею. Отъ пункта, находящагося на западъ отъ деревни Карауганъ, граница направляется на Меджингертъ, продолжается по прямому направленію до вершины горы Кассадагъ и слѣдуетъ по водораздѣлу притоковъ Аракса на сѣверѣ и Мурадъ-Су на югѣ до прежней русской границы.

Статья LIX.

Его величество императоръ всероссійскій объявляетъ, что его намѣреніе—сдѣлать Батумъ порто-франко по преимуществу комерческимъ.

Статья LX.

Долина Алашкерта и городъ Баязетъ, уступленныя Россіи статьею XIX-ою Санъ-Стефанскаго договора, возвращаются Турціи. Блистательная Порта уступаетъ Персіи городъ и территорію Котуръ, соотвѣтственно тому, какъ она была опредѣлена смѣшанною англо-русскою комисіею по турецко-персидскому разграниченію.

Статья LXI.

Блистательная Порта обязуется осуществить,—безъ дальнѣйшаго замедленія,—улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями въ областяхъ, населенныхъ армянами, и обезпечить ихъ безопасность отъ черкесовъ и курдовъ. Она будетъ періодически сообщать о мѣрахъ, принятыхъ ею для этой цѣли, державамъ, которыя будутъ наблюдать за ихъ примѣненіемъ.

Статья LXII.

Такъ какъ Блистательная Порта выразила твердое намѣреніе соблюдать принципъ религіозной свободы въ самомъ широкомъ смыслѣ, то договаривающіяся стороны принимаютъ къ свѣдѣнію это добровольное заявленіе.

Ни въ какой части Оттоманской имперіи различіе вѣроисповѣданія не можетъ подавать повода къ исключенію кого-либо или непризнанію за кѣмъ-либо правоспособности во всемъ томъ, что относится до пользованія гражданскими и политическими правами, доступа къ публичнымъ должностямъ, служебнымъ занятіямъ и отличіямъ, или до отправленія различныхъ свободныхъ занятій и ремеслъ. Всѣ будутъ допускаемы, безъ различія вѣроисповѣданій, свидѣтельствовать въ судахъ. Свобода и внѣшнія отправленія всякаго богослуженія обезпечиваются за всѣми и никакія стѣсненія не могутъ быть дѣлаемы въ іерархическомъ устройствѣ различныхъ религіозныхъ общинъ и въ ихъ сношеніяхъ съ ихъ духовными главами. Духовныя лица, паломники и иноки всѣхъ націй, путешествующіе въ европейской или азіатской Турціи, будутъ пользоваться одинаковыми правами, преимуществами и привилегіями. Право офиціальнаго покровительства признается за дипломатическими и консульскими агентами державъ въ Турціи, какъ по отношенію вышепоименованныхъ лицъ, такъ и ихъ учрежденій, духовныхъ, благотворительныхъ и другихъ на святыхъ мѣстахъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Права, предоставленныя Франціи, строго сохраняются за нею и, само собою разумѣется, что statu quo на святыхъ мѣстахъ не можетъ подвергнуться никакому нарушенію.

Digitized by Google

Иноки Аѳонской горы, изъ какой бы они ни были страны, сохраняютъ свои имущества и будутъ пользоваться безъ всякихъ исключеній полнымъ равенствомъ правъ и преимуществъ.

Статья LXIII.

Парижскій трактатъ 30-го марта 1856 г., а также Лондонскій договоръ 13-го марта 1871 года сохраняютъ свою силу во всѣхъ тѣхъ постановленіяхъ, которыя не отмѣнены или не измѣнены вышеприведенными статьями.

Статья LXIV.

Настоящій трактатъ будетъ ратификованъ и обмѣнъ ратификацій послѣдуетъ въ Берлинѣ въ трехнедѣльный срокъ, а буде возможно и ранѣе. Въ силу чего всѣ уполномоченные подписали его, съ приложеніемъ герба своихъ печатей.

Въ Берлинѣ, іюля тринадцатаго дня тысяча восемьсотъ семьдесятъ восьмаго года.

Digitized by Google

НАША ЖУРНАЛИСТИКА.

Разсказъ Д. В. Григоровича.—Писатель «старой школы» и «нынѣшніе» беллетристы. — Тридцатипятилѣтіе критическаго толченія воды въ ступѣ.— Наши «либеральные» нравы.—Послѣднее «прости» г. Протопопову.

Разъ или два въ годъ—но никакъ не больше—маститый Д. В. Григоровичъ даритъ насъ маленькимъ «шедѣвромъ». Этотъ «шедѣвръ» критика обыкновенно принимаетъ съ почтительными поклонами, любуется имъ, сравниваетъ его съ «шедѣврами» новѣйшихъ беллетристовъ и словъ не находитъ для достойной похвалы.

Я думаю, здѣсь гораздо больше критическаго упрямства, чѣмъ критическаго такта. Безспорно, г. Григоровичъ—писатель заслуженный, которому подобаетъ всяческое уваженіе. Глумиться надъ нимъ и вышучивать его беллетристическіе промахи не годится. Собственно говоря, вообще глумиться нехорошо, по отношенію къ дѣятелямъ, отбывшимъ четыре-пять «земскихъ давностей».

Но глумиться—одно дѣло; безпристрастно оцѣнивать — другое. Восторгаясь г. Григоровичемъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда восторгаться рѣшительно нечѣмъ, критика соблюдаетъ извѣстное «тонкое приличіе» въ отношеніи автора, нанося одновременно ущербъ и нынѣшнимъ писателямъ, и нынѣшнему читателю.

Эстетическій вкусъ еще не особенно развитъ въ нашемъ читателѣ. Дать этому вкусу любое направленіе—сравнительно не трудно, загипнотизировать читателя еще легче. Со всѣхъ сторонъ онъ слышитъ похвалы «шедѣвру» маститаго писателя и невольно поддается ихъ дѣйствію. Непосредственное впечатлѣніе, полученное читателемъ отъ «шедѣвра», мало по малу сглаживается, уступая мѣсто искусственно навязанному впечатлѣнію. «Очень можетъ быть,—разсуждаетъ читатель,—что я ошибаюсь. Надо еще разъ перечесть и поискать тѣхъ красотъ, о которыхъ говорятъ критики». Разумѣется,—чего ищешь, то и найдешь. При вторичномъ чтеніи, «красоты» дѣйствительно обнаруживаются, и именно тѣ самыя красоты, на которыя указывала критика.

Приступая къ оцѣнкѣ послѣдняго шедѣвра г. Григоровича, повѣсти: «Порфирій Петровичъ Кукушкинъ», напечатанной въ ян-

Digitized by Google

варьской и февральской книгахъ «Русской Мысли», я могу цѣликомъ повторить объ ея «красотахъ» то, что̀ сказалъ о «красотахъ» маститыхъ беллетристовъ вообще. Критика очень одобрила «Порфирія Кукушкина». Одного литературнаго рецензента даже насмѣшило самое названіе повѣсти: «Порфирій Петровичъ Кукушкинъ. Приключенія мирнаго гражданина, прожившаго до полной зрѣлости у тихой пристани, нежданно упавшаго въ воду, унесеннаго теченіемъ и едва не утонувшаго». Замѣчательно юмористическое названіе! оно напоминаетъ Диккенса и пророчитъ изрядную гимнастику селезенкѣ. Впрочемъ, дальше я уже веселаго рецензента не читалъ и много ли удовольствія доставилъ ему Кукушкинъ—не знаю.

Содержаніе повѣсти чрезвычайно искусственное. Порфирій Петровичъ Кукушкинъ, чиновникъ, занимающій довольно приличное служебное положеніе, страдаетъ одною изъ самыхъ ужасныхъ маній—графоманіей. Кукушкинъ пишетъ стихи—лирическіе, эпическіе, веселые, мрачные, философскіе, созерцательные—всякіе, кромѣ декадентскихъ. Кукушкинъ не только не декадентъ, но даже совсѣмъ ветхозавѣтный эстетикъ. Его преимущественно увлекали книги, писанныя краснорѣчивымъ языкомъ, съ содержаніемъ и характерами романическаго, возвышеннаго подъема. «Коса красавицы», долженствовавшая «обвить нѣсколько разъ земной шаръ»,—въ стихотвореніи Бенедиктова,—казалась ему верхомъ поэтическаго вымысла. «Взгляни на эту чинару, такъ гордо поднявшую свою вершину надъ скалой! Она служила ему колыбелью, она взлелѣяла и возрастила его, когда онъ былъ простымъ желудемъ; онъ выросъ и разсѣкъ ее на двое могучими своими корнями»!—эти строки въ повѣсти Марлинскаго служили ему образцомъ слога и глубины мысли.

Я прошу читателя обратить вниманіе на эту характеристику эстетическихъ воззрѣній. Къ ней мнѣ придется возвратиться нѣсколько ниже.

Страстная любовь къ литературѣ и страсть писательства не нарушали, однако, равновѣсія жизни Кукушкина. Вѣроятно, онъ такъ и дожилъ бы безъ всякихъ приключеній до послѣдней тихой пристани, еслибы не демонъ-искуситель въ лицѣ Ивана Ивановича Рожкова, ближайшаго друга и почитателя Порфирія Петровича. Рожковъ убѣдилъ Кукушкина издать томикъ стихотвореній. Послѣ большихъ колебаній, Кукушкинъ согласился исполнить совѣтъ друга и выпустилъ въ свѣтъ книжку подъ названіемъ: «Лучи и тѣни».

Вопреки ожиданіямъ друзей, газетная критика разнесла «Лучи и тѣни» въ пухъ и прахъ. Еще хорошо, что Кукушкинъ скрылъ свое имя подъ тремя звѣздочками, а то не обобраться бы сраму. Неуспѣхъ книжки жестоко поразилъ непризнаннаго поэта; однако,

Digitized by Google

страстное краснорѣчіе друга и на этотъ разъ взяло верхъ. Порфирій Петровичъ воспрянулъ духомъ и принялся за большую драматическую поэму: «Игорь». Когда поэма была закончена, Кукушкинъ отправилъ ее въ театральную дирекцію. Увы, отвѣтъ получился самый неутѣшительный: подъ благовиднымъ предлогомъ дирекція отказывалась отъ постановки «Игоря» на сценѣ. Потерпѣвъ эту неудачу, Порфирій Петровичъ началъ странствовать по редакціямъ, но безуспѣшно: «Игоря» никто не взялъ. Поэтъ-драматургъ былъ уже, казалось, на пути исцѣленія отъ ужасной болѣзни и исцѣлился бы, еслибы не роковой Иванъ Ивановичъ Рожковъ. Онъ снова «поднялъ цѣлый адъ» въ душѣ Порфирія Петровича и подбилъ его на окончательно безумное предпріятіе — изданіе толстаго журнала. Финалъ послѣдняго предпріятія Кукушкина очевиденъ самъ собою: журналъ прекратился на третьей книгѣ. Спустя два мѣсяца послѣ этой катастрофы, Кукушкинъ, узнавъ объ открывшейся вакансіи въ управленіи его вѣдомства, обратился къ вице-директору съ просьбою похлопотать о переводѣ его на это мѣсто, на что тотъ охотно согласился. Просьба увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Слѣдующей же весной Порфирій Петровичъ былъ переведенъ въ одну изъ западныхъ губерній, съ оставленіемъ, пока, въ прежнемъ чинѣ, но съ увеличеніемъ жалованья.

Таковы приключенія чиновника-графомана. Пожалуй, типъ чиновника-графомана могъ бы представить нѣкоторый интересъ, но, конечно, при условіи бо́льшей естественности въ изображеніи его типическихъ свойствъ и особенностей.

Г. Григоровичъ прямо сочинилъ своего героя, и сочинилъ очень аляповато. Во-первыхъ, онъ сосредоточилъ вниманіе только на смѣшныхъ сторонахъ этого типа. Но такъ какъ авторъ «Антона Горемыки» совершенно лишенъ «юмористической жилки», то смѣшное выходитъ не смѣшнымъ, а... очень страннымъ.

«Для смѣху» г. Григоровичъ рядитъ Кукушкина въ лохмотья ветхозавѣтнаго эстетика. Не знаю, что́ тутъ собственно смѣшнаго. Эти лохмотья—черезчуръ смѣлый анахронизмъ. Порфирій Петровичъ не окончательный идіотъ и невѣжда, къ тому же и возрастъ его (сорокалѣтній) исключаетъ всякую возможность увлеченія авторами, интересующими теперь однихъ библіографовъ. Нельзя объяснить сколько нибудь удовлетворительно, зачѣмъ Кукушкину понадобились Бенедиктовъ, Каменскій, Марлинскій—послѣ Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстаго. Онъ воспитывался несомнѣнно на Пушкинѣ, Лермонтовѣ и Тургеневѣ, и не понялъ даже милліонной части ихъ значенія. Если г. Григоровичу дѣйствительно приходилось наблюдать среди современныхъ интеллигентныхъ людей

Digitized by Google

подобные невѣроятные типы, то лучше всего было бы, не касаясь никакихъ «приключеній», именно съ точки зрѣнія архаичности и произвести смотръ этимъ типамъ. Но г. Григоровичъ лишь мелькомъ указываетъ на оригинальный складъ эстетическихъ понятій Кукушкина. Они ему нужны только «для юмора».

Исторія самыхъ приключеній Кукушкина въ высшей степени неправдоподобна.

Изъ редакторской практики Кукушкина авторъ беретъ также мало характеровъ и не особенно правдоподобные эпизоды. Напримѣръ, Порфирій Петровичъ встрѣчаетъ недостатокъ въ сотрудникахъ, не имѣетъ матеріала для наполненія книжки. Трудно представить себѣ что либо подобное въ настоящее время, когда журналистика переполнена цѣлыми толпами кочующей богемы—непризнанныхъ талантовъ и графомановъ.

Для характеристики редакторской дѣятельности Кукушкина было бы гораздо выгоднѣе изобразить отношенія Порфирія Петровича къ такимъ непризнаннымъ графоманамъ, чѣмъ затрудненія, проистекающія вслѣдствіе отсутствія матеріала.

Кукушкина-редактора «на пріемѣ» г. Григоровичъ показалъ намъ только разъ, въ совершенно невѣроятной сценѣ, въ которой наши гвардейскіе кавалеристы ведутъ себя, какъ пропойцы-юнкера въ захолустномъ полку, требуя «удовлетворенія» отъ редактора по поводу выѣденнаго яйца. Такія сцены могутъ еще имѣть мѣсто въ газетной конторѣ, но никакъ не въ редакціи толстаго журнала.

Вообще нашъ почтенный авторъ, какъ мы уже говорили, совсѣмъ не обладаетъ жилкой юмориста, а между тѣмъ «Приключенія Кукушкина» сплошь состоятъ изъ «юмористическихъ» попытокъ. Приступаетъ, напримѣръ, г. Григоровичъ къ описанію наружности двухъ сослуживцевъ Порфирія Петровича—Фанфарова и Рожкова. Описанію предпосылается слѣдующее «юмористическое» вступленіе: «Необходимо теперь коснуться наружности двухъ собесѣдниковъ»—читаемъ на 2-й страницѣ повѣсти.—«Я сейчасъ бы приступилъ къ этому, еслибы не стѣснялся соображеніями насчетъ выбора описательнаго метода. Совершеннѣйшими образцами изображенія человѣческой физіономіи считались всегда наши паспорты, но поразительная ясность и краткость,—главныя ихъ достоинства, признаваемыя даже безграмотными,—очевидно, могутъ быть только результатомъ долгой практики; не обладая ею, я принужденъ отказаться отъ такого метода. Скрѣпя сердце, рѣшаюсь обратиться къ старому, избитому литературному пріему».

Далѣе, въ описаніи внѣшности Фанфарова, авторъ отмѣчаетъ

Digitized by Google

обшлага его сюртука, покрытые пятнами «отъ неумѣренныхъ гастрономическихъ побужденій (?)». О низкорослости и сухопарости Рожкова г. Григоровичъ приводитъ остроумное мнѣніе товарища этого господина. «Одинъ изъ его товарищей по службѣ, находившій непонятное удовольствіе сказать о каждомъ что нибудь непріятное, утверждалъ всегда, *что, еслибы Рожкову случилось принять слабительнаго, отъ него ничего бы не осталось, кромѣ платья*».

Что касается самого Порфирія Петровича Кукушкина, то о его наружности мы узнаёмъ, что она изобличала «скорѣе меланхолика, мечтателя, чѣмъ человѣка, *одержаннаго* (?) *быстрыми практическими способностями*». На тускло-блѣдноватомъ лицѣ героя труднѣе было «выслѣдить какую нибудь рѣзкую черту характера, *чѣмъ на пятикопѣечной булкѣ*».

Служебные успѣхи Кукушкина даютъ автору поводъ сдѣлать «ядовитое» замѣчаніе и по адресу его самого, и по адресу его начальства. «Лучшимъ доказательствомъ, насколько цѣнило его начальство, служитъ то, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ онъ былъ награжденъ тремя орденскими знаками. Станислава 3-й степени ему дали потому, что у него не было еще никакого ордена; Анну 3-й степени получилъ онъ потому, что уже имѣлъ Станислава 3-й степени», и пр.

Всѣ эти потуги г. Григоровича на «юмористику» производятъ крайне неудовлетворительное впечатлѣніе: съ одной стороны въ нихъ есть что-то знакомое — результатъ банальности; съ другой они удивляютъ своею примитивностью. Напримѣръ, на 8-й страницѣ находимъ слѣдующую сентенцію: «Бываютъ, говорятъ, счастливыя супружества, но превосходныхъ никто еще не встрѣчалъ. Утверждаютъ также, что полное супружеское счастье существовало только между венеціанскимъ дожемъ и Адріатическимъ моремъ». Такихъ и аналогичныхъ сентенцій въ «Кукушкинѣ» немало.

Г. Григоровичъ пользуется, между прочимъ, репутаціей прекраснаго стилиста. Изъ приведенныхъ отрывковъ не трудно видѣть, что въ этой репутаціи много преувеличеннаго. Какъ престарѣлый итальянскій теноръ, авторъ «Дяди Бандурина» и «Порфирія Петровича Кукушкина» беретъ теперь только школой. Странная наклонность отрицать все «нынѣшнее», восхваляя прежнее, заставляетъ нѣкоторыхъ критиковъ превозносить технику прежнихъ писателей передъ техникой нынѣшнихъ. Тутъ, кажется, большое недоразумѣніе. Техника великихъ писателей всегда служила и будетъ служить образцомъ для писателей второстепенныхъ. Если необходимо сравненіе, то совершенно понятно, что нужно сравнивать великихъ писателей съ великими и второстепенныхъ съ второстепенными.

Digitized by Google

Конечно, техника г. Потапенка, напримѣръ, или г. Чехова не выдержитъ сравненія съ техникой Тургенева. Но значитъ ли это, что сама по себѣ техника гг. Потапенка и Чехова никуда не годится и заслуживаетъ порицанія?

Сравнивать технику г. Григоровича съ техникой нынѣшнихъ второстепенныхъ писателей не только можно, но и слѣдуетъ. Не помнимъ, чтобы кто нибудь предпринялъ подобное сравненіе, а оно интересно. Пробѣжите выписки, сдѣланныя мною изъ послѣдней повѣсти г. Григоровича. Въ чемъ сказывается пресловутая «школа», чѣмъ онѣ выше современной школы? Я не стану вдаваться въ подробности и приведу лишь два отрывка для сравненія, оба изъ одной и той же январьской книги «Русской Мысли».

Отрывокъ первый:

«Постоянная углубленность въ чтеніе, замкнутость въ самомъ себѣ, молчаливость—въ значительной мѣрѣ дѣйствовали на воображеніе членовъ семейства. (Онъ) въ ихъ глазахъ принималъ видъ какого-то высшаго существа, таинственно выглядывающаго изъ-за облака. Часто, *сидя между своими, ему случалось* задуматься и, подавляя вздохъ, устремлять глаза въ какую-то невидимую даль, какъ бы *отыскивая въ ней отзывъ* чему-то высшему. Едва замѣчалось въ немъ такое настроеніе—все вокругъ умолкало».

Это изъ «Приключеній Порфирія Петровича Кукушкина». Второй отрывокъ беру изъ разсказа г. Чехова: «Бабье царство».

«Анна Акимовна поглядѣла на женщинъ и малолѣтковъ, и ей вдругъ захотѣлось простоты, грубости, тѣсноты. Она ясно представила себѣ то далекое время, когда ее звали Анюткой, и когда она, маленькая, лежала подъ однимъ одѣяломъ съ матерью, *а* рядомъ въ другой комнатѣ стирала бѣлье жилица-прачка, и изъ сосѣднихъ квартиръ сквозь тонкія стѣны слышались смѣхъ, брань, дѣтскій плачъ, гармоника, жужжанье токарныхъ станковъ и швейныхъ машинъ, *а* отецъ, Акимъ Ивановичъ, знавшій почти всѣ ремесла, не обращалъ вниманія на тѣсноту и шумъ, пилилъ что нибудь около печки или чертилъ, или строгалъ. И ей захотѣлось стирать, гладить, бѣгать въ лавку, въ кабакъ, какъ она это дѣлала каждый день, когда жила съ матерью. Ей бы рабочей быть, а не хозяйкой!» и т. д.

Я не выискивалъ наиболѣе пригодныхъ для моей цѣли отрывковъ ни въ повѣсти г. Григоровича, ни въ разсказѣ г. Чехова. Было бы вовсе не трудно найти у послѣдняго безукоризненный, со стилистической точки зрѣнія, періодъ. Изъ повѣсти г. Григоровича также не трудно было бы привести нѣсколько фразъ, еще болѣе неряшливыхъ и неправильныхъ.

Отрывокъ изъ разсказа г. Чехова я не могу рекомендовать въ качествѣ образчика совершенной формы. Фразы длинныя, почти неотдѣланныя; одно на другое нагромождены придаточныя и вводныя предложенія; на протяженіи одного періода два раза употребленъ союзъ *а*. Все это лишаетъ рѣчь должной плавности, выпуклости и изящества.

Digitized by Google

Отрывокъ изъ повѣсти г. Григоровича еще менѣе способенъ удовлетворить требовательнаго стилиста. Въ немъ, какъ и въ отрывкѣ изъ разсказа г. Чехова, нѣтъ ни яркихъ, пластичныхъ сравненій, ни музыкальной плавности, ни свѣжихъ, оживляющихъ рѣчь, оборотовъ. Но стиль г. Чехова все таки правильнѣе. Г. Григоровичъ согласуетъ, напримѣръ: *сидя, ему случалось*; этотъ явный галлицизмъ нельзя даже и сравнивать съ допущеннымъ г. Чеховымъ повтореніемъ союза *а* въ одной и той же фразѣ...

Совершенно согласенъ, что для обстоятельной параллели не достаточно двухъ, на удачу выхваченныхъ, отрывковъ. Но вѣдь имѣетъ же хоть какое нибудь значеніе и эта параллель, имѣетъ значеніе согласованіе: «сидя—ему случалось», или: человѣкъ, «*одержанный* быстрыми практическими способностями», или: «сохранялъ поклоненіе *къ* идеалу» [1]), или: «дружба между двумя человѣками» [2]), или: «передъ тѣмъ, *чтобы* ему лечь спать» [3]), или: «прикосновеніемъ ладони *по* дѣтской щекѣ» [4]), или: «онъ можетъ *быть бы* не выдержалъ» [5]) и т. д., и т. д.

Когда указываютъ на подобные очевидные промахи въ работѣ маститаго писателя, тогда его преданные друзья начинаютъ толковать о «выуживаніи», подтасовкѣ и тому подобныхъ нехорошихъ вещахъ. Помилуйте, какое же выуживаніе и гдѣ тутъ подтасовка? Я не слѣдилъ за каждымъ словомъ въ повѣсти г. Григоровича и приведенныя «погрѣшности» сами бросились мнѣ въ глаза, даже не на протяженіи *всей* повѣсти, а на какихъ нибудь 8—9 страницахъ, прочитанныхъ болѣе внимательно. «Выуженные» мною «перлы» находятся на страницахъ: девятой, десятой, двѣнадцатой, четырнадцатой и девятнадцатой перваго отдѣла первой книги «Русской Мысли» за 1894 г.

Умалять заслуги и значеніе Д. В. Григоровича нѣтъ никакой надобности, но нѣтъ также никакой надобности преувеличивать размѣры и силу его дарованія. Каждый современный беллетристъ, котораго критика тычетъ носомъ въ послѣдніе разсказы г. Григоровича, имѣетъ право спросить: «Да чему же вы приказываете мнѣ здѣсь учиться? Выбору и распланировкѣ сюжета? Объясните, пожалуйста, что замѣчательнаго въ выборѣ и какія именно достоинства вы усматриваете въ распланировкѣ? Стиль? Но, позвольте, вѣдь не всѣ же мы и не всегда согласуемъ: «сидя—ему случалось», не

[1]) «Русск. Мысль», кн. I, стр. 10.
[2]) Тамъ же, стр. 12.
[3]) Тамъ же, стр. 19.
[4]) Тамъ же, стр. 9.
[5]) Тамъ же, стр. 14.

Digitized by Google

всѣ же и не всегда мы пишемъ: «поклоненіе *къ* идеалу», «прикосновеніе *по* щекѣ» и т. п. Не вижу, равнымъ образомъ, ничего поучительнаго и «классическаго» въ описаніи обшлаговъ, на которыхъ красуются пятна, свидѣтельствующія о *астрономическихъ побужденіяхъ*, или въ сравненіи человѣческой физіономіи съ пятикопѣечной булкой. Юморъ г. Григоровича мнѣ кажется еще менѣе достойнымъ изученія. Я ужь лучше обращусь за этимъ дѣломъ къ Гоголю, Салтыкову или Диккенсу, и даже къ какому нибудь нынѣшнему англійскому романисту».

Вотъ что, съ полнымъ основаніемъ, можетъ отвѣтить современный беллетристъ современнымъ критикамъ, дающимъ ему черезчуръ «смѣлые уроки». Судите какъ угодно строго, но заботьтесь хотя немного объ аргументаціи. Я прочелъ, напримѣръ, возраженіе одного газетнаго критика другому газетному критику, не одобрявшему Достоевскаго. Газетный критикъ, не одобрявшій автора «Братьевъ Карамазовыхъ», назвалъ его лицемѣромъ, мало образованнымъ человѣкомъ, безпринципнымъ отрицателемъ европейской культуры и т. п. Въ отвѣтъ на это, критикъ, вступившійся за Достоевскаго, прежде всего, конечно, обругалъ коллегу, а затѣмъ выразилъ удивленіе: какъ онъ смѣетъ имѣть свое сужденіе? Помилуйте, Достоевскаго даже за границей хвалятъ, даже Максъ Нордау не зачислилъ его ни въ одну изъ категорій «вырождающихся», даже американцы (или англичане — ужь не помню, на кого именно сослался критикъ) глубоко чтутъ Ѳедора Михайловича. Защита врага западно-европейской культуры путемъ ссылокъ на авторитетъ западно-европейскихъ критиковъ, конечно, нѣсколько курьезна, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что критикъ не изобрѣлъ лучшаго способа «защитить» Достоевскаго, какъ заткнувъ глотку его хулителю именно авторитетностью разныхъ другихъ критиковъ.

Къ чему ведетъ подобная критическая распоясанность и бездоказательность? На мой взглядъ, она ведетъ къ окончательной потерѣ кредита современной русской критикой вообще.

Крайне любопытно, что жалобы на упадокъ литературы и возгласы: «вы, нынѣшніе, ну-тка» повторяются въ нашей литературѣ вотъ уже слишкомъ *пятьдесятъ лѣтъ подъ рядъ*. Разумѣется, не всѣ согласны относительно формы, въ которой выражается паденіе. Долго не встрѣчая тенденціозныхъ повѣстей и стихотвореній, сторонникъ «искусства для жизни» начинаетъ говорить объ упадкѣ литературы вообще, хотя весь упадокъ заключается единственно въ отсутствіи тенденціозныхъ стиховъ и романовъ. Поклонникъ «шопота, робкаго дыханья» считалъ эпохой упадка *литературы*—эпоху гоненій на Фета. Онъ былъ столько же правъ, съ

Digitized by Google

отвлеченной точки зрѣнія, какъ и поклонникъ «искусства для жизни»: «шопотъ, робкое дыханье», занимая въ литературѣ извѣстное мѣсто, не должны наполнять ее цѣликомъ. Ослабѣла литература со стороны «шопота, робкаго дыханья», но процвѣла съ какихъ нибудь другихъ сторонъ.

Значитъ ли это, что по литературѣ нужно служить панихиду?

У г. Григоровича «нынѣшніе» все таки могли бы кое-чему научиться. Но чему могутъ они научиться у г. Скабичевскаго, справлявшаго въ прошломъ мѣсяцѣ *тридцатипятилѣтіе* (точно на чиновничью «пряжку») своей критической дѣятельности? Мы готовы воздать ему по заслугамъ, какъ прилежному собирателю матеріаловъ, касающихся хода общественнаго и литературнаго развитія Россіи. Въ качествѣ компилятора, г. Скабичевскій обнаруживалъ иногда значительную толковость и всегда—большое трудолюбіе. Это очень почтенная черта, и она заслуживаетъ признательности. Но г. Скабичевскій не только «собиратель» и компиляторъ; онъ еще—увы!—литературный критикъ. Какими же подвигами отличился г. Скабичевскій на критическомъ поприщѣ? По отзыву одного изъ коллегъ юбиляра, главнымъ подвигомъ его было неуклонное отыскиваніе «идеи» во всѣхъ художественныхъ произведеніяхъ; «эстетическими прелестями», по отзыву того же коллеги, г. Скабичевскій никогда не увлекался и не придавалъ имъ значенія. За тридцать пять лѣтъ многое успѣло измѣниться—но г. Скабичевскій остался неизмѣннымъ. Тридцать пять лѣтъ назадъ онъ не понималъ Пушкина и, спустя тридцать пять лѣтъ, не понимаетъ его и теперь! А не понимая Пушкина, г. Скабичевскій не можетъ, разумѣется, понимать и другихъ менѣе крупныхъ писателей-художниковъ. «Идею» онъ постоянно смѣшивалъ съ тенденціей; отъ каждаго поэта и беллетриста онъ прежде всего требовалъ, по щедринскому выраженію, «предъявленія образа мыслей», а ужь затѣмъ—таланта, искренности и образности. Сообразительность никогда не составляла добродѣтели г. Скабичевскаго. Съ изумительной наивностью онъ валилъ, напримѣръ, въ одну кучу писателей, изображавшихъ въ своихъ произведеніяхъ народъ, и писателей-народниковъ: изображаетъ народъ, стало быть, народникъ! Изъ поэтовъ, г. Скабичевскій одобрялъ и одобряетъ лишь «идейныхъ», считая Фета, Майкова и др. лишь «плѣсенью», которую очень хорошо было бы стереть критической тряпкой» (!!).

Мы не имѣемъ въ виду подводить какіе бы то ни было итоги дѣятельности этого критическаго «тряпичника». Она для этого слишкомъ мало интересуетъ насъ, и если мы заговорили о юбилеѣ г. Скабичевскаго, то единственно ради *знаменательнаго* скандала,

Digitized by Google

отличившаго этотъ юбилей отъ всѣхъ скромныхъ торжествъ такого рода. Подробности скандала, вѣроятно, извѣстны уже нашимъ читателямъ изъ газетъ. Въ число чествователей г. Скабичевскаго пожелалъ затесаться *критикъ* «Сѣвернаго Вѣстника», г. Волынскій. По бездарности, по неопрятности литературныхъ пріемовъ и безпардонной развязности, г. Волынскій можетъ конкуррировать съ г. Скабичевскимъ, какъ «вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ». Но есть между ними и нѣкоторая разница. Такъ, г. Волынскій не отрицаетъ значенія поэзіи, какъ искусства самостоятельнаго; не питаетъ уваженія къ авторитетамъ, презирающимъ «эстетическія прелести»; не называетъ Гоголя за «Переписку съ друзьями»—*подлецомъ* и т. п.; затѣмъ, г. Волынскій—правовѣрный либералъ и горячій защитникъ еврейства, ибо самъ принадлежитъ къ «гонимому племени». Казалось бы, разногласіе между г. Волынскимъ и г. Скабичевскимъ не особенно значительно: во всякомъ случаѣ оно не настолько велико, чтобы демонстративно отлучать *критика* «Сѣвернаго Вѣстника» отъ общества друзей еврейской газеты г. Нотовича.

Однако, г. Волынскаго изгнали изъ этого достопочтеннаго общества!

Разумѣется, всѣ независимые, не проникнутые затхлой кружковой пошлостью, органы печати рѣзко высказались противъ этого остракизма. Тогда распорядители обѣда принялись вывертываться. Сначала они составили письмо за подписью: «Одинъ изъ распорядителей» и напечатали его въ «Петерб. Вѣдомостяхъ». «Одинъ изъ распорядителей» категорически отрицалъ фактъ изгнанія г. Волынскаго. Скандалъ отъ этого все таки не утихъ и встрѣтилась надобность въ другомъ письмѣ, уже подписанномъ полными фамиліями распорядителей. Распорядители опять таки отрицали фактъ *изгнанія*. Наконецъ, среди нихъ выискался искренній человѣкъ, по совѣсти сознавшійся, что г. Волынскаго дѣйствительно «протурили». Либеральная «терпимость», слѣдовательно, нашла себѣ новое подтвержденіе и теперь уже никого не заставляетъ сомнѣваться.

Но почему же г. Волынскій, придерживающійся, вообще, еврейско-либеральнаго катехизиса, вдругъ очутился въ опалѣ? Это исторія любопытная и въ высшей степени характерная.

Съ мѣсяцъ назадъ, въ газетѣ «Недѣльная хроника Восхода» появилось слѣдующее «офиціальное» заявленіе, своего рода еврейскій *геремъ*: «Во главѣ литературно-критическаго отдѣла «Сѣвернаго Вѣстника», — гласитъ заявленіе, — стоитъ нашъ единовѣрецъ (г. Волынскій). У насъ накопилась уже цѣлая коллекція вырѣзокъ изъ «Новаго Времени», «Гражданина» и «Наблюдателя»,

Digitized by Google

въ которыхъ то и дѣло подчеркиваются въ писаніяхъ упомянутаго писателя его «еврейское» нахальство, «еврейская» логика, «еврейское» міровоззрѣніе, «еврейскія» привычки и т. д. Мы давно желали протестовать противъ такого произвольнаго навязыванія евреямъ міросозерцанія случайно выдвинувшагося публициста. Положительно недоумѣваемъ, что̀ именно еврейскаго во всѣхъ писаніяхъ г. Волынскаго? Поскольку намъ извѣстны воззрѣнія *русско-еврейской* (?) интеллигенціи, мы должны рѣшительно отвергнуть всякую солидарность послѣдней съ тѣмъ, что̀ проводится въ «литературныхъ замѣткахъ» г. Волынскаго. Вылазки этого писателя противъ лучшихъ представителей русской литературы, *донкихотство по адресу людей, стоящихъ за прогрессъ въ русской жизни* (хороши эти *еврейскіе прогрессисты*, до сихъ поръ отстаивающіе, съ пѣной у рта, свои дикіе, человѣконенавистническіе кодексы и свои членовредительные обряды!) и имѣющихъ опредѣленные общественные и политическіе идеалы (?!); наконецъ, самая манера, усвоенная г. Волынскимъ въ его писаніяхъ послѣдняго времени, — едва ли могутъ внушать какія либо симпатіи болѣе или менѣе просвѣщеннымъ единовѣрцамъ его. Смѣемъ думать, что въ послѣднихъ *слишкомъ много здраваго смысла* и пониманія окружающихъ явленій, чтобъ стоять заодно съ литературнымъ критикомъ «Сѣв. Вѣстника» въ нареканіяхъ на «либераловъ», на шаблонное доктринерство» и т. п.».

Этотъ «актъ отреченія» не былъ для насъ сюрпризомъ. Мы ждали его, ибо г. Волынскій—ужь слишкомъ неискусный и слишкомъ неумный защитникъ еврейскихъ интересовъ. «Русско-еврейская интеллигенція» основательно разсудила, что безтактная «защита» г. Волынскаго приноситъ «гонимому племени» гораздо больше вреда, чѣмъ пользы. Вотъ, еслибы г. Волынскій не донкихотствовалъ, тогда дѣло обстояло бы иначе. Тогда «Сѣверный Вѣстникъ», съ его ярко выраженными юдофильскими тенденціями, былъ бы симпатичнѣйшимъ и полезнѣйшимъ для евреевъ журналомъ. Евреи отлично умѣютъ различать—кто имъ *нуженъ* и кто *не нуженъ*, кого стоитъ поддерживать, кого—среди грязи съ коня ссадить. Г. Волынскому слишкомъ недостаетъ ума и такта, чтобы проводить еврейскую тенденцію, ловко замаскировывая ее въ тотъ или другой костюмъ.

«Актъ отреченія» не являлся бы знаменательнымъ и важнымъ документомъ, еслибы его значеніе ограничивалось только «упраздненіемъ» г. Волынскаго. Нѣтъ, актъ имѣетъ еще и другое значеніе. Мы не разъ подчеркивали тѣсную связь буржуазнаго либерализма съ еврействомъ. Мы шли далѣе и утверждали, что шаблонный либерализмъ и еврейство—синонимы, что ненависть къ антисемитамъ

Digitized by Google

и юдофильство—главнѣйшіе параграфы современнаго либеральнаго катехизиса.

Факты свидѣтельствуютъ, что мы нисколько не ошиблись. На своемъ юбилейномъ обѣдѣ, г. Скабичевскій произнесъ громогласно многословную и вздорную рѣчь, въ которой, между прочимъ, перечислилъ болѣзни нашего вѣка. Едва ли не первое мѣсто среди этихъ болѣзней заняло и *юдофобство!* Будучи самаго невысокаго мнѣнія относительно умственнаго и нравственнаго склада критика «Новостей», мы однако были поражены его безпримѣрною неопрятностью. Критикъ архи-еврейской газеты, существующей только aux frais жидовскаго кагала, г. Скабичевскій обязывался элементарною порядочностью не пѣть публично хвалебныхъ пѣсенъ своимъ патронамъ... если онъ не держится открыто правила «Соловья-разбойника»: «чье я пью—кушаю, того я и слушаю». Но г. Скабичевскій подобныхъ обязательствъ признать не захотѣлъ. Что же? оно, пожалуй, и лучше для дѣла! Сопоставивъ осужденіе антисемитизма, произнесенное русскимъ писателемъ въ кругу самыхъ правовѣрныхъ «либераловъ», съ «херемомъ», опубликованнымъ въ «Недѣльной хроникѣ Восхода», каждый безпристрастный читатель пойметъ, что еврейство, дѣйствительно, тѣсно слилось съ нынѣшнимъ «либерализмомъ» и что *внѣ юдофильства* этого сорта либерализмъ, враждебный кровнымъ интересамъ русскаго народа и русской литературы, погибъ бы, какъ птица безъ воздуха или рыба безъ воды.

Выводить отсюда какое бы то ни было заключеніе совершенно излишне. Напомнимъ только г.г. либераламъ, что ихъ предшественники держались много опрятнѣе въ еврейскомъ вопросѣ и не дѣлали изъ защиты евреевъ главнѣйшей своей задачи. Г. Михайловскій, напримѣръ, не пошелъ, послѣ крушенія «Отечественныхъ Записокъ», въ «Новости», а, присутствуя на обѣдѣ въ честь г. Скабичевскаго, не счелъ удобнымъ ораторствовать въ кругу правовѣрныхъ. Отъ имени «Отечественныхъ Записокъ», г. Скабичевскаго привѣтствовалъ нѣкто г. Тимирязевъ, роль котораго въ журналѣ Некрасова и Салтыкова ограничивалась едва ли не однѣми переводными работами и отнюдь не вліяла на общій характеръ журнала. Не славословилъ г. Михайловскій юбиляра и какъ критика. Онъ просто счелъ долгомъ вѣжливости поздравить стараго литературнаго товарища на его юбилейномъ обѣдѣ.

Уходя еще дальше «въ глубь прошлаго», напомнимъ объ отношеніяхъ къ «Новостямъ» другаго *столпа* «Отечественныхъ Записокъ»—покойнаго Г. З. Елисѣева. Елисѣевъ передалъ когда-то г. Скабичевскому статью для напечатанія въ «Новостяхъ». Статья появилась въ искалѣченномъ видѣ. Это возмутило Елисѣева и между

Digitized by Google

нимъ и г. Скабичевскимъ возникла полемика, смыслъ которой сводился къ выясненію неприличія подобнаго обращенія съ работами опытныхъ и заслуженныхъ литераторовъ. У г. Скабичевскаго, очевидно, не было щепетильности Елисѣева и онъ охотно допускалъ прогулки редакторскаго карандаша г. Нотовича по своимъ критическимъ упражненіямъ. Состоять подъ эгидой еврейской бездарности и наглости—бывшему сотруднику «Отечественныхъ Записокъ» не представлялось позорнымъ дѣломъ. Елисѣевъ посмотрѣлъ на дѣло иначе и, конечно, его попытка напечатать свою статью въ «Новостяхъ» была первою и послѣднею.

Надо ли удивляться, что писатели, закладывающіе евреямъ свои души, нерѣдко оказываются въ положеніи «униженныхъ и оскорбленныхъ». Еврея, отстаивающаго интересы еврейства, мы понимаемъ. Но мы понимаемъ также, что *еврей непремѣнно долженъ презирать русскаго человѣка*, по недомыслію или по матеріальнымъ разсчетамъ, распинающагося за еврейство. Вѣдь презираемъ же мы евреевъ-юдофобовъ?

Такимъ образомъ, инцидентъ на обѣдѣ г. Скабичевскаго, въ связи съ херемомъ, наложеннымъ на г. Волынскаго, и рѣчью юбиляра, несомнѣнно принесъ свою долю пользы и открылъ глаза на истинный смыслъ нынѣшняго еврейскаго либерализма.

Очень вѣроятно, что для этого лубочнаго фарисейскаго либерализма помянутый казусъ будетъ имѣть весьма серьезныя послѣдствія.

Теперь послѣднее «прости» эксъ-критику «Русской Мысли» г. Протопопову. Г. Протопоповъ, полемизируя съ нами въ прошломъ году, съ лакейской развязностью заявилъ, что о «Наблюдателѣ» и говорить-то *неприлично*. Своевременно мы разъяснили этому приличному господину, что *скромность* вообще желательна, а въ иныхъ положеніяхъ рѣшительно необходима. Такимъ положеніемъ мы сочли положеніе г. Протопопова въ «Русской Мысли», въ обществѣ журнальныхъ «митрофановъ», и рядомъ фактовъ *доказали* справедливость нашей, не очень сложной, мысли.

Въ прошломъ мѣсяцѣ, съ г. Протопоповымъ случилась метаморфоза, прямо доканавшая бѣднаго «критика»: онъ попалъ въ такое литературное «заведеніе», изъ котораго голосъ его и долетать до насъ уже не можетъ.

Былъ г. Протопоповъ—и нѣтъ его! Очевидно, продолженія полемики съ несуществующимъ писателемъ ожидать не приходится.

К—скій.

Digitized by Google

Море.

Уснуло безбрежное море,
И стихла, и дремлетъ волна...
Какъ ярко въ небесномъ просторѣ,
Какъ нѣжно сіяетъ луна!
И искрятся сонныя воды,
Цѣлуясь съ лучами луны,
И звѣздъ золотыхъ хороводы
Въ ихъ бездну глядятъ съ вышины.
Прозрачною дымкой повита,
Задумалась синяя даль,
И тихо въ природѣ разлита—
Разлита святая печаль.

А. Когенъ.

Digitized by Google

Парижскія письма.

I.

«Литературный театръ». «Федора» въ Renaissance. Вопросъ о генеральныхъ репетиціяхъ. Эпилогъ исторіи съ Дженъ-Гардингъ.—Пряничная ярмарка.

Идея salon des refusés находитъ себѣ примѣненіе и въ сферѣ драматическаго искусства. 11 марта н. с. давалось первое представленіе въ новомъ «Литературномъ театрѣ» (Théâtre des lettres). Это учрежденіе, находящееся подъ покровительствомъ большинства членовъ французской академіи, имѣетъ цѣлью дать Парижу то, чего ему недоставало, а именно сцену для представленія тѣхъ произведеній, которыя не пришлись по вкусу разсчетливымъ и слишкомъ примѣняющимся ко вкусамъ средней публики директорамъ театровъ. Само собой разумѣется. что такихъ произведеній найдется всегда достаточное количество и, по всей вѣроятности, «Литературному театру» количество это скоро окажется не подъ силу и ему недолго придется оставаться единственнымъ представителемъ этого новаго рода театровъ. Первое представленіе открылось вмѣсто пролога стихотворнымъ обращеніемъ къ публикѣ, очень граціозно «сказаннымъ» первой артисткой театра M-me Daubrive, съумѣвшей съ большимъ вкусомъ появиться въ костюмѣ музы. Затѣмъ была представлена пьеса «Старики» (Vieux) Эдуарда Сэ. Это нѣчто въ родѣ приспособленнаго къ сценѣ святочнаго разсказа—*conte de Noël*. Два старичка, Каплэ и Верну, собираются печально встрѣтить вдвоемъ рождество, и вдругъ имъ приходитъ въ голову, для оживленія своего праздника, пригласить совсѣмъ незнакомую имъ сосѣдку, старушку Шаль, съ ея сыномъ Анри. Тѣ приходятъ, и что же оказывается? Старики узнаютъ въ сосѣдкѣ свою старинную пріятельницу Louisette, съ которой у каждаго изъ нихъ бывали грѣшки и которая очень ловко умѣла надувать ихъ обоихъ, въ результатѣ чего оказался, впрочемъ, этотъ самый, приглашенный ими теперь, Анри. Всеобщее умиленіе, радость, воспоминанія,—наконецъ споры... насчетъ авторской собственности. Каждый изъ двухъ бывшихъ обо-

Digitized by Google

жателей претендуетъ быть отцомъ молодаго человѣка, и въ концѣ концовъ препирательства приводятъ къ общему соглашенію. Капля женится на мадамъ Шаль, признаётъ своимъ сыномъ Анри и принимаетъ въ свою семью стараго пріятеля Верну. Оба бывшіе любовника прежней Луизетты возобновляютъ—въ предѣлахъ, разумѣется, своего возраста—прежнія отношенія, и у Анри оказывается такимъ образомъ отецъ и двое папашъ.

Послѣ этой въ высшей степени забавной пьески, въ которой г-жа Daubrive съ замѣчательной живостью вошла въ роль веселой старушки, очень игриво оправдывающейся тѣмъ, что она «всегда поступало честно и увлекалась только любя», публика была приведена въ рѣшительный восторгъ *«Звѣздой»*—блестящей пьесой въ стихахъ Андрэ Жилля и Ришпена. Жена, послѣ долгихъ лѣтъ отсутствія, возвращается въ домъ мужа, легкомысленно покинутаго когда-то изъ-за какого-то любовника. Она умоляетъ мужа о прощеніи и хочетъ сдѣлаться снова матерью своихъ дѣтей. Но мужъ успѣлъ уже сойти съ ума; онъ не узнаётъ ея и отвѣчаетъ на ея слова безсвязнымъ монологомъ, то гнѣвнымъ и угрожающимъ, то умоляющимъ и нѣжнымъ. Бѣдная женщина напрасно старается вызвать въ немъ воспоминанія о себѣ, говоря ему о былыхъ радостяхъ и огорченіяхъ... Вдругъ онъ пугается ея,—этой неизвѣстной ему женщины... ему входитъ въ голову, что она пришла украсть у него сына... Это одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя, умерши, не могутъ попасть въ рай, не получивши поцѣлуя ребенка. Но вотъ онъ видитъ на небѣ звѣзду. Это—она, его скрывшаяся жена! Кто же не знаетъ того, что звѣзды—это свѣтильники, данные матерямъ, чтобы онѣ могли сыскать своихъ потерянныхъ дѣтей! Развѣ онъ не видитъ ея? Вотъ она въ блѣдномъ сіяніи стоитъ у дверей рая, высматривая, не покажется ли ея сынъ?.. Онъ не можетъ допустить, чтобы его дитя украла воровка, лучше его сейчасъ же отправить къ матери... Онъ предлагаетъ дитяти поиграть въ мясника и ягненка и вонзаетъ ему въ горло ножъ. Самъ онъ тоже долженъ умереть: кровь, которую онъ видитъ—это *его* кровь, онъ долженъ умереть отъ потери ея. Драма кончается самоубійствомъ. Пьеса эта не новая. Она давалась еще въ 1873 г. въ театрѣ Ла-Туръ д'Овернь, причемъ однимъ изъ исполнителей былъ самъ авторъ—Ришпенъ. Мы не знаемъ, остался ли доволенъ Ришпенъ игрою замѣнившаго его на этотъ разъ г. Раймона, но намъ онъ показался мастерски изучившимъ и представившимъ всѣ характерныя черты и детали сумашествія. Его декламація отличается замѣчательной силой и красотой, а игра—безукоризненной чистотой и правдой.

Въ театрѣ *Renaissance* еще разъ возобновили знаменитую въ

Digitized by Google

свое время «Федора». Эта невѣроятная франко-русская галиматья, поставленная лѣтъ около десяти тому назадъ въ *Vaudeville*, а потомъ въ театрѣ *Porte Saint-Martin*, попала опять на сцену, вѣроятно, только въ виду окончанія сезона, для поправленія дѣлъ *Renaissance*, благодаря отчасти своему франко-русскому характеру, отчасти же тому, что она вся вертится на одной изъ знаменитыхъ ролей Сары Бернаръ. Сама пьеса представляетъ собой невозможнѣйшій, но очень сенсаціонный сумбуръ, напутанный изъ фантастическихъ представленій французовъ о русскомъ высшемъ обществѣ и «нигилистахъ». Княжна Федора Ромазоффъ, желая отмстить за смерть своего брата Владиміра, преслѣдуетъ шагъ за шагомъ его убійцу Лориса Ипаноффъ и коварнымъ образомъ успѣваетъ влюбить его въ себя. Но въ моментъ, когда она осуществляетъ наконецъ свою завѣтную мечту, предавши, посредствомъ доноса, убійцу брата въ руки правосудія, она вдругъ узнаётъ, что братъ ея совершилъ несомнѣнно безчестный поступокъ, погубилъ дѣвушку, мать ея и одного изъ друзей Лориса, и вполнѣ былъ достоинъ своей печальной участи; преданный же ею Лорисъ, совершилъ только актъ самоотверженія, отмстивши за смерть самыхъ близкихъ себѣ людей. Спасти его нельзя— дѣло уже сдѣлано и княжнѣ не остается ничего больше, какъ умереть въ отчаяніи отъ невозможности вымолить себѣ прощеніе у своей невинной жертвы. Само собой разумѣется, что съ такого рода фабулой и при полнѣйшей невинности французовъ относительно какого бы то ни было правдоподобія пьесы, Сара Бернаръ умѣетъ сдѣлать изъ своей роли княжны нѣчто очень драматическое и вполнѣ художественное. Если же прибавить къ этому изумительную роскошь постановки, русскія тройки, бубенчики, массу великолѣпныхъ декорацій, появленіе самой Сары Бернаръ въ зеленой бархатной шубѣ-декольтэ, а въ третьемъ актѣ въ костюмѣ, состоящемъ чуть-чуть не изъ одного лишь букета фуксій, — то этого очень достаточно, чтобы обезпечить, по крайней мѣрѣ, сотню представленій, хотя бы по поводу всего этого смѣялись прежде всего сами же французы. Одинъ изъ театральныхъ критиковъ, говоря по поводу возобновленія этой пьесы, что и знаменитая медвѣжья шкура — одинъ изъ сценическихъ эффектовъ Сары Бернаръ—была для этого случая тщательно выколочена, прибавляетъ при этомъ, что ее, впрочемъ, съ успѣхомъ можно было бы уже и продать...

Кстати о театральныхъ критикахъ. На дняхъ вся парижская журналистика была возмущена «чудовищнымъ покушеніемъ на ея священнѣйшія прерогативы» со стороны директоровъ театровъ, вздумавшихъ было прекратить генеральныя репетиціи первыхъ представленій, т. е., другими словами, сдѣлать ихъ вполнѣ домашними,

Digitized by Google

прекративши доступъ журналистамъ и прочей «избранной публикѣ». До сихъ поръ, какъ извѣстно, представленію всякой новой пьесы предшествуетъ ея генеральная репетиція, т. е. то же представленіе, но только безплатное, назначенное спеціально для директоровъ газетъ, театральныхъ рецензентовъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, стоящихъ близко къ театру. Дѣлается это съ весьма понятной цѣлью, чтобъ представители печати, которые такимъ образомъ являются первыми, а, слѣдовательно, и наиболѣе привилегированными, притомъ безплатными зрителями, во-первыхъ, заинтересовали публику своими статьями, являющимися въ газетахъ утромъ передъ публичнымъ представленіемъ; а, во-вторыхъ, въ извѣстной степени и расположили ее въ пользу новой пьесы своими болѣе снисходительными отзывами, какъ объ ея содержаніи, такъ и объ исполненіи. Но, пользуясь такимъ образомъ услугами прессы, директора театровъ никакъ не могутъ помириться съ тѣмъ, что имъ приходится жертвовать для этого цѣлымъ вечеромъ, т. е., другими словами, сборомъ съ цѣлаго представленія... И вотъ они сдѣлали попытку или вовсе прекратить эти генеральныя репетиціи, или, по крайней мѣрѣ, давать ихъ не вечеромъ, а днемъ. На это немедленно же посыпались возраженія со стороны прессы, которая рѣшительно объявила, что редакторы газетъ и театральные рецензенты не могутъ присутствовать на дневныхъ генеральныхъ репетиціяхъ, такъ какъ они въ это время должны заниматься спѣшной работой по приготовленію нумера, который сдается въ наборъ вечеромъ и долженъ выходить рано утромъ, затѣмъ, по мнѣнію представителей печати, это невыгодно будетъ и для самихъ директоровъ театровъ, такъ какъ, кромѣ журналистовъ, дневныя репетиціи не будутъ посѣщаемы ни биржевымъ міромъ, ни дамами деми-монда, которые играютъ почти такую же важную роль въ успѣхѣ новыхъ пьесъ, какъ и ежедневная пресса; наконецъ, по мнѣнію газетъ, это было бы непріятно и самой публикѣ, привыкшей уже читать содержаніе пьесы и отзывы о ней до ея представленія. Директора театровъ возражаютъ на это, что приглашаемые на генеральныя репетиціи, такъ сказать, присяжные цѣнители не занимаютъ обыкновенно и одной трети залы—обстоятельство, при которомъ ни одинъ директоръ не можетъ допустить генеральной репетиціи, имѣющей въ сущности значеніе перваго представленія, такъ какъ актеры при видѣ пустой залы не могутъ имѣть достаточнаго возбужденія и играть съ театральнымъ увлеченіемъ и совершенствомъ. Оказывается необходимымъ, слѣдовательно, наполнить залу во что бы то ни стало публикой, состоящей изъ разнаго рода знакомыхъ и т. п., которая, увидѣвши разъ пьесу, не пойдетъ больше смотрѣть ее, что, разумѣется, и составитъ пря-

Digitized by Google

мой убытокъ для театральной кассы. На эти возраженія директоровъ театровъ, пресса заявила, ссылаясь на примѣръ Comédie Française,—гдѣ всѣ генеральныя репетиціи публичны, — что ихъ доводы не могутъ быть признаны основательными. На генеральныя репетиціи приглашается обыкновенно такая публика, которая, все равно, большаго дохода театрамъ не доставляетъ; если убытокъ театра считать даже въ 6—7,000 фр., то и это — капля въ морѣ, сравнительно съ тѣми дѣйствительно бѣшеными расходами, которые обыкновенно дѣлаются при постановкѣ каждой новой пьесы. Если директоровъ пугаетъ самое слово: *приглашеніе* или *безплатное приглашеніе*, то они должны только подумать о той пользѣ, какую доставляетъ имъ присутствіе на генеральныхъ репетиціяхъ представителей прессы. Если они думаютъ, что, при публичности генеральныхъ репетицій, каждая новая пьеса является передъ публикой уже не въ дѣвственномъ блескѣ самой свѣжей новизны (déflorée— по живописному выраженію одного изъ журналистовъ), то это тоже преувеличено и, въ концѣ концовъ, виною этого являются во всякомъ случаѣ не газеты, а та публика, которая приходитъ по приглашенію самихъ же директоровъ.

Весь этотъ процессъ съ директорами театровъ ведется парижской прессой съ тѣмъ замѣчательнымъ единодушіемъ и esprit du corps, который всегда замѣчается въ моменты, когда ей угрожаетъ какое нибудь обстоятельство, задѣвающее самые принципы ея существованія и свободы. Не смотря ни на какую разницу политическихъ взглядовъ, ни на борьбу партій, ни на личную вражду, ни на ежедневную отборную ругань, которою обмѣниваются между собою парижскія газеты—вся пресса, какъ одинъ человѣкъ, поднимаетъ голосъ, если, напр., какая нибудь газета подвергнется преслѣдованію, если приговореннаго судомъ къ тюремному заключенію журналиста посадятъ не въ Sainte-Pélagie, а въ какую нибудь другую тюрьму; если полиція сдѣлаетъ обыскъ въ какой нибудь редакціи; если репортерамъ закроютъ куда нибудь доступъ, или просто не окажутъ достаточнаго вниманія. Это-то единодушіе, ставящее парижскую прессу такъ высоко, всегда даетъ ей побѣду при всякихъ обстоятельствахъ и несомнѣнно, что и въ вопросѣ о генеральныхъ репетиціяхъ директоры театровъ въ концѣ концовъ окажутся вынужденными уступить.

На дняхъ, въ судѣ исправительной полиціи, разыгрался наконецъ эпилогъ надѣлавшей столько шуму исторіи съ Дженъ-Гардингъ. Симпатичной, хотя, можетъ быть, и не черезчуръ добродѣтельной артисткѣ Opéra Comique, былъ устроенъ совершенно дамскій скандалъ, по милости одной изъ ея соперницъ, и притомъ даже не по

Digitized by Google

театру, а только по любви. По словамъ протокола, составленнаго присутствовавшимъ въ этотъ вечеръ въ театрѣ полицейскимъ комисаромъ Клеманомъ, «въ національномъ театрѣ Комической оперы, вслѣдствіе заранѣе устроеннаго заговора противъ дѣвицы Дженъ-Гардингъ, исполнявшей роль Фрины, дѣвица Викторина Бокарнъ, 21 года, родившаяся въ Парижѣ 8 января 1873 г., швея по профессіи, нарушила ходъ представленія, бросивши на сцену изъ ложи 4-го яруса, № 2, нѣсколько кочней капусты, одного бѣлаго кролика, имѣвшаго 46 сантиметровъ длины, и одну вяленую треску въ 50 сантиметровъ вышины, къ которой оказались привязанными посредствомъ нитокъ вѣтки сушенаго винограда, фиги, миндаль и билетикъ съ оскорбительною для дѣвицы Гардингъ надписью; нѣсколько бантовъ изъ желтыхъ лентъ окружали хвостъ этой рыбы». Не довольствуясь этимъ оригинальнымъ «подношеніемъ», дѣвица Baucarne написала своей непріятельницѣ на другой день еще и вызывающее письмо. По поводу всего этого она и была привлечена къ отвѣтственности за нарушеніе порядка въ театрѣ и за проживательство подъ чужимъ именемъ въ меблированныхъ комнатахъ, и приговорена къ 5 франкамъ штрафа за каждое изъ этихъ двухъ преступленій. Приговоръ судьи былъ встрѣченъ подсудимой съ шумной веселостью, по поводу чего судья счелъ нужнымъ выразить сожалѣніе о томъ, что онъ лишенъ возможности приговорить ее къ тюремному заключенію, и наконецъ посовѣтовалъ убраться, пока она не подверглась еще наказанію за неуваженіе къ суду.

Отъ этого врядъ ли покажется рѣзкимъ переходъ и къ ярмаркѣ. У насъ только что кончилась *ярмарка окороковъ* (foire aux jambons) бывающая обыкновенно на страстной недѣлѣ, и только что началась пряничная ярмарка (foire aux pains d'épice). Это не столько въ самомъ дѣлѣ ярмарки, сколько въ своемъ родѣ народные праздники. Въ дѣйствительности, на первой изъ нихъ все таки хоть немного торгуютъ еще ветчиной; на второй же, если и торгуютъ, то только разнаго рода лакомствами, въ томъ числѣ, разумѣется, и пряниками. Объ эти ярмарки очень стариннаго происхожденія. Ярмарка окороковъ ведетъ свое начало еще съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда парижское духовенство не стѣснялось употреблять въ извѣстные праздники свинину, а капитулъ собора Notre-Dame, въ числѣ своихъ привилегій, имѣлъ право *de carnibus porcinis*, т. е. взиманіе десятины со всѣхъ свиней, привозимыхъ на продажу въ Парижъ. Вѣроятно, потому и «ярмарка окороковъ» собиралась всегда во вторникъ на страстной недѣлѣ на площади Notre-Dame и только около полустолѣтія тому назадъ была перенесена на Quai des Augustins, а затѣмъ—на нынѣшнее свое мѣсто.

Digitized by Google

Происхожденіе пряничной ярмарки менѣе извѣстно, но, по всей вѣроятности, оно связано съ древне-христіанскимъ обычаемъ благословлять хлѣбы и раздавать ихъ бѣднымъ въ воспоминаніе о бывшихъ въ первыя времена христіанства агапахъ, т. е. общественныхъ столахъ, къ чему, вѣроятно, прибавились и какія нибудь языческія вѣрованія, а также и вышеупомянутый обычай дѣлать запасы свинаго мяса на страстной недѣлѣ. Поэтому-то и большинство продаваемыхъ на ярмаркѣ пряниковъ представляетъ собой изображенія различной величины свинокъ съ написанными на нихъ именами, какъ мужскими, такъ и женскими, и каждый мало-мальски добропорядочный парижанинъ считаетъ своею обязанностью отправиться со своей семьей на эту ярмарку и приподнести каждому изъ домочадцевъ по свинкѣ съ его именемъ, а если онъ не женатъ, то тѣмъ не менѣе все таки дѣлаетъ запасъ этихъ пряничныхъ свинокъ съ именами своихъ знакомыхъ, — преимущественно, разумѣется, прекраснаго пола, — для презентованія кому слѣдуетъ. У насъ такой подарокъ («подложить свинью») показался бы, пожалуй, оскорбленіемъ или, по меньшей мѣрѣ, насмѣшкой достаточно дурнаго тона; но въ Парижѣ, по общему мнѣнію, приподнесеніе пряничной свинки означаетъ желаніе счастія или удачи. Иногда, впрочемъ, пряники имѣютъ и другую форму, представляя собой разныя фигуры; солдатъ, генераловъ и т. п., а часто даже и политическихъ персонажей. Само собой разумѣется, что продажей пряниковъ на этой ярмаркѣ дѣло не ограничивается, и въ концѣ концовъ пряники, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, отходятъ на второй планъ; громаднѣйшая же Place du Trône, или по республикански площадь Націй (Place des Nations) и всѣ прилегающія къ ней улицы и бульвары, въ первую недѣлю послѣ пасхи, покрываются множествомъ балагановъ, лавочекъ, будочекъ, каруселей, лотерей, тировъ для стрѣльбы въ цѣль, народныхъ театровъ, звѣринцевъ, и т. п. Въ одномъ мѣстѣ пекутъ вафли, въ другомъ — какіе-то эльзасскіе блинчики; тутъ клоуны на подмосткахъ ярмарочнаго цирка зазываютъ публику на экстроординарнѣйшее представленіе; тамъ предлагаетъ свои услуги странствующій фотографъ; здѣсь наряженная въ бусы дѣвица продаетъ самую настоящую nougat russe (подитека узнайте въ Россіи, что̀ это за nougat?) и все въ такомъ родѣ. Возлѣ пользующагося заслуженной извѣстностью ярмарочнаго звѣринца Bidel'я на возвышенной платформѣ, отгороженной отъ публики довольно высокимъ барьеромъ, подвизается нѣсколько очень внушительной величины Maître-Martin'овъ (т. е. по нашему Михайловъ Потапычей), которыхъ вожаки заставляютъ выдѣлывать почти тѣ же самыя штуки, какъ и у насъ; только тутъ медвѣдей

Digitized by Google

не угощаютъ водкой и держатъ въ намордникахъ, но зато и не выкалываютъ имъ глазъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ звѣринца—совсѣмъ свѣжая ярмарочная новость этого года. Здѣсь помѣщаются живыя статуи: нѣсколько дюжихъ ребятъ, вымазанныхъ съ головы до пятокъ бронзовымъ порошкомъ,—покрывающимъ ихъ лица, руки и костюмы,—въ неподвижныхъ позахъ изображаютъ, съ достаточнымъ, впрочемъ, искусствомъ и пластикой, разнаго рода статуи и группы. Простоявши около четверти часа въ совершенно окаменѣломъ видѣ, они внезапно оживляются и уходятъ, а вмѣсто нихъ появляется новая серія молодцовъ—совершенно бѣлыхъ—изображающихъ собою гипсъ или мраморъ. Это, впрочемъ, только приманка для публики, внутри же балагана все это производится съ гораздо большей артистичностью, съ разнаго рода аксессуарами и претензіей представить различныя болѣе или менѣе извѣстныя произведенія скульптуры. Почти рядомъ, въ довольно большомъ, освѣщенномъ электричествомъ, балаганѣ американскіе протестанты устроили вещь несовсѣмъ обычную на европейскихъ ярмаркахъ—живыя картины, изображающія страсти Господни. Картины очень недурны, отличаются по возможности исторической вѣрностью, но производятъ все таки странное впечатлѣніе, представляя собой совсѣмъ непривычное для нашего глаза смѣшеніе ярмарочнаго балагана и религіозныхъ сюжетовъ,—своего рода Armée de Salut, проповѣдующая слово божіе въ шутовскихъ костюмахъ, съ трубами и барабанами. Публика, впрочемъ, очень заинтересована и ведетъ себя во время представленія сдержанно и серьезно, не смотря на то, что за минуту передъ этимъ она дурачилась, перебрасывалась *confetti* и орала на всѣ лады на площади. Но едва ли не самымъ главнымъ attraction всей ярмарки служатъ разнаго рода качели и каруселя. Тутъ ужь, кажется, предприниматели совсѣмъ выходятъ изъ себя, чтобы превзойти другъ друга роскошью обстановки, удивительными позами и натуральностью деревянныхъ лошадокъ, и особенно громкозвучностью своихъ органовъ, въ сравненіи съ которыми трубы іерихонскія навѣрно показались бы тихими аккордами эоловой арфы. Намъ никогда въ жизни не случалось слышать ничего болѣе дикаго и оглушительнаго! — недаромъ же эти машины и носятъ названіе orgues de Barbarie. Въ этомъ году каруселя особенно великолѣпны и разнообразны; на нѣкоторыхъ изъ нихъ лошади сдѣланы въ натуральную величину, и не напрасно, такъ какъ въ карусельной забавѣ принимаютъ участіе взрослые чуть ли не больше еще, чѣмъ дѣти или подростки — и, кромѣ того, взрослые обоихъ половъ и всѣхъ состояній. Разъ парижанинъ попалъ на ярмарку, да еще въ веселой компаніи, онъ забываетъ и свои лѣта, и общественное поло-

Digitized by Google

женіе, и tout en bon enfant начинаетъ выдѣлывать самыя мальчишескія штуки. Есть каруселн, представляющія собой воздушные шары, лодки, чуть не цѣлые корабли; каруселн изъ велосипедовъ и. т. д. Но наибольшимъ успѣхомъ пользуются, кажется, *Montagnes russes à vapeur*, т. е. примѣненіе къ каруселн американскаго изобрѣтенія,—дѣйствительно напоминающаго немного наши ледяныя горы,—гдѣ ледъ замѣненъ рельсами, а санки вагончиками на колесахъ. Для того чтобы сдѣлать эту карусель по возможности болѣе русскою, павильонъ, въ которомъ она помѣщается, расписанъ снаружи (и очень недурно расписанъ) картинами, изображающими пріѣздъ французской эскадры въ Кронштадтъ, русской—въ Тулонъ, разные виды Петербурга и т. п., а прислуга одѣта въ фантастическіе русскіе костюмы (впрочемъ, не болѣе фантастическіе, чѣмъ, напр., костюмы въ «русскомъ стилѣ» нашихъ желѣзнодорожныхъ кондукторовъ, у которыхъ великорусская рубаха такъ гармонически комбинируется съ малороссійской шапкой и шароварами). Вершиной же этнографической вѣрности оказывается, безъ сомнѣнія, неизмѣнно повторяемый кондукторами каруселя, послѣ каждаго тура, очень характерный жестъ... тотъ самый жестъ, который упоминается у Гоголя въ опоэтизированной формѣ «обхожденія безъ помощи платка». А оглушительнѣйшій органъ безпрерывно гремитъ нашъ «народный гимнъ», въ перемежку съ разными болѣе или менѣе плясовыми мотивами, сливающимся съ сотнями не менѣе раздирательныхъ оркестріоновъ вокругъ, съ барабанами акробатовъ, съ криками фокусниковъ, хлопушками дѣтей и т. п. Все это очень занимательно, но, удовлетворивши первое любопытство, спѣшишь уйти изъ этого ада звуковъ, куда глаза глядятъ.

Т—ръ.

Digitized by Google

ЮЛІАНЪ ОТСТУПНИКЪ.

Историческій романъ Феликса Дана.

XXXII.

«Снова пишу тебѣ изъ этого глинянаго гнѣзда — Парижа, на улицахъ котораго всякій разъ послѣ дождя утопаешь въ грязи; однако я полюбилъ этотъ тихій уголокъ на берегахъ Сены. Вѣдь здѣсь мнѣ въ первый разъ удалось прожить безъ помѣхи и долгое время съ моей милой женою, а теперь мы опять вмѣстѣ. Невозможно описать, какъ мы счастливы! Меня втайнѣ тревожитъ только ея слабое здоровье; она не можетъ поправиться послѣ лѣченія врача Нигера.

«Войска я уже распредѣлилъ по ихъ обычнымъ зимнимъ квартирамъ и снова послалъ Іовіана въ Италію съ порученіями къ императору, съ письмами къ Эвзебіи, къ матери и сестрѣ, которымъ добрая императрица облегчаетъ неволю, такъ какъ ихъ удерживаютъ при дворѣ въ видѣ поруки за мою вѣрность. Никогда Констанцій не исполнитъ завѣтныхъ желаній вѣрнаго Іовіана, а я—братъ, цезарь, не имѣю настолько самостоятельности, чтобъ отдать своему другу руку родной сестры. Да и мать не выдала бы дочь за некрещенаго; здѣсь меня ожидала бы мучительная борьба, но до этого не дойдетъ, пока живъ Констанцій.

«Вѣрный своему слову, Серапіонъ вернулся обратно. Какъ люблю я этого необыкновеннаго варвара, который въ свободные вечерніе часы читаетъ со мной и Еленой Иліаду или споритъ объ ученіи Максима и о мистеріяхъ Озириса. Іовіанъ вернулся съ печальными вѣстями: дни прекрасной Эвзебіи сочтены. Филиппъ объявилъ, что вся его наука можетъ поддержать эту хрупкую жизнь только на короткое время. Императрица знаетъ свою участь и переноситъ какъ свои страданія,

Digitized by Google

такъ и увѣренность въ близкомъ концѣ съ удивительной силой воли и покорностью судьбѣ. Она много молится вмѣстѣ съ моей матерью и сестрою.

«Моя здѣшняя жизнь печальна. Іовіанъ молчитъ, когда я высказываю ему свои философскія убѣжденія или религіозные взгляды; Серапіонъ оспариваетъ ихъ. Моя мать—убѣжденная, ревностная христіанка, да и сестра, вѣроятно, на пути сдѣлаться такою же. Ты же, о, Лизій, въ гнѣвѣ молчишь, такъ какъ я не могу поклоняться твоимъ народнымъ богамъ. Значитъ, я остаюсь совершенно одинъ; только Елена, моя возлюбленная Елена, вполнѣ понимаетъ меня и раздѣляетъ всѣ мои мнѣнія, но при этомъ откровенно признаётся, что дѣлаетъ такъ лишь изъ любви ко мнѣ.

«О, Лизій, сѣтуй и плачь вмѣстѣ со мною: Эвзебія, добрѣйшая женщина, которой я обязанъ всѣмъ—жизнью, свободой, Еленой, славой и честью; всѣмъ, исключая моего избавленія изъ монастырской неволи, которое составляетъ твою заслугу,—Эвзебія отошла въ вѣчность! У нея было больное, неизлѣчимо-больное сердце. Она написала мнѣ черезъ преданнаго врача; онъ самъ писалъ подъ ея диктовку за нѣсколько часовъ до смерти императрицы: «Мой другъ, когда ты получишь это письмо, первое и послѣднее отъ Эвзебіи,—твоей пріятельницы не будетъ уже на свѣтѣ; она перестанетъ жить или, точнѣе говоря, страдать. Впрочемъ, нѣтъ! говорить такъ было бы несправедливостью и неблагодарностью съ моей стороны. Несовсѣмъ безрадостна была моя жизнь: я могла осчастливить тебя и Елену. Это и часы тѣхъ лекцій, которыя ты нѣкогда читалъ въ дорогихъ намъ обоимъ Аѳинахъ—вотъ радости моей жизни и въ самомъ дѣлѣ мнѣ ихъ достаточно. Мнѣ больно, что ты думаешь о загробной жизни иначе, чѣмъ я, о чемъ я заключаю по твоимъ письмамъ къ сестрѣ Юліанѣ, и я не могу раздѣлять твоихъ взглядовъ. Однако, вѣдь и ты вѣруешь, что наши души будутъ вспоминать земную жизнь; тѣ же, которыя родственны между собою, встрѣтятъ одна другую за гробомъ и станутъ блаженствовать, не будучи болѣе раздѣлены преградами земной жизни. Въ этой увѣренности я говорю тебѣ: до блаженнаго свиданія, другъ мой Юліанъ».

Digitized by Google

«Что такое волнуетъ мою душу въ этихъ словахъ, полныхъ тоски? Они тронули меня до слезъ. Я спросилъ Елену: «что это значитъ? Какая нѣжная тайна говоритъ мнѣ здѣсь»? Съ плачемъ спрятала она свое худенькое личико на моей груди.

«— *Нѣжная тайна*! Ты говоришь это, не зная, насколько ты близокъ къ правдѣ; ты не подозрѣваешь, какую тайну унесъ съ собою въ могилу нашъ другъ, а я, я никогда не выдамъ ея...

«И я обѣщалъ не допытываться о ней. Въ благородной императрицѣ мнѣ пришлось потерять самую лучшую свою заступницу и защитницу при дворѣ — предпослѣднюю связь, соединявшую меня съ Константіемъ; теперь насъ связываетъ только Елена, но она не можетъ устраивать моихъ дѣлъ въ его палаціумѣ. Со смертью моей защитницы—какъ сообщаетъ мнѣ Филиппъ чрезъ довѣренныхъ посланныхъ — мои враги: Эвзебій и прочіе евнухи, затѣмъ Марцеллъ, Флоренцій и Барбаціо, еще дѣятельнѣе стараются очернить меня передъ императоромъ. Эти мастера въ искусствѣ лести высмѣиваютъ, въ угоду зависти августа, мои дѣянія, мои удачи и даже мои частыя донесенія, а между тѣмъ они хорошо знаютъ, что я долженъ доносить обо всемъ до самыхъ мелочей по строгому приказу императора, вѣчно бодрствующее недовѣріе котораго хочетъ знать каждый мой шагъ.

XXXIII.

«Зима прошла въ безпрерывной работѣ. Она изнуряетъ меня: я раздраженъ, возбужденъ. Прежде я не давалъ себѣ спать, предаваясь своимъ занятіямъ, а теперь не могу заснуть и на два часа.

«Я вездѣ старался ослабить чрезмѣрный гнетъ податей и сильно понизилъ подушную подать, падающую на бѣдныхъ; я преслѣдовалъ чиновниковъ, обогащавшихся вымогательствомъ или хищеніями. Я самъ засѣдалъ въ судѣ и разбиралъ важныя жалобы.

«Но и о предстоящемъ походѣ я опять позаботился, потому что этой распрѣ съ германцами не предвидится конца. Они какъ будто сговорились подтвердить рѣчи Серапіона. Въ

Digitized by Google

маѣ я распростился въ Парижѣ съ моей дорогой женою, которая, по обыкновенію, и на этотъ разъ старалась улыбаться, чтобъ не дать мнѣ замѣтить своего горя и тревоги; однако, это ей плохо удалось и подъ конецъ она бросилась мнѣ въ объятія, заливаясь слезами. Елена все болѣе становится неземною. Еще на землѣ это существо сбрасываетъ съ себя свою тѣлесную оболочку. Я оставилъ при ней Орибазія, мудраго врача, и Серапіона который обѣщалъ мнѣ беречь ее; никто съ бо́льшею преданностью не выполнитъ этого долга. О подвозѣ припасовъ изъ Британіи я также похлопоталъ заблаговременно и, дѣйствительно, къ концу зимы оттуда стали прибывать первыя партіи. Въ Боннѣ, въ Андернахѣ, Нейсѣ, затѣмъ въ Дооренбургѣ, Ксантенѣ мною предусмотрительно починены старыя стѣны и повсюду устроены запасные магазины. Варварскіе короли въ окрестностяхъ, въ силу прошлогодняго договора, доставляли камни и дерево на собственныхъ подводахъ, а войска выказывали необыкновенное рвеніе при этой далеко нелюбимой ими строительной работѣ. Бревна длиннѣе пятидесяти футовъ солдаты таскали на плечахъ. «Мы дѣлаемъ это изъ любви къ тебѣ, цезарь,—кричали они мнѣ,—но не для императора, не по чувству долга и не за жалованье, котораго почти никогда не получаемъ». Послѣ такихъ увѣреній, я предпринялъ третій походъ черезъ Рейнъ, однако не у Майнца, какъ мнѣ совѣтовали всѣ полководцы и, между прочимъ, Іовіанъ. Почему? По одной причинѣ, говорящей не въ пользу дисциплины моей арміи. Нашъ успѣхъ, когда мы проникнемъ въ непріятельскія области, будетъ зависѣть отъ того, сохранятъ ли нейтралитетъ у насъ въ тылу покорившіеся Риму въ прошломъ году цари: Суомаръ и Гортари, остававшіеся до сихъ поръ вѣрными. А ихъ области лежатъ какъ разъ противъ Майнца; я же не могу поручиться за повиновеніе своихъ солдатъ. Они любятъ меня, обожаютъ, но не повинуются мнѣ! Когда имъ представляется случай пограбить или похитить златокудрыхъ германокъ съ бѣлыми руками, они дѣлаютъ это на моихъ глазахъ и смѣются надъ моимъ гнѣвомъ. Я не нахожу достаточно послушныхъ, чтобы наказывать безчинство, а если дойти до крайнихъ мѣръ, то, при всей любви ко мнѣ, солдаты преспокойно убьютъ меня. Неужели же допустить, чтобы войско цезаря, позабывъ вѣрность, коварно напало на варваровъ,

Digitized by Google

которые не нарушили своего слова? Неужели мы обратимъ этихъ королей въ озлобленныхъ мстителей? Нѣтъ!

«Гораздо ниже Майнца переправился я ночью черезъ Рейнъ въ сорока гондолахъ (нѣкогда онѣ служили для прогулокъ обитателямъ римскихъ виллъ, но теперь римлянамъ не до веселья!). Со мной было только триста легко-вооруженныхъ воиновъ: я приказалъ убрать весла и пустить челноки по теченію, чтобъ насъ не выдалъ плескъ воды, тогда какъ въ лагерѣ главнаго корпуса, на лѣвомъ берегу, были нарочно разложены большіе огни. Наша хитрость удалась вполнѣ: варвары на правомъ берегу не спускали глазъ съ этихъ огней, тогда какъ мой отрядъ безпрепятственно высадился на избранномъ мѣстѣ. Было два часа утра; до этой поздней поры многіе сосѣдніе князья, по германскому обычаю, засидѣлись за кубками съ виномъ, у одного изъ береговыхъ королей. На обратномъ пути гости, ничего не подозрѣвая, наткнулись на нашу дружину (караулы у нихъ не были разставлены); короли спаслись, пожертвовавъ своими свитами, но ужасъ передъ нашимъ нашествіемъ далеко распространился по всей странѣ; войска, собранныя для защиты Рейна, разбѣжались; я переправилъ свои главныя силы по пловучему мосту и глубоко проникъ въ землю аламановъ, сожигая и истребляя все на своемъ пути: посѣвы и дворы до границы Бургундіи, между Якстомъ и Кохеромъ, гдѣ нѣкогда стояли пограничные камни нашихъ владѣній. Здѣсь еще сохранились остатки нашихъ старыхъ пограничныхъ укрѣпленій. Ахъ! и вдругъ меня принудятъ вернуться отсюда назадъ, вмѣсто того чтобъ возстановить старыя границы! Вернуться изъ-за того, что я не болѣе, какъ цезарь. Это горько.

«Выслушай, какъ было дѣло, и ты поймешь мое негодованіе. Я узналъ черезъ развѣдчиковъ и плѣнныхъ, что въ этой странѣ остается только трое непобѣжденныхъ аламанскихъ королей: двое менѣе могущественныхъ—Макріанъ и Гаріобаудъ; а затѣмъ самый могущественный, самый хитрый и опасный изъ всѣхъ (онъ долго состоялъ на римской службѣ въ Италіи) Водомаръ, имѣющій владѣнія на юго-западѣ. На этого Водомара я, конечно, и рѣшилъ напасть, чтобъ увѣнчать его покореніемъ всѣ свои побѣды. Еслибъ мнѣ удалось принудить его къ миру въ его собственной области, всякое сопротивленіе было бы сломлено. Свѣдущіе проводники были найдены

Digitized by Google

войско получило приказъ выступить на другое утро противъ короля Водомара. Однако, наканунѣ, въ лагерь прибыли Макріанъ и Гаріобаудъ, предлагая свое безусловное подчиненіе, а также и онъ самъ, Водомаръ, но вовсе не съ тѣмъ, чтобъ подчиниться. Напротивъ! Къ моему величайшему изумленію, онъ передалъ мнѣ конфиденціальное, даже самое конфиденціальное письмо императора. Констанцій прямо беретъ его подъ свою защиту и уполномочиваетъ оградить себя этимъ письмомъ противъ всякаго нападенія слишкомъ ретиваго цезаря Юліана. Изо всѣхъ штукъ и коварныхъ выходокъ, совершонныхъ до сихъ поръ трусливымъ, лицемѣрнымъ тираномъ, это самая худшая! Изъ зависти къ моимъ успѣхамъ, онъ тайно заключаетъ за моей спиной договоры съ самымъ опаснымъ изъ этихъ королей, покорить которыхъ я былъ посланъ. Я не долженъ побѣждать слишкомъ много и вполнѣ. Такимъ образомъ, этого Водомара, величайшаго артиста по части коварства (друзья и враги сравниваютъ его съ германскимъ богомъ огня, имя котораго я позабылъ) мнѣ пришлось отпустить на свободу безо всякаго ограниченія или наложенія на него какихъ бы то ни было обязательствъ. Я долженъ былъ обѣщать ему, что мое войско, стоявшее у самыхъ границъ его области, не переступитъ ихъ. Я былъ принужденъ вернуться, не закончивъ побѣды, — постыдно вернуться, остановленный письмомъ повелителя римскаго государства. Мой гнѣвъ не зналъ предѣловъ: выставить меня на смѣхъ передъ этимъ варваромъ! Никогда не забуду я презрительной мины, съ которой онъ спросилъ меня при отъѣздѣ: не послать ли ему отъ моего имени любезнаго поклона императору? Онъ будетъ писать ему завтра и доложитъ, какъ покорно я исполнилъ его волю. О, Констанцій, какъ я тебя ненавижу!..

«Убѣдившись, что конечная цѣль моего похода не можетъ быть достигнута, я вернулся обратно въ Майнцъ. Тутъ я нашелъ письма отъ матери и сестры, которыя увѣдомляли меня, что онѣ едва не погибли на морѣ. Императоръ вздумалъ отплыть изъ лигурійскихъ гаваней съ маленькимъ флотомъ и пройти мимо моей Галліи въ Испанію, гдѣ начались безпорядки, которые онъ самъ хотѣлъ подавить: доведенные до отчаянія крестьяне перебили сборщиковъ податей и соединились

Digitized by Google

въ разбойничьи шайки. Августъ простился уже съ моими родными въ Миланѣ и направился къ лигурійскому берегу, какъ вдругъ послалъ къ женщинамъ гонцовъ съ приказаніемъ слѣдовать за нимъ: онъ приглашалъ ихъ совершить съ нимъ морское путешествіе до Барцелоны, которое могло принести пользу мой матери, страдающей глазами. Константцій въ качествѣ глазнаго врача! Очевидно, онъ не хотѣлъ упускать изъ рукъ заложницъ моей вѣрности, пожалуй, потому что только послѣ своего отъѣзда услыхалъ о моемъ выступленіи противъ Водомара, причемъ я долженъ былъ узнать о дружбѣ послѣдняго съ августомъ. Онъ, конечно, догадывался, какъ ожесточитъ меня его предательство. А вѣдь императоръ считаетъ меня способнымъ нарушить клятву и измѣнить вѣрности. Какъ можетъ онъ думать обо мнѣ такъ низко, приписывать человѣку такія невозможныя, постыдныя намѣренія? Вотъ почему Констанцій съ такой поспѣшностью потребовалъ къ себѣ своихъ заложницъ. Между тѣмъ, вблизи Марселя, маленькая эскадра была застигнута въ ночное время страшной бурей, противнымъ вѣтромъ, и совершенно разсѣяна. Двѣ треэры пошли ко дну на глазахъ моей матери и сестры. При бѣгломъ свѣтѣ молній, онѣ увидѣли, что корабль августа относило назадъ къ востоку, къ Италіи, тогда какъ кормчему удалось съ отчаянными усиліями ввести ихъ собственное маленькое судно въ марсельскую гавань, хотя оно тоже дало течь и было близко къ гибели. Я обѣщалъ богатыя благодарственныя жертвы морскимъ божествамъ: Посейдону и Амфитритѣ. Какъ только доберусь до моря, то брошу въ него драгоцѣнности изъ золота, чтобъ волны отнесли ихъ на дно богамъ. Узнавши, куда прибила буря его гостей, августъ, конечно, потребуетъ немедленнаго возвращенія къ себѣ обѣихъ женщинъ, но ему предстоитъ безотлагательно выступить въ походъ въ Азію противъ персовъ, такъ что это случится еще не скоро. Такое чудесное спасеніе моихъ близкихъ отъ смертельной опасности я также съ великой благодарностью приписываю особой милости боговъ.

XXXIV.

«О, нѣтъ, о, нѣтъ! все это безуміе, пустой самообманъ... Я ничего не значу для тѣхъ, которые правятъ судьбами міра;

Digitized by Google

иначе, какъ могли бы они поразить меня такимъ ужаснымъ горемъ? Ахъ, Лизій, я пораженъ до глубины души: моя возлюбленная жена, моя Елена, мое драгоцѣннѣйшее сокровище на землѣ, покинуло меня! Вчера Серапіонъ прибылъ изъ Парижа въ Майнцъ и привезъ роковую вѣсть объ ея смерти. Она увяла, какъ дивный небесный цвѣтокъ, не созданный для слишкомъ сурового воздуха земли. О, сколько я потерялъ въ ней! Все, все, исключая государства и боговъ. Передъ ними я буду исполнять до конца свой долгъ; но радоваться его исполненію, наслаждаться жизнью, быть довольнымъ собою,—это уже для меня теперь недоступно. Я могъ, я долженъ былъ повѣрять ей все. Съ каждой заботой, а въ особенности съ каждой удачей спѣшилъ я къ ней.

«Это правда, я тщеславенъ; тщеславіе — мой главный недостатокъ (въ немъ ты упрекалъ меня еще въ самые юные годы), но—боги мнѣ свидѣтели!—похвала Елены или даже ея молчаливое одобреніе были для меня самой лучшей наградой. Я дорожилъ ими больше, чѣмъ громкими кликами войска; даже похвальныя письма Максима и Либанія не приносили мнѣ столько счастія, какъ милая улыбка и радостный взглядъ, которыми встрѣчала меня возлюбленная по возвращеніи изъ счастливаго похода. Ахъ, весь міръ сталъ для меня холоденъ и теменъ, съ тѣхъ поръ какъ она умерла. Безъ борьбы, безъ страданій, безъ жалобъ угасла Елена, подобно лампадѣ, посвященной богамъ, которой не хватило питанія — священнаго масла. Мое имя слетѣло, при послѣднемъ издыханіи, съ ея устъ, и Серапіонъ принесъ мнѣ ея послѣдній привѣтъ.

«Ахъ, этотъ варваръ! Какъ нѣжно, тонко и глубоко умѣетъ онъ чувствовать! Съ какимъ участіемъ передалъ онъ мнѣ ужасную вѣсть, встрѣтилъ взрывы моего необузданнаго горя и потихоньку-потихоньку смягчилъ его.

«— Вспомни,—серьезно заговорилъ онъ, послѣ того какъ я провелъ въ слезахъ многіе часы, — вспомни о прекрасной вѣрѣ, соединяющей тебя съ Еленой. Если я не могу раздѣлять ее, то готовъ почти завидовать вамъ. Какъ только тебя постигнетъ смерть, вы, близко родственныя души, соединенныя любовью, будете жить вмѣстѣ на болѣе прекрасной звѣздѣ и сдѣлаетесь неразлучными, достигая все большаго блаженства по мѣрѣ приближенія къ присутствію высочайшаго бога. Вы сольетесь воедино въ ва-

Digitized by Google

шемъ богѣ. Дѣйствительно, Елена одна вполнѣ раздѣляла твою вѣру. Можетъ ли существовать бо́льшая близость между двумя людьми? Ты и она составляете одно.

«Ни одному жрецу какой бы то ни было религіи, никакому философу не пришло бы въ голову сказать мнѣ въ утѣшеніе то, что́ сказалъ этотъ германскій королевичъ. Теперь онъ еще ближе моему сердцу и я люблю его, какъ брата. Само собою разумѣется, мнѣ хотѣлось бы, слѣдуя прекрасному обычаю нашихъ предковъ, предать чистому пламени дорогіе останки жены и хранить священный пепелъ въ увѣнчанной цвѣтами прекрасной урнѣ, въ священномъ мѣстѣ. Однако Серапіонъ съ Іовіаномъ весьма благоразумно удержали меня отъ такого поступка: Константій строго запрещаетъ сожиганіе тѣлъ и, конечно, меня заточили бы въ монастырь, еслибъ я вздумалъ похоронить по свое́му трупъ сестры императора. Серапіонъ, знакомый со всею мудростью египтянъ, распорядился бальзамированіемъ тѣла дорогой усопшей; я самъ возвращаюсь въ Парижъ, чтобы поклониться ея праху. Все, чего я могу теперь достигнуть въ жизни—удовлетворенное честолюбіе, гордость, тщеславіе, пожалуй, могутъ радовать меня, но въ сердцѣ навсегда останется печальная пустота, наполненная только воспоминаніями. И я могу послѣдовать своему влеченію и вернуться въ Парижъ, потому что войска уже расквартированы мною на зиму. Ахъ, какой прелестной улыбкой встрѣчала меня Елена, когда я возвращался изъ походовъ, увѣнчанный побѣдой! А теперь? Только въ лучшемъ мірѣ снова увижу я эту улыбку.

«По прибытіи въ Парижъ, я тотчасъ отправился, едва спрыгнувъ съ сѣдла, въ склепъ базилики на островѣ Сены, гдѣ священникъ помѣстилъ дорогой мнѣ прахъ. О, Лизій, не стану говорить о жестокой боли моего сердца, когда я поднялъ выпуклую крышку саркофага изъ темнокраснаго порфира и увидалъ уже не лицо Елены, а совсѣмъ другое, измѣнившееся лицо неподвижнаго трупа! Еслибъ жгучія слезы могли воскрешать усопшихъ, Елена до сихъ поръ наслаждалась бы со мной солнечнымъ свѣтомъ.

«Каждую свободную минуту я думаю о томъ, какъ бы мнѣ

Digitized by Google

перенести дорогіе останки въ такое мѣсто, которое болѣе соотвѣтствуетъ, по своему убранству, нашимъ общимъ вкусамъ. Серапіонъ вывелъ меня изъ этого затрудненія. Однажды въ прекрасную осеннюю погоду онъ вздумалъ заманить меня на прогулку,—какъ я ни отговаривался неотложными дѣлами. «Аргусъ»—мой серебристо-бѣлый конь—ожидалъ уже осѣдланный на дворѣ палаціума, и мы выѣхали изъ города. направляясь по лѣвому южному берегу, внизъ по теченію рѣки, минуя пригородъ съ его жалкими глиняными мазанками. Вскорѣ наши рѣзвые скакуны унесли насъ далеко ото всякаго человѣческаго жилья въ тишину дремучаго буковаго лѣса, покрывающаго все прибрежье; покраснѣвшая осенняя листва великолѣпно блестѣла при яркомъ полуденномъ солнцѣ. Здѣсь было такъ тихо, такъ безмятежно и торжественно! Проѣхавъ порядочное пространство по уединенной проселочной дорогѣ, Серапіонъ спрыгнулъ съ сѣдла и повелъ свою лошадь за поводъ по узкой заросшей тропинкѣ, сначала не замѣченной мною. Я послѣдовалъ за нимъ. Въ тысячѣ шаговъ оттуда мы встрѣтили круглую прогалину, гдѣ, очевидно, прежде были вырублены деревья. Тутъ росло только два тонкихъ молодыхъ деревца; въ центрѣ прогалины поднимался маленькій храмъ—незатѣйливое святилище, какія часто встрѣчаются въ Галліи. Рельефное изображеніе на немъ—голова юноши въ лучезарномъ вѣнцѣ и колесница съ четырьмя конями—указывало на то, что оно посвящено Геліосу, т. е. римско-галльскому Аполлону-Граннусу. Маленькое святилище казалось совершенно опустѣлымъ и заброшеннымъ; съ боковыхъ стѣнъ мѣстами выпали кирпичи, валявшіеся въ густой травѣ. Вокругъ было уединенно и тихо—настоящій пріютъ лѣсныхъ нимфъ.

«Между тѣмъ Серапіонъ привязалъ къ дереву нашихъ лошадей, подошелъ къ запертымъ дверямъ храма и дважды ударилъ въ ладоши. Тутъ изнутри послышался звонъ ключа, который вкладывали въ ржавый замокъ; дверныя петли заскрипѣли, двери распахнулись и на порогѣ передъ нами очутился старецъ въ поношенномъ одѣяніи изъ бѣлой шерстяной матеріи; уцѣлѣвшія кое-гдѣ золотыя нити, затканныя въ матеріи, доказывали, что это нѣкогда была жреческая одежда. Я удивился, когда старикъ проговорилъ:— Добро пожаловать, сынъ и любимецъ Геліоса! Давно поджидаю я тебя здѣсь.

Digitized by Google

«— Кто ты такой?

«— Жрецъ Геліоса и супругъ той женщины, которую заперли, какъ безумную, въ Віеннѣ, потому что она повторяла старинное пророчество: второй Юлій Цезарь—воплощеніе перваго, но который только будетъ называться цезаремъ Юліаномъ, снова отвоюетъ Галлію и возстановитъ старыхъ боговъ. Это предсказаніе передавалось въ нашей семьѣ изъ рода въ родъ: несчастная женщина узнала о немъ отъ меня. Послѣ того какъ ей удалось привѣтствовать тебя, ее сочли одержимой злыми духами и заперли. Вскорѣ она умерла.

«Я тяжело вздохнулъ и пожалъ руку старику. Мы вошли вслѣдъ за нимъ во внутренность храма—восьмиугольное помѣщеніе, теперь совершенно пустое. Всѣ украшенія были унесены отсюда; золотыя и серебряныя кольца, висѣвшія на колоннахъ, отбиты очевидно топорами, горельефы по стѣнамъ обезображены.

«— Здѣсь очень некрасиво, — сказалъ Серапіонъ,—и не уютно, но все это можно возстановить. Нѣсколько дней тому назадъ, катаясь верхомъ въ лѣсу, я нечаянно наткнулся на это мѣсто и мнѣ пришло въ голову, что тутъ праху Елены было бы лучше покоиться, чѣмъ въ темномъ склепѣ.

«Съ этими словами онъ схватилъ вдѣланный въ стѣну желѣзный шестъ и толкнулъ его къ верху. Выпуклая желѣзная крыша маленькаго свѣтилища тотчасъ откинулась въ сторону и яркій солнечный свѣтъ залилъ всю внутренность храма. Съ восторгомъ поднялъ я къ небу глаза. «Лучъ Геліоса, прекраснѣйшій свѣтъ!»—вырвалось у меня изреченіе великаго Софокла. Да, мой задушевный другъ, здѣсь, а не во мракѣ склепа, должна почивать моя Елена. Здѣсь долженъ стоять ея саркофагъ, облитый потоками свѣта, точно осыпанный лобзаніями нашего Геліоса! Вернувшись въ палаціумъ, я заявилъ священникамъ при базиликѣ, что прахъ моей жены не можетъ оставаться въ подземельѣ по причинѣ сырости, что я нашелъ въ лѣсу заброшенный языческій храмъ, который намѣренъ обратить въ христіанскую ораторію, но теперь же, раньше его освященія, приказываю перенести туда умершую. Какъ блестѣлъ порфиръ саркофага, точно внутри гроба зарождалась новая непотухающая жизнь, когда мы поставили его въ святилище подъ самые лучи солнца! Но еще другую великую ра-

Digitized by Google

дость, наполнившую все мое сердце, доставилъ я себѣ,—воздавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднюю почесть умершей.

«Елена пренебрегала всякими украшеніями: супруга цезаря не носила ни золота, ни серебра, ни жемчуга, ни драгоцѣнныхъ камней. Она была такъ гордо-скромна, такъ благородно-проста! Но, послѣ побѣды подъ Страсбургомъ, въ покинутомъ лагерѣ аламановъ, намъ попалъ въ руки странный уборъ—ожерелье въ семь нитокъ бусъ изъ того камня, который зовется у насъ электрономъ, а у германцевъ «горючимъ камнемъ», «янтаремъ» и «морскимъ золотомъ». Уборъ понравился Еленѣ, «потому что»—сказала она — «супругъ мой, побѣдитель германцевъ, добылъ на войнѣ это чисто германское украшеніе и привезъ его домой, какъ побѣдный трофей». И она охотно надѣвала на свою бѣлоснѣжную шейку ожерелье въ семь нитокъ изъ темножелтаго морскаго золота. Дѣйствительно, оно очень оригинально. Серапіонъ говоритъ, что даже у нихъ рѣдко встрѣчается такой подборъ крупныхъ, равномѣрно круглыхъ бусъ, причемъ въ серединѣ нанизаны болѣе крупныя, а къ концамъ шнурка бусы идутъ все мельче и мельче. Такъ какъ Еленѣ нравился только этотъ камень, то я вздумалъ подобрать такую же красивую діадему и для ея лилейнаго чела. Мнѣ удалось это послѣ долгихъ стараній: частью изъ военной добычи, частью за деньги собралъ я во время послѣдняго похода достаточное количество прекрасныхъ бусъ морскаго золота, изъ которыхъ одинъ искусный римскій ювелиръ въ Майнцѣ сдѣлалъ по моему заказу великолѣпную діадему въ пять рядовъ. Увы, не на чело живой пришлось мнѣ ее возложить! Но какъ чудно было дѣйствіе ослѣпительныхъ солнечныхъ лучей, когда я, заливаясь горькими слезами, послѣ перенесенія покойницы въ святилище, надѣлъ ей на шею ожерелье въ семь нитокъ и діадему въ пять рядовъ на ея темно-каштановые волосы и на бѣлую шолковую повязку, вышитую жемчугомъ! Едва горячее лобзаніе Геліоса коснулось дорогаго праха, все засіяло и засверкало на Еленѣ, точно она хотѣла сказать:—Мы свидимся съ тобою, просвѣтленные, въ царствѣ свѣта...

«Каждый часъ, который я рѣшаюсь отнять у государства, проходитъ у меня здѣсь, въ моемъ главнѣйшемъ святилищѣ на землѣ.

Digitized by Google

XXXV.

«О, горе государству римлянъ, горе мнѣ! Лучше бы мнѣ не родиться и никогда не быть римскимъ цезаремъ!

«Гибель приближается. Бѣда должна разразиться надъ Римомъ, прежде всего надъ Галліей, моею Галліей, если я послушаюсь императора, а надо мною во всякомъ случаѣ,—послушаюсь ли я, какъ долженъ это сдѣлать, хотя не могу,—или окажу сопротивленіе, какъ не долженъ, не смѣю и также не могу поступить. Полное отчаяніе, никакого исхода! Гибель Галліи, всей западной части имперіи, а наряду съ этимъ гибель цезаря Юліана... О, еслибъ мнѣ вонзилось въ грудь германское копье! «Это рѣчь безумца», подумаешь ты, о, Лизій? Пожалуй! Но при страшномъ столкновеніи различныхъ обязанностей неминуемо ихъ нарушеніе. Благо тому, у кого *раньше* померкнетъ разсудокъ, а не такъ, какъ у Ореста, котораго поразило безуміе *послѣ* преступленія, вынужденнаго роковой необходимостью. Что же случилось? Констанцій требуетъ все мое войско или все, что составляетъ его главную силу, требуетъ изъ Галліи въ Азію противъ персовъ.

«Правда, наши границы, а, главное, наша честь требуетъ подкрѣпленія тамошней арміи, послѣ того какъ Констанцій со своими полководцами снова потерпѣлъ въ той странѣ постыднѣйшія пораженія. Но вѣдь имперія обширна; многочисленны ея провинціи, гдѣ стоятъ совершенно незанятыя войска. Въ Европѣ легко было бы потребовать войска изъ Италіи, Испаніи, Иллиріи, изъ Далмаціи, Истріи и Греціи; затѣмъ изо всей Африки, гдѣ господствуетъ невозмутимый миръ, изъ передней и средней Азіи, лежащихъ гораздо ближе къ персидской границѣ. Между тѣмъ, Констанцію понадобилось именно мое войско изъ Галліи, едва отвоеванной обратно, и съ Рейна, безопасность котораго далеко еще не упрочена! Если августъ настоитъ на своемъ, я буду не въ силахъ удержаться здѣсь; тогда мнѣ придется пожертвовать Рейномъ, Луарой, Гаронной, Роной и сдѣлать безнадежную попытку защитить горные проходы въ Альпахъ, ведущіе въ Италію, чтобъ удержать набѣги германцевъ на Миланъ, Равенну и Римъ. И Галлія—моя Галлія!—будетъ предана мщенію снова восторжествовавшихъ по-

Digitized by Google

бѣжденныхъ, а я паду съ мечемъ въ рукѣ, гдѣ нибудь между Роной и Туриномъ.

«Но не то сокрушаетъ меня: придетъ ли мнѣ конецъ въ Галліи, послѣ одержанныхъ побѣдъ, или въ Италіи, во время бѣгства, послѣ пораженія и гибели моей юной славы. Не это служитъ главной причиной овладѣвшаго мной отчаянія. Римъ, Римъ, имперія и Галлія—вотъ въ чемъ суть! Но самое ужасное въ томъ, что я не могу повиноваться гибельному приказу императора, какъ обязанъ, какъ того требуютъ отъ меня и долгъ, и честь, и присяга! Вѣдь Констанцій самъ нарушаетъ такимъ распоряженіемъ свою и мою клятву. Онъ далъ торжественный обѣтъ именно этимъ германскимъ и кельтскимъ войскамъ,—а также нашимъ ветеранамъ,—что ихъ никогда не потребуютъ отсюда противъ воли. А я знаю навѣрно и въ точности: даже одна тысяча этихъ людей, даже сотня не покорится добровольно императорскому приказу. И мнѣ приходится принуждать ихъ къ этому? Мнѣ съ тремя тысячами противъ четырнадцати? Даже совѣтъ друзей не выручилъ бы меня въ настоящемъ случаѣ. Но Іовіана я еще задолго до этого послалъ въ Марсель—привезти мнѣ сюда мать и сестру, а Серапіонъ уѣхалъ на родину. Я совсѣмъ одинъ передъ своей неразрѣшимой задачей, передъ бѣдственнымъ нарушеніемъ клятвы противъ моихъ войскъ. Но и друзья могли бы посовѣтовать мнѣ только одно: «Исполни свой долгъ и умри». Прощай, Лизій! Еще разъ благодарю тебя за свое избавленіе отъ неволи въ былые дни. Это мое послѣднее «прости». Воля императора неизмѣнна. Онъ хочетъ меня погубить, хочетъ доказать міру и исторіи, что моя похвальба, будто бы я снова отвоевалъ Галлію,—была пустою ложью. Лишенный всякихъ средствъ къ сопротивленію, я обреченъ погибнуть здѣсь, безславно, постыдно побѣжденный варварами. Зависть Констанція къ моимъ лаврамъ полководца вызвала такой ни съ чѣмъ не сообразный приказъ. Филиппъ нашелъ возможнымъ тайно сообщить мнѣ о томъ. Посланный ко мнѣ отъ императора съ роковымъ порученіемъ—двоюродный братъ евнуха Эвзебія.

«До меня уже доходятъ свѣдѣнія, что въ массѣ войска распространились неопредѣленные тревожные слухи о насильственномъ переводѣ ихъ въ Азію. Значитъ, я не могу дольше умалчивать о случившемся и такимъ образомъ моя смерть, моя ги-

Digitized by Google

бель неизбѣжны. Я долженъ повиноваться императору,—того требуютъ честь, долгъ, присяга и глаза моей матери! Но чѣмъ дожидаться, пока меня умертвятъ мои собственные подчиненные за нарушеніе клятвы передъ ними, или убьютъ во время бѣгства восторжествовавшіе надо мною аламаны, не лучше ли пасть на собственный мечъ въ томъ заброшенномъ святилищѣ, въ тиши буковаго лѣса, подъ лучемъ Геліоса — у гроба моей Елены?

«Бѣда подходитъ! Она готова разразиться. Въ войскѣ уже обнаруживаются первые признаки волненія. Раньше другихъ зашумѣли пылкіе кельты и галлы. Уполномоченные императора къ довершенію коварства требуютъ, чтобы всѣ наши военныя силы были непремѣнно стянуты къ Парижу. Новая западня для злополучнаго цезаря. Это дѣлается въ разсчетѣ на бунтъ, жертвой котораго сдѣлаюсь я. Вѣрный Боконій донесъ мнѣ о томъ, что творится вокругъ, и заклиналъ меня бѣжать. Но куда? Отъ самого себя.

«Я распорядился, чтобъ всѣ войска, стягивающіяся съ сѣвера и востока, были размѣщены въ палаткахъ рядомъ съ моимъ лагеремъ по правому берегу Сены. Когда соберутся послѣднія изъ нихъ, я напрягу всѣ силы своего ума, чтобы склонить своихъ подчиненныхъ къ повиновенію волѣ императора, а въ противномъ случаѣ умру на мѣстѣ. Ярость обманутыхъ избавитъ меня отъ необходимости поднять на себя руку.

«Завтра поутру—это декабрьскія иды!—прибудутъ остальныя войска. Солнце садится въ зимнюю тучу: вѣроятно, я въ послѣдній разъ вижу его закатъ. Прощай, Геліосъ, прощай, Лизій»!

XXXVI.

Юліанъ отчасти предсказывалъ вѣрно, отчасти ошибался.

Наступило сѣрое, пасмурное декабрьское утро. Вечеромъ наканунѣ и даже ночью по всѣмъ военнымъ дорогамъ съ запада, востока и сѣвера стеклись на сѣверный берегъ Сены, внезапно потревоженныя на своихъ зимнихъ квартирахъ, галльскія войска, включая сюда и воиновъ, отбывшихъ срокъ службы, которые были принуждены бросить свои дома и семейства.

Digitized by Google

Здѣсь ихъ помѣстили въ наскоро сколоченныхъ баракахъ, за недостаткомъ палатокъ, а тѣмъ, кому не хватило мѣста, пришлось лечь и прямо на замерзшей голой землѣ подъ открытымъ небомъ.

Совершенно неожиданный приказъ о выступленіи многократно былъ встрѣченъ неповиновеніемъ. Куда въ такую пору года хотѣли ихъ вести? Противъ варваровъ? Но тѣ грозили всего больше съ Рейна; и зачѣмъ непремѣнно идти въ Парижъ? Развѣ цезарю грозила тамъ опасность? Къ нему на выручку они были готовы спѣшить, однако его посланные не подтвердили этой догадки. Предводители торопили людей, что вызывало еще бо́льшій ропотъ, и не одни только воины, но всѣ жители Галліи, крестьяне, колонисты, городскіе обыватели, радовавшіеся наступившей безопасности, горько жаловались, опасаясь новыхъ нашествій и господства варваровъ, дрожа за свою жизнь и имущество. По прибытіи въ Парижъ, отдѣльныя дружины тотчасъ узнавали истину, которой здѣсь нельзя было дольше скрыть, и каждый отрядъ тотчасъ заражался общимъ волненіемъ. Неожиданная вѣсть озлобляла людей; сотоварищи по оружію спѣшили сообщить другъ другу шопотомъ тревожные слухи, а иногда толковали между собою и громко, подстрекая недовольство въ прибывающихъ вновь. Нѣкоторые конные солдаты даже вскакивали на лошадь и мчались обратно по темнымъ дорогамъ, чтобы еще на пути сообщить прибывающимъ возмутительную новость. Не смотря на усталость послѣ поспѣшныхъ переходовъ, солдаты не могли уснуть въ эту ночь: шумъ и волненіе возрастали съ каждымъ часомъ. Очень многіе громко заявляли, что не намѣрены повиноваться. Посѣдѣвшіе воины гнѣвно бросали оружіе объ земь; слышались проклятія императору, угрозы даже противъ цезаря.

Какъ только разсвѣло, Юліанъ, окруженный небольшимъ конвоемъ тѣлохранителей, выѣхалъ изъ палаціума (теперешній Palais des Thermes) по военной дорогѣ (теперешней улицѣ Сенъ-Жакъ) повернулъ въ сѣверный пригородъ и выѣхалъ на широкую поляну, расчищенную среди лѣса, гдѣ обыватели Парижа, занимавшіеся земледѣліемъ, сѣяли хлѣбъ, а теперь расположились войска.

При появленіи цезаря, его привѣтствовали кликами радости, надежды, увѣренности. Гнѣвные возгласы смолкли; одинъ

Digitized by Google

изъ спѣшившихся конныхъ латниковъ вскочилъ съ своего боеваго соломеннаго ложа, подбѣжалъ къ нему, дружески протянулъ руку своему полководцу и воскликнулъ громкимъ голосомъ:—Утѣшьтесь, братья по оружію! Вотъ онъ, цезарь Юліанъ. Вспомните, какъ онъ спасъ насъ подъ Страсбургомъ, когда палъ Дарандань и мы думали, что все потеряно. Утѣшьтесь, онъ спасетъ насъ и отъ нынѣшней опасности.

Тронутый Юліанъ пожалъ ему руку, но въ смущеніи, сознавая, что не можетъ исполнить желаніе войска, и отвѣчалъ:—Славный Маврусъ, ты...

— Онъ еще помнитъ меня! — воскликнулъ обрадованный воинъ.

— Конечно, ты первый въ ряду бѣгущихъ, опомнился при моихъ словахъ, собрался съ духомъ и снова повернулъ противъ непріятеля. Такъ и сегодня ты образумишься раньше другихъ. А вотъ и ты, Гарицо, долговязый маркоманъ съ золотымъ, преданнымъ сердцемъ. Центуріонъ корнути... ну, что подѣлываетъ твоя нога? Вѣдь тебѣ переѣхали ее тяжелой повозкой послѣ побѣды! А ты, Гиппокреникъ, пылкій тогдашній знаменосецъ у примани? А ты, Сигибото, бѣлокурый фризъ, и ты, запальчиво-храбрый Эккардъ, покрытый рубцами, сынъ областнаго графа квадовъ? Вотъ и всѣ вы, «неразлучные», снова собрались вмѣстѣ. Привѣтствую доблестныхъ четырехъ друзей. Гдѣ соберутся такіе славные воины, все должно идти хорошо.

И онъ поѣхалъ дальше. Но этого было слишкомъ мало для недовольныхъ; они твердо надѣялись получить отъ него помощь: неужели имъ пришлось ошибиться? Восторженные возгласы смолкли, и въ заднихъ рядахъ снова начался ропотъ; однако настроеніе опять быстро измѣнилось — вѣдь подчиненные любили своего цезаря и возлагали на него всю надежду! Они просіяли, когда онъ приказалъ всѣмъ начальникамъ и предводителямъ выступить на большой четырехъугольникъ въ серединѣ лагеря,—такъ называемый «преторіумъ»,—и здѣсь пригласилъ ихъ всѣхъ—болѣе тысячи человѣкъ — къ себѣ въ гости на обѣдъ въ палаціумѣ въ шестомъ часу пополудни, причемъ прибавилъ, что каждый изъ нихъ можетъ свободно обратиться тамъ къ нему съ просьбою, которую онъ, по возможности, охотно исполнитъ. Въ знакъ благодарности раздались ему въ отвѣтъ

Digitized by Google

восторженные клики приглашенныхъ, а потомъ и всѣхъ рядовыхъ, когда тѣмъ были переданы его слова; они истолковали ихъ въ свою пользу, и Юліанъ поскакалъ обратно въ городъ, сопровождаемый взрывомъ энтузіазма. Радостное настроеніе, даже восторженное ликованіе водворилось въ лагерѣ, куда цезарь прислалъ въ видѣ подарка множество возовъ съ виномъ, хлѣбомъ и мясомъ.

Тутъ вокругъ бочекъ поднялся шумъ и суета. Германцы снова пили крѣпкое вино изъ своихъ шлемовъ, оттѣсняя болѣе мелкихъ кельтовъ и римлянъ локтями, а иногда ударомъ кулака или древкомъ копья, и крича:—Да здравствуетъ высокій герой! Славьте и превозносите Юліана!

— Ого!—сердито огрызнулся галльскій стрѣлокъ, родомъ изъ Нанта.—Ахъ, вы, грубые германцы! Ну, Гарицо, неужели съ тебя еще недовольно? Ну, конечно, въ твое длинное тѣло въ семь футовъ роста можно лить безъ конца, пока оно не наполнится.

Другіе галлы расхохотались—они охотно смѣялись каждой шуткѣ, умной или плоской.

Медленно, степенно—онъ рѣдко торопился—повернулся великанъ къ насмѣшнику и наставительно сказалъ, глядя на него сверху внизъ:—Замолчи, малышъ; иначе я снесу тебя на рукахъ въ постельку. Впрочемъ, на, пей.

— Мнѣ не надо отъ тебя никакой милости. А вашъ цезарь? Не очень-то довѣряйтесь ему! Я не думаю, чтобъ онъ насъ выручилъ. Какъ ты полагаешь, Байориксъ?

— Я также не думаю этого,—подхватилъ его сотоварищъ по клану,—хотя онъ намъ и клялся. Но если онъ нарушитъ клятву, братецъ Мандубратъ, тогда, клянусь великимъ Тевтатомъ, я пронжу его этимъ копьемъ.

— Ну, тебѣ не добраться до него такъ близко—за цезарскими тѣлохранителями. Но моя стрѣла!.. Я поражу летучую мышь налету. Если намъ суждено погибнуть, вопреки его клятвѣ, вдали отъ милой родины, клянусь Гезусомъ и Эпоной, ему не сдобровать!

XXXVII.

Всѣ комнаты палаціума, а также чрезвычайно просторныя помѣщенія для холодныхъ и теплыхъ ваннъ (сохранившіяся до

Digitized by Google

сихъ поръ) были открыты для гостей Юліана, которые частью, согласно древнему обычаю, возлежали за обѣденными столами, частью сидѣли, какъ то было принято у варваровъ.

Хозяинъ угощалъ ихъ съ очаровательной любезностью. И она не была притворной: онъ употреблялъ все стараніе, чтобы успокоить взволнованные умы, заставить забыть свои обѣщанія или, по крайней мѣрѣ, простить ихъ нарушеніе и удержать людей въ повиновеніи императору. Цезарь чувствовалъ душевную потребность расположить къ себѣ подчиненныхъ, а онъ обладалъ даромъ привлекать къ себѣ сердца и рѣчами, и остроуміемъ, и ласковой улыбкой своего тонко-очерченнаго рта. И онъ зналъ свою способность очаровывать, и никогда не радовался такъ, какъ сегодня возможностью воспользоваться ею. Вѣдь дѣло шло—ни много, ни мало—о томъ, чтобы спасти все.

Юліанъ возлежалъ за столомъ съ самыми старшими военачальниками въ убранной со вкусомъ обширной столовой. Отецъ Константина Великаго допускалъ еще на рельефныхъ украшеніяхъ стѣнъ изъ прекраснаго желтаго нумидійскаго мрамора фигуры языческихъ боговъ, и такимъ образомъ на пирующихъ гостей, которые поклонялись Водану, Тевтату, Юпитеру, Зевсу, Озирису, а по большей части Христу, взирали оттуда: Вакхъ, Деметра, Помона, Абунданція, любители вина—сатиры—и несовсѣмъ стыдливыя нимфы. Рѣчь Юліана лилась безпрерывно; онъ шутилъ, острилъ, иногда черезчуръ утонченно, такъ что неученые герои брани не понимали его, но не давали этого замѣтить и громко хохотали, польщенные тѣмъ, что цезарь такъ милостиво пьетъ за ихъ здоровье. Онъ также часто вскакивалъ съ мѣста, бралъ изъ рукъ невольника серебряное блюдо съ жаренымъ мясомъ и подкладывалъ какому нибудь почетному гостю особенно лакомый кусокъ. Подъ конецъ, передъ тѣмъ какъ убрали столы, онъ обошелъ всѣхъ пирующихъ, поговорилъ съ каждымъ гостемъ, освѣдомился, какъ онъ поживаетъ—Юліанъ зналъ почти всѣхъ по имени—предложилъ имъ высказать свои личныя желанія и въ большинствѣ случаевъ обѣщалъ скорое исполненіе всѣхъ просьбъ. Такъ приблизился цезарь, высоко поднявъ чашу, повитую плющемъ, и къ тому столу, гдѣ возсѣдало четверо «неразлучныхъ».

— Ну, Эккардъ, графскій потомокъ, послѣ знаменитаго удара по головѣ тамъ, въ Токсандріи, ты не получалъ больше ни одного?

Digitized by Google

— Теперь ужь у меня нѣтъ больше мѣста для шрамовъ, полководецъ. Но ради тебя я дамъ раскроить себѣ черепъ.

— Лучше сохрани его въ цѣлости: это будетъ лучше для насъ обоихъ. А ты, Сигибото, свободный фризъ, ты просишь отпуска, чтобы наконецъ ввести въ свой домъ бѣлокурую невѣсту въ вашей туманной странѣ, тамъ на сѣверѣ? Трудно будетъ мнѣ обойтись безъ твоего меча, однако... вѣроятно, тебѣ очень не терпится?

— Еслибъ ты зналъ, какъ прекрасна Эльна, то не сталъ бы спрашивать, герцогъ.

— Тогда отправляйся и вотъ отвези ей, въ видѣ свадебнаго подарка отъ Юліана, это кольцо. На этой геммѣ вырѣзана благородная голова прекрасной языческой богини Геры, покровительницы брака. Что жь, развѣ это тебѣ непріятно? Можетъ быть, ты христіанинъ?

— Язычникъ я... А отпуска мнѣ не надо именно теперь, когда тебѣ, повидимому, скоро понадобятся вѣрные люди.

Юліанъ кивнулъ ему, въ знакъ молчанія, и направился дальше къ другому столу, вокругъ котораго возлежали на триклиніяхъ старѣйшіе военачальники римскаго происхожденія. Тутъ одинъ изъ нихъ, Северъ, самый старшій по званію послѣ цезаря, снова попавшій къ нему въ милость, вздумалъ высказать то, что занимало ихъ всѣхъ, и началъ такъ:—Ты милостиво спрашиваешь о желаніи каждаго въ отдѣльности, но всѣхъ насъ занимаетъ одно, и не только насъ, предводителей, но и десять тысячъ народа тамъ въ лагерѣ...

Юліанъ торопливо прервалъ его, шепнувъ ему на ухо:—Молчи или я опять пошлю тебя въ лѣсъ!

Северъ, взявшійся выразить общее желаніе, тотчасъ умолкъ, пристыженный и растерявшійся; между тѣмъ Юліанъ воскликнулъ громкимъ голосомъ:—Общее желаніе цѣлаго войска (это сейчасъ хотѣлъ высказать нашъ достойный Северъ)—слава императору Констанцію, слава ему, побѣда и долголѣтіе! А главное—надо пожелать, чтобъ у него были послушные воины. Я отпускаю васъ, храбрые господа и друзья!—Съ этими словами хозяинъ быстро, безслѣдно исчезъ въ своихъ внутреннихъ комнатахъ. Берунгъ, аламанъ, поспѣшно заперъ за нимъ на задвижку дверь; Юліанъ не выждалъ ни отвѣта, ни привѣтственныхъ кликовъ императору. Да ихъ и не было; ни одинъ го-

Digitized by Google

лось не раздался съ этой цѣлью. Молча, покачивая головами, стали расходиться гости и направились изъ палаціума, зимней ночью, кто пѣшкомъ, кто верхомъ, въ свой лагерь. Невольники хозяина и наряженные для этого солдаты свѣтили смоляными факелами, багровый свѣтъ которыхъ бо̀льшею частью поглощался густымъ туманомъ; даже мѣсяцу не удавалось пронизать эту сѣрую дымку.

Предводители были грустно обмануты. Конечно, ни одинъ изъ нихъ не могъ найти опредѣленнаго выхода изъ затруднительнаго положенія и ни одинъ не могъ бы дать совѣта Юліану, но вѣдь на то онъ и цезарь, это его дѣло выпутываться, какъ знаетъ; они въ полной увѣренности ожидали, что во время пира онъ предложитъ какое нибудь поразительное рѣшеніе; иначе, зачѣмъ бы ему ихъ приглашать? И въ какомъ смыслѣ предлагалъ онъ имъ свободно выразить свои желанія? Съ тяжелымъ сердцемъ приближались они къ лагерю и къ разбитымъ вновь палаткамъ и баракамъ; тамъ пылали многочисленные костры, чтобы согрѣвать озябшихъ среди холоднаго тумана, но эти огни мерцали безъ блеска въ густыхъ испареніяхъ, стелившихся надъ землею. Еще на большомъ разстояніи отъ лагеря, на встрѣчу возвращавшимся предводителямъ, хлынули взволнованныя толпы людей въ безпорядочномъ смѣшеніи изо всѣхъ когортъ, эскадроновъ и легіоновъ.

— Ну, что вы скажете намъ? Что тамъ было?—На чемъ вы порѣшили?—Что предложилъ цезарь?—Когда насъ отпустятъ обратно?—Разобралъ ли онъ дѣло?—Вѣдь вы напомнили ему клятву?—Что теперь будетъ? Говорите?

И они ухватывались за лошадей всадниковъ, удерживали пѣшихъ за плечи, свѣтили имъ горящими головнями въ лицо, нетерпѣливо ожидая отвѣта. Такъ подвигалось это шествіе возвращавшихся и встрѣчавшихъ, съ юга на сѣверъ; толпа росла съ каждымъ шагомъ и съ трудомъ проталкивалась черезъ Porta decumana на Via media, ведущую въ лагерь; изъ каждаго переулка между палатками стремились новыя кучки людей; въ каждой палаткѣ, въ каждомъ деревянномъ шалашѣ просыпались спящіе, разбуженные шумомъ, и всѣ непремѣнно выбѣгали на просторъ широкой военной дороги или на четырехъугольныя площадки посреди лагеря, гдѣ пылали многочисленные костры. Отвѣты назойливо осаждаемыхъ предводителей не могли удо-

Digitized by Google

влетворить жгучаго любопытства подчиненныхъ; они были сдержанны, кратки, уклончивы; военачальники чуяли надвигавшуюся страшную грозу; одно неосторожное слово могло заставить ее разразиться и каждый остерегался произнести его. Однако, дойдя до большой площади, лагернаго преторіума, окруженные, стиснутые со всѣхъ сторонъ пристающей къ нимъ нетерпѣливой, взволнованной массой воиновъ, предводители поняли свое критическое положеніе и невозможность отдѣлаться ничего незначущими фразами.

— Говори!—закричалъ полупьяный сарматъ растерявшемуся Северу и схватилъ его за длинную сѣдую бороду.—Говори, ты самый старшій послѣ цезаря; ты долженъ знать, что̀ тамъ дѣлается. Говори или...—и онъ замахнулся боевой палицей изъ крѣпкаго дуба. Но Северъ молчалъ; онъ испугался лишь дремучаго германскаго лѣса, а все прочее не могло нагнать на него страха; римскій полководецъ только молча покачалъ головой. Въ эту минуту ловкими прыжками, какъ кошка, стала взбираться на высокую лѣстницу, прислоненную къ строющемуся дому, чья-то маленькая подвижная фигура; юркій человѣчекъ взмостился на самую верхнюю ступеньку, откуда его было видно со всѣхъ сторонъ. То былъ Байориксъ, арморикапецъ. Звонко, пронзительно раздался его тонкій кельтійскій голосокъ, покрывая глухой говоръ массы, гдѣ каждый бранился или про себя, или со своимъ сосѣдомъ.

— Послушайте, собратья по оружію, послушайте меня. Предательство, предательство! За деньги проданы мы Юліаномъ Констанцію, проданы и преданы! Повѣрьте мнѣ, слышавшему все своими ушами. Пока вы тутъ потягивали винцо или спали, или ругались, я быстро, какъ ласка, побѣжалъ въ городъ, замѣшался въ толпу слугъ и проникъ, разнося блюда и кувшины, въ главную залу палаціума, гдѣ пировалъ предатель съ великими идолами войска! Я все слышалъ, все, что̀ было сказано, а самое главное—знаю, чего не было сказано. Вотъ этотъ толстый Северъ, клянусь Беленусомъ, онъ глупъ, но не по своей винѣ...

Громкій хохотъ галловъ перебилъ рѣчь соотечественника.

— Онъ финтитъ передъ нами не изъ коварства...

Еще болѣе громкій хохотъ кельтовъ долженъ былъ доказать, что они также не дадутъ маху и понимаютъ остроты не хуже умнаго малаго тамъ на лѣстницѣ.

Digitized by Google

— Вотъ я сейчасъ ссажу его оттуда,—тихонько погрозился Гарицо, слегка потягиваясь. Между тѣмъ ораторъ продолжалъ, еще болѣе поджигаемый одобреніемъ слушателей:—Итакъ, добрякъ Северъ дѣйствительно собрался съ духомъ, чтобы спросить цезаря, который ужасно ухаживалъ за всѣми приглашенными: исполнитъ ли онъ всеобщее желаніе?

— И что жь?—Что онъ сказалъ?—Говори скорѣе. Что теперь будетъ?

— Ничего не будетъ. Ничего онъ не сказалъ! Вотъ въ томъ-то и штука. Приказъ Констанція остается въ своей силѣ. «Мы должны ему повиноваться»,—напомнилъ намъ клятвопреступникъ, предатель. Онъ взялъ деньги отъ Констанція, многіе милліоны солиди. Предательство! Мы преданы. Долой предателя!

— Долой предателя!—подхватило множество голосовъ среди галловъ, но не всѣ. Между германцами и римлянами послышались и другіе гнѣвные возгласы отрицанія.

— Цезарь не предатель!—воскликнулъ свѣжій голосъ; это крикнулъ Эккардъ, графскій сынъ.

— Самъ ты—галльская каркающая ворона!—огрызнулся Гарицо, грозя кулакомъ по направленію къ лѣстницѣ.

— Тебѣ слѣдуетъ свернуть шею,—крикнулъ багровый отъ гнѣва, запальчивый Гиппокреникъ, рванувшись впередъ, какъ бы съ цѣлью исполнить свою угрозу.

Но тутъ фризъ Сигибото вскочилъ на ближайшій столъ, на которомъ происходило угощеніе, и загремѣлъ, покрывая своимъ могучимъ голосомъ оглушительные крики спорящихъ:—Постойте, братья по оружію. Кто поноситъ цезаря, называя его предателемъ, тотъ завистникъ и неблагодарный человѣкъ. Развѣ вы забыли уже битву подъ Страсбургомъ, или то, какъ Юліанъ заботился о насъ день и ночь, словно о родныхъ братьяхъ? А его сердечная доброта? А его обходительность? Когда Эккардъ лежалъ раненый въ Кёльнѣ, цезарь самъ ухаживалъ за нимъ. Не будьте такими глупцами. Что можетъ онъ сдѣлать, если императоръ не держитъ своего слова? Конечно, Юліанъ также горько сожалѣетъ о томъ, даже горше насъ самихъ. Но что онъ можетъ предпринять? Онъ долженъ повиноваться. Вѣдь онъ не императоръ. Ахъ, кабы онъ былъ имъ! Все тогда пошло бы иначе. Не Юліанъ, а Констанцій—нашъ недругъ. Вотъ кого я ненавижу.

Digitized by Google

— Да, онъ правъ; вѣрно его слово! Констанцій одинъ виноватъ.

— Разумѣется,—подхватилъ Эккардъ, прыгнувъ на столъ къ своему другу.—Разумѣется! Долой Констанція! Но за это слово мы, друзья, поплатимся головами, если Констанцій останется императоромъ.

— Онъ не долженъ имъ оставаться, не надо намъ никакого императора!—закричали германскіе солдаты.

— Ну, вотъ, какъ не надо?—образумилъ ихъ Гиппокреникъ, на половину грекъ, на половину римлянинъ, вскакивая третьимъ на столъ.—Римскому государству нуженъ императоръ, но не трусъ Констанцій.

— У насъ есть такой, намъ нечего далеко искать!—заключилъ долговязый Гарицо, взбираясь на четвертый уголъ стола.—Еще раньше тутъ и тамъ раздавался тихій призывъ, обращенный къ нему, а теперь онъ долженъ громко грянуть въ цѣломъ войскѣ, чтобы вскорѣ разнестись по всему государству: Юліанъ болѣе не цезарь, нѣтъ...

— Юліанъ императоръ августъ!—дружно подхватили тысячи голосовъ, и этотъ единодушный кликъ прокатился по всей площади, оглушительно рокочущей, грозной волною. Всѣ страсти: ненависть и любовь, гнѣвъ и воодушевленіе, жажда мести, благодарность и все, столько дней подавляемое, бурное волненіе вырвалось наружу въ этомъ дикомъ воплѣ: такъ разрѣшается трескучимъ ударомъ грома духота въ воздухѣ передъ грозой. Этимъ взрывомъ возбужденная масса заглушала въ себѣ сознаніе вины, ужасной отвѣтственности и жуткое чувство передъ чѣмъ-то чудовищнымъ, неотразимо надвигавшимся издали и неизбѣжно-роковымъ. Вѣдь они всѣ теперь пропали вмѣстѣ со своимъ избранникомъ, если имъ не уничтожить Констанція.

На главной площадкѣ лагеря были выставлены знамена, штандарты эскадроновъ конницы и частей пѣхоты. На нихъ уже не красовались, какъ прежде, языческіе орлы, но «лабарумъ», т. е. прикрѣпленный надъ четырехъугольнымъ коротким полотнищемъ знамени, вмѣсто копьеобразнаго наконечника древка, серебряный или золотой значокъ съ начальными буквами имени: «Іисусъ Христосъ Сынъ Божій». Нѣкоторые же изъ походныхъ значковъ были увѣнчаны на поперечной до-

Digitized by Google

щечкѣ, вмѣсто лабарума, бюстомъ царствующаго императора изъ мрамора или глины. Теперь, въ моментъ дикаго разгара страстей, одинъ знаменосецъ браккати, вспыльчивый кельтъ, чувствуя потребность въ какомъ нибудь театральномъ проявленіи своего энтузіазма, подбѣжалъ къ знаменамъ, выхватилъ одно изъ нихъ, такъ что всѣ другія повалились на землю, взмахнулъ имъ надъ головой, бросился къ ближайшему ярко пылавшему костру и сильнымъ ударомъ объ земь посреди огня раздробилъ глиняный бюстъ Констанція въ мелкія дребезги. Потомъ онъ высоко поднялъ обгорѣвшій значокъ и крикнулъ:

— Долой, долой Констанція!

Бѣшеные клики одобренія встрѣтили его поступокъ:—Долой! Долой Констанція!—подхватила масса войска.

— Это по неволѣ толкаетъ насъ впередъ!—сказалъ Северъ своему сосѣду.—Никогда не проститъ такого поруганія сынъ Константина.

А разъяренные, обезумѣвшіе воины безостановочно продолжали кричать вокругъ нихъ одно и то же, точно не могли насытиться этими криками. Но вдругъ послѣ оглушительнаго гама, когда еще у всѣхъ въ ушахъ раздавалось: «Юліанъ императоръ августъ»! наступила мертвая тишина. Люди дошли до изнеможенія; надо было перевести духъ и одуматься:—что же дальше? Однако, это недоумѣніе длилось всего одну минуту. Снова многія тысячи голосовъ дружно грянули, словно по командѣ:—«Въ городъ, въ палаціумъ! Къ Юліану! Пусть императоръ облечется въ пурпуръ. Онъ долженъ сдѣлать это... Мы заставимъ его»!

И вся масса войска, какъ морской приливъ подъ напоромъ вѣтра, шумно заволновалась, пришла въ движеніе. Оружіе было принесено изъ палатокъ и бараковъ; только немногіе конные воины успѣли прыгнуть на неосѣдланныхъ лошадей, и вотъ, съ крикомъ, ликованьемъ, потрясая копьями, мечами и луками, армія хлынула къ югу, гдѣ лежалъ городъ, частью по широкой дорогѣ, частью цѣликомъ вправо и влѣво отъ нея, черезъ рытвины и камни. Многіе, толкаемые сзади, валились съ ногъ; имъ не давали подняться и слѣдующіе за ними безжалостно топтали лежачихъ, не обращая вниманія на ихъ крики и проклятія; никакія препятствія не могли задержать неукротимыхъ волнъ этого человѣческаго потока. Въ лагерѣ не осталось ни

Digitized by Google

единой души. Военачальники, почти всѣ безъ исключенія, поддались общему внезапному порыву энтузіазма, заодно со своими подчиненными. Очень немногіе, которые изъ преданности долгу, изъ чувства вѣрности къ Констанцію, пожалуй, изъ зависти къ Юліану внутренно возставали противъ мятежа, были увлечены вслѣдъ за другими, не имѣя никакой возможности оказать сопротивленіе; неодолимая сила массы, стремительно хлынувшей къ Парижу, подхватила ихъ и понесла съ собою, какъ бурный вѣтеръ подхватываетъ и несетъ снѣжные хлопья.

— А что, если цезарь не захочетъ?—спросилъ, задыхаясь, на бѣгу Байориксъ своего сотоварища по клану.

— Онъ долженъ! — съ угрозой отвѣчалъ тотъ. — Онъ не смѣетъ выдать насъ Констанцію послѣ того, что̀ случилось.

— А если онъ окажется предателемъ? Если не приметъ пурпура?

— Онъ долженъ, говорю я,—возразилъ Мандубратъ, грозно поднимая длинный лукъ.—Солнце увидитъ его завтра или императоромъ, или... мертвецомъ.

XXXVIII.

Отпустивъ своихъ гостей, Юліанъ въ глубокомъ волненіи поспѣшилъ къ себѣ въ кабинетъ и началъ составлять пространное, подробное донесеніе августу. Эта работа, не смотря на прославленную быстроту соображенія и свободу языка цезаря, не спорилась у него и стоила большихъ усилій. Немало полосъ папируса, исписанныхъ на половину, бросилъ онъ въ сторону, недовольный тѣмъ, что̀ у него выходило. Да и что писать? Правду о томъ, что войска—на волоскѣ отъ мятежа? Вѣдь отвѣтственность за это падетъ на его же голову. Или умолчать передъ императоромъ о настроеніи солдатъ? Но тогда онъ окажется виновнымъ, если они взбунтуются по дорогѣ къ мѣсту назначенія.

И Юліанъ рѣшилъ не скрывать ничего, втайнѣ желая быть отставленнымъ отъ званія цезаря за свое неумѣнье поддержать дисциплину.

Полночь миновала. Врачъ Орибазій осмѣлился заглянуть въ кабинетъ, чтобы уговорить своего господина лечь въ постель.—У тебя лихорадка, о, Юліанъ; твои виски пылаютъ,

Digitized by Google

въ твоихъ глазахъ зловѣщій блескъ, а руки холодны, какъ ледъ. Умоляю тебя, ложись спать.

— Неужели ты думаешь, что я могу заснуть?—съ печальной улыбкой отвѣчалъ цезарь.—Ахъ, когда мнѣ удавалось въ эти послѣднія ночи на короткое время забыться сномъ, тогда меня пугали и мучили, вѣроятно, ниспосланныя богами страшныя сновидѣнія.

— То былъ лихорадочный бредъ, вотъ и все.

— О, нѣтъ, Орибазій,—это были полныя значенія, пророческія, но трудно объяснимыя вразумленія, предостереженія, даже угрозы боговъ. Представь себѣ, мой вѣрный другъ, какую душевную муку причинилъ мнѣ вчерашней ночью одинъ сонъ; я безпрерывно ломаю надъ нимъ голову, но никакъ не могу его объяснить. Вотъ слушай.

Юліанъ вскочилъ съ дивана, на которомъ сидѣлъ у письменнаго стола, бросилъ трость для писанія и сталъ торопливо прохаживаться по комнатѣ.

— Видишь ли, мнѣ представился давно знакомый геній Рима. Я видѣлъ его передъ собою такъ ясно въ золотомъ шлемѣ! Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ знамя съ орломъ, который, точно живой и какъ будто въ нетерпѣніи, то поднималъ и опускалъ, то складывалъ крылья. Однако, прекрасный ликъ генія не былъ ни радостенъ, ни привѣтливъ, и не улыбался мнѣ, какъ въ тотъ разъ, когда я видѣлъ его во снѣ передъ своимъ назначеніемъ въ цезари; въ его чертахъ не было того выраженія веселости и благосклонности, съ какимъ мой покровитель опять приснился мнѣ въ Цабернѣ, понуждая меня идти впередъ на битву съ аламанами. Нѣтъ, вчера геній Рима смотрѣлъ съ глубокой серьезностью, печально, какъ будто даже съ упрекомъ и гнѣвомъ; грозно поднялъ онъ правую руку и торжественно заговорилъ со мною:—«Юліанъ, мой любимецъ и избранникъ, уже давно брожу я въ преддверіи твоего дома, желая возвысить тебя надо всѣми смертными. Но ты постоянно отталкивалъ меня; знай же и уразумѣй умомъ и сердцемъ, что если и на этотъ разъ я буду отринутъ тобою, если ты опять не услышишь моего зова, я покину тебя навсегда. Вспомни о богахъ, вспомни о государствѣ! Слышишь ли ты мой призывъ»?

— Ахъ, прислушайся, что это такое?—воскликнулъ вдругъ Юліанъ, прерывая самого себя, и умолкъ въ испугѣ.

Digitized by Google

Какъ разъ въ эту минуту, съ улицы дѣйствительно загремѣлъ призывъ; громкіе звуки металла оглушительно отдались въ ушахъ цезаря и Орибазія; то былъ зовъ римской военной трубы, подававшей сигналъ тревоги; но онъ звучалъ до того отчаянно, до того рѣзко, такъ быстро подвигался все ближе, ближе, что Юліанъ былъ ошеломленъ. Онъ показался ему призывомъ самой исторіи, и въ самомъ дѣлѣ это было такъ. Все возмутившееся войско катилось, подступало уже къ воротамъ дворца и до слуха Юліана сталъ доноситься безпорядочный шумъ отъ смѣшенія многихъ тысячъ голосовъ. Когда темная масса, въ которой мелькали только рѣдкіе факелы, приблизилась по военной дорогѣ къ мосту, соединявшему узкій островъ съ сѣвернымъ берегомъ рѣки, предводитель конныхъ тѣлохранителей, стоявшихъ здѣсь на караулѣ, поскакалъ верхомъ въ сопровожденіи трубача къ шумно надвигавшейся толпѣ:—Остановитесь!—крикнулъ онъ. — Стойте, кто вы такіе? Что вамъ нужно?

— Цезаря. Къ цезарю хотимъ мы! Онъ долженъ насъ выслушать.

— Что вамъ нужно отъ цезаря? Вы хотите убить его?— И всадникъ выхватилъ мечъ.

— Напротивъ,—весело воскликнулъ Сигибото.

— Не въ землю хотимъ мы опустить его, а поднять къ верху. Высоко къ верху!—засмѣялся Эккардъ.

— Мы провозгласили его императоромъ,—заключилъ Гиппокрениктъ.—Пожалуй, ты противъ этого?

— Императоромъ?—воскликнулъ предводитель коннаго отряда и подобралъ поводья. — Ну, это отлично. Разумѣется! Да здравствуетъ Юліанъ императоръ! Пойдемте! Слѣдуйте за мною; я поведу васъ къ нему.

Онъ повернулъ лошадь, велѣлъ трубачу трубить тревогу и поскакалъ, звеня доспѣхами, со своимъ отрядомъ обратно черезъ первый мостъ, потомъ черезъ второй на южный берегъ ко дворцу. Съ громкимъ ликованіемъ послѣдовала за нимъ ревущая толпа; но въ своемъ нетерпѣніи задніе не могли дождаться, пока передніе пройдутъ по узкому второму мосту, на которомъ произошла страшная давка, перешедшая въ драку кулаками и кинжалами. Многіе въ заднихъ рядахъ, сѣвши на землю, съѣхали по спуску военной дороги на зеркальную по-

Digitized by Google

верхность замерзшей рѣки и побѣжали по льду, по обѣимъ сторонамъ моста, къ южному берегу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ледяной покровъ не выдержалъ тяжести бѣгущихъ, топающихъ и тѣснящихся людей; онъ съ трескомъ проломился; тутъ изъ темной воды раздавались крики—въ воздухѣ мелькала рука, цѣплявшаяся за выступы льдинъ—потомъ человѣкъ беззвучно шелъ ко дну и подо льдомъ слышалось только глухое бульканье. Тогда остальные люди прыгали черезъ образовавшуюся расщелину, опершись на древко копья; такимъ образомъ, тысячи солдатъ достигли южнаго берега и хлынули по всѣмъ подъемамъ съ крикомъ и ликованіемъ къ палаціуму, окруженному стѣнами. Всѣ караулы и всѣ посты, встрѣченные на пути этой неудержимой лавиной, были волей-неволей увлечены ея движеніемъ; другіе трубачи, слыша непрерывные сигналы возлѣ трибуна, стали подражать своимъ товарищамъ, производя ужасный шумъ. Вскорѣ уже двѣнадцать трубъ играли на перебой, точно хотѣли разбудить мертвыхъ.

Оглушительная музыка проникла черезъ садъ, черезъ стѣны, черезъ наружныя комнаты во внутреннiе покои палаціума и дошла до слуха Юліана. При этихъ звукахъ, стража у единственныхъ воротъ, человѣкъ шесть пѣшихъ тѣлохранителей, захлопнула ихъ изнутри и заперла засовомъ; караульные поднялись къ верху по узкимъ лѣсенкамъ, которыя вели на стѣны, увѣнчанныя зубцами; здѣсь стража съ удивленіемъ и ужасомъ стала смотрѣть на кричащую и ревущую массу, готовую осадить дворецъ.

— Они хотятъ умертвить цезаря!—воскликнулъ Берунгъ, взобравшійся на стѣну раньше другихъ.—Я предупрежу его; онъ долженъ бѣжать, долженъ спрятаться.

И германецъ быстро спустился внизъ.

— Юліанъ не сдѣлаетъ этого,—замѣтилъ Боконій, слѣдуя за нимъ.—Надо подумать о чемъ нибудь другомъ.

Первые ряды солдатъ стояли уже у воротъ.

— Эй, вы, отворяйте! Или мы убьемъ и васъ, и цезаря, и всѣхъ, кто попадется. Настежъ ворота!

Караульные, храбрецы на подборъ, исполнили свой долгъ: они стали защищать свой постъ и своего господина. При свѣтѣ факеловъ нападающихъ, имъ можно было цѣлиться въ переднихъ солдатъ, которые дѣлали напрасныя усилія разбить

Digitized by Google

крѣпкія ворота. Защитники метали въ нихъ дротиками: двое мятежниковъ пало на мѣстѣ. Оглушительный ревъ бѣшенства былъ отвѣтомъ; настроеніе громадной массы перемѣнилось.

— Онъ велитъ насъ убивать, онъ не хочетъ нашего избранія, онъ нарушаетъ клятву. Долой его. Долой Юліана!

Такъ кричали впереди, гдѣ валились убитые. И быстро передалось назадъ:—Онъ велитъ насъ убивать. Кровь пролита! Онъ убиваетъ нашихъ братьевъ! Двое убитыхъ... двадцать!... двѣсти!... Онъ не хочетъ. Долой Констанція! Долой Юліана!

Ни высокія стѣны, ни крѣпкія ворота, ни горсть караульныхъ не могли сдержать бѣшенаго натиска столькихъ людей. Солдаты нашли на боковой улицѣ тяжелую ломовую телѣгу съ длиннымъ дышломъ, обитымъ желѣзомъ; въ одну минуту двѣнадцать человѣкъ запряглось въ нее, ухватившись за дышло. Восьмеро другихъ подталкивали колеса. Роспуски съ разбѣга ударились въ ворота и тѣ съ трескомъ распахнулись внутрь; побѣдители хлынули во дворъ, взревѣвъ отъ бѣшенства и торжествуя побѣду. Вслѣдъ затѣмъ эти люди, привычные карабкаться на крѣпостные валы, прыгнули по трое, по четверо человѣкъ другъ другу на спины и на плечи вдоль всей передней стѣны сада; самые верхніе взобрались на конекъ, сбросили малочисленную стражу внизъ—и дворецъ былъ взятъ штурмомъ. Осаждающіе бросились изъ сада и передняго двора по широкимъ мраморнымъ лѣстницамъ въ атріумъ: ничто не отдѣляло ихъ больше отъ Юліана—ихъ идола или ихъ жертвы? Это должно было немедленно рѣшиться.

XXXIX.

Незадолго передъ тѣмъ, Берунгъ проникъ въ кабинетъ цезаря; онъ не слышалъ другихъ криковъ, кромѣ угрозъ, и потому закричалъ: — Спасайся, бѣги, Юліанъ! Вотъ, возьми этотъ солдатскій плащъ; войско взбунтовалось противъ тебя. Бѣги, скройся въ подвалахъ теплыхъ купаленъ.

— Бѣги, господинъ,—молилъ и Орибазій.

— Свободны ли еще заднія ворота?

— Свободны; однако спѣши. Бѣги, переодѣнься.

Но цезарь величавымъ движеніемъ руки отстранилъ поданный ему плащъ.—Я остаюсь,—сказалъ онъ, — я хочу видѣть,

Digitized by Google

поднимутъ ли они на меня руку. А если я умру теперь, то для меня это будетъ самое лучшее.

Твердо выпрямившись, оттолкнувъ даже мечъ, который насильно хотѣлъ сунуть ему въ руку Берунгъ, совершенно безоружный, спокойно вышелъ онъ изъ кабинета и прошелъ двумя коридорами въ столовую, вмѣщавшую въ себѣ около пятисотъ человѣкъ. Когда онъ вошелъ, бѣшеная шайка, прибѣжавшая изъ сада, только что ворвалась въ противоположныя двери комнаты.

— Вотъ онъ! Здѣсь! Здѣсь цезарь! Наконецъ-то мы тебя захватили... Предатель, клятвопреступникъ! Ты приказалъ убить нашихъ братьевъ тамъ на улицѣ. Долой Констанція! Долой Юліана!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—подхватили другіе голоса, но гораздо дальше позади.—Да здравствуетъ Юліанъ! Юліанъ императоръ-августъ!

Услыхавъ этотъ возгласъ, полный роковаго значенія, вырвавшійся изъ нѣсколькихъ тысячъ грудей, Юліанъ поблѣднѣлъ, пошатнулся и удержался одною рукою за колонну съ бюстомъ Гермеса, а другую положилъ на плечо Берунга.

— Ужасно!—пробормоталъ онъ, уставившись впередъ широко раскрытыми глазами.—Я погибъ.

— Нѣтъ, ты спасенъ!—воскликнулъ Северъ, съ трудомъ протискиваясь впередъ.—Спасенъ, если примешь избраніе, погибъ, если станешь противиться. Ты милостиво пощадилъ меня и я хочу отплатить тебѣ добромъ за добро. Послушай меня, Юліанъ: если эти бѣшеные не убьютъ тебя теперь, Констанцій никогда не проститъ тебѣ этого часа. Вспомни Галла, Сильвана! Спаси самого себя и всѣхъ насъ. Вѣдь они совсѣмъ сошли съ ума,—шопотомъ прибавилъ онъ:—сжалься надъ нами, солдаты растерзаютъ насъ всѣхъ, никому не будетъ пощады, мы умремъ!

— Такъ умирай, старикъ! Неужели ты еще такъ дорожишь своею жизнью!—громко воскликнулъ Юліанъ.—Неужели ты и всѣ вы забыли присягу, принесенную Констанцію?

Но тутъ его прервалъ настоящій ревъ бѣшенства:—Присягу? Хороша присяга!

— Онъ самъ нарушилъ данное намъ слово. Онъ обѣщалъ никогда не требовать насъ изъ Галліи.

Digitized by Google

— А ты...

— Ты намъ клялся.

— Развѣ ты позабылъ?

— Вотъ посмотри на мой мечъ: ты клялся на немъ! — крикнулъ свирѣпый квадъ.—Можешь ли ты отрицать это?

— Мечъ, на которомъ ты произнесъ ложную клятву, долженъ пронзить тебя!

— Умри или прими пурпуръ.

— Ты—ты долженъ насъ защитить отъ мщенія тирана.

— Ты долженъ вести насъ противъ Констанція.

— Смерть или пурпуръ! Выбирай.

Передніе уже совсѣмъ наступили на Юліана.

— Не дѣлай этого, оставайся вѣрнымъ,—предостерегъ его сзади громкій голосъ.

Юліанъ невольно обернулся: за нимъ стоялъ Берунгъ съ обнаженнымъ мечемъ. Цезарь нахмурилъ лобъ.

— Безполезное предостереженіе!—сердито отвѣтилъ онъ и затѣмъ продолжалъ, обращаясь къ зачинщикамъ:—Выслушайте меня, братья, сотоварищи по оружію, меня, на котораго вы часто смотрѣли и кого слушали въ мрачной, грозной бурѣ сраженія. Требуйте того, что возможно, а не того, что невозможно; не пятнайте блеска столькихъ побѣдъ клятвопреступленіемъ; не возбуждайте междоусобной войны, умѣрьте вашъ справедливый гнѣвъ! Я согласенъ съ тѣмъ, что вы правы.

— Мы не хотимъ вонъ изъ Галліи,—загремѣло ему въ отвѣтъ.

Цезарь съ минуту подумалъ, а потомъ воскликнулъ:—Ну, хорошо, пусть будетъ по вашему; вамъ воздадутъ должное по праву. Я беру на себя отвѣтственность передъ императоромъ; онъ обѣщался вамъ, а я поклялся. Я знаю, это будетъ стоить мнѣ моего сана, чести, жизни, но пусть будетъ такъ. Вернитесь завтра же въ свой прежній лагерь; вы ни на одинъ футъ не подвинитесь за Альпы, вы останетесь въ Галліи.

Юліанъ надѣялся утишить этимъ бурю, но онъ ошибся. Съ минуту длилось тягостное, напряженное молчаніе, какъ передъ взрывомъ возвращающейся назадъ грозы. И вдругъ она разразилась снова.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Этого недостаточно. Теперь ужь этого мало. Слишкомъ поздно.—Теперь это не поможетъ.

Digitized by Google

— Мы погибли, если Констанцій останется императоромъ; онъ никогда не проститъ намъ.

— Да мы и не хотимъ его прощенія.

— Ты виноватъ во всемъ.

— Да, ты, ты!

— Вѣдь ты одинъ склонилъ насъ къ возобновленію служебнаго договора.

— Тебѣ одному мы довѣряли, твоей клятвѣ.

— Ты довелъ насъ до того, что мы должны были взбунтоваться. Ты долженъ насъ спасти, долженъ стать нашимъ предводителемъ. Безъ тебя мы пропали. А если ты будешь съ нами, мы послѣдуемъ за тобою. Ты долженъ, ты долженъ, Юліанъ императоръ!

И самые передніе окружили его, схватили за руки, за плечи, дергали за одежду. Онъ не оборонялся, только отрицательно тряхнулъ головою на виду у всѣхъ:

— Нѣтъ, никогда. Убейте меня!

— И убьемъ!—воскликнули въ одинъ голосъ двое мятежниковъ.

Слѣва отъ цезаря пьяный сарматъ замахнулся боевой палицей у него надъ головою. Берунгъ увидѣлъ это, схватилъ его за руку и сталъ съ нимъ бороться. Такимъ образомъ, онъ не могъ помѣшать галлу Байориксу, стоявшему вправо, напасть на цезаря. Тотъ приложилъ свое короткое копье къ горлу Юліана и крикнулъ:—Такъ умри!

Цезарь не шелохнулся. Отточенное остріе уже оцарапало ему кожу, оттуда показалась кровь, но онъ только устремилъ на убійцу свои темные глаза съ глубокимъ выраженіемъ. Байориксъ остановился; онъ не могъ нанести удара и выронилъ копье.

— Я такъ и зналъ,—воскликнулъ его сотоварищъ по клану, шагахъ въ пяти оттуда.—Байориксъ робѣетъ передъ взглядомъ Юліана.

И онъ натянулъ лукъ, положилъ на тетиву тростниковую стрѣлу, окрыленную перьями цапли, прицѣлился и выстрѣлилъ. Берунгъ тѣмъ временемъ вырвалъ у сармата палицу и обернулся. Онъ увидѣлъ прицѣливающагося стрѣлка. Стрѣла уже прожужжала въ воздухѣ; Берунгъ рванулся впередъ и заслонилъ собою Юліана. Выстрѣлъ поразилъ аламана прямо въ сердце.

Digitized by Google

— Не дѣлай этого, Юліанъ, оставайся вѣрнымъ.

То были его послѣднія слова; онъ упалъ къ ногамъ своего господина. Тотъ съ грустью склонился надъ нимъ, позабывъ всякую опасность. Но она уже миновала. Изъ внутреннихъ комнатъ дома въ дверь залы ворвался сильный, хорошо вооруженный, отрядъ подъ предводительствомъ Боконія. Послѣдній вооружилъ на скорую руку всѣхъ рабовъ и вольноотпущенниковъ во дворцѣ; всѣхъ разсѣянныхъ, обращенныхъ въ бѣгство собралъ около себя и случайно наткнулся при этомъ на «неразлучныхъ», которые, не имѣя возможности пробраться изъ сада въ залу, гдѣ у входа столпились тысячи воиновъ, влѣзали въ окно одного изъ боковыхъ коридоровъ.

— Ступайте со мною всѣ четверо; помогите мнѣ спасти его, если еще возможно,—крикнулъ онъ имъ:—вѣдь вы также любили цезаря.

— Ну, разумѣется, старина!—воскликнулъ Гиппокреникъ.—Юліану и не сдѣлаютъ ничего дурнаго. Мы хотимъ возвести его...

— Слышишь, слышишь?!—перебилъ тутъ знаменосецъ.

— Долой Юліана! Смерть ему. Смерть Юліану!—донеслось изъ залы.

— Впередъ!—скомандовалъ Сигибото и бросился первымъ на крики.

— На помощь, на помощь! Сюда, мои маркоманы!—крикнулъ изъ окна Гарицо и побѣжалъ вслѣдъ за товарищемъ.

Такимъ образомъ, помощь подоспѣла какъ разъ въ послѣднюю роковую минуту, когда силы Юліана уже оставляли его. Онъ не могъ дольше напрягать свой умъ и волю, которые до сихъ поръ одни помогали ему все время сдерживать натискъ мятежниковъ. Уже давно цезаря била лихорадка; теперь же голова у него пошла кругомъ и онъ пошатнулся. Однако храбрый отрядъ со щитами и копьями кинулся между нимъ и предводителями бунтовщиковъ.

— Что вы тутъ дѣлаете, подлый сбродъ? — крикнулъ запальчивый грекъ.

— Вы, кажется, собираетесь убить его, галльскія собаки?—продолжалъ графскій сынъ.

— Вѣдь вы только что провозгласили Юліана императоромъ?—напомнилъ Сигибото. — Развѣ васъ ужь снова взяло раскаяніе? Или вы забыли, что̀ провозглашали?..

Digitized by Google

— Юліанъ императоръ-августъ!—дружно грянула толпа защитниковъ и многіе изъ нападающихъ присоединились къ нимъ.

Этотъ крикъ заставилъ встрепенуться полубезчувственнаго цезаря.

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ онъ, въ видѣ протеста, съ умоляющимъ видомъ простирая обѣ руки къ стоявшимъ по близости.

— Да, конечно, и непремѣнно да!—отвѣчалъ Северъ. — Я не говорю ужь о тебѣ! твоя участь рѣшена; ты не избѣгнешь смерти, если не выдешь императоромъ изъ этой залы. Но осмотрись вокругъ! Что же станется съ Галліей? Неужели и ей суждено погибнуть?

— И не съ одною только Галліей, со всею западной частью имперіи, съ цѣлымъ государствомъ? Констанцій не можетъ защитить его противъ варваровъ,—подхватилъ самнитъ Боконій.

— Тебя призываетъ государство!—воскликнулъ Маврусъ, проталкиваясь впередъ.

— Тебя призываютъ боги,—вмѣшался Гиппокреникъ.

Юліанъ, шатаясь, сдѣлалъ шагъ назадъ. Онъ закрылъ глаза, потому что все передъ нимъ потонуло въ кроваво-красномъ туманѣ. Его пульсъ бился неровно и быстро; жилы на вискахъ напряглись, точно готовыя лопнуть; кровь горячей волной приливала къ мозгу. Онъ прижималъ руки ко лбу. Вдругъ изъ толпы раздался громкій крикъ:

— Развѣ ты не слышишь, Юліанъ? Къ тебѣ взываетъ геній Рима! Неужели ты не хочешь послѣдовать на его зовъ?

Никто не могъ сказать, кѣмъ были произнесены послѣднія слова, да и послѣ не удалось этого разъяснить. Но цезарь опустилъ руки и съ блестящимъ взоромъ, устремленнымъ вдаль черезъ головы шумѣвшей, но уже не грозившей болѣе, массы воиновъ, онъ воскликнулъ:—Мой сонъ, мой сонъ! Да, я слышу призывъ! Да, я хочу послѣдовать ему. Я спасу государство и боговъ.

Тутъ поднялся невообразимый шумъ и гамъ. Воодушевленіе и восторгъ не знали предѣловъ. Долгое, боязливое напряженіе разрѣшилось: неясное сознаніе, что страшное дѣло вызоветъ законную кару, разсѣялось увѣренностью, что съ такимъ вождемъ мятежники не только сравняются силами съ мстите-

Digitized by Google

лемъ Констанціемъ, но даже одолѣютъ его. Освободившись отъ страха передъ наказаніемъ, ободренные надеждой на побѣду, награду и привилегированное положеніе въ государствѣ, эти тысячи воиновъ разразились громкими кликами торжества.

— Юліанъ императоръ-августъ!—Maste Imperator!—раскатилось громомъ по залѣ. И всѣ:—предводители и простые солдаты, которые только что угрожали жизни цезаря, также какъ и его избавители,—всѣ наперерывъ тѣснились, рвались, бросались къ нему, пожимали руки Юліана, падали ницъ передъ нимъ, обнимали его колѣни и лобызали ихъ.

— Стойте!—крикнулъ Сигибото.—Мы, германцы, первые и большинствомъ голосовъ избрали его. Дайте же намъ, по германскому обычаю, возвести его въ званіе герцога.

— Да, да! Конечно! Да здравствуетъ нашъ герцогъ!

— Поднимите его на щитъ! Гдѣ щитъ?

— Здѣсь!—отозвался Гарицо.—Вотъ возьмите мой. Онъ очень длиненъ и крѣпокъ.—И маркоманъ опустился на колѣни, поддерживая обѣими руками плоскій щитъ надъ своей воловьей шеей.

Юліанъ былъ немедленно поставленъ Эккардомъ и Сигибото на эту ровную плоскость: немедленно поднялся со своей ношей маркоманъ, отличавшійся исполинскою силой; шестеро другихъ германцевъ, поддерживая щитъ, стали вокругъ товарища, и съ громкими кликами торжества цезарь былъ обнесенъ вокругъ залы.

— Мечъ! Подайте ему мечъ.

Тотчасъ Сигибото протянулъ Юліану свое оружіе, а Гипократикъ—римскій мечъ. Юліанъ не взялъ германскаго оружія и отдалъ предпочтеніе римскому; онъ поднесъ его къ губамъ и поцѣловалъ. Оглушительными кликами восторга привѣтствовали поступокъ цезаря римляне и греки, бывшіе ближайшими свидѣтелями этой сцены.

— Такъ и слѣдуетъ!—крикнулъ Юліану конный латникъ Маврусъ, когда тотъ, тяжело дыша, спрыгнулъ со щита, послѣ третьяго обхода вокругъ залы.—Германцы получили свое. Имъ была воздана заслуженная честь, но ты—римскій императоръ, а потому возложи на себя знаки римскаго міроваго владычества: увѣнчай свое чело діадемой!

— Да, да, діадему, діадему!

Digitized by Google

— Конечно! Вѣдь надо же доказать Констанцію, что мы не шутимъ,—сказалъ Северъ и прибавилъ на ухо Боконію:— да и надо поставить неодолимую преграду между ими обоими; надо связать Юліана крѣпкими узами съ нами.

— Въ этомъ нѣтъ надобности,—возразилъ старикъ:—Юліанъ не отступитъ.

Между тѣмъ цезарь поднялъ руку съ жестомъ отрицанія и покачалъ головою.—Діадема! Да у меня ея никогда не бывало, потому что—благія силы мнѣ свидѣтели въ томъ! — я никогда не помышлялъ возставать противъ императора.

— Мы вѣримъ. Но ты долженъ надѣть діадему!

— Не было ли,—спросилъ одинъ галлъ,—у твоей супруги головной повязки или... ожерелья? Мнѣ кажется, я видалъ у нея на шеѣ прекрасную цѣпь изъ янтаря.

Съ неудовольствіемъ, больно задѣтый за живое, Юліанъ нахмурилъ лобъ.—Эта цѣпь украшаетъ покойницу. Горе тому, кто коснется ея святотатственной рукой.

— Такъ вотъ возьми это!—воскликнулъ Маврусъ.—Великолѣпный уборъ съ коня, украшенный серебромъ и золотомъ. Изъ него выдетъ отличная діадема.

— Что̀ служило украшеніемъ животному, не коснется моего чела,—возразилъ Юліанъ.

— Но ты долженъ быть увѣнчанъ! Мы хотимъ видѣть тебя въ діадемѣ!—настаивали присутствующіе.

Тутъ Боконій снялъ со своей собственной груди почетную цѣпь изъ золотыхъ и серебряныхъ бляхъ.—Вотъ, императоръ; ты пожаловалъ мнѣ, какъ знаменосцу корнути, этотъ важный почетный знакъ въ вечеръ послѣ страсбургской битвы: онъ—моя величайшая гордость и лучшая награда. Я полагаю, что знакъ отличія римскаго знаменосца...

— Представляетъ достойную діадему для римскаго императора,—договорилъ за него Юліанъ.—Подай сюда цѣпь. Она— символъ геройства. И въ этомъ украшеніи, а не въ пожалованныхъ мнѣ Констанціемъ знакахъ отличія, одержу я побѣду.

Онъ взялъ цѣпь изъ рукъ старика и обвилъ ее въ видѣ діадемы вокругъ лба и головы.

— Macte Juliane imperator auguste! — грянуло еще разъ въ громадной залѣ.

Тутъ человѣкъ въ странной діадемѣ моментально пошат-

Digitized by Google

нулся и упалъ на руки встревоженнаго врача. Сознаніе покидало его.

— О,—прошепталъ онъ еще чуть слышно,—матушка!.. Съ какимъ упрекомъ... ея глаза!.. Видишь ты это, другъ Оривазій? Развѣ ты не видишь ея? Матушка, но вѣдь ты въ безопасности, въ моей Галліи. Я не могъ иначе! Я былъ принужденъ... Римъ... боги... и слава!

Въ обморокѣ и въ сильнѣйшемъ пароксизмѣ лихорадки вынесли Юліана изъ залы и уложили въ постель.

(конецъ II-й части).

Часть III.

Императоръ.

(361 — 363 послѣ Р. Х.).

Вѣрить въ боговъ—ребячество;
Отрицать Бога—безуміе;
Искать Бога—все.

Феликсъ Дан.

I.

«Лизію, возлюбленному учителю своей юности, Флавій Клавдій Юліанъ, императоръ-августъ.

«Въ моемъ послѣднемъ письмѣ, о, мой дорогой, я сообщилъ тебѣ объ удивительныхъ событіяхъ, которыя, очевидно, по волѣ боговъ исхитили твоего благодарнаго ученика изъ бездны страшнѣйшей опасности и вознесли на солнечную высоту господства. Послѣ тѣхъ двухъ припадковъ, свидѣтелемъ которыхъ ты былъ въ монастырѣ и въ Римѣ, мною овладѣваютъ, при сильномъ волненіи, безпамятство или судороги. Когда я очнулся отъ своего глубокаго обморока и увидѣлъ на себѣ опасный для жизни пурпуровый плащъ, которымъ преданные люди прикрыли мои дрожавшіе въ лихорадкѣ члены, то понялъ, что все случившееся не приснилось мнѣ, а дѣйствительно происходило. Тутъ я вскочилъ, прогналъ отъ себя всякій приступъ лихорадки и слабости, и сказалъ, поднявъ взоръ къ Геліосу:—«Я долженъ былъ начать, теперь я хочу довершить начатое»! По-

Digitized by Google

томъ, завернувшись въ пурпуръ, я прибавилъ:—«Мнѣ по неволѣ пришлось принять его; теперь же я хочу его защищать и заслужить. Мое правонарушеніе будетъ полнымъ преступленіемъ, если я потерплю неудачу, и историческимъ подвигомъ, если я восторжествую»! Тѣмъ не менѣе я волновался: приступы угрызеній совѣсти, сомнѣнія, раскаяніе поперемѣнно овладѣвали мною. Первые два-три дня я не показывался воинамъ, оставаясь внутри дворца. Много времени уходило у меня на то, что я приносилъ жертвы и вопрошалъ боговъ; это должно было совершаться втайнѣ, чтобы не оттолкнуть отъ себя священниковъ и общины галилеянъ, которыя могли перейти на сторону Констанція. Кромѣ того, надо было составлять черновыя письма къ Констанцію, въ Марсель, къ тебѣ, къ другимъ друзьямъ и довѣреннымъ лицамъ. Наконецъ, порою я чувствовалъ также какую-то робость, внушенную совѣстью или чувствомъ приличія, которое мѣшало мнѣ показываться публично въ знакахъ моего господства, такъ какъ мой поступокъ казался мнѣ иногда легкой несправедливостью, потому что, пожалуй, онъ былъ совершонъ не ради одной общественной пользы, какъ я старался себѣ представить... Не повліяли ли отчасти на мое рѣшеніе тщеславіе и себялюбіе? Напрасно я насильно гналъ отъ себя эти самообвиненія,—они упорно возвращались, и такимъ образомъ мнѣ было невозможно возложить на себя почетные знаки присвоенной власти и теперь же показаться въ нихъ передъ тѣми, которые вознесли меня на высоту и являются соучастниками моей вины. Бремя взятой на себя власти я готовъ нести, но не хочу хвастливо украшать себя связанными съ нею отличіями. Между тѣмъ, такая недоступность новаго императора стала безпокоить воиновъ. Сначала это имъ не понравилось, потомъ вызвало недовольство, ропотъ и, наконецъ, подозрѣніе. Незанятые люди въ шумномъ лагерѣ стали опасаться за мою жизнь, и вотъ одинъ, изобрѣтательный на выдумки, галлъ, разгорячившись виномъ, крикнулъ въ походномъ шинкѣ своимъ отчаяннымъ товарищамъ: «Ну, чего вы смотрите, глупыя башки? Понимаете ли вы, почему намъ не показывается нашъ императоръ вотъ уже три дня? Бѣдный юноша! Онъ лежитъ во дворцѣ, убитый шпіонами Констанція». Эти слова послужили сигналомъ къ страшнѣйшему гвалту. Напрасно римляне и германцы пытались обуздать горячность галловъ.

Digitized by Google

«Съ дикими криками насчетъ убійства и предательства взбунтовались они опять, потрясая оружіемъ, и, наконецъ, бросились изъ лагеря въ городъ, повторяя: «Во дворецъ, во дворецъ»! Не безъ кровопролитія, насильно добрались они до меня и не успокоились, пока я не вышелъ къ нимъ самъ въ передній садъ, причемъ хорошенько выбранилъ ихъ въ доказательство того, что нахожусь въ полномъ здравіи и благополучіи.

«Какъ только вѣсть о необыкновенномъ событіи распространилась по всей странѣ, (а въ землѣ словоохотливыхъ кельтовъ молва бѣжитъ скоро!) мои ближайшіе друзья, Серапіонъ и Іовіанъ, поспѣшили вернуться обратно. Первымъ явился ко мнѣ Іовіанъ изъ Марселя. Его серьезное лицо сложилось въ еще болѣе серьезную мину, когда онъ сказалъ:—Радоваться за тебя я не могу. Цезарь Юліанъ стоялъ для меня выше; впрочемъ, ты не могъ поступить иначе. Я служу государству римлянъ, служа тебѣ.

«— А что говорятъ мать и сестра?

«— Мать много плакала.

«— Ей не слѣдуетъ плакать!

«Онъ пожалъ плечами.—Она должна была и будетъ плакать. Ты былъ принужденъ нарушить клятву, а ея удѣлъ—слезы.

«Черезъ день прибылъ Серапіонъ; онъ зорко взглянулъ на меня своими сѣрыми проницательными глазами и сказалъ:—Твой поступокъ полезенъ для государства, но не для тебя.

«— Почему?

«— Ты нарушилъ вѣрность.

«— Слова умирающаго Берунга!—воскликнулъ я.—Развѣ вѣрность превыше всего?

«— Да.

«Итакъ, первые плоды моего господства не сладки. Мать плачетъ. Зачѣмъ ей плакать? Вѣдь она въ безопасности! Никогда не подвергнулъ бы я ея мщенію Констанція. Въ томъ, что буря завела ее съ сестрой Юліаной подъ мою охрану, я вижу новый знакъ благоволенія ко мнѣ боговъ. Но близкіе не радуются моему возвышенію, лучшіе друзья относятся ко мнѣ со сдержаннымъ порицаніемъ, вмѣсто похвалы. О, Елена, какъ я чувствую твою утрату! Въ первый же день своего царствованія я полетѣлъ къ ея гробу и горько, горько плакалъ на немъ. Но ты, о Лизій, навѣрно съ восторгомъ украсилъ вѣн-

Digitized by Google

ками домашній алтарь боговъ, услышавъ великую вѣсть. Надежды, ахъ! нѣтъ, только мечты, самыя смѣлыя, которыя я лелѣялъ въ Мацелумѣ и въ Аѳинахъ, стремлюсь я теперь осуществить въ блескѣ славы. Подожди еще короткое время. Покончивъ съ необходимыми военными распоряженіями и выбравшись изъ бурныхъ волнъ на твердую землю, я призову тебя къ себѣ, мой Лизій; тогда ты будешь моимъ совѣтникомъ въ великомъ дѣлѣ возстановленія боговъ. Галилеянъ я не хочу ни угнетать, ни преслѣдовать, но только укротить; подъ моимъ скипетромъ они не должны терпѣть гоненій, но также и не должны притѣснять другихъ. Однако, прежде всего, мнѣ надо оградить себя отъ Констанція; борьба между нами обоими будетъ въ то же время судомъ божіимъ. Констанцій или Юліанъ? Голгоѳа или Олимпъ? Кто окажется сильнѣе? Но все это пока должно оставаться втайнѣ.

«Когда будущность государства и моя собственная участь были рѣшены, я созвалъ своихъ полководцевъ на военный совѣтъ. Они всѣ были того мнѣнія, что я долженъ, оставивъ прочія дѣла, какъ можно скорѣе напасть на Констанція и лишить его власти. Теперь онъ не готовъ къ оборонѣ и стоитъ почти безъ войска въ Италіи; не надо давать ему времени бѣжать къ дальнимъ восточнымъ границамъ, гдѣ теперь сосредоточены его главныя силы: это дало бы ему возможность вмѣсто персовъ двинуть свои войска противъ меня и одержать верхъ, благодаря численному превосходству. Я позволилъ высказаться всѣмъ моимъ совѣтникамъ, а потомъ возразилъ:—Безъ сомнѣнія, это было бы самое лучшее для Юліана, но не для государства. Благополучіе послѣдняго требуетъ, чтобы я предварительно устроилъ здѣсь все по мѣрѣ силъ, прежде чѣмъ покинуть Галлію на неопредѣленное время. Пусть исторія не скажетъ: «Юліанъ оставилъ только что отвоеванный Рейнъ на жертву варварамъ, чтобы спасти свою голову и легче побѣдить своего личнаго врага». Сначала имперія, потомъ императоръ! Кромѣ того, я еще несовсѣмъ оставилъ надежду,—хотя она и весьма сомнительна,—избѣжать междоусобія, выказавъ Констанцію величайшую предупредительность и даже смиренную покорность, чтобъ онъ призналъ меня императоромъ, по крайней мѣрѣ, въ Галліи, которою я управлялъ, какъ цезарь,—меня, своего зятя, двоюроднаго брата, своего единокровнаго;

Digitized by Google

вѣдь и прежде онъ дѣлилъ свое господство съ братьями по провинціямъ міроваго государства.—Правда, Іовіанъ сомнительно качаетъ при этомъ своей трезвой, свѣтлой головой, называя мою надежду заблужденіемъ.—Гдѣ братъ твой Галлъ?—спрашиваетъ онъ,—его вина была не больше твоей. Я увѣренъ, что Констанцій при первомъ же извѣстіи осудилъ тебя на одинаковую съ нимъ участь. Каждымъ днемъ твоего промедленія онъ пользуется для того, чтобъ усилить свои войска и хорошенько вооружить ихъ. И если, во избѣжаніе вооруженнаго столкновенія, онъ для виду пойдетъ на предлагаемыя тобою уступки,—не рискуй приблизиться къ нему иначе, какъ окруженный превосходнѣйшими силами.

«Пожалуй, этотъ преданный человѣкъ правъ.

II.

«Тѣмъ не менѣе я пытаюсь вступить на путь соглашенія; я написалъ Констанцію подробный отчетъ о случившемся, съ полной искренностью, начиная съ того момента, когда меня испугали въ роковую ночь звуки трубъ. Я старался поставить на видъ, что уступилъ мятежникамъ только послѣ многократныхъ угрозъ убить меня (вѣдь не могу же я сказать, что принялъ пурпуръ не ради себя, а ради государства!). Я просилъ его вникнуть въ обстоятельства, соглашаясь ограничиться Галліей и Британіей, гдѣ предоставилъ ему даже назначеніе всѣхъ высшихъ чиновниковъ. Далѣе я обѣщалъ удѣлить ему для персидской войны такую часть войскъ, какую окажется возможнымъ послать отсюда, и обязался дѣлать такъ всю свою жизнь. Только тѣ войска, которымъ онъ и я клятвенно обѣщались, что ихъ не двинутъ изъ Галліи, не должны ни добровольно, ни путемъ насилія идти въ отдаленныя страны, такъ какъ я самъ нахожу, что ихъ удаленіе отдастъ едва отвоеванную провинцію въ руки варваровъ. Подъ этимъ письмомъ я скромно подписался: «цезарь». Знай это мои подчиненные, моя жизнь снова подверглась бы опасности. Ложь, неправда и лицемѣріе со всѣхъ сторонъ!

«Еще разъ я намѣренъ перенести свое оружіе за Рейнъ. Варварамъ надо показать, что они никогда не будутъ въ без-

Digitized by Google

опасности отъ меня, сколько бы ни было другихъ заботъ у Юліана.

«Протекло еще нѣсколько мѣсяцевъ въ постоянныхъ походахъ противъ германцевъ и, наконецъ, пришелъ давно ожидаемый отвѣтъ отъ императора—изъ Цезареи въ Каппадокіи. Только тутъ застали его, наконецъ, мои уполномоченные; онъ все время нарочно уходилъ отъ нихъ дальше и дальше къ востоку, а потомъ продержалъ у себя этихъ людей нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ дать имъ сначала устный, затѣмъ письменный отвѣтъ, который они передали мнѣ. Въ страшномъ гнѣвѣ отвергъ Констанцій всѣ мои предложенія и велѣлъ мнѣ сказать, что если я дорожу своею жизнью, то долженъ сложить съ себя сомнительную императорскую власть и оставаться въ границахъ, опредѣляемыхъ моимъ прежнимъ цезарскимъ званіемъ. Кромѣ того, августъ предписываетъ мнѣ немедленно явиться къ нему въ лагерь—со свитой всего изъ шести провожатыхъ—чтобы держать передъ нимъ отвѣтъ. Теперь, по крайней мѣрѣ все ясно. Его кажущееся снисхожденіе, съ которымъ онъ оставляетъ мнѣ цезарскій санъ, основано только на разсчетѣ выиграть время. Еслибъ Констанцій тотчасъ пошелъ на меня войною, не раздѣлавшись предварительно съ персами, ихъ могущественный царь Сапоръ бросился бы по его слѣдамъ до самой Византіи. И хитрецъ еще хочетъ заманить меня къ себѣ, хотя при первомъ же извѣстіи о переворотѣ осудилъ непокорнаго цезаря на участь Галла. Хорошо! Я намѣренъ явиться къ нему, но только во главѣ сильной арміи. Въ настоящее время я могу спокойно оставить Галлію. Вчера я созвалъ—теперь уже начало мая—всѣ находящіяся въ Парижѣ войска, сдѣлалъ имъ большой смотръ, а подъ конецъ прочиталъ отвѣтъ Констанція, велѣлъ моимъ посланнымъ тутъ же разсказать о томъ, что происходило съ ними при дворѣ, и объявилъ, что я готовъ, согласно приказу императора, снова спуститься до званія цезаря. Но войска заволновались, и опять, уже съ угрозами, грянулъ единодушный кликъ:—Нѣтъ, Юліанъ—императоръ-августъ по выбору войска, сначала въ одной Галліи, а вскорѣ въ цѣломъ государствѣ!

«До сихъ поръ я носилъ нѣчто въ родѣ игрушечной короны, какую надѣваютъ выборные судьи на состязаніяхъ, и только

Digitized by Google

теперь пріобрѣлъ настоящую діадему. Двоихъ военачальниковъ, не захотѣвшихъ нарушить вѣрности Констанцію, назначившему ихъ на мѣста, я отпустилъ безпрепятственно каждаго въ свое отечество. Одного изъ нихъ, который позволилъ себѣ слишкомъ вольныя рѣчи передъ корнути, воины чуть не убили. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ его спасти, прикрывъ своимъ собственнымъ военнымъ плащемъ. Низкому Флоренцію, префекту Галліи, дѣлавшему мнѣ на каждомъ шагу всевозможныя каверзы, когда я былъ цезаремъ, и бѣжавшему изъ Ліона, чтобы обвинить меня передъ Констанціемъ во всевозможныхъ мерзостяхъ послѣ моего избранія, я отослалъ изъ Галліи жену, дѣтей и все имущество, чтобы они не оставались въ моей власти.

«Передъ отъѣздомъ изъ Парижа я былъ немало пораженъ однимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ: монахъ Іоаннъ снова явился ко мнѣ. Въ свою бытность въ Римѣ, куда онъ опять вернулся изъ Іерусалима, этотъ преданный другъ узнаётъ о случившемся со мною, тотчасъ спѣшитъ—по обыкновенію, босой—черезъ Альпы, проникаетъ ко мнѣ во дворецъ, бросается передо мною на колѣни и умоляетъ меня сбросить императорскій пурпуръ,—ради спасенія своей души, молиться и каяться. Признаюсь, я немного разсердился и отвѣчалъ ему:—Мнѣ некогда, мой добрый Іоаннъ. Сначала я долженъ спасти государство.—Совершенно убитый горемъ, отправился онъ отсюда къ моимъ въ Марсель; Юліана пишетъ, будто бы наша мать такъ больна, что не можетъ пуститься въ дорогу. А я собирался взять ихъ обѣихъ въ походъ. Впрочемъ, онѣ безопаснѣе проживутъ въ Галліи, тогда какъ везти ихъ въ Азію, гдѣ господствуетъ Констанцій, все таки рискованно.

«Я рѣшилъ, оставивъ здѣсь необходимые гарнизоны, раздѣлить всю свою армію на три корпуса: два изъ нихъ, болѣе малочисленные, должны идти: одинъ черезъ Монъ-Сенисъ, другой—къ югу отъ Боденскаго озера, черезъ Брегенцъ въ Италію, чтобы склонить на мою сторону римскій сенатъ. Третій же корпусъ, свою главную силу, я поведу самъ черезъ Шварцвальдъ по старой военной дорогѣ, сѣвернѣе Дуная, въ Паннонію; оттуда въ Византію, а изъ Византіи—въ Азію, на борьбу за міровое владычество. И всѣ великіе боги будутъ сопутствовать мнѣ»!

Digitized by Google

III.

«Своему возлюбленному учителю Лизію, верховному жрецу Аполлона, сенатору Византіи, патрицію и комесу консисторіанусу, Юліанъ императоръ-августъ, не запятнанный кровью!

«О, мой дорогой! Какъ ты съумѣлъ предугадать истину по своимъ звѣздамъ, когда возвѣстилъ мнѣ, еще мальчику, что я—избранный между всѣми любимецъ боговъ! Пишу тебѣ изъ Византіи, пишу, какъ единственный императоръ римскаго государства, признанный во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта, всѣми войсками и всѣми провинціями. Констанцій умеръ и ни капли крови не было пролито при этомъ. Ахъ, на что я едва смѣлъ надѣяться, о чемъ едва смѣлъ обмолвиться шопотомъ въ молитвѣ къ богамъ—«безкровная побѣда» была дарована мнѣ ими во всей полнотѣ. Одна жрица Аѳины въ Сирміумѣ предсказала мнѣ «незапятнанную побѣду», но я все еще боялся повѣрить исполненію пророчества въ полномъ смыслѣ. Покинувъ Галлію, я открыто приношу жертвы богамъ и радуюсь, что избавился отъ необходимости лицемѣрить. Едва мы двинулись въ Азію на встрѣчу противнику, какъ еще на пути къ границамъ Ѳракіи меня встрѣтило нежданное счастье, прилетѣвшее словно на крыльяхъ Ирисъ. Дорогой, какъ ты уже знаешь, меня повсемѣстно встрѣчали удача, всеобщая покорность и ликованіе народа, который съ радостью привѣтствовалъ въ лицѣ новаго императора свое избавленіе отъ тираніи Констанція и его евнуховъ. Здѣсь же, только что мы двинулись изъ Наиссуса (нынѣшняго Нишича въ Сербіи), нашъ авангардъ наткнулся на отрядъ всадниковъ, отыскивавшихъ меня. Громкіе клики восторга всѣхъ войскъ, приведшихъ ко мнѣ этихъ посланныхъ, еще издали возвѣстили мнѣ великую радость. Но я ни за что не могъ предугадать подобнаго счастія. Вѣстниками его были двое людей изъ свиты Констанція, знатнѣйшіе полководцы: Теолайфъ и Алигитъ, оба германцы, которые отправились ко мнѣ на встрѣчу во главѣ первыхъ лицъ изъ войска и отъ двора моего противника. Увидавъ меня еще издали, они спрыгнули съ сѣделъ, бросились на колѣни передъ моимъ конемъ, схватили мои руки и воскликнули: «Юліанъ августъ-императоръ, волею неба единственный повелитель римскаго государства! На-

Digitized by Google

шего бѣднаго государя Констанція нѣтъ болѣе на свѣтѣ, и все наше войско, его дворъ, его лагерь, всѣ провинціи, которыми онъ владѣлъ, единодушно избрали тебя, послѣдняго изъ Констанціевъ,—героя, вернувшаго Галлію обратно государству,—и провозгласили императоромъ и преемникомъ Констанція».

«Я былъ до того потрясенъ, что едва усидѣлъ на лошади. Прошло порядочно времени, пока я настолько опомнился, что могъ выслушать дальнѣйшее донесеніе. Констанцій пошелъ къ персидской границѣ, чтобы наконецъ поправить промахи, которые онъ и его полководцы надѣлали здѣсь болѣе чѣмъ въ продолженіе двухъ десятилѣтій. Враги до того укрѣпились тамъ, что мнѣ придется обратить свою первую заботу на Тигръ вмѣсто Рейна. Сапоръ, персидскій царь, незадолго передъ тѣмъ какъ Констанцій узналъ въ Эдессѣ о моемъ избраніи, отступилъ назадъ, но вовсе не отъ страха передъ римлянами, а потому что нападенія дикихъ массагетовъ на его восточныя провинціи потребовали этого. Такимъ образомъ, мой противникъ, избавившись отъ необходимости продолжать военныя дѣйствія противъ персовъ, могъ подумать о томъ, чтобъ уничтожить меня. Съ этой цѣлью онъ, ни минуты не колеблясь оставить снова беззащитной персидскую границу, собралъ все свое войско, повернулъ тылъ персамъ и парѳянамъ, и поспѣшилъ мнѣ навстрѣчу. Въ Гіерополисѣ, по дорогѣ въ Антіохію, онъ сдѣлалъ большой смотръ войскамъ и тутъ предложилъ имъ изловить неблагодарнаго мятежника, «какъ дикаго вепря на веселой охотѣ». Онъ только и толковалъ о веселой охотѣ на маленькаго цезаря, совершенно умалчивая о моихъ предложеніяхъ и просьбахъ. Констанцій горѣлъ нетерпѣніемъ погубить меня. Поспѣшно выслалъ онъ впередъ конницу и легкую пѣхоту—на подводахъ. Но недобрыя предзнаменованія и тяжелые сны мучили его еще въ Антіохіи,—какъ разъ въ то время, когда мои боги многократно предвозвѣщали мнѣ во снѣ побѣду. Но, къ несчастію, боги не всегда могутъ или, пожалуй, не всегда хотятъ помѣшать злодѣйству. Такъ, они допустили, чтобы мы съ тобою оба,—о, Лизій!—лишились дорогаго друга, благодаря отвратительному безчеловѣчію тирана. Жертвою его мстительности палъ нашъ Филиппъ! По словамъ посланныхъ, еще при первомъ извѣстіи о моемъ избраніи, Констанцій въ припадкѣ неистовой ярости приказалъ арестовать толкователя звѣздъ и умертвилъ бы его

Digitized by Google

тогда же, еслибъ этотъ мужественный ученый не нашелся, какъ возразить ему: «Подожди еще,—сказалъ онъ,—Юліанъ пока не оставлялъ Галліи». А вѣдь ты помнишь, что было предсказано, будто бы цезарь Юліанъ не выдетъ изъ этой провинціи. Когда же пришло извѣстіе, что я проникъ до Истера, передъ паденіемъ Сирміума, то Констанцій, подстрекаемый старшимъ евнухомъ, произнесъ смертный приговоръ мудрому мужу, обманувшему его своимъ предсказаніемъ по звѣздамъ. Но врачъ съ улыбкой велѣлъ передать августу: «Звѣзды не солгали, а вмѣстѣ съ ними и Филиппъ: не «цезарь», а «императоръ» Юліанъ покинулъ Галлію. Значитъ, ты не вправѣ наказывать меня, но на то ты императоръ! Прошу у тебя, какъ послѣдней милости, чтобы ты, котораго я исцѣлилъ отъ многихъ смертельныхъ недуговъ, позволилъ мнѣ самому выбрать для себя родъ смерти».—Констанцій исполнилъ его просьбу, хотя Эвзебій неотступно настаивалъ на томъ, чтобы предварительно вывѣдать на пыткѣ у несчастнаго горбуна тайну его цѣлебныхъ средствъ. Въ отместку, врачъ послалъ ему склянку съ надписью: «Это убиваетъ быстро и безболѣзненно. Я выбралъ этотъ ядъ для себя и дарю тебѣ остатокъ: онъ вскорѣ пригодится Эвзебію, какъ предсказываютъ никогда не обманывающія звѣзды. Легкая смерть—второе высокое благо для смертныхъ! А первое—высочайшее—никогда не родиться. Я отхожу къ миру, т. е. къ Иренѣ».

«Онъ умеръ въ Антіохіи со словомъ «Ирена» на устахъ. Ирена было имя моей матери; они были дружны съ юныхъ лѣтъ. Съ глубокой благодарностью и умиленіемъ вспоминаю я объ этомъ вѣрномъ другѣ. Послѣ его умерщвленія,—какъ съ искреннимъ негодованіемъ передавали мнѣ честные германцы,—Констанцій очень часто совѣтовался съ Эвзебіемъ и своими новыми врачами, въ томъ числѣ съ Нигеромъ, о томъ, какой самый продолжительный и самый мучительный родъ смерти избрать для меня, когда я попаду въ плѣнъ, такъ какъ онъ не сомнѣвался въ побѣдѣ надо мною. Однако Зевсъ, по словамъ Софокла, не любитъ праздной болтовни, и предсказаніе Филиппа должно было вскорѣ сбыться надъ Эвзебіемъ. Тотчасъ послѣ выступленія изъ Антіохіи, въ концѣ октября, Констанцій расхворался въ Тарсѣ, въ Киликіи, и тутъ съ раскаяніемъ призывалъ къ себѣ своего умерщвленнаго врача и цѣлителя! Съ большимъ усиліемъ дотащился онъ еще до Мопсукрены у под-

Digitized by Google

ножія Тавра, въ немногихъ миляхъ разстоянія отъ Тарса, и здѣсь, 5 ноября, его постигла смерть отъ сильной горячки. Аріанскій епископъ напутствовалъ Констанція; онъ умеръ сорока четырехъ лѣтъ, процарствовавъ двадцать четыре года. И что же сдѣлалъ онъ за это время для своего безсмертія? Александръ въ тридцать лѣтъ завоевалъ міръ: мнѣ остается до этого еще цѣлыхъ три года. Конечно, въ такой срокъ я не завоюю вселенной, но могу обновить государство и возстановить боговъ. Послѣ смерти Констанція, въ войскѣ, оставшемся безъ предводителя, наступило невообразимое смятеніе. Немедленно распространился слухъ, будто бы персидскій царь, быстро прогнавъ шайки массагетскихъ разбойниковъ изъ своихъ предѣловъ, уже узналъ о томъ, что восточная римская имперія осиротѣла, и спѣшитъ къ ея границамъ. Что тутъ дѣлать? Войско Констанція выступило, чтобъ уничтожить меня. Императора не стало. Ради кого же должны они теперь воевать со мною? Не лучше ли имъ вернуться назадъ и прежде отразить внѣшняго врага? Но подъ чьимъ предводительствомъ? Избрать преемника Констанцію являлось неизбѣжностью. Тутъ Эвзебій пустилъ въ ходъ все свое искусство интригана; онъ поднялъ на ноги небо, землю и преисподнюю, чтобъ помѣшать моему избранію, за которое съ самаго начала раздалось множество голосовъ. Главному евнуху хотѣлось возвести на тронъ своего двоюроднаго брата Барбаціо, которому умершій будто бы назначилъ пурпуръ. Однако, на это не нашлось никакихъ указаній. Кромѣ того, и при дворѣ, и въ войскѣ достаточно надоѣло преобладающее вліяніе Эвзебія и другихъ евнуховъ, продолжавшееся столько лѣтъ. Полководцы созвали всѣ войска и едва комесъ Гомогаръ (опять таки германецъ!) назвалъ мое имя, какъ вдругъ вся армія разразилась восторженнымъ кликомъ: «Юліанъ—императоръ-августъ!» Совершенно также, какъ тогда въ Парижѣ.

«Между тѣмъ упрямый и привыкшій къ господству Эвзебій не хотѣлъ уступить и принялся даже всячески поносить меня. Тогда раздраженные воины, давно ненавидѣвшіе этого негодяя, бросились на него, преслѣдовали бѣгущаго до самаго его жилища и грозили злодѣю мучительной смертью. Когда они взломали двери, онъ выпилъ ядъ изъ склянки Филиппа и тутъ же умеръ. Войско же рѣшило, во избѣжаніе междоусобной войны, которая легко могла возгорѣться при такихъ обстоятельствахъ,

Digitized by Google

остаться тамъ, гдѣ оно стояло, чтобы не уходить далеко отъ персидской границы, а мнѣ передать черезъ посольство свою присягу въ вѣрности. Съ той минуты мой походъ на Византію обратился въ тріумфальное шествіе! По всѣмъ городамъ и селеніямъ, на моей дорогѣ черезъ Филиппополь, Адріанополь, Перинтъ, привѣтствовали меня ликованіями; на разукрашенныхъ вѣнками корабляхъ выѣхали встрѣчать меня на Гебрусъ. Изъ Византіи же тысячи народа (многіе знали меня со времени моего прежняго пребыванія тамъ) устремились на встрѣчу новому императору до самаго Перинта, болѣе чѣмъ въ пяти часахъ пути оттуда, и съ нескончаемыми кликами восторга проводили меня въ столицу. То было въ декабрьскія иды, на второй годъ моего царствованія.

«Моимъ первымъ долгомъ было воздать подобающія почести праху моего врага, двоюроднаго брата и свояка. (О, какъ порадуется въ лучшемъ мірѣ моя Елена тому, что мнѣ не пришлось скрестить съ нимъ оружіе! Впрочемъ, при отъѣздѣ изъ Парижа, проливая горькія слезы на ея гробъ, я поклялся на немъ, что не трону волоска на головѣ Констанція, если судьба предастъ мнѣ его въ руки). Я приказалъ своему magister militum Іовіану торжественно перевезти тѣло усопшаго съ прежняго мѣста его погребенія въ Византію, гдѣ оно и было съ пышною церемоніей предано землѣ въ аріанской базиликѣ. Самъ я, въ одеждѣ частнаго лица, въ глубокомъ траурѣ, шелъ первымъ за гробомъ почившаго, и слезы, проливаемыя мною въ ту минуту, не были притворными: онѣ относились не къ Констанцію, а къ общечеловѣческому горю, и также—увы!—къ моей Еленѣ.

«Теперь, воздавъ должное мертвому, я обязанъ обратиться къ живымъ. Все, что могутъ сдѣлать воля человѣка и государя, сила, любовь и воодушевленіе,—все будетъ сдѣлано мною для счастія моего народа, клянусь въ томъ всѣми богами! И я чувствую, что они помогутъ мнѣ. Также и отъ тебя, мой возлюбленный учитель, ожидаю я помощи. Пріѣзжай, спѣши, лети къ намъ въ Византію. Въ настоящее время, почитатели старыхъ боговъ могутъ безопасно путешествовать по всему римскому государству. Ты долженъ помочь мнѣ въ трудной задачѣ возстановленія олимпійцевъ, что должно обойтись безъ преслѣдованія галилеянъ, потому что никогда не потерплю я насилія

Digitized by Google

надъ чужою совѣстью. Хоть я знаю, что насъ съ тобою все еще раздѣляетъ старинная рознь во взглядахъ на богопочитаніе, но я надѣюсь и вѣрю, что ты со временемъ поймешь меня, что ты примешь самъ мое ученіе и поможешь мнѣ распространить его по всей великой римской имперіи. Главное, ты посовѣтуешь мнѣ, какія мѣры слѣдуетъ принять относительно галилеянъ, обсудишь ихъ со мною и будешь способствовать тому, чтобы привести ихъ въ дѣйствіе. А затѣмъ мы примемся сообща открывать запущенные храмы боговъ, увѣнчаемъ покинутые алтари и станемъ совершать возліянія изъ благоухающихъ чашъ! Я представляю уже себѣ тотъ день, когда я позади тебя, какъ въ былое время, стану подниматься по узкой тропинкѣ къ Капитолію, въ сопровожденіи дѣвственныхъ весталокъ, и принесу первую жертву Юпитеру Капитолійскому. Это, мой Лизій, награда, которую я придумалъ тебѣ! Я не знаю болѣе высокой, подобно тому какъ самъ считаю для себя высочайшею честью—не императорскій пурпуръ, а званіе верховнаго жреца и архона при оракулѣ дидимейскаго Аполлона въ своемъ государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я дѣлаю тебя верховнымъ жрецомъ твоего бога, Аполлона Геліополисскаго, патриціемъ, сенаторомъ моей второй столицы и членомъ моего тайнаго совѣта, комесомъ консисторіанусомъ. Но что значитъ все это наравнѣ съ титуломъ: Лизій и Юліанъ, двое возстановителей боговъ! Заключаю свое посланіе, упоенный блаженствомъ».

IV.

Прочитавъ это письмо въ своемъ кабинетѣ, въ египетскомъ городѣ Гермополисѣ, Лизій сердито швырнулъ его въ сторону и съ проклятіемъ вскочилъ съ мѣста.

— Клянусь Тартарусомъ, неблагодарность, заносчивость, глупость этого мальчишки въ пурпурѣ просто невѣроятны! Рѣшительно всѣмъ обязанъ онъ мнѣ. Дважды моя заботливая рука удержала угасавшую жизнь въ этомъ заморышѣ, сгоравшемъ въ огнѣ горячки. Онъ былъ духовно плѣненъ вѣрою, внушенной ему съ дѣтства; я одинъ заставилъ очнуться отъ спячки его умъ и возвысилъ его до познанія боговъ; я избавилъ его отъ вліянія такого человѣка, какъ монахъ Іоаннъ, а, главное, изъ подъ власти настоятеля Конона; я освободилъ его изъ мо-

Digitized by Google

настыря, гдѣ ему суждено было оставаться вѣчнымъ узникомъ. Я далъ Юліану Гомера, Гезіода, боговъ; я открылъ юношѣ глаза на лицемѣріе и пороки окружающихъ; я далъ ему Римъ, Капитолій,—все прекрасное, доброе, истинное! Вѣчныя, непреложныя звѣзды возвѣстили мнѣ, что судьба моего единственнаго возлюбленнаго дитяти неразрывно связана съ его судьбою; что нѣкая Елена сдѣлается его супругой и повелительницей римскаго государства; что мнѣ, потомку древнихъ царей и жрецовъ Египта, Фараоновъ и Птоломеевъ, будетъ пожалованъ санъ царственнаго намѣстника моей родины. А онъ? Что дѣлаетъ онъ? При первой случайности, Юліанъ, какъ глупецъ, плѣняется посторонней женщиной, принуждая меня какъ можно скорѣе удалить съ его глазъ мое дитя, пока у него пройдетъ это нелѣпое увлеченіе. Ахъ, мое дитя, бѣдное, послушное, довѣрчивое, которое слѣпо вѣритъ слову отца и его пророчеству, отвергая, какъ преступленіе, всякую склонность къ другому мужчинѣ, кромѣ того, кто предназначенъ ей звѣздами! И несчастная дѣвушка, изъ одного послушанія отцу и вѣры въ него, томится теперь нераздѣленной любовью къ человѣку, съ которымъ она не обмѣнялась даже словомъ. А онъ, послѣ того какъ безпримѣрное, неслыханное счастье спасло его ото всѣхъ опасностей, упорствуетъ въ любви къ той, которая вторглась въ его жизнь вопреки волѣ звѣздъ,—къ не настоящей, подложной Еленѣ. О, какъ я ненавижу ее даже въ могилѣ! И какъ Юліанъ ускользнулъ изъ моихъ рукъ, такъ злоупотребляетъ онъ и свободою мысли—вѣдь я одинъ научилъ его мышленію. Въ Аѳинахъ, Византіи, въ Никомидіи начинаетъ онъ себя чуждой, ложной мудростью, отрицающей боговъ! Да, онъ смѣется надъ созданіемъ народной вѣры,—надъ моими, надъ нашими богами, которые сдѣлали Грецію и Римъ великими, прекрасными и счастливыми. Онъ стряпаетъ себѣ туманное сплетеніе изъ религіи и пустой мистической философіи богохульниковъ и отрицателей божества. И эта измышленная ложь должна замѣнить народу живыхъ боговъ! Когда же великодушные боги въ самомъ дѣлѣ вознесли его на тронъ міроваго царства,—какъ то было суждено ему звѣздами,—онъ хочетъ отдѣлаться отъ меня пожалованіемъ двухъ-трехъ пустячныхъ титуловъ. Верховный жрецъ египетскаго Аполлона! Да я, по примѣру моихъ предковъ, уже давно поставленъ имъ по волѣ самого бога. Нѣтъ,

Digitized by Google

онъ безгранично унижаетъ меня, полагая, что я долженъ помогать ему проповѣдывать вмѣсто истинныхъ народныхъ боговъ измышленія его фантазіи. А галилеянъ, которыхъ слѣдовало наконецъ предать праведному мщенію боговъ, онъ хочетъ защищать и обратить къ его вымышленнымъ божествамъ, а я долженъ содѣйствовать Юліану въ такой преступной и нелѣпой затѣѣ. Нѣтъ, ужь это крайняя степень тщеславія,—это безуміе самообольщенія, за которымъ слѣдуетъ по пятамъ Немезида! И — какъ я предсказывалъ ему много лѣтъ назадъ—его тщеславіе, переступившее всякую мѣру и оскорбляющее меня теперь, поможетъ мнѣ господствовать надъ нимъ же. Погоди, безбожникъ-философъ! Лизій явится на твой зовъ, но не въ томъ видѣ, какъ ты ожидаешь. Ты требуешь меня къ себѣ, какъ подчиненнаго, а я приду, какъ твой владыка!

И верховный жрецъ, изнеможенный припадкомъ гнѣва, тяжело дыша и хрипя, бросился на кушетку. Бурныя страсти, многолѣтнее напрасное стремленіе къ великой будущности и выжиданіе судебъ, которыя не хотѣли осуществиться, не смотря на все искусство вопрошателя звѣздъ,—все это быстро и сильно состарило Лизія. Его рѣзкія отъ природы черты получили теперь демоническое, злобное выраженіе сдержанной ненависти и неудовлетвореннаго честолюбія. Онъ такъ громко разговаривалъ самъ съ собою, что встревоженная дочь потихоньку вышла къ нему изъ сосѣдней комнаты. Ее поразило дикое волненіе въ лицѣ старика; всѣ его члены дрожали. Боязливо наклонилась она къ нему.

— Что съ тобою, милый отецъ? Ты такъ разгнѣванъ! Вѣроятно, виною тому опять письмо, принесенное тебѣ невольникомъ отъ него... отъ императора? Ахъ, приходившія раньше посланія изъ Галліи такъ часто раздражали тебя! Въ чемъ дѣло?.. Только изрѣдка сообщалъ ты мнѣ кое-что о моемъ...— тутъ Елена улыбнулась съ глубокой грустью—о моемъ «суженомъ», какъ говорятъ звѣзды. Мнѣ слѣдовало бы сердиться на нихъ, на лучезарныхъ. Ихъ отдаленнымъ представленіямъ грядущаго пожертвовалъ ты... да и я сама всей моею жизнью. А между тѣмъ, батюшка, признаюсь тебѣ, я чувствую къ нимъ только одну благодарность. Вѣдь если онѣ не дали мнѣ его, единственнаго, котораго ты научилъ меня любить еще съ дѣтства, прежде чѣмъ я его увидала, и котораго я дѣйствительно

Digitized by Google

ношу въ глубинѣ моего безразсуднаго сердца,—я обязана звѣздамъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что ты никогда не предлагалъ мнѣ насильно другаго искателя руки. И потому я совершенно довольна!—заключила дѣвушка съ прелестной улыбкой.—Повиноваться тебѣ и велѣнію звѣздъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдовать страстному, неразумному влеченію собственнаго сердца,—какая гармоническая счастливая жизнь!

Тутъ Елена присѣла на ложе отца и двѣ слезы показались въ ея темныхъ очахъ. Нѣжно провелъ онъ рукою по ея волосамъ.

— Моя Елена! Жертва звѣздъ? И моей вѣры въ нихъ? И его... дѣйствій наперекоръ звѣздамъ и богамъ? Нѣтъ, такъ не должно, не можетъ быть! Дай мнѣ только пріѣхать въ Византію.

— А что пишетъ онъ... императоръ?—стыдливо поправилась она.—Можно спросить тебя?

Лизій тщательно спряталъ письмо въ складки своей одежды.

— Онъ пишетъ, — да, онъ пишетъ... что чувствуетъ себя ужасно одинокимъ въ своемъ вдовствѣ и не можетъ оставаться не женатымъ. Пишетъ, что ему необходимо наполнить пустоту въ своемъ сердцѣ любовью къ другой женщинѣ, ко второй Еленѣ...

— О, мой отецъ! — чуть слышно произнесла дѣвушка, краснѣя все больше и больше, тогда какъ въ ея обыкновенно печальныхъ глазахъ засвѣтилась блаженная надежда. — Такъ, значитъ, твои звѣзды все таки...

— Разумѣется! Онѣ никогда не лгутъ. О, дивное созданіе! Еслибъ Юліанъ увидалъ тебя теперь похорошѣвшей, прояснѣвшей отъ этого отблеска надежды, онъ не могъ бы устоять противъ такой прелести! Я отправляюсь къ нему въ Византію; онъ назначаетъ меня на важныя должности. Тамъ я присмотрюсь къ нему, узнаю его намѣренія и рѣшу: наступило ли время показать ему тебя. А какъ только найду, что благопріятный часъ насталъ, то немедленно призову тебя, дитя мое, къ счастію и блеску. Прощай! Я сегодня же отправляюсь въ путь.

Лизій поцѣловалъ чело дочери и отпустилъ ее.

— Гмъ!—произнесъ онъ, смотря ей вслѣдъ.—Теперь еще, конечно, слишкомъ рано. Сначала я долженъ опять вполнѣ

Digitized by Google

подчинить себѣ душу Юліана и дознаться, точно ли «безсмертная» любовь къ первой Еленѣ все еще живетъ въ немъ. Предсказаніе звѣздъ можетъ оправдаться, не смотря ни на что, во второмъ бракѣ. Можетъ? Нѣтъ, такъ должно быть! Клянусь великимъ Озирисомъ мемфисскимъ, что это осуществится.

V.

Тѣмъ временемъ юный властелинъ сталъ выказывать въ Византіи ту неутомимую плодотворную дѣятельность по всѣмъ отраслямъ государственной жизни, которая вызывала восторженныя похвалы его почитателей, въ то же время непріятно изумляя противниковъ Юліана. Безчисленныя жалобы угнетенныхъ и терпѣвшихъ несправедливыя притѣсненія отъ орудій правительственной власти въ лицѣ Эвзебія и прочихъ придворныхъ евнуховъ принудили Юліана нарядить судъ для разслѣдованія этихъ обвиненій и наказанія виновныхъ. Онъ перенесъ судебныя засѣданія внѣ вліяній столицы въ ближній Халкедонъ. Въ числѣ шести членовъ суда находилось двое германцевъ; но еще раньше августъ назначилъ одного изъ нихъ—консуломъ на будущій годъ. Іовіанъ былъ удивленъ, заглянувъ въ списокъ судей.—Какъ?—спросилъ онъ,—ты назначилъ двоихъ германцевъ членами уголовнаго суда, а одного изъ нихъ—консуломъ? Неужели слова Серапіона о германскомъ преобладаніи въ государствѣ должны оправдаться?

— Чѣмъ же я виноватъ,—возразилъ Юліанъ, — что они болѣе другихъ заслуживаютъ такой чести?

— А это что значитъ?—продолжалъ римлянинъ:—Барбаціо, твой заклятый врагъ и другъ обвиняемыхъ, также попалъ въ число ихъ судей.

Императоръ кивнулъ головой въ знакъ согласія:

— Пусть не говорятъ, что я назначилъ своихъ друзей—судьями своихъ враговъ. Что тамъ такое?—съ этими словами онъ взялъ изъ рукъ вошедшаго вольноотпущенника письменный свитокъ, распечаталъ его и сталъ читать: «Великій императоръ! Одинъ изъ твоихъ злѣйшихъ противниковъ, пожалуй, самый худшій послѣ Эвзебія, префектъ Флоренцій ускользнулъ отъ тебя. Охотно открою я тебѣ, даже не требуя награды, его убѣжище. Онъ скрылся въ базиликѣ святаго...»

Digitized by Google

— Что ты дѣлаешь, августъ? — воскликнулъ удивленный Іовіанъ.

— Я разрываю доносъ, чтобъ не подвергнуться искушенію узнать то мѣсто, которое мнѣ указываютъ. Но послушай однако. Скажи судьямъ, что я требую, чтобы и противъ Эвзебія было начато судебное слѣдствіе.

— Но вѣдь онъ уже давно похороненъ.

— Все равно. Необходимо доказать, былъ ли онъ повиненъ смерти, или нѣтъ. Я не хочу, чтобъ мои подданные говорили между собою потихоньку, будто бы онъ прибѣгнулъ къ яду изъ страха передъ мною, а не передъ правосудіемъ!

Верховный судъ произнесъ смертный приговоръ восьмидесяти обвиняемымъ,—«многоглавой гидрѣ»,—какъ выразился Юліанъ; при этомъ трое изъ нихъ и въ томъ числѣ Эвзебій были приговорены къ сожженію живыми. Юліанъ помиловалъ всѣхъ, кромѣ Эвзебія и еще зачинщика мятежа, вспыхнувшаго за спиной императора въ Аквилеѣ. Послѣдній былъ приговоренъ къ обезглавленію мечемъ. Въ то время молодаго императора уговаривали со всѣхъ сторонъ, даже по уважительнымъ причинамъ, не ограничиваться наказаніемъ придворныхъ злодѣевъ, но отставить отъ должностей также и въ провинціяхъ главныхъ столповъ ниспровергнутаго правительства, жестоко злоупотреблявшихъ своею властью и бывшихъ въ то же время непримиримыми противниками самого Юліана. Однако августъ возразилъ на это:—Милостью боговъ я былъ избавленъ отъ необходимости проливать римскую кровь въ сраженіи. Неужели мнѣ начать кровопролитіе на эшафотѣ?—Онъ отвергъ всѣ обвиненія этого рода, исключая трехъ: Гауденція, тайный писецъ; затѣмъ сынъ Марцелла и намѣстникъ Африки, которые, послѣ въѣзда Юліана въ Византію, хотѣли взбунтовать противъ него эту провинцію, были казнены. Двоихъ военныхъ трибуновъ, приговоренныхъ къ смерти за такое же покушеніе, императоръ помиловалъ, замѣнивъ имъ ссылкой смертную казнь.

Кромѣ того, начато было преслѣдованіе противъ фальшивыхъ монетчиковъ и другихъ лицъ, виновныхъ въ различныхъ злоупотребленіяхъ по должности.

Въ то же время Юліанъ очищалъ и уменьшалъ придворный штатъ, составъ котораго былъ до того великъ, что при окончательномъ его сокращеніи бережливый императоръ могъ

Digitized by Google

сложить со своихъ подданныхъ пятую часть государственныхъ налоговъ. По словамъ современниковъ, число уволенныхъ имъ поваровъ, стольниковъ и кравчихъ доходило до тысячи; столько же было отставлено парикмахеровъ и другихъ служащихъ; сверхъ того, онъ прогналъ всѣхъ евнуховъ, шпіоновъ, вѣдавшихъ дѣла объ «оскорбленіи величества», всѣхъ тайныхъ стряпчихъ и доносчиковъ, которые шмыгали въ дворцовыхъ прихожихъ и осаждали каждаго посѣтителя вопросами, не нужно ли ему вести процессъ, или преслѣдовать врага на законномъ основаніи. Вліяніе, которымъ пользовались эти люди у Эвзебія, служило порукой удачи для ихъ кліентовъ; конечно, за такія мѣропріятія новаго императора благословляли милліоны провинціаловъ, изнемогавшихъ подъ тяжестью налоговъ, но уволенные имъ сплотились между собою съ злымъ намѣреніемъ повредить его популярности.

— Онъ не признаётъ никакого кулинарнаго искусства,— жаловался главный поваръ.—Онъ совсѣмъ не имѣетъ понятія о томъ, что значитъ ѣсть. Голодать, а потомъ въ полной разсѣянности наскоро проглотить кусочка два мяса, не заботясь о томъ, вкусны они или нѣтъ, — вотъ это его дѣло; я даже видѣлъ, какъ онъ ѣлъ сухой хлѣбъ. Низкій лицемѣръ! Это ужь совсѣмъ изъ рукъ вонъ.

— Въ винѣ онъ также не знаетъ никакого толку,—негодовалъ главный начальникъ императорскаго погреба.—Онъ даже не замѣтилъ, когда въ день его рожденія я поставилъ ему, ради праздника, настоящаго вина вмѣсто поддѣланнаго мною, которое я подаю каждый день. Такой человѣкъ не можетъ быть императоромъ!

Однажды Юліанъ потребовалъ къ себѣ придворнаго цирульника, такъ какъ его небритая борода смущала даже благонамѣренныхъ византійцевъ. Въ императорскіе покои тотчасъ вошелъ важный господинъ въ роскошномъ одѣяніи.

— Э!—воскликнулъ пораженный повелитель,—я потребовалъ брадобрѣя, а ко мнѣ является патрицій. Скажи-ка, покровитель моей бороды, сколько платитъ тебѣ ежегодно государство за твое ремесло?

— За мое искусство, императоръ?..

— Какое такое искусство?

— А развѣ брадобрѣйство не искусство? Попробуй-ка самъ приняться за него, августъ.

Digitized by Google

— Я побѣжденъ. Но скажи, сколько получаешь ты содержанія?

— Ежедневно по двадцати пайковъ, по моему выбору, кушаньемъ и виномъ или деньгами; ежедневно столько же пайковъ корма для лошадей и пятьдесятъ два фунта серебра ежегоднаго жалованія, исключая платы за каждое бритье.

— Ну,—улыбнулся Юліанъ,—лучше ступай изъ дворца и не возвращайся болѣе. А если тебѣ когда нибудь понадобится брадобрѣй, то сдѣлай милость пошли за мною; я возьму съ тебя дешевле. Выведи этого важнаго господина вонъ, Орибазій, и позови Боконія, чтобъ онъ подровнялъ мнѣ бороду мечемъ, какъ бывало въ походѣ.

VI.

Юліанъ собирался обсудить вмѣстѣ съ Лизіемъ трудные и обширные проэкты законовъ по введенію вновь почитанія древнихъ боговъ—«эллинизма», какъ онъ официально называлъ очищенную языческую вѣру. Однако, хитрый жрецъ заставилъ себя долго ждать, разсчитывая на то, что Юліанъ тѣмъ болѣе будетъ желать его пріѣзда и чувствовать необходимость присутствія своего руководителя. Но на этотъ разъ Лизій пересолилъ въ своей хитрости или, скорѣе, не принялъ въ разсчетъ нетерпѣливости Юліана. А между тѣмъ юный императоръ почти исключительно былъ поглощенъ вопросомъ о введеніи новой религіи. Каждый день промедленія казался ему неблагодарностью противъ боговъ, и такъ какъ ожидаемый совѣтникъ все еще не являлся, то Юліанъ обошелся безъ его совѣтовъ. По прибытіи Лизія, онъ изложилъ ему уже готовые проэкты. Съ гнѣвомъ понялъ жрецъ свою ошибку; до окончательнаго рѣшенія, бывшій ученикъ выслушалъ бы отъ него кое-что, но теперь, когда все было выработано уже имъ самимъ, всякое существенное измѣненіе, предложенное Лизіемъ, было бы принято за обиду самолюбивымъ властелиномъ. Такимъ образомъ, жрецу не оставалось ничего болѣе, какъ согласиться со всѣмъ, что было придумано Юліаномъ, хотя бо́льшая часть его плановъ возбуждала сильнѣйшее негодованіе старика. Когда же онъ позволилъ себѣ возразить кое-что относительно существенныхъ пунктовъ, то къ своему ужасу убѣ-

Digitized by Google

дился, что долгіе годы разлуки сдѣлали изъ мальчика—зрѣлаго мужа, изъ ученика—высоко мнящаго о себѣ ученаго, а, главное: привыкшаго къ безпрекословному послушанію юношу обратили въ цезаря и императора. Въ глухомъ, безсильномъ бѣшенствѣ удалился Лизій вечеромъ послѣ первой бесѣды съ Юліаномъ на свою квартиру, возлѣ купаленъ Константина.

— «Мои рѣшенія неизмѣнны»,—такъ хвастался этотъ богоотступникъ въ пурпурѣ,—съ гнѣвомъ повторялъ про себя жрецъ.—Неизмѣнны? Вотъ какъ! Посмотримъ, нельзя ли будетъ ихъ измѣнить въ исполненіи, согласно волѣ боговъ и моей собственной. Примѣнять ихъ онъ поручаетъ мнѣ, а вѣдь Юліанъ не можетъ быть вездѣсущимъ въ своемъ государствѣ. Неужели галилеяне должны избѣжать всякаго наказанія за прошлое? Нѣтъ, великіе боги, я поклялся отмстить за васъ и сдержу свою клятву съ согласія ли императора, или вопреки ему. А мой Египетъ? Вѣдь я такъ ясно давалъ понять Юліану, что онъ долженъ послать меня туда, какъ своего намѣстника во всѣхъ дѣлахъ религіи и государства. Но онъ уклонился отъ этого, не хотѣлъ меня понять. Однако я заставлю его покориться; я подниму такую бурю въ странѣ, которую отлично знаю и гдѣ господствую, что онъ будетъ умолять меня Изидой и Озирисомъ, чтобъ я отправился туда для возстановленія порядка,—и тогда на мнѣ исполнится предсказаніе звѣздъ, что я буду «царственнымъ жрецомъ Египта».

И онъ достигъ отчасти своей цѣли, склонивъ императора облечь его такою властью въ Египтѣ, Киликіи и прочихъ провинціяхъ востока, что ему было предоставлено здѣсь, согласно эдикту Юліана, распространявшемуся на всю имперію, требовать обратно отъ христіанъ полученное ими во владѣніе церквей имущество языческихъ храмовъ и капищъ, зѣмли, зданія, деньги и драгоцѣнности, пожертвованныя христіанскимъ общинамъ въ царствованіе Констанція. Напрасно предостерегалъ Серапіонъ своего царственнаго друга отъ такого необдуманнаго рѣшенія. Юліанъ ограничился только запретомъ наказывать христіанъ, оставивъ за Лизіемъ право требовать съ нихъ возмѣщенія убытковъ и производить слѣдствія по дѣламъ этого рода. По прибытіи въ Византію, юный императоръ прежде всего приказалъ разрушить и срыть до основанія монастырь «Хагіонъ», гдѣ провелъ молодость, а на мѣстѣ его выстроить

Digitized by Google

храмъ Весты. Онъ подражалъ христіанамъ въ томъ, что заботился о поддержкѣ и распространеніи благотворительныхъ учрежденій: пріютовъ для вдовъ и сиротъ, а также странноприимныхъ домовъ — ксенодохіумовъ—гдѣ безплатно призрѣвались всѣ пришельцы безъ различія религіи. Далѣе, онъ издалъ строгій эдиктъ противъ гетеръ и требовалъ отъ языческихъ жрецовъ и жрицъ такой же чистоты нравовъ, какая предписывалась христіанскому духовенству. Но съ особеннымъ рвеніемъ принялся «возстановитель боговъ» за возстановленіе въ своемъ государствѣ культа красоты, который, вмѣстѣ съ почитаніемъ олимпійцевъ, придавалъ столько поэзіи и блеска всей жизни древнихъ эллиновъ и римлянъ. Все безобразное, грубое, мрачное отталкивало отъ себя художественную натуру Юліана.

Въ ту эпоху собственно о «христіанскомъ» искусствѣ не могло быть и рѣчи. Молитвенные дома и «базилики» предназначались первоначально для практическихъ цѣлей. Ни христіанской музыки, ни христіанской живописи тогда еще не существовало, не говоря уже о скульптурѣ. Послѣдняя отрасль пластическаго искусства находилась въ полномъ загонѣ, потому что у христіанъ долгое время строго запрещалось изображеніе обнаженнаго человѣческаго тѣла, какъ источникъ соблазна. Въ ожесточенной борьбѣ съ языческимъ міромъ послѣдователи новой религіи, стремясь ко всеобщему очищенію нравовъ, ревностно уничтожали въ послѣднее царствованіе всѣ произведенія античнаго искусства: статуи боговъ и богинь, рельефы, мозаики, картины, однимъ словомъ, все, напоминавшее язычество. Съ неуклонной строгостью приказывалъ Юліанъ разслѣдовать всѣ дѣла о подобныхъ опустошеніяхъ, заставляя возстановлять уничтоженное на счетъ виновныхъ. Но бо̀льшая часть этихъ сокровищъ искусства, разумѣется, безвозвратно погибла. На улицахъ и въ окрестностяхъ Византіи, какъ и во всѣхъ городахъ, которые онъ посѣтилъ въ послѣдніе годы, отъ Парижа и Вѣны до береговъ Босфора, Юліанъ съ глубокой грустью видѣлъ въ открытыхъ вновь по его повелѣнію храмахъ опустѣлые ниши и постаменты, откуда исчезли украшавшія ихъ цѣнныя художественныя произведенія; видѣлъ разрушенные алтари и колонны, поврежденныя ударами топора. Также и въ рощахъ, и въ общественныхъ купальняхъ, и въ гимназіяхъ городовъ ча-

Digitized by Google

сто не оказывалось статуй и другихъ предметовъ искусства, объ уничтоженіи или удаленіи которыхъ свидѣтельствовали оставшіеся слѣды и жалобы возвратившихся жрецовъ. Ревностный поклонникъ боговъ, искусства и художниковъ не жалѣлъ денегъ изъ государственной казны для пополненія этихъ пробѣловъ и возмѣщенія потерь. Значительная экономія, достигнутая имъ при сокращеніи придворнаго штата и другихъ излишнихъ расходовъ, облегчала императору эту задачу. Однако, тонкому цѣнителю искусства приходилось горько жаловаться еще на одно немаловажное обстоятельство—на недостатокъ художниковъ. Еслибъ страстное безуміе не ослѣпляло его проницательнаго ума въ главномъ вопросѣ,—въ преобладающей трагической борьбѣ его жизни,—онъ понялъ бы нравственную невозможность возстановленія старыхъ боговъ уже изъ того, что теперь, не смотря на все покровительство императора, на поощреніе почестями и деньгами, нигдѣ не находилось болѣе истинно художественныхъ силъ къ услугамъ олимпійцевъ и художественнаго вкуса повелителя.

Старые боги умерли! И умерло набожное вдохновеніе, служившее имъ въ искусствѣ. Бездарности, подражатели, поклонники вычурности кидались во множествѣ на соблазнительные, щедро оплачиваемые заказы; эти подонки художественнаго міра вскорѣ сдѣлались необыкновенно заносчивы и жадны къ золоту, но истинныхъ художниковъ не появлялось. Въ грустномъ настроеніи вошелъ однажды Юліанъ въ свою «галерею искусствъ», во дворцѣ, чтобы взглянуть на выставленныя здѣсь жалкія произведенія этихъ мастеровъ, исполненныя по его послѣднему заказу, какъ вдругъ взглядъ императора упалъ на статую, какъ будто скромно притаившуюся въ уголку. То было дивное изваяніе Венеры. Удивленный августъ съ восхищеніемъ подошелъ ближе и тутъ увидалъ высовывавшуюся на половину изъ-подъ пьедестала узкую полоску папируса. Движимый любопытствомъ, онъ наклонился, чтобъ выдернуть ее оттуда, и прочиталъ на ней слѣдующую надпись: «Своему спасителю спасенная Венера Арлейская».

— Артемидоръ!—радостно воскликнулъ Юліанъ.—Да, дѣйствительно. Разумѣется, это лишь копія со статуи высокой богини, но какъ она прекрасна. Артемидоръ! Я приказывалъ разыскивать его повсюду, чтобы сдѣлать своимъ помощникомъ

Digitized by Google

въ каждомъ предпріятіи, касавшемся интересовъ красоты. Но его нигдѣ нельзя было найти. Гдѣ же онъ скрывается?

— Здѣсь,—отозвался пріятный ласковый голосъ и изъ-за темножелтаго занавѣса колоннады выступилъ красивый молодой коринѳянинъ.

Юліанъ поспѣшилъ къ нему и схватилъ его за обѣ руки.

— Наконецъ-то я тебя дождался! Зачѣмъ ты такъ долго медлилъ пріѣхать ко мнѣ?

— Искусству не подобаетъ являться къ повелителямъ съ пустыми руками, а тѣмъ болѣе намъ художникамъ. Намъ слѣдуетъ давать, а вамъ—съ благодарностью принимать отъ насъ. Пусть лучше государи будутъ неблагодарными, чѣмъ мы, художники, покажемся навязчивыми. Моя работа не была еще готова. Вѣдь мнѣ приходилось копировать дивный образецъ издали, по памяти и по эскизамъ, набросаннымъ на скорую руку во время путешествія. Это лишь подражаніе. Но, по моему, кто не можетъ создать совершеннаго оригинала, тому лучше добросовѣстно копировать чужую совершенную работу, чѣмъ самостоятельно творить уродливое. Такимъ образомъ, эпигоны должны довольствоваться немногимъ. Я дарю тебѣ прекрасную богиню, государь.

Юноша граціозно и гордо поклонился, послѣ чего повернулся, чтобы уйти. Но Юліанъ успѣлъ схватить его за плащъ; при этомъ ему бросилось въ глаза, что и верхняя, и нижняя одежда художника были очень ветхи и поношены.—Постой, пріятель!—произнесъ августъ.—Горе тому, кому являются боги, а онъ даетъ имъ ускользнуть. Съ этихъ поръ ты преспокойно останешься при мнѣ, пока твой богъ... Который изъ нихъ особенно покровительствуетъ тебѣ?

— Фебъ-Аполлонъ.

— Ну, пока нашъ богъ придетъ за тобою. У меня видимо-невидимо работы для тебя. Я могу возстановить только господство боговъ, а тебѣ предстоитъ возстановленіе ихъ красоты. Безчисленное множество пустыхъ храмовъ ожидаетъ, чтобъ ихъ наполнили, а тоскующіе постаменты жаждутъ возвращенія своей прекрасной ноши. Какъ у меня есть старшіе въ войскѣ, такъ и ты долженъ быть у меня старшимъ въ искусствѣ: мой «magister artium», наряду съ «magister militum». Итакъ, за дѣло! Твори самъ, копируй чужое! Разыскивай повсюду уве-

Digitized by Google

зенныхъ боговъ,—до подземелій базиликъ,—отыскивай обезображенныхъ богинь. Онѣ должны быть возстановлены тобою въ ихъ дѣвственной непорочности и женственной прелести. Даю тебѣ неограниченное полномочіе—воскресить царство прекраснаго на землѣ! Покупай, отчуждай, черпай полными руками изъ моей казны. Пускай съ правдою и силою сочетается красота! Римскій мечъ долженъ быть украшенъ у меня вѣнкомъ эллинской прелести. Говори, что тебѣ надо, прежде всего? Сколько сотенъ тысячъ солиди? Но... самъ ты смотришь такимъ жалкимъ, нуждающимся, а между тѣмъ я слышалъ... мнѣ говорили... что ты сынъ богатѣйшаго купца въ Коринѳѣ?

— Былъ, но теперь...

— Ну, что жь теперь?

— Мой отецъ... онъ такъ набоженъ. Епископъ Коринѳа—его родной братъ... онъ хочетъ, чтобъ это богатство перешло къ его церкви.

— Въ чемъ же дѣло?

— Отецъ... отвергъ меня и лишилъ наслѣдства.

— За что?

— За то, что я не отрекся отъ прекрасныхъ боговъ; а я не могу этого сдѣлать! Лучше умереть съ голоду и подвергнуться отеческому проклятію. — Слезы выступили на темныхъ глазахъ юноши; онъ пошатнулся.

— Прости мнѣ мою слабость. Причина ея—нужда. Послѣднюю монету я отдалъ на дняхъ носильщикамъ, которые доставили богиню въ твой дворецъ.

Юліанъ подхватилъ на руки юношу, готоваго лишиться чувствъ отъ истощенія силъ.

— Утѣшься, Артемидоръ! Если отецъ отвергъ тебя изъ-за боговъ, то ради нихъ я принимаю тебя своимъ сыномъ. Пойдемъ со мною, сначала въ дворцовыя купальни, а потомъ къ вечернему столу, въ украшенную изображеніями боговъ пиршественную залу. Тамъ, на ихъ глазахъ, мы будемъ составлять планы, какимъ образомъ снова наполнить опустѣвшіе храмы и рощи торжествующей красотой. Тебѣ, любезный сынъ, предоставляю я, какъ своему намѣстнику въ сферѣ прекраснаго, все мое государство отъ Рейна до Нила, отъ отдаленнѣйшихъ Атропатеновъ до туманнаго берега Британіи. Все это неизмѣримое пространство, котораго я не могъ прежде охва-

Digitized by Google

тить своимъ разумомъ, стало теперь моимъ, чтобы я могъ осчастливить его! Пока оно еще обезображено, но ты долженъ опять украсить мнѣ его.

VII.

Юліанъ стоялъ на высотѣ блеска своего царствованія. Византійскій народъ боготворилъ своего императора: какъ только онъ показывался на улицахъ, его привѣтствовали восторженные клики: «Да здравствуетъ Юліанъ! Ты снова вернулъ на землю изгнанныхъ боговъ, а вмѣстѣ съ ними счастіе, радость, наслажденіе жизнью»! — Негодующіе христіане покинули городъ и отдалялись отъ двора или же скрывали свое недовольство; государственные чиновники изо всѣхъ провинцій доносили,—разумѣется, часто прикрашивая истину и стушевывая все неутѣшительное,—о восторженномъ настроеніи жителей по поводу новыхъ мѣропріятій повелителя. На всѣхъ границахъ, даже германскихъ, по Рейну и Дунаю, господствовало полное спокойствіе; варвары, устрашенные побѣдами Юліана и его счастливой звѣздой—прекратили свои набѣги; даже изъ Персіи приходили извѣстія, что царь Сапоръ отправилъ въ Византію посольство съ мирными предложеніями.

Однако, прошло немного времени, и вопросы науки и вѣры отошли для императора на задній планъ, оттѣсненные новыми заботами. Его пребываніе въ Византіи приходило къ концу. То, что̀ занимало Юліана болѣе всего вслѣдъ за прибытіемъ въ столицу востока и что̀ принуждало его теперь покинуть ее, была неизбѣжность новой войны съ персами. Еще въ февралѣ созвалъ онъ своихъ полководцевъ во дворецъ въ Византіи и просилъ Іовіана изложить передъ этимъ военнымъ совѣтомъ давно составленный отчетъ по предстоящему важному вопросу.

— Въ случаѣ, если боги не допустятъ меня завершить самому этотъ походъ,—сказалъ онъ при открытіи засѣданія,—я желаю, чтобъ Іовіанъ довелъ его до конца; онъ долженъ быть моимъ преемникомъ и въ этомъ. Начинай, magister militum!

Тогда Іовіанъ изложилъ слѣдующее:

— Я напомню вкратцѣ обстоятельства, предшествовавшія настоящему походу. «Царь царей, сотоварищъ звѣздамъ»,—какъ

Digitized by Google

онъ называетъ себя,—Сапоръ, сынъ Гормизды, полновластно господствуетъ уже много лѣтъ надъ неизмѣримыми пространствами земли на дальнемъ востокѣ. Послѣднія были постепенно покорены древнимъ персидскимъ государствомъ или принуждены платить ему дань и поставлять войска. Царь этотъ былъ коронованъ еще прежде своего рожденія. Послѣ смерти его отца, маги увѣрили народъ, что ребенокъ, который долженъ родиться у овдовѣвшей царицы, будетъ мальчикомъ. Это возвѣстили имъ звѣзды. Послѣ того, царица въ полномъ царскомъ облаченіи была привезена въ пурпурной колесницѣ, запряженной ручными львами, въ средину собравшагося войска. Маги возложили осыпанный жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями вѣнецъ умершаго супруга ей на чрево и всѣ сатрапы и полководцы, цари и князья покоренныхъ царствъ, а вмѣстѣ съ ними многіе десятки тысячъ воиновъ, опустились на колѣни и принесли своему еще не родившемуся государю присягу вѣрности. И, дѣйствительно, Сапоръ сдѣлался великимъ владыкой! Почти еще мальчикомъ укротилъ онъ и покорилъ разбойниковъ-арабовъ въ пустынѣ на своей южной границѣ, а вскорѣ завоевалъ сосѣднюю страну на сѣверѣ,—Арменію, царство асакидовъ, которые долгое время были нашими вѣрными союзниками. Послѣ того, великій царь немедленно пошелъ на наши пограничныя земли; отъ своей гордой столицы Ктезифона на Евфратѣ—до воротъ Антіохіи носилъ онъ свое оружіе годы и десятки лѣтъ. Напрасно пытался Констанцій положить предѣлъ его набѣгамъ въ девяти кровавыхъ сраженіяхъ: римскіе легіоны каждый разъ бывали разбиты, а хуже всего при Сингарѣ, гдѣ императоръ самъ командовалъ войскомъ. Въ непомѣрно кичливомъ посланіи—оно было обернуто въ пурпуровый шолкъ и написано золотыми чернилами—потребовалъ послѣ того «братъ мѣсяца и солнца», въ качествѣ потомка Дарія Гистаспа, чтобы ему были уступлены всѣ римскія владѣнія въ Азіи, а также и въ Европѣ...

— Погоди,—гнѣвно прервалъ тутъ говорившаго Юліанъ,—за Тигръ, за Индъ, до самаго Ганга прогоню я его, великаго царя хвастуновъ!

— Въ видѣ особой милости, — продолжалъ, между тѣмъ, докладчикъ, — Сапоръ соглашался, однако, удовольствоваться только уступкой ему всей Арменіи и Мессопотаміи, но даже и

Digitized by Google

для Констанція это показалось уже черезчуръ наглымъ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, персидскій царь немедленно выступилъ въ походъ во главѣ сотенъ тысячъ войска, сопровождаемый двадцатью подвластными ему царями востока. Онъ разбилъ сильнѣйшую изъ нашихъ крѣпостей въ тѣхъ мѣстахъ,—Амиду; затѣмъ Сингару и Бецабду, послѣ чего увелъ съ собою пять римскихъ легіоновъ военноплѣнными въ самую глубь Парѳіи. Напрасно Констанцій самъ выступилъ противъ него, чтобы отвоевать обратно Бецабду. Послѣ долгой осады, августъ былъ принужденъ отступить до Антіохіи. Ободренные такими побѣдами, персы доходили изъ своихъ вновь завоеванныхъ владѣній не только до Виѳиніи на сѣверѣ, но даже напали однажды на Антіохію, роскошную столицу Сиріи, и разграбили ее. На югѣ они купали своихъ парѳянскихъ коней напротивъ Византіи, въ водахъ Пропонта, и грозили въ слѣдующій разъ переправиться черезъ проливъ на нашихъ собственныхъ корабляхъ, чтобы завоевать городъ великаго Константина. Въ такомъ положеніи остались дѣла послѣ смерти нашего императора Констанція.

— Какое униженіе!—воскликнулъ Юліанъ.—Хорошо! мы отмстимъ за это. Александръ доказалъ, какъ далеко, даже на востокѣ, можетъ проникнуть воля героя. Какъ? Съ самаго дальняго юга, изъ Африки отъ мавровъ, съ сѣвера отъ босфорановъ, съ востока—изъ Арменіи; даже изъ Индіи и съ острова Тапробана,—который, какъ говорятъ, блистаетъ въ морѣ, подобно аамазу, на самой дальней восточной окраинѣ земли,—стекались ко мнѣ посланники, принося почтительныя привѣтствія царству римлянъ, а его государю богатые дары; и вдругъ древне-римскія провинціи должны изъ году въ годъ подвергаться нашествіямъ парѳянскихъ всадниковъ? Нѣтъ, клянусь Марсомъ-мстителемъ! Хотя, при извѣстіи, что у Констанція появился преемникъ совсѣмъ... инаго закала, Сапоръ и отправилъ посольство, желая начать переговоры о мирѣ, однако я приказалъ передать этому наслѣднику Кира и Ксеркса, что мнѣ не нужно ни посланниковъ, ни писемъ, такъ какъ я самъ въ скоромъ времени явлюсь въ его дворецъ въ Ктезифонѣ.

— Но,—вмѣшался Іовіанъ,—если, путемъ мирныхъ условій Сапора, можно будетъ склонить къ тому...

Юліанъ съ горячностью вскочилъ при этихъ словахъ.—

Digitized by Google

Нѣтъ, magister militum, я ничего не хочу слышать о договорахъ и соглашеніяхъ. Сначала побѣда, блестящая побѣда, сначала полное униженіе великаго болтуна, а потомъ, когда онъ станетъ просить о мирѣ, пожалуй, можно позволить, чтобы этотъ нахалъ, подъ обезпеченіе заложниками, поклялся никогда больше не переступать нашей границы, отодвинутой дальше моими побѣдами. О, друзья мои! Въ мои годы македонянинъ уже успѣлъ покорить персовъ; неужели римляне должны остаться позади грековъ? Да и самъ я не желалъ бы далеко отстать отъ сына Филиппа. Дикихъ аламановъ и франковъ мы разбили на Рейнѣ,—неужели намъ не справиться съ изнѣженными жителями востока? Положимъ, мнѣ недостаетъ Буцефала и я не вѣрю въ то, что я сынъ Зевса-Аммона, однако непобѣдимые боги витаютъ и вокругъ моего шлема. «Юліанъ Персикусъ, Парѳикусъ!» кажется, это звучитъ недурно. Воспряньте, собратья по оружію, а въ скоромъ времени и сотоварищи по новой побѣдѣ. Горе тебѣ, Азія!—римскій орелъ летитъ въ твою сторону. Всѣ боги, которые вели войска эллиновъ къ побѣдѣ, и при Марафонѣ, и при Саламинѣ, и въ Арбелѣ, будутъ сопутствовать также и намъ!

Большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного была рѣшена война противъ персовъ; пламенный энтузіазмъ Юліана увлекъ собраніе. Только Іовіанъ предлагалъ предварительно вступить въ переговоры съ Сапоромъ. Его предложеніе было единодушно отвергнуто. Передъ уходомъ, онъ сказалъ императору:—Желаю тебѣ отъ души одержать твою первую побѣду надъ персами, какъ желаю и дальнѣйшихъ побѣдъ оружію римлянъ. Мои добрыя пожеланія пригодятся Юліану. Другъ! Вѣдь ты едва ли подозрѣваешь, какъ далекъ путь до Ктезифона; я же разсчиталъ его. А дорога обратно будетъ еще длиннѣе дороги впередъ.

— Для меня нѣтъ отступленія въ этой войнѣ.

— Хорошо, еслибъ твои слова не сдѣлались дурнымъ пророчествомъ!

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Два стихотворенія.

(А. Шопенгауэра).

Къ Канту [1]).

Я смотрѣлъ за тобой въ голубыхъ небесахъ,
Въ голубыхъ небесахъ пропадалъ твой полетъ;
Я остался одинъ здѣсь, поверженный въ прахъ;
Твое слово мнѣ—щитъ; твоя книга—оплотъ!

Я хотѣлъ оживить мой пустынный пріютъ
Звучнымъ словомъ твоимъ, полнымъ слезъ и огня;
Всѣ мнѣ чужды они, что со мною живутъ;
Жизнь далекой могилой глядитъ на меня... [2]).

(Не окончено авторомъ).

---

[1]) День, когда умеръ Кантъ, былъ такъ безоблаченъ и ясенъ, какъ рѣдко бываютъ у насъ дни; на лазурно-голубомъ небѣ летѣло только маленькое легкое облачко въ зенитѣ. Разсказываютъ, что одинъ солдатъ обратилъ на него вниманіе окружающихъ и сказалъ, что это душа Канта, которая летитъ къ небу. *А. Ш.*

[2]) На этотъ же мотивъ у Э. Золя имѣется прелестное стихотвореніе подъ заглавіемъ «Облачко», которое удачно иллюстрируетъ неоконченные стихи Шопенгауэра. *Переводчикъ.*

Digitized by Google

Къ Сикстинской Мадоннѣ.

Она несетъ Его смиренно міру,
И смотритъ Онъ на этотъ грѣшный міръ,
Тоской, смущеніемъ и ужасомъ объятъ.
Онъ видитъ все: всю суматоху бѣдъ—
И дикое неистовство безумья,
И безъисходное стремленіе надеждъ,
И боль неисцѣлимую мученій.
Все видитъ Онъ; но взоръ Его сіяетъ
Такимъ спокойствіемъ, такой святою вѣрой
И блескомъ торжествующей побѣды,
Что ясно и землѣ, покорной лишь страстямъ,
Что передъ ней спаситель міра—Самъ.

И. Лялечкинъ.

Digitized by Google

РЕФОРМА ПРЕДВАРИТЕЛЬНАГО СЛѢДСТВІЯ.

I.

Всѣ наши «Судебные уставы» императора Александра II, существующіе безъ большихъ перемѣнъ вотъ уже 30 лѣтъ, нуждаются въ серьезной реформѣ. Но въ особенности давно признаётся всѣми необходимость коренной реформы нашего *предварительнаго слѣдствія*. На крупные недостатки предварительнаго слѣдствія согласно указываютъ и наука, и практика.

Главнымъ недостаткомъ нашего предварительнаго слѣдствія считается то, строго проведенное въ относящихся къ слѣдствію законахъ (249—509 ст. уст. угол. судопр.), инквизиціонное, сыскное начало, по которому главная цѣль предварительнаго слѣдствія—добиться законными способами, не прибѣгая ни къ обѣщаніямъ, ни къ угрозамъ, ни къ ухищреніямъ, ни къ вымогательству (405 ст. у. у. с.), *сознанія обвиняемаго*. Такая главная цѣль предварительнаго слѣдствія нерѣдко лишаетъ лицъ, производящихъ слѣдствіе, должной объективности и ставитъ ихъ на скользкій путь, въ смыслѣ легкой возможности увлечься и перейти границу законныхъ мѣръ, которыми слѣдователи обязаны,—по точному выраженію 405 ст. устав. угол. судопроизводства,—домогаться сознанія обвиняемаго. Затѣмъ, вообще, инквизиціонное, сыскное начало противорѣчитъ основному принципу нашихъ судебныхъ уставовъ,—принципу состязательному, принципу равенства и самостоятельности сторонъ передъ судомъ.

Изъ этого же инквизиціоннаго начала вытекаетъ и второй важный недостатокъ нашего предварительнаго слѣдствія,—недопущеніе къ обвиняемому, если онъ въ острогѣ, и вообще къ участію въ предварительномъ слѣдствіи, защитника для руководства обвиняемаго и заступничества за него во время производства слѣдствія. Третьимъ недостаткомъ нашего предварительнаго слѣдствія, исходящимъ изъ того же инквизиціоннаго духа, является полная его замкнутость и невозможность для публики—особенно для прессы—удовлетворять своему совершенно законному любопытству относительно хода слѣдствія и успѣха въ розыскѣ обвиняемыхъ, въ раскрытіи ихъ преступленія. Четвертымъ недостаткомъ предварительнаго слѣдствія должно считать у насъ его медленность, и, наконецъ, пятымъ весьма существеннымъ недочетомъ является у насъ, несообразное ни съ важностью, ни съ трудностью задачъ этого слѣд-

Digitized by Google

ствія, положеніе судебныхъ слѣдователей, какъ самыхъ младшихъ чиновниковъ судебнаго вѣдомства.

Я далекъ отъ мнѣнія, что мнѣ удалось подмѣтить всѣ недостатки нашего предварительнаго слѣдствія, но перечисленные здѣсь представляются мнѣ наиболѣе существенными, наиболѣе понижающими достоинство правосудія въ нашей странѣ. Указываютъ еще и на другіе недостатки нашего предварительнаго слѣдствія, напримѣръ, на несовсѣмъ правильное и неполное участіе экспертизы на предварительномъ слѣдствіи. На этотъ недостатокъ указывалось, между прочимъ, и на послѣднемъ петербургскомъ съѣздѣ врачей, причемъ было признано необходимымъ, въ интересахъ правосудія, домогаться, чтобы экспертамъ-врачамъ, приглашаемымъ къ предварительному слѣдствію (въ случаяхъ насильственной смерти, ранъ, увѣчья, отравленія, изнасилованія, психически-ненормальнаго состоянія обвиняемыхъ и т. п.) были бы открыты для обозрѣнія всѣ акты предварительнаго слѣдствія. Но этотъ недостатокъ представляется мнѣ сравнительно не столь существеннымъ и принципіальнымъ, какъ указанные выше, да и говорить о немъ едва ли не болѣе компетентны врачи, чѣмъ юристы.

II.

По вопросу объ инквизиціонномъ началѣ нашего предварительнаго слѣдствія и недопущеніи къ нему защиты, въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (№№ 336—8 за декабрь 1893 г.) помѣщена весьма обстоятельная статья профессора В. П. Даневскаго, вообще занимающагося изслѣдованіемъ недостатковъ нашего предварительнаго слѣдствія (см. его статью по тому же вопросу въ «Новомъ Времени», за авг. 1893 г.). Профессоръ Даневскій—горячій сторонникъ допущенія защиты къ участію въ предварительномъ слѣдствіи, и притомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, подобно тому, какъ защитники допущены къ предварительному слѣдствію въ Англіи и въ Австро-Венгріи, гдѣ они, наравнѣ съ судебными слѣдователями, участвуютъ во всѣхъ актахъ слѣдствія, какъ самостоятельная и равноправная сторона, собирая данныя и доказательства въ пользу подсудимаго. Громадную пользу для правосудія отъ участія защиты на предварительномъ слѣдствіи почтенный профессоръ видитъ въ томъ, что слѣдователь всегда будетъ имѣть въ виду, что всякое его неправильное и одностороннее дѣйствіе можетъ быть своевременно обжаловано защитникомъ и повлечь за собою предписаніе объ удовлетвореніи ходатайства защиты; что участіе защиты удержитъ во многихъ случаяхъ слѣдователя въ границахъ благоразумія и законности, воспрепятствуетъ ему увлекаться въ сторону обвиненія и вообще вынудитъ слѣдователя относиться къ заявленіямъ защиты со вниманіемъ и осторожностью. Такимъ образомъ, проф. Даневскій предлагаетъ защитѣ такую же роль контролера, наблюдающаго за слѣдователемъ, исправляющаго его ошибки, удерживающаго его отъ увлеченій и пр.,—какая, по нашимъ законамъ, принадлежитъ прокурорскому надзору. Нельзя не при-

Digitized by Google

знать взглядовъ г. Даневскаго весьма гуманными и теоретически-вѣрными, но—увы!—слишкомъ идиллическими. Эти взгляды, къ сожалѣнію, такъ мало имѣютъ общаго съ нашей дѣйствительностью, съ положеніемъ дѣлъ и людей, такъ отзываются незнакомствомъ съ русской жизнью и ея условіями, что остается полюбоваться ими издали и помечтать: какъ было бы хорошо, еслибы могли осуществиться эти идеальныя предположенія. Вѣдь, чтобы допустить такое же широкое участіе защиты въ нашемъ предварительномъ слѣдствіи, какъ въ Англіи или Австро-Венгріи, нужно, чтобы и *защита была у насъ организована надлежащимъ образомъ*, хотя приблизительно также, какъ въ тѣхъ странахъ. Почтенному профессору, очевидно, мало извѣстно, какъ фактически организована у насъ судебная защита,—даже въ мѣстностяхъ, гдѣ достаточно присяжныхъ повѣренныхъ,—если онъ смѣло полагаетъ, что «есть средства и можно устроить» правильную защиту на предварительномъ слѣдствіи даже въ уѣздахъ. Настоящую надежную защиту имѣютъ у насъ только тѣ подсудимые, которые въ состояніи *нанять* себѣ защитника, т. е. самое большее—1% подсудимыхъ. Казенные же защитники, даже изъ присяжныхъ повѣренныхъ, рѣдко бываютъ удовлетворительны, такъ какъ подготовка ихъ къ защитѣ обыкновенно ограничивается прочтеніемъ обвинительнаго акта, да отъ даровато труда нельзя и требовать большой затраты времени и усердія. Притомъ же присяжные повѣренные стараются сплавить достающіяся имъ «казенныя защиты» охочимъ до нихъ молодымъ помощникамъ, ищущимъ ихъ для практики, подобно тому, какъ студенты-медики разыскиваютъ и выпрашиваютъ себѣ въ клиникахъ трупы и на нихъ практически изучаютъ искусство выдергивать больные зубы живымъ. Это—въ большихъ центрахъ, въ столицахъ. А какъ организована защита на выѣздныхъ сессіяхъ, въ уѣздахъ?! Обыкновенно посылается съ судомъ какой нибудь вновь испеченный кандидатъ на судебныя должности, или пара таковыхъ; на нихъ-то и наваливаются всѣ дѣла, по десятку и больше на каждаго. При такихъ условіяхъ, и обвинительныхъ актовъ они не успѣваютъ прочесть, да и не считаютъ это обязательнымъ, а ужь какими демосѳенами выступаютъ они, какъ защитники, какъ къ нимъ относится предсѣдатель и пр., про то лучше и не говорить.

Такъ несовершенно,—чтобы не сказать безобразно,—организована у насъ даже судебная защита, несравненно болѣе важная, чѣмъ предварительная. Нужно сначала организовать какъ слѣдуетъ судебную защиту, сдѣлать ее вполнѣ доступной большинству обвиняемыхъ, не фиктивной и не карикатурной, а потомъ уже и мечтать объ организаціи защиты на предварительномъ слѣдствіи.

Такимъ образомъ, если теперь предоставить защитѣ полное участіе въ предварительномъ слѣдствіи, то это будетъ *фактическая привилегія для богатыхъ подсудимыхъ*, имѣющихъ средства нанять себѣ защитника, а такіе подсудимые наименѣе симпатичны и наименѣе заслуживаютъ привилегіи. Вѣдь это, большею частью, господа изъ типовъ Мироновича, Максименко и т. п. Ожидать отъ наемныхъ защитниковъ подобныхъ состоятельныхъ подсудимыхъ,—хотя бы и отъ присяжныхъ повѣренныхъ,—помощи правосудію едва ли сооб-

Digitized by Google

разно съ логикой вещей. Прежде всего, сами такіе подсудимые, конечно, не для «помощи правосудію» нанимаютъ себѣ защитниковъ: о правосудіи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Да и какъ требовать отъ наемнаго защитника, которому обѣщанъ кушъ за оправданіе подсудимаго, чтобы онъ не старался—если не совершенно запутать это правосудіе, то, по крайней мѣрѣ, ослабить его въ интересахъ своего кліента [1])? Истинный защитникъ только и есть тотъ, кто отдаетъ подсудимому свою душу и готовъ для него на всякія жертвы, даже вплоть до удаленія его,—т. е. защитника,—за горячность изъ залы судебнаго засѣданія. Защитнику же, для котораго оправданіе подсудимаго, хотя бы и вопреки самому примитивному правосудію, есть хлѣбъ насущный, а самое справедливѣйшее осужденіе его равняется полной потерѣ немалыхъ трудовъ и времени, — право, не до правосудія и не до безпристрастія. Наоборотъ, по естественной человѣческой слабости, такому защитнику, хотя бы и присяжному повѣренному, самыя безпристрастныя и справедливыя дѣйствія судебнаго слѣдователя, клонящіяся къ обнаруженію вины его кліента, часто будутъ казаться самыми пристрастными и незаконными, и онъ, участвуя въ предварительномъ слѣдствіи, всѣми силами будетъ стараться отмѣнить или парализировать ихъ. Сколько заведется кляузъ, сколько прибавится слѣдователямъ работы—и притомъ отвлекающей ихъ отъ прямыхъ обязанностей! Вмѣсто того чтобы быть осмотрительнѣе подъ такимъ контролемъ защитника, слѣдователь самъ легко можетъ увлечься борьбою съ нимъ совсѣмъ не въ интересѣ правосудія, а въ интересѣ: чья возьметъ? Поэтому, не смотря на всѣ пространные доводы почтеннаго В. П. Даневскаго, мудрое опасеніе нашего государственнаго совѣта въ мотивахъ къ судебнымъ уставамъ: что на предварительномъ слѣдствіи защитникъ сочтетъ своею обязанностью «противодѣйствовать собиранію обличительныхъ доказательствъ и способствовать обвиняемому къ сокрытію слѣдовъ преступленія», остается до сихъ поръ не поколебленнымъ. Проф. Даневскій и самъ не отрицаетъ возможности высказанныхъ здѣсь опасностей отъ полнаго допущенія защиты на предварительномъ слѣдствіи; на эти же опасности указываетъ и цитируемая имъ весьма разумная статья (юридическая хроника) въ октябрьской книгѣ «Журн. Гражд. и Угол. Права» за 1893 г.; но г. Даневскій въ свое оправданіе ссылается на принципъ, давно уже, по его словамъ, проповѣдуемый профессоромъ петербургскаго университета г. И. Фойницкимъ, по которому если не всѣ могутъ воспользоваться общимъ гражданскимъ правомъ, а только многіе, то справедливѣе и цѣлесообразнѣе предоставить это право «многимъ», чѣмъ отказывать всѣмъ. Но что же это, однако, за буржуазный принципъ? Кажется, именно слѣдуетъ разсуждать наоборотъ. Правосудіе въ особенности должно быть *равно для всѣхъ*: и недостатки, и дурная организація какой нибудь части судебнаго процесса должны и облегчать, и угнетать одинаково всѣхъ, не предоставляя богатымъ людямъ никакихъ особыхъ путей къ освобожденію себя отъ неудобствъ и даже

1) Деньги чего не сдѣлаютъ? Если въ древности говорили: «любовь все можетъ», то теперь по справедливости можно сказать: «деньги все могутъ».

Digitized by Google

страданій, проистекающихъ изъ такихъ недостатковъ. Пусть непріятности эти терпятъ *всѣ одинаково* до тѣхъ поръ, пока государство не найдетъ возможности устроить такъ, чтобы всѣ могли хоть приблизительно-одинаково воспользоваться гарантіями правосудія. Въ противномъ случаѣ, «простому народу» никогда не дождаться равенства передъ закономъ, потому что «многимъ» не будутъ чувствительны эти недостатки, и они не вспомнятъ о другихъ. А вѣдь въ равенствѣ передъ закономъ прежде всего и заключается самая суть свободы. Такъ, по крайней мѣрѣ, училъ насъ—и училъ справедливо—не профессоръ Фойницкій, а уважаемый А. Д. Градовскій.

Такимъ образомъ, до кореннаго преобразованія у насъ судебной защиты и сословія присяжныхъ повѣренныхъ, нечего и думать о предоставленіи нашей защитѣ *полнаго участія* въ предварительномъ слѣдствіи, на англійскій или австро-венгерскій образецъ. Но, кажется, вполнѣ полезно, какъ для правосудія, такъ и для обвиняемаго, и не соединено, съ другой стороны, ни съ какими вышеупомянутыми опасностями, предоставленіе защитнику участія въ предварительномъ слѣдствіи *съ того момента, когда судебный слѣдователь, окончивъ слѣдствіе и приготовивъ его къ сдачѣ прокурору* (на основаніи 476 ст. уст. угол. судопр.) *вызываетъ обвиняемаго* и, предъявивъ ему слѣдственное производство, предлагаетъ чѣмъ нибудь дополнить слѣдствіе или представить еще что либо въ свое оправданіе. Къ этому важнѣйшему заключительному акту, нынѣ обратившемуся у насъ въ пустую формальность,—благодаря тому, что самъ обвиняемый не умѣетъ или не можетъ сразу сообразить, по предъявленіи ему слѣдственнаго производства, чѣмъ бы его можно дополнить въ интересахъ защиты,—должно бы допускать вмѣстѣ съ обвиняемымъ и его защитника, со всѣми правами, присвоенными защитѣ на судѣ. Къ этому же моменту слѣдуетъ и пріурочить назначеніе казенныхъ защитниковъ, которыхъ удобнѣе было бы назначать самому слѣдователю по списку защитниковъ, по очереди.

Защитникъ, допущенный къ предварительному слѣдствію въ этотъ заключительный его моментъ,—когда слѣдователь успѣлъ уже совершенно самостоятельно составить себѣ вполнѣ опредѣленное понятіе о дѣлѣ,—уже не въ силахъ будетъ, при всемъ желаніи и усердіи, побуждаемомъ гонораромъ, сбить слѣдователя съ истиннаго пути и замести добытыя имъ улики противъ обвиняемаго. Пользу же правосудію и самому слѣдователю защитникъ, допущенный къ обозрѣнію оконченнаго и готоваго слѣдственнаго производства, принесетъ существенную, такъ какъ обратитъ вниманіе слѣдователя,—занятаго многими дѣлами и не имѣющаго возможности одинаково внимательно относиться къ законнымъ интересамъ каждаго обвиняемаго,—на собираніе, кромѣ обвинительныхъ уликъ, также и всего того, что можетъ служить къ оправданію обвиняемаго; послѣднюю обязанность возлагаетъ на слѣдователей и самый законъ (265 ст. уст. угол. судопр.). Вотъ здѣсь-то защитникъ есть сотрудникъ и помощникъ слѣдователя, который долженъ удовлетворять законныя требованія защиты о дополненіи слѣдствія новыми доказательствами и отказывать ей въ этомъ не иначе, какъ въ мотивированныхъ по-

Digitized by Google

становленіяхъ; защитнику же должно предоставить право обжалованія окружному суду такихъ постановленій. Едва ли нужно опасаться, что подобный порядокъ увеличитъ медленность производства предварительнаго слѣдствія, такъ какъ сами обвиняемые обыкновенно больше всего тяготятся медленностью слѣдствія и не позволятъ своимъ защитникамъ предъявлять слѣдователю хотя бы и законныя требованія, но могущія надолго затянуть слѣдствіе [1]). Возможныхъ при этомъ злоупотребленій, разумѣется, нельзя принимать въ разсчетъ, такъ какъ если мы не будемъ судить и рѣшать по среднимъ даннымъ, то никогда не придемъ къ опредѣленнымъ и общимъ правильнымъ выводамъ.

III.

Какъ извѣстно, всякое опубликованіе данныхъ и новостей предварительнаго слѣдствія у насъ не только запрещается, но даже составляетъ уголовное преступленіе,—разглашеніе канцелярской тайны, предусмотрѣнное 419 и 421 статьями улож. о наказ. Не говоря уже о томъ, что запрещеніе это не достигаетъ цѣли, потому что тѣмъ или другимъ путемъ какъ ежедневная пресса, такъ и публика разузнаютъ, по особенно сенсаціоннымъ дѣламъ, разныя подробности о розыскахъ обвиняемаго, о его сознаніи или запирательствѣ, о результатѣ обысковъ и пр.; но и самый принципъ—держать въ секретѣ отъ общества данныя предварительнаго слѣдствія—не состоятеленъ и сохраняется лишь какъ наслѣдіе далекаго прошлаго, когда слѣдствія производились въ глухихъ застѣнкахъ, сопровождаемыя пытками, угрозами и пристрастными допросами. Интересъ къ новостямъ, даннымъ и результатамъ предварительнаго слѣдствія,—особенно по сенсаціоннымъ дѣламъ, волнующимъ общество, или по какимъ нибудь тяжкимъ и звѣрскимъ преступленіямъ,—всегда очень силенъ у общества, и въ этомъ интересѣ нѣтъ ничего дурнаго и предосудительнаго. Общество всегда стоитъ за правосудіе; оно привѣтствуетъ успѣхъ слѣдствія и требуетъ кары виновному. Съ другой стороны, опредѣленнаго вреда или опасности отъ опубликованія интересующихъ публику данныхъ предварительнаго слѣдствія—для правосудія нѣтъ. Конечно, отъ слѣдователя всегда требуется извѣстный тактъ и осторожность не сообщать преждевременно никому свѣдѣній, которыми могъ бы воспользоваться обвиняемый или его друзья для сокрытія слѣдовъ преступленія. Безвредность для правосудія

[1]) Кстати, говоря объ участіи защиты на предварительномъ слѣдствіи, не лишнее упомянуть, что законъ нашъ (304 ст. уст. угол. судопр.), допуская потерпѣвшаго къ присутствованію на всѣхъ актахъ предварительнаго слѣдствія съ правами стороны, не допускаетъ къ тому же повѣреннаго потерпѣвшаго, даже присяжнаго повѣреннаго, что совершенно неосновательно и есть большой ущербъ для правосудія, такъ какъ очевидно и безъ особыхъ поясненій, что повѣренный потерпѣвшаго, особенно присяжный повѣренный, есть лучшій помощникъ слѣдователя во многихъ отношеніяхъ, при условіи, конечно, осторожнаго отношенія слѣдователя къ иногда излишнему усердію адвоката потерпѣвшаго.

Digitized by Google

отъ опубликованія данныхъ предварительнаго слѣдствія и удовлетвореніе невиннаго любопытства публики не составляютъ еще главныхъ доводовъ къ отмѣнѣ запрещенія лицамъ, производящимъ слѣдствіе, дѣлиться, посредствомъ ежедневной прессы, съ публикой данными предварительнаго слѣдствія. Дѣло въ томъ, что опытъ западно-европейскихъ государствъ указалъ и немалую положительную пользу для правосудія, для успѣха самаго слѣдствія, отъ опубликованія его данныхъ, особенно въ большихъ городахъ, гдѣ почти всѣ читаютъ газеты. Въ Парижѣ, напримѣръ, гдѣ «хроника преступленій» составляетъ самое любимое газетное чтеніе, ежедневно цѣлые столбцы газетъ, особенно такихъ популярныхъ, какъ l'Eclair, Figaro, l'Intransigeant и др., наполняются подробнѣйшими свѣдѣніями о результатахъ произведенныхъ обысковъ, точными копіями снятыхъ съ обвиняемыхъ, а иногда и со свидѣтелей, допросовъ на предварительномъ слѣдствіи, точною и подробною передачей постановленій слѣдователя и пр.,—и всѣ эти свѣдѣнія и копіи съ показаній газетные репортеры добываютъ открыто, изъ первыхъ рукъ, отъ самихъ производящихъ слѣдствіе полицейскихъ комисаровъ или отъ судебныхъ слѣдователей. Рабочій день тѣхъ и другихъ чиновниковъ неизмѣнно тѣмъ и начинается, что каждаго изъ нихъ интервьюируетъ иногда цѣлый десятокъ газетныхъ репортеровъ и на разные лады собираетъ у нихъ всѣ интересныя новости какого нибудь волнующаго публику громкаго дѣла, выпрашиваетъ позволенія снять копіи съ показаній важныхъ обвиняемыхъ или свидѣтелей и пр. Парижскія газеты не жалуются, чтобы лица, производящія предварительное слѣдствіе, отказывали имъ въ этомъ. Сами же производящіе слѣдствіе увѣряютъ и доказываютъ, что они получаютъ прямую выгоду отъ сообщенія всей читающей публикѣ добытыхъ ими подробностей преступленія, примѣтъ обвиняемаго (если онъ успѣлъ скрыться) его имени и мѣста рожденія, нѣкоторыхъ свидѣтельскихъ показаній и пр., и эту выгоду для слѣдствія они видятъ въ томъ, что весьма нерѣдко, по ихъ словамъ—я, лично, отъ одного французскаго слѣдователя слышалъ это, и то же подтверждали многіе французскіе журналисты—къ слѣдователю являются безъ вызова сами лица, прочитавшія въ газетахъ описаніе преступленія, его обстановку или примѣты преступника,—лица, которыя случайно оказывались прямыми или косвенными свидѣтелями преступленія, или сталкивались, при подозрительныхъ обстоятельствахъ, съ человѣкомъ, по примѣтамъ подходящимъ къ обвиняемому. Но не напомни имъ газета объ этомъ случаѣ, они никогда бы не обратили на него вниманія. Такіе случайные и не званые слѣдователемъ свидѣтели сообщаютъ ему нерѣдко важнѣйшія данныя о преступленіи, даютъ нить къ розыскамъ и иногда, только благодаря ихъ не ожидаемому ни злоумышленникомъ, ни слѣдователемъ содѣйствію, выясняется и получаетъ должное возмездіе преступленіе, совершонное съ самою дьявольскою предусмотрительностью. Такова положительная польза отъ опубликованія интересующихъ публику данныхъ предварительнаго слѣдствія. Нѣтъ основаній думать, чтобы и у насъ не могла получиться, хотя приблизительно, такая же польза для правосудія, вслѣдствіе отмѣны запрещенія сообщать чрезъ газеты данныя предварительнаго

Digitized by Google

слѣдствія. Нужно довѣриться такту и осмотрительности судебнаго слѣдователя, разрѣшая ему сообщать ежедневной прессѣ только такія данныя, которыми преступникъ не могъ бы воспользоваться во вредъ успѣху слѣдствія и правосудію.

IV.

Медленность предварительнаго слѣдствія у насъ до сихъ поръ чрезвычайная. Если ужь защитникамъ въ столичныхъ окружныхъ судахъ, гдѣ предварительное слѣдствіе поставлено безъ сравненія выше, чѣмъ въ провинціи, приходится не особенно рѣдко указывать присяжнымъ засѣдателямъ, въ качествѣ мотива къ снисхожденію, или даже къ оправданію, на долговременное содержаніе обвиняемаго подъ стражею, нерѣдко въ теченіе 8 — 9 мѣсяцевъ (бываетъ, что и болѣе года!) то въ отдаленныхъ русскихъ городахъ предварительное слѣдствіе подвигается совсѣмъ уже черепашьимъ шагомъ. Одинъ мой знакомый, бывшій въ послѣдніе годы товарищемъ прокурора въ Забайкальѣ, разсказывалъ мнѣ случай изъ своей прокурорской практики, когда предварительное слѣдствіе, производимое полицейскимъ надзирателемъ, тянулось четыре года, а обвиняемый все это время содержался въ тюрьмѣ, и на частыя побужденія товарища прокурора къ ускоренію слѣдствія, надзиратель неизмѣнно отвѣчалъ, что дѣло «стоитъ за справками изъ г. Ахтырки». Когда же, наконецъ, самъ товарищъ прокурора, потерявши терпѣніе, написалъ въ этотъ городъ Ахтырку, то оказалось, что тамъ никакихъ запросовъ отъ надзирателя не получалось, и послѣдній признался, что онъ послалъ запросъ туда всего мѣсяцъ назадъ, когда ужь очень приставалъ къ нему прокурорскій надзоръ. Громадное большинство предварительныхъ слѣдствій замедляется, «стоитъ» у насъ дѣйствительно «за справками», т. е. за неполученіемъ отвѣтовъ отъ разныхъ мѣстъ на запросы судебныхъ слѣдователей о мѣстѣ и времени рожденія обвиняемыхъ, свидѣтелей и пр. Хотя законъ (414 ст. уст. угол. суд.) и предписываетъ слѣдователямъ не останавливать движенія дѣлъ по случаю неполученія справокъ, но дѣло въ томъ, что иногда, дѣйствительно, невозможно бываетъ продолжать или закончить слѣдствіе безъ полученія справокъ. Величина слѣдственныхъ участковъ, дальность разстояній, худыя дороги, несовершенство нашей обыкновенной и сыскной полиціи,—все это составляетъ трудно-преодолимыя препятствія къ ускоренію производства у насъ предварительныхъ слѣдствій. Но возможно, кажется, законодательнымъ порядкомъ установить *крайніе сроки* для доставленія справокъ по требованію судебныхъ слѣдователей и строгую *судебную отвѣтственность* за несоблюденіе этихъ сроковъ. А то вѣдь теперь разныя казенныя мѣста и лица, въ особенности заваленныя дѣлами полицейскія управленія, получивъ какой нибудь запросъ слѣдователя, сплошь и рядомъ не собираются отвѣчать на него до тѣхъ поръ, пока не получатъ подтвержденія. Затѣмъ слѣдуетъ, также закономъ, предоставить судамъ право зачислять осужденному, въ случаѣ отбытія

Digitized by Google

имъ предварительнаго заключенія свыше извѣстной нормы,—хотя, напримѣръ, 4-хъ мѣсяцевъ,—остальные мѣсяцы предварительнаго заключенія въ срокъ назначеннаго наказанія, а оправданныхъ послѣ предварительнаго заключенія свыше 4 мѣсяцевъ справедливо было бы вознаграждать, по опредѣленію суда, деньгами изъ казны. Насколько возможно слѣдователю разсчитывать, относительно справокъ и розысковъ, на полицію даже высшей пробы, показываетъ слѣдующій случай изъ практики одного слѣдователя въ большомъ городѣ. Производилось слѣдствіе по важному уголовному дѣлу и слѣдователь послалъ предписаніе сыскной полиціи о розыскѣ и арестованіи обвиняемаго по этому дѣлу, скрывавшагося въ томъ же городѣ. Въ отвѣтъ получилъ онъ отъ начальника сыскнаго отдѣленія письменное увѣдомленіе, что, по самымъ тщательнымъ розыскамъ агентовъ сыскной полиціи, требуемаго обвиняемаго въ томъ городѣ на жительствѣ не оказывается. Оставалось, значитъ, направить дѣло къ прекращенію «за неразысканіемъ», что и сдѣлалъ слѣдователь, приготовляя нужныя бумаги, когда къ нему въ камеру вошелъ поболтать его товарищъ изъ сосѣдняго участка, которому слѣдователь и выразилъ свою досаду, что вотъ онъ даромъ потрудился: преступникъ, и такой важный, успѣлъ ускользнуть отъ правосудія. При этомъ онъ показалъ коллегѣ бумагу начальника сыскнаго отдѣленія.

— А пошлите-ка, хоть для курьеза, справиться объ адресѣ обвиняемаго въ адресный столъ! Что будетъ?—предложилъ, шутя, слѣдователю его коллега.

Посмѣялись, но тѣмъ не менѣе рѣшили послать въ адресный столъ, откуда, къ ихъ немалому изумленію, доставленъ былъ вѣрный адресъ обвиняемаго, который и былъ по этому адресу найденъ и арестованъ. Sapienti sat.

V.

Перейдемъ теперь къ послѣднему изъ упомянутыхъ недостатковъ нашего предварительнаго слѣдствія: *къ неправильному и пагубному для нашей юстиціи служебному положенію судебныхъ слѣдователей*. Здѣсь, прежде всего, предстоитъ отвѣтить на вопросъ: почему у насъ до сихъ поръ, за немногими исключеніями—въ столицахъ и очень большихъ городахъ—нѣтъ *утвержденныхъ въ должности судебныхъ слѣдователей*, а вся Россія наполнена только «исправляющими» ихъ должность, какъ объ этомъ уже нѣсколько разъ заявлялось, съ недоумѣніемъ, въ «Наблюдателѣ»?! Я боюсь, что мнѣ не придется точно и ясно отвѣтить на это, такъ какъ я недостаточно свободно владѣю благоразумною осторожностью капитана Копѣйкина, въ его рѣчи о вознагражденіи, обращенной къ военному начальству.

Но все таки, «въ нѣкоторомъ родѣ», не потому ли это случается, что «исправляющими должность слѣдователей» можно распоряжаться и переставлять ихъ, какъ шашки на шахматной доскѣ, что очень удобно для прокурорскаго надзора? А съ утвержденными слѣдователями ужь гораздо труднѣе управиться...

Digitized by Google

Изо всего изложеннаго здѣсь о существѣ функцій судебнаго слѣдователя всякій мыслящій читатель можетъ разсудить, какія способности и качества наиболѣе необходимы слѣдователю. Таковы: величайшій тактъ, благоразуміе, проницательность, сдержанность, а вмѣстѣ — неусыпная бдительность, твердая воля и отсутствіе всякихъ предубѣжденій. Все это, какъ видите, качества, болѣе присущія зрѣлому, чѣмъ молодому возрасту. Съ другой стороны, въ рукахъ слѣдователя какъ участь обвиняемаго, такъ и достоинство правосудія находятся въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ въ рукахъ прокурорскаго надзора или судебной палаты, какъ обвинительной камеры—даже больше, чѣмъ въ рукахъ суда. Обвиняемый, успѣвшій провести судебнаго слѣдователя или не нашедшій у него правосудія, тѣмъ легче проведетъ судъ, или тѣмъ труднѣе найдетъ себѣ правду на судѣ. Отъ слѣдователя, въ этомъ случаѣ, зависитъ почти все; нравственная отвѣтственность его громадна и работа его хотя поскромнѣе, но куда поважнѣе работы прокурора и присяжнаго защитника.

Теперь посмотримъ: какое же фактическое служебное положеніе занимаютъ у насъ судебные слѣдователи? Фактически они поставлены ниже товарищей прокурора, и обыкновенно молодой, неопытный юристъ, прямо со студенческой скамьи, начинаетъ свою службу съ этой отвѣтственной должности, если не считать какого-то неопредѣленнаго, эмбріонально-служебнаго состоянія въ качествѣ «кандидатовъ на судебныя должности»,—состоянія не то печальнаго, не то комическаго, хотя, иниціативой и трудами новаго министра юстиціи (см. его соч. «Кандидаты на судебныя должности», Москва, 1886 г.), положенію этихъ кандидатовъ придана хоть какая нибудь организація и нѣкоторая осмысленность. Но все таки этого страннаго положенія не стоитъ принимать во вниманіе. Молодые слѣдователи въ большинствѣ предоставлены самимъ себѣ (въ особенности, въ уѣздныхъ городахъ); опытности и знанія дѣла у нихъ нѣтъ никакихъ. Вышеупомянутыхъ качествъ, необходимыхъ слѣдователю, разумѣется, онъ не успѣваетъ себѣ выработать, а власть у него большая. И вотъ онъ начинаетъ «учиться производить слѣдствіе», находясь подъ слабымъ, одностороннимъ руководствомъ прокурорскаго надзора и почти безъ всякаго вліянія со стороны суда. Сколько онъ ошибокъ надѣлаетъ, пока «научится» и пріобрѣтетъ нѣкоторую опытность! А по существу его обязанности и по ввѣренной ему большой власти, каждая его ошибка отражается самымъ вреднымъ образомъ sur la peau humaine. Опредѣлившись судебнымъ слѣдователемъ куда нибудь въ уѣздъ, молодой юристъ или юридическій кадетъ,—особенно если онъ имѣетъ протекцію,—вмѣсто того чтобы послѣдовательно, въ долгіе годы, совершенствоваться въ трудномъ искусствѣ производить слѣдствіе, изо всѣхъ силъ старается поскорѣе пройти этотъ первый этапъ своей карьеры и попасть въ товарищи прокурора, т. е. изъ пасынковъ центральнаго вѣдомства — перейти въ корпорацію признанныхъ его любимчиковъ. А такъ какъ на незамѣтномъ, безшумномъ и скромномъ поприщѣ производства слѣдствій скоро выдвинуться впередъ и отличиться нельзя, то онъ прибѣгаетъ къ инымъ, болѣе вѣрнымъ у насъ способамъ

Digitized by Google

выдвинуться по службѣ, и развиваетъ въ себѣ не истинныя достоинства и полезныя для службы способности, а суррогаты ихъ, выгодные лишь для карьеры, и прежде всего то благонадежное въ житейскомъ отношеніи качество, которое давно уже окрещено «молчалинской угодливостью». Трудъ же товарищей прокурора, во-первыхъ, гораздо легче, чѣмъ производство предварительныхъ слѣдствій, а, во-вторыхъ, имѣетъ по существу мало общаго съ обязанностями и задачами судебнаго слѣдователя. Такимъ образомъ, того типа слѣдователей,—типа обыкновеннаго во Франціи и Англіи, т. е. слѣдователей, обладающихъ въ высокой степени всѣми помянутыми качествами, борцовъ, посѣдѣвшихъ въ борьбѣ съ преступниками и страшныхъ для послѣднихъ,—у насъ вовсе не встрѣчается, за самыми рѣдкими исключеніями среди немногихъ «утвержденныхъ» слѣдователей по особо важнымъ дѣламъ. Обыкновенный же у насъ въ провинціи типъ слѣдователя,—это юнецъ, даже не высшаго университетскаго образованія, а «юридическій кадетъ» изъ училища, дамскій кавалеръ, приличный женихъ, подлежащій ловлѣ силками, дирижёръ котильона, не настолько еще солидный, чтобы серьезно отдаваться висту. А между тѣмъ именно слѣдовало бы, какъ по справедливости, такъ и въ интересахъ правосудія, поставить судебныхъ слѣдователей выше товарищей прокурора въ служебномъ отношеніи, и *изъ товарищей прокурора назначать, въ видѣ повышенія, судебныхъ слѣдователей*, а не наоборотъ, какъ это теперь дѣлается. Такихъ уже испытанныхъ и надежныхъ юристовъ можно будетъ, во-первыхъ, безъ всякаго риска и опасеній за неосмотрительность, утверждать въ несмѣняемыхъ должностяхъ слѣдователей, а не прибѣгать офиціально къ обходу закона созданіемъ особой корпораціи «исправляющихъ должность слѣдователей», во всякую минуту удобныхъ для причисленія къ министерству. Во-вторыхъ, лучшей подготовки къ дѣятельности судебнаго слѣдователя, какъ подготовка на обязанностяхъ товарища прокурора,—и быть не можетъ. Кромѣ опытности и другихъ пріобрѣтаемыхъ на службѣ качествъ, кто же лучше и основательнѣе товарища прокурора способенъ понять и сообразить, какимъ доказательствамъ предварительнаго слѣдствія коронный судъ и присяжные засѣдатели придаютъ особенный вѣсъ и значеніе? Сообразно этому, онъ будетъ, въ качествѣ судебнаго слѣдователя, направлять предварительное слѣдствіе и собирать доказательства и улики.

VI.

Въ заключеніе, да позволено будетъ мнѣ указать на нѣкоторыя прискорбныя явленія въ области нашей юстиціи, происходящія главнымъ образомъ отъ недостатковъ нашего предварительнаго слѣдствія.

Первымъ такимъ явленіемъ оказываются, въ послѣднее время, все чаще повторяющіеся *оправдательные приговоры* по нѣкоторымъ

Digitized by Google

дѣламъ, — приговоры, удивляющіе и тревожащіе общество. Дѣло въ томъ, что, въ первую эпоху введенія у насъ судебныхъ уставовъ императора Александра II, оправдательные приговоры окружныхъ судовъ съ присяжными засѣдателями обыкновенно вызывали искренній и чистый восторгъ въ русскомъ обществѣ: оправдывалась дѣвушка, положившая, изъ чувства стыда и страха, своего новорожденнаго младенца на чужой порогъ, гдѣ онъ, оставленный безъ помощи, замерзъ или инымъ образомъ погибъ; оправдывался воръ, укравшій въ третій разъ «со взломомъ» полѣно дровъ; оправдывались судьи и исполнители народнаго самосуда надъ конокрадами; оправдывался иногда и прямой убійца, когда всѣмъ было очевидно, что человѣкъ-то онъ хорошій, совсѣмъ не злой, а скорѣе несчастный, и вынужденъ былъ къ убійству адскими муками, нравственными или физическими, причиненными ему самой жертвой преступленія или по ея милости. Такихъ же господъ, какъ Юханцевъ, Гулакъ-Артемовская, Овсянниковъ и т. п., присяжные карали по заслугамъ, не смотря на неважныя обвинительныя рѣчи, куда уступавшія по краснорѣчію словоизверженіямъ первоклассныхъ защитниковъ, тщетно умилостивлявшихъ присяжныхъ и судъ,—то съ пѣной у рта, то съ крокодиловыми слезами на глазахъ. Такіе обвинительные приговоры русское общество привѣтствовало тогда едва ли не съ бо́льшею еще радостью, чѣмъ оправдательные. Всѣ еще такъ живо помнили дореформенные порядки съ ихъ судами, добрыми и ласковыми къ богатымъ или знатнымъ преступникамъ, со старымъ правительствующимъ сенатомъ, нисколько не уступавшимъ судамъ и палатамъ въ этихъ качествахъ, а, напротивъ, превосходившимъ ихъ,— какъ, напр., по тому дѣлу, по которому покойный И. С. Аксаковъ бросилъ службу въ старинномъ, неуклюжемъ домѣ надъ рѣкой, цѣлый вѣкъ любовавшемся на своего основателя, все ожидая напрасно, что «мѣдный всадникъ» хоть разокъ повернетъ къ нему голову и пригрозитъ своему дѣтищу...

Когда же, во второй періодъ существованія новыхъ судовъ, къ вышеупомянутымъ оправдательнымъ приговорамъ присоединились «обѣляющіе» приговоры по самымъ возмутительнымъ и ничѣмъ не оправдываемымъ преступленіямъ, да стали повторяться все чаще и чаще,—общество отказывалось понимать такіе приговоры и начинало уже относиться къ нимъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, какъ относятся къ завѣдомому неправосудію. Конечно, разъ судъ присяжныхъ оправдалъ обвиняемыхъ, нельзя себѣ позволить сказать о нихъ что нибудь дурное. Но дѣло въ томъ, что какъ будто начинаетъ сбываться утвержденіе Достоевскаго въ его извѣстномъ романѣ относительно того, что иногда на судѣ у насъ выходитъ, что никто не виноватъ, что всѣ обвиняемые—самые благородные люди, а преступленіе все таки совершилось, человѣка-то убили, отравили, изнасиловали и пр., и злодѣйство это остается не отмщеннымъ со стороны правосудія. Послѣ столькихъ трудовъ предварительнаго слѣдствія, розысковъ, судебнаго слѣдствія, суда и сената, хотя бы по дѣламъ Мироновича, Максименко и т. п.,—въ результатѣ, убійца и отравитель остались не разысканными, не наказанными, и гуляютъ теперь по бѣлу-свѣту, издѣваясь надъ нашей

Digitized by Google

юстиціей, которую имъ удалось провести. Ободренные первымъ успѣхомъ въ борьбѣ съ правосудіемъ, преступники гораздо скорѣе рѣшаются на рецидивъ; а какой они подаютъ погубный примѣръ людямъ, которыхъ отъ преступленій удерживаетъ только одинъ страхъ возмездія, страхъ правосудія! Извѣстное изреченіе о предпочтительности оправданія десяти виновныхъ предъ осужденіемъ одного невиннаго, по нынѣшнимъ временамъ, должно признавать съ оговорками, какъ прекрасный, конечно, и высоко-нравственный афоризмъ, но, къ сожалѣнію, непригодный и даже опасный въ жизни... По этимъ дѣламъ обнаруживалось, какъ неискусно и неправильно производилось предварительное слѣдствіе. Да и вообще уже изъ того факта, что предварительное слѣдствіе сплошь да рядомъ не только не оправдывается, но даже категорически опровергается на судѣ,—можно заключить, что оно обстоитъ совсѣмъ неблагополучно и давно нуждается въ реформѣ.

Не ослабѣвающія у насъ, и послѣ введенія гласнаго суда, примѣры народнаго жестокаго самосуда надъ конокрадами, — самосуда, кончающагося обыкновенно присужденіемъ обвиняемыхъ къ смертной казни, тутъ же и приводимой въ исполненіе самими судьями нашего національнаго суда Линча, безъ всякаго права апелляціи,—составляютъ второе прискорбное явленіе, также въ значительной степени объясняющееся недостатками нашего предварительнаго слѣдствія, которое часто, находясь въ рукахъ неопытныхъ юнцовъ, не въ состояніи собрать полныхъ и ясныхъ уликъ противъ ловкихъ конокрадовъ, выходящихъ изъ суда оправданными, къ ужасу крестьянъ, которымъ послѣ такого скандала больше ничего не остается дѣлать, для спасенія себя отъ конокрадовъ и ихъ угрозъ краснымъ пѣтухомъ,—какъ обратиться къ своему народному самосуду. Изслѣдованій и монографій объ этомъ замѣчательномъ бытовомъ судѣ я не встрѣчалъ въ нашей юридической литературѣ, а между тѣмъ эта нелегальная форма народнаго правосудія, разумѣется, заслуживаетъ основательныхъ юридическихъ и статистическихъ изслѣдованій,—тѣмъ болѣе, что народный самосудъ встрѣчается у насъ едва ли не на всемъ пространствѣ имперіи, въ особенности въ Сибири и въ Средней Азіи. Даже нѣмецкіе колонисты югозападнаго края, по наблюденію переселенческаго чиновника г. Чарушина, заимствовали у нашихъ мужиковъ эту форму народнаго обычнаго суда и, по его словамъ, примѣняютъ ее еще съ гораздо большею жестокостью, чѣмъ русскіе крестьяне. Значитъ, есть потребность въ такомъ судѣ, значитъ легальное правосудіе хромаетъ...

Наконецъ, недостатками же предварительнаго слѣдствія объясняется въ значительной степени и то явленіе, что иногда судебныя палаты, разсмотрѣвъ, въ качествѣ обвинительныхъ камеръ, слѣдственное производство, — хотя сами члены палатъ выносятъ убѣжденіе, что обвиняемый дѣйствительно совершилъ преступленіе,—тѣмъ не менѣе постановляютъ о прекращеніи дѣла «по недостаточности уликъ» (!) которыхъ, по винѣ или чаще по неискусству слѣдователя, собрано такъ мало и скомбинированы онѣ такъ неумѣло, что отдавать такое дѣло на судъ присяжныхъ засѣдателей—значитъ прямо разсчитывать, что обвиняемый будетъ оправданъ

Digitized by Google

присяжными. Точно также иногда и самъ судебный слѣдователь, не имѣя возможности или не давая себѣ труда найти доказательства по какому нибудь ловко обставленному «съ юридической стороны» мошенничеству, объявляетъ потерпѣвшему, что направитъ его дѣло, по недостатку уликъ, къ прекращенію, и, замѣтивъ его огорченіе, не утерпитъ, по русскому обычаю, чтобы не преподать утѣшенія:

— Что дѣлать! Я и самъ вижу, что этотъ мерзавецъ (т. е. обвиняемый) надулъ и обокралъ васъ, да вотъ свидѣтелей-то у васъ хорошихъ нѣтъ: ничего опредѣленнаго они не показали. А вѣдь какъ ловко онъ нагрѣлъ васъ!

— У него, вашескородіе, присяжный повѣренный былъ нанятъ!..—объясняетъ потерпѣвшій слѣдователю причину ловкости и неуязвимости обвиняемаго.

— Ну, вотъ видите!—соглашается съ нимъ слѣдователь и даетъ совѣтъ:—Вамъ бы попробовать какъ нибудь гражданскимъ порядкомъ взыскать съ него выманенныя у васъ деньги?

Потерпѣвшій знаетъ, что гражданскимъ порядкомъ и подавно ничего не взыщешь, если въ уголовномъ судѣ дѣло провалилось, но благодаритъ слѣдователя на добромъ словѣ и уходитъ, поставивъ крестъ на дѣлѣ. А добрый слѣдователь, вѣроятно, и самъ не сознаётъ, что своимъ утѣшеніемъ и совѣтомъ онъ въ сущности признался въ своемъ безсиліи раскрыть преступленіе и, именемъ правительства, «отказалъ потерпѣвшему въ правосудіи».

Всѣ указанныя печальныя явленія нашей юстиціи далеко не всецѣло объясняются недостатками предварительнаго слѣдствія, но также зависятъ и отъ другихъ причинъ, между которыми на первомъ мѣстѣ должно поставить степень даровитости и подготовленности представителей нашего обвиненія, у которыхъ наружная важность, даже нѣкоторая напыщенность, невполнѣ соотвѣтствуютъ скромнымъ способностямъ и талантамъ. Дореформенный прокурорскій надзоръ—губернскіе прокуроры и стряпчіе—былъ единственной свѣтлой точкой въ старой нашей юстиціи; общество и народъ его знали, къ нему обращались за защитой, его любили, надѣялись на него; иногда онъ былъ послѣднимъ прибѣжищемъ угнетенныхъ и обиженныхъ, и постояннымъ, неизлѣчимымъ бѣльмомъ на глазу у администраціи. Недаромъ даже такой рѣшительный и строгій судья, какъ гоголевскій Собакевичъ, справедливо аттестовавшій все губернское чиновничество ворами, мошенниками и христопродавцами,—одного прокурора признавалъ «порядочнымъ человѣкомъ», хотя тоже съ оговоркою... Новый «пореформенный» прокурорскій надзоръ,—прокуроры окружныхъ судовъ и ихъ товарищи,—не таковъ. Общество и народъ не знаютъ его, не любятъ, но боятся и рѣдко прибѣгаютъ къ его защитѣ. Во внутренней жизни, его заѣла корпоративная черствость и недоступность,—недостатокъ, указанный въ недавней вступительной рѣчи новаго министра.

Наконецъ, о надеждахъ на реформу нашего предварительнаго слѣдствія я почти ничего не могу сказать. Ходятъ слухи, что министерство юстиціи давно уже работаетъ надъ этой реформой [1]). Но

[1]) Теперь объ этой предстоящей реформѣ *всей* судебной части, а не одного предварительнаго слѣдствія, уже объявлено въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». *Ред.*

Digitized by Google

что оно сдѣлало и въ какомъ направленіи,—этой тайны намъ знать еще не полагается: она сокрыта отъ насъ завѣсой, подобною той легендарной завѣсѣ въ храмѣ Изиды, которая скрывала цѣлые вѣка тайну богини, пока эту завѣсу не сдернулъ дерзкій юноша, съ изумленіемъ и разочарованіемъ увидавшій, что за нею скрывается. Но мы еще не приготовлены видѣть, что скрывается за другой завѣсой [1])...

В. Птицынъ.

---

[1]) Правительственное сообщеніе, упомянутое нами, категорически обѣщаетъ, что проэкты судебныхъ преобразованій, по мѣрѣ ихъ разработки въ спеціальныхъ комиссіяхъ, будутъ предлагаемы на обсужденіе печати.

Ред.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Значеніе романа въ современномъ обществѣ.—Новое моральное направленіе беллетристики во Франціи.—Борьба философіи со стремленіями вѣка.—Поль Маргеритъ.—Швейцарскій моралистъ и офранцуженный полякъ.—Вліяніе «Крейцеровой сонаты» на модные сюжеты.—Моріо и Марсель.—Дамскій романъ.—Какъ прививается къ французамъ ученіе Шопенгауера и Спенсера?—Французскіе моралисты: Секретанъ, Гюйо, Фулье.—Историческіе романы.—Новые и старые академики.—Значеніе Брюнетьера.—Шальмель-Лакуръ, Тюро д'Анженъ и ихъ предмѣстники.—Леметръ и Фагэ—представители критики.—Выдающіеся покойники.

I.

Между всѣми созданіями творческой фантазіи романъ давно уже занимаетъ первое мѣсто въ литературѣ всѣхъ культурныхъ народовъ. Особенно въ послѣднее время онъ далеко оставилъ за собою всѣ другіе виды и отрасли беллетристики, сосредоточилъ въ себѣ всѣ стремленія, идеалы современнаго общества, сдѣлался органомъ его вожделѣній, изысканій. Преобладающею ролью романа недовольны поэты, ученые, философы и, не имѣя возможности отрицать его значеніе, возстаютъ противъ его направленія, противъ его притязаній быть выразителемъ умственной жизни нашего вѣка. Критика обрушилась на романъ съ сильными упреками и страстными обвиненіями. Въ такомъ серьезномъ изданіи, какъ «Журналъ ученыхъ», такой крупный писатель, какъ Жюль Симонъ, возсталъ противъ развращающаго вліянія современнаго романа и, сознаваясь въ томъ, что теперь не читаютъ почти ничего, кромѣ романовъ, съ горестью вспоминаетъ о томъ, какъ въ прошломъ вѣкѣ г-жа Севинье читала богословскія пренія янсенистовъ, а маркиза Шателэ—философскіе трактаты Локка. Если и восхищались романами дѣвицы Скюдери и г-жи Лафайетъ, то вѣдь они выходили очень рѣдко, тогда какъ теперь книжный рынокъ ежедневно заваленъ произведеніями этого рода. Особенно увеличилось число ихъ читательницъ изъ среднихъ классовъ общества и буржуазіи. Еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, романъ во

Digitized by Google

Франціи продавался по 8—5-ти франковъ. Брюссельскія перепечатки сбавили эту цѣну и современные издатели нашли средства продавать томъ романовъ по 60-ти сантимовъ. Въ газетахъ, продающихся по одному су, онъ обходится еще дешевле. Не мудрено, что съ распространеніемъ страсти къ чтенію увеличилось и число романистовъ, что̀ не могло не имѣть вліянія и на упадокъ литературнаго достоинства произведеній этого рода, особенно на ихъ нравственное значеніе. Если хорошая книга не всегда производитъ ожидаемое отъ нея впечатлѣніе, то дурная книга всегда имѣетъ дурное вліяніе на малообразованную массу. Романъ, наполненный невозможными приключеніями небывалыхъ героевъ, можетъ быть также опасенъ, какъ книга съ завѣдомо-ложными, разрушительными теоріями: можно и въ сказкахъ передавать въ простодушной формѣ безнравственные поступки и ученія. Читатель охотно повѣритъ, что именно такъ думаютъ и поступаютъ въ обществѣ, въ интеллигентныхъ сферахъ. Бальзакъ, при всемъ своемъ реализмѣ, описываетъ иногда такіе чудовищные нравы высшихъ и среднихъ сословій, какіе въ жизни являются извращеніемъ естественныхъ законовъ,—а онъ считалъ себя психологомъ и былъ, дѣйствительно, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, представителемъ романа, анализирующаго внутреннія движенія и побужденія, какъ Дюма-отецъ былъ представителемъ романа похожденій. Ихъ ученики во второмъ поколѣніи пошли гораздо дальше своихъ учителей, упростили ихъ манеру, усовершенствовали ихъ пріемы. Но и этихъ могикановъ стараго романизма далеко опередили писатели, вмѣстившіе въ рамки романа всѣ стремленія, всѣ знанія нашего вѣка. Публика читаетъ ихъ съ жадностью, забывъ своихъ старыхъ любимцевъ: Вальтеръ-Скотта, Купера, Диккенса, Гюго и всѣхъ писателей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ.

Жюль Симонъ возстаетъ противъ превращенія романтической школы въ натуралистическую и обвиняетъ послѣднюю въ грязныхъ сценахъ, грубыхъ выраженіяхъ. Подъ предлогомъ вѣрнаго изображенія жизни, въ литературу переносятъ все, чего мы не выносимъ на показъ изъ нашего вседневнаго быта. То, о чемъ мы избѣгаемъ говорить въ самомъ интимномъ кругу, является въ печати со всѣми непривлекательными подробностями. Для чего это необходимо, и развѣ это эстетично? Ни въ одномъ изъ лучшихъ произведеній Гюго, Ламартина, Мишлэ нѣтъ неприличныхъ выраженій. Для чего же нибудь развивается въ насъ чувство стыдливости и порядочности! Искусство имѣетъ свои границы. Изображенія язвъ и уродливостей не могутъ служить предметомъ картины. Не слѣдуетъ принимать исключенія за правило, выдавать болѣзненныя, искалѣченныя натуры за образецъ здороваго, нормальнаго человѣка, а это сплошь и рядомъ дѣлаютъ современные романисты. Они оставляютъ въ сторонѣ то, что̀ истинно, находя, что это очень извѣстно, и изслѣдуютъ исключительныя явленія, желая прослыть глубокомысленными наблюдателями. Вмѣсто картинъ обыденной

Digitized by Google

жизни, настоящей или прошлой, намъ рисуютъ паціентовъ изъ пріютовъ для умалишенныхъ, героевъ, осужденныхъ теоріею наслѣдственности быть преступниками или психопатами.

И вотъ, наряду съ романами натуралистическими и психологическими, во Франціи въ послѣднее время развился романъ моральный. Онъ явился, какъ реакція противъ порнографическаго направленія современной беллетристики, и даже писатели, равнодушно относившіеся къ вопросамъ нравственности, стали отличаться особенною благонамѣренностью и сдержанностью въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ. Одинъ изъ болѣе даровитыхъ между ними, 34-лѣтній Поль Маргеритъ, сынъ генерала, убитаго подъ Седаномъ, авторъ тонко-прочувствованныхъ и хорошо написанныхъ разсказовъ, издалъ романъ, выдающійся изъ ряда его прежнихъ работъ. «Буря» (La tourmente) представляетъ попытку серьезной разработки тезиса, основаннаго на вседневномъ фактѣ. Жакъ Галлюи узнаётъ, что жена измѣнила ему. Онъ прощаетъ ее, частью по врожденному добродушію, частью изъ потребности чувственной любви. Семейная жизнь его, повидимому, ничѣмъ не нарушена. Но между нимъ и его женою все чаще и упорнѣе возстаетъ призракъ проступка. Жакъ дѣлается недовѣрчивымъ, подозрительнымъ, раздражительнымъ, жестокимъ. И буря прекращается только тогда, когда мужъ и жена рѣшаются прервать чувственныя сношенія. «Какъ я не понялъ,—говоритъ онъ,—что если я могъ еще любить виновную женщину, то единственно подъ условіемъ, чтобы она была для меня недоступна и защищена неизгладимымъ фактомъ прелюбодѣйства»? И онъ рѣшилъ, что долженъ любить жену «только эфирною, отеческою любовью, чуждою плотскихъ вожделѣній». Это—если и несовсѣмъ новое, то во всякомъ случаѣ не обычное рѣшеніе вопроса объ адюльтерѣ. Жакъ слишкомъ легко простилъ обманъ жены, но слишкомъ скоро убѣдился, что этого недостаточно для мирной семейной жизни. Кто же поручится, что и второе рѣшеніе, соединенное съ отреченіемъ отъ естественныхъ требованій природы, сдѣлаетъ возможнымъ и прочнымъ союзъ между лицами, раздѣленными тяжкимъ проступкомъ? Конечно, ни Золя, ни Буржэ не пришли бы къ подобному рѣшенію, но весьма сомнительно, чтобы и при твердомъ желаніи сдержать его оно повело къ семейному спокойствію. Послѣ совѣта Дюмасына обманутому мужу: tue-la! послѣ «Крейцеровой сонаты», это, конечно, болѣе гуманное и нравственное рѣшеніе, но въ какой степени оно возможно и достижимо—это еще вопросъ, который нельзя рѣшать одинаково съ Полемъ Маргеритомъ.

Швейцарскій моралистъ Эдуардъ Родъ пишетъ тяжелымъ языкомъ длинные трактаты и такіе же тяжеловѣсные, но зато нравственные романы—и французы очень усердно читаютъ ихъ, довольные тѣмъ, что могутъ похвалиться изученіемъ серьезныхъ вопросовъ. Большой успѣхъ имѣло его послѣднее произведеніе: «Вторая жизнь Мишеля Тессье». Критика

Digitized by Google

расхваливаетъ классическую простоту содержанія романа. Герой его—прекрасный, интеллигентный человѣкъ, но онъ сдѣлалъ первый проступокъ—развелся со своей женою и женился на другой, чтобы удовлетворить своимъ чувственнымъ влеченіямъ. Съ тѣхъ поръ онъ не знаетъ ни спокойствія, ни умственной дѣятельности, ни возможности любить и быть любимымъ. Между нимъ и остальнымъ міромъ стоитъ то, что̀ черствый авторъ-пуританинъ называетъ непростительною виною. Но что̀ же въ ней непростительнаго? 38-лѣтній журналистъ, занимающійся политикою и метящій въ министры, Тессье еще вполнѣ бодръ и свѣжъ. Первая жена его Сусанна была старше его и принесла ему въ приданое «любовь, преданность и бодрость», но эти прекрасныя качества не помѣшали ей состариться въ то время, когда въ ихъ домѣ росла молодая родственница Бланшъ, въ которую Тессье влюбился, не смотря на то, что у него двѣ дочери. Дѣвушка отвѣчаетъ ему взаимностью. Сусанна скоро убѣдилась въ этомъ и Тессье сознался въ своемъ увлеченіи, но говорилъ, что Бланшъ чиста и непорочна. «Что же мнѣ въ этомъ?—отвѣчала жена,—пусть бы лучше она была твоей любовницей; ты бы тогда меньше любилъ ее». Мужъ сознаётъ, что поступилъ дурно, проситъ прощенія у жены и обѣщаетъ прервать всѣ сношенія съ дѣвушкой, оставившей ихъ домъ. Но разлука только увеличила его страсть, да и дѣвушка черезъ нѣсколько времени пишетъ къ нему, чтобы онъ ее спасъ: ее принуждаютъ выйти замужъ, а она можетъ принадлежать только ему. Онъ ѣдетъ спасать ее, и она падаетъ въ его объятія. «Мы слишкомъ любимъ другъ друга», говоритъ Тессье и рѣшается на разводъ съ Сусанной, а непорочная Бланшъ занимаетъ ея мѣсто. Все это возможно и разводъ уничтожаетъ всѣ ложныя и нечестныя отношенія, но онъ не можетъ быть причиною того, что «вторая жизнь» дѣлается источникомъ страданій для Тессье. Если онъ такъ загипнотизированъ своею Бланшъ, то не можетъ быть несчастливъ. Увлекаясь любовью, онъ забываетъ даже свои политическіе проэкты и заботы о благѣ народа. Поэтому авторъ напрасно старается представить его героемъ и говоритъ въ предисловіи: «Почти всегда лучшіе люди падаютъ глубже и дѣлаютъ больше скандаловъ». Ни въ его паденіи, ни въ разводѣ нѣтъ ничего особенно трагическаго и нѣтъ никакого основанія заставлять его страдать отъ вступленія во вторую жизнь, хотя, по теоріи автора, мораль требуетъ, чтобы нарушившій ея законы испытывалъ страданія. Живетъ онъ съ Бланшъ восемь лѣтъ и увѣряетъ всѣхъ, что очень счастливъ. Но ихъ обоихъ мучатъ воспоминанія, отравляющія спокойную жизнь. Тессье мѣняетъ часто мѣста своего пребыванія, думая, что эта перемѣна заглушитъ угрызенія совѣсти, но съ теченіемъ времени уменьшались только порывы ихъ страсти. Въ виллѣ, близь Кларанса, получили они извѣстіе о смерти Сусанны. Тессье тотчасъ ѣдетъ въ Аннеси, чтобы присутствовать на похоронахъ первой жены, и возмущается тѣмъ,

Digitized by Google

что толпа въ церкви относится къ нему непріязненно. Но онъ оставилъ покойницѣ двухъ своихъ дочерей, Анни и Лорансъ, и теперь беретъ ихъ въ свою новую семью, стараясь заслужить ихъ любовь. Бланшъ, съ своей стороны, дѣлаетъ все, что̀ можетъ, чтобы пріобрѣсти расположеніе молодыхъ дѣвушекъ, но онѣ поставлены, по отношенію къ ней, въ такое ложное положеніе, что никакая внимательность, никакое самоотверженіе съ ея стороны не могутъ возбудить въ нихъ симпатію къ мачихѣ. Лоранса даже высказываетъ ей это, и Бланшъ выноситъ рѣзкое обращеніе съ нею, считая это наказаніемъ за свой проступокъ. Тессье въ это время, переѣхавъ въ Парижъ, сбирается вернуться на политическое поприще, но идеи его уже измѣнились: изъ либерала онъ дѣлается консерваторомъ и пишетъ брошюру, за которую одинъ изъ прежнихъ друзей называетъ его ренегатомъ. Въ сына этого друга влюблена Анни, дочь Тессье, но бракъ дѣлается невозможнымъ вслѣдствіе этой размолвки, и дѣвушка умираетъ. Зачѣмъ, для чего? Тоже во имя морали, чтобы наказать отца за его вторую жизнь? Но онъ мало интересовался своею дочерью, мало зналъ ее и, когда она умирала, долженъ былъ объѣзжать своихъ избирателей и хлопотать, чтобы попасть въ депутаты. И такой романъ имѣетъ большой успѣхъ, и его серьезно обсуждаетъ газетная критика—все съ моральной точки зрѣнія.

Нельзя сказать, чтобы это была мораль солидная, неопровержимая, но она все таки выше той, которой держится Альбертъ Симъ въ романѣ «Невѣсты» (Demoiselles à marier). Этотъ французскій писатель польскаго происхожденія (онъ родился на берегахъ Мёзы,—настоящая фамилія его: Цимоховскій) посвящаетъ свою книгу Франциску Сарсэ и объясняетъ это ея главнымъ тезисомъ, откровенно высказаннымъ въ предисловіи: нынѣшнее воспитаніе, даваемое дѣвушкамъ, совершенно безполезно для нихъ. Но Сарсэ высказалъ эту мысль только по отношенію къ бѣднымъ дѣвушкамъ низшихъ классовъ общества, и Симъ могъ бы съ бо̀льшимъ основаніемъ посвятить свой трудъ Л. Н. Толстому, отвергающему для всѣхъ женщинъ систему ихъ нынѣшняго образованія. Дѣвушки, выведенныя Симомъ въ его романѣ, всѣ безъ состоянія, но зато съ большими познаніями и дипломами, бремя которыхъ онѣ выносятъ довольно легко и не затрудняются увеличить грузъ своихъ свѣдѣній наукою о любви, уроки которой очень охотно преподаютъ имъ конторщики и бакалавры. Правда, дѣвицы эти все таки остаются всю жизнь — невѣстами, въ то время когда подруги ихъ, не получившія образованія, выходятъ за такихъ же необразованныхъ, но хорошихъ парней. Но вѣдь не дипломы же виноваты въ томъ, что невѣсты не находятъ для себя мужей. Онѣ поступаютъ въ конторы и разныя учрежденія, гдѣ работаютъ и мужчины, но вѣдь и тѣ читаютъ теорію любви жаждущимъ знанія не изъ-за ихъ дипломовъ. Гдѣ во всемъ этомъ мораль? Тутъ, собственно говоря, нѣтъ даже вовсе и романа: это просто очень умно написанныя сцены парижской жизни, особенно жизни

Digitized by Google

конторъ и бюро, гдѣ гораздо больше занимаются любовью, чѣмъ дѣлами и бухгалтеріею. И еслибы въ этомъ было поменьше пикантныхъ сценъ, отъ этого гораздо больше выиграла бы и мораль, и литература.

Молодой писатель Лун Моріо, въ своемъ романѣ «Она развелась», взялъ эпиграфъ изъ «Крейцеровой сонаты»: «все воспитаніе женщины, какая бы она ни была, клонится только къ одной цѣли—привлечь мужчину». Тезисъ романа—доказать дурное вліяніе развода родителей на воспитаніе дѣтей. Г-жа Улевэ развелась съ своимъ мужемъ, порядочнымъ негодяемъ. Дочь ея, Даніела, выдя замужъ,—тотчасъ же слѣдуетъ примѣру матери и оставляетъ мужу дѣвочку, которая, вѣроятно, по выходѣ въ замужество, поддержитъ въ третьемъ поколѣніи семейный обычай. Но что же это за содержаніе романа, гдѣ же тутъ моральный тезисъ? Даніела обрисована авторомъ въ такомъ видѣ, что отъ нея отвернется всякій порядочный человѣкъ. На такую испорченную натуру воспитаніе не могло имѣть никакого вліянія. Такія женщины встрѣчаются въ обществѣ, но оно узнаётъ ихъ уже въ такое время, когда къ нимъ поздно примѣнять какія бы то ни было педагогическія системы. Даніела все таки—типъ не общій, а исключительный, и нельзя строить на немъ обвиненія въ безполезности цѣлой теоріи воспитанія. Эпиграфъ, взятый изъ русскаго писателя, совершенно неумѣстенъ въ такой книгѣ, какъ неумѣстны жалобы французскаго критика, что вторженіе русскаго романа въ область беллетристики испортило ея моральную атмосферу. Критика эта видитъ вліяніе Достоевскаго и Л. Н. Толстаго даже въ такомъ произведеніи, какъ «Зловредные люди» (Les malfaisants) Марселя. Она говоритъ, что романъ этотъ—та же «Крейцерова соната», а герой ея—тотъ же Позднышевъ, не только сознающійся въ такомъ же преступленіи, но извиняющій его и даже хвастающійся имъ. А между тѣмъ этотъ герой, Флористье, убиваетъ, вмѣстѣ съ своею женою, ея любовника, и убиваетъ не изъ дикой ревности, а изъ врожденной страсти къ убійству; онъ принадлежитъ къ числу зловредныхъ людей, природную свирѣпость которыхъ воспитаніе покрываетъ слоемъ буржуазной честности, заставляющей ихъ отыскивать предлоги для прикрытія своихъ кровожадныхъ наклонностей. Флористье послѣ любовника убиваетъ и свою жену, но не вдругъ, а постепенно, не совершая открытаго преступленія, а подвергая ее цѣлому ряду моральныхъ потрясеній, которыя, какъ онъ хорошо подмѣтилъ, дѣйствуютъ убійственно на ея слабую потрясенную натуру. И потомъ онъ уѣзжаетъ въ деревню, гдѣ живетъ спокойно и, какъ увѣряетъ самъ, «совершенно счастливо, на лонѣ природы, которую всегда предпочиталъ людямъ». Другіе критики видятъ во Флористье втораго Раскольникова, а въ разсужденіяхъ его—повтореніе теорій героя романа Достоевскаго. Правда, тотъ былъ въ постоянномъ волненіи, но и спокойствіе Флористье было только наружное. Съ такими натяжками можно отыскать сравненія между ка-

Digitized by Google

кими угодно произведеніями, но какіе же моральные выводы можно дѣлать изъ такихъ сравненій?

Странный романъ издала дама, пишущая подъ псевдонимомъ Труссара. На обложкѣ книги, озаглавленной «Закрытое сердце», стоитъ помѣтка: «для молодыхъ женщинъ». У Дюма-сына есть пятиактная пьеса «Другъ женщинъ», игранная 30 лѣтъ назадъ съ большимъ успѣхомъ. Дюма-отецъ говоритъ, что въ героѣ этой пьесы, Ріонѣ, его сынъ изобразилъ самого себя. Это лицо является, какъ свидѣтель и какъ сообщникъ въ комедіи любви, разыгрываемой предъ его глазами, со всѣми ея перипетіями, перемѣною декорацій, съ обстановкою, блестящею издали и очень прозаическою вблизи. Онъ искренно любитъ женщинъ и въ минуты опасности, кризиса, увлеченія, охлажденія—является ихъ совѣтникомъ и другомъ. Сюжетъ пьесы достаточно скабрезенъ, но веденъ ловко и сдержанно. Жанна Симрозъ расходится съ мужемъ, за то, что въ день брака онъ былъ слишкомъ рѣзокъ и предпріимчивъ и, взбѣшенный сопротивленіемъ черезчуръ деликатной супруги, бросилъ ее и отправился къ своей старой знакомой—опереточной пѣвицѣ. Великодушный, хотя и скептическій Ріонъ, узнавъ эту тайну, употребляетъ всѣ усилія, чтобы примирить супруговъ, и достигаетъ цѣли. Но объ женщинахъ ни онъ, ни авторъ комедіи не высокаго мнѣнія и въ предисловіи говорится: «женщина—это ангелъ... изъ отброса (de rébut). Придетъ часъ, когда ея игривое владычество упадетъ, ея миѳологическое преобладаніе исчезнетъ вмѣстѣ съ породившей ее болѣзненной литературой». Г-жѣ Труссаръ почему-то вздумалось возобновить этотъ странный сюжетъ въ романѣ. Драма представляетъ только синтезъ, результаты ощущеній, развивающихся въ мысляхъ и поступкахъ дѣйствующихъ лицъ; анализъ этихъ ощущеній принадлежитъ роману. Стоило ли, однако, анализировать подобную тему,—положеніе очевидно ложное, исключительное, составляющее тайну сердца, закрытаго для постороннихъ лицъ? Но главное лицо въ романѣ Труссара—все таки мужчина, угадывающій эту тайну женщины, разведенной со своимъ мужемъ и питающей къ нему отвращеніе, соединенное съ невольнымъ любопытствомъ. Она получаетъ отъ него письмо, и влюбленный въ нее герой, какъ Ріонъ, рѣшается содѣйствовать ихъ примиренію, по мѣрѣ того какъ любовь его дѣлается все глубже и безкорыстнѣе. Критики находятъ этотъ сюжетъ превосходнымъ—на основаніи какой же морали? Слишкомъ много говорятъ объ ней французы и очень странно понимаютъ ее выдающіеся ихъ мыслители. Въ послѣднее время, вышло нѣсколько отдѣльныхъ трактатовъ объ этомъ предметѣ, спорномъ и запутанномъ, и мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы уяснить себѣ точку зрѣнія французскихъ философовъ.

Во-первыхъ, они перевели наконецъ всего Шопенгауера, давнымъ давно знакомаго русскимъ читателямъ. У него есть странное сочиненіе: «Основы морали», написанное полвѣка назадъ на конкурсъ датской академіи. Мораль

Digitized by Google

нѣмецкаго пессимиста очень проста: она ограничивается правиломъ—дѣлать людямъ добро и не дѣлать имъ зла. Добромъ онъ называетъ все, чего мы себѣ желаемъ, зломъ—то, чего мы боимся. Поэтому мораль является у него въ двухъ видахъ: не дѣлай никому вреда—это справедливость, юстиція, и помогай сколько можешь другимъ — это милосердіе, благотворительность. Всякій поступокъ, имѣющій въ виду эгоистическую цѣль, противенъ морали. Все это очень ясно и философъ путается только въ опредѣленіи основъ морали, которыя онъ ищетъ въ метафизикѣ, видя въ состраданіи психологическій принципъ морали. Еще болѣе запуталъ этотъ вопросъ Гербертъ Спенсеръ, въ своей «Эволюціонистской морали», переведенной также по французски (въ подлинникѣ этотъ трактатъ называется: «Данныя морали»—The data of ethics). Эти данныя англійскій философъ видитъ въ добрѣ и злѣ, называя добромъ все, что приводитъ насъ къ желанной цѣли, зломъ—все, что мѣшаетъ ее достигнуть. Эти стремленія къ извѣстной цѣли наполняютъ всю жизнь, но добро ли она, какъ утверждаютъ оптимисты, или зло, если вѣрить пессимистамъ,—этотъ вопросъ не имѣетъ никакого отношенія къ морали. Моральные поступки, по словамъ Спенсера, бываютъ трехъ родовъ: біологическіе, психологическіе и соціологическіе. Пріятныя ощущенія приносятъ пользу всякому живому организму, а болѣзненныя—вредъ; поэтому удовольствіе есть основа добра и морали. Придетъ эволюціонный періодъ, когда всѣ способности человѣка будутъ для него источникомъ удовольствія, и тогда мораль сдѣлается естественнымъ видомъ всѣхъ поступковъ. Развивая эти туманныя положенія англійской и нѣмецкой философіи, французскіе моралисты еще болѣе напустили туману въ изслѣдованіе вопроса, примѣшавъ къ нему множество совершенно излишнихъ соображеній. Секретанъ, въ своемъ «Принципѣ морали», находитъ, что мораль не можетъ быть ни чисто раціональной или апріорической, ни чисто экспериментальной. Апріорическій элементъ морали—долгъ или обязанность, допускающіе свободную волю. Свобода и обязанность—необходимыя условія морали. Мышленіе видитъ въ морали идеалъ, который нельзя вывести изъ опыта. Идеалъ этотъ заключается не въ счастіи, понимаемомъ всякимъ по своему. Разумъ даетъ намъ формальный принципъ морали—идею долга, но не говоритъ, въ чемъ состоитъ этотъ долгъ, и предоставляетъ намъ его отыскивать. Кантъ ошибался, выводя сущность закона морали изъ ея формы. Сущность эту человѣкъ узнаётъ только изъ опыта. Такимъ образомъ, въ принципѣ морали, вмѣстѣ съ раціональнымъ элементомъ—идеею долга—соединяются и эмпирическія данныя, заключающіяся въ устойчивости правилъ морали. Эти данныя говорятъ намъ, что человѣкъ составляетъ свободную часть солидарнаго цѣлаго. Отдѣльно взятый, онъ представляетъ не цѣль, а только средство къ достиженію полнаго развитія всей породы, единство которой—цѣль ея существованія. Это единство проявляется въ любви, въ сочувствіи ко всему человѣчеству. Поэтому, основной принципъ морали—мило-

Digitized by Google

сердіе, и Сократъ справедливо возстаетъ противъ антагонизма между справедливостью и милосердіемъ, и находитъ, что юстиція основываетъ свои принципы на милости и сочувствіи. Но философъ впадаетъ въ ошибку, свойственную многимъ мыслителямъ, смѣшивая мораль съ религіей, и занимается теологическими изслѣдованіями, вовсе не идущими къ дѣлу.

Иначе взглянулъ на мораль безвременно погибшій мыслитель Гюйо, въ своемъ «Очеркѣ морали безъ обязательствъ и безъ санкціи». Онъ начинаетъ съ разбора, что̀ такое долгъ, и видитъ въ немъ не идею, а склонность, нераціональную силу, необъяснимую, какъ всѣ инстинкты. Утилитарная школа видитъ въ долгѣ сознаніе приносимаго имъ удовольствія и желаніе достигнуть его. Но источникъ моральнаго чувства не въ удовольствіи, а въ самой жизни. Мораль, основанную единственно на положительныхъ данныхъ, можно опредѣлить наукою, имѣющею предметомъ сохраненіе и развитіе всѣми средствами умственной и матеріальной жизни. Но если долгъ—инстинктъ, то всякій инстинктъ исчезаетъ, дѣлаясь сознательнымъ. Эта критика долга ведетъ, конечно, къ скептицизму въ морали, и Гюйо сознаётся, что наука можетъ уничтожить всякое моральное чувство, но не можетъ создать неопровержимой этики. Фулье, въ своей «Критикѣ системъ современной морали», разбираетъ всѣ эти системы: эволюціонную и дарвинистскую, позитивную и феноменистскую, кантовскую, пессимистскую, спиритуалистическую, эстетическую, мистическую и теологическую, пропуская почему-то утилитарную. Авторъ придерживается системы эволюціонной, но видитъ въ органической основѣ морали не только инстинктъ и привычки, наслѣдственно передаваемыя опытомъ, а сознательную концепцію моральнаго идеала, стремящагося осуществиться своею внутреннею силою. Фулье опровергаетъ Литрэ и Тэна, доказывая, что необходимость морали или обязанности не можетъ быть необходимостью логическою. Онъ раздѣляетъ энергическія требованія Прудона отдѣлить мораль отъ богословія, но не думаетъ, чтобы приверженцы позитивизма доказали независимость морали отъ метафизическихъ ученій. Но вѣдь основныя идеи, какъ долгъ и свобода, точно также нельзя доказать именно потому, что онѣ основныя. Какъ доказываются апріорныя гипотезы въ математикѣ?—указаніемъ на невозможность обойтись безъ нихъ при объясненіи научныхъ фактовъ. Идеи долга и свободы—также гипотезы, но онѣ необходимы для морали, какъ въ геометріи и механикѣ необходимы понятія о пространствѣ и времени. Въ результатѣ Фулье приходитъ къ убѣжденію, что существуютъ необъяснимыя истины, передъ которыми умъ человѣка долженъ остановиться, какъ передъ неизвѣданной пропастью. Со временъ Паскаля, опредѣлившаго мораль, какъ важнѣйшую науку, какъ искусство хорошо жить и быть счастливымъ, и съ эпохи Канта, основавшаго всю свою философію на морали, самое понятіе о ней, какъ объ ученіи, дающемъ правила для нашихъ поступковъ, основанныхъ на различеніи добра и зла,

Digitized by Google

сильно измѣнилось во Франціи. Каждый мыслитель понимаетъ ее по своему, хотя она была признана необходимымъ основаніемъ всякой ассоціаціи. Смѣшиваніе морали съ совѣстью, добра съ удовольствіемъ, привело къ тому, что Стюартъ Милль принялъ за основаніе морали личную и общую пользу. Начиная съ Монтэня и Ларошфуко, во Франціи былъ цѣлый рядъ моралистовъ, но мы видимъ, что и современные потомки ихъ бродятъ точно также впотьмахъ, какъ и ихъ предшественники. Они только не пишутъ безконечныхъ трактатовъ о морали и называютъ себя не моралистами, а психологами. Писатели съ меньшими претензіями переносятъ свои моральныя теоріи въ романы.

В. Зотовъ.

(До слѣд. №).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Смерть Кошута.—Его значеніе въ политической исторіи.—Подвиги анархистовъ.—Когда же наконецъ европейскія правительства примутъ мѣры противъ динамитчиковъ? — Взрывъ въ ресторанѣ Файо. — Толки о разоруженіи.—Бесѣды репортеровъ съ королями.—Англійскій бюджетъ на 1894-й годъ.—Побѣда министерства Розбери надъ консерваторами и радикалами.—Конецъ революцій въ Бразиліи.—Помолвка Наслѣдника Цесаревича.

Сошелъ въ могилу одинъ изъ крупныхъ историческихъ дѣятелей, остатокъ эпохи хотя и не далекой отъ насъ, но перешедшей уже въ область преданія, сдѣлавшейся легендарною, какъ легендарны были всѣ эти бойцы за права народовъ, за достоинство человѣка. Кошутъ принадлежитъ безспорно къ числу такихъ людей, какъ Мадзини, Гарибальди, Викторъ Гюго, жившихъ больше для другихъ, чѣмъ для себя, и послѣднимъ представителемъ которыхъ остается, въ нашъ измельчавшій вѣкъ, одинъ Гладстонъ, которому, повидимому, предстоитъ унести съ собою въ гробъ свою ирландскую идею. Диктаторъ Венгріи былъ на три года старше англійскаго министра и родился въ 1806 году, а не въ 1802-мъ, какъ показываютъ его біографы. Пламенный патріотъ не былъ однако кореннымъ мадьяромъ, а принадлежалъ къ племени словаковъ, населяющихъ, въ числѣ двухъ милліоновъ, сѣверную Венгрію. Это трудолюбивое, но бѣдное славянское племя, отрасль чеховъ, занимается ручнымъ трудомъ, добываетъ уголь, разноситъ въ Пештѣ воду, мететъ улицы и т. п. Мадьяры отняли у словаковъ всѣ національныя права и угнетаютъ ихъ, какъ всѣхъ славянъ. Пользуясь по конституціи одинаковыми правами со всѣми народностями имперіи, они протестуютъ напрасно: въ венгерскомъ парламентѣ нѣтъ ни одного словацкаго депутата, и Кошутъ, ратовавшій за свободу мадьяръ,

Digitized by Google

никогда не думалъ о свободѣ своего роднаго племени. Другой словакъ, Палацкій, отстоялъ, по крайней мѣрѣ, литературныя и историческія національныя права чеховъ, моравовъ, словаковъ. Въ исторіи защитниками народа являются нерѣдко лица, принадлежащія чуждому поколѣнію. Парнель былъ американецъ саксонскаго, а не кельтійскаго племени; Мольтке—датчанинъ; Гамбетта, самъ принадлежавшій къ смѣшанной расѣ, говорилъ, что дѣятельные агитаторы происходятъ отъ скрещенія расъ. Фанатическіе приверженцы Кошута не любили, когда имъ напоминали о славянскомъ происхожденіи ихъ вождя, и сочинили ему фантастическую генеалогію, отъ одного изъ семи спутниковъ Арпада, который привелъ на равнины Тейсы монгольское племя угровъ. Лайошъ или Людвигъ Кошутъ родился въ бѣдной семьѣ изъ мелкаго дворянства. Отецъ его былъ управляющимъ въ имѣніи богатаго магната, да и самъ диктаторъ завѣдывалъ въ молодости помѣстьемъ графини Сапари. Кончивъ курсъ правовѣдѣнія, онъ скоро выдвинулся впередъ замѣчательнымъ ораторскимъ искусствомъ на мѣстныхъ сходкахъ комитата. Въ 1832 году сограждане послали его депутатомъ въ пресбургскій сеймъ, гдѣ онъ явился защитникомъ демократическихъ національныхъ принциповъ. Онъ создалъ идею мадьярскаго государства, въ которомъ потомки Аттилы и гунновъ должны были играть господствующую роль. До него въ Венгріи владычествовала каста высшаго сословія, магнатовъ, составленная изъ венгерцевъ, нѣмцевъ, славянъ, пользовавшихся одинаковыми правами; вопросъ о національностяхъ никого не тревожилъ. Чтобы понимать другъ друга, магнаты на сеймѣ говорили по латыни и на этомъ же языкѣ велись протоколы засѣданій. Марія-Терезія и Іосифъ II, въ подражаніе Гогенцоллернамъ, задумали объединить и имперію Габсбурговъ, но что не трудно было устроить въ Помераніи и Бранденбургѣ, было немыслимо между разнородными племенами нѣмцевъ, славянъ, мадьяръ, румынъ, итальянцевъ. Пока не трогали ихъ языка, вѣрованій, коренныхъ обычаевъ, они признавали господство австрійской имперіи, но какъ скоро принялись ломать все это, во имя объединенія, сводившагося въ концѣ концовъ къ онѣмеченію, всѣ національности поднялись на защиту своихъ попранныхъ правъ и на первомъ мѣстѣ явились мадьяры. Французская революція уничтожила всякое различіе между гасконцами, бретанцами, лотарингцами, оверницами и др., и Кошутъ задумалъ сдѣлать тоже въ Венгріи съ русскими, сербами, хорватами, словаками, саксонцами, румынами. Онъ не подумалъ о томъ, что жители французскихъ провинцій принадлежали всѣ къ одному племени, а народы Венгріи принадлежали къ различнымъ расамъ, говорили разными языками, имѣли каждый свои преданія и обычаи. Еще менѣе справедливы и логичны были стремленія Кошута подчинить всѣ народы, живущіе въ Венгріи—мадьярскому племени и заставить ихъ принять его языкъ и убѣжденія. Свобода для своихъ и угнетеніе для другихъ—та-

Digitized by Google

ковъ и до сихъ поръ девизъ мадьяризма, и вотъ почему его настоящее и будущее также непрочны, полны такихъ же смутъ и волненій, какъ было и въ прошломъ. Мадьяръ въ Венгріи всего семь милліоновъ и языкъ ихъ, принадлежащій къ урало-алтайскимъ нарѣчіямъ, сроденъ только финскому, лапландскому и турецкому, а другихъ національностей между мадьярами—восемнадцать милліоновъ, говорящихъ на европейскихъ языкахъ. Требуя освобожденія жителей Венгріи отъ австрійскаго ига, Кошутъ подчинялъ ихъ еще болѣе тяжелому мадьярскому игу. Видя, какъ осуществилась идея его друга Мадзини—объединеніе Италіи,—онъ не принялъ въ разсчетъ, что всѣ эти римляне, ломбардцы, неаполитанцы принадлежали къ одной расѣ, говорили однимъ языкомъ и, въ своемъ изгнаніи, сожалѣлъ о томъ, что не успѣлъ объединить Венгрію. Неужели доступная всѣмъ идея о равноправности и самоуправленіи всѣхъ племенъ не приходила на умъ такому развитому, искренно либеральному дѣятелю?

Венгерскій сеймъ собирался только разъ въ три года и пренія его не были публичны. Поэтому Кошутъ сталъ развивать свои идеи въ журналистикѣ. Онъ основалъ нѣсколько газетъ, изъ которыхъ до сихъ поръ процвѣтаетъ «Pesti Hirlap». Въ 1839 г., онъ высидѣлъ четыре мѣсяца въ тюрьмѣ за оскорбленіе правительства и популярность его была уже такъ велика, что въ странѣ собрали въ нѣсколько дней, въ его пользу, десять тысячъ гульденовъ. Въ 1847 году онъ былъ на сеймѣ представителемъ Пешта и ввелъ въ засѣданія пренія на мадьярскомъ языкѣ, замѣнившемъ латинскій. Съ тѣхъ поръ имя Кошута достигло апогея извѣстности. Послѣ февральской революціи 1848 года императоръ Фердинандъ далъ Венгріи автономное министерство, предсѣдателемъ котораго былъ графъ Людвигъ Батіани, повѣшенный потомъ фельдмаршаломъ Гайнау. Кошутъ былъ въ этомъ кабинетѣ министромъ финансовъ. Венгрія тотчасъ присоединила къ себѣ Хорватію и Славонію. Но хорваты, подъ предводительствомъ своего бана Іелашича и поддерживаемые подъ рукою императоромъ, отказались подчиниться мадьярамъ. Началась война. На помощь хорватамъ явились австрійскія войска, но кабинетъ въ Пештѣ продолжалъ издавать декреты отъ имени короля, воюя противъ его правительства. Кошутъ былъ избранъ президентомъ національной обороны. Виндишгрецъ двинулся съ арміей къ Пешту. Мадьярскій кабинетъ удалился въ Дебречинъ, и тамъ, 14 апрѣля 1849 года, Кошутъ издалъ прокламацію, отнимавшую навсегда у австрійскаго императора венгерскую корону и провозглашавшую полную независимость Венгріи. Кошутъ получилъ титулъ временнаго правителя венгерской республики. Мадьярскія войска одерживали вездѣ побѣды надъ австрійцами. Но на помощь погибающей нѣмецкой имперіи пришла Россія и, вмѣшавшись въ распрю двухъ племенъ, побѣдила мадьяръ. Главнокомандующему ихъ, Гёргею, Ко-

Digitized by Google

шутъ много мѣшалъ своими распоряженіями. Никогда не бывши военнымъ,— завидовалъ ли Кошутъ первоначальнымъ успѣхамъ Гёргея, или подозрѣвалъ его въ измѣнѣ? но онъ скоро понялъ, что въ странѣ не можетъ быть двухъ диктаторовъ и, отказавшись отъ всѣхъ полномочій, передалъ всю власть военачальнику и уѣхалъ 11 августа 1849 г. въ Турцію. Черезъ мѣсяцъ мадьярская армія сдалась русскимъ у Вилагоша. Съ Кошутомъ перешелъ въ границы Турціи четырехъ-тысячный отрядъ съ генералами Бемомъ, Дембинскимъ, Перчелемъ, спасшимися отъ участи ихъ двѣнадцати товарищей, повѣшенныхъ австрійцами. Но турки приняли бѣглецовъ недружелюбно и даже угрожали выдать нѣмцамъ. Кошута заключили въ Кутайю въ Малой Азіи и освободили только въ концѣ августа 1851 г. по настоянію англійскаго и сѣверо-американскаго правительствъ. Въ то время какъ онъ оставлялъ Турцію, его вѣшали въ Пештѣ, en effigie, вмѣстѣ съ Андраши, сдѣлавшимся потомъ первымъ министромъ и другомъ Франца-Іосифа. Онъ поѣхалъ въ Геную, гдѣ его встрѣтили овваціями, также какъ въ Гибралтарѣ и Лиссабонѣ. Въ Марсели Луи-Наполеонъ не позволилъ ему выйти на берегъ Франціи и онъ отправился назадъ въ Англію, гдѣ былъ принятъ съ энтузіазмомъ. Онъ ѣздилъ въ Америку, гдѣ читалъ лекціи о невмѣшательствѣ державъ въ распри племенъ и собиралъ взносы для поддержанія мадьярской національности. Съ Мадзини и Ледрю-Ролленомъ они составили демократическій тріумвиратъ, отъ имени котораго издавали манифесты, съ цѣлью поднять въ Европѣ скорѣе революціонныя, чѣмъ національныя стремленія. Окончательно онъ поселился съ женою, дочерью и двумя сыновьями въ Туринѣ, гдѣ съ нимъ раздѣлили изгнаніе генералы Тюрръ и Клапка, геройскій защитникъ Коморна. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе сорока лѣтъ слишкомъ, Кошутъ продолжалъ питать непримиримую ненависть къ Австріи и участвовалъ во всѣхъ замыслахъ противъ нея. Никакія амнистіи, депутаціи, избранія въ члены сейма не могли заставить его вернуться въ отечество. Забывая о двуличности Наполеона III, онъ предлагалъ ему возстановить венгерское королевство и сдѣлать королемъ принца Наполеона. Во время битвы при Садовой, онъ возбуждалъ мадьяръ соединиться съ прусаками противъ австрійцевъ. Имя Кошута было знаменемъ, вокругъ котораго собирались всѣ враги Габсбурговъ. Но бывшій другъ диктатора Деакъ, умѣренный либералъ, убѣдилъ Франца-Іосифа дать Венгріи самостоятельное управленіе, безъ чего вѣчно угрожала бы опасность ея отложенія отъ имперіи. Система дуализма, принятая въ 1867 году и нелѣпая въ политическомъ отношеніи, дала мадьярамъ полное право угнетать всѣ другія племена, живущія въ Венгріи, но прикрѣпила ее къ имперіи, распаденіе которой усилило бы нѣмецкій элементъ въ средней Европѣ, прибавивъ къ германской имперіи десять съ половиной милліоновъ нѣмцевъ. Въ 1870 году Кошутъ издалъ манифестъ къ сѣверо-американскому народу, прося его, своимъ вмѣшательствомъ, прекратить

Digitized by Google

«страшное истребленіе молодыхъ силъ двухъ націй». Въ 1879 году венгерскій сеймъ постановилъ, что мадьяры, проживавшіе за границей безъ разрѣшенія своихъ консуловъ, лишаются права возвращенія на родину, но изъ уваженія къ Кошуту опредѣлилъ срокъ этого возвращенія черезъ десять лѣтъ, разсчитывая, что диктаторъ не переживетъ этого срока; но старикъ умеръ на 89-мъ году все такимъ же врагомъ Габсбурговъ, хотя соотечественники его достигли почти полнаго самоуправленія упорной борьбою съ нѣмецкой администраціей, вырывая у нея уступку за уступкой и находясь только подъ номинальнымъ владычествомъ австрійскаго дома. И они довольствуются этимъ не безвыгоднымъ для нихъ политическимъ положеніемъ. Но не таковъ былъ вождь ихъ, журналистъ и адвокатъ Кошутъ, дерзко объявившій лишенною престола вѣковую династію императора и, въ теченіе почти полвѣка, не соглашавшійся ни на какіе компромиссы и примиренія. Такія натуры, какъ этотъ упрямый венгерецъ, или поэтъ Гюго, двадцать лѣтъ не возвращавшійся въ отечество, пока въ немъ длилась оргія имперіи, не часто встрѣчаются въ исторіи. Въ 1880 году вышли на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и венгерскомъ языкѣ «Воспоминанія и сочиненія во время моего изгнанія» Л. Кошута, но они относятся только къ періоду итальянской войны. Раньше изданы его «письма къ Бему» и, на англійскомъ языкѣ, его избранныя рѣчи.

Тѣло великаго агитатора было привезено изъ Турина въ Пештъ, вмѣстѣ съ тѣлами его жены и дочери, умершихъ прежде него, и предано въ Пештѣ торжественному погребенію, но безо всякаго участія правительства, котораго онъ не признавалъ. Даже многіе изъ членовъ сейма не явились на погребеніе, такъ какъ Кошутъ называлъ незаконными всѣ постановленія народныхъ представителей, присягнувшихъ Францу-Іосифу. Министерства и все управленіе Венгріею не могли чествовать памяти человѣка, враждебно относившагося ко всему, что дѣлалось на его родинѣ; но мѣстныя власти были настолько безтактны, что, не участвуя въ горѣ народа, не хотѣли отнестись къ нему съ уваженіемъ и, получивъ извѣстіе о смерти диктатора, не прекратили объявленныхъ увеселеній. Послѣдствіемъ этого были сильные двухдневные безпорядки въ Пештѣ. Народъ потребовалъ закрытія спектакля, назначеннаго въ этотъ день, и, когда этого не исполнили, ворвался въ театръ, разогналъ музыкантовъ оркестра и артистовъ, переломалъ мебель въ залѣ и выставилъ огромный черный флагъ въ императорской ложѣ и на крышѣ театра. Вокругъ театра произошло кровавое столкновеніе съ полиціей. Буйства возобновились и на другой день въ гораздо большемъ размѣрѣ, хотя правительство приняло ночью свои мѣры и стянуло въ столицу Венгріи сильные отряды войскъ. Толпы народа собрались передъ палатою депутатовъ, упрекая ихъ въ недружелюбіи къ почившему. Произносились зажигательныя рѣчи,

Digitized by Google

когда принесли извѣстіе, что съ крыши національнаго театра снятъ черный флагъ. Народъ бросился туда, и министръ-президентъ Векерле приказалъ поднять черный флагъ не только надъ театромъ, но и надъ всѣми казенными зданіями. Волненія возобновились вслѣдствіе того, что флагъ не явился на кровлѣ Оперы, такъ какъ зданіе ея не національное, а королевское. На улицѣ Керебесъ кавалеріи пришлось неоднократно ходить въ аттаку. Нѣсколько солдатъ были ранены каменьями, также какъ и между нападавшими. Въ улицѣ всѣ фонари и стекла въ домахъ были перебиты. Подняли человѣкъ сорокъ тяжело раненыхъ; человѣкъ 50 было арестовано. Лучше всѣхъ военныхъ мѣръ на усмиреніе народа подѣйствовало объявленіе сыновей Кошута, что они не привезутъ въ Пештъ тѣла отца, если въ городѣ возобновятся безпорядки,—и похороны произошли въ порядкѣ и безъ волненій. Само собою разумѣется, что австрійскія газеты сильно порицаютъ покойника за низложеніе династіи и за борьбу, которую мадьяры, подъ предлогомъ охраненія конституціи, вели противъ царствующаго дома.

Анархисты продолжаютъ свои подвиги болѣе всего во Франціи, но не оставляютъ своимъ вниманіемъ и остальную Европу. Потомки наши будутъ несомнѣнно останавливаться передъ этими странными явленіями, и особенно передъ отношеніями правительствъ къ этимъ дикимъ картинамъ конца вѣка. Ни въ одномъ государствѣ не позволятъ бродить по улицамъ хищнымъ звѣрямъ или разбойникамъ, вооруженнымъ всѣми орудіями истребленія. Но являются анархисты съ динамитными бомбами и, нисколько не скрывая своихъ намѣреній, говорятъ этому обществу: «цѣль наша истребить и васъ, и цивилизацію, для чего мы изобрѣли болѣе дѣйствительныя орудія, чѣмъ ножи и револьверы». Ихъ арестуютъ, отбираютъ у нихъ бомбы, когда они не были употреблены въ дѣло, отрѣзываютъ головы двумъ тремъ злодѣямъ, изуродовавшимъ нѣсколько человѣкъ и разрушившимъ нѣсколько зданій, а остальныхъ, продержавъ съ мѣсяцъ-два въ тюрьмѣ, отпускаютъ на свободу или за границу: «ступайте, дѣти мои, и продолжайте ваши взрывы, пока не попадетесь вторично». Гдѣ же во всемъ этомъ не только правительственная, но и здравая логика? Преступниковъ, разбойниковъ, помѣшанныхъ заключаютъ въ тюрьмы, отправляютъ въ ссылку, а анархисты разгуливаютъ на свободѣ! Право, кажется, сознаешь наконецъ необходимость, чтобы они взорвали какого нибудь министра или высокопоставленное лицо, чтобы обуздали этихъ милыхъ рыцарей динамита. Авось тогда зашевелятся всѣ эти кабинеты и примутъ мѣры къ очищенію городовъ отъ гнойной язвы, а не будутъ дожидаться, пока она произведетъ по частямъ разрушеніе современнаго общества. Мы не партизаны крутыхъ мѣръ, но вѣдь надобно же, наконецъ, переселить въ какую нибудь колонію всѣхъ этихъ господъ, чтобы они производили опыты саморазрушенія надъ самими собою.

Digitized by Google

Въ Жалліе, близь Гренобля, они взорвали бомбу въ церкви во время богослуженія. Взрывомъ никого не убило, но ранило многихъ и въ давкѣ отъ паники изувѣчено человѣкъ 20. Жалліе — фабричный центръ, но анархисты истребляютъ безо всякаго разбора и своихъ соумышленниковъ. Въ Анжерѣ задержанъ Ганеленъ—издатель газеты «Père Peinard»; изъ Монпелье высланъ русскій подданный Моргульесъ, слушавшій лекціи въ медицинскомъ факультетѣ. Въ Парижѣ открыта цѣлая шайка мошенниковъ, занимавшихся, кромѣ анархизма, поддѣлкою документовъ, вымогательствомъ и шантажемъ. Въ шайкѣ восемь австрійскихъ, восемь русскихъ и шесть нѣмецкихъ разбойниковъ. Новое злодѣяніе анархистовъ произошло по сосѣдству съ сенатомъ, помѣщающимся въ Люксембургскомъ дворцѣ. Дворецъ окруженъ военнымъ карауломъ и доступъ къ нему не легокъ, но противъ одного изъ фасадовъ, въ ресторанѣ Файо, 4-го апрѣля была положена снаружи на подоконникъ бомба, которая произвела сильный взрывъ. Въ ресторанѣ обѣдалъ въ это время поэтъ-анархистъ Тальядъ со своей дамой; ее спасла колонна отъ осколковъ бомбы, но Тальядъ получилъ глубокую рану въ лицо, нѣсколько гвоздей попали ему въ руку и спину. Гораздо серьезнѣе раненъ гарсонъ ресторана. Легкія поврежденія получило нѣсколько лицъ, проходившихъ мимо. Матеріальныя поврежденія зданія весьма значительны: всѣ окна разбиты, столы разрушены, потолокъ продырявленъ точно рѣшето; пострадали и сосѣднія зданія. Виновниковъ взрыва полиція, конечно, не нашла. Послѣ этого взрыва, принялись, однако, задерживать анархистовъ и въ Англіи. Между тѣмъ, въ Испаніи изданъ законъ, что если отъ взрыва не было причинено вреда людямъ, то виновникъ ссылается въ каторгу на время, также какъ и тотъ, у кого найдены взрывчатыя вещества. Подумаешь, какая гуманность! Въ Швейцаріи, кто употребляетъ взрывчатыя вещества съ преступною цѣлью заключается въ тюрьму на 10 лѣтъ, а изготовляющій ихъ—на 5 лѣтъ. Въ Италіи, въ Генуѣ, передъ редакціею газеты Secolo, также взорвало бомбу. Въ Италіи, въ послѣднее время было всего 20 случаевъ взрыва. Въ Берлинѣ анархистскія говорильни процвѣтаютъ. Недаромъ говорилъ Янсонъ: «милитаризмъ бросаетъ народы въ объятія анархизма». Между людьми англосаксонской расы, не занимающейся никакими маневрами, парадами и ученьями, существуетъ суровая борьба труда съ капиталомъ, но вовсе не проявляется стремленія къ уничтоженію людей и собственности.

И въ такое-то время начались опять толки о разоруженіи. Какое же разоруженіе можетъ существовать при этой всеобщей игрѣ въ солдатики, пушки, новыя ружья? Говорятъ, будто Вильгельмъ предлагалъ державамъ приступить къ этой мѣрѣ, но какъ же примирить ее съ увеличеніемъ германской арміи на 60 тысячъ человѣкъ, для чего на страну навалены новые налоги и одинъ изъ нихъ—на биржевыя операціи—уже принятъ передъ закрытіемъ рейхстага, а другіе, какъ налогъ на пиво и табакъ,

Digitized by Google

отложены до возобновленія засѣданій. Уменьшены, правда, тягости, но только въ буквальномъ смыслѣ, для нѣмецкихъ солдатъ. Благодаря разнымъ облегченіямъ въ аммуниціи, солдатъ будетъ носить на себѣ только 27 киллограмовъ т. е. меньше чѣмъ въ другихъ арміяхъ. Газеты помѣстили на своихъ столбцахъ бесѣды корреспондентовъ даже съ такими лицами, какъ датскій и итальянскій короли. Оба они, конечно, горой стоятъ за миръ, но о бесѣдѣ съ датскимъ королемъ сообщилъ жидъ Бловицъ и это одно заставляетъ уже сомнѣваться въ справедливости извѣстія, а королю Гумберту министръ его Криспи сдѣлалъ даже выговоръ въ своей газетѣ, упрекая его за слишкомъ миролюбивыя наклонности. Въ то же время онъ объявилъ въ палатѣ, что малѣйшее уменьшеніе военныхъ расходовъ въ Италіи немыслимо и хотя Вильгельмъ посѣтилъ Гумберта въ Венеціи, но, конечно, не убѣждалъ его разоруживаться. Свидѣвшись съ Франц.-Іосифомъ въ Абацціи, онъ убѣдилъ только Габсбурга послать высшіе знаки ордена св. Стефана президенту французской республики, и потомъ отдалъ визитъ императору въ Вѣнѣ. Свидѣлись они еще разъ въ Кобургѣ, гдѣ дочь нашей великой княгини Маріи Александровны вышла замужъ за герцога Гессенскаго, въ присутствіи всѣхъ высокихъ родственниковъ, королевы Викторіи, Наслѣдника Цесаревича и др., но въ число которыхъ не пустили принца Фердинанда, болгарскаго самозванца, хоть онъ и очень хлопоталъ объ этомъ въ Вѣнѣ, куда привезъ лѣчиться больную жену и сына.

Англійскій канцлеръ казначейства Гаркортъ внесъ въ палату общинъ бюджетъ на текущій годъ съ дефицитомъ въ четыре съ половиной милліона фунтовъ стерлинговъ (45 милліоновъ рублей). Дефицитъ этотъ предполагается покрыть реформой налога на наслѣдства и повышеніемъ налога подоходнаго. Въ дефицитѣ нѣтъ ничего тревожнаго. Налоги, уплачиваемые англичанами, очень умѣренны въ сравненіи съ тѣми, какіе платятъ другія государства, и напрасно бывшій министръ финансовъ консерваторъ Гошенъ называетъ эту государственную роспись прискорбною. Поднялась противъ либеральнаго кабинета и другая оппозиція—радикальная. Ультра-радикалы Лабушеръ и Мортонъ подняли вопросъ объ упраздненіи надѣла герцога Альфреда Кобургскаго, переставшаго быть англійскимъ принцемъ со времени вступленія на престолъ германскаго герцогства. Ставить на очередь подобный вопросъ въ парламентѣ, въ тотъ моментъ, когда праздновалась свадьба внучки королевы Викторіи съ великимъ герцогомъ Гессенъ-Дармштадтскимъ, было преднамѣренной безтактностью англійскихъ республиканцевъ, никогда, впрочемъ, открыто не высказывавшихъ своихъ мнѣній. Правительство, конечно, воспротивилось этой выходкѣ, и предложеніе было отвергнуто 298 голосами противъ 67.

Въ Бразиліи кончилась революція, продолжавшаяся болѣе полугода.

Digitized by Google

Это было странное возстаніе части войска противъ своего правительства, и войну эту называли «войною адмираловъ». Дѣло шло не изъ-за какой нибудь идеи, дрались не за свободу народа, не за права, попранныя насиліемъ, а за личные интересы, за сохраненіе и пріобрѣтеніе теплыхъ мѣстечекъ. Досужіе журналисты толковали сначала о возвращеніи народа къ идеямъ монархіи, о возстановленіи въ странѣ династіи низвергнутаго императора Донъ-Педро II. Нашли какого-то внука его въ вѣнской школѣ и около него закопошились интриганы и заговорщики. Но все это оказалось пуфомъ. Народъ не игралъ ровно никакой роли въ этой революціи. Это было обыкновенное военное пронунсіаменто, до котораго такіе охотники испанскія расы. По смерти президента Фонсеки, вице-президентъ Пейхото вступилъ въ управленіе Бразиліею. Въ республиканской конституціи страны не былъ предусмотрѣнъ случай оставленія президентомъ своего мѣста раньше срока, на который онъ былъ выбранъ. Пейхото, ссылаясь на конституцію Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, по которой вице-президентъ, въ случаѣ смерти президента, становится главою государства, не захотѣлъ выпустить изъ своихъ рукъ выгодное мѣсто и составилъ только новый кабинетъ, въ которомъ адмиралъ Мелло взялъ портфель морскаго министра, но черезъ два мѣсяца, не подѣливъ что-то съ Пейхото, нашелъ его дѣйствія незаконными и потребовалъ новыхъ президентскихъ выборовъ. Ему предложили, конечно, самому убираться куда угодно; тогда онъ поднялъ знамя возстанія. Къ нему присоединились еще два адмирала: Салданья и да-Гама. Началась преимущественно морская война, причинившая большія матеріальныя потери, но стоившая мало крови, потому что взбунтовавшіеся адмиралы ограничивались бомбардировкою Ріо-Жанейро со своихъ судовъ и перестрѣлкою съ кораблями, оставшимися вѣрными правительству. Но этихъ кораблей было мало, и Пейхото, поддерживаемый втайнѣ сѣверо-американцами, опасавшимися монархической реставраціи, купилъ у нихъ по сходной цѣнѣ нѣсколько кораблей, вооружилъ, и они, придя къ берегамъ, поставили мятежниковъ между двухъ огней: съ береговыхъ батарей и съ президентскаго флота. Положеніе сдѣлалось критическимъ. Офицеры инсургентовъ стали искать убѣжища на иностранныхъ судахъ, а покинутые ими экипажи сдавались вмѣстѣ съ кораблями. Изъявили покорность, наконецъ, и адмиралы, кромѣ Мелло, попытавшагося высадиться въ Уругваѣ, откуда его попросили однако удалиться, и онъ принужденъ былъ сложить оружіе. Пейхото потребовалъ было у иностранныхъ капитановъ выдачи мятежныхъ офицеровъ, но ему отказали и они уѣхали въ Португалію. Но побѣдивъ возстаніе на морѣ, президентъ долженъ еще справиться съ мятежемъ на сухомъ пути, гдѣ недовольство правительствомъ всеобщее, а двѣ обширныя провинціи Бразиліи: Ріо-Гранде и до-Суль совершенно отложились и объявили себя независимыми.

Digitized by Google

Вслѣдъ за бракомъ герцога Гессенскаго объявлена помолвка Наслѣдника Цесаревича съ принцессою Алисою Гессенскою, родившеюся 25 мая 1872 года. Она—младшая сестра великаго герцога, вступившаго нынѣ въ бракъ съ дочерью великой княгини Маріи Александровны. Всѣ ея сестры замужемъ: принцесса Викторія за принцемъ Людвигомъ Баттенбергскимъ, великая княгиня Елизавета Ѳедоровна за великимъ княземъ Сергѣемъ Александровичемъ, принцесса Ирена—за принцемъ Генрихомъ прусскимъ, братомъ Вильгельма II. Мать невѣсты, принцесса Алиса, дочь королевы Викторіи и герцогиня Саксонская, умерла въ 1878 году; отецъ, великій герцогъ, въ 1892 году.

НОВЫЯ КНИГИ.

Осенніе листы (листья?). Новые разсказы *І. Ясинскаго.* 1893 г.

Этого беллетриста незачѣмъ рекомендовать ни русской публикѣ, ни читателямъ нашего журнала. Они давно уже знаютъ его самобытное дарованіе, выдвигающее его изъ ряда современныхъ романистовъ. Онъ умѣлъ создать себѣ между ними своеобразную физіономію, свою манеру разсказа, свой оригинальный слогъ, отличающій его отъ плеяды собратій. Пиши онъ на другомъ языкѣ, онъ давно попалъ бы въ «литературныя знаменитости», въ «отрадныя явленія», въ «могучіе таланты», былъ бы осыпанъ восторженными эпитетами, до которыхъ особенно большіе охотники французы. Но русская критика, какъ извѣстно, скупа на восхваленія и удивленія. Она высказываетъ очень сдержанныя сужденія о нашей беллетристикѣ, бранитъ охотно, больше отыскиваетъ слабыя, чѣмъ блестящія стороны у авторовъ; длинныхъ статей объ нихъ не пишетъ, въ разсужденія о «темныхъ царствахъ» и въ отвлеченный анализъ не пускается. Но и эта критика была всегда, за немногими исчисленіями, довольно благосклонна къ г. Ясинскому. Она возставала только противъ его многописанія, не позволявшаго автору, по временамъ, глубже обдумывать свои произведенія и придавать имъ болѣе законченную форму. Въ послѣднія 15 лѣтъ, кромѣ тома стихотвореній и мелкихъ журнальныхъ статей, печатавшихся почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, онъ издалъ шесть большихъ романовъ и пять томовъ повѣстей и разсказовъ, число которыхъ доходило до 60-ти. Другой, еще болѣе основательный упрекъ, обращенный къ романисту, состоялъ въ томъ, что̀ не все печатаемое въ текущей прессѣ слѣдуетъ еще разъ перепечатывать въ сборникѣ и сохранять для потомства. Въ вышедшемъ нынѣ объемистомъ томѣ разсказовъ (болѣе 570-ти страницъ) такихъ пьесъ, посвященныхъ минутнымъ злобамъ дня и недостаточно отдѣланныхъ—немного, но зато между ними есть и такіе очерки, которые

Digitized by Google

навсегда останутся въ нашей беллетристикѣ. Первое мѣсто между ними занимаетъ разсказъ «Откровенный». Это такой выдержанный и мастерски обрисованный типъ русскаго «реализма», съ которымъ сравнятся не многія картины школы Золя и его послѣдователей. Во французскихъ романахъ нерѣдко являются героями циники, откровенно проповѣдующіе принципы нравственной анархіи, дѣлающіе всякія мерзости и устраивающіе свое благосостояніе на гибели порядочныхъ людей. Въ нашей литературѣ есть нѣсколько подобныхъ типовъ, особенно у Писемскаго, но циникъ, изображенный г. Ясинскимъ, можетъ служить образцомъ такихъ характеровъ, нерѣдко встрѣчающихся въ нашемъ малокультурномъ обществѣ, хоть и не такъ откровенно высказывающихъ свои убѣжденія. Это лицо, игравшее видную роль въ администраціи города Прилинска, а теперь блаженствующее въ отставкѣ, въ нажитомъ имъ всѣми неправдами домѣ и имѣніи, раскрываетъ передъ авторомъ принципы своего міросозерцанія. Онъ хоть изъ семинаристовъ, но окончилъ курсъ въ университетѣ, гдѣ былъ распорядителемъ студенческой столовой, кормилъ товарищей хорошо, но удерживалъ съ нихъ по полтинничку въ мѣсяцъ, въ свою пользу, что̀ позволило ему въ $2^1/_2$ года скопить тысячу рублей. Онъ поступилъ на службу, былъ три раза женатъ, но нажилъ состояніе тѣмъ, что отдавалъ деньги въ ростъ, больше всего городскимъ бѣднякамъ, такъ какъ они переплачиваютъ на всемъ, а больше всего на кредитѣ такимъ же ростовщикамъ. «Мы хоть въ Бога вѣруемъ, но на небеса не смотримъ,—говоритъ герой,—и не отрицаю, что я—свинья». Такое признаніе хоть и немножко рѣзко, но вполнѣ характеризуетъ этого погрязшаго въ Прилинскѣ ростовщика, изучавшаго философію права и пожимавшаго руки юношамъ, пострадавшимъ за свои убѣжденія.—«Не понимаю, что̀ постыднаго въ словѣ свинья,—прибавляетъ онъ,—есть нѣчто героическое и почтенное въ свиньѣ простодушной, предупреждающей всѣхъ о своемъ свинствѣ. Открытое сознаніе въ немъ честнѣе свинства лицемѣрнаго, желающаго обмануть другихъ маскою порядочности». На замѣчаніе, что есть же люди, выходящіе на арену жизни съ открытымъ забраломъ—а они далеко не свиньи—циникъ возражаетъ: «есть такіе люди-овцы, которыхъ стригутъ, есть собаки, которыя стерегутъ стриженіе, какъ есть и соловьи, которые поютъ, чтобъ усладить слухъ... даже, можетъ быть, свиней. А захочетъ раздѣлить соловей со свиньей трапезу и станетъ клевать изъ корыта—свинья его сожретъ». Повторяемъ еще разъ, что мы не знаемъ другаго такого цѣльнаго, своеобразнаго циническаго типа въ нашей литературѣ.

Г. Ясинскій — родомъ изъ нашихъ юго-западныхъ окраинъ и въ его сборникѣ набросано нѣсколько любопытныхъ типовъ и картинъ литовско-польскаго быта: скупая старуха пани Лабовичева, пьяный ополячившійся помощникъ акцизнаго надзирателя Ерьевъ, два жидовскіе портрета: Юцко

Digitized by Google

и Шлемка,—два врага, готовые изъ-за наживы перерѣзать горло другъ другу, хотя талмудъ позволяетъ имъ это дѣлать только съ христіанами. Есть у автора и литературный типъ—московскаго журналиста, старика Втусенко, болѣе пьющаго, чѣмъ пишущаго. Въ этомъ разсказѣ рельефно обрисована редакція уличной прессы въ Москвѣ. Есть у него еще одна литературно-психологическая попытка—въ очеркѣ: «Исповѣдь Позднышева»—объяснить характеръ этого страннаго лица, созданнаго нашимъ великимъ писателемъ, но мы не можемъ сказать, чтобы эта попытка была особенно удачна: объясненіе вышло длинно, мѣстами скучно и неопредѣленно. Что такой типъ могъ заинтересовать беллетриста—это понятно, но для вѣрной и всесторонней оцѣнки этого сложнаго характера нуженъ глубокій философскій анализъ, еще невполнѣ выработавшійся въ произведеніяхъ г. Ясинскаго, хотя авторъ съ каждымъ годомъ развиваетъ область своихъ наблюденій и научныхъ знаній. Фантастическій элементъ этого очерка также совершенно лишній: онъ вообще не удается автору, совершенно чуждому всякаго мистицизма, что̀ говоритъ въ пользу основательности его міровоззрѣнія. Поэтому и вышелъ малосодержателенъ его разсказъ: «Поздній гость», гдѣ къ содержателю музея восковыхъ фигуръ является какой-то фантастическій посѣтитель, неизвѣстно для чего осматривающій Наполеоновъ, Клеопатръ, инквизиторовъ. Очень типичны у автора описанія захолустныхъ и вымирающихъ городовъ и малоизвѣстныхъ мѣстностей съ ихъ своеобразными обитателями. Таковы разсказы: «Заповѣдный лѣсъ», «Цыганъ», «Филиппъ». Слабѣе другихъ въ этой серіи—повѣсть «Агата», гдѣ автору не удался характеръ капризной польки, на которой женится 45-лѣтній помѣщикъ и, конечно, раскаивается. Есть у него повѣсть и съ трагическимъ исходомъ: «Гриша Горбачевъ», гдѣ невѣста малообразованнаго купца влюбляется въ гимназиста, готовящагося въ университетъ, и топится въ рѣкѣ безъ серьезныхъ поводовъ. Комическій элементъ не всегда удается автору и исторія свадьбы табачнаго торговца въ повѣсти «Графъ» мало интересна и отзывается шаржемъ. Есть у него граціозныя, слегка набросанныя картинки, какъ «Лунная ночь», «Невозвратное время». Досадная газетная спѣшность видна въ разсказѣ «Въ лучахъ заката», гдѣ мать должна уступить своего жениха своей дочери, влюбившейся въ своего будущаго вотчима. Но всѣ эти недоконченные и неотдѣланные очерки читаются съ интересомъ и написаны вполнѣ литературнымъ своеобразнымъ слогомъ, выдвигающимъ даровитаго автора изъ уровня современныхъ беллетристовъ.

Сочиненія **Шелли**. Переводъ съ англійскаго *К. Д. Бальмонта*. Выпускъ 2-ой. 1893.

Въ прошломъ году мы отдали отчетъ о первомъ выпускѣ этого перевода, принадлежащаго молодому поэту, не попавшему въ словарь русскихъ писателей, но успѣвшему уже съ тѣхъ поръ издать томъ своихъ

Digitized by Google

стихотвореній и перевести томъ скандинавскихъ писателей. Онъ обѣщаетъ и дальнѣйшіе выпуски Шелли, а во второмъ даетъ поэму «Аласторъ» десять мелкихъ пьесъ и прозаическій отрывокъ «о любви». Въ нашемъ разборѣ перваго выпуска, мы указали г. Бальмонту на его преувеличенныя восхваленія поэта, безспорно даровитаго, но далеко не составившаго эпохи въ исторіи англійской, а тѣмъ болѣе—всемірной литературы. Мы говорили переводчику, что русскихъ писателей незачѣмъ знакомить со всѣми произведеніями Шелли, а достаточно привести главнѣйшія, разсказавъ содержаніе остальныхъ и сдѣлавъ изъ нихъ выдержки. Но поэты неохотно слѣдуютъ совѣтамъ критики и г. Бальмонтъ приподнесъ публикѣ во второмъ выпускѣ одну изъ самыхъ слабыхъ пьесъ Шелли и продолжаетъ также восхищаться имъ и ею. По мнѣнію переводчика, «Аласторъ»—поэма, блещущая всѣми цвѣтами радуги; торжественный пантеизмъ Шелли шире, чѣмъ у Гёте, обожествленіе природы восторженнѣе. Гёте, видите ли: «наполовину сынъ нашего времени; Шелли принадлежитъ всѣмъ временамъ, хотя въ немъ больше индійскаго элемента, чѣмъ эллинскаго. Въ «Аласторѣ» поэтъ, какъ опьяненный мечтою композиторъ, сочетаетъ звуки разныхъ аккордовъ въ одинъ величественный хоралъ. Тутъ и дуновеніе молчаливой вѣчности, и музыка незримыхъ голосовъ природы, и скорбь объ отверженности генія», и множество другихъ громкихъ, но пустыхъ словъ, заключающихся тѣмъ, что «Шелли—временному дастъ вѣчное, землѣ—сверхземное». Если г. Бальмонтъ думаетъ, что такими надутыми фразами опредѣляется значеніе поэта, то онъ очень ошибается. Все это однѣ погремушки, которыхъ чуждается серьезная критическая оцѣнка. Французы—большіе охотники до такихъ вычурныхъ погремушекъ, но всѣ эти «faiseurs d'emphase et tous les baladins qui dansent sur la phrase», какъ сказалъ поэтъ, возбуждаютъ въ русскомъ человѣкѣ непріятное впечатлѣніе. «Аласторъ» написанъ 80 лѣтъ назадъ и для нашего времени—не только совершенно пустая, но и довольно дикая вещь. Въ двадцатыхъ годахъ вся литературная критика въ Англіи отзывалась съ негодованіемъ объ юношескихъ произведеніяхъ Шелли, даже о лучшемъ изъ нихъ: «Раскованномъ Прометеѣ». «Отличительная черта его поэзіи—совершенное отсутствіе всякаго здраваго смысла»—говорилъ Quarterly Review. «Литературная газета» прибавляла: «его поэзія—смѣсь безсмыслицы, вздора, умственной пустоты и педантства». Этотъ рѣзкій приговоръ, конечно, смягчился впослѣдствіи, какъ и сужденія о самомъ поэтѣ; но «Аласторъ» все таки остается по меньшей мѣрѣ неудачною и очень скучною вещью. Георгъ Брандесъ, отзываясь очень благосклонно о поэтѣ въ своемъ сочиненіи, недавно разобранномъ нами въ «Наблюдателѣ»:—«Главныя теченія литературы девятнадцатаго столѣтія»—не говоритъ однако ни слова объ Аласторѣ. Профессоръ Кирпичниковъ, въ своей «Всеобщей исторіи литературы» (изданіе Рикерта), также умалчиваетъ объ этой поэмѣ. У Шерра объ ней

Digitized by Google

всего четыре строки. Въ «Исторіи всемірной литературы» В. Р. Зотова, въ восьми строкахъ разсказано содержаніе поэмы и не прибавлено ни одного слова похвалы. Содержаніе это очень вычурно и странно. Аласторъ—миѳическое существо, придуманное поэтомъ, карающее гордыя и неукротимыя натуры, завоя ихъ въ пустынныя мѣста и отдавая на жертву величественному, но разрушительному вліянію природы. Такой жертвой является герой поэмы—молодой мечтатель, утоляющій жажду знанія философіей и одаренный страстной любовью къ жизни, правдѣ, красотѣ, свободѣ. Не находя живаго существа, которое отвѣчало бы его идеалу, онъ сходитъ въ преждевременную могилу, истерзанный разочарованіемъ. И все тутъ. Но чтобы усвоить себѣ эту поэтическую премудрость, надо прочитать сорокъ страницъ рубленой прозы, называемой бѣлыми стихами, между которыми по временамъ встрѣчаются недурныя картины природы. Такимъ богатствомъ творческой фантазіи можно было восхищаться въ началѣ нашего столѣтія, а не въ концѣ его. Вмѣсто дѣйствительной поэзіи, пересмотрѣнные стихи исполнены риторикой и вычурными метафорами. Тутъ и «благочестіе любви», и «родники изъ яда и огня», и «одна душа пространнѣе другой»; Индъ и Оксъ возносятъ въ высь воздушныя вершины; кровь переливается краснорѣчиво; тяжкій сонъ, какъ черная рѣка, открываетъ теченье беззвучныхъ волнъ надъ опустѣвшимъ мозгомъ; струи «курчавятъ» грудь водопада; стрекоза называется коромысломъ—и много другихъ курьезовъ. И хотя переводъ г. Бальмонта звученъ и гладокъ, но едва ли онъ привлечетъ русскихъ читателей къ эксцентрическому англійскому поэту. Въ мелкихъ пьесахъ его, приведенныхъ во второмъ выпускѣ, также нѣтъ ничего замѣчательнаго, а пять страничекъ размышленій о любви любопытны только по своей наивности.

Исторія эллинизма. *І. Дройзена.* Переводъ Ѳ. Циммермана. Томъ третій. Исторія эпигоновъ. Изданіе К. Солдатенкова. Москва, 1893 г.

Годъ тому назадъ, мы отдали отчетъ о второмъ томѣ этой книги, вышедшей въ русскомъ переводѣ. Теперь вышелъ и послѣдній томъ; въ немъ болѣе 700 страницъ компактной печати и, точно также какъ въ первыхъ томахъ, читателя поражаетъ громадная эрудиція автора, изумительная начитанность и добросовѣстное, педантическое отношеніе къ изслѣдованію мельчайшихъ фактовъ достаточно запутанной и темной исторіи распаденія монархіи Александра Македонскаго. И надо сказать прежде всего, что эти факты, часто не имѣющіе значенія для хода событій, нагромождены въ такомъ количествѣ, что разбираться въ нихъ и не легко, и скучно, да и безполезно. Пока дѣло идетъ о крупныхъ дѣятеляхъ и царствахъ, какъ Лагиды, Селевкиды, Пирръ, Антигонъ, Димитрій, Антіохъ, интересъ въ читателѣ поддерживается ихъ войнами и похожденіями, но когда начинается исторія Атропатены, Каріи, галатовъ, иллирійцевъ, онъ значительно ослабѣваетъ, и начинаешь сожалѣть, къ чему такая масса

Digitized by Google

знанія потрачена такъ непроизводительно на собираніе мелкихъ фактовъ, не имѣвшихъ никакого вліянія на тогдашнее общество. Странно, что, представивъ мрачныя картины междоусобій, разрушенія городовъ, кроваваго деспотизма, растлѣнія придворныхъ нравовъ, историкъ относится оптимистически къ обществу той эпохи. Отчасти это происходитъ отъ желанія Дройзена придать слишкомъ большое значеніе эллинизму. Культурное развитіе древней Эллады было огромно; ему былъ причастенъ и македонянинъ Александръ, бывшій такимъ же варваромъ въ глазахъ грековъ, какъ всѣ ихъ сосѣди. Наслѣдники его очень мало заботились о распространеніи эллинскаго духа между варварами Азіи и другихъ странъ. Странно утверждать, какъ это дѣлаетъ авторъ, что если при Александрѣ исчезло въ Греціи поэтическое творчество, то началось царство науки и даже гуманности. Хороша была гуманность у всѣхъ этихъ Птолемеевъ и Селевковъ! Дройзенъ сильно склоняется также къ религіи Іеговы, что̀ заставляетъ подозрѣвать въ немъ семитическое происхожденіе, хотя онъ и родился въ Трептовѣ, маленькомъ городкѣ Померанія. Профессоръ исторіи въ Кильѣ, онъ горячо отстаивалъ независимость Голштиніи и Шлезвига отъ Пруссіи и соединеніе ихъ съ Даніей, и написалъ съ этой цѣлью, въ 1846 году, протестъ отъ имени университета, также какъ «Исторію датской политики». Временное правительство въ Кильѣ отправило его въ 1848 году во франкфуртскій парламентъ, гдѣ онъ участвовалъ въ составленіи имперской конституціи и напечаталъ ея протоколы. Съ 1851 года онъ былъ профессоромъ въ Іенѣ и работалъ тутъ очень много. Еще въ молодости, переводя Эсхила и Аристофана, онъ началъ въ Берлинѣ свою исторію Александра и эллинизма, издавая послѣднюю по томамъ со значительными перерывами. Въ Берлинѣ же онъ написалъ два тома «Исторіи войны за освобожденіе» и «Жизнь фельдмаршала Іорка Вартембургскаго», но а Іенѣ издалъ два еще болѣе замѣчательныхъ труда: «Принципы исторіи», заключающіе въ себѣ философскую теорію этой науки, и «Исторію прусской политики», доведенной до начала царствованія Фридриха II. Въ этой книгѣ пламенный защитникъ угнетенныхъ датскихъ герцогствъ и членъ франкфуртскаго парламента доказываетъ самымъ настоятельнымъ образомъ необходимость для Германіи воплотиться въ Пруссію. Умеръ онъ десять лѣтъ тому назадъ, на 75 году, до конца жизни работая надъ своимъ любимымъ, хотя и одностороннимъ, но чрезвычайно важнымъ трудомъ—исторіею эллинизма, переполненною массою фактовъ, разбросанныхъ въ сотняхъ самыхъ разнообразныхъ и нерѣдко малодоступныхъ источниковъ. Появленіе этой книги на русскомъ языкѣ было весьма желательно, хотя она могла бы, безъ всякаго ущерба и для науки, и для русскихъ читателей, явиться въ гораздо болѣе сокращенномъ видѣ. Мы говорили уже объ излишнемъ изобиліи въ прежнихъ томахъ греческихъ цитатъ и документовъ, мало доступныхъ нашей публикѣ.

Digitized by Google

И въ третьемъ томѣ—изъ 700 страницъ только 330 принадлежатъ собственно исторіи, а остальныя заняты приложеніями и примѣчаніями, хронологическими таблицами, списками македонскихъ царей, описаніемъ городовъ, основанныхъ Александромъ, и пр.

Но что̀ мы находимъ совершенно неудачнымъ и даже неприличнымъ для капитальной книги Дройзена — это порученіе издателемъ перевода третьяго тома какому-то г. Циммерману, положительно искажающему бѣдный русскій языкъ. Намъ уже приходилось говорить объ этомъ неумѣломъ переводчикѣ и неосмотрительности г. Солдатенкова, поручающаго первому встрѣчному серьезныя работы, рѣшающія достоинство изданія. Нѣтъ возможности привести всѣхъ циммермановскихъ красотъ слога. Вотъ на выдержку нѣкоторыя: «они возобновили изсякшее, цвѣтущее состояніе; политическія отношенія, примкнувъ къ именамъ, простерлись... согласились искупить спокойствіе; стали снаряжаться на крайнее сопротивленіе; развитіе народовъ было истощено и разбито; это хаотическое состояніе было исполнено и чревато элементами; Спарта была снаряжена всѣми средствами; показаніе Аніана объ основаніи перваго Селевка» (это значитъ: города, основаннаго первымъ Селевкомъ). Переводчикъ пишетъ: Пирръ велѣлъ «взорвать» (чѣмъ? не порохомъ-ли?) часть стѣны; Каллимахъ сочинялъ псалмы. Онъ употребляетъ неуклюжія слова: твореніе о Кангаѣ, убояся, низринувъ, грамотеда, лютнистки, намедни и др. Такая небрежность языка непростительна и для ученика низшихъ классовъ гимназіи, не только для переводчика серьезнаго труда.

Всеволодъ Чешихинъ. Стихи (1887—1893). Рига. 1894.

Сборникъ стихотвореній г. Чешихина состоитъ изъ пяти отдѣловъ или рубрикъ: 1) поэмы и драматическіе отрывки, 2) баллады и фантазіи, 3) гимны и элегіи, 4) лирическія стихотворенія и 5) посланія и альбомныя стихотворенія. Мы нарочно дали этотъ подробный перечень отдѣловъ, чтобы показать, насколько разнообразны претензіи молодаго поэта: повидимому, онъ испробовалъ себя во всѣхъ родахъ, видахъ и формахъ поэтическаго творчества. Нельзя не сказать однако, что молодой авторъ поспѣшилъ сдѣлать слишкомъ подробное revue своей немноголѣтней поэтической дѣятельности и смѣло могъ бы, хоть ради собственной пользы, нѣсколько построже—

Весь грузъ тамъ перерыть! Быть можетъ, намъ на горе,
Таится тамъ товаръ зловредный и запретный...

какъ онъ самъ говоритъ въ «Сонетѣ къ читателю», помѣщенномъ въ видѣ предисловія къ поэмѣ «Бетховенъ». Поэма написана недурными бѣлыми стихами, но черезчуръ растянута и было бы не лишнимъ ее сократить, выкинувъ неудачныя фразы и даже цѣлыя строфы.

Длинная повѣсть въ стихахъ «Любовь къ бытію» насъ совершенно не удовлетворила: безсильныя потуги на совсѣмъ невеселое остроуміе и

Digitized by Google

острословіе; странный, черезчуръ вольный стихъ; нетипичность выведенныхъ въ «романтической» поэмѣ лицъ—все это производитъ непріятное впечатлѣніе и наводитъ на мысль: не хотѣлъ ли авторъ вышутить кого либо, или написать пародію на что-то... Къ сожалѣнію, повѣсть занимаетъ чуть не полъ-книги «Стиховъ» и безспорно составляетъ тотъ «товаръ зловредный», который авторъ долженъ былъ бы выкинуть, подъѣзжая съ своимъ сборникомъ къ шлагбауму критической таможни.

Зато не дуренъ драматическій отрывокъ «Фульвія», въ которомъ есть и драматическое движеніе, и сильно выраженная мысль.

Но что̀ намъ рѣшительно понравилось, такъ это «Вѣнокъ сонетовъ на могилу М. Е. Салтыкова»; это—стихотвореніе, написанное въ очень трудной метрической формѣ corona dei sonetti, гдѣ каждый сонетъ связывается съ послѣдующимъ посредствомъ повторенія послѣдней строчки, а послѣдній сонетъ является какъ бы резюмирующимъ четырнадцать первыхъ. Въ этомъ «вѣнкѣ» есть вполнѣ удачныя, по формѣ и по искреннему лирическому чувству, строфы:

«...Ты насъ будилъ. Твой голосъ съ высоты
Надъ нами несся вольно и широко,
И свѣточъ твой былъ страшенъ для порока,
И мы своей стыдились наготы!
Но кто жь тебя смѣнилъ, незамѣнимый,
Страдающій, любящій Прометей,
Отверженный и горячо любимый?
Гиганта мечъ подыметъ ли пигмей?»

«Грядущіе варяги» написаны въ еще болѣе рѣдкой формѣ *канцоны*. Какъ видитъ читатель, г. Чешихинъ не чуждался ни одной стихотворной формы и не боялся трудностей, сопровождающихъ такія устарѣлыя формы, какъ «вѣнокъ сонетовъ» и «канцона», выработанныя Дантомъ и Петраркою. Несомнѣнно эти упражненія послужатъ ему въ будущемъ съ пользою: отшлифуютъ его не всегда гладкій стихъ, придадутъ ему гибкость и подчинятъ технику—мысли. Пожелаемъ же поэту дальнѣйшаго усовершенствованія на избранномъ имъ поэтическомъ пути. Покуда мы можемъ указать на нѣсколько особенно удачныхъ пьесъ, каковы: Бронзовый быкъ, Тимуръ, На смерть Гончарова, Диллетантъ и Муза (памяти Чайковскаго), а изъ лирическихъ стихотвореній: «Подайте нищему», «Поэтъ и красавица», «Соловей надъ розой», «Моя любовь ручьемъ была» и мн. др. Вообще отдѣлъ лирическихъ стихотвореній—лучшій во всемъ сборникѣ.

Наука гражданскаго права въ Россіи, проф. казанскаго университета, *Г. Ф. Шершеневича*. Казань. 1893.

Книга проф. Шершеневича представляетъ собою обзоръ, въ хронологическомъ порядкѣ, русской литературы гражданскаго права. Развитіе этой науки, раздѣлившей судьбу всѣхъ наукъ въ нашемъ отечествѣ, на-

Digitized by Google

ходилось подъ вліяніемъ ученыхъ западной Европы,—вотъ почему русская литература гражданскаго права представляетъ постепенную смѣну направленій, соотвѣтствовавшихъ движенію науки на западѣ. Разсматривая весь ходъ историческаго развитія науки гражданскаго права, авторъ отмѣчаетъ въ этомъ процессѣ три момента: въ первомъ періодѣ развитія этой науки отразилось вліяніе ученія естественнаго права; во второмъ—историческаго направленія, и въ третьемъ, наконецъ, вліяніе историко-философской школы.

Отвлеченное направленіе русской юриспруденціи, находившейся подъ вліяніемъ теоріи естественнаго права, прошло почти безслѣдно для науки гражданскаго права и продолжалось до изданія свода законовъ. Совсѣмъ иное значеніе имѣла историческая школа для русской юриспруденціи. Относясь неблагопріятно къ естественному праву, какъ порожденію революціонной эпохи, правительство само содѣйствовало перенесенію историческаго направленія въ русскіе университеты. Съ этой цѣлью были отправлены въ Берлинъ къ главѣ исторической школы, Савиньи, нѣсколько молодыхъ людей, которые до этого занимались изученіемъ русскаго законодательства, подъ личнымъ руководствомъ графа Сперанскаго. Молодая страна, съ далекимъ и темнымъ прошлымъ, составляла благодарную почву для историческихъ изысканій. Составленіе свода законовъ и полнаго собранія законовъ встряхнуло пыль съ историческихъ памятниковъ и возбудило интересъ къ изслѣдованію прошлой жизни Россіи. Первыя изслѣдованія по исторіи русскаго права были сдѣланы не русскими, а иностраннымъ ученымъ (Эверсъ, Рейцъ, Мацѣевскій). За иностранцами послѣдовалъ рядъ блестящихъ именъ русскихъ ученыхъ—Неволинъ, Морошкинъ, Калачевъ, Кавелинъ, Пахманъ, Мейеръ, Капустинъ и др. Русская наука гражданскаго права, съ перенесеніемъ на нашу почву идей исторической школы, обогатилась крупными трудами, посвященными не только изслѣдованію тѣхъ или другихъ институтовъ, но и обнимающими всѣ части гражданскаго права въ ихъ историческомъ развитіи. Стоитъ вспомнить только капитальный трудъ проф. Неволина: «Исторію гражданскихъ законовъ», обнимающую всю особенную часть гражданскаго права, и трудъ Мейера, явившійся первымъ полнымъ и систематическимъ изложеніемъ русскаго гражданскаго права. Введеніе судебныхъ уставовъ 1864 года, являясь крупнымъ событіемъ въ юридической жизни Россіи, имѣло рѣшительное вліяніе на развитіе русской юридической литературы. Результатами введенія судебныхъ уставовъ были, прежде всего, запросъ на образованныхъ юристовъ и потребность въ догматической разработкѣ отечественнаго права, замѣнившей собою исключительно-историческое направленіе въ юриспруденціи. Самыми видными представителями этого направленія русской юридической литературы, которое заключается въ дѣйствительномъ служеніи жизни, являются: К. Д. Кавелинъ, К. П. По-

Digitized by Google

бѣдоносцевъ, г. Пахманъ и другіе ученые, стремившіеся содѣйствовать практикѣ разработкою важныхъ для нея вопросовъ.

Затѣмъ проф. Шершеневичъ даетъ полный обзоръ русской литературы гражданскаго права и приходитъ къ тому заключенію, что юриспруденція не пустила еще глубокихъ корней въ нашу жизнь и нашу практику, и не опредѣлила себѣ пути, по которому должны идти дальнѣйшія изслѣдованія русскихъ ученыхъ.

Первое время наука гражданскаго права шла своей дорогой, нисколько не интересуясь жизнью и не заботясь о ней. Затѣмъ, со введеніемъ судебной реформы, явились условія весьма благопріятныя для сближенія теоріи съ практикой; но тутъ разработка отечественнаго законодательства и вниманіе науки къ жизни оказались простымъ увлеченіемъ, которое скоро прошло, уступивъ мѣсто прежней розни между теоріей и практикою. Останавливаясь на этомъ весьма печальномъ явленіи современной русской правовой жизни,—на розни между практической юриспруденціей и теоріей права,—авторъ указываетъ на особенный вредъ кассаціонныхъ рѣшеній сената, замѣняющихъ собою науку. «Въ настоящее время вся задача практика—говоритъ авторъ—заключается въ томъ, чтобы подыскать кассаціонное рѣшеніе на данный случай. Борьба передъ судомъ ведется не силою логики, не знаніемъ соотношенія конструкціи института и системы права, не искусствомъ тонкаго толкованія законовъ, а *исключительно ссылкою на кассаціонныя рѣшенія*. Авторитетъ кассаціонныхъ рѣшеній отучилъ нашихъ практиковъ отъ самостоятельнаго мышленія, отъ собственнаго юридическаго анализа. Умъ облѣнился и рука невольно тянется къ лежащему на столѣ «Боровиковскому», какъ только передъ глазами дѣло, прямо не разрѣшаемое закономъ». Кромѣ слѣпаго подчиненія кассаціоннымъ рѣшеніямъ, — которыя, вдобавокъ, частенько побиваютъ одно другое,—игнорированіе науки со стороны практики вызывается еще, по мнѣнію автора, неудовлетворительностью судебной организаціи.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, содержаніе работы проф. Шершеневича, которая, заключая въ себѣ обстоятельный и полный обзоръ русской литературы гражданскаго права, читается съ большимъ интересомъ.

Цѣлебныя свойства органовъ животныхъ. Д-ра мед. *Д. М. Успенскаго*. С.-Петербургъ. 1894 г.

Съ тѣхъ поръ какъ знаменитый французскій физіологъ Броунъ-Секаръ доказалъ (пять лѣтъ тому назадъ) на практикѣ—и прежде всего на себѣ самомъ—возможность пользоваться подкожными впрыскиваніями вытяжекъ изъ тестикулъ животныхъ, въ качествѣ возстановляющаго силы или цѣлебнаго средства, его ученіе о роли железъ, относящееся еще къ 1869 году, получило широкое распространеніе и самые разнообразные органы здоровыхъ животныхъ и ихъ продукты начали примѣняться въ

Digitized by Google

медицинской практикѣ. Тысячи наблюденій показали, что тестикулы, мозгъ, щитовидная, поджелудочная, надпочечная железы, селезенка, костный мозгъ—могутъ служить дѣлу исцѣленія больнаго организма. Создался такимъ образомъ новый методъ лѣченія, названный броунъ-секаровскимъ или еще иначе естественнымъ методомъ, потому что при немъ вещества, добываемыя изъ растительнаго и минеральнаго царства или являющіяся плодомъ химической лабораторіи, замѣнились другими, вырабатываемыми самимъ организмомъ, т. е. получаемыми естественнымъ способомъ. Среди русскихъ медиковъ также нашлось нѣсколько поклонниковъ новаго метода лѣченія и авторъ книги, названіе которой мы выписали, является между ними однимъ изъ наиболѣе горячихъ послѣдователей Броунъ-Секара. Онъ не только повторилъ опыты французскаго ученаго, но и расширилъ примѣненіе броунъ-секаровской вытяжки изъ тестикулъ: ему принадлежитъ мысль о лѣченіи этою вытяжкою чахоточныхъ, съ 1890 года весьма удачно примѣняемая имъ же, а затѣмъ и другими медиками, на практикѣ. Самъ Броунъ-Секаръ, узнавъ объ опытахъ русскаго врача, предложилъ д-ру Гойзе испытать тестикулярную жидкость на чахоточныхъ, и полученные имъ результаты оказались вполнѣ благопріятными. Основываясь на этихъ результатахъ и на показаніяхъ другихъ врачей, г. Успенскій приходитъ къ весьма отрадному заключенію, что «нѣтъ основанія сомнѣваться въ полной излѣчимости бугорчатки легкихъ въ извѣстныхъ стадіяхъ ея развитія» помощью тестикулярной жидкости.

Кромѣ чахотки, вытяжка изъ тестикулъ оказалась цѣлебной при цѣломъ рядѣ другихъ болѣзней, самыхъ разнообразныхъ и тяжкихъ, въ особенности при страданіяхъ главнаго и спиннаго мозга, и нервъ. Благопріятныхъ же результатовъ можно ожидать отъ тестикулярной жидкости при ракѣ, холерѣ, проказѣ и цынгѣ. Изложенію соотвѣтствующихъ фактовъ посвящена треть книги д-ра Успенскаго. Другая треть занята изложеніемъ свойствъ тестикулярной жидкости и нѣкоторыхъ данныхъ, позволяющихъ надѣяться, что эта жидкость будетъ полезна и въ борьбѣ съ такими болѣзнями животныхъ, какъ сапъ и сибирская язва. Въ послѣдней трети любопытной книги д-ра Успенскаго изложены въ общихъ чертахъ опыты примѣненія другихъ органовъ животныхъ, перечисленныхъ выше; отдѣльная глава знакомитъ со способомъ приготовленія, обеззараживанія и употребленія органическихъ жидкостей. Ясность и, такъ сказать, общедоступность изложенія даютъ возможность прочесть книгу д-ра Успенскаго и «большой публикѣ», а не однимъ только спеціалистамъ, которые, пожалуй, останутся даже невполнѣ довольны отсутствіемъ подробныхъ исторій болѣзней и другихъ деталей излагаемаго вопроса. Осторожный въ своихъ выводахъ, основанныхъ на фактическихъ данныхъ, авторъ не избѣгъ однако нѣкоторыхъ обмолвокъ на пути къ этимъ выводамъ, въ родѣ указанія, будто «теперь *установлено*, что половина человѣческаго

Digitized by Google

рода невосприимчива къ холерѣ». Не обошлось въ книгѣ д-ра Успенскаго и безъ полемическаго элемента. Автору пришлось, напр., возражать проф. Пелю, доказывая, что одинъ сперминъ, составившій себѣ за послѣдніе годы довольно шумную извѣстность, не можетъ замѣнить тестикулярной вытяжки. Таково въ краткихъ чертахъ содержаніе книги д-ра Успенскаго, заслуживающей самаго серьезнаго вниманія.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Назначеніе А. С. Ермолова первымъ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. — Недостаточность правительственно-бюрократическихъ силъ и средствъ для правильнаго завѣдыванія сельскимъ хозяйствомъ и необходимость содѣйствія общества.—Разнообразіе естественныхъ условій Россіи и неоднородность самихъ хозяйствъ, не дозволяющія принятія однообразныхъ мѣръ. — Необходимость взаимодѣйствія министерства земледѣлія и хозяевъ.—Попытки орловскаго земства создать мѣстный органъ, призванный заботиться о положеніи земледѣлія въ губерніи. — Можетъ ли сельскохозяйственный комитетъ орловскаго земства послужить образцомъ для организаціи провинціальныхъ учрежденій нашего министерства земледѣлія?— Трудность и сложность задачи, предстоящей молодому министерству.—Народное образованіе, какъ одно изъ главныхъ средствъ къ поднятію нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа.—Скромность кредитовъ на дѣло просвѣщенія сельской массы. — Грубость и невѣжество народа, какъ непреодолимая преграда для осуществленія различныхъ правительственныхъ мѣропріятій. — Народныя чтенія и читальни, какъ образовательныя средства.—Неопредѣленность вопроса объ открытіи народныхъ чтеній въ уѣздныхъ городахъ. — Отсутствіе народныхъ читаленъ и воззваніе с.-петербургскаго комитета грамотности.—Пассажирскій тарифъ.—Сѣверная желѣзная дорога и ея значеніе.

Учрежденіе министерства земледѣлія, наконецъ, стало у насъ совершившимся фактомъ: 22-го марта 1894 г. А. С. Ермоловъ назначенъ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Такимъ образомъ, мечта многихъ лѣтъ сдѣлалась дѣйствительностью— получило осуществленіе давно выраженное всей русской печатью и всѣмъ русскимъ обществомъ желаніе, чтобы наша сельско-хозяйственная промышленность имѣла свое *спеціальное вѣдомство* съ отдѣльнымъ министромъ во главѣ, какъ общимъ руководителемъ сельско-хозяйственнаго развитія Россіи и постояннымъ представителемъ его нуждъ передъ верховною властью.

Всѣмъ извѣстно, что тяжелое положеніе современной Россіи находится въ прямой связи съ нашимъ полнымъ невниманіемъ къ нотребностямъ сельскаго хозяйства въ Россіи. Невзгоды нашей сельско-хозяйственной жизни начались не со вчерашняго дня: много

Digitized by Google

лѣтъ тому назадъ, тщетно раздавался голосъ лучшихъ знатоковъ русской жизни о необходимости предупрежденія тѣхъ многочисленныхъ бѣдствій, которыя, увеличиваясь изъ года въ годъ, достигли, наконецъ, чрезвычайныхъ размѣровъ и выразилась въ неурожаяхъ 1891 и 1892 годовъ. Конечно, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что голосъ вопіющей нужды и голодающаго народа оказался громче слабаго голоса немногихъ ученыхъ и съумѣлъ обратить на себя вниманіе правительства, которое ясно увидѣло опасность и даже невозможность новой отсрочки коренныхъ реформъ въ условіяхъ экономической жизни народа. Съ этихъ поръ, руководящимъ началомъ финансовой и экономической политики нашего государства является признаніе, что матеріальное благосостояніе Россіи можетъ быть прочнымъ и устойчивымъ въ томъ лишь случаѣ, если оно опирается на благоденствіе сельскаго хозяина. Это признаніе естественно привело къ необходимости серьезно заняться положеніемъ нашего сельскаго хозяйства, какъ источника финансовой силы государства и основанія народнаго благосостоянія. Результатомъ изысканія мѣръ къ улучшенію условій сельскаго хозяйства въ Россіи и явилось учрежденіе министерства земледѣлія, которое имѣетъ значеніе центральнаго правительственнаго органа, завѣдывающаго земледѣліемъ и сельской промышленностью нашего отечества.

Наше *первое* министерство земледѣлія имѣетъ передъ собою весьма не легкую задачу. Начать съ того, что молодое министерство возникаетъ у насъ слишкомъ поздно: оно застаетъ русское сельское хозяйство въ крайне разстроенномъ состояніи и ему придется взять на себя мощную иниціативу къ спасенію и возрожденію русскаго земледѣлія. Съ другой стороны, обновленное министерство не будетъ спеціально земледѣльческимъ органомъ, а явится центральнымъ учрежденіемъ, вѣдающимъ еще горную и лѣсную промышленности, управленіе государственными имуществами, имѣніями заграничныхъ монастырей, сибирскихъ инородцевъ, кавказскихъ колонистовъ и пр., и пр.

Мы не будемъ останавливаться на организаціи центральныхъ учрежденій министерства земледѣлія и на выясненіи его задачъ, отсылая читателей къ статьѣ, спеціально посвященной этому вопросу. Скажемъ только, что въ будущей дѣятельности министерства особенное значеніе имѣетъ вопросъ объ устройствѣ мѣстныхъ органовъ министерства земледѣлія, которые должны связать центръ съ жизнью внутреннихъ губерній и окраинъ Россіи. Къ сожалѣнію, обществу и печати совсѣмъ неизвѣстны предположенія правительства, и наши газеты ограничиваются выраженіемъ своихъ собственныхъ мнѣній и желаній. Между тѣмъ, если центральныя учрежденія призваны руководить дѣломъ сельскаго хозяйства, то мѣстныя—обязаны *производить самую работу*, и отъ характера этихъ именно учрежденій зависитъ исполненіе министерскихъ предначертаній. Не имѣя прямыхъ указаній о свойствѣ мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ органовъ, мы принуждены прибѣгнуть къ догадкамъ и предположеніямъ. Такъ какъ нѣкоторыя указанія по этой части могутъ быть заимствованы изъ печатнаго труда и рѣчей министра земледѣлія А. С. Ермолова, то мы обратимся къ нимъ и постараемся

Digitized by Google

найти въ нихъ отвѣтъ на интересующій вопросъ. Нашъ первый министръ земледѣлія, какъ агрономъ, прекрасно знаетъ, что не велико значеніе «чиновника» въ сферѣ сельскаго хозяйства и что если въ составѣ ввѣреннаго ему управленія прибавится нѣсколько новыхъ чиновниковъ, то отъ этого едва ли произойдетъ улучшеніе въ ходѣ нашей сельско-хозяйственной промышленности. Вслѣдствіе этого, А. С. Ермоловъ возлагаетъ большія надежды на само общество, на тѣхъ самыхъ людей, которые, будучи заняты живымъ дѣломъ, на себѣ испытываютъ невзгоды нашего сильно упавшаго сельскаго хозяйства. Какъ это видно изъ прекрасной рѣчи, произнесенной г. Ермоловымъ на засѣданіи сельско-хозяйственнаго комитета при орловской губернской земской управѣ, нашъ министръ земледѣлія не видитъ возможности бороться съ болѣзнью сельскаго хозяйства «одними правительственными средствами»; напротивъ того, по его мнѣнію, «для этой борьбы нужно содѣйствіе всѣхъ тѣхъ, кто близко стоитъ къ дѣлу сельскаго хозяйства, и только въ дружномъ сочувствіи всѣхъ сельскихъ хозяевъ правительство встрѣтитъ надежный для себя оплотъ въ той дѣятельности, какая намѣчена имъ съ цѣлью поднятія уровня сельскаго хозяйства». Такимъ образомъ, изъ этихъ словъ мы убѣждаемся, что министерство земледѣлія ожидаетъ отъ мѣстныхъ хозяевъ живаго участія, живаго слова и что непосредственное общеніе министерства съ сельскими хозяевами должно замѣнить его бумажныя сношенія съ соотвѣтствующими «чинами». При этихъ условіяхъ, центральные органы министерства будутъ имѣть полную возможность ознакомиться черезъ самихъ мѣстныхъ хозяевъ съ ихъ нуждами и потребностями и, обобщая всѣ мѣстныя заявленія, направлять сельско-хозяйственное развитіе принятіемъ общихъ и частныхъ мѣръ, способныхъ оказать своевременную, производительную помощь. Изъ всего этого слѣдуетъ, что нашъ министръ земледѣлія признаетъ рѣшительную необходимость фактической связи центральнаго органа земледѣлія съ хозяевами и, конечно, эта мысль будетъ положена въ основаніе устройства мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ органовъ, которые явятся не какой нибудь новой организаціей изъ чиновниковъ, совершенно чуждыхъ сельско-хозяйственнымъ нуждамъ и интересамъ мѣстности, а изъ представителей мѣстнаго хозяйства. Но тутъ является новый вопросъ: воспользуется ли министерство земледѣлія какимъ нибудь изъ существующихъ учрежденій, или же оно создастъ для себя спеціальные мѣстные органы? Изъ существующихъ учрежденій, близко стоящихъ къ сельско-хозяйственной промышленности въ данной мѣстности, нужно считать земства и сельско-хозяйственныя общества. Какъ мы сказали выше, у насъ есть полное основаніе надѣяться, что будущіе мѣстные органы министерства земледѣлія не получатъ чисто бюрократическаго устройства и закваски, но трудно рѣшить, на какомъ изъ общественныхъ учрежденій остановится министерство. Что же касается печати, то,—по мнѣнію нѣкоторыхъ ея представителей,—въ качествѣ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ по вѣдомству министерства земледѣлія, наиболѣе подходящими будутъ земства; напротивъ того, другіе органы печати, считая земства не подходящими, при настоящей ихъ организа-

Digitized by Google

ціи, для подобной роли, рекомендуютъ сельско-хозяйственныя общества, состоящія изъ всѣхъ наиболѣе выдающихся хозяевъ края. Мы также думаемъ, что земства не могутъ принять на себя обязанностей исполнительныхъ органовъ министерства земледѣлія, но они вполнѣ въ силахъ оказать существенную услугу государству своими полезными указаніями и разъясненіями, такъ какъ земства, кромѣ близкаго и непосредственнаго знакомства съ мѣстною жизнью, располагаютъ богатымъ матеріаломъ, собраннымъ ихъ статистическими бюро.

Россія на своей необъятной территоріи представляетъ мѣстности съ самыми разнообразными естественными условіями: въ одномъ мѣстѣ пустыри, въ другомъ — сплошные лѣса или болота, въ третьемъ—черноземъ, въ пятомъ—безводныя степи и т. д. Вслѣдствіе этого, сельское хозяйство юго-запада не походитъ на сельское хозяйство сѣверо-востока; сельское хозяйство центральныхъ губерній не походитъ на то же хозяйство юго-восточныхъ губерній. Такимъ образомъ, естественныя условія земледѣлія представляются по многимъ районамъ не только различными, но иногда и прямо противоположными, а потому проведенію въ жизнь какихъ нибудь экономическихъ мѣръ непремѣнно должно предшествовать обсужденіе ихъ въ провинціальныхъ органахъ министерства земледѣлія. Такъ какъ почти всякое правительственное мѣропріятіе будетъ оцѣнено различно и получитъ далеко не одинаковое освѣщеніе въ мнѣніи различныхъ мѣстныхъ органовъ, то и центральное управленіе воздержится отъ принятія однообразныхъ мѣръ, полезныхъ для одной мѣстности и совершенно безполезныхъ, а можетъ быть и вредныхъ для другихъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда министерство будетъ занято разработкой хозяйственныхъ вопросовъ, требующихъ подробнаго знакомства съ экономической обстановкой сельской промышленности, и ему будетъ необходимо сообразовать свою дѣятельность съ мѣстными потребностями, земство можетъ оказать ему весьма полезное содѣйствіе. Помощь земства министерству земледѣлія не только возможна, но и крайне необходима для послѣдняго, такъ какъ нельзя *управлять* сельскимъ хозяйствомъ, а можно только болѣе или менѣе *направлять* его улучшая главнымъ образомъ внѣшнія условія сельскохозяйственнаго промысла (распространеніе нужныхъ хозяину знаній, облегченіе въ пользованіи улучшенными орудіями, въ улучшеніи породъ скота, упорядоченіе сбыта сельско-хозяйственныхъ произведеній, поощреніе нововведеній, частнаго почина и пр.), а для всего этого необходимо широкое содѣйствіе людей, близко стоящихъ къ дѣйствительной жизни. Съ другой стороны, и одной личной предпріимчивости еще не достаточно въ дѣлѣ улучшенія сельскаго хозяйства, развитіе котораго зависитъ не только отъ естественныхъ условій, но и отъ цѣлаго ряда правительственныхъ мѣропріятій, отъ разумной и соотвѣтствующей нуждамъ страны сельско-хозяйственной политики. Вслѣдствіе этого, только живое взаимодѣйствіе министерства земледѣлія и хозяевъ можетъ направить наше сельско-хозяйственное дѣло на путь процвѣтанія.

Мы съ удовольствіемъ узнали изъ словъ г. Ромера («Новое Время» № 6495), что «съ появленіемъ первыхъ же достовѣрныхъ

Digitized by Google

слуховъ объ учрежденіи министерства земледѣлія, орловскіе земцы устроили при губернской управѣ сельско-хозяйственный комитетъ, а при всѣхъ уѣздныхъ—сельско-хозяйственные совѣты. До сихъ поръ окончательная организація этихъ учрежденій еще не выработана, и не далѣе, какъ къ 15-му марта текущаго года, трудъ этотъ поручено подготовить особой комисіи изъ 5 членовъ. Предполагается учредить нѣчто въ родѣ сельско-хозяйственнаго общества, но съ губернскимъ агрономомъ въ видѣ секретаря, въ самомъ тѣсномъ общеніи съ земскими управами, которыя ассигнуютъ денежныя средства и контролируютъ всѣ дѣйствія общества; наконецъ, съ выборными членами, которые, очевидно, призваны будутъ заботиться не только о своемъ собственномъ благополучіи, но о принесеніи возможной пользы всему населенію губерніи и уѣздовъ». Сообщая объ этомъ отрадномъ фактѣ, г. Ромеръ добавляетъ: «намъ, земцамъ, показалось, что именно такой типъ исполнительныхъ органовъ министерства земледѣлія былъ бы самымъ желательнымъ, и мы спѣшимъ подготовить его въ дѣйствительности. Нашъ земскій сельско-хозяйственный органъ вовсе не исключаетъ, при нуждѣ, сотрудничества спеціалистовъ или вообще лицъ, командированныхъ министерствомъ. Совсѣмъ напротивъ,—онъ съ истиннымъ усердіемъ облегчитъ ихъ трудъ всѣми зависящими отъ него средствами, явится между ними и населеніемъ самымъ удобнымъ и компетентнымъ посредникомъ, а съ другой стороны, вѣроятно, не допуститъ такихъ уклоненій отъ желаемой нормы, какія теперь замѣчаются, напримѣръ, въ управленіи образцовыми фермами министерства государственныхъ имуществъ». Намъ бы хотѣлось, чтобы примѣръ орловскаго земства оказался заразительнымъ, и чтобы другія земства, рѣшившись идти на встрѣчу министерству земледѣлія, постарались завести у себя органы, имѣющіе цѣлью содѣйствовать болѣе успѣшному ходу земледѣльческой промышленности въ своемъ районѣ. Пускай земства не смущаются опасеніемъ, что министерство не воспользуется ихъ учрежденіями и создастъ свои: земскіе органы останутся и въ этомъ случаѣ необходимыми организаціями, и польза ихъ не исчезнетъ. Съ другой стороны, министерству земледѣлія прекрасно извѣстно, что гораздо удобнѣе воспользоваться сколько нибудь подходящими готовыми учрежденіями, чѣмъ создавать совершенно новыя.

Мы выше замѣтили, что задача, предстоящая нашему молодому министерству, очень сложна и трудна, и это, конечно, справедливо, такъ какъ министерство земледѣлія, и по желанію всего общества, и по мысли самого министра, не должно быть мѣстомъ выработки различныхъ «циркуляровъ», «инструкцій» и «предписаній»; напротивъ того, оно должно прійти на помощь живому дѣлу живыми же средствами, а это не особенно легко, ибо до сихъ поръ не только никто не заботился объ этомъ дѣлѣ, не содѣйствовалъ ему, но всячески вредилъ, и прямо, и косвенно. Стоитъ вспомнить только наше покровительство обработывающей промышленности и политику желѣзно-дорожныхъ обществъ, чтобы понять, какъ въ теченіе многихъ лѣтъ беззащитно было русское сельское хозяйство, какъ оно страдало даже отъ косвенныхъ мѣръ. Въ виду такой исключительности

Digitized by Google

условій, при которой состоялось образованіе министерства земледѣлія, мы никоимъ образомъ не должны предъявлять къ нему чрезвычайныхъ требованій и возлагать на него устраненіе въ ближайшемъ будущемъ всѣхъ затрудненій. Только не знающему дѣла можетъ показаться, что легко поднять сельско-хозяйственную промышленность, страдающую различными недугами, которые давно подрываютъ благосостояніе народа. Старая болѣзнь не поддается быстрому лѣченію, а что разстройство нашего сельскаго промысла подготовлялось въ теченіе многихъ лѣтъ, это не подлежитъ, кажется, сомнѣнію.

Заканчивая настоящія строки, посвященныя только что народившемуся у насъ министерству земледѣлія, мы съ удовольствіемъ повторимъ сказанное нами въ прошломъ году (№ 6) на этомъ мѣстѣ: что завѣдываніе сложнымъ сельскимъ хозяйствомъ Россіи находится теперь въ надежныхъ и компетентныхъ рукахъ, и что министерство земледѣлія вступаетъ въ жизнь при наилучшихъ условіяхъ—въ моментъ пробужденія въ обществѣ живѣйшаго интереса къ русскому земледѣлію.

Привѣтствуя учрежденіе въ Россіи министерства земледѣлія, мы хотѣли бы вмѣстѣ съ тѣмъ поговорить и о народномъ образованіи, которому у насъ удѣляется слишкомъ мало вниманія. Между тѣмъ, одной изъ рѣшительныхъ мѣръ къ поднятію нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа является усиленіе средствъ для образованія темной деревенской массы, такъ какъ извѣстно, что темнота и безграмотство народа всегда служатъ неодолимой преградой для самыхъ лучшихъ начинаній въ интересахъ подъема деревни. Вопросъ о народномъ образованіи долженъ быть главнѣйшимъ въ ряду задачъ, поставленныхъ теперь на первую очередь, въ видахъ экономическаго возрожденія деревни, и намъ слѣдуетъ отказаться отъ обычно-скромныхъ кредитовъ на дѣло просвѣщенія сельской массы. Давно доказано, что образованный народъ умнѣе, трудолюбивѣе, нравственнѣе и даже спокойнѣе голодныхъ и невѣжественныхъ массъ. Чтобы вывести народъ изъ грубаго и невѣжественнаго состоянія, чтобы дать ему возможность освободиться отъ гнета матеріальныхъ нуждъ, необходимо дать ему хорошія школы. Le peuple qui a les meilleures écoles est le premier peuple; s'il ne l'est pas aujourd'hui, il le sera demain, сказалъ великій французскій патріотъ. И, дѣйствительно, невѣжественный народъ не можетъ поднять до высокой производительности своего труда, вслѣдствіе чего невѣжество и сопровождается всегда бѣдностью. Во-вторыхъ, бѣдный и малоразвитой народъ доставляетъ всегда большой контингентъ «новобранцевъ тюрьмы, ссылки и каторги», и правительство, скупясь на устройство школъ, бываетъ поставлено въ необходимость много тратить на тюрьмы. Такимъ образомъ, не только государственная польза, но и простой разсчетъ требуетъ развитія и образованія народа: когда школы будутъ полны, тогда не только опустѣютъ тюрьмы, но и народъ станетъ богаче.

Но не однѣ, конечно, школы являются образовательными средствами: тѣхъ же результатовъ достигаютъ народныя чтенія, библіотеки, публичныя лекціи, выставки, музеи и пр. Всѣ эти учрежденія,

Digitized by Google

воздѣйствуя на взрослыхъ, тѣмъ самымъ улучшаютъ и положеніе дѣтей, разсѣиваютъ въ народѣ грубые предразсудки, облагораживаютъ его умъ и чувства, отвлекаютъ народную массу отъ дурныхъ увлеченій, пороковъ и преступленій. Взрослые—это та среда, которой не только опредѣляется текущая дѣйствительность, но и будущее, черезъ воспитаніе молодаго поколѣнія. Вслѣдствіе этого, къ попеченіямъ о школахъ для дѣтей мы должны прибавить и заботы объ устройствѣ такихъ образовательныхъ учрежденій, которыя даютъ взрослой средѣ возможность усвоить зачатки просвѣщенія, прокладываютъ пути къ просвѣщенію массы не черезъ одинъ только школьный возрастъ дѣтей и не черезъ одну школу. Воздѣйствіе на *взрослую массу* принесетъ двойную пользу дѣлу просвѣщенія: во-первыхъ, въ большинствѣ родителей устранится этимъ путемъ недовѣріе къ пользѣ грамотности, и, слѣдовательно, въ значительной мѣрѣ облегчится обученіе дѣтей, которое теперь далеко не всегда признаётся полезнымъ родителями; во-вторыхъ, разъ родители сами получатъ полезныя знанія, черезъ слушаніе лекцій или путемъ самостоятельнаго чтенія книгъ въ народныхъ читальняхъ, а дѣти усвоятъ знанія изъ другаго источника—въ своей школѣ—тогда совершенно измѣнятся общія условія народной жизни и устранится, замѣчаемая нынѣ повсюду, деморализація крестьянскихъ нравовъ. И, въ дѣйствительности, коль скоро въ одну общую избу какъ родители, такъ и дѣти, принесутъ впечатлѣнія, вынесенныя ими не изъ кабака или съ улицы, а изъ школъ, читаленъ, лекцій, выставокъ,—очень скоро и легко измѣнится обычное содержаніе бесѣдъ «отцовъ и дѣтей». Въ тѣхъ и другихъ проснутся добрые инстинкты, интересъ къ окружающему, откроются для нихъ новыя перспективы и исчезнутъ невѣжество, тьма, благодаря которымъ самыя прекрасныя намѣренія правительства могутъ дать совсѣмъ противоположные результаты.

Мы выше назвали народныя чтенія и народныя читальни однимъ изъ средствъ внѣшкольнаго образованія; теперь мы прибавимъ, что судьба и положеніе въ Россіи какъ тѣхъ, такъ и другихъ, вполнѣ неудовлетворительны. Что касается народныхъ чтеній, то устройство ихъ въ провинціи или совсѣмъ не было дозволено, или же дозволеніе это въ сущности близко граничило съ запрещеніемъ. Для успѣха дѣла, конечно, безразлично: отъ того ли народъ лишенъ простыхъ и даровыхъ средствъ къ просвѣщенію, что рѣшительно не дозволено устройство народныхъ чтеній въ уѣздѣ, или же отъ того, что это дозволеніе, по сложности процедуры, равносильно полному запрещенію; во всякомъ случаѣ остается тотъ фактъ, что народная масса остается внѣ этого пути просвѣщенія. Для устраненія такого печальнаго факта, слѣдуетъ прежде всего создать несложныя правила, по которымъ народныя чтенія разрѣшались бы повсюду мѣстной властью на основаніи инструкціи.

Одна газета, которую никоимъ образомъ нельзя заподозрить въ желаніи преувеличить трудности разрѣшенія народныхъ чтеній, справедливо замѣчаетъ: «нынѣ въ каждомъ учебномъ округѣ существуютъ свои воззрѣнія на народныя чтенія — въ одномъ округѣ можно добиться разрѣшенія просто, легко и скоро, а въ другомъ,

Digitized by Google

наоборотъ, *разрѣшеніе сопряжено съ такимъ трудомъ, что всякій скорѣе откажется отъ мысли послужить доброму дѣлу*, чѣмъ хлопотать о разрѣшеніи и ждать его безъ конца. Но, вообще, всюду господствуетъ понятіе, что полезныя для народа чтенія не дозволены, и въ виду этого многіе изъ самыхъ благожелательныхъ, лучшихъ людей такъ-таки и порѣшили себѣ, что чтеніе народныхъ книгъ духовно-нравственнаго, историческаго и другаго содержанія не дозволено въ уѣздныхъ городахъ». («Гражданинъ»). Между тѣмъ, всѣ губернскіе города, гдѣ только существуютъ народныя чтенія, могутъ засвидѣтельствовать, до какой степени народъ и средняя публика интересуются публичными чтеніями, и министерству народнаго просвѣщенія слѣдуетъ принять мѣры, чтобы скорѣе явилась возможность устраивать народныя чтенія и въ уѣздныхъ городахъ безъ той медленной и сложной процедуры, которая существуетъ теперь.

Не менѣе безотрадно и состояніе народныхъ читаленъ, вслѣдствіе чего 55 членовъ петербургскаго «комитета грамотности» внесли недавно въ комитетъ заявленіе о необходимости открыть сборъ пожертвованій на народныя читальни. Въ настоящее время заявленіе одобрено и подписка открыта. Комитетъ грамотности, въ печатныхъ воззваніяхъ, выражаетъ глубокое убѣжденіе, что русское общество, считая невѣжество главнымъ препятствіемъ къ поднятію народнаго благосостоянія, несомнѣнно откликнется на этотъ призывъ. Воззваніе петербургскаго комитета грамотности, вызванное отсутствіемъ у насъ народныхъ читаленъ, заслуживаетъ полнаго вниманія и серьезнаго сочувствія. Дѣло въ томъ, что отсутствіе въ Россіи читаленъ гибельно отражается на грамотности народа, такъ какъ тѣ изъ крестьянъ, которымъ кое-какъ удалось научиться грамотѣ въ школахъ, разучиваются ей вскорѣ по выходѣ изъ школъ, такъ какъ рѣшительно не находятъ подъ руками матеріала для чтенія. Вотъ для такихъ-то крестьянъ читальни являются крайней необходимостью, такъ какъ онѣ укрѣпили бы грамотность и дали ей надлежащее положеніе, содѣйствуя расширенію кругозора грамотныхъ крестьянъ. Всѣмъ извѣстенъ *рецидивъ народной безграмотности*, а для борьбы съ нимъ есть одно только средство—читальни. Проникнутый сознаніемъ крайней необходимости читаленъ, какъ дополненія школъ, петербургскій комитетъ грамотности обращается ко всѣмъ русскимъ, любящимъ свое отечество и свой народъ, прося ихъ помочь въ великомъ общественномъ дѣлѣ—положить начало народнымъ библіотекамъ. Комитетъ грамотности озабоченъ пока открытіемъ 150 читаленъ, устройство которыхъ, при стоимости одной читальни въ 170 руб., обойдется въ 25,500 руб. Неужели же русская интеллигенція, вспомнивъ, какъ много потрудился русскій народъ для ея образованія, не откликнется на благородный призывъ комитета и не соберетъ немедленно эту незначительную сумму! Комитетъ проситъ адресовать пожертвованія: С.-Петербургъ, комитетъ грамотности, или лично вносить ихъ исправляющему должность предсѣдателя А. М. Тютрюмову (Коломенская ул., д. № 1).

Русское общество съ напряженнымъ вниманіемъ ожидаетъ реформы пассажирскаго тарифа. Такъ какъ въ газетахъ отъ времени

Digitized by Google

до времени появлялись отчеты о ходѣ работъ въ комисіи по обсужденію этой реформы, то мы приведемъ тѣ начала, которыя будутъ положены въ ея основаніе. Давно раздаются у насъ жалобы на условія нашего желѣзнодорожнаго передвиженія, и вся печать единодушно привѣтствовала первые же слухи о занятіяхъ комисіи по пересмотру пассажирскаго тарифа. Многолѣтній опытъ показалъ, что дѣйствующій чрезмѣрно-высокій пассажирскій тарифъ не по карману большинству нашего населенія, вслѣдствіе чего затрудняется удовлетвореніе одной изъ насущныхъ культурно-экономическихъ потребностей народа. Весьма высокая пассажирская плата на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ чрезвычайно стѣсняетъ пользованіе ими и лишаетъ насъ многочисленныхъ матеріальныхъ и умственныхъ выгодъ, связанныхъ съ развитіемъ общенія между людьми. Высокій пассажирскій тарифъ, дѣлая желѣзныя дороги недоступными большинству населенія и уменьшая тѣмъ самымъ контингентъ желѣзнодорожныхъ пассажировъ, является причиной сокращенія доходовъ дорогъ отъ пассажирскаго движенія. Торгово-промышленный міръ давно проникся сознаніемъ того, что дешевизна предметовъ приноситъ выгоду не только потребителю, но и производителю; между тѣмъ наши желѣзнодорожныя общества и теперь еще находятся подъ опасеніемъ большихъ потерь отъ пониженія пассажирскихъ тарифовъ, т. е. отъ предстоящей реформы. Въ то же время накопился весьма богатый статистическій матеріалъ, дорисовывающій картину вопіющихъ недостатковъ нашего желѣзнодорожнаго передвиженія. Такъ, оказывается, что главнѣйшая масса русскихъ пассажировъ передвигается на разстояніи не болѣе 200 верстъ; что общее число пассажировъ на желѣзныхъ дорогахъ растетъ весьма медленно, не смотря на быстрое развитіе у насъ желѣзнодорожной сѣти; что пассажиры главнымъ образомъ пользуются вагонами 3 класса, а вагоны высшихъ классовъ остаются недоступными и катятся пустыми, нанося ущербъ дорогѣ и пр., и пр. Еслибы удешевленіе пассажирской платы вызывалось только выгодами населенія или вообще какими нибудь общегосударственными интересами, то могли бы быть еще колебанія въ средѣ частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, заботящихся, очень естественно, о своихъ личныхъ выгодахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что пониженіе тарифовъ несомнѣнно должно увеличить и доходъ желѣзныхъ дорогъ, черезъ усиленіе движенія,—такъ что же пугаетъ наши желѣзнодорожныя общества? Не только интересы экономическаго и культурнаго развитія страны, не только достиженіе многоразличныхъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ цѣлей, но и прямыя выгоды желѣзнодорожныхъ обществъ требуютъ значительнаго удешевленія провозной платы.

Правильное развитіе народнаго хозяйства неизбѣжно требуетъ установленія, такъ сказать, свободнаго кровеобращенія страны. Комисія по пересмотру желѣзнодорожнаго тарифа, работающая подъ предсѣдательствомъ директора департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ В. В. Максимова, приняла своей исходной точкой принципъ дифференціальнаго тарифа, понижающагося въ зависимости отъ разстояній, причемъ на разстояніи до 160 верстъ для пассажировъ третьяго

Digitized by Google

класса сохраняется вполнѣ нынѣшній высокій тарифъ, а затѣмъ для дальнѣйшихъ разстояній будетъ сдѣлана скидка въ опредѣленной градаціи. Такъ какъ плата до 160 верстъ въ 3 классѣ разсчитывается по существующей ставкѣ въ $1^1/_4$ коп., съ 15% государственнаго сбора за каждую версту пути, то за проѣздъ 160 верстъ устанавливается плата въ 2 р. 30 коп., а для разсчета стоимости билета за разстояніе свыше 160 верстъ поверстныя ставки понижаются: въ предѣлахъ отъ 161 до 300 вер. прибавляется къ платѣ въ 2 р. 30 к. (за 160 верстъ) по *0,8 коп.* за каждую версту сверхъ 160 в.; далѣе къ платѣ за 300 верстъ прибавляется по *0,7 коп.* въ предѣлахъ отъ 301 до 500 верстъ; отъ 500 до 700 вер. прибавляется по *0,6 коп.*, отъ 701 до 1000—*0,5 коп.*; отъ 1001 до 1500—*0,4 коп.*, а отъ 1501 и выше—къ платѣ за 1500 вер. прибавляется *0,3 коп.* Полученные такимъ образомъ итоги считаются содержащими въ себѣ и государственный сборъ. Что же касается размѣра провозныхъ платъ для II класса, то онѣ получаются изъ платъ за III классъ, увеличенныхъ въ полтора раза.

Изъ разсмотрѣнія проэктируемыхъ измѣненій въ пассажирскомъ тарифѣ видно, что будущая реформа будетъ заключать много хошихъ и дурныхъ сторонъ. Такъ,. общее удешевленіе провозной платы несомнѣнно увеличитъ число пассажировъ и подниметъ, слѣдовательно, доходность дорогъ. Но мы считаемъ недостаточнымъ удешевленіе платы лишь на большія разстоянія и не понимаемъ, почему остается въ силѣ на разстояніи до 160 верстъ высокій тарифъ для пассажировъ 3 класса и допускается лишь самое незначительное пониженіе на разстояніи до 200 верстъ. Вѣдь главная масса пассажировъ, какъ установлено, передвигается на разстояніи не дальше 200 верстъ и на эту-то массу вовсе не будетъ дѣйствовать дешевизна—самый важный факторъ въ развитіи пассажирскаго движенія. Во-вторыхъ, комисія сохраняетъ государственный налогъ на билеты и багажъ, сокративъ его размѣры лишь до 15%, между тѣмъ этотъ налогъ, установленный на время, является однимъ изъ самыхъ несимпатичныхъ и несправедливыхъ. Въ третьихъ, диференціальный тарифъ, положенный въ основаніе реформы, представляетъ много техническихъ трудностей, которыя заключаются въ необходимости составлять огромное количество сортовъ билетовъ, что затрудняетъ не только выдачу ихъ пассажирамъ, но и разсчеты дорогъ между собою. И, дѣйствительно, при одинаковомъ на всѣхъ разстояніяхъ поверстномъ тарифѣ, нѣтъ надобности въ билетахъ прямаго пассажирскаго сообщенія между всѣми станціями сѣти, и отсутствіе ихъ влечетъ лишь небольшое неудобство брать лишній разъ билетъ; но съ установленіемъ диференціальнаго тарифа, пассажиру далеко уже не все равно, выдадутъ ли ему билетъ сразу на весь путь, или только до одной изъ промежуточныхъ станцій, такъ какъ поверстныя ставки различны для неодинаковыхъ разстояній. Если мы вспомнимъ, что число всѣхъ станцій превышаетъ 3 тысячи, то намъ станетъ понятнымъ, что порядокъ выдачи билетовъ на станціяхъ, при введеніи диференціальнаго тарифа, не можетъ быть оставленъ прежній. Особая комисія, образованная изъ спеціалистовъ для устраненія этой тех-

Digitized by Google

ической стороны вопроса, придумала, какъ извѣщаютъ газеты, особую систему, состоящую въ томъ, что для проѣзда въ прямомъ сообщеніи билеты будутъ выдаваться не до станцій, а на дороги, число которыхъ сравнительно не велико, причемъ на каждомъ такомъ билетѣ будутъ отпечатаны названія всѣхъ станцій «дороги назначенія» въ послѣдовательномъ ихъ порядкѣ. На выдаваемомъ пассажиру билетѣ будутъ оставляться только названія станцій, черезъ которыя онъ долженъ проѣзжать до станціи назначенія включительно; остальныя же названія станцій, отрѣзанныя кассиромъ, будутъ оставляться въ кассѣ въ качествѣ контрольнаго документа.

Въ заключеніе прибавимъ, что, въ виду большихъ пониженій на дальнихъ разстояніяхъ, комисія высказалась за отмѣну круговыхъ поѣздокъ. По этому поводу мы можемъ сказать, что за границей, гдѣ существуетъ тарифъ низкій, широко развито поощреніе большихъ путешествій черезъ установленіе, какъ напримѣръ, въ Бельгіи, дешевыхъ полумѣсячныхъ билетовъ слѣдующей стоимости: I класса 50 франковъ, II—38 и III—25 франковъ. Эти билеты даютъ право проѣзда въ теченіе 15 дней и сколько угодно разъ въ день во всѣхъ поѣздахъ, за исключеніемъ особыхъ международныхъ. Кромѣ того, въ Бельгіи существуютъ билеты на 3 мѣсяца, на 6, на 9 и на 1 годъ, которые обходятся еще дешевле. Все это происходитъ отъ того, что въ Бельгіи прекрасно понимаютъ, что *усиленіе пассажирскаго движенія увеличиваетъ доходы желѣзныхъ дорогъ; усиленіе же желѣзнодорожнаго движенія можетъ быть вызвано одной только дешевизной и удобствами сообщенія.*

Въ послѣднее время печать усердно занималась обсужденіемъ вопроса о направленіи будущей сѣверной желѣзной дороги. Этому же вопросу былъ посвященъ и докладъ К. В. Козмина, прочитанный имъ 3 марта въ «Обществѣ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ». Наконецъ, при министерствѣ путей сообщенія образована особая комисія, подъ предсѣдательствомъ товарища министра Н. П. Петрова, для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса. Необходимость проведенія сѣверной желѣзной дороги была сознана болѣе 25 лѣтъ тому назадъ, но вопросъ этотъ, въ началѣ возбужденный съ цѣлью обезпеченія хлѣбомъ жителей сѣвера, принялъ мало по малу совершенно иной характеръ, а именно: на проведеніе сѣверной желѣзной дороги начали смотрѣть, какъ на рѣшительное средство для поднятія разстроенной и разслабленной торгово-промышленной жизни сѣвера. Положеніе въ краѣ мѣстныхъ промысловъ (звѣринаго, морскаго, рыбнаго, лѣсной охоты), размѣры судостроенія, лѣсная промышленность, хлѣбопашество, скотоводство... все это прекрасно свидѣтельствуетъ о крайнемъ упадкѣ сѣвернаго края и объ его неотложныхъ нуждахъ. Не смотря на важное значеніе сѣвера, онъ является совершенно отрѣзаннымъ отъ остальной Россіи. Онъ ни съ чѣмъ не соединенъ и ото всѣхъ разъединенъ. Такъ, даже архангельскій портъ какъ будто бы не участвуетъ въ общей экономической жизни страны, благодаря своей изолированности и отсутствію желѣзныхъ дорогъ. «Архангельскъ,—по словамъ г. Козмина,—производитъ теперь впечатлѣніе кладбища:—полуразрушен-

Digitized by Google

ныя зданія фабрикъ и заводовъ, сгнившая верфь,—являются какъ бы нѣмыми свидѣтелями былаго величія и богатства города». Еще въ 1887 году комисія, образованная, подъ предсѣдательствомъ гр. Баранова, для изысканія мѣръ къ поднятію промышленнаго и торговаго значенія сѣвернаго края, констатировала фактъ прогрессивнаго упадка края. Въ настоящее же время, положеніе сѣвера еще болѣе ухудшилось, такъ какъ большинство выработанныхъ комисіею гр. Баранова мѣръ не осуществилось, и такимъ образомъ, въ то время какъ шло промышленное развитіе всей Россіи, обширный сѣверный край, предоставленный самому себѣ, приходилъ въ упадокъ съ каждымъ годомъ. Подъ вліяніемъ дурныхъ условій жизни, населеніе сѣвера, не находя заработковъ на мѣстѣ, постепенно направилось въ центръ Россіи. Это обстоятельство еще болѣе ухудшило положеніе промышленности: укоренившіеся промыслы падали, а новые не возникали. Очевидно, что слѣдуетъ возможно скорѣе оживить край и поднять его торгово-промышленное значеніе, а это достигнется тогда, когда сѣверный край будетъ связанъ съ остальной Россіей и введенъ въ полное взаимодѣйствіе съ общимъ теченіемъ русской жизни. Такой взглядъ на будущую сѣверную желѣзную дорогу до нѣкоторой степени опредѣляетъ и выборъ ея направленія. Дѣло въ томъ, что въ вопросѣ о сѣверной дорогѣ исходнымъ пунктомъ должна быть только мысль о сѣверѣ, объ его нуждахъ и судьбахъ, а всякія другія соображенія, какъ бы они ни были хороши, не должны имѣть мѣста въ данномъ случаѣ. Сѣверная желѣзная дорога имѣетъ цѣлью возстановить экономическую жизнь сѣвернаго края, а потому ея направленіе опредѣляется условіями сбыта мѣстныхъ произведеній. По свидѣтельству всѣхъ изслѣдователей, сѣверъ обладаетъ многочисленными естественными богатствами, разработка которыхъ сдѣлается возможной въ томъ лишь случаѣ, если эти произведенія можно будетъ вывозить и сбывать по хорошей цѣнѣ. Сѣверная дорога должна прежде всего обезпечить этотъ сбытъ и открыть рынокъ для мѣстныхъ товаровъ: рыбы, кожи, шкуръ, сала, смолы, скипидара, строительныхъ матеріаловъ, дровъ и пр. Разъ не будетъ сбыта этихъ товаровъ, населеніе все таки останется безъ средствъ и будетъ бѣдно по прежнему. Между тѣмъ, въ вопросѣ о проведеніи сѣверной желѣзной дороги замѣшались совершенно постороннія соображенія—интересы отдѣльныхъ городовъ, хлопочущихъ о своихъ собственныхъ выгодахъ. Изъ 3-хъ извѣстныхъ направленій—западнаго (финляндско-мурманскаго), средняго (Архангельскъ - Вологда) и восточнаго (волжско-двинскаго), мы отдали бы прямое предпочтеніе второму, такъ какъ оно является не только кратчайшимъ путемъ, соединяющимъ сѣверъ съ Россіей, но и наиболѣе выгоднымъ для сбыта его произведеній. Между тѣмъ первое направленіе почти совсѣмъ не имѣетъ торговаго значенія, а послѣднее, во 1-хъ, требуетъ постройки болѣе тысячи верстъ, а во 2-хъ, дастъ наименѣе выгодный сбытъ произведеніямъ сѣвера. Что же касается того соображенія, что послѣднее направленіе лучше всего обезпечитъ сѣверъ хлѣбомъ—сибирскимъ и заволжскимъ, то на это можно возразить, что волжскій хлѣбородный районъ не въ состояніи удовлетворить

Digitized by Google

даже потребность своего природнаго рынка въ низовьяхъ Волги до Астрахани и вдоль Каспійскаго моря. При среднемъ же направленіи, сѣверъ будетъ связанъ съ Москвою,—естественнымъ центромъ государства, гдѣ чувствуется большая потребность въ продуктахъ рыбнаго и морскаго промысла, и гдѣ произведенія сѣвернаго края найдутъ богатый сбытъ.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Торжественныя похороны «литературной конвенціи» съ Франціею. — Ораторскія и литературныя потуги г. Гальперина-Каминскаго.—Грубое искаженіе фактовъ и полное безграмотство, какъ отличительныя черты литературныхъ упражненій этого комисіонера.—Поздній опросъ нашихъ «свѣдущихъ людей».—Мнѣнія о конвенціи гг. Чехова, Потапенка и гр. Л. Толстаго.—Толки объ улучшеніи условій нашего книжнаго и журнальнаго дѣла.—Юридическія гарантіи для «права литературной собственности».—Необходимость правильнаго кредита.—Стѣснительность почтовой таксы для ежемѣсячныхъ журналовъ и книгъ, и привилегированное положеніе «иллюстрировщиковъ-издателей».—Г. Марксъ, заваливающій почту своими «преміями» и «приложеніями» чуть не на даровщинку.

I.

Столько нашумѣвшая въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, мертворожденная «литературная конвенція» съ Франціею дождалась наконецъ и своей отходной. De profundis пропѣло ей то же самое «Новое Время», которое сначала открыло было свои гостепріимные столбцы конвенціоннымъ измышленіямъ гг. Пиленка и Гальперина-Каминскаго. «По зрѣломъ размышленіи», г. Суворинъ и самъ нашелъ, что оброкъ, платимый нами французскимъ романистамъ за подлинники ихъ произведеній, слишкомъ высокъ для того, чтобы еще нагонять его новымъ гонораромъ за право перевода на русскій языкъ. «Въ теченіе столѣтія—справедливо говоритъ онъ—Россія пріобрѣла *этого товара* (т. е. иностранныхъ книгъ, а между ними всего болѣе французскихъ) на большіе милліоны. Мнѣ думается, что нѣтъ страны въ Европѣ, которая и въ настоящее время столько

Digitized by Google

пользовалась бы книжнымъ иностраннымъ товаромъ, какъ Россія. Ни въ Парижѣ, ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ вы не найдете такихъ обширныхъ книжныхъ магазиновъ, продающихъ французскія, нѣмецкія и англійскія книги, какіе найдете въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ... Отсюда слѣдуетъ, что *русскій человѣкъ участвуетъ прямо въ заработкѣ иностранныхъ издателей и авторовъ*... онъ является почти равноправнымъ гражданиномъ во Франціи, Германіи и отчасти въ Англіи. И такъ будетъ продолжаться еще очень долго. Между тѣмъ ни французы, ни нѣмцы, ни англичане совсѣмъ не нуждаются въ русскихъ книгахъ и ихъ не покупаютъ».

Что̀ справедливо, то справедливо! Но на эту сторону дѣла мы обращали вниманіе еще три года тому назадъ, при первомъ зарожденіи архи-нелѣпыхъ толковъ о новомъ налогѣ на русскихъ издателей и книгопродавцевъ. «Мы не можемъ — говорили мы тогда и повторили въ № 3-мъ нашего журнала за этотъ годъ—идти на встрѣчу домогательствамъ французскихъ издательскихъ фирмъ и французскихъ авторовъ по той очень простой причинѣ, что *наши литературныя и художественныя силы не равны французскимъ* и, слѣдовательно, *всѣ выгоды отъ подобной конвенціи оказались бы на сторонѣ послѣднихъ*. Между тѣмъ, въ основу всякаго жизнеспособнаго договора должно быть положено равенство взаимно оказываемыхъ другъ другу услугъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ни для кого не тайна, что мы заимствуемъ у французскихъ авторовъ въ 10—15 разъ больше, чѣмъ французы у нашихъ. Слѣдовательно, каковы бы ни были условія, на которыхъ могла бы состояться будущая художественно-литературная конвенція между Франціею и Россіею, *все же намъ пришлось бы переплачивать французамъ въ 10—15 разъ больше, чѣмъ Франція будетъ платить намъ*. Какой же резонъ отдать себя добровольно въ кабалу французскимъ издателямъ и авторамъ»?

Далѣе, г. Суворинъ призналъ наконецъ, вопреки утвержденіямъ своего недавняго сотрудника г. Пиленко, что «переводъ нельзя уподоблять кражѣ платка изъ чужаго кармана» (?!) что трудъ переводческій (или *переводочный* на жаргонѣ г. Гальперина-Каминскаго, состоящаго преподавателемъ *русскаго языка* въ какомъ-то французскомъ лицеѣ) есть «трудъ образованнаго

Digitized by Google

человѣка, который долженъ знать свой и иностранный языкъ», и что, наконецъ, «переводчикъ является агентомъ между народами для ихъ дружбы, для взаимодѣйствія ихъ идей и художественныхъ произведеній».

Заключая свою неожиданную филиппику противъ комерческой затѣи г. Эмиля Золя и его комисіонера, именующаго себя «délégué des sociétés litteraires, artistiques et d'éditeurs français», г. Суворинъ не безъ язвительности говоритъ: «Конечно, литературная конвенція будетъ выгодна для издателей, но *для публики она будетъ прямо вредна.* Примите въ соображеніе, что теперь иниціатива перевода принадлежитъ всѣмъ образованнымъ людямъ... и потому не носитъ на себѣ отпечатка ни исключительности, ни торгашества. При конвенціи, *иниціатива окажется въ рукахъ издателей, которые захотятъ изъ этого сдѣлать выгодное дѣло* (на это мы указывали своевременно и гораздо раньше). *Выгодно издателю распространять романы порнографическаго и легкомысленнаго свойства, онъ и будетъ ихъ распространять.* Явятся *агенты* (въ родѣ г. Гальперина-Каминскаго?) *откупщики на поприщѣ переводовъ съ иностранныхъ языковъ*, и какъ выборъ книгъ для переводовъ, такъ и самые переводы скорѣй проиграютъ въ языкѣ, чѣмъ выиграютъ. Для истинно полезнаго и истинно-художественнаго всегда мало покупателей. Спросите г. Солдатенкова, издавшаго много весьма полезныхъ иностранныхъ сочиненій въ русскомъ переводѣ, и онъ вамъ скажетъ, какую прибылъ онъ отъ нихъ имѣлъ. Что касается *протекціонизма русскихъ авторовъ и русской литературы* (ложь этого пророчества о будущемъ расцвѣтѣ русской беллетристики, избавленной отъ конкуренціи западно-европейскихъ писателей, мы также опровергли въ свое время) то это *вопросъ очень темный* и гадать о выгодахъ этого протекціонизма, конечно, можно, но осторожно».

Итакъ, карточный домикъ «литературной конвенціи» разлетѣлся въ прахъ подъ дуновеніемъ самого г. Суворина, дозволившаго въ своихъ владѣніяхъ эту призрачную постройку,— разлетѣлся и похоронилъ подъ своими развалинами не очень сообразительныхъ архитекторовъ, слишкомъ понадѣявшихся на прочность почвы и на устойчивость своего строительнаго матеріала...

Digitized by Google

II.

«Когда въ Парижѣ идетъ дождь, у насъ на Руси распускаютъ зонтики» — сострилъ нѣкогда князь П. А. Вяземскій, и его удачную остроту намъ приходится повторять до сихъ поръ. Знаменитый романистъ, который производитъ во всемірной столицѣ «la pluie et le beau temps», нагналъ на насъ тучу литературной конвенціи, а русскій еврей, г. Гальперинъ-Каминскій, предвидя хорошій гешефтъ отъ новой агентуры, сейчасъ же схватилъ свой дорожный зонтикъ и помчался къ берегамъ Невы... Сначала фортуна улыбнулась ему, а потомъ поворотилась спиною. Насланная изъ Парижа туча растаяла въ воздухѣ, не проливъ ни одной капли благодатнаго гешефтмахерскаго дождя!

Г. Гальперинъ-Каминскій, съ чувствомъ горькой обиды, и уплативъ за разбитые горшки, собрался въ обратный путь, и теперь, вѣроятно, облаченный снова въ ученую хламиду и въ камилавку «профессора лицея» (т. е. учителя гимназіи),—какъ мы видѣли его въ изображеніи «Новостей»,—обучаетъ русскому языку своихъ шаловливыхъ школьниковъ. Но, прежде чѣмъ вернуться къ школьнымъ пенатамъ, г. Гальперинъ-Каминскій прислалъ, между прочимъ, и въ нашу редакцію свою, написанную ad hoc, брошюру: «*Общая польза.* авторскаго права». Очевидно, авторъ брошюры, хотя и зѣло прогнѣвавшійся на россіянъ за ихъ несочувствіе къ его просвѣтительной миссіи, все еще не теряетъ надежды побороть наше упорство приманкою «общей пользы», которую мы такъ легкомысленно отвергли. Если такая надежда существуетъ у г. Гальперина-Каминскаго, то намъ не хотѣлось бы отнимать ее у почтеннаго «профессора»: вѣдь это все, что̀ можетъ утѣшить его въ неуспѣхѣ петербургской экскурсіи!

Тѣмъ не менѣе, обстоятельства совсѣмъ не благопріятствуютъ его упованіямъ, да и самая брошюра слишкомъ слабо аргументирована и слишкомъ—passez moi le mot!—*безграмотно* написана, чтобы поворотить вспять довольно рѣзко опредѣлившійся потокъ общественнаго мнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ свои аргументы, всѣ факты и цифры г. Гальперинъ-Каминскій почерпаетъ цѣликомъ изъ статей г. Пиленко, забракованныхъ самою

Digitized by Google

редакціею «Новаго Времени». Эти фатальныя для конвенціи статьи онъ «цитируетъ часто и пространно»; онъ любуется ими, какъ перломъ созданія; вѣритъ имъ во всемъ на слово, не исключая и опровергнутой нами, по отношенію къ «Наблюдателю», фальшивой статистики переводнаго матеріала, якобы печатаемаго въ нашихъ ежемѣсячныхъ журналахъ. Если же эта статистика оказалась невѣрна въ отношеніи нашего журнала, то трудно поручиться за ея точность и относительно всѣхъ другихъ изданій. Съ раболѣпной подражательностью г. Гальперинъ-Каминскій продолжаетъ насъ увѣрять въ безграничности права литературной собственности, которое будто бы, всегда и при всѣхъ условіяхъ, подразумѣваетъ собою и право перевода; по прежнему онъ *приравниваетъ переводъ къ контрофакціи и грабежу*, если на него не испрошено согласіе автора, причемъ забываетъ, конечно, что по этой диковинной терминологіи нашъ Жуковскій *ограбилъ* Шиллера и Байрона; Курочкины—Беранжэ, Леопарди и Джусти; а Иринархъ Введенскій—вплотную обобралъ Диккенса и Теккерея. Слѣдуя своему легкомысленному учителю, г. Гальперинъ-Каминскій умышленно закрываетъ глаза на всю огромную *юридическую* и *экономическую* разницу въ положеніи нашей и западно-европейской литературы, и, игнорируя эту разницу, уже выкраиваетъ властною рукою гонораръ Эмилю Золя, въ размѣрѣ до 120 рублей за печатный листъ. Что за бѣда, по его мнѣнію, если книги нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ «станутъ потоньше» отъ этихъ сверхсмѣтныхъ издержекъ; зато карманъ у французскихъ романистовъ несомнѣнно сдѣлается «потолще». А вѣдь авторъ брошюры мѣтилъ и до сихъ поръ мѣтитъ попасть въ сборщики податей къ этимъ толстымъ карманамъ!

Если въ брошюрѣ г. Гальперина-Каминскаго есть что либо новое, отличающее ее отъ статей г. Пиленко, то это развѣ ея феноменальное безграмотство, до высоты котораго все таки не могъ достигнуть «доцентъ» русскаго университета. «Профессоръ» французскаго лицея куда перещеголялъ, въ этомъ отношеніи, нашего скромнаго доцента...

Извольте полюбоваться, читатели, на слѣдующіе перлы гальпериновскаго стиля: *Перлъ № 1.* «Какъ мы не дорожимъ мнѣніемъ печати, *этой большей частью выразительницею общественныхъ желаній*, интересующій насъ вопросъ можетъ

Digitized by Google

быть обстоятельно разсмотрѣнъ и обсужденъ преимущественно людьми, прямо *со*прикосновенными *къ* издательскому, книгопродавческому и театральному дѣлу» и пр. (стран. 2).

Перлъ № 2. «Я ниже покажу фактами, къ чему можетъ повести отсутствіе *гарантіи для автора неприкосновенности его труда*» (стр. 3).

Перлъ № 3. «Мы *видѣли только что*, какъ опредѣляютъ русскіе и иностранные ученые самую суть и характеръ всякаго литературнаго или художественнаго труда» (стран. 7).

Перлъ № 4. «Доводы практической невыгодности конвенціи сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) *Излишность* (sic) *матеріальной протекціи мало-мальски извѣстныхъ русскихъ авторовъ*, уже достаточно вознаграждаемыхъ, а между тѣмъ, съ другой стороны, *возможность вздорожанія переводовъ, монополизаціи ихъ изданія и злоупотребленій авторскихъ агентуръ*» и пр. (Въ подлинникѣ имѣется еще два столько же грамотныхъ пункта, но для нашей цѣли достаточно и перваго, въ которомъ такъ счастливо согласованы или, лучше сказать, спутаны родительные падежи).

Перлъ № 5. «Мы имѣемъ дѣло здѣсь съ такимъ беззастѣнчивымъ захватомъ чужой собственности, *даже безъ извиненія внесенія какого либо личнаго труда* (?!!), въ видѣ, напр., перевода, что *даже* самые ярые противники литературныхъ конвенцій возстаютъ противъ такого рода контрофакціи» (стран. 33).

Мы могли бы набрать еще цѣлыя пригоршни подобныхъ же перловъ со всѣхъ страницъ книжки, но полагаемъ, что и приведенныхъ цитатъ вполнѣ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе не то что о стилистикѣ «профессора лицея», а просто о знакомствѣ его съ элементарными правилами грамотности. Эти «излишности» и «*переводочные* труды» (не отъ *водки* ли производитъ ихъ русско-еврейско-французскій «профессоръ»?); это обиліе родительныхъ падежей, въ которыхъ самъ чортъ ногу сломитъ; этотъ «захватъ чужой собственности даже безъ извиненія внесенія какого либо личнаго труда»—все это было бы даже *неправдоподобно*, еслибы... еслибы не было совершеннѣйшею *правдою*.

Неправдоподобной кажется намъ и та, повидимому, несомнѣнная *правда*, что г. Гальперинъ-Каминскій состоитъ гдѣ-то преподавателемъ русскаго языка и, кромѣ того, упражняется

Digitized by Google

въ переводахъ нашихъ писателей на французскій діалектъ. Помилуйте, какъ же можно съ такимъ плохимъ знаніемъ русской этимологіи и синтаксиса, съ такимъ поразительнымъ неумѣньемъ разставлять слова въ рѣчи,—обучать иностранцевъ нашему трудному языку! Не мудрено, что почтенный commis-voyageur по литературной агентурѣ держится такого невысокаго мнѣнія о «переводочномъ» трудѣ. Для него этотъ трудъ не представляетъ ровнехонько никакой трудности: прочиталъ бѣгло подлинникъ, не усвоивъ себѣ, какъ слѣдуетъ, его смысла, не выучился тому языку, на который приходится переводить—и давай чертить на бѣломъ листѣ словесныя черныя каракули, въ надеждѣ, что читатель какъ нибудь и самъ разберется въ нихъ. Можно представить себѣ, въ какомъ истерзанномъ видѣ предсталъ предъ французскими читателями нашъ Достоевскій, «переложенный» на языкъ Буало умѣлой рукою г. Гальперина-Каминскаго!

III.

У насъ все дѣлается шиворотъ на выворотъ. Сначала наши самозванные делегаты въ Парижѣ насулили г. Золя новый оброкъ съ русскихъ читателей, пообѣщали г. Гальперину-Каминскому должность «агента иностранныхъ романистовъ» въ Россіи; а потомъ уже стали прислушиваться къ голосу русской печати и русскихъ беллетристовъ. Оказалось, что не только большинство органовъ русской прессы, но и сами наши беллетристы, которыхъ думали соблазнить перспективой увеличенія гонорара,—возстали дружно противъ конвенціи, не видя отъ нея никакого прока, даже съ точки зрѣнія личной корысти.

Такъ напр., г. Чеховъ, опрошенный по этому предмету однимъ любознательнымъ репортеромъ, отрѣзалъ ему напрямикъ: «Я думаю, что интересы наши, т. е. интересы русскихъ авторовъ и интересы русскихъ читателей, тожественны въ этомъ вопросѣ. *И для тѣхъ, и для другихъ конвенція невыгодна.* Читатель будетъ лишенъ лучшихъ произведеній иностранной литературы; *писатель не будетъ имѣть пріятнаго сознанія, что его читаютъ и за границей*». Этими послѣдними словами г. Чеховъ возражалъ на тщетную надежду, поданную

Digitized by Google

русскимъ беллетристамъ Эмилемъ Золя, что имъ отбою не будетъ отъ выгодныхъ «кондицій» со стороны заграничныхъ переводчиковъ и издателей. Развивая эту мысль о безнадежности поданныхъ надеждъ, г. Чеховъ продолжалъ: «Насъ и переводятъ-то только потому, что *платить за насъ не приходится*. Заплатитъ издатель гроши за самый трудъ перевода,—глядь, книга, все таки не лишенная нѣкотораго интереса, и готова. А предложите ему заплатить еще и автору—онъ задумается, и будетъ правъ. Заплативъ, онъ можетъ пріобрѣсти «европейскихъ» авторовъ. *Наши писанія въдъ, собственно, чужды иностранному читателю.* Въ одной странѣ они въ спросѣ, какъ нѣчто модное, въ другой имѣютъ интересъ новизны, оригинальности. И только. Все это очень временное. Если ужь платить автору, то издатель будетъ искать авторовъ съ болѣе обезпеченнымъ, болѣе прочнымъ успѣхомъ. Мы еще не завоевали себѣ такого успѣха на заграничныхъ читательскихъ рынкахъ, и *насъ выбросятъ за бортъ при первомъ требованіи гонорара съ нашей стороны*». Что же касается до той проблеммы, что, въ случаѣ платы за переводы, усилится спросъ на оригинальную беллетристику и повысится гонораръ за нее, то г. Чеховъ совсѣмъ не раздѣляетъ и этого упованія. «Журналы, печатающіе насъ—говорилъ онъ—имѣютъ очень ограниченный кругъ читателей. *Они, еслибы даже хотѣли, не могутъ увеличить своихъ расходовъ.* Платить ли за переводы иностранцамъ, увеличить ли гонораръ для русскихъ авторовъ—журналамъ будетъ одинаково трудно. Имъ придется подыскивать иной выходъ. И они его найдутъ, просто на просто *уменьшивъ число печатныхъ листовъ* каждой книжки, разъ, въ силу конвенцій, они будутъ лишены свободы перевода».

Г. Гальперинъ-Каминскій, какъ мы видѣли, ликуетъ въ ожиданіи, что книжки русскихъ журналовъ похудѣютъ отъ конвенціи, а потолстѣютъ, соотвѣтственно этой худобѣ, мошны французскихъ романистовъ, но русскій беллетристъ не считаетъ этого факта желательнымъ, такъ какъ ему не безъизвѣстно, что съ упадкомъ ежемѣсячныхъ журналовъ у насъ будетъ связанъ и упадокъ порядочной беллетристики.

Г. Потапенко, допрошенный одновременно съ г. Чеховымъ, разъяснилъ своему «обозрѣвателю» матеріальную сторону того необыкновеннаго благополучія, которое предрекалъ Эмиль Золя

Digitized by Google

русскимъ беллетристамъ, какъ ближайшее послѣдствіе литературной конвенціи. Изъ его словъ мы узнаёмъ, что гонораръ, предлагавшійся въ рѣдкихъ случаяхъ нашимъ беллетристамъ нѣмецкими и англійскими издателями, не превышалъ, по курсу, *пяти рублей* за печатный листъ. А между тѣмъ г. Гальперинъ-Каминскій уже напередъ выговариваетъ для Золя, ни болѣе, ни менѣе, какъ *120 рублей* за листъ. Пусть г. Пиленко разочтетъ повѣрнѣе: въ какомъ процентномъ отношеніи находятся эти двѣ цифры гонорара и кому будетъ выгоднѣе предлагаемая имъ комбинація?

Графъ Л. Н. Толстой отнесся также отрицательно къ блажному проэкту гальперино-пиленковской конвенціи и, принимая даже на вѣру обиліе у насъ переводной беллетристики, саркастически замѣтилъ: «Говорятъ, что наши журналы помѣщаютъ 40% переводныхъ вещей... *А развѣ было бы лучше, еслибы они заполняли это мѣсто плохимъ отечественнымъ производствомъ*»? И въ самомъ дѣлѣ, развѣ русская земля, производящая иногда своихъ «быстрыхъ разумомъ Невтоновъ», не можетъ произвести, въ гораздо большемъ количествѣ, своихъ собственныхъ Поль-де-Коковъ и Ксавье-де-Монтепеновъ?

Правда, гр. Толстой, никогда самъ не претендовавшій на полученіе гонорара со своихъ заграничныхъ переводчиковъ, находитъ «какъ-то неловкимъ» брать у иностранцевъ то, чего они давать намъ не хотятъ. Но и по этому пункту ему очень резонно возразилъ г. Л. Оболенскій, не видящій никакой «неловкости» въ томъ, что мы не платимъ иностраннымъ авторамъ той ренты, на которую они не имѣютъ никакого юридическаго права. Свои резоны г. Оболенскій обстоятельно формулируетъ въ трехъ пунктахъ: «1) Доходъ автора отъ переводовъ его сочиненій создался цивилизаторскими усиліями такихъ правительствъ и обществъ, въ расходахъ которыхъ онъ (авторъ) не участвовалъ ни единымъ грошемъ и никакимъ налогомъ; 2) никакого добавочнаго налога на этотъ добавочный доходъ онъ платить не будетъ тому государству или обществу, которое своими усиліями создало ему этотъ излишекъ дохода; 3) его произведеніе отъ перевода не ветшаетъ, не выпахивается, а только завоевываетъ ему все бо́льшую и бо́льшую извѣстность на земномъ шарѣ, т. е. удовлетворяетъ самымъ главнымъ потребностямъ писателя истиннаго:—распространенію его идей и

Digitized by Google

любимыхъ идеаловъ—и писателя зауряднаго:—честолюбію и жаждѣ славы. (Г. Оболенскій забываетъ, что у «писателей заурядныхъ» деньголюбіе преобладаетъ надъ благороднымъ честолюбіемъ, и вотъ эти-то писатели хлопочутъ всего больше о переводной рентѣ). *Такова юридическая почва этого якобы права:* если государство признаётся правоспособнымъ *отобрать даже у вещнаго собственника ту часть его ренты, которая создалась усиліями самого государства*, то насколько же больше право государства—*наложить свою руку на подобный же добавочный доходъ иностраннаго автора*, не имѣющій уже никакихъ оправданій, какія имѣются у вещнаго собственника... Иными словами: если кто имѣетъ право получить гонораръ за иностранные переводы, такъ это *не авторъ сочиненія, а та страна, то общество, то правительство, которыя своими усиліями создали добавочный спросъ на мѣстныя копіи съ иностранныхъ произведеній.* Но это значитъ просто, что общество, вмѣсто всякаго такого гонорара со своихъ же собственныхъ членовъ (переводчиковъ) имѣетъ право сказать иностранцамъ, которые требуютъ того, что̀ принадлежитъ ему (обществу) по праву и человѣческому, и божескому: *«veto! руки прочь»!*

Намъ кажется даже, что, въ виду огромнаго сбыта въ Россію французскихъ книгъ, наше правительство имѣло бы гораздо больше основаній наложить на нихъ спеціальную пошлину въ пользу русской казны, чѣмъ позволить французскимъ писателямъ—получать съ насъ «добавочную ренту» въ видѣ платы за переводы. Если же наша казна, ради образовательныхъ цѣлей, не налагаетъ руку на исключительные барыши французской книжной торговли, то и французамъ не слѣдуетъ добиваться увеличенія своихъ барышей путемъ налога на наше, еле держащееся на ногахъ, книжное и издательское дѣло.

IV.

Нельзя сказать однако, чтобы споры о литературной конвенціи, занимавшіе такъ долго нашу прессу, не принесли намъ никакой пользы и только прозвучали въ воздухѣ, «аки кимвалъ бряцающій и мѣдь звенящая». Но польза эта пришла какъ-то со стороны, по спопутности, а вовсе не по замыслу лицъ, вздумавшихъ толкнуть насъ въ крайне убыточную и даже безтол-

Digitized by Google

ковую комерческую комбинацію, съ приплатою изъ нашего собственнаго кармана.

Пользу мы видимъ въ той критической оцѣнкѣ, которой подверглось, при этихъ толкахъ, во истину жалкое положеніе нашего издательскаго и книгопродавческаго дѣла. Положеніе это, дѣйствительно, таково, что къ нему слѣдуетъ немедленно прійти на помощь, освободить его отъ тяготѣющихъ надъ нимъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, отнюдь не усугубляя ихъ тяжести новою варяжскою данью иноплеменникамъ. По внимательномъ обзорѣ этихъ условій, оказалось, что, прежде чѣмъ посягать на литературныя конвенціи съ европейскими странами, гдѣ литература и издательство стоятъ на прочныхъ основахъ закона, экономическаго порядка и культурныхъ обычаевъ,— намъ слѣдуетъ отказаться отъ нашей халатности и небрежности въ столь важномъ дѣлѣ, и выработать для книгопродавческаго и журнальнаго дѣла хоть сколько нибудь сносный modus vivendi.

«Вопросы о заключеніи литературной конвенціи, о пересмотрѣ нашихъ устарѣлыхъ законовъ періодической печати — говоритъ одна петербургская газета—судопроизводственныя и карательныя постановленія по дѣламъ печати — *все это давно требуетъ пересмотра* и тѣхъ или другихъ улучшеній. Въ послѣднія 35 лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ народилась у насъ политическая печать, много воды утекло. Къ печатному слову и гласности всѣ болѣе или менѣе успѣли попривыкнуть. Заслуги, оказываемыя русскою печатью государственнымъ и общественнымъ интересамъ Россіи, признаются даже за границей. Между тѣмъ *юридическая обстановка нашей печати продолжаетъ оставаться неизмѣнной*, обусловливаясь тѣми законами, которые были изданы почти 30 лѣтъ тому назадъ или были дополнены въ смутное время, при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Уже одно то, что всѣ эти законы, не исключая и правилъ 1865 года (установившихъ у насъ первый опытъ безцензурной печати) были изданы подъ названіемъ «временныхъ», можетъ служить указаніемъ, что многое въ нихъ могло бы быть измѣнено къ лучшему, во имя законности, справедливости и народившихся съ тѣхъ поръ потребностей» [1]).

[1]) Беремъ эту цитату изъ «Новороссійскаго Телеграфа» № 6090.

Digitized by Google

Почти то же говорилось еще раньше, во внутреннемъ обозрѣніи нашего журнала, по вопросу о «правѣ литературной собственности» на книгу или журналъ,—правѣ, совсѣмъ лищенномъ у насъ судебной охраны. (См. № 3, второй отдѣлъ, стран. 36).

Если «юридическая обстановка» нашей печати, съ ея, все еще дѣйствующими, *временными* правилами, вызываетъ справедливое желаніе пересмотра (хотя бы во вновь учреждаемой комисіи по преобразованію судебной части въ имперіи) то не лучше этой обстановки и *экономическое положеніе* серьезнаго издательства и добропорядочной книжной торговли на Руси. Правильнаго кредита ни для издательства, ни для книжной торговли вообще—у насъ не существуетъ и въ зародышѣ. Исключеніе, можетъ быть, составляютъ только патентованные учебники и особенно ходкія книжонки фантастическаго или скабрезнаго содержанія. Общее же правило, признаваемое у насъ теоріей и практикой кредита, состоитъ въ томъ, что *чистая бѣлая бумага*, въ стопахъ и дестяхъ, печатная и рукописная, есть правильный кредитоспособный товаръ, а *бумага мараная*, въ видѣ книги или журнала, не считается комерческимъ товаромъ и потребляется только по цѣнѣ «макулатуры», апраксинскими тряпичниками-букинистами, въ родѣ г. Савкинскаго, очень дешево пріобрѣтающаго ее при содѣйствіи «сговорчивыхъ» конторщиковъ, прикащиковъ и переплетчиковъ... *Книжное издательство* находится у насъ нынѣ въ такомъ невозможномъ, отчаянномъ положеніи, что его можно считать прямо *не существующимъ*. Въ самомъ дѣлѣ, кто же у насъ, кромѣ А. С. Суворина и К. Т. Солдатенкова, занимается изданіемъ солидныхъ книгъ? Но вотъ одинъ изъ этихъ рѣдкостныхъ издателей, — именно г. Суворинъ, — печатаетъ въ своей газетѣ слѣдующую ламентацію: «Книжная торговля—это *пасынокъ торговли и промышленности*. Желѣзо, уголь, ситецъ, шерсть пользуются покровительствомъ, всевозможными льготами; книжная торговля не только предоставлена самой себѣ, но встрѣчаетъ значительныя затрудненія, которыхъ не знаютъ другіе торговли и промыслы. Кромѣ *покровительственнаго тарифа* (а это условіе, замѣтимъ отъ себя, стоитъ прямой казенной субсидіи) другіе торговли и промыслы пользуются *особенными тарифами по желѣзнымъ дорогамъ*. Банки подъ всякій товаръ

Digitized by Google

дадутъ вамъ деньги. *Подъ книги ни одинъ банкъ не дастъ ничего».*

Не мудрено, что, прижатые къ стѣнѣ, наши книжные торговцы то возлагаютъ надежды на «покровительственный тарифъ», въ образѣ литературной конвенціи, то прибѣгаютъ со слезнымъ прошеніемъ къ министру финансовъ—«обратить вниманіе на ихъ кредитныя нужды».

Къ той горькой чашѣ, которую приходится незаслуженно испивать нашему издательству и книжной торговлѣ, почтовое вѣдомство прибавляетъ отъ себя еще одну тяжелую каплю. У этого вѣдомства есть свои любимцы, пользующіеся привилегіей пересылать чуть не даромъ свои громоздкія «преміи» и «приложенія», и есть свои изгои, на которыхъ, какъ на бѣднаго Макара въ пословицѣ, «валятся шишки»... почтовой таксы. Эти любимцы — «иллюстрировщики-издатели» съ г. Марксомъ и его «Нивою» во главѣ; эти изгои—простые книгопродавцы, разсылающіе свой товаръ *не въ видѣ приложеній къ картинкамъ*, и многогрѣшные издатели нашихъ «толстыхъ» журналовъ. По математически-вѣрному разсчету, сдѣланному «Новымъ Временемъ», г. Марксъ, разсылая въ годъ своимъ подписчикамъ *24 книжки «приложеній»* вмѣстѣ съ *еженедѣльной* «Нивой», платитъ почтѣ за все это удовольствіе 98 коп. (менѣе рубля!) а въ то же время «Вѣстникъ Европы», за разсылку всего *12 книгъ въ годъ*, вноситъ въ почтовую кассу *1 р. 70 к.* (10% съ подписной цѣны), т. е. чуть не вдвое больше, чѣмъ редакція «Нивы»! Нашему журналу также приходится платить на почту только 30-ью копѣйками дешевле, чѣмъ «Вѣстнику Европы», и почти на цѣлый полтинникъ дороже, чѣмъ платитъ привилегированный г. Марксъ. Что, еслибы г. Маркса и ему подобныхъ счастливцевъ обложить почтовой таксой соотвѣтственно съ платой, вносимой толстыми журналами и отдѣльными книгами? Вѣдь тогда, пожалуй, не нужно было бы почтовому вѣдомству ходатайствовать о прибавкѣ изъ казны содержанія почтовымъ чиновникамъ,—прибавкѣ, которую давно уже пора назначить по ихъ тяжелымъ трудамъ. Понятно послѣ этого, почему такъ распространилась у насъ вся эта безсодержательная иллюстрированная мазня, съ ежемѣсячными «приложеніями», благополучно вытѣсняющими и серьезный журналъ, и хорошую книгу. Одинъ фунтъ бандерольной книжной отправки обхо-

Digitized by Google

дится книгопродавцу въ *16 коп.*; за фунтъ своего журнала г. Стасюлевичъ уплачиваетъ *11 копѣекъ*, а счастливчики Марксы, Каспари и др. вносятъ за тотъ же фунтъ только *3* копѣйки! Но ужь если сочтено было возможнымъ удешевить почтовую таксу, то слѣдовало бы начать это удешевленіе съ книги и «толстыхъ» журналовъ, до сихъ поръ гнушающихся апраксинскими пріемами торговли, а не съ иллюстрированной дешевки и старыхъ избитыхъ клишэ, изображающихъ попеременно то Аркашонъ, то Ялту, то Бисмарка, то Каприви (благо эти послѣдніе, на счастіе иллюстрировщиковъ, похожи другъ на друга лицомъ). А между тѣмъ произошло какъ разъ наоборотъ, и въ то время какъ гг. иллюстрировщики все умножали число своихъ «премій» и «приложеній», платя за нихъ ту же почтовую таксу,—на ежемѣсячные журналы, не завалившіе почту никакими преміями, сдѣлана была «легкая надбавка»: съ 8% на 10% подписной цѣны. Ужь не обратиться ли всѣмъ, оставшимся на перечетъ, ежемѣсячникамъ въ иллюстрированную дребедень съ олеографіями, уголовными романами, бордюрами-рамками и подстаканниками?

Ефимъ Простосердовъ.

Digitized by Google

Къ выставкѣ птицеводства.

Мы къ выставкамъ различнымъ чутки
Не въ мѣру. Нынѣ, въ свой чередъ,
Влекутъ насъ куры, гуси, утки
Всѣхъ опереній и породъ.
Ихъ наблюдая, праздный зритель
Нерѣдко скукою объятъ,
Но возлѣ нихъ иной «любитель»
Торчать до поздней ночи радъ.
Что до меня—замѣчу смѣло:
Тьму, средь житейской кутерьмы,
Сихъ экспонатовъ, то и дѣло,
Вокругъ себя встрѣчаемъ мы.
Въ Петрополѣ весьма не рѣдокъ
Гусь лапчатый въ любой сезонъ;
Мы хлопотливыхъ зримъ *наседокъ*—
Заботѣ преданныхъ матронъ
О благѣ дочекъ. Иногда намъ
Смѣшно и видѣть рядъ ихъ мукъ:
Не наградивъ дѣвицъ приданымъ,
Спѣшитъ maman спихнуть ихъ съ рукъ.
Дѣвицамъ раньше «строивъ куры»,
Узнавъ объ этомъ, женихи
Становятся не въ мѣру хмуры
И смотрятъ, точно *индюки*...
Такихъ супруговъ мы встрѣчали,
Что имъ судьбы не страшенъ ковъ,
И, въ бракъ вступивъ, они вначалѣ
Живутъ, какъ пара *голубковъ*;
Но быстро въ суетѣ вседневной
Покой домашній отлетитъ,
И часто предъ супругой гнѣвной
Мужъ «*мокрой курицей*» глядитъ...

Digitized by Google

Мечтой единой увлеченный—
Добиться цѣли поскорѣй,
Какъ *соловей*, поетъ влюбленный
Передъ возлюбленной своей,
Съ ней нѣженъ только мигъ короткій;
Потомъ, плодя упреки вслухъ,
Онъ съ новой сходится красоткой,
Непостояненъ, какъ *петухъ*.
Хотя страна и далека та
Отъ насъ, гдѣ царство птицъ богато,
Но это, право, не бѣда,—
И *попугая*-адвоката
Мы часто зримъ въ стѣнахъ суда...

Случайный Поэтъ.

Digitized by Google

Герои „Мертвыхъ Душъ".

Имъ глушь провинціи чужда;
Перебрались они сюда,
Съ умомъ дѣла свои устроя:—
Вы въ Петроградѣ безъ труда
Любаго встрѣтите героя.
Въ «кредитку» *Чичиковъ* попалъ
И къ мѣсту льнетъ, какъ банный листъ, тамъ;
Его противниковъ кагалъ
Не разъ слова его встрѣчалъ
Упорнымъ шиканьемъ и свистомъ;
Но, наживая капиталъ,
Флегматикомъ онъ смотритъ истымъ...
Презрѣлъ *Маниловъ* идеалъ,
Ставъ убѣжденнымъ реалистомъ.
Практично-сухъ его языкъ;
Уйдя въ наживу безъ возврата,
Теперь вполнѣ уже отвыкъ
Онъ бѣдняка считать за брата,
Семь шкуръ сдирая въ кассѣ ссудъ.
Ноздревъ открылъ пріютъ игорный
И не попалъ еще подъ судъ,
Занѣ имѣетъ шагъ проворный:
Концы онъ прятать—истый магъ,
Хоть всѣ дѣла его—не тайна;
На дняхъ, на выставкѣ собакъ,
Я повстрѣчалъ его случайно...
Заботъ *Коробочка* полна:
Рекламой соблазнясь широкой,
Всѣ сбереженія она
Снесла въ контору «Шерсти-Клокка»...
На службу въ банкѣ поступивъ,
Ужь не глядя угрюмымъ «Мишкой»,

Digitized by Google

Самъ *Собакевичъ* сталъ игривъ,
Сводя интрижку за интрижкой...
Все также въ скупости упрямъ,
Презрѣвъ молву, а съ ней и срамъ,
Съ подложной *Плюшкинъ* ходитъ книжкой,
Сбирая якобы на храмъ,
И спать не можетъ по ночамъ...

Хмурый Бардъ.

Digitized by Google

Въ чужомъ глазу...

Если выдетъ мужикъ изъ дверей кабака,
И оборванъ, и грязенъ, и дикъ,
Мы кричимъ, указавъ на него, дурака:
«Утопаетъ въ развратѣ мужикъ!»
Если жь мы, въ дорогомъ ресторанѣ засѣвъ,
Ночь кутимъ напролетъ, безъ стыда,
Средь туземныхъ Napá, размалеванныхъ дѣвъ,—
Ничего мы не скажемъ тогда...
Отчего же про это хранимъ мы молчокъ,
Рѣчь протеста средь насъ не слышна?
Оттого, что въ глазу у другихъ зримъ сучокъ,
У себя же не видимъ бревна...

Пойманъ въ кражѣ бѣднякъ. Долго, тщетно крѣпясь,
Хлѣбъ стащилъ онъ, презрѣвши позоръ;—
Всѣми имя его злобно топчется въ грязь,
Всюду слышитъ эпитетъ онъ:—«воръ!»
Сотню тысячъ съ налета хватилъ плутократъ,
Но его ли намъ «воромъ» назвать?
—«Онъ увлекся, бѣдняжка!»—о немъ говорятъ,
И стараются дѣло замять...
Отчего свѣтъ къ нему далеко не жестокъ?
«*Нашъ* онъ!»—мысль та въ сужденьяхъ видна...
Лишь въ чужомъ мы глазу замѣчаемъ сучокъ,
У себя же не видимъ бревна...

Старый Капралъ.

Digitized by Google

Метаморфоза.

Съ лѣтъ юныхъ труженикъ примѣрный
И праздности безпутной врагъ,
Въ компаніи акціонерной
Гнулъ спину онъ надъ тьмой бумагъ.
Гроши ему давало мѣсто,
Хоть онъ трудился, точно волъ;
Исполненъ яраго протеста,
Онъ клялъ начальства произволъ.
Твердилъ всегда, что радикально
Пересмотрѣть «уставъ» пора,
Что набивать карманъ повально
Привыкли всѣ директора...
Капризомъ случая въ правленье
Попалъ суровый нашъ Катонъ;—
Долой былыя убѣжденья!
И всѣмъ теперь глаголетъ онъ:
«Слѣдя за нашихъ дѣлъ упадкомъ,
Я самъ краснѣю отъ стыда,
Но... съ существующимъ порядкомъ
Мириться надо, господа»!..

Фланеръ.

Digitized by Google

Наши профессіональные „сатирики“.

Увы! плохое *развлеченье*—
Лубочный юморъ «Развлеченья»;
«Будильникъ» плохо мысли *будитъ*...
И—пусть читатель самъ разсудитъ:
Насколько отлетаютъ колки
Отъ мосьё Лейкина «Осколки».

Аспидъ.

Лампада жизни.

Когда дитя родится въ свѣтъ
Для жизни бурной и мятежной,
Ему живительный привѣтъ
Съ небесъ приноситъ ангелъ нѣжный.
Съ улыбкой горести нѣмой
Младенца онъ благословляетъ,
И быстро легкою рукой
Лампаду жизни затепляетъ.

Безъ горя жизнь проводимъ мы
Въ забавахъ юности игривой:
Плѣняетъ рѣзвые умы
Любовь улыбкой шаловливой;
Насъ тѣшитъ свѣтлый жизни сонъ,
И въ грусти есть для насъ отрада:
И средь печальныхъ похоронъ
Мерцаетъ весело лампада.

Бѣгутъ мечты толпой нестройной;
Проказы крови молодой
Смиряетъ скоро умъ спокойный.
Ясней цѣль жизни видимъ мы,
Былымъ страстямъ не такъ ужь рады;
И тускло средь холодной тьмы
Намъ свѣтитъ блѣдный лучъ лампады.

Печальный близится закатъ:
Хладѣетъ кровь... слабѣютъ силы...
И старецъ близкой смерти радъ:
Его плѣняетъ сѣнь могилы.
Приноситъ смерть ему покой,
Страданій мирную награду,
И благодѣтельной рукой
Вдругъ гаситъ дымную лампаду.

А. Линевъ.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Продаются въ главныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы:

СОЧИНЕНІЯ

Ф. Д. НЕФЕДОВА.

Томъ I, стр. 461. Москва, 1894 г., изданіе *К. Т. Солдатенкова.*

СОДЕРЖАНІЕ:

Семь ключей (повѣсть).

Іонычъ (изъ жизни лѣснаго края).

Въ приморскомъ городкѣ (повѣсть).

Никитинъ починокъ (изъ жизни переселенцевъ).

Кладъ (разсказъ).

Цѣна **1** руб. **50** коп.

Складъ книги у издателя.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 5-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Желѣзомъ и кровью. (Романъ изъ исторіи завоеванія Кавказа при Ермоловѣ). Д. Л. Мордовцева 7
II. Сонеты. Стихотвореніе М. М. Гербановскаго 57
III. Апостолъ всепрощенія. (Идеи публицистическихъ и беллетристическихъ работъ *Ѳ. М. Достоевскаго*). К. П. Медвѣдскаго. 58
IV. Свѣтъ клиномъ сошелся. Повѣсть В. А. Рышкова . . . 85
V. «Когда, житейскими невзгодами волнуемъ»... Стихотвореніе А. В. Круглова. 133
VI. Министерство земледѣлія. В. Г. Швецова 134
VII. Рабъ свѣта. Политическій романъ изъ англо-французской жизни, Генри Сетона Мерримена. 154
VIII. Наша драматическая сцена подъ новымъ управленіемъ. В. Свѣтлова 183
IX. Вѣнокъ. Стихотвореніе А. Мейснера. 194
X. Путь къ Берлинскому трактату. Б. К. П. (*Окончаніе*) . . . 195
XI. Наша журналистика. К—скаго 229
XII. Море. Стихотвореніе А. Когена 242
XIII. Парижскія письма. Т—ра. 243
XIV. Юліанъ Отступникъ. Историческій романъ Феликса Дана . 252
XV. Два стихотворенія. (Изъ Шопенгауэра). И. Лялечкина . . 318
XVI. Реформа предварительнаго слѣдствія. В. В. Птицына . . . 320

Современное обозрѣніе.

XVII. Очерки иностранной литературы. В. Р. Зотова. 1
XVIII. Политическая хроника 9
XIX. Новыя книги 19
XX. Наши внутреннія дѣла 30
XXI. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «И смѣхъ, и горе». Ефима Простосердова 43
2) Стихотворенія: Случайнаго Поэта, Хмураго Барда, Стараго Капрала, Фланера, Аспида и А. Линева . . 57
XXII. Объявленія: 1) Отъ Главной конторы «Наблюдателя» (въ началѣ книги); 2) о выходѣ «Сочиненій Ф. Д. Нефедова». . . . 1

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *непосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ Редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 руб. 50 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ и, при каждомъ заявленіи, прилагать *пять семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. Перемѣна адреса должна быть получена въ Конторѣ *не позже 20-го числа* каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается 2 руб.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—1 р. Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ потребованы обратно,—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 100 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній, Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и *бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращенію и измѣненію. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. 7) Контора открыта съ 1-го октября по 1-е мая—отъ 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года—до 3 часовъ, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ Редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ*. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу—15 руб., за ½ стр.—8 руб., и за ¼ стр.—5 р. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счеты въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія:* иначе теряется возможность контроля надъ правильностью уплаты. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ*: **5-го числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Digitized by Google

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА, НА 1894 Г. НА ЛИТЕР.-ПОЛИТ. ЖУРНАЛЪ:

ГОДЪ XIII **„НАБЛЮДАТЕЛЬ“** ГОДЪ XIII

Журналъ выходитъ по прежнему ежемѣсячно, **перваго числа**, книгами отъ 25—30 печатныхъ листовъ, **безъ предварительной цензуры.**

Въ первыхъ 5-ти книгахъ журнала (январь—май) напечатаны: 1) **Горный ручей**, романъ *І. І. Ясинскаго;* 2) **Желѣзомъ и кровью**, историческій романъ изъ временъ завоеванія Кавказа при Ермоловѣ, *Д. Л. Мордовцева;* 3) **Съ добрымъ сердцемъ**, повѣсть *А. А. Виницкой;* 4) **Весною**, очерки *Ф. Д. Нефедова;* 5) **Неудача генерала Построшкова**, повѣсть *Н. Д. Маслова* (автора романа «Изъяны воли»); 6) **Тоширанда** (амазонская легенда кавказскаго побережья Чернаго моря) *В. Свѣтлова;* 7) **Свѣтъ клиномъ сошелся**, повѣсть *В. А. Рышкова;* 8) **Путь къ Берлинскому трактату**, *Б. К. П.;* 9) **Наполеонъ I и Жозефина**, *П. В. Безобразова;* 10) **Очерки иностранной литературы**, *В. Р. Зотова;* 11) **Повѣсть честнаго гражданина** (по поводу «Дневника» Никитенка) *К. П. Медвѣдскаго;* 12) **Апостолъ всепрощенія.** (Идеи Ѳ. М. Достоевскаго). *Его же;* 13) **Военное воздухоплаваніе**, *М. И. Венюкова;* 14) **Крестьянское хозяйство и народное продовольствіе**, *И. О. Фесенко;* 15) **О задачахъ городскаго самоуправленія**, *А. Н. Котельникова;* 16) **Древніе адвокаты и наши присяжные цицероны**, *В. В. Птицына;* 17) **Казенный равнинатъ**, *Н. Тембе;* 18) **Задачи женскаго образованія**, *Н. Цакни;* 19) **Къ вопросу о народной переписи**, *Статистика;* 20) **Агрономія и естествознаніе**, *В. Г. Швецова;* 21) **Изъ американской жизни**, *В. Святловскаго;* 22) **Бѣдны ли мы?** (къ вопросу о дѣтской литературѣ) *А. В. Круглова;* 23) **Законность управленія и кодификація права**, *Н. П. Дружинина;* 24) **Д. В. Григоровичъ**, *К. Говорова;* 25) **Чехи на Волыни**, *А. Липранди;* 26) **Канализація или ассенизація?** *Д. Рейскаго;* 27) **Наша драматическая труппа**, *В. Свѣтлова;* 28) **Парижскія письма**, *Т—ра;* 29) **Реформа предварительнаго слѣдствія**, *В. В. Птицына;* 30) **Наша журналистика**, *К—скаго;* 31) **Министерство земледѣлія**, *В. Г. Швецова;* 32) **Юліанъ Отступникъ**, историч. романъ *Феликса Дана;* 33) **Рабъ свѣта**, политическій романъ (съ англ.) *Генри Сетона Мерримена;* 34) **Заслуженный успѣхъ** (по поводу книги Диминскаго: «Евреи и ихъ вѣроученіе») *А. П. Пятковскаго;* 35) **И смѣхъ, и горе**, фельетоны *Ефима Простосердова* (въ каждой книгѣ) и пр.

Въ слѣдующихъ книгахъ будутъ помѣщены: 1) **Жизнь съѣзнова**, романъ *Н. Ѳ. Бажина;* 2) **Глухія мѣста**, романъ *В. Л. Маркова* (автора романовъ: «Курскіе порубежники» и «Однодворцы»); 3) **Любаша**, повѣсть *Ф. Д. Нефедова;* 4) **Бѣлыя лиліи** (оригинальный историческій романъ изъ временъ первой французской революціи) *В. Свѣтлова;* 5) **Жертва иллюзіи**, романъ *К. В. Назарьевой;* 6) **Изъ моего прошлаго**, *А. П. Пятковскаго* и пр.

Годовая цѣна: **12** руб. безъ доставки; **13** руб. съ дост.; **14** руб. съ перес. иногороднымъ; за границу **17** р. За полгода: **7** руб. съ перес. въ Россіи; за границу—**9** р. **Условія разсрочки** иногороднымъ: **5** руб. при подпискѣ (черезъ главную контору); къ 15-му апрѣля—**5** р.; къ 15-му августа—**4** р. Служащимъ—разсрочка за поручительствомъ казначеевъ. **Главная контора:** Спб., Пушкинская ул., (близъ Невскаго пр.), д. № 11.

8546 11 Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google